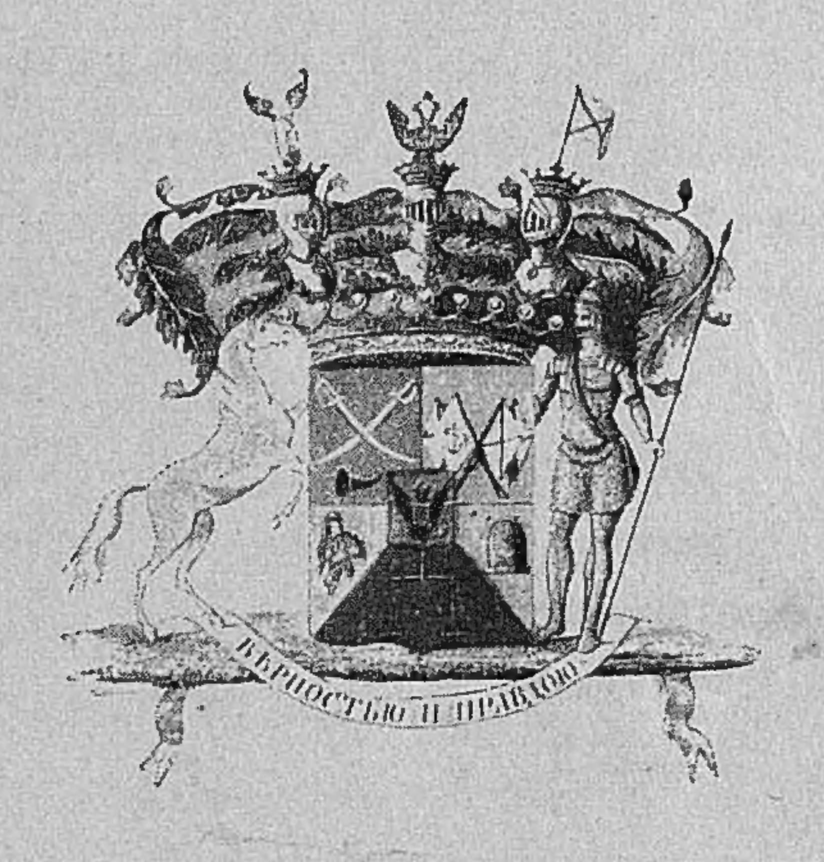
Архив
графов
Мордвиновых

АРХИВЪ

ГРАФОВЪ

МОРДВИНОВЫХЪ.



ТОМЪ ВТОРОЙ.

Предисловіе и примѣчанія

В. А. Бильбасова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

Второй томъ «Архива графовъ Мордвиновыхъ» состоитъ, главнымъ образомъ, изъ приложенiй къ первому тому и заключаетъ въ себѣ бумаги, относящiяся къ XVIII стол. Исключенiе составляетъ только «Жалованная грамота» 1685 г. [1]), единственная изъ грамотъ XVII вѣка, сохранившаяся въ Мордвиновскомъ архивѣ.

Ни адмиралъ С. И. Мордвиновъ, ни старшiй сынъ его, тайный совѣтникъ А. С. Мордвиновъ, не хранили своихъ бумагъ, и учредителю этого архива, графу Н. С. Мордвинову, стоило, вѣроятно, большихъ хлопотъ собрать тѣ немногiя бумаги, которыя остались отъ дѣятельности его отца и старшаго брата.

Объ этомъ нельзя не пожалѣть. С. И. Мордвиновъ, получившiй патентъ на первый морской чинъ отъ герцога Орлеанскаго [2]), регента, за подписью малолѣтняго Людовика XV [3]), могъ бы сообщить любопытныя свѣдѣнiя о своемъ пребыванiи во Францiи въ то именно время, когда К. Н. Зотовъ, приставленный Петромъ В. надзиратель за обучавшимися за границей гардемаринами, писалъ: «Лучше бы было ихъ перебить, что поросятъ, нежели

---

[1]) См. ниже, № 536.

[2]) Филиппъ II, 1674—1723, по духовному завѣщанiю короля Людовика XIV, былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта регентства, но парламентомъ былъ признанъ регентомъ, и въ теченiи восьми лѣтъ, съ 1715 по 1723 г., до совершеннолѣтiя Людовика XV, полновластно управлялъ Францiею.

[3]) См. ниже, № 539.

ими срамиться и ихъ здѣсь съ голоду морить» [1]; А. С. Мордвиновъ, полномочный министръ въ Венеціи, ничего не сообщаетъ о ея отношеніяхъ къ Французской Республикѣ, хотя Венеція занята была въ то время французскими войсками [2]. Тотъ и другой много жили, много видѣли, много, вѣроятно, писали, но изъ ихъ писаній къ намъ дошли лишь незначительные отрывки.

Не подражая въ этомъ отношеніи ни отцу, ни брату, Н. С. Мордвиновъ дорожилъ какъ документами, касавшимися его лично, такъ и особенно бумагами, имѣвшими государственный или общественный интересъ.

Занимая до конца XVIII стол. отвѣтственный постъ командующаго Черноморскими флотами, адмиралъ Мордвиновъ, подобно Екатеринѣ II, постоянно устремлялъ взоръ на Константинополь и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что творится въ Цареградѣ. Въ его бумагахъ сохранились свѣдѣнія о подступахъ къ Константинополю [3], о способахъ атаки и о мѣрахъ защиты Босфора [4], о дунайскихъ гирлахъ [5], рядъ извѣстій объ укрѣпленныхъ пунктахъ [6] Оттоманской имперіи по черноморскому побережью и др.

Интересы торговли на Черномъ морѣ [7], экономическое положеніе Крыма [8], защита русскихъ береговъ карантинами [9] отъ заразныхъ болѣзней, сохраненіе корабельнаго лѣса [10] и условія судостроенія [11]—вотъ вопросы, озабочивавшіе Н. С. Мордвинова относительно русскихъ владѣній на Черномъ морѣ.

---

[1] См. ниже, стр. 17. [2] Ibid., № 545. [3] Ibid., № 548.

[4] Ibid., №№ 550, 551. [5] Ibid., № 628. [6] Ibid., стр. 93.

[7] Ibid., №№ 557, 558. [8] Ibid., № 642.

[9] Ibid., №№ 609, 610. Признавая Турцію очагомъ заразы, Н. С. Мордвиновъ предлагалъ, въ сентябрѣ 1836 г., оградить Европу учрежденіемъ карантиновъ въ Константинополѣ или Александріи (*Архивъ* гр. Мордвиновыхъ, т. XII, № 34, л. 144).

[10] Ibid., № 559. [11] Ibid., №№ 555, 556, 612, 613.

«Архипелажскіе корсары въ русской службѣ» [1]) представляютъ какъ военный, такъ и еще болѣе этнографическій интересъ. Морейская экспедиція гр. А. Г. Орлова въ первую турецкую войну хорошо извѣстна; архипелажская же экспедиція во вторую турецкую войну, задуманная Н. С. Мордвиновымъ и позже руководимая И. А. Заборовскимъ, до настоящаго времени еще не изслѣдована, и печатаемые ниже документы проливаютъ свѣтъ на одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ послѣдней войны съ турками въ царствованіе Екатерины II. Читая документы, касающіеся корсаровъ, никто, конечно, не ожидаетъ встрѣтить ни моральныхъ побужденій, ни этическихъ мотивовъ ихъ дѣйствій, и, тѣмъ не менѣе, такія откровенія, какъ, напр., въ просьбѣ Ризо Андреева [2]), способны возбудить сомнѣніе въ правдивости даже корсара-автора.

Нѣкоторыя изъ бумагъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ, имѣютъ чисто культурное значеніе, и въ этомъ отношеніи весьма характеренъ «Арбузный бунтъ» [3]).

Въ Херсонѣ, въ праздничный день, солдатъ стащилъ арбузъ на базарѣ. Немедленно полетѣлъ курьеръ въ Петербургъ къ кн. Зубову съ доносомъ, что въ Херсонѣ бунтъ, что бунтующіе говорятъ о воцареніи великаго князя Павла Петровича и т. под. Не успѣлъ еще курьеръ довезти доносъ по назначенію, какъ Мордвиновъ офиціально отвергъ уже вздорный слухъ о бунтѣ: «Начальствующіе въ Херсонѣ ничего важнаго въ разсужденіи разглашеннаго смятенія не замѣтили. Недавно я и самъ тамо былъ, но никакихъ дѣйствій, оные являющихъ, не только не видалъ, но ни отъ кого и не слыхалъ. Была, правда, та шалость, что служители арбузы хватали, но сіе не влечетъ за собою никакого важнаго слѣдствія» [4]).

---

[1]) См. ниже. №№ 623—6. [2]) Ibid., № 641.
[3]) Ibid., №№ 567—572. [4]) См. выше, № 486.

Эту шалость задумалъ эксплуатировать въ свою пользу шпіонъ Яковлевъ, клевретъ кн. Зубова, желавшій доносомъ доказать свою полезность и оправдать довѣріе, которое оказывалъ ему кн. Зубовъ. «Имя Яковлева—по словамъ Мордвинова—было въ странѣ нашей страшилищемъ; онъ самъ объявлялъ себя соглядатаемъ по всей нашей странѣ; тако и мнѣ самъ сказалъ. А сей Яковлевъ въ глазахъ моихъ глупый, продерзкій человѣкъ» [1]).

«Доносъ Иванова», окончившійся покаяннымъ его письмомъ [2]), повлекъ за собою вызовъ Мордвинова въ Петербургъ, домашній его арестъ и судъ особой коммиссіи, которая оправдала оклеветаннаго Мордвинова. Въ «Письменныхъ отвѣтахъ подсудимаго Мордвинова» [3]) заключается богатый біографическій матеріалъ, остававшійся неизвѣстнымъ его біографамъ [4]). Опредѣлить время составленія этихъ отвѣтовъ можно по письмамъ Мордвинова къ своей женѣ, Генріеттѣ Александровнѣ:

Въ январѣ 1797 г. Мордвиновъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ содержался подъ домашнимъ арестомъ, пока особо назначенная коммиссія разсматривала обвинительные пункты, заключавшіеся въ доносѣ премьеръ-майора Иванова. Мордвиновъ писалъ женѣ своей изъ Петербурга, отъ 28-го января: C'est par la permission de Sa Majesté Impériale que je vous écris à présent. Je me trouve arrêté dans la maison de ma cousine Dedeneff [5]). Ecrivez moi toujours, car vos lettres me seront rendues par le procureur-général le prince Kourakin, qui cachetera

---

[1]) См. ниже, стр. 258. [2]) Ibid., № 602. [3]) Ibid., № 601.

[4]) Объ арестѣ и судѣ надъ Мордвиновымъ не упоминаютъ ни *С. Усовъ*, „Воспоминаніе о графѣ Н. С. Мордвиновѣ“, Спб., 1845, ни *В. Иконниковъ*, „Графъ Н. С. Мордвиновъ“, Спб., 1873; объ этомъ упомянуто, хотя и въ общихъ чертахъ, только въ запискахъ графини *Н. Н. Мордвиновой*, посвященныхъ „Воспоминаніямъ объ адмиралѣ графѣ Н. С. Мордвиновѣ“, ея отцѣ. Спб., 1873.

[5]) Александра Васильевна Разумовская, 1760—1829, замужемъ за полковникомъ Алексѣемъ Михаиловичемъ Деденевымъ.

celle-ci, car je ne peux rien écrire et recevoir que par ses mains, à découvert... Mon procès ne peut pas durer longtemps. Въ письмѣ къ ней же, отъ 5-го февраля, онъ упоминаетъ и о своихъ показаніяхъ: Je n'ai pas craint de vous dire que je suis entre les mains de la justice, qui examine ma conduite. Vous la connaissez mieux que personne et vous pouvez prononcer hardiment la sentence, ou plutôt sous l'avez déjà dite dans votre dernière lettre. Votre sentence m'a paru si belle, que je l'ai toute traduite en Russe et je l'ai placée dans une pièce que je présente à mes juges. Такимъ образомъ, составленіе «Письменныхъ отвѣтовъ» должно быть отнесено къ началу февраля 1797 года.

Два раза «Распри Ушакова съ Мордвиновымъ» доходили до Павла I, и каждый разъ императоръ, соглашаясь съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, собственноручно прибавлялъ: «а адмиралу Мордвинову и вице-адмиралу Ушакову подтвердить, чтобъ они личныхъ между собою ссоръ въ казенныя дѣла не вмѣшивали и не наводили бъ чрезъ то затрудненія правительствамъ» [1]); въ другой разъ, черезъ два дня, та же здравая тенденція: «и прибавить, чтобъ частные споры къ дѣламъ по службѣ не мѣшались» [2]).

Очень интересное «Исчисленіе о собранныхъ въ Россійской Имперіи въ восемнадцатомъ столѣтіи рекрутахъ» [3]) приводитъ автора къ слѣдующему заключенію, характеризующему его взглядъ на экономическіе интересы страны: «Никакою платою невозможно способствовать размноженію человѣческаго рода, ежели самые здоровые и способные люди осуждаются на безженство и гибнутъ, не оставляя по себѣ потомства. Съ достовѣрностью полагать можно, что каждый рекрутскій наборъ вмѣстѣ съ собою погубляетъ столько же дѣтей, для государства родиться могущихъ, сколько отцовъ ихъ взято въ рекруты, и постепенно ослабляетъ тѣмъ могущество

[1]) См. ниже, № 620. [2]) Ibid., № 622. [3]) Ibid., № 630.

областей, которыхъ главная сила состоитъ непосредственно въ многолюдствѣ».

Помѣщенныя въ этомъ томѣ свѣдѣнія какъ о рекрутахъ и войскахъ, такъ о соли и винѣ въ XVIII столѣтіи, послужили Н. С. Мордвинову богатымъ матеріаломъ для его позднѣйшихъ сужденій о подлежащихъ вопросахъ [1]) въ Комитетѣ Министровъ и въ Государственномъ Совѣтѣ. Сужденія эти появятся въ послѣдующихъ томахъ «Архива графовъ Мордвиновыхъ».

Въ статьѣ «Крымскіе земли и поселяне» [2]) представлены первые зачатки вопроса о крымскомъ землевладѣніи, по поводу котораго Н. С. Мордвиновъ представилъ цѣлый рядъ мнѣній [3]) и какъ членъ Государственнаго Совѣта, и какъ «помѣщикъ Таврическій» [4]).

---

[1]) По вопросу о рекрутахъ: 1) Мнѣніе по предмету сбора суммъ въ казну за выкупъ отъ рекрутства, 14 октября 1811 г. (*Архивъ* гр. Мордвиновыхъ, II, 7); 2) Письмо императору Николаю I о рекрутскихъ наборахъ, февраль 1831 г. (*Ibid.*, IX, 28); 3) Мнѣніе о рекрутскомъ наборѣ, 1832 г. (*Ibid.*, XI. 5). По вопросу о соли—Мнѣніе о соляномъ дѣлѣ, май 1815 г. (*Ibid.*, III, 6). По вопросу о винѣ: 1) По контракту Полторацкаго на поставку вина, ноябрь 1815 г. (*Ibid.*, III, 7); 2) Замѣчанія на уставъ и управленіе по сбору дохода съ продажи винъ и водокъ, февраль 1817 г. (*Ibid.*, VI, 6); 3) Мнѣніе о винной продажѣ, 21 марта 1817 г. (*Ibid.*, VI, 8); 4) Мнѣніе по виннымъ откупамъ, мартъ 1827 г. (*Ibid.*, VIII, 26); 5) Записки объ уничтоженіи пьянства, мартъ 1830 г. (*Ibid.*, XIII, 45, 46, 50).

[2]) См. ниже, № 637.

[3]) Мнѣніе по крымскимъ о землѣ тяжбамъ, 1802 г. (*Архивъ* гр. Мордвиновыхъ, I, 4); По крымскимъ дѣламъ (*Ibid.*, III, 12); Разсужденіе о Крымѣ, май 1818 г. (*Ibid.*, IV, 6); Разсужденіе о повинностяхъ поселянъ за землю въ Крыму, январь 1821 г.; Записка о томъ же, 1821 г. (*Ibid.*, V, 1, 2); Мнѣніе по дѣлу о повинностяхъ крымскихъ татаръ къ помѣщикамъ, 1822 г. (*Ibid.*, VII, 21); По распредѣленію земель въ собственность на полуостровѣ Таврическомъ, январь 1833 г. (*Ibid.*, XI, 3); По поводу указа о земляхъ Крымскихъ, 1833 г. (*Ibid.*, XI, 7); Отвѣтъ гр. Воронцову по дѣлу о Байдарской долинѣ, 17 октября 1833 г. (*Ibid.*, XI, 30); Письмо кн. Голицыну о притязаніи татаръ на Байдарскую долину, 19 августа 1839 г. (*Ibid.*, XIII, 23).

[4]) См. выше, № 534.

«Черноморскія стихотворенія» [1]) едва ли можно признать значительнымъ вкладомъ въ русскую литературу XVIII стол. Эти стихотворныя произведенія, менѣе всего поэтическія, имѣютъ, однако, свое областное значеніе, рисуя до извѣстной степени тѣ интересы, которыми воодушевлялось мѣстное общество, и ту сферу, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Н. С. Мордвиновъ.

---

1) См. ниже, № 644 sqq.

I.

ЦАРСКАЯ

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА.

536.

Жалованная грамота Т. И. Мордвинову.

(Копія).

Божіею милостію, мы, великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцы, по своему царскому милосердому разсмотрѣнію пожаловали новгородца Тимоѳея Ивановича Мордвинова за его многую службу, что онъ, будучи за нами, великими Государи Цари и Великими Князи Іоанномъ Алексѣевичемъ, Петромъ Алексѣевичемъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцы, въ нашемъ царскаго величества походѣ въ селѣ Коломенскомъ, и въ Савинѣ [1]) монастырѣ, и въ селѣ Воздвиженскомъ, и въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ, во время нашедшаго въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ мятежа и нестроенія, служилъ намъ, великимъ Государямъ Царямъ и Великимъ Князямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцамъ, вѣрно, и въ осеннее время въ вышепомянутый нашъ царскій походъ въ село Воздвиженское и въ Троицкой Сергіевъ монастырь пріѣхалъ въ скорыхъ числахъ многолюдствомъ, и всякую нужду принималъ, и при помощи Божіей за насъ, великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, съ боляры нашими и воеводы, видя въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ па-

[1]) Саввинъ Сторожевскій монастырь, близь Звенигорода, куда великіе государи-цари прибыли 6 сентября 1682 г.

*

шедшій мятежъ и нестроеніе, стоялъ крѣпко и мужественно и вѣрно, со усерднымъ радѣніемъ, по своему отечеству и по породѣ. И за помощію того же всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога, и заступленіемъ христіанскія помощницы Пресвятыя Богородицы, и молитвами великихъ святителей Петра и Алексія, Іоны и Филиппа, московскихъ и всея Россіи чудотворцевъ, и преподобныхъ отецъ Сергія и Никона, радонежскихъ чудотворцевъ, и всѣхъ святыхъ молитвами въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ тотъ мятежъ и нестроеніе утишилось, и мы, великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцы, за ту вѣрную службу его, Тимоѳея Мордвинова, жалуемъ милостиво, похваляемъ, и пожаловали, похваляя его вѣрную службу и усердное радѣніе, въ роды и роды съ помѣстнаго его окладу съ 910 четвертей, со 100 по 10 четвертей, и того 91 четверть изъ его помѣстія въ вотчину, въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Шелонской пятинѣ, въ Никольскомъ-Передольскомъ погостѣ, въ селѣ Новомъ, въ пустошѣ Лунцъ, а по отдѣльнымъ книгамъ, отдѣлу водскія пятины Гавріила Толбугина и по дачамъ 176 и 185 году и по списку свозной, какова дана въ Великомъ Новгородѣ, за приписью дьяка нашего Бориса Остолопова. Въ той его, Тимоѳѣевѣ, вотчинѣ Мордвинова, написано пашни, въ селѣ Новомъ, шестьдесятъ четыре четверти, въ пустоши Лунцъ тридцать двѣ четверти съ осминою, всего въ той его вотчинѣ пашни девяносто шесть четвертей въ поле, а вдву потому-жъ, и перешло у него, Тимоѳея, сверхъ нашего, великихъ Государей, указу, въ пустошѣ Лунцъ пять четвертей съ осминою, и тѣми перехожими четвертьми владѣть ему, Тимоѳею, попрежнему въ помѣстье. И на ту вотчину указали ему дати сію нашу царскую жалованную грамоту, за нашею царскою красною печатію, на память впредь будущимъ рода его, что онъ за крѣпкое и мужественное стояніе со усерднымъ и вѣрнымъ радѣніемъ сію нашу государскую милость получилъ, и чтобы впредь, на его службы смотря, дѣти его, и внучата, и пра-

внучата, и кто по немъ роду его будетъ, такъ же за насъ, великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, и за нашихъ великихъ государей наслѣдниковъ, и за свое отечество стояли крѣпко и мужественно и вѣрно, со усерднымъ радѣніемъ. И по нашему, великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, царскому жалованію та вотчина ему, Тимоѳею Мордвинову, и его дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ въ роды ихъ неподвижно, и вольно ему ту вотчину продати, и заложити, и въ приданое дати.

Печатана нашего государства въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ верхней типографіи. Въ лѣто отъ сотворенія міра 7193, отъ рождества же по плоти Бога Слова 1685, индикта 8 мѣсяца февраля въ 28 день.

А подписалъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцевъ дьякъ Василій Ѳедоровъ.

II.

ЗАПИСКИ

С. И. МОРДВИНОВА.

РОДОСЛОВИЕ

фамили адмирала Мордвинова [1]).

Царю и Великому князю Василію Ивановичу пришли въ подданство многія орды, въ томъ числѣ и Мордва. Въ 1546 году

[1]) Таково подлинное заглавіе записокъ адмирала С. И. Мордвинова и таково ихъ значеніе. Въ нихъ упомянуты, возможно точно и вѣрно, всѣ свѣдѣнія, касающіяся автора записокъ и его семьи; внѣ этой семейной рамки, записки ведутся довольно кратко, едва отмѣчая выдающіяся государственныя событія и общественныя явленія. Записки являются весьма цѣннымъ матеріаломъ для біографіи ихъ автора, но чисто внѣшней: ни побужденій, ни цѣлей автора онѣ не изобличаютъ. Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о себѣ самомъ, въ общемъ вѣрны, но нельзя сказать, чтобы они были полны: авторъ ни словомъ не обмолвился, напр., о неудачѣ, постигшей смотръ флота въ 1765 г. Записки эти были составлены, вѣроятно, въ концѣ жизни автора; по крайней мѣрѣ онѣ доведены до того года и даже до того мѣсяца, въ который автора постигла смерть. Этимъ, конечно, объясняются и всѣ особенности записокъ: онѣ сухи по содержанію, скупы на подробности и полны не только пробѣловъ, но и ошибокъ. Память нерѣдко измѣняетъ автору: онъ забываетъ иногда фамиліи даже вице-адмираловъ, допускаетъ хронологическія неточности, принца голштинскаго Августа, утонувшаго близъ Ревеля, называетъ Джоржемъ, и т. п. Иногда, однако, онъ сообщаетъ мельчайшія подробности, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ, напр., при путешествіи въ 1731 г. въ Астрахань, руководствовался замѣтками, набросанными въ свое время и случайно уцѣлѣвшими. Записки писаны небрежнымъ и нечеткимъ почеркомъ прошлаго вѣка; чтеніе ихъ затрудняется, сверхъ того, слогомъ, довольно неправильнымъ. Изданіе Записокъ, сдѣланное въ 1868 г., по распоряженію Морского Министерства, С. Елагинымъ, оказывается, по провѣркѣ, весьма исправнымъ, и во многомъ облегчило нашъ

взять въ аманаты Муратъ Мордвиновъ и дано ему помѣстье близь Копорья [1]).

Послѣ того выѣхали его два брата меньшіе, среднему дано помѣстье въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Обонежской пятинѣ, а меньшому брату въ Карачевскомъ уѣздѣ [2]).

Во время междоусобія въ Россіи, послѣ кончины Царя
2 Θеодора Ивановича, по за||владѣніи шведами Копорьемъ и уѣздомъ его, потомку Мурата Мордвинова Ждану дано помѣстье въ Обонежской пятинѣ.

У Ждана былъ сынъ Гаврила, котораго называли Муратомъ, а у него былъ сынъ Андрей, а у того Иванъ, и отъ него пошли какъ значитъ при семъ на родословномъ планѣ [3]).

Иванъ Андреевичъ, сынъ Андрея Гавриловича, имѣлъ деревни въ Обонежской пятинѣ, село Шаре съ деревнями, гдѣ самъ жительство имѣлъ, и служилъ Великимъ Государямъ по
3 дворянскому разряду противъ поляковъ || и татаръ при Царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Θеодорѣ Алексѣевичѣ.

У Ивана Андреевича было пять сыновъ, о которыхъ въ родословьи показано, да пять дочерей, выданы въ замужество:

трудъ. Въ настоящее время это изданіе составляетъ библіографическую рѣдкость. Подлинныя записки хранятся въ библіотекѣ Морского Министерства (XXXIX, 3, № 22): небольшая тетрадь въ 104 страницы, формата малой четверки, въ старомъ кожаномъ переплетѣ, на которомъ вытѣсненъ большой двуглавый орелъ съ надписью вокругъ: „Печать комитета, учрежденнаго при Адмиралтей. Коллегіи 1799 года декабря 25-го дня“. На заглавномъ листкѣ писарскимъ почеркомъ позднѣйшаго времени написано: „Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанныя собственною его рукою“. Это послѣднее утвержденіе ошибочно—почеркъ „Родословія фамиліи адмирала Мордвинова“ нимало не сходствуетъ съ почеркомъ С. И. Мордвинова.

[1]) Слобода Вотской пятины, при р. Копорье. Въ концѣ XIII стол., сыновья Александра Невскаго выстроили въ Копорьи крѣпость, которая въ 1612 г. взята была шведами. Только съ 1703 г. Копорье навсегда осталось за Россіею. Оно числится теперь въ Петергофскомъ уѣздѣ.

[2]) Въ Орловской губ., при р. Снесети.

[3]) Планъ этотъ не сохранился.

Авдотья за Семена Лазарева-Станищева, Марія за Толбухина, Ульяна за князя Василія Мещерскаго; четвертая за Любовникова; Настасья за Воина Секерина.

Сынъ его большой Данило, а называли его Богданомъ, умре бездѣтенъ; второй сынъ Тимофей Ивановичь, по смерти брата своего большаго, Богдана, по наслѣдству получилъ его деревни въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Шелонской пятинѣ, || Пере- 4
дольскомъ погостѣ, на Лугѣ рѣкѣ, и перешелъ жить въ тѣ деревни, усадище Новое село, и женился на вдовѣ Авдотьѣ Осиповнѣ по мужѣ Неплюевой, а по отцѣ Семенскихъ, и служилъ съ прочими дворянами и былъ во всѣхъ крымскихъ походахъ и противъ поляковъ и во время стрѣлецкихъ бунтовъ, за что пожаловано ему четыре грамоты [1]) отъ Великихъ Государей: первая въ 1685 году февраля 24-го дня, въ которой написано, что пожалованъ новгородецъ Тимофей Ивановичь Мордвиновъ за службу отца его Ивана Мордвинова и его, что служили Великимъ Государямъ: Царю || Алексѣю Михайловичу 5
и Царю Ѳеодору Алексѣевичу великія службы и всему московскому государству и стояли мужественно, какъ въ той грамотѣ значитъ; а вторая того-жъ года и мѣсяца 28-го дня, въ ней написано: пожалованъ новогородецъ Тимофей Ивановичь Мордвиновъ, во время неустроенія въ Москвѣ служилъ Великимъ Государямъ Царямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу, пріѣхалъ въ Сергіевъ монастырь скоро, многолюдно и былъ во всѣхъ походахъ при ихъ Государяхъ и претерпѣвалъ въ осеннее время великую нужду, || съ болярами и вое- 6
водами стоялъ крѣпко и служилъ вѣрно со усерднымъ радѣніемъ по своему отечеству и по породѣ; а другія три грамоты похвальныя, что служилъ сначала, въ 1654, 1655, 1656 годахъ, во всѣхъ крымскихъ, чигиринскихъ и польскихъ походахъ, до отпуску, въ разныхъ полкахъ, какъ въ тѣхъ грамотахъ значитъ.

Въ 1687 году, будучи въ крымскихъ походахъ на баталіи;

---

[1]) Въ архивѣ гр. Мордвиновыхъ сохранилась только одна, помѣщенная выше, подъ № 536.

раненъ, отъ которой по привезенiи въ домъ нѣсколько дней
и умре и погребенъ на Передольскѣ. А передъ смертью своею
7 постригся и названъ во инокахъ Тихономъ. || Послѣ его оста-
лись жена и два сына и двѣ дочери и были въ замужествѣ:
Парасковья за Даниломъ Скобельцынымъ, а по смерти его за
Артамономъ Путиловымъ, отъ котораго и сынъ остался Евсиг-
ней, а отъ него дочь Наталья за Горихвостовымъ, меньшая
Хавронья за Никифоромъ Хорошевымъ, а по смерти его за
Богданомъ Коновницынымъ; отъ нея остался сынъ Степанъ, а
отъ него дочь Федосья, была за Иваномъ Хвостовымъ, а отъ
нея много дѣтей.

Меньшой его сынъ Захарiй, послѣ смерти отца своего,
прежде большаго брата женился и имѣлъ много дѣтей, но изъ
8 нихъ дочери выданы въ замужество, || отъ которыхъ и дѣти:
Лукерья за Ефима Обольянинова, Минодора за князя Елец-
каго, а по смерти его за Александра Мордвинова, Ирина за
Василiя Неелова, а по смерти его за Петра Норманскаго,
Аксенья за Ивана Уварова.

Большой его сынъ Иванъ Тимофеевичъ служилъ съ отцомъ
своимъ въ крымскихъ походахъ и послѣ отца своего въ раз-
ныхъ походахъ и на Донъ, по своей волѣ, вмѣстѣ съ каза-
ками, для присматриванiя военныхъ дѣйствiй, съ чего и про-
званъ былъ Донскимъ.

9 За которыя его службы, по грамотѣ || 1692 года, велѣно
ему службу продолжать по московскому списку.

По возвращенiи со службы прибылъ въ домъ свой, на-
шелъ меньшаго своего брата Захарiя жената и имѣвшаго у
себя много дѣтей, раздѣлился съ нимъ и оставилъ ему съ ма-
терью отцовскiй домъ, придавъ имъ, для матери своей, излишнюю
деревню, а самъ перешелъ въ свои деревни, которыя ему по
раздѣлѣ 1689 года достались: Касицкiй погостъ усадище Мел-
ковичи, гдѣ вновь заводился и построилъ себѣ новый домъ и
10 женился на дѣвицѣ Марфѣ Петровнѣ Скобельцыной, || 1696 года,
на дочери Петра Васильевича Скобельцына, отъ которой была

только одна дочь Мавра и умерла, а потомъ и жена его 1699 году умре.

Въ 1700 году въ февралѣ мѣсяцѣ женился на другой женѣ дѣвицѣ Авдотьѣ Степановнѣ, на дочери Степана Осиповича Ушакова, которая рождена отъ Авдотьи Савельевны по отцѣ Панютиныхъ, и въ томъ же году сентября пошелъ съ прочими подъ Нарву и ноября 19-го дня, будучи противъ шведовъ на баталіи, убитъ, а отъ него осталась жена беременная и родила || сына Семена января 26-го дня, въ субботу 11
на свѣту, 1701 года и по смерть свою, будучи замужествомъ только тридцать недѣль, осталась вдовою, для сына и любя мужа и выростила сына при себѣ до тринадцати лѣтъ.

У Авдотьи Степановны было четыре брата: Иванъ, Андрей, Иванъ и Константинъ и три сестры: Мавра была за Андреемъ Сназинымъ, Наталья за Захарьемъ Рогозинскимъ, Дарья за Максимомъ Лазаревымъ-Станищевымъ и отъ нихъ дѣти: отъ Ивана большаго остались сынъ Петръ и дочь Анна и отъ нихъ дѣти, отъ другаго Ивана сынъ Тимофей, а отъ Константина сынъ Митрофанъ.

||Въ 1713 году въ декабрѣ мѣсяцѣ съ прочими таковыми же 12
малолѣтними дворянскими дѣтьми и не служащими дворянами сынъ ихъ Семенъ, по указу Государеву, высланъ въ С.-Петербургъ, и въ январѣ мѣсяцѣ 1714 года въ домѣ фельдмаршала и С.-Петербургскаго губернатора князя Александра Даниловича Меншикова [1]) самъ Его Величество Государь Петръ Алексѣевичъ изволилъ смотрѣть и разбирать и за малолѣтствомъ съ прочими отпущенъ въ домъ, а большіе написаны въ солдаты въ гвардію.

Въ 1715 году въ январѣ вторично || высланы и, по раз- 13
борѣ самимъ же Его Величествомъ, съ прочими написанъ въ новгородскую школу для обученія цыфирной науки, а по лѣту оттуда посланъ въ школу въ Нарву для обученія ариѳметики, въ числѣ 84 человѣкъ дворянъ, а въ октябрѣ того-жъ года именнымъ указомъ взяты всѣ въ С.-Петербургъ, какъ изъ

[1]) 1673—1729.

Нарвы, такъ и изъ Ревеля таковые-жъ бывшіе тамъ, и опре-
дѣлены въ академію съ прибавленіемъ нѣсколько изъ Москвы
съ Сухаревой башни [1]). И съ того времени въ С.-Петербургѣ
началася академія [2]).

14 ||Въ 1716 году въ январѣ самъ Его Величество Государь
изволилъ смотрѣть въ домѣ генералъ-адмирала графа Ѳедора
Матвѣевича Апраксина [3]) и написанъ съ прочими, въ числѣ
40 человѣкъ, во флотъ и посланъ въ Ревель для опредѣленія
на корабли и по прибытіи туда опредѣленъ въ гардемарины.
И съ того времени начало воспріяли гардемарины [4]). А предъ
кампаніей изъ С.-Петербургской академіи въ Ревель прислано
еще въ гардемарины тридцать человѣкъ.

Въ Ревелѣ по росписанію опредѣленъ съ прочими гарде-
15 маринами, въ числѣ || одиннадцати человѣкъ, на корабль «Ар-

---

[1]) Въ Сухаревой Башнѣ, построенной Петромъ I въ честь сухаревскаго стрѣлецкаго полка, было открыто въ 1700 г. „училище математическихъ и навигацкихъ наукъ". Въ томъ же 1715 г. это училище было переведено изъ Москвы въ Петербургъ.

[2]) 1-го октября 1715 г. состоялся указъ объ учрежденіи Морской Академіи, или Академіи Морской Гвардіи (П. С. З., № 2.937). Первоначально Морская Академія помѣщалась въ „Кикина палатахъ", занимавшихъ мѣсто нынѣшняго Зимняго дворца.

[3]) 1661—1728; сотрудникъ Петра I по устройству русскаго флота; въ 1707 г. пожалованъ въ адмиралы; въ 1708 г. разбилъ шведовъ у Ракобора и въ Копорскомъ заливѣ, за что возведенъ въ графское достоинство и назначенъ генералъ-адмираломъ; въ 1710 г. взялъ Выборгъ, въ 1713 г.—Гельсингфорсъ; въ 1714 г. одержалъ побѣду при Гангутѣ; въ 1719 г. разорилъ берега Швеціи и угрожалъ Стокгольму; въ 1721 г. награжденъ кейзеръ-флагомъ. Апраксинъ подписалъ смертные приговоры: въ 1714 г. вице-адмиралу Крюйсу и въ 1718 г. царевичу Алексѣю Петровичу. Въ томъ же 1718 г. отданъ подъ судъ „за злоупотребленія", арестованъ и обвиненъ, но помилованъ „во уваженіе прежнихъ заслугъ".

[4]) Гардемаринъ, garde de marine, морской стражъ, морской гвардеецъ. Это званіе служило у насъ переходомъ отъ ученика Морской Академіи, воспитанника, не состоявшаго въ дѣйствительной службѣ, къ чину мичмана унтеръ-офицерскаго ранга, изъ котораго уже производили въ офицеры, т.-е. въ мичмана оберъ-офицерскаго ранга, или въ унтеръ-лейтенанты (*Веселаго*, 60).

хангелъ Михаилъ», на которомъ былъ капитанъ Рю [1]), англичанинъ.

Апрѣля 23-го числа въ эскадрѣ подъ командою капитанъ-командора Сиверса [2]), который послѣ былъ адмиралъ, отправились въ море и не доходя острова Борнгольма въ видъ, получили отъ купецскаго судна извѣстіе, что при этомъ островѣ шведскій флотъ въ немаломъ числѣ военныхъ кораблей, для чего по консиліи и возвратились въ Ревель. А въ началѣ іюля по именному указу вторично пошли и прибыли въ Копенгагенъ, гдѣ на рейдѣ лежала россійская эскадра подъ командою капитанъ-командора Шельтинга [3]), || прибывшая отъ города Архан- 16
гельскаго и изъ разныхъ мѣстъ, датскій флотъ подъ командою генералъ-адмирала Гульденлева, англійскій подъ командою адмирала Норриса, голландская эскадра подъ командою капитанъ-командора и великое число купецскихъ судовъ, идущихъ въ разные порты Балтійскаго моря. Тогда Государь Петръ Великій былъ въ Копенгагенѣ и съ нимъ прибыло не малое число россійскаго войска и гвардіи два полка, преображенскій и семеновскій, на галерахъ и ластовыхъ судахъ [4]).

---

[1]) *Thomas Ru*, англичанинъ, принятый въ русскую службу въ 1714 г. съ чиномъ капитана 1-го ранга; въ 1716 г., командуя кораблемъ „Архангелъ Михаилъ“, плавалъ въ эскадрѣ капитанъ-командора Сиверса въ Копенгагенъ; въ 1718 г. уволенъ отъ службы.

[2]) *Сиверсъ*, Петръ Ивановичъ, датчанинъ, въ русской службѣ съ 1704 г. Адмиралъ гр. Апраксинъ писалъ о немъ: „хотя и добрый и неглупый человѣкъ, точію паче мѣры побѣжденъ высокою страстію, яко бы въ ту мѣру, что безъ него обойтиться невозможно“. Въ 1721 г. произведенъ въ вице-адмиралы, въ 1727 г. — въ адмиралы, съ назначеніемъ вице-президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Въ 1728 г. „началъ подписываться славяно-россійскими литерами“; въ 1732 г. отставленъ отъ службы и посланъ на житье въ свои деревни; въ 1740 г. умеръ.

[3]) Weibrant Schelting, голландецъ, принятый на русскую службу въ 1704 г.; въ 1712 г., за успѣшное снабженіе Выборга провіантомъ. награжденъ чиномъ капитанъ-командора.

[4]) На особомъ листкѣ, рукою Мордвинова записано болѣе подробно: „1716 года іюля въ 6-й день въ 5-мъ часу пополудни Государь на 43 галерахъ прибылъ къ Копенгагену“, причемъ упомянутъ, кромѣ двухъ гвардейскихъ полковъ, и „полкъ астраханскій“.

17 По прибытіи нашей эскадры, || Его Величество Государь, пріѣхавъ съ берега, на кораблѣ «Ингерманландіи» изволилъ поднять вице-адмиральскій флагъ синій, а потомъ чрезъ нѣсколько дней на томъ же кораблѣ «Ингерманландіи» поднялъ штандартъ, для чего на нашихъ, датскихъ и голландскихъ военныхъ корабляхъ и на всѣхъ купецскихъ опущены были вымпелы, а на англійскихъ только подобраны, и палено со всѣхъ кораблей изо всѣхъ пушекъ и съ кричаніемъ ура и барабаннымъ боемъ, а на купецкихъ судахъ съ колокольнымъ звономъ. По поднятіи штандарта, подъ командою Его Величества всѣ флоты пошли въ Балтійское море и подлѣ острова Борнгольма нѣсколько времени стояли, а купецкіе пошли въ
18 разные порты. || Въ то время на кораблѣ я былъ весьма боленъ горячкою.

По возвращеніи флотовъ къ Копенгагену Его Величество, на кораблѣ своемъ «Ингерманландіи» подъ штандартомъ, изволилъ всѣхъ гардемаринъ самъ смотрѣть и разбирать; и посланъ я съ прочими выбранными, двадцать человѣкъ, во Францію, а тридцать человѣкъ въ Венецію въ галерный флотъ, четыре въ Италію для обученія архитектуры, два въ Голландію—такелажу. Изъ Копенгагена поѣхали всѣ вмѣстѣ на голландскихъ военныхъ корабляхъ въ Амстердамъ, а иные сухимъ путемъ.

19 Я сдѣлался боленъ въ Гельсинорѣ горячкою || и повезли меня изъ Копенгагена больнаго въ Травемюндъ на купецкомъ гальотѣ [1]) и по прибытіи въ Травемюндъ получилъ я отъ болѣзни свободу; и оттуда чрезъ Любекъ сухимъ путемъ въ Гамбургъ, и тутъ пробывъ недѣли съ три, вся моя болѣзнь прошла въ ноги и, мало оправясь отъ болѣзни, поѣхали въ Амстердамъ и пріѣхали туда въ январѣ 1717 года, гдѣ былъ тогда Государь и Государыня Екатерина Алексѣевна.

Изъ Амстердама отправлены всѣ мы двадцать человѣкъ во Францію, въ томъ же январѣ, на купецкомъ фрегатѣ, и за противными вѣтрами заходили въ Англію въ портъ Дувръ, а

---

[1]) *Галіотъ*—купеческое небольшое двухмачтовое судно. *Кушелевъ*, 160.

во Францію въ портъ Сентъ-Мало прибыли || въ февралѣ, гдѣ 20
насъ дожидался россійскій капитанъ-лейтенантъ Зотовъ [1]), который послѣ былъ генералъ-экипажмейстеръ; тогда онъ отъ Государя по нѣкоторымъ коммисіямъ находился во Франціи. А оттуда подъ его предводительствомъ поѣхали сухимъ путемъ въ портъ Брестъ. По прибытіи въ Брестъ въ томъ же февралѣ опредѣлено насъ въ томъ портѣ десять человѣкъ во французскую службу въ гардемарины, на который полученъ чинъ и данъ патентъ за руками адмирала графа Тулуза [2]) и того порта вице-
адмирала и маршала французскаго графа Детре [3]), || понеже 21
гардемарины тамъ имѣютъ чинъ сухопутнаго поручика. Другіе десять человѣкъ съ нимъ же, Зотовымъ, поѣхали въ портъ Тулонъ.

Въ 1722 году іюля 11-го дня по новому штилю отъ Его Королевскаго Величества французскаго Людовика XV пожалованъ я ансентъ-де-весо [4]), т.-е. корабельнымъ подпоручикомъ,

[1]) *Зотовъ*, Кононъ Никитовичъ, 1689—1742, будучи капитанъ-поручикомъ, былъ отправленъ въ 1715 г. съ особымъ порученіемъ во Францію, гдѣ принималъ участіе въ русскихъ гардемаринахъ, посылавшихся „въ выучку“. Положеніе ихъ онъ признавалъ крайне печальнымъ: „легче бы было видѣть ихъ смерть, нежели такую срамоту нашему отечеству, и лучше бы было ихъ перебить, что поросятъ, нежели ими срамиться и ихъ здѣсь съ голоду морить“. Въ 1724 г. Зотовъ напечаталъ „Разговоръ у адмирала съ капитаномъ“, заключающій въ себѣ морскія практическія свѣдѣнія въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ; въ 1738 г. онъ перевелъ съ голландскаго языка „Свѣтильникъ морской“—лоція пути отъ Ревеля, чрезъ Балтійское море и Каттегатъ, описаніе Сѣвернаго моря и восточныхъ береговъ Англіи и Шотландіи, плаваніе въ Бѣлое море, къ Исландіи и Гренландіи. Зотовъ былъ произведенъ въ генералъ-экипажмейстеры въ 1740 г.

[2]) *Comte de Toulouse*, Alexandre de Bourbon, 1678—1737, третій сынъ Людовика XIV и M-me de Montespan; въ 1683 г., будучи пяти лѣтъ, назначенъ адмираломъ Франціи; онъ отличился въ войну за испанское наслѣдство и разбилъ Рука (Rooke) близъ Малаги.

[3]) *D'Estrées*, Victor-Marie, 1660—1737, удачно командовалъ въ 1703 г. соединенными морскими силами Людовика XIV и Филиппа V, за что и былъ возведенъ въ гранды Испаніи и маршалы Франціи; въ 1715 г. былъ членомъ Регентства.

[4]) Enseigne de vaisseau, мичманъ.

на который чинъ и патентъ за рукою Его Королевскаго Величества пожалованъ.

Въ томъ же іюлѣ отпущены мы въ Россію и данъ мнѣ
22 аншитъ за руками тѣхъ же адмирала и вице-адмирала; || и поѣхалъ я изъ Бреста на случившемся голландскомъ флейтѣ [1]) въ Амстердамъ.

Будучи во Франціи около шести лѣтъ, сначала получилъ я изъ Россіи жалованья только за полтора года 180 рублей, а жилъ на своемъ коштѣ, присылали изъ дому отъ матери чрезъ вексель деньги; по прибытіи въ Амстердамъ получилъ изъ дому вексель, изъ которыхъ денегъ послалъ заплатить въ Брестъ долгъ, за что и получилъ оттуда благодарность отъ тѣхъ, кому былъ долженъ, и отъ бывшаго нашего гардемаринскаго командира господина Нажи.

Въ Голландіи, ѣздя по нѣкоторымъ знатнымъ городамъ,
23 пробылъ до октября; || поѣхалъ изъ Амстердама въ Петербургъ на голландскомъ гальотѣ и прибылъ въ Кронштадтъ 30-го октября того-жъ года, а на другой день въ Петербургъ на домшхойтѣ [2]).

По прибытіи въ Петербургъ явился въ адмиралтейской коллегіи и отпущенъ въ домъ по апрѣль 1723 года, а изъ дому по зимѣ поѣхалъ въ Москву и пробылъ тамъ до половины марта, въ которое время Государь изволилъ возвратиться изъ Персіи и входилъ въ Москву съ гвардіею. А изъ Москвы я поѣхалъ въ Петербургъ и явился въ коллегіи и написанъ въ мичманы, о которой обидѣ [3]) просилъ я генералъ-адмирала

---

[1]) *Флейтъ* или пинка—грузовое судно. „Флейты именуются не по числу пушекъ, какъ то военные корабли, но по числу подъемлемой тяжести". *Кушелевъ*, 21.

[2]) *Домшхойтъ*, домшкойтъ—небольшой баркасъ.

[3]) Обида заключалась въ томъ, что авторъ состоялъ уже мичманомъ французскаго флота (enseigne de vaisseau), и обида эта была тѣмъ чувствительнѣе, что, какъ видно по журналамъ Адмиралтействъ Коллегіи, 1-го мая 1723 г. онъ былъ произведенъ въ мичмана, а два его товарища, кн. Иванъ Несвицкій и Левъ Милославскій, были тогда же пожалованы въ унтеръ-лейтенанты (*Берхъ*, IV, 86).

графа Θедора Матвѣевича || Апраксина, по прибытіи его изъ Москвы въ Петербургъ, а потомъ и Государя въ коллегіи, какъ изволилъ пребыть изъ Москвы, но отъ коллегіи безвременно высланъ въ Кронштадтъ и опредѣленъ на корабль 80-ти-пушечный «Св. Петръ», гдѣ былъ контръ-адмиралъ Сандерсъ [1]), англичанинъ. 24

Флотъ весь подъ командою генералъ-адмирала [2]) пошелъ въ Рогервикъ, который нынѣ именуется Балтійскій портъ, и Его Величество изволилъ самъ присутствовать въ чинѣ адмирала и тамъ заложили крѣпость и молю, а оттуда въ Ревель и въ Кронштадтъ.

|| По прибытіи флота въ Кронштадтъ, привезенный изъ Москвы ботикъ [3]), отъ котораго начался въ Россіи флотъ, какъ въ предисловіи морскаго устава значитъ, въ началѣ августа прибылъ къ Кронштадту на гальотѣ въ провожаніи яхтъ и буеровъ, до двухсотъ судовъ, и какъ оный ботикъ по спускѣ съ гальота на воду подъ штандартомъ буксированъ былъ шлюпками, генералъ-адмиралъ съ флагманами были въ гребцахъ, а самъ Государь на кормѣ, и когда мимо флота проходилъ, лежащаго на кронштадтскомъ рейдѣ, то выпалено со флота изъ всѣхъ пушекъ для поздравленія его, при спускѣ флаговъ и вымпеловъ, мимо котораго корабля проходилъ. 25

|| По введеніи флота въ гавань, осенью, Государь прибылъ въ Кронштадтъ на яхтахъ и буерахъ, и дѣлана была экзерциція между Кронштадта и Ранинбома тѣми судами и палубными ботами въ присутствіи Его Величества, при чемъ былъ и персидскій посолъ Измаилъ-Бекъ. Тогда я былъ у того-жъ контръ- 26

---

[1]) *Sannders*, Thomas, англичанинъ, въ 1718 г. принятъ въ русскую службу съ чиномъ капитанъ-командора; въ 1726 г. назначенъ главнымъ командиромъ ревельскаго порта; въ 1727 г. произведенъ въ вице-адмиралы; въ 1730 г. переведенъ изъ Ревеля главнымъ же командиромъ въ Кронштадтъ; въ 1733 г. умеръ въ Петербургѣ. Въ рукописи фамилія „Сандерсъ“ приписана на полѣ, другою рукою.

[2]) Θ. М. Апраксина.

[3]) Дѣдушка русскаго флота, 1688—1872, Θ. *Веселаго*, въ Русской Старинѣ, IV, 463.

адмирала Сандерса на боту и въ вечеру, прибывъ къ ранинбомской гавани, легли на якорь; Государь съ флагманами и капитанами изволилъ кушать въ Ранинбомѣ у генералъ-фельдмаршала и вице-адмирала князя Меншикова вечернее кушанье, и, послѣ стола, той же ночи возвратились въ Кронштадтъ.

Въ 1724 году въ январѣ [1]) пожалованъ я унтеръ-лейте-
27 нантомъ, а въ февралѣ || вице-адмиралъ Гордонъ [2]), который послѣ былъ адмиралъ и кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго, прибылъ въ Кронштадтъ и принялъ главную команду и взялъ меня къ себѣ въ должность адъютантскую; и какъ онъ не зналъ по-русски ни одного слова, то я и должность переводчика отправлялъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ, въ Москвѣ, Государь Императоръ Петръ Великій короновалъ Государыню Императрицу Екатерину Алексѣевну, и потомъ оба Ихъ Величества изъ Москвы прибыли въ С.-Петербургъ.

Того лѣта Государь въ Кронштадтъ изволилъ пріѣзжать на
28 шлюпкѣ 4 раза и однажды на яхтахъ, || и съ Государыней, и заложили крѣпость и наименовали Кронштадтомъ [3]), а до того

---

[1]) 10-го января 1724 г. произведено 20 мичмановъ въ унтеръ-лейтенанты и въ томъ числѣ С. И. Мордвиновъ (*Списокъ*, I, 255).

[2]) *Gordon*, Thomas, англичанинъ, приговоренный къ ссылкѣ за участіе въ дѣлѣ Якова, претендента на англійскій престолъ, принятъ въ 1717 г. въ русскую службу съ чиномъ капитанъ-командора; въ 1721 г. произведенъ въ вице-адмиралы, въ 1727 г.—въ адмиралы; въ 1733 г. назначенъ главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта; въ 1734 г. командовалъ эскадрою, назначенною для военныхъ дѣйствій противъ Данцига, осажденнаго гр. Минихомъ; въ 1741 г. умеръ въ Петербургѣ. Петръ Вел. любилъ Гордона, часто обѣдалъ на его кораблѣ и ему, въ 1720 г.; „въ награжденіе жалованья опредѣлена къ выдачѣ изъ кабинета ежегодная сумма въ 600 червонцевъ, пока на службѣ состоять будетъ“.

[3]) Не „того лѣта“, т.-е. 1724 г., а много лѣтъ ранѣе. Собственно крѣпость Кронштадтъ была задумана еще въ 1710 г. и строилась по плану Петра I капитанъ-командоромъ англичаниномъ Леномъ (Edward Lane). „Петръ Великій въ 1710 г. заложилъ на островѣ городъ и крѣпость, которые въ 1721 году *Кронштадтомъ* названы“. *Словарь*, II, 332.

времени называли Котлинъ островъ; въ той крѣпостной работѣ была гвардія, преображенскій и измайловскій [1]) полки.

Въ августѣ мѣсяцѣ привезены мощи благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго водою къ Невскому монастырю, которые на яхтахъ и буерахъ самъ Государь и съ Государыней и Цесаревнами и со всѣми знатными персонами встрѣчали, и внесены въ церковь августа 30-го дня и съ того времени положено праздновать тотъ день.

На 1725 годъ я отпущенъ въ годовой || отпускъ, гдѣ я и 29
пробылъ.

По отбытіи моемъ, 1725 года января дня [2]), по несчастію всей Россіи великій и премудрый и безпримѣрный Государь Императоръ Петръ Великій, отецъ отечества, основатель флотовъ и адмиралтействъ и регулярныхъ войскъ и учредитель законовъ, скончался, оставивъ въ великой печали Россію; по немъ вступила на всероссійскій престолъ супруга его Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна.

Того лѣта Государыня Цесаревна Анна Петровна по намѣренію Петра Великаго выдана за Герцога Голштинскаго [3]), который при жизни Государевой еще прибылъ въ Петербургъ, года за два до кончины || Государевой, и наименованъ наслѣд- 30
никомъ шведской короны ко вступленію на престолъ по кончинѣ тогда бывшаго короля, чему Швеція и присягала.

Съ бракосочетанія Ихъ Высочествъ начали жаловать орденами Александра Невскаго, а до того дня, хотя Петромъ Ве-

[1]) Очевидная ошибка: измайловскій полкъ учрежденъ въ 1731 г.; при кронштадтскомъ строеніи состоялъ, кромѣ преображенскаго, семеновскій полкъ.

[2]) 28-го.

[3]) Герцогъ шлезвигъ-гольштейнъ-готторпскій Карлъ-Фридрихъ, 1700—1739, отецъ императора Петра III. Онъ оставилъ любопытные, неизданные еще, мемуары, о которыхъ сообщилъ бар. Корфъ въ Сборникѣ, I, 197. Современникъ гр. Бассевичъ много говоритъ о немъ въ „Eclaircissements sur plusieurs faits relatifs au règne de Pierre le Grand, extraits des papiers du feu comte H. F. de Bassewitz“ (Büsching, IX, 281; Русскій Архивъ, 1865, 95).

ликимъ оный орденъ и учрежденъ былъ, по никому не пожаловано было.

Въ 1726 году, по пріѣздѣ изъ деревни, опредѣленъ я на
70-ти-пушечный корабль «Александръ», гдѣ былъ вице-адми-
ралъ и кавалеръ Александровскаго ордена Гордонъ; при немъ
я ту-жъ должность адъютантскую и переводчицкую и по ко-
31 раблю || свою должность исправлялъ.

Въ октябрѣ была большая вода отъ шторма съ моря, отчего весь Кронштадтъ потопленъ былъ, кромѣ высокаго мѣста, гдѣ нынѣ церковь Богоявленія Господня и Екатерининская улица; тогда тутъ все лѣсъ былъ.

Въ 1727 году на фрегатѣ «Виндгунтѣ» мая 5-го дня пошли въ море и крейсовали до іюля между Сомерса и Сескаря, а во отбытіи нашемъ, мая дня [1]) Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна скончалась; вступилъ на престолъ Императоръ Петръ II, внукъ Петра Великаго.

32 Въ іюлѣ мѣсяцѣ взяты мы съ фрегатомъ || изъ крейсер-
ства въ Кронштадтъ и пошли въ эскадрѣ вице-адмирала и ка-
валера Наума Акимовича Синявина [2]), въ провожденіе Ея Импе-
раторскаго Высочества Государыни Цесаревны Анны Петровны
и Его Королевскаго Высочества Герцога Голштинскаго до Киль-
штадта; у насъ на фрегатѣ тогда ѣхалъ придворный кавалеръ
графъ Мардефель и прочіе придворные [3]).

По отбытіи эскадры изъ Кильштадта, оставленъ я тамъ
командиромъ на гальотѣ «Кершмакарѣ», для нѣкоторой экспе-
33 диціи, и содержанъ я тамъ былъ отъ Ихъ Высочествъ || мило-
стиво и при столѣ ихъ былъ всегда и покои мнѣ отведены
были во дворцѣ. А при отбытіи моемъ, за день отъѣзду, былъ
я при столѣ Его Высочества, въ его покояхъ, а тотъ день

[1]) 6-го.

[2]) Сенявинъ, 1685—1738; произведенъ въ вице-адмиралы 6 мая 1728 г.; въ 1737 г. назначенъ начальникомъ днѣпровской флотиліи, бывшей при Очаковѣ, гдѣ и скончался.

[3]) *Сборникъ*, I, 201. Мемуары герцога вполнѣ сходятся съ шханечными журналами судовъ эскадры Сенявина.

какъ отбылъ, надобно было при столѣ Ея Высочества въ ея опочивальнѣ быть, гдѣ изволила кушать только въ 8-ми персонахъ, въ печальномъ видѣ, а послѣ стола, какъ я откланивался, съ горестными слезами изволила мнѣ вручить письма къ Государю и къ Государынѣ Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ и сестрицѣ Государевой Натальѣ Алексѣевнѣ и, пожаловавъ меня къ рукѣ, въ слезахъ изволила пойти въ свой кабинетъ.

‖Октября 26-го дня пополудни отъ Кильштадта пошелъ 34
я въ Петербургъ и прибылъ въ рѣку Неву того-жъ октября 31-го дня; въ Кронштадтѣ простоялъ на якорѣ 12 часовъ.

По прибытіи въ Петербургъ, на другой день къ вечеру пошелъ во дворецъ, поднесъ письма къ Его Величеству и допущенъ къ рукѣ, а потомъ письма поднесъ Ихъ Высочествамъ Государынѣ Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ и сестрицѣ Государевой и допущенъ къ рукѣ и приказано мнѣ быть во дворецъ къ Государынѣ Цесаревнѣ поутру. И на другой день,
поутру въ 11 часу, прибылъ я къ Ея Высочеству ‖ и мило- 35
стиво принятъ и былъ при столѣ и изволила меня посадить подлѣ себя и приказано мнѣ завсегда всякій день тутъ быть, почему я каждый день тутъ находился, а въ декабрѣ я отпущенъ въ годовой отпускъ.

1728 года, будучи въ домѣ [1]), февраля 28-го дня, на пестрой недѣлѣ въ пятницу [2]) въ вечеру, женился на дочери Саввы Тимофеевича Муравьева, дѣвицѣ Ѳеодосіи; вѣнчались въ Слапѣ [3]).

---

[1]) Въ селѣ Покровскомъ, Новгородской губ., родовомъ имѣніи Мордвиновыхъ.

[2]) 28-е февраля въ 1728 году приходилось въ среду, не въ пятницу. Ѳеодосія Саввишна Мордвинова умерла 19-го сентября 1750 г., и авторъ Записокъ женился въ 1752 г. вторымъ бракомъ. Составляя записки послѣ 1752 г., авторъ упоминаетъ здѣсь о *пестрой* недѣлѣ (за сплошною, передъ масляной), памятуя русскую пословицу: „на пестрой жениться, съ бѣдой породниться".

[3]) Деревня Лугскаго уѣзда Петербургской губерніи.

Въ 1729 году въ мартѣ, будучи въ домѣ жъ [1]), по указу
коллегіи адмиралтейской, поѣхалъ въ Казань и по прибытіи
36 туда отъ той конторы посланъ для описи || по Камѣ рѣкѣ и
Вяткѣ, вверхъ до сибирской границы, лѣсовъ и впадающихъ
въ нихъ рѣкъ; выѣхалъ изъ Казани въ апрѣлѣ, а въ Казань
возвратился въ половинѣ октября, а въ исходѣ декабря поѣхалъ въ Петербургъ.

Въ 1730 году, въ январѣ въ началѣ, прибылъ въ С.-Петербургъ [2]), а въ іюлѣ мѣсяцѣ посланъ въ Кронштадтъ и опредѣленъ на новый корабль «Выборгъ», и ходили съ прочими кораблями у Красной горки для пробы мѣсяцъ [3]).

Сентября 12 дня по утру родилась мнѣ дочь Татьяна,
крестили октября 1-го дня.

37 ||На 1731 годъ отпущенъ я въ годовой отпускъ, а марта
10-го числа пожалованъ я лейтенантомъ, а 12-го числа дочь
Татьяна скончалась и похоронена на Передольскѣ.

Сентября 15-го дня, по указу адмиралтейской коллегіи, поѣхалъ я въ Астрахань изъ дому въ среду; 21-го дня во вторникъ изъ Новгорода сухимъ путемъ, а 27-го въ понедѣльникъ съ Вышняго Волочка водою, купя тутъ большую лодку; 30-го числа въ четвертокъ изъ Твери, октября 4-го въ понедѣльникъ изъ Ярославля [4]). Изъ Казани поплылъ въ поло-

---

[1]) Во время отпуска, по особому указу, къ нему въ домъ были отправлены два геодезиста, съ которыми онъ обязанъ былъ описать всѣ дубовые лѣса, растущіе по берегамъ Вятки и Камы (*Берхъ*, IV, 89).

[2]) Въ журн. Адмир. Колл., отъ 10-го февраля 1730 г., значится: „По доношенію казанской конторы, присланнаго при томъ унтеръ-лейтенанта Семена Мордвинова, до указа, отослать въ здѣшнюю корабельную команду къ капитанъ-командору Вильбоа (*Матеріалы*, VII, 30).

[3]) Авторъ вовсе не упоминаетъ, что въ 1730 г. опредѣленъ онъ былъ на придворную яхту „Елизавету“, о чемъ значится въ журналахъ Адмиралтейской Коллегіи (*Берхъ*, IV, 89). По другимъ извѣстіямъ, онъ былъ назначенъ на придворную шняву „Фаворитка“ (*Списокъ*, I, 255). Это разногласіе объясняется тѣмъ, что яхта была обращена въ шняву и „Елизавета“ переименована въ „Фаворитку“.

[4]) Этотъ маршрутъ сохранился въ небольшой замѣткѣ, составленной во время путешествія 1731 года.

винѣ октября, изъ Царицына въ исходѣ октября, изъ Черпаго
Яру ноября 1-го числа; прибылъ въ Астрахань 2-го ноября
со льдомъ вмѣстѣ.

||Въ 1732 году въ іюлѣ въ Астрахани сдѣлался боленъ 38
прежестокою горячкою, а въ сентябрѣ, хотя еще и не совсѣмъ
оправился, на мѣсто умершаго капитана Звѣрева [1]) посланъ
я въ портъ Ярки главнымъ командиромъ и по прибытіи туда
пашелъ двѣ доли больныхъ; тотъ годъ болѣзнями былъ очень
тяжелъ, отчего (много) померло.

По прибытіи моемъ въ Ярки, перенесенную церковь съ
рыбной ватаги Басарги, которая тамъ пуста, освятили во имя
Св. Апостола Іоанна Богослова и, по освященіи церкви, со
кресты ходили || около жилья съ молебнымъ пѣніемъ, и вскорѣ 39
пресѣклась болѣзнь.

Въ 1733 году въ мартѣ получилъ я указъ, что флотскіе
капитаны всѣ одного—полковничья ранга, лейтенанты—маіор-
скаго, въ томъ числѣ и я, мичманы—поручики; по именному
указу пожалованы 1732 года въ декабрѣ [2]).

Въ 1734 году въ августѣ мѣсяцѣ по указу смѣнилъ меня
капитанъ-лейтенантъ Нанингъ [3]) и я, отдавъ команду, поѣхалъ
въ Астрахань, а оттуда до Царицына водою, а изъ Царицына
до Москвы и С.-Петербурга сухимъ путемъ; въ Москву при-
былъ октября 17-го дня, || а въ Петербургъ ноября 4-го числа. 40

---

[1]) *Звѣревъ*, Алексѣй, извѣстный въ свое время знатокъ англій-скаго языка, переводчикъ „Регламента"; въ 1731 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга и переведенъ въ астраханскій портъ; въ ноябрѣ 1732 г. умеръ.

[2]) П. С. З., № 6.292, отъ 29-го декабря 1732 г. высочайше утвержденный докладъ воинской морской комиссіи о штатномъ числѣ чиновъ во флотѣ.

[3]) *Нанингъ*, Робертъ, датчанинъ, такой же неудачный морякъ, какъ и его братъ, Генрихъ, уволенный отъ русской службы въ 1712 г. Въ 1727 г. Робертъ Нанингъ былъ произведенъ въ капитанъ-лей-тенанты съ назначеніемъ на должность помощника капитана надъ кронштадтскимъ портомъ, но вскорѣ „за неспособностью въ содер-жаніи кораблей и команды" къ производству въ капитаны признанъ негоднымъ; въ 1734 г., согласно его желанію, посланъ въ астрахан-скій портъ для проживанія тамъ безсмѣнно.

По прибытіи въ Петербургъ отпущенъ въ домъ [1]) марта по 1-е число 1735 года.

1735 года, по прибытіи изъ деревни, опредѣленъ въ кронштадтскую команду и тотъ весь годъ пробылъ въ Кронштадтѣ.

Въ 1736 году въ январѣ мѣсяцѣ подапа отъ меня въ адмиралтейскую коллегію книга о эволюціи флота, сочиненная мною на россійскомъ языкѣ [2]).

Января 16-го родился у меня сынъ Семенъ, 18-го дня
41 крещенъ и того-жъ дня умре и похороненъ въ Кронштадтѣ || у церкви Богоявленія Господня, 20-го числа.

Въ мартѣ посланъ я для слѣдствія, въ силѣ именного указа, о недоимкахъ въ Новгородъ [3]).

---

[1]) „Въ уваженіе трудовъ, понесенныхъ на Каспійскомъ морѣ, и разстроеннаго здоровья", какъ сказано въ журналѣ Адмиралтейской Коллегіи.

[2]) Вотъ полное заглавіе перваго сочиненія С. И. Мордвинова: „Книга о движеніи флота на морѣ". Сочиненіе это никогда напечатано не было; оно хранится въ архивѣ графовъ Мордвиновыхъ. Рукопись in fol., набѣло переписанная, въ 180 страницъ, съ поправками автора. Въ предисловіи авторъ сообщаетъ, что въ „Книгѣ" предлагаются „нѣкоторыя самыя нужныя правила о разныхъ учрежденіяхъ флота, съ приложеніемъ плановъ и сигналовъ". Въ текстъ вставлено 150 рисунковъ на особыхъ листахъ, in fol.-же. Въ началѣ помѣщено довольно пространное „Предисловіе благоразумному читателю"; въ концѣ — подробное оглавленіе, подъ названіемъ „реестра". Весь трудъ распадается на двѣ части; въ первой пять главъ, во второй тринадцать. Въ архивѣ гр. Мордвиновыхъ хранится на двухъ листахъ „Переводъ авторова предисловія", по которому составлено названное выше „Предисловіе благоразумному читателю". Получивъ этотъ первый трудъ Мордвинова, Адмиралтейская Коллегія опредѣлила: „представленную книгу отослать на одобреніе къ оберъ-экипажмейстеру Зотову, а его, Мордвинова, перечислить изъ Кронштадта въ С.-Петербургъ". Зотовъ, будучи боленъ, не разсматривалъ этой книги, и вскорѣ умеръ, а жена его отозвалась, что „не могла оной отыскать" (*Берхъ*, IV, 90).

[3]) По указу, онъ былъ посланъ въ Новгородъ „наблюдать за скорѣйшею высылкою денежной казны". Сверхъ того, ему было поручено описать дубовые лѣса въ Новгородской губерніи, гдѣ онъ пробылъ два года (*Берхъ*, IV, 91).

Въ 1737 году въ усадищѣ своемъ Мелковичахъ [1]) построилъ деревянную церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, заложена на Святой недѣлѣ, а освящена ноября 9-го числа.

Въ 1738 году, для слѣдствія [2]), въ августѣ ѣздилъ я въ Старую Русу [3]), а въ декабрѣ смѣненъ лейтенантомъ Нащокинымъ и прибылъ въ Петербургъ 31-го декабря.

‖Въ 1739 году въ январѣ [4]) опредѣленъ я въ коммисаріатскую экспедицію въ должность совѣтника. 42

Въ 1740 году былъ я на морѣ на кораблѣ, именуемомъ «Императрица Анна», въ 112 пушекъ, на которомъ былъ вице-адмиралъ [5]); я тутъ былъ въ должности капитанъ-лейтенанта, а потомъ за болѣзнію капитана [6]) и самъ командиромъ, а по возвратѣ съ моря взятъ въ Петербургъ и опредѣленъ попрежнему въ коммисаріатъ въ должность совѣтника.

‖Октября 17-го числа Государыня Императрица Анна Іоанновна скончалась. 43

Ноября 4-го дня пожалованъ съ прочими въ капитаны 1-го ранга.

Подана отъ меня вторично въ коллегію, съ пополненіемъ

---

[1]) *Мельковичи*—село Петербургской губ. Лугскаго уѣзда.

[2]) Слѣдствіе было производимо по поводу закупки адмиралтейскихъ припасовъ, что и было выполнено его преемникомъ Ѳедоромъ Нащокинымъ.

[3]) Авторъ не упоминаетъ, что 25-го сентября, онъ, вслѣдствіе принесенныхъ на него жалобъ, былъ вызванъ въ Петербургъ для производства въ сенатѣ слѣдствія объ его поступкахъ (*Списокъ*, I, 255).

[4]) 8-го февраля въ журналѣ Адмиралтействъ-Коллегіи записано: „въ коммисаріатъ въ должность совѣтника опредѣлить флота лейтенанта Мордвинова“ (*Матеріалы*, VII, 527).

[5]) *Обріенъ*, Christof O'Brien, въ 1737 г. принятъ въ русскую службу изъ капитановъ великобританскаго флота въ контръ-адмиралы; въ 1740 г. произведенъ въ вице-адмиралы; въ 1741 г. назначенъ главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта; въ февралѣ 1742 г. уволенъ отъ службы.

[6]) *Паддонъ*, Георгій Георгіевичъ, George Paddon, англичанинъ, въ 1720 г. принятъ лейтенантомъ въ русскую службу; въ 1733 г. произведенъ въ капитаны полковничьяго ранга.

прежняго, книга о эволюціи, а другая—полное собраніе о навигаціи [1]), въ трехъ частяхъ, третья—каталогъ.

Назначенъ я былъ для посылки по веснѣ на кораблѣ въ Мальтію, но потомъ та посылка отмѣнилась.

44 Въ 1741 году въ февралѣ посланъ || я въ Ревель и порученъ мнѣ фрегатъ въ 32 пушки, называемый «Кронделивдъ», передъ начатіемъ шведской войны. Отъ Ревеля пошло къ городу Архангельскому мая 10 числа пополудни насъ три фрегата [2]); къ бару [3]) я пришелъ іюля 6, а прочіе 7 числа, и сдѣлался прежестокій штормъ.

Въ путешествіи нашемъ были великіе туманы и сырые воздухи, отчего много было больныхъ и померло служителей [4]).

---

[1]) См. выше, № 53. Въ августѣ 1740 г. авторъ представилъ президенту Адмиралтейской Коллегіи гр. Н. Ѳ. Головину слѣдующую рукопись: „Каталогъ краткой для познанія въ молодыхъ лѣтахъ матрозамъ въ мореплаваніи принадлежностей". Гр. Головинъ самъ прочелъ рукопись, одобрилъ ее и предложилъ Коллегіи напечатать 1.000 экземпляровъ. Книга была напечатана подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Каталогъ, содержащій о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, также о полномъ въ знатныхъ мѣстахъ, заливахъ и рѣкахъ, наводненіи, и прочая къ мореплаванію надлежащая въ разныхъ по Санктпетербургскому меридіану таблицахъ, Семеномъ Мордвиновымъ, морскаго флота лейтенантомъ сочиненный. По указу государственной Адмиралтействъ-Коллегіи въ Морской академической типографіи напечатанъ, а подъ смотрѣніемъ контролера Семена Зыкова въ сочиненіи праворѣчія исправленъ. С. П. Бургъ, 1744 г."

[2]) Три фрегата: „Кавалеръ", подъ командою капитана А. Н. Нагаева, „Кронделивде"—С. И. Мордвинова, и „Вахмейстеръ"—Д. Путилова, который былъ назначенъ начальникомъ всего отряда.

[3]) *Баръ* — мелководіе, чрезъ кое въ полную воду переходить можно. Бары обыкновенно бываютъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ морская вода приливами и отливами возвышаема и понижаема бываетъ, а особливо при паденіи въ море большихъ рѣкъ. *Кушелевъ*, 139.

[4]) Въ теченіе 57-ми суточнаго плаванія отъ Ревеля до Архангельска умерло на одномъ фрегатѣ „Кавалеръ" 50 нижнихъ чиновъ. Причина болѣзненности и смертности не обозначена въ лагбухѣ фрегата, а сказано только въ одномъ мѣстѣ: „сего дня командующій ходилъ въ нижнюю палубу и приказалъ, для людской тѣсноты и сырости отъ идущихъ дождей, разломать стоявшія тамъ бочки съ

Государыня Елисавета Петровна вступила на престолъ ноября 25 дня въ С.-Петербургѣ.

Въ 1742 году опредѣленъ я на фрегатъ «Вахмейстеръ» и отъ бару пошли іюля   дня въ путь, || въ эскадрѣ вице- 45
адмирала и кавалера Бредаля [1]), и не доходя Нордкапа, августа 10-го дня сдѣлался прежестокій штормъ противный, отчего вице-адмиральскій корабль, называемый «Лефермъ», по-

водою". Коллегія, получивъ рапортъ, что на трехъ фрегатахъ, прибывшихъ въ Архангельскъ, имѣется больныхъ 326 человѣкъ, да во время плаванія отъ Ревеля до Архангельска умерло 121 человѣкъ нижнихъ чиновъ, потребовала объясненій отъ капитановъ Путилова, Мордвинова и Нагаева; капитаны донесли, что „вся ихъ команда не имѣла никакихъ недостатковъ; за больными смотрѣли ревностно и пользовали ихъ съ довольствомъ", а потому и „приписываютъ они необыкновенное обстоятельство сіе *посѣщенію воли Божіей*". Коллегія удовлетворилась этимъ отвѣтомъ (*Берхъ*, IV, 9).

[1]) *Бредаль*, Петръ Петровичъ, Piter Bredall, норвежецъ, принятъ въ русскую службу въ 1703 году съ чиномъ унтеръ-лейтенанта. Отважнѣйшій изъ петровскихъ мореходцевъ. Онъ отличился въ гангутскомъ сраженіи, въ 1714 г., за что и получилъ медаль въ 25 червонцевъ; въ 1715 г. взялъ близъ Виндавы три шведскихъ катера; вслѣдъ затѣмъ, сдѣлавъ высадку на о. Готландъ, захватилъ плѣнныхъ и благополучно возвратился въ Ревель; въ 1717 г. взялъ шотландскій призъ съ грузомъ желѣза; въ 1718 г. пожалованъ отъ датскаго короля чиномъ командора датскаго флота; въ 1724 г. назначенъ директоромъ адмиралтейской конторы; въ 1726 г., по приговору суда, разжалованъ на три мѣсяца въ матросы за „немалое безчестіе" и тяжкое оскорбленіе капитана Лоренца (James Lowrens); въ 1728 г. привезъ изъ Киля тѣло покойной цесаревны Анны Петровны; въ 1730 г. привѣтствовалъ въ Курляндіи императрицу Анну Іоанновну отъ лица Адмиралтействъ-Коллегіи; съ 1735 г. принималъ участіе въ турецкой войнѣ—образовалъ донскую флотилію, былъ при взятіи Азова, укрѣпилъ воронежскую верфь и заложилъ новую въ Брянскѣ; участвовалъ въ крымскомъ походѣ и отразилъ турецкій флотъ близъ Генича и у Ѳедотовой косы; въ 1737 г. произведенъ въ вице-адмиралы „за ревностныя, какъ въ прошлой кампаніи, такъ и въ прежнихъ временахъ, всегда показанныя службы"; въ 1740 г. назначенъ присутствовать въ Адмиралтействъ-Коллегіи, въ 1741 г. главнымъ командиромъ архангельскаго порта; въ 1743 г. былъ „взятъ въ Петербургъ" и преданъ суду за непроводъ эскадры изъ Архангельска въ Кронштадтъ; онъ и умеръ, въ 1756 г., будучи подъ судомъ.

вредился, а один корабль да фрегатъ въ туманъ съ нами разлучились, и за поврежденіемъ вице-адмиральскаго корабля возвратились въ Кильдюинъ [1]); въ моемъ фрегатѣ была великая течь, съ нуждою уливались.

Будучи въ Кильдюинѣ, по консиліи, большіе корабли для
46 зимованія отправили въ рѣку Колу въ Катеринъ-||гаванъ, а съ фрегатами вице-адмиралъ пошелъ къ городу Архангельскому; перешелъ ко мнѣ на фрегатъ и поручилъ мнѣ надъ всѣми фрегатами команду, а по прибытіи къ бару поѣхалъ онъ къ городу Архангельскому, а я, послѣ отъѣзда его, прежде другіе фрегаты приказалъ чрезъ баръ перевести, а самъ послѣ за погодами простоялъ недѣли двѣ и пришелъ въ Лапоминскую гавань [2]), а сентября 16 дня пріѣхалъ къ городу Архангельскому [3]).

47 || Въ декабрѣ отпущенъ я на 3 мѣсяца домой и къ городу возвратно пріѣхалъ къ апрѣлю 743 года.

---

[1]) *Кильдюинъ*, Кильдинъ, островъ у Лапландскаго берега, Архангельской губ., Кемскаго уѣзда, въ 20-ти верстахъ отъ Кольской губы.

[2]) Лапоминская военная гавань учреждена въ 1734 г. при устьѣ р. Лапоминки, въ 30 верстахъ отъ Архангельска.

[3]) 2-го апрѣля 1743 г. состоялся слѣдующій указъ Адмиралтейской Коллегіи: „Понеже вице-адмиралъ Бредаль, по данному ему въ 1742 г. указу о походѣ его съ эскадрою Архангелогородскою въ Копенгагенъ, не исполнилъ, не имѣя законной причины и... паки поворотился къ г. Архангельску, въ Колу и въ Кильдюинъ, никакого страха отъ непріятеля не видя, ниже о томъ слыша, и бывъ уже въ немаломъ продолженіи пути къ Копенгагену, того для Ея Императорское Величество повелѣли къ оному вице-адмиралу послать указъ, чтобъ былъ сюда“. Бредаль былъ преданъ суду единственно по проискамъ президента Коллегіи гр. Головина. Въ „Инструкціи“, данной Бредалю, было, между прочимъ. сказано: „Ежели, не доходя до Копенгагена, съ порученною ему эскадрою, за какимъ препятствіемъ и по вѣдомостямъ за опасностію отъ непріятеля, когда оной будетъ въ сильномъ движеніи, уже крайне пройти будетъ къ здѣшнимъ портамъ невозможно, то, съ консиліума, ретироваться въ Колу или Норвегію“ (п. VII). Мордвиновъ свидѣтельствуетъ, что „препятствіе“ дѣйствительно было серьезное и что на общемъ совѣтѣ капитановъ рѣшено было ретироваться.

Въ 1743 году въ апрѣлѣ вице-адмиралъ взятъ въ Петербургъ [1]), а команда поручена по старшинству капитану Люпсу [2]); по росписанію мнѣ достался фрегатъ «Аполлонъ».

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, будучи уже за баромъ, полученъ именной указъ, что со шведами заключенъ миръ; и отправя торжество, пошли въ эскадрѣ капитана Люиса въ море и пришли въ Кильдюинъ, || гдѣ дожидались кораблей, зимовавшихъ въ 48
Катеринъ-гавани.

Изъ Кильдюина пошли всѣ вмѣстѣ августа 6 числа и, не доходя Нордкапа, августа 10 числа сдѣлался прежестокій штормъ, противный пути нашему, и продолжался немалое время, и 18 числа [3]), пополудни въ 6 часовъ, сломило у меня фокъ-мачтъ, а бизань-мачтъ раскололо на 13 футъ, для чего я, убрався съ обломками, не потерявъ ничего, сдѣлалъ консиліумъ и за противнымъ крѣпкимъ вѣтромъ возвратился къ городу.

|| Въ ноябрѣ главной командиръ капитанъ Расилиусъ [4]) 49
умеръ, а въ декабрѣ получилъ я указъ изъ адмиралтейской коллегіи: мимо старшихъ 2-хъ капитановъ [5]) велѣно мнѣ быть главнымъ командиромъ у города на мѣсто умершаго капитана Росселіуса.

Въ 1744 году мая 15 дня перевелъ я чрезъ баръ врученный мнѣ корабль «Полтаву» и другой такой же, да фре-

---

[1]) Бредаль.

[2]) За „неудачное“ командованіе бѣломорскою эскадрою былъ отданъ подъ судъ, но оправданъ.

[3]) Мордвиновъ сносилъ бури цѣлую недѣлю, наконецъ, 18 августа, поднялъ сигналъ, что терпитъ бѣдствіе, и спустился къ Двинскому устью.

[4]) *Росселіусъ*, Андрей Андреевичъ, поручикъ шведской службы взятый въ плѣнъ въ 1703 г. на Псковскомъ озерѣ; въ 1704 г. опредѣленъ на службу лейтенантомъ „морскаго флота“; съ 1708 г. постоянно находился на Югѣ, въ тавровскомъ и воронежскомъ адмиралтействахъ; въ 1743 г., въ іюнѣ, назначенъ капитаномъ надъ архангельскимъ портомъ, и, въ ноябрѣ, умеръ.

[5]) Князя П. А. Барятинскаго и Дм. Толбухина. См. указъ Адмир. Коллегіи отъ 2 дек. 1743 г., № 3720 (*Матеріалы* мор., IX, 413).

гать, и приказалъ ихъ грузить и приготовлять къ походу, а
50 самъ возвратился || къ городу для исправленія по конторѣ
дѣлъ, и пока за баромъ нагружали тѣ корабли и приготовлялись, всякую недѣлю ѣздилъ я къ нимъ за баръ смотрѣть.

Іюня 7 числа у города заложилъ я 66-ти-пушечный корабль, а 10 числа поручилъ я контору и команду, въ силѣ коллежскаго указа, старшему по себѣ совѣтнику и поѣхалъ на свой корабль «Полтаву» за баръ. 13 числа былъ депутатскій смотръ, а 14-го, при тихомъ благополучномъ вѣтрѣ,
51 вынявъ якорь, || пошелъ въ путь свой и 20-го августа
пришелъ въ Кронштадтъ. И будучи въ пути хотя и имѣлъ нѣсколько крѣпкихъ и противныхъ вѣтровъ, однакожъ дальняго озлобленія отъ погодъ не имѣлъ, кромѣ поврежденія гротъ-мачты. А другой корабль за течью еще въ Бѣломъ морѣ назадъ возвратился, а фрегатъ въ туманъ отсталъ. Въ Копенгагенѣ за противными вѣтрами недѣлю простоялъ, въ Ревелѣ 5 дней.

Ноября 1-го дня поѣхалъ изъ Петербурга, въ деревню на годъ отпущенъ [1]).

52 || 1746 года января 1 дня прибылъ въ Петербургъ; въ
февралѣ поѣхалъ въ Кронштадтъ и принялъ свой корабль «Полтаву». Въ маѣ мѣсяцѣ принялъ я корабль «Св. Петръ» и приготовилъ, по указу коллежскому, для похода во Францію [2]).

---

[1]) Вотъ почему въ запискахъ вовсе не упомянутъ 1745 годъ, между тѣмъ, по возвращеніи изъ отпуска, въ концѣ года, авторъ занимался разборомъ бумагъ генералъ-адмирала гр. Апраксина, лежавшихъ въ амбарахъ съ 1728 года. „Къ чести Семена Ивановича надобно сказать, что онъ исполнилъ порученіе сіе съ примѣрнымъ усердіемъ; бумаги графа Апраксина разобраны съ великою осмотрительностію. Къ сожалѣнію, разбиравшіе бумаги сіи послѣ него поступали съ ними не весьма осторожно и разбили даже хронологическій порядокъ оныхъ“ (*Берхъ*, IV, 96).

[2]) Въ маѣ 1746 г. Адмиралтействъ-Коллегія получила предписаніе отправить во Францію суда „ради покупки и привоза оттуда ко двору Ея Императорскаго Величества винъ и прочей провизіи“; въ іюнѣ „походъ“ этотъ былъ отмѣненъ. Въ 1747 г. строились даже особыя суда для отправки за устрицами къ французскимъ, англійскимъ, голландскимъ и голштинскимъ берегамъ (*Архивъ* Мор. Мин., св. 690, л. 48).

а свой отдалъ капитану Черевину [1]), а въ первыхъ числахъ іюля велѣно мнѣ свой корабль попрежнему принять, а тотъ отдать, понеже посылка отмѣнилась.

Велѣно всему флоту выступить изъ гавани на рейдъ, и того-жъ іюля пошли къ Ревелю подъ командою || вице- 53 адмирала Мишукова, а Государыня Императрица Елисавета Петровна изъ Петербурга отправилась въ Балтійскій портъ, туда жъ и весь флотъ, не заходя въ Ревель. У острова Наргена [2]) сошлись съ ревельской эскадрой, а изъ Балтійскаго порта въ Ревель и тамъ всѣ флагманы и капитаны въ Катериндалѣ [3]) Ея Величествомъ [4]) допущены были къ рукѣ и былъ балъ и ужинъ въ саду, подъ наметами. А оттуда, по отбытіи Ея Величества сухимъ путемъ въ С.-Петербургъ, и флотъ пошелъ въ Кронштадтъ возвратно.

|| По осени, коллежскимъ указомъ, опредѣленъ я въ крон- 54 штадтскую контору въ присутствіе, чтобъ я имѣлъ во исправленіи дѣла, какъ по главной командѣ, такъ и по должности капитана надъ портомъ, понеже въ тѣхъ должностяхъ по старшинству были оба англичане [5]).

Въ 1747 году, по именному секретному указу, мая 27-го дня посланъ я изъ Кронштадта съ тремя фрегатами въ море

---

[1]) *Черевинъ*, Иванъ Григорьевичъ, въ 1703 г. изъ солдатъ Преображенскаго полка написанъ въ матросы; въ 1733 г. произведенъ въ капитаны полковничьяго ранга, въ 1752 г.—въ контръ-адмиралы; умеръ въ 1757 г.

[2]) Ревельская эскадра, состоявшая изъ пяти кораблей и двухъ фрегатовъ, соединилась съ флотомъ 9-го іюля у Суропа (*Берхъ*, IV, 21).

[3]) Екатериненталь, близъ Ревеля, загородный дворецъ.

[4]) Въ этомъ путешествіи императрицу Елизавету Петровну сопровождали и ихъ высочества великій князь Петръ Ѳедоровичъ и великая княгиня Екатерина Алексѣевна (*Mémoires*, 67).

[5]) Въ указѣ коллегіи приводится иной мотивъ — оба англичанина, „Лювесъ и Паддонъ“, обременены заботами по другимъ своимъ должностямъ. Журн. Адм. Коллегіи отъ 19 сент. 1746 г. (*Матеріалы мор.*, IX, 609).

и ходилъ во все Балтійское море для изысканія каперовъ и
55 возвратился || въ Кронштадтъ въ августѣ [1]).

Въ 1748 году въ январѣ поручена мнѣ штурманская рота [2]), а лѣтомъ, будучи на морѣ, въ эскадрѣ вице-адмирала и кавалера Барша, іюня 29-го дня сдѣлался весьма боленъ, весь распухъ, и въ Кронштадтъ прибылъ больной и весь тотъ годъ былъ боленъ.

Въ 1749 году за болѣзнію на морѣ не былъ и въ Кронштадтѣ пробылъ [3]).

Въ 1750 году [4]) былъ на морѣ въ эскадрѣ вице-адмирала и кавалера Мишукова и по возвратѣ со флотомъ въ Кронштадтъ,

---

[1]) Вслѣдствіе полученныхъ извѣстій, будто въ Булоньи снаряжается большой каперъ, подъ командою капитана Якова Тейса, предназначенный для корсарства на Балтійскомъ морѣ, назначенъ былъ подъ начальствомъ Мордвинова отрядъ изъ трехъ фрегатовъ, которые крейсировали „отъ нашихъ береговъ даже до Зунда"; каперъ не появился и эскадра возвратилась. (*Матеріалы мор.*, IX, 624, 647, 649). Уже по отплытіи отряда Мордвинова получено было изъ Лондона извѣстіе, что французскій каперъ взятъ англійскимъ кораблемъ (*Берхъ*, IV, 98).

[2]) Начальникъ штурманской роты капитанъ Малыгинъ былъ назначенъ въ Ревель (*Берхъ*, IV, 99).

[3]) 14 февраля 1749 г. была образована особая комиссія по дѣлу оберъ-штеръ-кригсъ-комиссара Толбухина, въ которую однимъ изъ асессоровъ отъ флота былъ назначенъ авторъ Записокъ (*Матеріалы мор.*, X, 61). Толбухинъ, Дмитрій, обвинялся въ 1749 г., какъ капитанъ надъ архангельскимъ портомъ, въ несвоевременномъ отправленіи въ море эскадры капитана Люиса, и въ 1751 г., какъ оберъ-штеръ-кригсъ-комиссаръ, былъ подъ арестомъ за дерзкія выраженія въ присутствіи Адмиралтействъ-Коллегіи.

[4]) „Въ 1750 году представилъ капитанъ Мордвиновъ обѣщанную 4-ю часть Собранія о Навигаціи. Коллегія поручила разсмотрѣніе оной контръ-адмиралу Римскому-Корсакову и капитану Нагаеву, которые и донесли, что она достойна быть напечатана. По заглавію ея видно, что она вышла въ свѣтъ въ сентябрѣ 1753 года. За всѣ литературные труды сіи не получилъ Семенъ Ивановичъ никакой награды, а вскорѣ по выходѣ книги сей въ свѣтъ просилъ онъ Коллегію: что хотя сочиненіе его о Навигаціи и напечатано, но онъ не имѣетъ у себя ни одного экземпляра. Коллегія опредѣлила на просьбу сію: капитану Мордвинову выдать десять книгъ его сочиненія". *Берхъ*, IV, 98.

жена || моя сентября 19-го дня скончалась; была больна 17 лѣтъ 56
и 5 мѣсяцевъ; по отпѣніи опущена была въ землю у Богоявленія Господня, а по зимѣ тѣло перевезено въ деревню и погребено въ Покровскомъ.

Въ 1751-мъ году все лѣто пробылъ въ Кронштадтѣ [1]).

Въ 1752-мъ году февраля 25-го дня въ Петербургѣ говорился жениться и обручился на третьей недѣлѣ великаго поста, пополудни, на дочери Ивана Александровича Еремѣева, дѣвицѣ Натальѣ [2]), 17 || лѣтъ, рожденной отъ Анны Ивановны 57
Румянцовой, которая родилась іюня 4-го дня 1734 года.

Въ мартѣ отпущенъ я въ деревню и 9-го числа пріѣхалъ въ деревню въ Покровское, нашелъ мать свою [3]) въ самой крайности больну; 15-го числа масломъ соборовали, а 21-го числа въ вербную субботу скончалась, 75-ти лѣтъ, и погребли 26-го числа, въ великій четвертокъ, въ Покровскомъ.

Апрѣля 8-го дня поѣхалъ изъ дому жениться, а 12-го числа, въ воскресенье женъ мироносицъ, пополудни въ 6-мъ часу, вѣнчали на Полоной || въ церкви Спаса Нерукотворен- 58
наго; свадьба была въ томъ селѣ въ домѣ Ивана Герасимовича Корсакова, за которымъ тетка ея, отцу родная сестра, Ирина Алексѣевна [4]), гдѣ она и воспитана отъ трехъ лѣтъ, по смерти отца и матери ея.

По женитьбѣ пробылъ я тутъ на Полоной и въ жениной деревнѣ Зарѣчье, пока прошли сорочины матери моей, для которыхъ одинъ я ѣздилъ въ Покровское.

А іюля 1-го дня уже съ женою пріѣзжалъ въ домъ свой въ Покровское.

|| Августа въ послѣднихъ числахъ поѣхалъ я и съ женою 59

---

[1]) Авторъ не упоминаетъ, что 5-го сентября 1751 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга.

[2]) Старшая сестра, Прасковья Ивановна, была въ первомъ бракѣ за П. А. Лихачевымъ, во второмъ за А. С. Пущинымъ (*Руммель*, II, 325).

[3]) Авдотья Степановна, 1677—1752, рожд. Ушакова.

[4]) Ирина *Алексѣевна* не можетъ быть родная сестра Ивану *Александровичу*.

*

въ Петербургъ, а сентября 1-го числа явился въ коллегію, а въ половинѣ сентября поѣхалъ къ командѣ въ Кронштадтъ, а въ исходѣ того сентября [1]) указомъ коллежскимъ взятъ я въ Петербургъ и опредѣленъ въ адмиралтейскую контору директоромъ, что нынѣ интендантская экспедиція [2]).

Въ исходѣ жъ сентября была вода чрезвычайно великая почью, что весь Петербургъ былъ въ водѣ [3]), въ тожъ самое время въ Метисовой слободѣ [4]) былъ и пожаръ.

Въ 1753 году февраля 22-го дня, пополуночи въ 6-мъ часу,
60 то-есть || въ чистой понедѣльникъ, родился сынъ Александръ;
крестили марта 4-го дня въ четвертокъ на второй недѣлѣ
поста, воспріемники были: князь Василій Ѳедоровичъ Несвиц-
кій [5]) и тетка Ирина Алексѣевна [6]).

---

[1]) 22 октября 1752 г.

[2]) Директоромъ авторъ не былъ: 22 октября 1752 г. онъ былъ назначенъ „въ адмиралтейскую контору въ присутствіе“; 25 іюня 1753 г., вслѣдствіе болѣзни директора конторы, капитанъ-командора И. И. Кайсарова, Мордвиновъ исправлялъ должность директора до 20 января 1754 г., когда прибылъ изъ отпуска назначенный директоромъ конторы капитанъ-командоръ Кашкинъ.

[3]) Адмиралъ А. Н. Нагаевъ отмѣтилъ подробнѣе въ своихъ запискахъ: „1752 г. въ октябрѣ была здѣсь, въ Петербургѣ, вода больше всѣхъ прежнихъ большихъ водъ. Передъ бывшею на Васильевскомъ островѣ Морскою Академіею, что нынѣ Академія Художествъ, была она выше ординарной въ Невѣ воды $9^1/_2$ футами англійскими“.

[4]) Матисова слобода—„островъ, гдѣ Матисова деревня и Лоцманская слобода“, т.-е., гдѣ нынѣ Бердовъ заводъ — отъ мельника Метиса, получившаго отъ Петра Вел. въ 1709 г. данную на весь островъ за услуги по развѣдыванію о шведахъ съ 1700 по 1706 г.

[5]) 1704—1771. Въ 1718 г. поступилъ на службу въ гардемарины; въ 1740 г. назначенъ на должность интенданта петербургской партикулярной верфи въ рангѣ полковника; въ 1757 г. произведенъ въ контръ-адмиралы; въ 1761 г. уволенъ для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ; съ 1761 по 1764 г. состоялъ петербургскимъ губернаторомъ. Его сынъ, кн. И. В. Несвицкій, былъ „въ секретѣ“ 28-го іюня 1762 г.

[6]) „Сего года въ декабрѣ представилъ Мордвиновъ коллегіи вновь сочиненную имъ книгу: „Толкованіе о Геометріи“. Коллегія опредѣлила: отослать оную въ канцелярію морского кадетскаго корпуса въ разсмотрѣніе математическимъ учителямъ“. *Берхъ*, IV, 99.

Въ 1754 году въ февралѣ по просьбѣ моей [1]) смѣненъ я изъ конторы [2]) и отпущенъ въ домъ.

Апрѣля 14-го дня, въ среду на Святой недѣлѣ, въ Покровскомъ заложилъ я новый домъ, а 17-го числа въ ѳоминое воскресенье въ полдни родился сынъ Николай; крестили 21-го числа, воспріемниками были: дядя || Иванъ Герасимо- 61
вичъ [3]), дочь Даніила Александровича Путилова дѣвица Марфа Даниловна. Послѣ крестинъ поѣхалъ я одинъ въ Петербургъ.

Мая 1-го явился я въ коллегіи и поѣхалъ къ командѣ въ Кронштадтъ; и жена ко мнѣ пріѣхала, а въ сентябрѣ указомъ коллежскимъ взятъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ коммисію о разсмотрѣніи законовъ [4]), въ силѣ именного указа, съ вице-адмираломъ и кавалеромъ Баршемъ, который въ томъ же году и умре, а по смерти его въ той коммисіи я былъ главнымъ лѣтъ съ восемь [5]).

||Въ 1755 году апрѣля 16-го дня, въ заутрени въ вербное 62
воскресенье, родился сынъ Петръ; крещенъ 27-го числа, чрезъ 2 года умре октября 27-го числа 1757 года и погребенъ въ Покровскомъ, подлѣ бабушки.

Декабря 25-го дня въ Рождество Христово пожалованъ я капитанъ-командоромъ [6]).

Въ 1756 году апрѣля 18-го дня родился сынъ Сергѣй, а ноября 13-го дня оспою умре и погребенъ на Васильевскомъ острову у Благовѣщенія по правую сторону церкви.

---

[1]) Авторъ просилъ, что „поелику лѣтомъ прошлаго года сгорѣлъ домъ его въ деревнѣ, а сего января 20-го числа умерла родная тетка жены его, то уволить его для раздѣла оставшагося послѣ нея недвижимаго имѣнія. Коллегія уважила просьбу сію“ (*Берхъ*, IV, 99).

[2]) 15-го марта 1754 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга.

[3]) Корсаковъ.

[4]) Въ комиссію по собранію морскихъ узаконеній.

[5]) Вслѣдствіе смерти вице-адмирала Барша, указомъ сената, отъ 16-го января 1756 г., предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ капитанъ-командоръ Мордвиновъ, авторъ Записокъ (*Матеріалы*, X, 296).

[6]) Въ это же время онъ былъ назначенъ начальникомъ петербургскаго полкового двора (*Списокъ*, I. 257; *Берхъ*, IV, 100).

63 ‖Въ августѣ, въ силѣ именного секретнаго указа [1]), посланъ я съ эскадрою; изъ Кронштадта пошелъ съ двумя фрегатами сентября 3-го дня, а изъ Ревеля съ двумя кораблями и пятью фрегатами въ море 14-го сентября, и ходилъ по морю до Данцига и возвратился въ Кронштадтъ съ двумя фрегатами 18-го октября, а корабли и фрегаты ревельской эскадры оставилъ въ Ревелѣ, а въ Петербургъ пріѣхалъ 20-го дня [2]).

Въ 1757 году въ февралѣ сдѣлался боленъ и во все лѣто былъ боленъ; мая 5-го пожалованъ я въ контръ-адмиралы [3]).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ жена 7-ми-мѣсячную выкинула дѣвочку.

64 ‖Въ 1758 году іюня 25-го дня поѣхалъ я въ Кронштадтъ во флотъ и 1-го іюля со флотомъ пошли къ Копенгагену подъ командою адмирала и кавалера Мишукова; съ ревельской эскадрой сошлись у Наргена, а со шведскою у острова Борнгольма,

---

[1]) Въ „секретнѣйшемъ" засѣданіи Конференціи, отъ 19-го августа 1756 г., обсуждалось извѣстіе, „яко бы король прусскій въ Кенигсбергѣ и Данцигѣ имѣетъ довольное число, конечно, купеческихъ мореходныхъ судовъ, способомъ которыхъ однакожъ можетъ довольное число войскъ своихъ въ близость къ здѣшнимъ границамъ въ краткое время перевезти", и постановлено: отправить эскадру для крейсированія „ближе къ южнымъ берегамъ и слѣдить за всѣми судами, приближающимися къ Курляндіи, ихъ опрашивать и, въ случаѣ явятся суда „съ прусскимъ войскомъ", то, заявивъ, что „никакое иностранное войско туда допущено не будетъ", главный командиръ эскадры, въ случаѣ надобности, „силу дѣйствительно употребить долженствуетъ, дабы суда съ прусскимъ войскомъ не токмо до десанта въ Курляндію не допустить, но паче отъ того отвратить или и совсѣмъ такъ какъ съ прямыми непріятельскими поступить". Главнымъ командиромъ эскадры былъ назначенъ авторъ Записокъ, давшій 12-го сентября 1756 г., особую инструкцію командирамъ судовъ его эскадры (*Матеріалы*, X, 301, 302). Извѣстіе оказалось фальшивымъ и эскадра не встрѣтила прусскихъ войскъ, предназначенныхъ для десанта въ Курляндію.

[2]) Авторъ не упоминаетъ, что осенью имъ представленъ въ морскую комиссію усовершенствованный компасъ, „игла котораго была намагничена искусственнымъ магнитомъ, а не натуральнымъ, какъ было до сего"; на пробѣ компасъ оказался „лучше прежнихъ" (*Матеріалы*, X, 323; *Берхъ*, IV, 101).

[3]) *Матеріалы* мор., X, 402.

которая и была въ нашей командѣ [1]). И пришли къ острову Драге и расположились близь банковъ и лежали до сентября и возвратились въ Кронштадтъ, а ревельская эскадра осталась въ Ревелѣ, а шведская въ свои порты пошла; я сію кампанію былъ съ адмираломъ на кораблѣ [2]) для совѣтовъ въ силѣ регламенту.

‖ Адмиралъ взятъ указомъ въ Петербургъ, а я остался для 65
отдачи команды по регламенту и, по вводѣ кораблей въ гавань и депутатскаго смотра и отдачи команды, въ половинѣ октября поѣхалъ въ Петербургъ.

Въ бытность мою на морѣ въ іюлѣ родился сынъ Петръ, пополудни въ 6-мъ часу, въ субботу крестили дня, воспріемники были: Иванъ Ивановичъ Корсаковъ и тетка Анна Степановна Румянцова [3]).

Въ 1759 году пробылъ въ С.-Петербургѣ по коммисіи весь годъ. Въ февралѣ въ малой Коломнѣ началъ на отведенномъ вновь мѣстѣ строить: ‖ напервѣе заложилъ флигели и 66
прочія службы, а 25-го августа на свой дворъ въ построенные флигели перешли.

Онаго лѣта, пока стояли на наемномъ дворѣ, умерло у меня 8 человѣкъ людей, а прочіе всѣ и дѣти были больны [4]).

Въ 1760 году мая 24-го дня заложены камерныя жилья надъ большіе подвалы и погреба, а въ началѣ іюня призыванъ я былъ съ адмираломъ Мишуковымъ въ Петербургъ въ конференцію.

---

[1]) Соединенный русско-шведско-датскій флотъ имѣлъ назначеніе „не пропуска англійской эскадры въ Балтику“.

[2]) Адмиралъ Мишуковъ имѣлъ свой флагъ на 84-хъ-пушечномъ кораблѣ „Св. Николай“ и на этотъ адмиральскій корабль былъ назначенъ на время кампаніи „для совѣта“ контръ-адмиралъ Мордвиновъ, согласно просьбѣ самого Мишукова (*Берхъ*, IV, 103).

[3]) Двоюродная сестра Анны Ивановны Румянцевой, матери второй жены автора, Натальи Ивановны Еремѣевой.

[4]) Въ декабрѣ 1759 г. авторъ былъ назначенъ членомъ Адмиралтейской Коллегіи. „Получа о семъ указъ, рапортовалъ онъ Коллегіи, что поелику на него возложено весьма много должностей, то ѣздить будетъ онъ въ присутствіе только четыре раза въ недѣлю“. *Берхъ*, IV, 104.

67 Іюня 18-го въ воскресенье, пополуночи || въ первомъ часу, родилась дочь Елисавета, крестили іюля 1-го дня, воспріемники были: Василій Ивановичъ Головцынъ и Флена Афанасьевна Ларіонова.

Іюля 10-го дня поѣхалъ я въ Кронштадтъ, а 12-го числа поднялъ я свой контръ-адмиральскій флагъ на кораблѣ «Св. Андреѣ» [1]) и пошли со флотомъ къ Кольбергу подъ командою адмирала и кавалера Мишукова.

Августа 15-го дня пришли къ Кольбергу, 17-го начали бомбардировать городъ; я всякій день по два раза ѣздилъ по бомбардирскимъ кораблямъ, а по прибытіи прусскихъ войскъ
68 къ городу на сикурсъ, 7-го и 8-го чиселъ съ берегу || на корабли перевезли людей, артиллерію и 10-го числа пошли къ Кронштадту [2]).

По прибытіи къ Кронштадту адмиралъ указомъ взятъ въ Петербургъ, а я всѣ корабли ввелъ въ гавань и по депутатскомъ смотрѣ по регламенту отдалъ команду и въ исходѣ октября поѣхалъ въ Петербургъ.

Въ 1761 году въ февралѣ ѣздилъ я въ Ростовъ, а оттуда проѣхалъ и въ Москву, съ женою и съ дѣтьми, и опредѣленъ въ коллегію [3]).

Апрѣля 30-го дня заложилъ большой деревянный домъ, на каменныхъ погребахъ сдѣланный.

69 ||Въ апрѣлѣ три раза призыванъ я былъ въ конференцію [4]).

Въ силѣ именного указу отъ коллегіи посланъ я въ Крон-

---

[1]) „Св. Андреѣ Первозванномъ". Мордвиновъ командовалъ аріергардіею флота при осадѣ Кольберга.

[2]) Извлеченіе изъ шханечныхъ журналовъ о плаваніи судовъ въ кампанію 1760 г. помѣщено въ *Матеріалахъ* мор., X, 550. Авторъ умалчиваетъ, что Кольбергская экспедиція оказалась неудачною и что онъ, въ числѣ прочихъ, былъ преданъ суду, былъ признанъ виновнымъ и помилованъ императрицею Екатериною II въ 1763 г. (см. выше № 25).

[3]) *Матеріалы* мор., X, 601.

[4]) *Матеріалы* мор., X, 635. Онъ былъ призванъ 3-го апрѣля для соображеній о посадкѣ на суда сухопутныхъ войскъ, предназначенныхъ для кольбергской операціи.

штадтъ для приготовленія флота къ походу, и 2-го мая поѣхалъ въ Кронштадтъ [1]).

Іюня дня по указу коллегіи вывелъ я флотъ на рейдъ, а 9-го числа и поднялъ флагъ свой на кораблѣ «Св. Андреѣ» и посадя на корабли сухопутное войско [2]) со всѣми тягостьми, и по окончаніи депутатскаго смотра, 14-го числа, поднявъ якори, пошелъ въ море и съ ревельскою эскадрою сошлись у острова Наргена и пошли подъ командою вице-адмирала Полянскаго [3]). || Пришедъ къ Ругенвальду, сухопутныхъ ссадили 70
на берегъ со всѣми тягостьми и пришли къ Кольбергу 13-го августа, а 14-го числа и начали бомбардировать городъ, продолжая сентября по 28-е число.

Я всякій день ѣздилъ по бомбардирскимъ кораблямъ, поставленнымъ противъ батарей, построенныхъ по берегу, а 15-го числа, объѣхавъ корабли бомбардирскіе, ѣздилъ я на берегъ къ генералъ-поручику и кавалеру графу Румянцову, командующему сухопутною арміею, для совѣтовъ.

22-го числа [4]) наша армія приблизилась къ городу; двѣ тысячи нашихъ солдатъ, матросъ и канониръ ссадили || на бе- 71
регъ, подъ командою съ моего корабля флота капитана Спиридова.

---

[1]) Изъ рапорта Мордвинова отъ 9-го мая видно, что всѣ корабли были уже готовы. Онъ представлялъ Коллегіи, что „весьма бы полезно было вывести оные немедленно на рейдъ, ибо, во-первыхъ, можно людей заблаговременно пріучить къ военной экзерциціи, а, во-вторыхъ, получая морскую провизію и свѣжее пиво, поправятъ люди здоровье свое и больныхъ будетъ гораздо менѣе“ (*Берхъ*, IV, 110).

[2]) 5.000 сухопутнаго войска и осадная артиллерія.

[3]) Андрей Ивановичъ, 1702—1764; въ 1751 г. произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта; въ 1757 г. произведенъ въ вице-адмиралы; въ кольберскую операцію командовалъ соединеннымъ русско-датскимъ флотомъ; въ 1764 г., 6 мая, произведенъ въ адмиралы, 17 октября скончался.

[4]) Не 22-го, а 14-го августа началась атака Кольберга; 16-го августа присоединилась уже къ флоту нашему шведская эскадра; а 22-го августа отправленъ съ кораблей десантъ, подъ начальствомъ кап. Г. Спиридова.

Сентября 9-го дня ѣздилъ я на берегъ для осмотра взятой нашими непріятельской батареи и гдѣ вновь заложить батарею въ близости непріятельской, а оттуда ѣздилъ къ графу Румянцову въ его квартиру, въ разстояніи на 15 верстъ.

28-го сентября, за позднимъ временемъ и за неимѣніемъ провіанта и дровъ, пошли прочь [1]) и прибылъ я къ Кронштадту октября 14-го числа [2]) и ввелъ корабли въ гавань и, по отдачѣ команды, въ послѣднихъ числахъ поѣхалъ въ Петербургъ, протираючись между льдовъ.

72 ‖Въ бытность мою подъ Кольбергомъ іюля 26-го дня въ четвертокъ, пополуночи въ 3-мъ часу, родился сынъ Сергѣй, крестили августа 9-го дня, воспріемники были: Василій Ивановичь Головцынъ и Анна Яковлевна Волкова.

Декабря 25-го дня Ея Императорское Величество Государыня Императрица Елисавета Петровна преставилась; вступилъ на престолъ Императоръ Петръ III-й.

Въ 1762 году въ февралѣ опредѣленъ я именнымъ указомъ въ коммисію для разобранія во флотѣ служащихъ флаг-
73 мановъ, штабъ ‖ и оберъ-офицеровъ, съ полною данною властію, не взирая на вышніе чины [3]), по которому разбору отставлены: генералъ-адмиралъ князь Михайло Михайловичь Голицынъ [4]), адмиралъ Мишуковъ и прочіе.

Апрѣля 10-го числа пожалованъ я вице-адмираломъ; призыванъ я былъ въ конференцію къ Государю многократно и порученъ мнѣ весь флотъ и коллегія съ адмиралтействомъ, хотя тутъ и были адмиралъ Талызинъ и Люисъ.

Мая 6-го дня, по спускѣ двухъ 80-ти-пушечныхъ кораб-

---

[1]) Во время атаки нашимъ флотомъ Кольбергской крѣпости было сдѣлано 11.123 выстрѣла и брошено 1.478 бомбъ; съ непріятельскихъ же батарей было выстрѣлено противъ насъ 28.855 разъ. Кольбергъ сдался на капитуляцію 6-го декабря „по недостатку съѣстныхъ припасовъ“.

[2]) *Матеріалы* мор., X, 653.

[3]) См. выше, № 1.

[4]) Меньшой; въ 1746 г. произведенъ въ адмиралы; въ 1756 г. пожалованъ въ генералъ-адмиралы.

лей на воду, Государь изволилъ кушать на кораблѣ || со всѣми 74
знатными господами и иностранными министрами за разными столами по разнымъ мѣстамъ, по тѣснотѣ каюты, и послѣ кушанья пожаловалъ мнѣ кавалерію Св. Анны, а адмиралу Люису Св. Александра [1]).

Іюня 18-го призыванъ я былъ къ Государю въ Рапинбомъ для нѣкоторыхъ повелѣній [2]).

28-го іюня Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна вступила на престолъ и послѣ присяги изъ дворца посланъ я съ адмираломъ Талызинымъ въ Кронштадтъ тотъ же день для
важнаго || дѣла, и тотъ же день всѣ команды морскихъ и су- 75
хопутныхъ къ присягѣ привели, а 30-го дня изъ Кронштадта въ Петербургъ возвратились.

Іюля 1-го дня въ лѣтнемъ дворцѣ, въ залѣ, Государыня Императрица изволила пожаловать мнѣ кавалерію Св. Александра, а адмиралу Талызину Св. Апостола Андрея.

Сентября 1-го числа Ея Величество изволила отбыть въ Москву для коронованія, я по коллегіи остался старшимъ. Предъ отбытіемъ я представлялъ всѣхъ морскихъ Ея Величеству и жалованы къ рукѣ.

Октября 6-го дня, пополуночи || въ первомъ часу, въ 76
воскресенье, родилась дочь Екатерина, крестили 12-го числа; воспріемники были: Василій Ивановичъ Головцынъ и Наталія Егоровна Кошелева.

Декабря 25-го въ Рождество Христово, послѣ заутрени, перешли мы въ большія новыя хоромы изъ флигеля.

Въ 1763 году Ея Величество изволила изъ Москвы прибыть въ Царское Село и въѣздъ былъ въ Петербургъ 28-го числа іюня съ большою церемоніею и полки стояли въ парадѣ и морскіе солдаты.

---

[1]) *Матеріалы* мор., X, 685.

[2]) Не 18-го, а 19-го іюня, въ Ораніенбаумѣ, Петръ III приказалъ заложить и построить къ кампаніи 1763 г. девять кораблей и „потребные для того сосновые лѣса, заготовленные партикулярными людьми, чьи-бъ они ни были, всѣ забрать къ адмиралтейству“ (*Матеріалы* мор., X, 668).

77 ||Іюня 29-го, въ Петровъ день, отъ коллегіи я, съ про-
чими, генералъ-адмиралу, Его Императорскому Высочеству,
поднесъ флагъ и Ея Величество изволила ѣхать на шлюпкѣ
подъ штандартомъ и флагманы подъ своими флагами: напередъ
генералъ-адмиралъ, а я по старшинству въ замкѣ, а Ея Ве-
личество въ срединѣ и прочіе флагманы по старшинству своему
въ линіи, и по прибытіи къ петропавловской крѣпости про-
изводилась изъ пушекъ пальба, какъ съ яхтъ, стоящихъ на
рѣкѣ, такъ и съ крѣпости.

78 А послѣ литургіи въ Петропавловскомъ || соборѣ Ея Вели-
чество и Его Высочество изволили войти въ комендантскій
домъ и тутъ поднесенный отъ меня кейзеръ-флагъ Ея Вели-
чество изволила пожаловать Его Высочеству высокоповелитель-
ному генералъ-адмиралу, который на его шлюпкѣ и подняли.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ Ея Величество изволила первый разъ
ѣхать на яхтѣ въ Петергофъ подъ штандартомъ, гдѣ и я былъ.

Его Высочество высокоповелительный генералъ-адмиралъ
изволилъ прибыть въ Кронштадтъ на шлюпкѣ подъ кейзеръ-
79 флагомъ до полудни; я его || контръ-адмиралами, подъ флагами,
и со всѣми капитанами на шлюпкахъ встрѣтили за гаванью.

Послѣ полудня Его Высочество со всѣми флагманами, на
шлюпкахъ подъ флагами, и капитанами встрѣтили Ея Вели-
чество за гаванью и, объѣхавъ яхту, на которой изволила при-
сутствовать подъ штандартомъ, сдѣлавъ подлежащій салютъ,
спустя флаги, кричавъ одиннадцать разъ виватъ, и поѣхали на-
передъ; я сидѣлъ на шлюпкѣ съ Его Высочествомъ, а на моей
80 сидѣлъ капитанъ вмѣсто меня; || на дворцовой пристани при-
нялъ Его Высочество и поднесъ рапортъ и табель Ея Вели-
честву. По пристани стояли морскіе солдаты въ парадѣ;
со всѣхъ крѣпостей и гавани пальба произведена изъ 785
пушекъ.

Въ Кронштадтѣ Ея Величество изволила пробыть двое су-
токъ и по отбытіи изъ толикого-жъ числа выпалено пушекъ.
Я проводилъ Ея Величество за гавань, а потомъ и Его Высо-
чество до Раннбома.

‖ Въ 1764 году учреждена коммисія флота и адмиралтейства, въ которой я былъ первымъ [1]). 81

Отъ Ея Императорскаго Величества поручено мнѣ устроить фрегатъ и отправить въ Италію.

Мая 4-го числа пожалованъ я адмираломъ [2]).

Іюня 6-го числа поѣхалъ въ Кронштадтъ для отправленія флота подъ командою адмирала и кавалера Полянскаго и принятія Ея Императорскаго Величества.

Іюня   дня Ея Величество изволила прибыть въ Кронштадтъ на шлюпкѣ; я принялъ на пристани и поднесъ рапортъ и табель.

‖ Въ бытность мою въ Кронштадтѣ, 9-го числа пополудни 82
родилась дочь Анна, въ 10-мъ часу, въ среду, а по пріѣздѣ моемъ крещена 22-го числа, и 2-го іюля скончалась и погребена у Благовѣщенія подлѣ брата.

Августа 16-го отправилъ я фрегатъ, мною построенный, называемый «Надежда Благополучія», въ Ливорно, подъ командою капитана Плещеева [3]), съ товарами купеческими [4]).

Въ 1765 году іюля 1-го числа отправился я съ эскадрою на море [5]) и 7-го числа у Аривалдая [6]) ‖ Ея Величество 83
изволила ко мнѣ на яхтѣ прибыть, а по приближеніи ко мнѣ

---

[1]) Морская для разсмотрѣнія россійскихъ флотовъ и адмиралтейскаго правленія комиссія учреждена 17-го ноября 1763 г. (П. С. З., № 11.970); членами въ эту комиссію назначены: вице-адмиралъ Мордвиновъ, гр. И. Г. Чернышевъ, вице-адмиралъ Милославскій и контръ-адмиралъ Спиридовъ.

[2]) Авторъ не упоминаетъ, что, въ это же время, при раздѣленіи флота на двѣ дивизіи, онъ былъ назначенъ командовать первою дивизіею.

[3]) Ѳедоръ Степановичъ, 1728—1770; въ 1745 г. произведенъ въ мичмана, въ 1754 г.—въ лейтенанты; участвовалъ въ кольбергской экспедиціи; въ 1764 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга; въ 1765 г. прибылъ изъ Ливорно съ купеческими товарами; въ 1770 г., 24-го іюня, находясь на кораблѣ „Евстафій“, въ должности флагъ-капитана, погибъ при взорваніи корабля въ Чесменской битвѣ.

[4]) См. выше, № 27.

[5]) См. выше, № 7.

[6]) Гаривалдай.

подняли на яхтѣ штандартъ, для чего у меня и на всѣхъ спустили флаги и вымпелы и палили со всей эскадры изъ всѣхъ пушекъ и кричали виватъ по 11-ти разъ, въ барабаны и литавры били и на трубахъ играли; противу чего съ яхты изъ подъ штандарта выпалено изъ 7-ми пушекъ; напротивъ того въ знакъ благодарности вторично со всей эскадры изъ полуснарядовъ выпалено и кричано виватъ по 7-ми разъ, съ ба-
84 рабаннымъ боемъ и играніемъ || на трубахъ и потомъ подняли флаги и вымпелы, и поѣхалъ я на яхту къ Ея Величеству и поднесъ рапортъ, табель и книгу о диспозиціи и получилъ приказъ, чтобъ идти къ тому мѣсту, гдѣ сдѣланъ городокъ на берегу [1]), а какъ я только доѣхалъ до своего корабля, то на яхтѣ и спустили штандартъ, для чего у меня, спустя флаги и вымпелы, тотъ же сдѣлали салютъ и пришли къ городку, легли на якорь и начали бомбардировать, какъ съ бомбардир-
85 скихъ, такъ и отъ меня, изъ единороговъ. || А какъ сдѣлался съ моря вѣтръ, то Ея Величество изволила отбыть въ Ранинбомъ на яхтѣ, а мнѣ съ якоря сниматься не велѣно.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, я возвратился въ Кронштадтъ съ эскадрою и по отдачѣ команды поѣхалъ въ Петербургъ.

Тѣмъ лѣтомъ построены два флигеля каменныхъ, а деревянныя съ тѣхъ мѣстъ перенесены на заднюю линію.

Ноября 7-го дня, пополуночи въ 6-мъ часу, въ поне-
86 дѣльникъ, родилась дочь Анна, а 17-го числа || Ея Императорское Величество изволила крестить въ зимнемъ дворцѣ предъ почивальнею, что тотъ день не изволила выходить, и пожаловала мнѣ табакерку золотую съ брилліантами.

Декабря 28-го числа въ вечеру отъ Ея Величества прислана ко мнѣ съ Григоріемъ Николаевичемъ Тепловымъ Авдотья Петровна, когда она отъ мужа уѣхала.

---

[1]) Въ шханечномъ журналѣ затѣмъ значится: „При поворотѣ судовъ на другой галсъ, бомбардирскій корабль „Самсонъ“ сошелся съ пинкомъ „Вологда“ близъ самой императорской яхты, причемъ на первомъ переломился бушпритъ и крамболъ. Командиры означенныхъ судовъ были тогда же арестованы и замѣнены другими“ (*Матеріалы* мор., XI, 196). См. выше, № 7.

Въ 1766 году іюня 13-го дня, по спускѣ на воду двухъ кораблей, Ея Императорское Величество || изволила кушать со 87
всѣми знатными въ адмиралтейской коллегіи; того дня къ вечеру я занемогъ, сдѣлалась остановка въ урипѣ и продолжалась 14 дней, и оттого не малое время былъ боленъ.

Іюля 24-го дня большіе дѣти Александръ и Николай написаны въ гардемарины и посланы на море.

Въ 1767 году въ мартѣ мѣсяцѣ жена выкинула трехмѣсячнаго младенца.

Оный годъ Ея Величество и Его Высочество были въ Москвѣ [1]).

Большой сынъ Александръ былъ || на морѣ до Копенга- 88
гена [2]), а Николай боленъ горячкою, затѣмъ и на морѣ не былъ.

Куплена дача [3]).

Въ 1768 году марта 16-го дня, въ воскресенье, пополуночи въ 1-мъ часу, родился сынъ Евграфъ, а 23-го числа крестили; воспріемники были: Осипъ Петровичъ Ушаковъ и большой сынъ Александръ, Авдотья Петровна и Настасья Егоровна.

Дѣти Александръ и Николай были на морѣ до Голстиніи города Киля и въ Любекѣ [4]).

|| Сентября 10-го дня, по повелѣнію Ея Величества, для 89
осмотра большаго камня [5]) поѣхалъ я въ Кронштадтъ сухимъ

---

[1]) Авторъ не упоминаетъ ни словомъ о законодательной комиссіи, собранной въ Москвѣ изъ представителей земель и городовъ для составленія проекта Новаго Уложенія.

[2]) Александръ Семеновичъ Мордвиновъ произведенъ въ мичмана 24 ноября 1768 г. и о плаваніи его въ 1767 г. до Копенгагена не имѣется свѣдѣній въ Архивѣ Морского Министерства.

[3]) Въ рукописи приписано два неразборчивыхъ слова.

[4]) На фрегатѣ „Сергій", подъ командою капитана 1-го ранга Плещеева. Фрегатъ ходилъ въ Любекъ за вещами для двора.

[5]) 15 сентября 1768 г. послѣдовалъ высочайшій указъ Адмиралтейской Коллегіи о доставкѣ „водою отъ Каменнаго Носу до Исаакіевскаго берега" большого камня подъ монументъ Петра I; указъ заканчивается словами: „стараніе приложить Нашему адмиралу Мордвинову, употребляя мѣры, дабы оной камень немедленно сюда доставленъ былъ" (*Архивъ* Мор. Мин., св. 706, л. 73; *Веселаго*, III, 570; *Матеріалы* мор., XI, 326).

путемъ, а изъ Рашпбома въ Кронштадтъ на шлюпкѣ и по выходѣ на пристань почувствовалъ прежнюю болѣзнь запоръ урины, которая продолжалась 9 дней, и пріѣхалъ въ Петербургъ больной.

Ноября 24-го дня Ея Величество изволила пожаловать дѣтей моихъ Александра и Николая мичманами.

90 Въ 1769 году сынъ Александръ || пожалованъ января дня ко мнѣ флигель-адъютантомъ [1]).

Марта 10-го числа занемогъ тою жъ болѣзнію, 5 дней была остановка урины.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, по повелѣнію Ея Величества [2]), поѣхалъ я въ Кронштадтъ для отправленія флота и жилъ тамъ до исхода іюля.

Прежде отправилъ эскадру съ контръ-адмираломъ Елмановымъ, а потомъ адмирала Спиридова съ эскадрой въ Средиземное море [3]).

91 || А какъ Государыня изволила изъ Петергофа поѣхать въ Петербургъ, и за мною прислали, чтобъ и я ѣхалъ, и на дорогѣ на яхтѣ сдѣлалась тажъ болѣзнь остановленіе урины на нѣсколько часовъ. По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ нашелъ жена очень больна.

Октября 9-го дня отправилъ я изъ Кронштадта контръ-адмирала Ельфинстона съ эскадрой въ Средиземное море, который отъ Ея Величества собственно мнѣ порученъ былъ [4])

---

1) Не въ январѣ 1769 г., а 18 декабря 1768 года.

2) См. выше, № 10.

3) Въ 1769 г. было снаряжено въ Балтійскомъ морѣ четыре эскадры для Архипелажской экспедиціи: три въ Кронштадтѣ—адмирала Спиридова и контръ-адмираловъ Елманова и Эльфинстона, и одна въ Ревелѣ—вице-адмирала Андерсона.

4) См. выше, № 13. Авторъ не упоминаетъ, что ему же пришлось быть и судьею Эльфинстона. Послѣ Чесменской побѣды, Эльфинстонъ рискнулъ, подъ огнемъ турецкихъ батарей, встать на шпрингъ у Константинополя, причемъ разбился корабль „Святославъ". Elphingstone fit une si belle croisière,—писала Екатерина,—qu'il laissa sortir la flotte turque des Dardanelles, qui dégagea Lemnos, tandis que monsieur Elphingstone s'amusait à faire des prises chrétiennes, à quoi

во отправленіе, для чего я въ Кронштадтъ ѣздилъ въ октябрѣ пять разъ сухимъ путемъ чрезъ Ранинбомъ, въ одинъ день ѣздою обращался.

|| Ноября 26-го числа Ея Императорское Величество изволила учредить военный орденъ Св. Великомученика побѣдоносца Георгія въ 4-хъ классахъ и по освященіи сама на себя изволила надѣть 1-го класса. 92

Ноября 30-го дня, послѣ литургіи, Ея Императорское Величество изволила всемилостивѣйше пожаловать и сама наложить на меня орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, во удіенсъ-камерѣ въ Зимнемъ дворцѣ.

1770 года въ февралѣ тою жъ болѣзнію я занемогъ и какъ || вступилъ графъ Чернышевъ въ коллегію по своей вице- 93
президентской должности [1]), то я отъ коллегіи отказался и не сталъ ѣздить и дѣлъ не велѣлъ къ себѣ приносить [2]). То лѣто я часто былъ боленъ той же болѣзнію.

---

il perdit son vaisseau de quatre-vingt canons (*Сборникъ*, XIII, 144). Комиссія военнаго суда обвинила Эльфинстона въ потерѣ этого корабля; Эльфинстонъ оправдывался; прочтя его оправданіе, Екатерина написала: „Можно сказать одно, что Эльфинстонъ принадлежитъ къ разряду людей сумасшедшихъ, которые увлекаются первымъ движеніемъ и не соблюдаютъ никакой послѣдовательности, и я не знаю, сумѣетъ ли онъ очистить себя отъ подозрѣній въ злоупотребленіяхъ, еслибъ его заставили отдать отчетъ въ суммѣ, на чрезвычайные расходы ему ввѣренной, ибо изъ нея онъ сдалъ адмиралу Спиридову только три тысячи червонныхъ; но справедливо, что лучше затушить это дѣло, чѣмъ развѣять его передъ Европою и причинить неудовольствіе англійскому двору, выставляя его потачку намъ, всю помощь, которую онъ намъ оказалъ и которая была намъ полезна". Эльфинстонъ былъ уволенъ отъ службы 18 іюля 1771 г. (*Архивъ* Госуд. Совѣта, I, 374).

[1]) Въ 1768 г. гр. И. Г. Чернышевъ ѣздилъ въ Лондонъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ великобританскому двору и, по возвращеніи, пожалованъ, 4-го іюня 1769 г., въ вице-президенты Адмиралтействъ-Коллегіи.

[2]) „Поелику гр. И. Г. Чернышевъ былъ по службѣ гораздо моложе Семена Ивановича, то послѣдній пересталъ съ сего времени ѣздить въ присутствіе Коллегіи". *Берхъ*, IV, 124.

Іюня 14-го дня дѣти пожалованы Александръ генеральсъ-адъютантомъ, а Николай адъютантомъ ко мнѣ [1]).

Въ августѣ мѣсяцѣ оба, Александръ и Николай, на яхтѣ «Екатеринѣ» пошли въ Ревель для пріема прусскаго принца Гендрика [2]).

1771 года марта 31-го дня сынъ Николай взятъ къ адмиралу Нолису въ генеральсъ-адъютанты.

94 Тѣмъ же лѣтомъ сдѣлали каменной || придѣлокъ къ боль-
шимъ хоромамъ, для малыхъ дѣтей, и прочее строеніе къ
флигелю каменное-жъ.

1772 года февраля 12-го дня, поутру, сынъ Николай поѣхалъ съ адмираломъ на Дунай, а іюля 11-го дня возвратился въ Петербургъ.

Тѣмъ же лѣтомъ сдѣлали каменной придѣлокъ, для большихъ дѣтей, къ большему дому и подъ деревянные флигели подвели каменные фундаменты.

Декабря 16-го дня, въ вечеру, занемогъ я рукою и кровь пустили изъ руки.

1773 года мая 28-го дня, послѣ полудня, дѣти Але-
95 ксандръ и Николай || поѣхали въ Кронштадтъ на корабли.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ начало оказалось у меня каменной болѣзни, на дачѣ.

Николай сынъ, по возвратѣ съ моря, въ Ревелѣ занемогъ горячкою и былъ тамъ боленъ, а сентября 21-го дня прі-

---

[1]) А. С. Мордвиновъ назначенъ генеральсъ-адъютантомъ къ отцу 14-го іюля 1770 г.; Н. С. Мордвиновъ — 16-го іюня того же года адъютантомъ.

[2]) Принцъ Генрихъ прусскій долженъ былъ изъ Ревеля ѣхать моремъ до Петербурга. Въ августѣ прибыла въ Ревель для встрѣчи принца практическая эскадра контръ-адмирала Чичагова и три придворныя яхты; но принцъ поѣхалъ изъ Ревеля сухимъ путемъ, который равнымъ образомъ былъ приготовленъ для его проѣзда. Въ письмѣ отъ 11-го августа 1770 г. Екатерина писала гр. Н. И. Панину: „Погода хороша. Если достоитъ, то и водою нехудо его (принца Генриха) привезти. Все готово будетъ, ибо я велѣла все держать готово“ (*Сборникъ*, X, 433).

ѣхали оба къ намъ въ Петербургъ изъ похода, а Николай больной.

Августа 15-го дня помазаніе было принцессы гесенъ-дармштадтской и наречена Наталіей Алексѣевной, великой княжной, въ церкви въ зимнемъ дворцѣ, а 16-го числа въ лѣтнемъ домѣ въ церкви предъ обѣдней обрученіе было Его Высочества Государя Цесаревича съ оной великой княжной и на другой день весь генералитетъ былъ на поздравленіи.

|| Августа 20-го числа представлялъ я всѣхъ морскихъ и 96
адмиралтейскихъ къ рукѣ Ихъ Высочествъ.

Сентября 29-го дня бракосочетаніе было Ихъ Высочествъ въ Казанской церкви, а на другой день весь генералитетъ и прочіе поутру были на поздравленіи и къ рукѣ допущены были всѣ.

1774 года января 23-го дня сынъ Николай поѣхалъ въ Англію, посланъ отъ Его Высочества [1].

Апрѣля 4-го дня сынъ Петръ именнымъ повелѣніемъ въ конную гвардію унтеръ-офицеромъ записанъ.

|| Въ половинѣ іюня сынъ Александръ съ принцемъ Джор- 97
жемъ поѣхали въ Кронштадтъ на корабли и 6-го іюля, будучи въ морѣ, принцъ упалъ съ вантъ въ море и утонулъ [2].

---

[1]) См. выше, № 130, 131.

[2]) Принцъ Голштейнъ-Готторпскій Георгъ-Людвигъ, братъ матери Екатерины II, умеръ въ 1763 г., оставивъ двухъ сыновей: десятилѣтняго Вильгельма-Августа и восьмилѣтняго Фридриха-Людвига. Получивъ извѣстіе о смерти дяди, Екатерина II писала Н. И. Панину, между прочимъ: „Осиротѣвшихъ принцовъ, думаю я, что благопристойность требуетъ ихъ взять сюда, а то пить-ѣсть негдѣ имъ взять будетъ“ (*Сборникъ*, VII, 330). Принцы воспитывались въ Россіи подъ надзоромъ полковника К. Ф. Стааля; они путешествовали съ нимъ за границей подъ именемъ принцевъ Ольденбургскихъ. 7-го іюня 1774 г. состоялся слѣдующій высочайшій указъ Адмиралтейской Коллегіи: „Принцъ голштинскій оказалъ желаніе служить волонтеромъ на морѣ въ нынѣшней кампаніи для пріобрѣтенія практическаго знанія въ морской наукѣ. Мы, соизволя на сіе, повелѣваемъ Нашей адмиралтействъ-коллегіи снабдить командующихъ Нашими эскадрами надлежащимъ по сему предписаніемъ и постановленіемъ“ (*Архивъ* Мор. Мин., св. 717, л. 49). Принцъ Августъ от-

Сынъ Александръ, будучи въ Копенгагенѣ, занемогъ и тамъ отъ эскадры остался на берегу за болѣзнію [1]), и, по выздоровленіи, декабря 31-го дня въ вечеру къ намъ въ Петербургъ пріѣхалъ чрезъ Стокгольмъ.

Іюля 10-го дня съ турками заключенъ миръ.

Тѣмъ лѣтомъ построенъ каменный сарай и конюшня па 17-ти саженяхъ, а на новой дачѣ построили деревянный флигель.

98 || 1775 года въ генварѣ Ея Величество и Ихъ Высочества поѣхали въ Москву.

плылъ изъ Кронштадтскаго рейда на кораблѣ „Пророкъ Іезекіиль“ 25-го іюня, а 3-го іюля, въ виду Соммерса, утонулъ. 10-го іюля 1774 г. Екатерина II писала по этому поводу г-жѣ Бьельке: „Le fils aîné du feu prince George, mon oncle, le prince Auguste de Holstein, m'ayant prié de lui permettre de faire une campagne sur mon escadre qui croise cet été, comme de coutume, dans la Baltique, partit sur un de mes vaisseaux de guerre nommé l'Ezéchiel, il y a de cela à peu près trois semaines, de Kronstadt. Apres avoir été retenu par les vents contraires, le 3 de ce mois à 5 heures du soir on aperçut sur le vaisseau le phare de Reval; le prince n'eut rien de plus pressé, quoiqu'il ne fût point d'un naturel fort vif, que de grimper sur un des mâts; mais en redescendant il se laissa choir, tomba sur un des bords du vaisseau la tête en bas, et de là dans la mer, où il se noya, malgré quatre nageurs qui se plongèrent dans la mer pour le sauver. On croisa plusieurs jours pour retrouver au moins son corps, mais jamais on n'a pu. Vous ne sauriez croire la peine que cet accident aussi malheureux nous cause à tous“ (*Сборникъ*, XIII, 413), Тѣмъ удивительнѣе, что авторъ Записокъ называетъ Августа Георгомъ. Капитанъ корабля „Пророкъ Іезекіиль“, капитанъ бригадирскаго ранга Ѳ. А. Клокачевъ подробно донесъ объ этомъ несчастномъ случаѣ императрицѣ и Екатерина приказала своему генералъ-адъютанту Г. А. Потемкину успокоить Клокачева слѣдующимъ письмомъ: „Ея Императорское Величество, получа отъ васъ описаніе несчастной кончины Его Свѣтлости покойнаго голштинскаго принца, крайне объ немъ сожалѣя, примѣтила и собственное ваше безпокойство и для того мнѣ соизволила препоручить васъ увѣрить, что несчастіе сіе въ вину вамъ не причитается, а относится къ неизбѣжнымъ Вышняго судьбамъ; ваша же вѣрность, усердіе и исправность службы Ея Величеству довольно извѣстны“. Подробности см. въ *Матеріалахъ* мор., XII, 255.

[1]) Въ 1776 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга съ назначеніемъ командовать въ Петербургѣ матросскою дивизіею, такъ какъ „по болѣзни въ море ходить не можетъ“.

Въ маѣ мѣсяцѣ сынъ Сергѣй записанъ въ инженерный корпусъ въ минерную роту, пожалованъ сержантомъ и отпущенъ въ домъ на год .

Іюля 10-го дня торжество было во всемъ государствѣ о мирѣ съ турками.

Сынъ Петръ пожалованъ вахмистромъ въ конной гвардіи.

Тѣмъ лѣтомъ на старой дачѣ подъ всѣмъ домомъ, флигелями и трактиромъ, подведенъ каменной || фундаментъ и сдѣ- 99
лана каменная бесѣдка.

Ноября 19-го дня, пополудни въ 10-мъ часу, была молнія.

Декабря 26-го числа Ея Императорское Величество и Ихъ Высочества пріѣхали въ Петербургъ изъ Москвы.

1776 года апрѣля 15-го дня Государыня великая княгиня скончалась родами, послѣ полудни въ 5 часовъ; Государыня и великій князь въ Царское село отъѣхали.

Погребеніе великой княгини || было въ Невскомъ монастырѣ 100
26-го того-жъ апрѣля.

Мая 10-го дня заложена въ Покровскомъ каменная церковь.

Мая-жъ 27-го ѣздилъ въ Кронштадтъ; 29-го былъ въ Царскомъ селѣ; Его Высочество отъѣхалъ въ Пруссію.

Іюня 16-го дня сынъ Александръ пожалованъ капитаномъ 2-го ранга.

Іюня 28-го и 29-го былъ въ Петергофѣ.

Іюля съ 2-го по 15-е число вмѣсто урины кровью мочился.

Августа 14-го дня великій князь возвратился изъ Берлина въ Царское село.

31-го дня, встрѣтя принцессу Софію Доротею Винтембергъ-
штутгарскую, великій князь и съ нею прибылъ || въ Царское 101
село.

Сентября 6-го числа Государыня и великій князь и принцесса прибыли въ Петербургъ въ зимній дворецъ.

14-го числа помазаніе принцессы въ большой церкви зимняго дворца и наречено имя Марья Өеодоровна, великая княжна.

15-го числа Ихъ Высочества обручены; въ оба дня весь генералитетъ тутъ былъ.

102 16-го числа какъ генералитетъ, такъ гвардія и морскіе были || для поздравленія Ея Высочества и къ рукѣ допущены.

26-го числа Ихъ Высочествамъ великому князю и великой княжнѣ бракосочетаніе было по утру въ той же церкви, причемъ весь генералитетъ былъ и штабъ и оберъ-офицеры разныхъ командъ. И потомъ Ея Величество съ Ихъ Высочествами изволила кушать на тронѣ, а генералитетъ и дамы за фигурными столами.

103 27-го числа духовные и весь генералитетъ и дамы, штабъ || и оберъ-офицеры были для поздравленія, по утру, и допущены къ рукѣ.

Оное торжество продолжалось до 12-го числа октября разными увеселеніями.

16-го октября, я занемогъ грудью [1]).

1777 года февраля 13-го дня подалъ я прошеніе Его Высочеству генералъ-адмиралу объ увольненіи меня отъ службы.

Марта 6-го числа изъ сената получилъ я указъ въ силѣ
именного указа [2]), объ увольненіи меня отъ всѣхъ дѣлъ и о
104 дачѣ мнѣ деревень въ Полоцкой губерніи, || староства Велиж-
скаго части Сеецкую и Домановскую [3]) со всѣми къ нимъ

[1]) Ноября 24-го дня 1776 г. генералъ-адмиралъ великій князь Павелъ Петровичъ послалъ слѣдующій указъ въ Адмиралтейскую Коллегію: „Полученный мною отъ адмирала Мордвинова при рапортѣ экстрактъ, выписанный изъ подаваемыхъ отъ него въ разныхъ годахъ рапортовъ въ Коллегію о неудобности короткихъ на корабляхъ мачтъ, пропорціи адмирала Нольса, который при семъ въ Коллегію предлагаю на разсмотрѣніе въ оригиналѣ“ (*Архивъ* Морск. Мин., высоч. повел., т. 39, л. 141).

[2]) Указъ сенату отъ 21-го февраля 1777 года: „Адмиралъ Семенъ Мордвиновъ, поданнымъ Намъ прошеніемъ просилъ за старостію и болѣзнями о увольненіи его отъ всѣхъ дѣлъ. Мы по сему его прошенію и въ разсужденіи долговременной и безпорочной его службы симъ всемилостивѣйше его отъ всѣхъ дѣлъ увольняемъ“.

[3]) Указъ сенату отъ 21-го февраля 1777 года: „Всемилостивѣйше пожаловали Мы нашему адмиралу Семену Мордвинову въ вѣчное и потомственное владѣніе Полоцкой губерніи староства Велижскаго части серценскую и домановскую со всѣми къ нимъ принадлежащими угодьями“ (*Матеріалы*, XII, 404).

принадлежностями и угодьями въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Марта 13-го дня, о томъ же и объ отдачѣ команды получилъ указъ отъ адмиралтейской коллегіи [1]).

---

[1]) „Въ концѣ марта мѣсяца“ (Воспоминанія графини Н. Н. Мордвиновой, 6) авторъ скончался. Онъ погребенъ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры; на надгробномъ камнѣ обозначено, что онъ родился въ „февралѣ 1700 г.“ и умеръ въ „мартѣ 1777 г.“, безъ болѣе точнаго обозначенія. Годъ рожденія показанъ невѣрно: онъ родился 26-го января 1701 года (см. выше, стр. 13).

ПЕРВЫЕ ПАТЕНТЫ МОРДВИНОВА *).

538.

Переводъ съ подлиннаго патента въ гардемарины.

Морской совѣтъ, представляя королю, въ присутствіи государя дюка Орлеанскаго, дяди своего и регента, о опредѣленіи господина Семена Мордвинова въ число шляхетства въ гардемарины для управленія службы морской, на что его величество по благоизобрѣтенію государя дюка Орлеанскаго, регента, указали, чтобы принять въ гардемарины въ портъ Брестъ.

Дано и записано въ совѣтѣ, собранномъ въ Луврѣ, 27-го февраля 1717 году.

Подлинный за руками:

Адмирала Луи Александръ Д е б у д е Б о н ъ.

Маршала и вице-адмирала Д е т р е.

539.

Переводъ съ патента жалованнаго его величества.

Патентъ корабельному подпоручику Семену Мордвинову отъ гардемарины россійской.

Сегодня то-есть перваго на десять дня іюля 1722 году король, будучи въ Версаліи, съ намѣреніемъ, чтобы опредѣ-

*) Оригиналовъ въ архивѣ гр. Мордвиновыхъ не оказалось; сохранились только современные переводы, которые и печатаются въ видѣ дополненія къ Запискамъ С. И. Мордвинова.

лить достойныхъ персонъ ко управленію должности подпоручиковой на своихъ корабляхъ военныхъ и вѣдая, что господинъ Семенъ Мордвиновъ отъ россійской гардемарины довольнаго искусства имѣетъ, все то исправно управляетъ еже въ помянутомъ чинѣ потребно и до его касается, того ради его королевское величество, по совѣту государя дюка Орлеанскаго, регента, дяди своего, его въ тотъ чинъ принялъ и опредѣлилъ и чрезъ сіе онаго воспріемлетъ и опредѣляетъ въ подпоручики на вышереченныхъ корабляхъ своихъ, дабы по тому чину управлять онымъ, пользоваться и всякую честь и власть, преимущества и права ко оному чину принадлежащія имѣть и употреблять подъ командою господина графа де Тулуза, адмирала французскаго, вице-адмираловъ, генераловъ-поручиковъ, капитановъ-командоровъ и помянутыхъ кораблей капитановъ, которымъ якожъ и прочимъ офицерамъ его величество указалъ означеннаго господина Семена Мордвинова подпоручикомъ корабельнымъ признавать и велѣть признавать и почитать, такожде и въ дѣлахъ до его чину касающихся препятствія ему не чинить.

Во увѣреніе сей его королевскаго величества воли его величество мнѣ указали настоящій патентъ ему написать, который его же величество своеручно подписали и мнѣ совѣтнику статскому секретарю, которому всѣ доходы приказаны, оный контрасигнировать повелѣли.

У подлиннаго патента своеручно его величество подписали:

Л ю и с ъ.

За рукою у подлиннаго шанселье Ф л о р н а у.

540.

Графъ де Тулузъ, адмиралъ французскій, вышеобъявленный патентъ королевской смотря и намъ его адресовавъ съ приказомъ къ вице-адмираламъ, генералъ-поручикамъ, капитанъ-командорамъ, капитанамъ морскимъ и прочимъ офицерамъ мор-

скимъ, дабы признавать и велѣть признаватъ и почитать господина Семена Мордвинова за подпоручика корабельнаго. Дано въ Версаліи въ собранномъ совѣтѣ іюля 20 дня 1722 году.

541.

Переводъ съ подлиннаго свидѣтельствованнаго сертификата.

Мы, капитаны корабельные короля французскаго, кавалеры воинскаго святаго Лутьяна комендантъ гардемариновъ

Свидѣтельствуемъ всѣмъ коимъ сіе объявлено имѣеть, что господинъ Семенъ Мордвиновъ служилъ въ гардемаринахъ, которыми мы командуемъ, пять лѣтъ и шесть мѣсяцевъ и ко всѣмъ ему пристойнымъ экзерциціямъ съ такимъ споспѣшествованіемъ прилагалъ, что онъ весьма достоинъ на военныхъ корабляхъ съ пользою и честью служить.

Чего ради его королевское величество его удостоить соизволили патентомъ въ подпоручики на своихъ корабляхъ военныхъ, ибо его величество поступками его, которые онъ въ бытность свою во Франціи оказалъ въ службѣ, весьма довольны были.

Во увѣреніи того ему, яко достойному офицеру, дано сіе свидѣтельство въ Брестѣ 16 дня августа 1722 года.

У подлиннаго подписано:

Комендантъ гардемаринской и капитанъ корабельной

Нюжанъ *).

---

[1]) Въ Запискахъ Нажи, см. выше, стр. 18.

III.

ИЗЪ БУМАГЪ

А. С. МОРДВИНОВА.

542.

Образъ правленія Генуеской Республики [1]).

О избраніи дожа.

Сей правитель избирается изъ генуескаго дворянства Большимъ и Малымъ Совѣтами на два года; производится оное слѣдующимъ образомъ: сбирается Большой Совѣтъ всего дворянства, число коего не ограничено, и по числу собранія кладутъ въ урну бѣлыхъ шариковъ, вмѣщая во оное 50 позолоченныхъ; изъ оной урны всякій членъ вынимаетъ свой балъ, и тѣ, которымъ достанутся золотые, выходя въ другую комнату, пишутъ всякій особливо имена тѣхъ дворянъ, которые имъ достойнѣйшими кажутся быть избранными, и, подписавъ подъ тѣмъ свое имя, отдаютъ секретарю. Число наименованныхъ ими не менѣе 20 быть должно; а если сего числа не найдется, то сызнова балы вынимаютъ. Изъ сихъ 20-ти избранныхъ персонъ Большой Совѣтъ баллотировкою избираетъ число 15-ти; изъ 15-ти Малый Совѣтъ, состоящій изъ 130 членовъ, на другой день паки баллотировкою же избираютъ 6 персонъ, и всякій изъ сихъ шести долженъ имѣть двѣ трети голосовъ собранія; въ послѣдующій потомъ послѣдній день избранія Большой Совѣтъ выбираетъ изъ шести того, который по баллотировкѣ больше голосовъ имѣть будетъ; и сей послѣдній дожемъ коронуется.

Власть дожа состоитъ въ предложеніи дѣлъ; что же касается до голоса, то онъ, какъ и прочіе члены правительства, одинъ

[1]) Приложеніе къ донесенію Мордвинова отъ іюля 1782 г. (Москов. Гл. Архивъ М. И. Д., Gênes, 1782, III, л. 8).

только имѣетъ. Его главою почитаютъ во всѣхъ присутствіяхъ и магистратахъ и обо всѣхъ дѣлахъ увѣдомляется чрезъ секретарей тѣхъ присутствій. Онъ во время правительства своего живетъ въ замкѣ и не имѣетъ воли выѣзжать изъ онаго безъ позволенія коллегіи.

По прошествіи двухъ лѣтъ правленія, остается всякій дожъ въ камеральной или прокураторской коллегіи *непремѣннымъ* прокураторомъ; симъ названіемъ отличаются они отъ тѣхъ, которые только на два года въ сей чинъ опредѣляются. Дожъ подверженъ равномѣрному изслѣдованію дѣлъ своихъ, какъ и прочіе, и главные ревизоры разсматриваютъ двухлѣтнее его правленіе безъ всякаго пристрастія, а въ случаѣ чего-нибудь предосудительнаго, имѣютъ они право лишить его по закону того непремѣннаго прокураторскаго достоинства; по сему не бывало еще примѣра.

Сенатъ есть главное правительство въ Республикѣ, который во всѣхъ дѣлахъ полную имѣетъ власть и состоитъ изъ 12 сенаторовъ или губернаторовъ, изъ коихъ два попеременно по четыре мѣсяца должны жить въ замкѣ для исправленія внутреннихъ гражданскихъ дѣлъ и для произведенія съ дожемъ таковыхъ, которыя медленности не терпятъ.

Камеральная или *прокураторская* коллегія, въ которой засѣдаютъ 8 сенаторовъ или прокураторовъ, присутствующихъ вмѣстѣ съ непремѣнными прокураторами, число коихъ не ограничивается. Должность сей коллегіи состоитъ въ наблюденіи о доходахъ и казнѣ Республики. Сіи прокураторы имѣютъ также всѣ тѣ права и преимущества, коими пользуются сенатскіе члены. Они имѣютъ общее засѣданіе и власть въ сенатѣ для разсмотрѣнія и опредѣленія политическихъ и прочихъ внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ по законамъ Республики, нѣкоторыя же важнѣйшія предлагаютъ на рѣшеніе Малому Совѣту.

Выборъ сенаторовъ и прокураторовъ.

Сенатъ имѣетъ наполненную именами наидостойнѣйшихъ дворянъ урну, кои баллотировкою Большимъ Совѣтомъ избираются.

Число именъ въ урнѣ не менѣе всегда быть должно 120-ти. Каждые полгода вынимаются изъ урны въ присутствіи полнаго собранія сената 5 именъ для перемѣны членовъ,—трехъ сенатскихъ и двухъ камеральныхъ. Сіи члены опредѣляются къ правленію дѣлъ только на два года. Достоинство тѣхъ дворянъ, коими наполняется урна, должно состоять въ сорока лѣтахъ и нѣкоторомъ имуществѣ каждаго.

Сверхъ вышеписанныхъ присутствій, прочее гражданское правленіе раздѣлено на разные магистраты.

Первый магистратъ составляютъ главные ревизоры, коихъ должность состоитъ въ надзираніи, дабы всѣ дѣла по законамъ производимы были, какъ въ сенатѣ, коллегіи, такъ и въ прочихъ магистратахъ; въ противномъ случаѣ имѣетъ власть уничтожать процессы и всѣ указы, которые даны будутъ не въ силу законовъ.

Магистратъ штатскихъ инквизиторовъ, которыхъ должность состоитъ въ наблюденіи тишины и порядка въ городѣ и во всемъ владѣніи; онъ имѣетъ власть приговаривать къ смерти и прочія дѣлать наказанія. Всякій изъ членовъ онаго по очереди мѣсяцъ отправляетъ должность при разбирательствѣ мелкихъ полицейскихъ дѣлъ.

Магистратъ военный имѣетъ въ вѣдѣніи своемъ сухопутное войско, которое въ настоящее мирное время состоитъ изъ четырехъ регулярныхъ полковъ, каждый по 500 человѣкъ. Члены магистрата сего отправляютъ должность поочередно чрезъ три мѣсяца, и тогда именуются генералами.

Магистратъ галерный. Сей имѣетъ въ вѣдѣній всю морскую часть; флотъ ихъ состоитъ изъ пяти галеръ и двухъ небольшихъ военныхъ судовъ, которыя посылаются всякій годъ для крейсированія по Средиземному морю и обороны коммерціи своей отъ алжирцевъ и тунисцевъ.

Есть еще нѣсколько магистратовъ, имѣющихъ въ вѣдѣніи своемъ мелкія отдѣленія, какъ-то: соляной, винный, хлѣбный, надъ дорогами, монетный и прочія. Всякій магистратъ имѣетъ 5 и 6 членовъ.

Сверхъ того, для произведенія публичныхъ гражданскихъ и криминальныхъ дѣлъ учреждены два суда, въ коихъ засѣдаютъ по три члена изъ иностранныхъ юриспрудентовъ. Оные чрезъ три года перемѣняются баллотировкою Малымъ Совѣтомъ. Изъ трехъ ихъ голосовъ два рѣшаютъ дѣло. Криминальный судъ властенъ приговаривать къ смерти, и всякое наказаніе по законамъ Республики; но опредѣленіе онаго подвержено разсмотрѣнію и опроверженію сената или магистрата главныхъ ревизоровъ. По прошествіи трехъ лѣтъ, главные ревизоры изслѣдуютъ дѣла ихъ правленія и имѣютъ власть наказывать въ случаѣ какого-либо пристрастія.

О Маломъ и Большомъ Совѣтахъ.

Малой Совѣтъ состоитъ изъ 200 дворянъ, которые не менѣе 27-ми лѣтъ имѣть должны. Воономъ разсматриваютъ предложенныя коллегіею дѣла и оныхъ чинится рѣшительное положеніе. Основывается онъ на законахъ 1576 года, коими до сего времени управляется Республика. Объявляетъ войну, заключаетъ миръ и прочія важныя производитъ дѣла, у приговора коихъ не менѣе 130 членовъ быть должно; и всякое рѣшеніе требуетъ четыре пятыхъ частей голосовъ. При всякомъ собраніи сего Совѣта члены присягаютъ предъ Евангеліемъ, чтобъ ни съ кѣмъ постороннимъ о дѣлахъ Совѣта не говорить, и что ихъ голосъ всегда къ пользѣ отечества стремиться будетъ.

Члены Малого Совѣта присутствуютъ во всѣхъ магистратахъ, а старшіе изъ нихъ лѣтами засѣдаютъ и президентами; между сими послѣдними находятся и изъ сенаторовъ.

Большой Совѣтъ состоитъ изъ всего вообще дворянства; но не менѣе двадцати двухъ лѣтъ члены онаго имѣть должны, выключая тѣхъ, которые принадлежатъ духовенству, которые находятся въ иностранныхъ службахъ или кавалеры какого-нибудь ордена. Большому Совѣту одному принадлежитъ власть дѣлать законы и раздавать важныя въ Республикѣ мѣста; все сіе производится по числу голосовъ.

О выборѣ членовъ обоихъ Совѣтовъ.

Всякій годъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Малый Совѣтъ выбираетъ изъ дворянства 30 членовъ, кои баллотировкою выбираютъ изъ всего дворянства наидостойнѣйшихъ въ члены для Малаго и Большого Совѣтовъ. Какъ въ Маломъ, такъ и въ Большомъ Совѣтѣ, присутствуетъ дожъ, сенатъ и коллегія.

Все дворянство служитъ безъ жалованья, выключая дожа и сенаторовъ, которымъ Республика даетъ нѣкоторое число для содержанія приличнаго каждому штата.

Штатскіе секретари, коихъ трое, берутся въ сіи должности не изъ дворянъ, но по знанію и способности къ дѣламъ и по 12-ти-лѣтней ихъ службѣ, включаются имена ихъ въ Золотую Книгу дворянства и выбираются потомъ членами. Они получаютъ жалованье и всякій имѣетъ свой департаментъ.

Большой Совѣтъ призывается по колоколу, когда въ немъ нужду имѣютъ; а Малому опредѣлено имѣть собраніе одинъ разъ въ мѣсяцъ.

543.

Начало и основаніе банка Генуескаго [1]).

Банкъ Св. Георгія, учрежденной изъ весьма давныхъ лѣтъ, имѣлъ начало свое по случаю нуждъ, въ коихъ Республика находилась. Она, бравъ нѣкоторое число отъ гражданъ своихъ капитала, отдавала имъ свои таможенные доходы для платежа процентовъ; и отъ времяни до времяни находясь въ новыхъ недостаткахъ казны, и вовсе всю таможню и съ пошлинами со внутреннихъ товаровъ, онымъ капиталистамъ продала, присовокупя къ тому многія привилегіи, какъ-то: судить самому банку преступниковъ въ дѣлахъ, до доходовъ его касающихся, со властію наказывать и казнить по закону общему Республики, для чего и достаточное число управляю-

---

[1]) Приложеніе къ донесенію Мордвинова отъ 1 (12) сентября 1782 г. (*Тамъ же*, л. 15).

щихъ опредѣляемо было; ограждать отъ конфискованія у наслѣдниковъ данной капиталъ, которой наслѣдственно переходитъ имъ въ одинаковомъ состояніи, и называется непремѣннымъ доходомъ, и пр.

Учрежденіе новаго порядка банку въ 1704 году.

Выбрано восемь старшинъ или протекторовъ изъ вкладчиковъ во оной для управленія, сбору пошлинъ и раздѣленія процентовъ. Вся сумма данныхъ капиталовъ раздѣлена на 290.384 части, считая всякую часть по 100 ливровъ. Въ 1734-мъ году по исчисленію получаемыхъ сборовъ на проценты, полагая по 2½ на сто, обошлось таковыхъ сотенныхъ частей капитала 476.110. А какъ Республика и послѣ того неоднократно еще въ банкѣ занимала, уступая оному что-нибудь изъ своихъ доходовъ, то думать надобно, что по сіе время и гораздо доходы его умножились.

Многіе изъ капиталистовъ, въ коемъ числѣ есть изъ дворянства и купечества, отъ усердія къ отечеству, отдавали Республикѣ безъ возврату капиталы свои и съ процентами; но съ такимъ условіемъ, чтобъ, оставляя въ томъ же банкѣ получаемые ими проценты въ ростъ, откупала понемногу и возвращала свои доходы.

Вѣрность и прибыль сего банка столь велики, что за всякую часть капитала, изъ 100 ливровъ состоящую, даютъ охотно по 270 ливровъ, если кто капиталъ свой продать пожелаетъ.

Сверхъ того, учрежденъ еще банкъ для храненія капиталовъ купечества, который раздѣленъ на четыре части и во всякой опредѣлено по два нотаріуса. Польза сего состоитъ въ томъ, что всякій гражданинъ можетъ внести въ оной деньги свои для храненія, не получая никакихъ процентовъ, и въ случаяхъ нужды по торговымъ дѣламъ своимъ берутъ по частямъ или ассигнуютъ въ уплату другимъ. Сіе приноситъ имъ по коммерческимъ обращеніямъ великое облегченіе и избавляетъ отъ переводовъ денегъ; банкъ же отъ того имѣетъ свои выгоды.

544.

Пропускной листъ.

République Française.

Liberté. Egalité.

Trieste, le 2-de Prairial an 5-mo [1]) de la République Française.

Le Citoyen Brechet, Commandant militaire de la ville, château et port de Trieste

A Monsieur le ministre de sa majesté l'empereur de Russie.

Monsieur,

Je suis instruit que vous êtes dans l'intention de partir demain pour continuer votre route; je viens vous offrir une escorte pour la sûreté de votre personne et de votre suite. Si vous l'acceptez, je vous prie me dire l'heure de votre départ, pour qu'elle se rend chez vous.

J'ai l'honneur d'être avec des sentiments distingués,

Monsieur,

Votre très-humble serviteur

Brêchet.

Je joins sous ce pli votre certificat.

Паспорты А. С. Мордвинова.

545.

République Française.

Légation de France à Venise.

Nous, Jean Baptiste Lallemant, ministre de la République Française près celle de Venise,

prions de laisser sûrement et librement passer sous la garantie du Droit des Gens le porteur du présent passeport, mi-

---

[1]) 21-го мая 1797 года.

*

nistre de Russie à Venise, ayant quitté cette ville neutre lorsque les Français ont été appelés par le gouvernement Venitien, et prêter lui même escorte en cas de besoin pour traverser les postes français depuis Venise par Mestre, Trevise etc. jusqu'en Allemagne etc.

Le présent passeport est valable egalement pour ses éffets, pour sa suite et les personnes employées à sa légation.

Le secrétaire de Légation en l'absence du ministre
J. H. Villetard.

546.

Божіею милостію Мы, Павелъ Первый, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется чрезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что показатель сего Нашъ тайный совѣтникъ и кавалеръ Мордвиновъ уволенъ въ чужіе края съ будущими при немъ. Того ради Мы всѣхъ высокихъ Областей дружебно просимъ и отъ каждаго по состоянію чина и достоинства, кому сіе предъявится, пріятно желаемъ; Нашимъ же воинскимъ и гражданскимъ управителямъ всемилостивѣйше повелѣваемъ, дабы помянутаго тайнаго совѣтника Мордвинова съ будущими не токмо свободно и безъ задержанія вездѣ пропускать, но и всякое благоволеніе и вспоможеніе показывать велѣли; за что Мы каждымъ высокимъ Областямъ взаимно въ таковыхъ случаяхъ воздавать обѣщаемъ, Наши же подданные оное Наше повелѣніе да исполнятъ. Во свидѣтельство того данъ сей паспортъ съ приложеніемъ Нашея государственныя печати. Въ Санктъ-Петербургѣ, Іюля 4-го дня 1798 года.

По Его Императорскаго Величества указу
Князь Безбородко.

547.

Паспортъ Маріи Шенетъ де-Макарти.

По указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича, самодержца Всероссійскаго, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется чрезъ сіе, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что показательница сего французская уроженка Марія Шенетъ де-Макарти отправляется изъ Россіи въ чужіе края сухимъ путемъ и имѣетъ выѣхать отъ нижеписаннаго числа изъ Санктпетербурга въ недѣлю, а за границу въ мѣсяцъ; прежде же выѣзда явиться съ симъ здѣсь въ Управѣ Благочинія. Во свидѣтельство чего, для свободнаго проѣзда, данъ сей паспортъ изъ Санктпетербургскаго Губернскаго Правленія съ приложеніемъ Его Императорскаго Величества печати. Въ Санктпетербургѣ, февраля 16-го дня 1804 года.

Санктпетербургскій гражданскій губернаторъ
Сергѣй Кушниковъ [1]).
Секретарь Марковъ.

Сей паспортъ въ Санктпетербургской Управѣ Благочинія явленъ и въ книгу подъ № 39 записанъ. О непропускѣ показаннаго количества золота и серебра, равно и писемъ, поступать какъ слѣдуетъ. Февраля 16-го дня 1804 года.

---

[1]) Сергѣй Сергѣевичъ, 1765—1839; сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ.

IV.

ПУТЬ ДАРДАНЕЛЛАМИ

КЪ ЦАРЬГРАДУ.

548.

ПРИМѢЧАНІЯ,

касающіяся до прохожденія Дарданелей и продолженія пути къ Царю-граду.

(Описаніе флота капитанъ-лейтенанта Плещеева).

Приближаясь съ моря къ устьямъ Дарданельскимъ, открывается на азіатской сторонѣ высокой и крутой берегъ, на поверхности коего стоитъ деревня Джауркіой, имѣющая по пордовую сторону себя нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ, которыхъ оконечность уже находится въ устьяхъ; европейскій же берегъ немногимъ пониже азіатскаго, покажетъ тогда крѣпость Сетиль-Багаръ, а подходя еще ближе къ устьямъ, откроется молдованская Калеси, и азіатская крѣпость Пумъ-Калеси.

Отъ мыса Джауркіой лежитъ лѣсъ къ NW саженъ на двѣсти, обойдя который, надлежитъ придерживать къ азіатской сторонѣ почти до самаго мыса Фонья и Барбье, ибо теченіе тутъ не столько сильно, какъ по другому берегу. Не доходя немного мыса Барбье, понеже повестовую сторону онаго нѣсколько мелко, надлежитъ зачать придерживаться къ европейскому берегу и иттить по оному до самой крѣпости Кетель-Багаръ или Богасъ-Ксари, гдѣ теченіе не имѣетъ ту силу, съ которой оно стремится у крѣпости Ченакъ-Калеси, ударяясь прямо на мысъ Барбье, ради чего суда, выходящія въ море, должны держаться отъ сего мыса, дабы сильное стремленіе воды не нанесло судно на оконечность онаго. Отъ крѣпости Кетель-Багаръ держаться лучше къ европейскому берегу до самаго Галиполи, потому что теченіе тутъ не столько сильно, осте-

регаясь мели, лежащей отъ мыса Нагары, саженъ па восемьдесять, также и отъ мыса Галаты простирающихся къ зюйду подводныхъ камней.

По всему Дарданельскому проливу безопасно можно подходить къ обоимъ берегамъ на одинъ кобельтовъ или на сто пятдесять саженъ разстояніемъ, выключая мели, простирающейся къ норду отъ анатольскаго фонаря мили на полторы.

Продолжая путь отъ Галиполи къ Царю-граду въ лѣтнее время, лучше придерживаться къ европейскому берегу, по причинѣ вѣтровъ, кои болѣе тогда бываютъ отъ N, гдѣ также и теченіе стремится не столько сильно. Проходя же Радоской мысъ, заливы Бугокъ-Чекмеже и Кучюкъ-Чекмеже, надобно остерегаться шкваловъ, которые при нордовыхъ вѣтрахъ съ большою силою изъ оныхъ иногда находятъ.

По всему нордовому берегу Мраморнаго моря безопасно можно иттить въ разстояніи одной съ четвертью версты, выключая противъ деревни Перистазій или С. Георгія, отъ коей простирается мель къ зюйду почти на двѣ версты. По вестовую сторону Родоскаго мыса также выходитъ мель саженъ на сто пятьдесятъ; между же деревень Бевацы и Мадоны лежитъ подводный камень, разстояніемъ отъ берега на одну версту, коего надобно весьма остерегаться во время лавированія, да еще отъ деревни Санъ-Стефано выходитъ мель къ зюйду на одну версту.

Въ зимнее же и осеннее время, такъ какъ по большей части вѣтры бываютъ отъ зюйда, надлежитъ держаться ближе къ Мраморнымъ островамъ, а иногда и между большаго Мраморнаго острова и острова И-утали проходить, придерживаясь всегда къ азіатскому берегу, по которому находится много хорошихъ рейдовъ и якорныхъ мѣстъ.

1.

Описаніе якорныхъ мѣстъ въ Дарданельскомъ проливѣ.

Пройдя крѣпость Кумъ-Калеси и рѣчку, текущую недалеко отъ оной, можно быть закрыту отъ нордоваго вѣтра, ставъ на

якорь по вестовую сторону мыса Топташи, разстояніемъ отъ берега три четверти мили, въ 14 и 15 саженей глубины.

Во время нордовой погоды также можно стоять на якорѣ по вестовую сторону мыса Барбье, разстояніемъ одной мили, въ 8 и 9 саженяхъ глубины.

По остовую сторону мыса Барбье въ одной мили или менѣе отъ берега, поравняясь противъ стоящаго недалеко отъ воды каменнаго фонтана, саженяхъ въ 8 или 10, становятся иногда суда для таможеннаго осмотра, гдѣ отъ зюйдоваго и вестоваго вѣтру бываютъ совсѣмъ закрыты. Только надобно имѣть большое попеченіе о якорѣ, когда кто стоитъ на одномъ, ибо теченіе бываетъ струями и въ разныя стороны перемѣняется по силѣ погоды.

По остовую сторону мыса Нагары, разстояніемъ полмили отъ Калембака, саженяхъ въ 18 или 19 глубины, обыкновенно становятся отходящія суда для таможеннаго осмотра, будучи закрыты отъ всѣхъ вѣтровъ и имѣя слабое теченіе къ осту, заходящее по берегу въ супротивленіе главнаго средняго теченія, отчего суда всегда по вѣтру и стоятъ. Опредѣленная въ Ченакъ-Калеси таможня присылаетъ сюда своего офицера осматривать суда, и съ каждаго иностраннаго судна получаетъ шесть піастровъ; для подданныхъ же своихъ судовъ суммы никакой не назначено, но въ такомъ случаѣ осмотрщикъ имѣетъ власть опредѣлить число денегъ, какое онъ заблагоразсудитъ, отчего греческія суда частыя обиды и претерпѣваютъ. Для всякихъ нечаянныхъ случаевъ, въ разсужденіи прохожденія и остановки большаго числа судовъ, сдѣланъ здѣсь киленбанокъ, далеко отъ коего къ весту построенъ нынѣшнимъ капитаномъ-пашею хорошій фонтанъ для наливанія воды. Рабочіе же люди во множествѣ находятся въ предмѣстіи Ченакъ-Калескомъ.

Въ бухтѣ между мыса Качары и Бургасъ-Бурку можно по нуждѣ стать на якорь, въ 20 и 18 саженяхъ глубины; а малыя суда гораздо ближе, гдѣ отъ зюйдоваго и вестоваго вѣтра совсѣмъ закрыты быть могутъ.

По вестовую сторону Бургасъ-Бурку суда могутъ стоять закрыты отъ всѣхъ вѣтровъ, въ полмили отъ берега, имѣя 10 и 12 саженей глубины.

По вестовую сторону мыса Лапшако имѣется хорошій портъ, куда суда часто забѣгаютъ, становясь противъ мельницъ, которыя стоятъ у самой воды, въ полмили отъ берега; имѣется саженей 18 и 19 глубины.

Противъ мѣстечка Шардака, въ полмили отъ берега, имѣется 17 и 18 саженъ глубины, гдѣ съ нордовымъ вѣтромъ можно изрядно на якорѣ стать; однако сюда лишь только малыя суда забѣгаютъ.

Въ бухтѣ между крѣпостей Сетиль-Багаръ и Молдованджи-Калеси никогда не надлежитъ класть якорь, по причинѣ дурнаго грунта и сильнаго теченія.

По вестовую же сторону Серли-Бирку, въ полмили отъ берега, саженяхъ въ 16 и 17, изрядно можно стоять при нордовомъ и остовомъ вѣтрѣ. Въ портѣ Мактѣ, по вестовую сторону мыса Килія, въ трехъ четвертяхъ мили отъ берега, саженяхъ въ 14 и 15, можно положить якорь и закрыту быть отъ всѣхъ вѣтровъ.

Въ Паляпатимской бухтѣ также можно имѣть хорошее пристанище, положа якорь въ трехъ четвертяхъ мили отъ берега, саженяхъ 17 и 18 глубины.

По вестовую сторону мыса Галаты, въ одной мили отъ берега, саженяхъ въ 17 и 18, при нордовой погодѣ можно класть якорь.

Въ Галипольской бухтѣ лучше якорное мѣсто, въ одной мили отъ берега, саженъ въ 15 и 16 глубины, противъ стараго арсенала. Здѣсь для малыхъ судовъ есть мола. При вестовой погодѣ на рейдѣ бываетъ не малое волненіе.

Межъ Галиполи и мыса Нагары самая большая глубина 35 саженъ, грунтъ по большей части илъ, гдѣ въ случаѣ нужды свободно положить можно якорь. Межъ мыса Нагары и крѣпости Сетиль-Багаръ или устьевъ дарданельскихъ самая большая глубина 45 саженъ; грунтъ перемѣнной.

Склоненіе компаса въ Мраморномъ морѣ около 12½ градусовъ.

2.

Примѣчанія, касающіяся до прохожденія Константинопольскаго канала.

Идучи изъ Чернаго моря въ Царь-градъ, надлежитъ иттить срединою канала, но камень, лежащій между крѣпостей Ковакъ-Исари и Анадолъ-Ковакъ, оставляя вправѣ, и иттить срединою между онымъ и азіатскаго берега; потомъ держать курсъ прямо къ Тарапіи, дабы пройтить мель, лежащую отъ селъ Вибурку, обойдя которую, продолжать путь по срединѣ до самаго Арнауткіой, откуда зачать придерживаться къ азіатскому берегу, гдѣ теченіе стремится съ большею силою; поворотить же въ портъ не прежде, какъ найдешься между Кызъ-Калеси и Бешикъ-паши. Войдя въ портъ надлежитъ держать по срединѣ, пока не поровняешься противъ, таможни, гдѣ обыкновенно приходящія съ моря суда ложатся на якорь.

Идучи же изъ Царя-града въ Черное море, надлежитъ держаться болѣе къ европейскому берегу, до самой крѣпости Урмели-Исары, по коему теченіе стремится не столько сильно, какъ по азіатскому, остерегаясь лежащихъ противъ Куру-Чесмы каменныхъ банкъ, которыя не всегда видны бываютъ. Отъ Урмели-Исары, пройдя мысъ Канлыджи, зачать надлежитъ придерживаться къ Анатоліи, до самаго Умурьеръ, въ округъ коего въ тихую погоду малому судну можно тянуться бичевою, нарочито для сего выкладенной камнемъ и имѣющей во многихъ мѣстахъ сваи, для закрѣпленія завозовъ. Отъ Умурье-Бурну до крѣпости Паріазмеманъ-Калеси въ тихую погоду продолжать путь тоже по азіатской сторонѣ, гдѣ имѣется въ разныхъ мѣстахъ, какъ по картѣ видно, выложенный по берегу каменный трактъ, и сваи, по коимъ суда тянуться могутъ. На Фильбурну стоитъ для сего употребленія послѣдній мраморный столпъ или свая. Въ погоду же, пройдя камень, лежащій межъ Ковакъ-Исарй и Анадолъ-Ковакъ, способно придерживаться къ европейскому берегу, гдѣ теченіе не столько сильно, остере-

гаясь каменной косы, выходящей отъ Рихабурну. Вышедъ изъ канала, держаться надлежитъ нѣсколько миль по анатолійскому берегу до самаго Баба-Бурну, отъ коего удобнѣе брать свое отшествіе и направлять курсъ къ Крымскимъ берегамъ.

3.

Описаніе якорныхъ мѣстъ въ Константинопольскомъ каналѣ.

Между крѣпости Паріазмеманъ-Калеси и Филъ-Бурну въ лѣтнее время иногда суда становятся за погодою; но въ бухтѣ между Филъ-Бурну и крѣпости Анадолъ-Ковакъ хорошо можно стоять и закрыту быть почти отъ всѣхъ вѣтровъ.

Въ Буюкъ-дере весьма хорошій портъ, гдѣ часто становятся суда, дожидаясь къ выходу своему способной погоды.

Въ Тарапіи и въ Стеки весьма хорошіе и отъ всѣхъ вѣтровъ закрытые порты, гдѣ суда обыкновенно притягиваются и закрѣпляются къ берегу. Въ послѣднемъ изъ оныхъ лежитъ недалеко отъ берега камень, который, входя въ портъ, оставляется въ лѣвой сторонѣ.

Въ крѣпости Урмели-Исары учреждена таможня для осмотра отходящихъ судовъ.

Самая большая глубина между Тефдедаръ-Бурнъ и Буюкъ-дере 32 сажени, а между Буюкъ-дере и Фонаряки болѣе нѣтъ какъ 25 саженъ. Грунтъ перемѣнной по всему каналу.

V.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ

Н. С. МОРДВИНОВА.

549.

ПОСЛУЖНАЯ СКАСКА

флота капитана перваго ранга Мордвинова.

Чинъ и имя.	Флота капитанъ перваго ранга Николай Семеновъ сынъ Мордвиновъ.
Сколько отъ роду лѣтъ.	30.
Изъ какихъ чиновъ, какихъ націй и закона и много ли имѣетъ мужеска полу душъ.	Россійской націи, изъ дворянъ, греческаго исповѣданія, мужеска полу имѣетъ за собою сто душъ.
Время вступленія въ службу.	1766 году іюля 24-го дня.
Отъ рядоваго даже до послѣдняго чина какими и когда происходилъ.	Въ морской шляхетскій кадетскій корпусъ въ гардемарины 1766 года іюля 24-го дня; отъ гардемаринъ въ капралы 1766 г. декабря 15-го; мичманомъ 1768 г. ноября 24-го; при господинѣ адмиралѣ и кавалерѣ Мордвиновѣ флигель-адъютантомъ 1770 г. іюня 16-го; при адмиралѣ Кновлесѣ генеральсъ-адъютантомъ 1771 г. марта 31-го; во флотъ въ капитанъ-лейтенанты 1774 г. марта 31-го; въ капитаны во второй рангъ 1781 г. генваря 1-го; въ капитаны перваго ранга въ 1783 г. апрѣля 21-го дня.

Въ настоящемъ чину давно-ль состоитъ.

Съ 1783 г. апрѣля 21-го дня.

Во время продолженія своей службы гдѣ имянно въ походахъ противъ непріятеля, на какихъ корабляхъ и другихъ судахъ, подъ чьими командами былъ или самъ командовалъ и гдѣ у прочихъ дѣлъ находился.

Въ 1766 г. въ кампаніи на фрегатѣ «Св. Θеодоръ» подъ командою капитана Ивана Корсакова [1]) рейсъ имѣлъ отъ Кронштадта до Дагерорта и обратно въ Кронштадтъ; въ 1767 г. въ Санктъ-Петербургѣ находился въ болѣзни; въ 1768 г. на пакетъ-ботѣ «Лучшемъ» изъ Кронштадта до Кильштадта и обратно подъ командою флота лейтенанта Сипягина [2]); въ 1769 г. на собственной Его Императорскато Высочества яхтѣ «Счастіе», командиромъ, да въ томъ же году на яхтѣ «Св. Екатерина» изъ Кронштадта до Ревеля и обратно подъ командою флота капитана Шубина [3]); въ 1770 г. былъ самъ командиромъ на яхтѣ «Счастіе» противъ Петергофа; въ 1771 г. при адмиралѣ Кновлесѣ; въ 1772 г. былъ съ господиномъ адмираломъ Кновлесомъ въ экспедиціи Дунайской; въ 1773 г. на кораблѣ «Св. Андрей Первозванный» подъ командою капитана Сурмина [4]), на которомъ кораблѣ флагъ имѣлъ господинъ контръ-адмиралъ Василій Яковлевичъ Чи-

---

[1]) См. выше, № 71.

[2]) Мартьянъ Яковлевичъ, 1736—1800; въ 1764 г. произведенъ въ лейтенанты; въ 1797 г. произведенъ въ вице-адмиралы; въ 1799 г. уволенъ отъ службы.

[3]) Софронъ Борисовичъ, 1728—1782; въ 1764 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга.

[4]) Василій Васильевичъ, 1731—1792; въ 1770 г. произведенъ въ капитаны 2-го ранга; съ 1772 г. находился подъ командою адмирала Мордвинова.

чаговъ [1]); 1774 г. посланъ былъ въ Англію [2]), гдѣ и находился по 1777 г., а въ ономъ опредѣленъ въ Интендантскую Экспедицію за совѣтника по 1780 г., а въ ономъ на кораблѣ «Св. Іезекіилъ» флагманскимъ офицеромъ у господина бригадира Палибина [3]), рейсъ имѣлъ до Лисабона и обратно; въ 1781 г. въ Кронштадтѣ; въ 1782 г. по росписанію Государственной Адмиралтейской Коллегіи опредѣленъ командиромъ на корабль «Константинъ», на которомъ съ эскадрою подъ флагомъ господина адмирала и кавалера Василія Яковлевича Чичагова отъ Кронштадта вояжъ имѣлъ въ Ливорну; въ 1783 г. на томъ же кораблѣ и въ оной же эскадрѣ ноября до 19-го числа, а въ ономъ отправился по повелѣнію его, господина адмирала и кавалера, для килеванія корабля въ портъ Ферраро, имѣя еще въ командѣ корабль «Св. Давидъ», откуда по килеваніи тѣхъ кораблей возвратился съ однимъ кораблемъ въ 1784 г. въ генварѣ мѣсяцѣ, а въ ономъ же году въ эскадрѣ и подъ флагомъ Его Высокопревосходительства отъ Ливорны въ Кронштадтъ; въ 1785 г. былъ въ Италіи въ

---

[1]) 1729—1809; въ 1770 г. произведенъ въ контръ-адмиралы, въ 1775 г.—въ вице-адмиралы, въ 1782 г.—въ адмиралы; особенно отличился во время шведской войны, 15-го іюля 1789 г. и 2-го мая 1790 г., за что награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и св. Георгія 1-го класса, шпагою съ алмазами, серебрянымъ сервизомъ и 3805 душами крестьянъ въ потомственное владѣніе.

[2]) См. выше, №№ 130, 131.

[3]) Никифоръ Львовичъ, 1734—1791; въ 1777 г. произведенъ въ капитаны бригадирскаго ранга.

отпуску, а по прибытіи оттуда посланъ въ Херсонъ, гдѣ и нынѣ нахожусь.

Грамотѣ читать и писать и другія какія науки знаетъ ли.

Читать и писать и другія принадлежащія къ мореплаванію по регламенту науки знаетъ.

Кто, когда и за какія вины имянно по суду въ штрафахъ былъ и что ему за то учинено и не производится ли надъ нимъ нынѣ слѣдствія или кригсрехтовъ.

Не бывалъ.

Кто со вступленія въ службу сколько разъ въ домовыхъ отпускахъ былъ съ котораго и по которое время и на срокъ къ командѣ явился ли.

—

VI.

LA DÉFENSE ET L'ATTAQUE

DU BOSPHORE.

550.

MÉMOIRE

sur la défense du Bosphore ou canal de la Mer Noire.

Dans l'état actuel des défenses du Bosphore une escadre ennemie peut aisement en tenter le passage et y réussir infailliblement. Les suites d'une pareille expédition seraient terribles pour Constantinople et pour l'empire ottoman. Il est donc indispensable de travailler incessamment aux moyens les plus propres à la prévenir. Je vais les détailler ici conformement aux intentions de la sublime Porte. La carte et les dessins [1]) qui accompagnent ce mémoire ne laisseront rien à désirer sur cet objet dont on connait l'importance et la nécessité.

Une armée navale ennemie peut tenter le passage du canal de la Mer Noire de deux manières: *premièrement*, avec le seul secours du feu de ses vaisseaux, qui sera toujours superieur à celui des châteaux actuellement construits sur ce canal, et, *secondement*, en débarquant quelques troupes de droite et de gauche sur les côtes d'Asie et d'Europe, qui fournissent plusieurs endroits favorables à ces débarquements, d'où elles se porteront sur ces mauvais forts aisés à emporter d'emblée et plongés d'ailleurs des hauteurs voisines qui les commandent.

Les châteaux tant anciens que modernes, qui ont été construits dans cette partie du canal, n'ont aucune des propriétés nécessaires pour empêcher une escadre d'en forcer le passage, comme il est facile de s'en convaincre par les plans particuliers

---

[1]) La carte et les dessins manquent dans les archives des comtes de Mordwinoff.

qu'on en a fait et par leur position sur la carte. En effet leur situation trop basse les expose à l'artillerie des vaisseaux toujours nombreuse et même à la mousqueterie de leurs hunes. Leurs parapets en maçonnerie seraient bientôt ruinés et les canoniers hors de service par leurs éclats. Ils ne sont pas mieux défendus du côté de terre, ils ont peu de capacité, et il est aisé de les escalader ou de les plonger des hauteurs voisines, de manière à les priver absolument de l'usage de leur bouches à feu.

Après avoir reconnu la faiblesse et les défauts des défenses actuelles, on a cherché les moyens d'y remédier et l'on propose en conséquence les forts, exprimés sur la carte par des feuilles volantes, dont les feux, mieux dirigés et hors d'atteinte de l'artillerie des vaisseaux, croisent à bonne portée sur l'entonnoir qui forme ce canal à son entrée. Leur situation est telle que l'ennemi ne peut présenter son bord à l'un d'eux sans offrir le prolongement de l'avant à l'arrière ou de l'arrière à l'avant à quelqu'un des autres.

Ces nouveaux forts ont été placés sur des hauteurs qui leur procurent des avantages considérables sans aucun inconvénient. Les batteries élevées jusqu'aux deux tiers ou même au niveau du sommet de la mâture des vaisseaux sont par leur élévation même à l'abri de leur feu, qui est gêné dans cette direction, et quand on supposerait qu'il ne l'est pas, le boulet chassé du bas en haut ne fairait que passer par-dessus sans ruiner leur parapets et sans nuire aux canoniers qui les servent. Elles ont au contraire par leur position un but plus étendu et plus aisé à rencontrer; elles plongent le vaisseau d'un bout à l'autre dans toute sa longueur, lorsqu'il présente son prolongement et percent son pont et ses bordages; tandis que les batteries horizontales en pareil cas ne peuvent l'atteindre que dans sa partie la plus étroite et sont exposées à être battues avec la supériorité du nombre et un égal avantage du tir. C'est en vain qu'on voudrait lutter contre l'artillerie d'une armée navale, il faut se borner à rendre son feu inutile par une bonne disposition de celui qu'on peut lui opposer, en le dirigeant de manière qu'il

lui soit impossible d'éviter sa déstruction entière. Les bombes et les boulets rouges en offrent un moyen infallible, et l'on sent bien que l'élévation des batteries de mortiers ajoute toujours à leur effet. Le plus grand des avantages à la guerre est sans doute de faire beaucoup de mal à l'ennemi sans en recevoir, ou du moins en n'en recevant que le moins possible. Tel est l'objet des fortifications, et le terrain fournit ici à cet égard les ressources les plus propres à le favoriser.

De plus les forts proposés seront à l'abri d'un coup de main tenté par des troupes de débarquement et ne sauraient être plongés des hauteurs voisines. Ils exigeront un siège dans les formes et par conséquent des préparatifs longs et dangereux à portée d'une capitale qui sera toujours à même d'y faire passer des secours en troupes et munitions. D'ailleurs leur position et leur distance ont été combinées de manière à se protéger mutuellement par leur artillerie, en sorte qu'on ne peut investir l'un sans se mettre en prise aux revers des autres.

Le fort projeté et tracé à Fanaraky sur le cap des Papas ne demandera que douze à quinze cents hommes pour sa défense et pourra en contenir plus de deux mille. Vingt-huit à trente pièces de canons et douze à quinze mortiers y suffiront pour entretenir un feu bien nourri sur une escadre qui voudrait forcer le passage. Il ne faudra à chacun des autres forts qu'environ trois cent hommes de garnison, douze à quinze pièces de canons et huit ou dix mortiers. Ainsi l'on défendra aisément l'entrée du canal de la Mer Noire avec trois mille hommes, cent pièces de canons et soixante mortiers.

Il y a dans les châteaux actuels environ quatre vingt dix pièces de canons; mais elles sont si gênées, si serrées et si mal dirigées, indépendamment des défauts de leur position, qu'on n'en saurait faire un grand usage. C'est moins la qualité de bouches à feu, que leur bonne disposition, la facilité et la promptitude du service qui en assure le succès. Il n'y a point de mortiers et ils sont absolument nécessaires. Les bombes et les boulets rouges effrayent les marins les plus intrépides et causeront la

ruine et l'incendie d'une armée navale, si elle ose se risquer dans un passage si étroit. L'on peut assurer qu'après l'exécution des nouveaux forts une escadre ennemie n'oserait le tenter sans s'exposer à être infailliblement brûlée ou coulée bas.

On pourrait cependant tirer encore quelque parti des châteaux actuellement existants, en formant des parapets en terre audessus de leurs revêtements de maçonnerie; mais ils ont si peu de capacité et leur direction est si mauvaise, qu'on n'y placerait commodement que deux ou trois pièces de canons et autant de mortiers; ils seront moins en but aux plongées des hauteurs voisines, lorsque les nouveaux forts, qui les protégeront, seront exécutés et deviendront plus utiles; ils serviront des postes et favoriseront le débarquement des troupes et des munitions dont on aura besoin.

Les précautions à prendre en cas de guerre sont:

1°. De bien approvisionner ces forts tant pour leur défense que pour la subsistance de leur garnison.

2°. D'y faire une bonne garde et d'être toujours prêts à bien recevoir l'ennemi dans quelqu'instant qu'il puisse se présenter.

3°. Enfin d'avoir toujours dans la Mer Noire quelques bâtiments de guerre légers pour observer les mouvements de la flotte ennemie et en rapporter des nouvelles.

Il y a lieu de croire qu'après l'exécution des forts proposés l'ennemi ne tentera point le passage du canal de la Mer Noire, mais il pourrait hazarder un débarquement sur la côte d'Europe entre Karabouroun et Esky-Fanary et tâcher de pénétrer dans une seule marche jusqu'aux portes de Constantinople; ainsi il est essentiel de veiller à la défense de cette partie et d'y exécuter les ouvrages proposés à la Porte au mois d'Avril de l'année dernière. Le château que l'on construit actuellement à Esky-Fanary, en conséquence de ce projet, sera très dispendieux et ne remplira point son objet; un fort en terre pareil à ceux qui ont été proposés pour le canal y suffirait et serait d'une meilleure défense. Il en est de même de celui de Kara-

bouroun, que je n'ai pas vu et qui doit être fait sur le même dessein. Il est également nécessaire de préparer d'avance sur toute cette étendue de côte les batteries dont on a aussi indiqué les positions pour tirer sur les chaloupes de débarquement.

Les troupes d'infanterie et de cavallerie destinées à s'opposer à cette descente, doivent être divisées en trois corps dont un sera campé sur les hauteurs de Yeni-Keirie, le second sur celle de Domusderé et le troisième sous le canon du fort projetté à Fanaraky. Au premier avis de l'apparition des vaisseaux, on établira des postes le long de la côte et l'on fera des fréquentes patrouilles surtout pendant la nuit. Il sera encore essentiel d'établir des communications faciles entre ces corps de troupes afin qu'ils puissent se secourir mutuellement et se porter rapidement où le besoin l'exigera.

Les précautions, que l'on vient d'indiquer pour s'opposer à une descente du côté d'Europe, n'exigent ni une grande dépense, ni un corps de troupes bien considérable, parce que les points, par où l'ennemi pourrait pénétrer, sont déterminés par le terrain, qui ne lui permet pas de reconnaître leur nombre. D'ailleurs la proximité de Constantinople donne la facilité d'y faire passer les renforts nécessaires, et il serait bien d'établir pour cet objet un camp près du village de Belgrade, dans une position forte intermédiare et centrale, la droite appuyée à la forêt de Belgrade, qu'il est aisé de rendre impénétrable, et la gauche à de ravins escarpés, le front se développant sur les hauteurs qui séparent les deux villages de Belgrade et de Domusderé.

Si l'ennemi parvenait à effectuer sa descente malgré tous les moyens indiqués ci-dessus, ce qui n'est guères probable, sa marche sur Constantinople serait nécessairement lente et difficile, parce qu'il serait obligé de se débarrasser auparavant des forts proposés sur cette côte afin d'assurer ses derrières et de conserver la communication avec son armée navale. Il serait forcé par la même raison de faire le siège du fort projetté à Fanaraky, opération dont le succès parait impossible, attendu les secours qu'on

pourrait y faire passer sans cesse par le canal et vu la facilité que l'on aurait de défendre successivement le terrain que ses troupes devaient traverser pour y arriver.

La côte d'Asie depuis le canal jusqu'à Riva, quoique moins intéressante à garder, parce qu'elle ne peut être l'objet d'une descente sérieuse de la part de l'ennemi, exige cependant les ouvrages proposés aussi, l'année dernière, à la Porte et désignés sur la même carte. Il est également essentiel d'établir un corps de troupes près du fort de ce canal, afin de s'opposer aux débarquements qu'il pourrait tenter dans cette partie.

La défense de la côte voisine du canal de la Mer Noire est si intimement liée à celle de ce canal et à la sûreté de Constantinople, que j'ai cru devoir rappeler ici le travail qui a été fait l'année dernière sur cette partie d'autant mieux que les forts, que l'on construit actuellement à Esky-Fanary et à Karabouroun, ne rempliront point leur objet. Il est encore temps d'y remédier et l'on s'en occupera aussitôt que la Porte le jugera à propos.

On observera que les châteaux des deux Cavaks d'Asie et d'Europe sont tres défectueux et mal placés. La batterie, que la Porte avait projetté de faire établir sur l'écueil près de Cavac d'Europe, aurait fort peu de capacité, serait absolument inutile et très dispendieuse ou même impossible à construire, attendu l'inégalité du banc de roche, sur lequel il faudrait l'assoir, et la violence du courant dans cet endroit. L'on a cru devoir borner la défense de l'entrée du canal d'un côté à Bouyukliman et de l'autre à Filbouroun, parce que les forts projetés dans cette partie depuis les faneaux, suffisent pour en empêcher le passage. Cependant si la Porte jugerait à propos d'en augmenter le nombre et d'en placer quelques autres dans l'intérieur, on indiquerait des positions très propres à recevoir encore de nouvelles batteries de canons et de mortiers.

Les ouvrages proposés dans ce mémoire pour la défense du Bosphore seront aisement achevés dans cinq à six mois au plus, pourvu que l'on ait les ouvriers, les outils et les bois néces-

saires. On en donnera un état dès qu'on le désirera. Il est essentiel aussi de préparer d'avance les plateformes, les affûts des canons et des mortiers, qu'on doit y placer; il y a quelques corrections à faire à cet égard à l'artillerie des châteaux actuels pour faciliter la promptitude du service et la justesse du tir.

De Lafitte Clavé [1]).

Le 20 Mai 1785.
Pera.

551.

PLAN D'UNE ATTAQUE

sur la flotte turque dans le port de Constantinople.

Cette entreprise effraie par sa hardiesse apparante, mais elle est accompagnée de fort peu de danger réel, et si elle est conduite avec intelligence elle ne peut pas manquer d'être heureuse. Ce que j'affirme est conforme à l'opinion de plusieurs officiers d'expérience de différentes nations avec lesquels j'en ai parlé sur le lieu.

Préalablement il faut faire une description du canal et du port de Constantinople.

Ce canal large de deux ou trois verstes environ est bordé par de hautes montagnes, aux pieds desquelles il y a des batteries depuis l'embouchure de la Mer Noire jusqu'à Serriéri près de Bouyukdéré. Le vent du Nord ou Nord-Est souffle le long de ce canal 9 ou 10 mois de l'année. En été les vents du Sud sont très rares et faibles, et cela n'arrive que tous les deux ou trois mois et ne continuent que deux ou trois jours.

---

[1]) 1739—1798, французскій инженеръ, объѣздившій все турецкое побережье Чернаго моря и представившій Портѣ, въ 1784—1786 гг., рядъ проектовъ о защитѣ Очакова, Варны, Синопа и др. мѣстностей. Въ архивѣ графовъ Мордвиновыхъ хранятся многіе изъ этихъ проектовъ, вмѣстѣ съ современнымъ переводомъ на русскій языкъ. Печатаемая записка о защитѣ Босфора важна для оцѣнки слѣдующаго № 551.

Le courant des eaux qui viennent de la Mer Noire est rapide et constant, excépté quand le vent est soufflé fortement deux ou trois jours du Sud que l'eau s'arrête ou monte lentement en sens contraire.

A la pointe du Sérail le courant se divise et une partie des eaux est forcée dans le port et fait un courant le long de la rive du port du côté de Constantinople (du Sérail vers le fond du port), et sortant le long de la côte de Galata forme au milieu un tournant d'eau. De là vient que les vaisseaux qui sortent du port sont obligés de se faire remorquer le long de la côte de Galata et Tophana jusqu'à Bissiktache, d'où ils peuvent faire voile: ceux qui voudront faire voile tout droit du port sont jetés par le courant sur la pointe du Sérail où il y a un vrai torrent.

Dès l'instant que la flotte entre au port de Constantinople en automne jusqu'au printemps il n'y a sur les vaisseaux de guerre dans le port que deux ou trois hommes. La plupart des équipages vont chez eux. Les vaisseaux sont désagréés et la munition est à terre. Mais nous supposerons, pour plus de sûreté, qu'ils soient prêts à se battre et à se mettre en mer, ou bien arrangés en ligne de bataille dans le canal.

De Bouyukdéré à Constantinople il n'y a plus de batteries qu'en méritent le nom ou qui pourraient faire du mal. Les autres batteries entre l'embouchure et Bouyukdéré sont en pierre de taille basses et avec des parapets peu élevés, de façon que les canoniers sont exposés au feu de mitraille des vaisseaux. Ces batteries n'ont qu'un ou deux canons de flanc qui seuls pourront porter sur les vaisseaux avant qu'ils soient arrivés vis-à-vis. Les châteaux sur les hauteurs à l'entrée de la Mer Noire sont trop hauts et trop éloignés pour pouvoir faire du mal.

Quant aux canons du Sérail, sur la pointe, ils ne méritent pas qu'on en fasse mention, non plus que ceux des deux vieux châteaux Génois à moitié du chemin de Bouyukdéré à Constantinople et ceux de Tophana.

Comment la flotte entrerait?

Il y a deux façons de passer les batteries jusqu'à Bouyukdéré:

L'une de passer au milieu du courant, à distance égale des batteries en trois lignes (les petits vaisseaux, brûlots etc. formant celle du milieu) à voile forcée, sans s'occuper du feu des batteries faisant seulement un feu continuel pour se couvrir de fumée pour empêcher les Turcs de viser. Dans la guerre de la révolte des Colonies Anglaises, une flotte anglaise a monté une rivière étroite contre le courant quoique les bords en étaient hérissés de plus de 100 canons, sans qu'elle fut endommagée. Que le feu de ces mêmes batteries soit peu dangereux nous avons une preuve. Le vaisseau qui fut démâté la première campagne et forcé d'entrer au canal de Constantinople essaya tout leur feu jusqu'à Bouyukdéré où il se rendit, sans avoir été endommagé, quoique sa marche sans ses mâts fut très lente. Toutes les guerres nous prouvent combien un vaisseau peut supporter un feu de très près sans couler à fond.

L'autre façon d'entrer le canal avec une flotte est après avoir passé les deux châteaux (à l'entrée), qu'un ou deux vaisseaux côtoyent les deux bords et nettoyent les batteries par un feu de mitraille, car on peut les approcher presqu'à une tire de pistolet—on ne recevrait, au plus, que la décharge des canons des flancs. C'est reçu comme axiome qu'un fort qui peut être approché de si près ne peut jamais resister au feu des vaisseaux. Ces batteries ont tous les désavantages possibles: commandées par des montagnes aux pieds desquelles elles sont construites, exposées au feu de mitraille des vaisseaux, ne pouvant jouir avec tous leurs canons qu'en face, elles sont construites de pierres dures extrêmement cassantes et dont les éclats seraient aussi meurtriers qu'autant de balles.

On détruirait en passant un nombre de petits vaisseaux qu'il y a toujours à Serriéri près de Bouyukdéré et de l'autre côté vis-à-vis, de peur que les Turcs dans la suite ne les convertisassent en brûlots pour envoyer à la flotte russe; mais il est probable qu'au premier bruit des canons du canal ils s'enfuiraient, comme ils ont leurs équipages toujours à bord.

S'il avait dans la baie de Bouyukdéré quelques vaisseaux turques grands ou petits, ils ne pourraient éviter les brûlots, qu'on leur enverrait, qu'en coupant leurs câbles et en se mettant à la voile pour le port de Constantinople ou la mer de Marmora.

La flotte russe arrivée près de Tophana et se tenant sur la côte d'Europe elle pourrait essayer la décharge de quelques pièces de canons qui y sont sans affûts ou parapet, mais un vaisseau peut les approcher et les prendre en flanc, tout près, tout à coup, et personne ne pourrait y rester pour les charger une seconde fois, s'ils pourraient même être tirés une seule fois.

Les vaisseaux dans le port ne pourraient sortir qu'un ou deux à la fois et dans le chemin que les vaisseaux russes auraient occupé: on les brûlerait par un feu de brandskügel ou par les brûlots qu'on leur opposerait. S'ils n'étaient pas armés, on les prendrait dans le port sans les brûler; ensuite on enverrait les frégates et brûlots dans le port pour y mettre le feu, ainsi qu'à l'arsenal et aux magasins sur ses bords, avec les vaisseaux sur les chantiers, bateaux, bois de construction, enfin à tout ce qui concerne la construction et l'armement de la flotte ottomane.

Si la flotte turque était prête à faire voile et qu'elle pourrait sortir et s'enfuir dans la mer de Marmora au premier avis de l'arrivée d'une flotte russe, on détruirait l'arsenal etc. et les autres vaisseaux restés, et on serait maître de la ville et du port. Mais cette opération serait impossible aux Turcs, car la flotte russe serait à Constantinople presqu'aussitôt que la nouvelle de son arrivée dans le canal. La lenteur naturelle des Turcs, l'épouvante de la ville et de la Cour, le soin qu'auraient le Sultan et les richards de sauver leurs effets précieux, et la sécurité que chacun chercherait dans la fuite le rende plus que probable qu'on ne trouverait une seule âme dans le port pour y faire résistance.

Un autre cas est si la flotte ottomane est ancrée dans le canal, en sa station ordinaire du printemps avant qu'elle sorte en

mer. Ce cas demande plus d'adresse du commandant russe que dans tout autre; mais la déstruction de la flotte turque n'est pas moins certaine. Avec le vent et le courant en faveur des Russes et contre lesquels les Turcs ne pourraient monter qu'en rémorquant leurs vaisseaux (manœuvre impossible dans de telles circonstances) la flotte turque ne pourrait éviter les brûlots russes, qui seraient conduits et à couvert par les vaisseaux de guerre jusqu'à portée de les attacher aux vaisseaux turcs. La flotte turque est toujours ancrée en ligne le long du canal, et on les attaquerait l'un après l'autre. Ils ne peuvent pas former une ligne de bataille à travers le canal sans le bloquer entièrement, et alors les brûlots ne pourraient les manquer sans qu'ils coupent leurs câbles et cassent leur ligne, et ceux qui auraient ainsi rétrogradé ne pourraient plus regagner leur poste; ainsi on reduirait leur nombre à ceux qu'on trouverait à propos de laisser pour le combat et pour prendre. Au reste sans brûlots, on les brûlera avec des brandskügels.

Je ne dis rien de la ville de Constantinople, ni du Sérail. Il dépanderait du commandant russe d'y mettre le feu et de la consumer entièrement avec ses faubourgs, Scutari et tous les gros villages le long du canal, ou bien de mettre la Porte à contribution etc.

Je ne parle plus du cas où on aurait transporté des troupes de débarquement. Le meilleur endroit pour les débarquer serait, peut être, au Sérail même, et le poste le plus avantageux pour les troupes d'occuper serait les jardins et édifices du même Sérail—par rapport à sa situation, entourré de deux côtés par la mer, d'où ils seraient soutenus par la flotte et commandant la ville etc., dont on serait maître sans avoir risqué un combat avec les troupes turques.

Après avoir détruit ou pris tout ce qu'on trouverait à propos, la flotte russe pourrait se retirer (si elle n'avait point de troupes de débarquement pour prendre possession de la ville) aux îles de Princes ou derrière la pointe de Calcédoine, où elle serait en sûreté contre tout attentat de lui mettre le feu par

des bateaux etc. Là elle pourrait attendre un vent du Sud pour retourner à la Mer Noire ou attaquer les Dardanelles, ce qui de ce côté-là est plus facile qu'en entrant de l'Archipel.

Il serait à propos d'observer qu'on s'est trompé extraordinairement sur le nombre d'habitants de Constantinople. J'ai de documents authentiques pour prouver qu'il n'y a pas au delà de 300 mille âmes, Turcs, Chrétiens, Juifs etc.

Ce sont les observations que j'ai eu l'honneur de vous faire, Monseigneur, à différentes occasions. Je les ai mis en écrit selon vos ordres le plus clairement que j'ai pu. Je connais chaque canon dans le canal et je suis moralement sûr de ce que j'ai avancé.

W. Eton [1]).

Au quartier général
de l'armée devant Oczakow.

---

[1]) Волонтеръ въ русской дѣйствующей арміи. Планъ этотъ былъ представленъ кн. Потемкину въ 1788 геду.

VII.

LES INSTRUCTIONS

AU CITOYEN SÉMONVILLE.

552.

MÉMOIRE

pour servir d'instructions à Monsieur de Sémonville allant à Constantinople en qualité de l'ambassadeur de France près la Porte.

Les intérêts de la Porte Ottomane ont toujours été liés intimement avec ceux de la France. L'affaiblissement graduel de cette première puissance est une des fautes les plus graves du gouvernement français et un des fruits les plus amers du traité de 1756. Il n'y a en effet que la prépondérance de l'Autriche dans le cabinet de Versailles qui ait pu faire prévaloir le système funeste que la France a suivie à cet égard. L'aveuglement déplorable qui lui a fait abandonner son plus fidèle et son plus utile allié pour servir l'ambition de la maison d'Autriche, est enfin dissipé. Les effets de l'asservissement honteux de la France aux vues du cabinet de Vienne ne sont malheureusement que trop constatés. Il est temps d'opposer une digue aux desseins des deux puissances dont la coalition menace l'Europe entière; et ce n'est peut-être qu'en resserrant des liens négligés par la faute du gouvernement, plutôt que du peuple français, qu'on atteindra ce but. Dans cet état des choses, le Roi a senti la nécessité de donner une nouvelle activité à nos liaisons avec la Porte et a jeté les yeux sur le sieur de Sémonville pour conduire cette importante négociation. Les talents, le zèle et l'amour du bien public qu'il a déployés dans la légation de Gènes, les connaissances particulières qu'il apporte à cette nouvelle mission, persuadent Sa Majesté que ses efforts et ses succès répondront à la confiance dont Elle l'honore.

La guerre qui s'allume entre la Russie et la Pologne ne peut manquer d'offrir au sieur de Sémonville des occasions et des moyens dont son intelligence saura profiter. Il s'en servira pour ranimer dans l'esprit du Divan le ressentiment que la France, blessée dans son indépendance et dans sa dignité, doit partager avec lui contre la Russie, et pour inspirer aux Turcs le désir de ressaisir tous les avantages qu'ils ont perdus.

Vainement nos ennemis parlent-ils avec complaisance de l'appareil formidable des forces russes. Le sieur de Sémonville exposera au grand-vizir et au Divan les divers embarras dans lesquels se trouve la Russie. Il leur fera sentir qu'une cour travaillée par trois partis différents, qui se font sourdement la guerre, et qui sont peut-être à la veille d'une explosion que la mort prochainement possible de l'Impératrice peut précipiter, ne saurait être longtemps redoutable, et que d'ailleurs le besoin d'argent mettra bientôt un terme à ses vastes et chimériques projets. Il assurera positivement que la France arme en ce moment à Toulon quinze vaisseaux et que la déstination de cet armement est de s'opposer à l'entrée des Russes dans la Méditerranée.

Le sieur de Sémonville trouvera sûrement des soupçons à détruire, ainsi que des préventions contre la révolution française et l'esprit qui l'a dirigée. Pour y parvenir il fera un tableau rapide des maux que l'alliance autrichienne a faits à la France. C'est, dira-t-il, l'indignation contre la maison d'Autriche et contre le joug où son alliance tenait la nation française depuis plus de 40 ans; c'est le désir de prévenir pour la suite les funestes effets de cette influence qui ont animé la nation assemblée par son chef. Ce sont ces motifs qui ont fait jeter les fondements de la constitution qui la régit à présent.

Ce sera pour lui une occasion naturelle d'en donner au grand-vizir une idée simple et précise qui servira tout à la fois d'apologie et de réponse à toutes les calomnies qui ont pu les induire en erreur.

Il peindra la constitution française comme une forme de gouvernement établie par le vœu du plus grand nombre pour ré

médier aux abus oppréssifs et multipliés qui ménaçaient de ruiner la France et dont les bases sont la justice, la modération et l'amour de la paix. Cette constitution loin de ruiner les pouvoirs n'a fait que les séparer, loin d'affaiblir celui de l'Empereur des Français, lui délègue la plus grande latitude de force et de puissance pour l'exécution des loix, et lui rend une autorité plus grande en ce qu'elle lui est plus personnelle. Elle empêche seulement que plus sensible aux liens du sang qu'aux intérêts de son empire, il ne puisse fouler le peuple, assouvir à ses dépens l'avarice d'un allié et servir des vues ambitieuses, comme la nation française ne l'a que trop éprouvé depuis le traité de 1756. Ainsi la déclaration de guerre faite à la maison d'Autriche n'est qu'une conséquence de ces premières mesures, parce qu'elle était le seul moyen d'affranchir la France d'une dépendance qui lui avait fait perdu de vue ses fidèles alliés et ses véritables intérêts. Une rupture fondée sur de si grands motifs est faite avec tant d'éclat, doit assurer le grand-vizir et le Divan, que ce traité ne sera pas renouvellé, et par la même raison la Porte n'a point à craindre que ses intérêts soient sacrifiés à ceux de l'Autriche et de la Russie, par la nation française, comme ils l'ont été depuis longtemps par le cabinet de Versailles.

Mais plus l'occasion est raisonnable, plus la Porte doit se hâter d'en profiter. Pendant que la France déploye toutes ses forces et toutes ses ressources pour conjurer l'orage qui ménace la sûreté de l'Europe, le grand-vizir et le Divan peuvent et doivent faire une diversion utile, en soutenant les Polonais de la part desquels on doit attendre des grands efforts, animés comme ils le sont par un ésprit unanime et en montrant des hostilités sur trois points, la frontière d'Asie, la Crimée et l'Ukraine.

Le ministre de France représentera au grand-vizir que la Turquie n'a rien à craindre de l'Autriche, parce que cette puissance est engagée dans une guerre dont elle ne peut calculer le résultat; parce qu'elle a dans son épargne à peine douze millions de florins; que le nouveau papier-monnaie qu'elle a été

obligée de créer est déjà dans le discrédit et que le bâton seul force maintenant les soldats à le recevoir pour leur prês; parce que les Belges, quoique divisés d'opinion, se réunissent tous en un point, celui de secouer son joug; parce qu'il éxiste en différentes parties de ses états des germes de mécontentement, et qu'enfin la guerre contre la France l'oblige à tenir deux cents milles hommes sur les frontières du Rhin et des Pays-Bas, et par conséquent bien loin de la Turquie.

Si cependant l'Autriche ménaçait la Porte Ottomanne de se joindre à la Russie, l'ambassadeur de France fera sentir au grand-vizir qu'il serait très aisé de l'empêcher en fomentant dans ses propres états de la Hongrie l'esprit d'insurréction qui y règne déjà et qui pour éclater n'a besoin que d'être encouragé et soutenu. Le moment est très favorable, parce que la cour de Vienne faisant marcher à grands frais vers le Rhin et sur les frontières des Pays-Bas beaucoup de troupes hongroises et valaques, la Hongrie et la Valachie se trouvent dégarnies, et que les peuples une fois sûrs de l'appui des Turcs secouèront plus volontiers et sans efforts un joug, qu'ils portent impatiemment.

En conséquence le sieur de Sémonville fera partir pour la Hongrie plusieurs français chargés d'y voyager, de réconnaître la disposition des peuples et l'état des forces autrichiennes laissées pour défendre les places, et sonder le Divan pour que ces observateurs puissent être autorisés à donner aux hongrois mécontens des espérances positives de la part de la Porte Ottomanne.

Le ministre de la France fera voir au grand-vizir dans cet ensemble de projets, le moyen sûr de relever la puissance Ottomanne si humiliée depuis 20 ans par l'abandon du gouvernement français une des principales causes du malheur de ses armes, et à cette occasion il lui fera sentir avec adresse la différence qu'il y a pour la Porte de traiter avec un gouvernement arbitraire, livré à la passion ou au caprice, obéissant aux impulsions du moment et toujours prêt à sacrifier à de petits intérêts particuliers, à des calculs de famille les grands intérêts politiques,

ou avec un peuple libre, attaché invariablement à des principes de justice, parce qu'ils sont les bases de la sûreté, qui consulte les intérêts des nations et non pas ceux des familles et qui met sa gloire, autant que son salut à respecter ses engagements.

Enfin en dévoilant au grand-vizir les vues ambitieuses de Catherine II, il lui mettra sous les yeux, comme une consolante perspective, l'honneur Ottoman vengé d'un long avilissement, les Russes perdant toutes leurs conquêtes, la puissance de la Porte relevée et fortifiée de toute celle des Hongrois et des Polonais, qui, devenus citoyens, mettront une barrière armée entre les états du grand-seigneur et ceux de ses ennemis et rétabliront la balance de l'Europe à la veille d'être détruite par la ligue de la Russie, de l'Autriche et de la Prusse.

Sa Majesté voulant au surplus que ses ministres après qu'ils sont revenus auprès d'Elle, remettent en original les instructions, les chiffres et tous les papiers concernant le service, le tout avec un inventaire sur la vérification duquel il leur est donné une décharge, le sieur de Sémonville voudra bien se conformer à cette règle.

Pour assurer le secret de sa correspondance avec le ministre des affaires étrangères, on lui remettra les chiffres dont il devra faire usage, ainsi qu'une instruction sur la manière de s'en servir.

Fait à Paris, le 11 Juin 1792.

Louis.

Dumourier.

553.

Mémoire pour servir d'instruction au citoyen Sémonville, ambassadeur de la République Française près la Porte Ottomane.

Personne n'ignore les liaisons qui depuis longtemps existaient entre la France et la Porte Ottomane. Ces liaisons précieuses pour notre commerce, précieuses dans plusieurs de nos rapports

avec quelques puissances de l'Europe, s'étaient maintenues jusqu'à l'époque de notre révolution, malgré la politique lâche, cruelle et insolente du cabinet de Versailles, car les Turcs avaient cessé de nous estimer; mais ils nous aimaient encore et l'habitude qui enchaîne plus fortement les peuples de l'Orient que ceux de l'Occident avait empêché nos liens de se dissoudre entièrement: le grand évènement de la révolution française éveilla l'Europe et parmi les moyens que les puissances malveillantes imaginent pour nuire à la France devenue libre, elles n'oublièrent pas de chercher à rompre l'ancienne amitié qui nous unissait avec les Turcs. L'odieuse calomnie fut l'arme dont elles se servirent pour inspirer à cette brave nation les préventions les plus injustes contre nous, et elles réussirent d'autant plus facilement dans leur dessein, qu'elles furent puissament secondées par l'ambassadeur de France même, l'homme le plus criminel envers sa patrie qui jamais ait été revêtu de ce caractère. Il est question de détruire ces préventions, il est question de réchauffer le cœur des Ottomans en notre faveur, de les rappeler à des liens dont nous sommes beaucoup plus dignes aujourd'hui que nous ne l'étions il y a quelques années sous le règne d'une cour et d'un ministre corrompus.

C'est pour remplir ce grand objet, pour annoncer au ministère ottoman les véritables dispositions de la République que le Conseil Exécutif Provisoire a fait choix du citoyen Sémonville pour se rendre à Constantinople avec la plus grande diligence et y remplir auprès du Grand Séigneur en qualité de l'ambassadeur la mission importante qui lui est confiée. Les talents, le zèle et l'amour du bien public qu'il a manifestés dans les différentes missions dont il a été chargé, nous persuadent que la nouvelle carrière qu'il va parcourir quelque délicate qu'elle soit n'est point audessus de ses moyens. Les difficultés qui s'étaient opposés d'abord à sa réception à Constantinople avaient engagé le Conseil Exécutif à y envoyer le citoyen Descorches pour préparer les voies; mais ces difficultés se trouvent heureusement levées, le citoyen Sémonville n'aura pas de peine à se faire

entendre du ministère ottoman. Il expliquera à ce ministère ce que c'est véritablement que la révolution française; il fera voir que nos anciennes liaisons ne tenaient pas à ce que la France eût une forme du gouvernement monarchique plutôt que toute autre; que ces liaisons uniquement fondés sur l'intérêt réciproque de deux nations, et que la France pour s'être delivrée du régime monarchique n'en est pas moins une grande nation plus puissante même qu'elle ne l'était auparavant. La forme de son gouvernement a changé, mais ses intérêts sont toujours les mêmes, sa position géographique, ses relations naturelles par rapport à sa politique générale, à son commerce, à son industrie, rien de tout cela n'a changé, car les rapports de cette éspèce, établis par la nature elle-même, sont audessus des variations du gouvernement. Elle a changé cette forme du gouvernement, mais avec elle sont aussi changé les principes qui dirigeaient l'ancien ministère dans sa conduite envers les puissances étrangères, et si le ministère ottoman veut remonter dans sa propre histoire et se rappeler la nature de ses relations avec l'ancien ministère de France dans les circonstances les plus capitales, il verra clairement qu'il ne peut lui même que gagner à ce changement.

Lorsque l'ambassadeur de la République se trouvera à portée de s'expliquer sur cette matière, il pourra tracer un tableau qui ne peut manquer de porter la conviction la plus intime dans l'âme du ministère ottoman à moins qu'il ne se refuse aux lumière de sa propre expérience.

En effet depuis la guerre célèbre que les Turcs soutinrent contre les forces réunies des deux cours impériales et qui fut couronnée en 1739 par la glorieuse paix de Belgrade sous la médiation de la France, qu'elle a été constamment la conduite du cabinet de Versailles envers la cour ottomane? Le ministère français ne regarda plus les Turcs que comme un simple instrument qu'il fallait employer au besoin au risque même de le briser et ensuite abandonner lorsqu'il était devenu inutile. N'était-ce par une dérision de se prétendre les amis, les alliés des Turcs et de conclure en même temps une alliance avec la cour de Vienne,

leur ennemie capitale? C'est pourtant ce que fit sans scrupule en 1756 l'ancien ministère de France au moment où les calculs les plus faux, les plus insensés lui laisser entrevoir la moindre apparence d'intérêt dans la conclusion de ce traité. L'intrigue l'avait formé, des malheurs sans nombre l'avaient suivi et une expérience de plus de trente années n'avait pas encore ouvert les yeux du ministère sur la nécessité d'y mettre un terme. Qu'est-il arrivé depuis? Des motifs d'une vanité misérable, la question ridicule si la cour de France accorderait à Catherine Seconde le titre de Majesté Impériale et si les ambassadeurs russes marcheraient sur la même ligne que les ambassadeurs de France! Ces futilités indignes des regards de la raison deviennent à Versailles en 1769 le sujet d'un mécontentement universel, on veut humilier l'impératrice de Russie, et pour satisfaire cette puérile vengeance on négocie à Constantinople et on engage les Turcs dans une guerre ruineuse contre la Russie. La paix se fait à Kainardji sous les auspices de la France, elle est suivie d'une convention à Ainalikavac, conduite par l'ambassadeur de France, mais le résultat invariable est toujours d'arracher à l'Empire Ottoman la presqu'île de Crimée en la rendant indépendante.

En 1785 l'impératrice de Russie, sans sujet, sans motif, avec un impudeur qu'on ne sait comment caractériser, fait une invasion en Crimée et range toute cette région ainsi que les adjacents au nombre de ses domaines. Le Turc indigné s'arme, couvre la mer de ses vaisseaux et les rives du Danube de ses bataillons. Joseph II accourt de son côté au secours de sa nouvelle alliée, ses préparatifs sont immenses, il prodigue ses trésors à la défense de l'injustice, la partie cesse d'être égale et les Turcs hors d'état de faire tête aux deux cours impériales à la fois sont en danger d'être écrasés sous le poids de cette masse enorme de puissance. On croit sans doute que la France va tendre une main secourable à cet allié généreux, qui s'était toujours prêté à toutes ses réquisitions, à cet allié utile dont l'amitié ouvre mille canaux de richesses à notre commerce, à notre industrie et entretient la prospérité de nos provinces méridionales? Non,

le ministère enchaîné par son traité en 1756 ne veut pas chagriner la maison d'Autriche; le ministère trouve des trésors pour entretenir le luxe de la cour, il n'en a point pour secourir ses amis: une commisération froide, de stériles bons offices — voilà tout ce qu'il offre aux Turcs. Il ouvre de vaines négociations à Vienne, à Pétersbourg, elles sont infructueuses, et l'ambassadeur de France à Constantinople détermine lui-même les Turcs à souscrire à l'usurpation odieuse de l'impératrice de Russie. Ce traité humiliant est signé. On arrête à la suite un traité de commerce dont tous les articles sont dictés par Catherine Seconde avec la même hauteur que si Elle eût commandé dans Constantinople.

Après avoir dévoré ces affronts par l'impuissance où il se trouvait de les repousser, le ministère ottomane se repose quelques années pour s'occuper en silence des moyens de venger ces outrages; ce repos n'est pas long et bientôt éclate cette nouvelle guerre que nous venons de voir finie et dont le souvenir est encore si récent, qu'il serait superflu d'en rappeler ici les détails. On n'oubliera jamais les exemples prodigieux de valeur personnelle donnés par les Turcs soit à l'attaque, soit à la défense; mais à la fin le nombre et la tactique européenne l'emportait sur la bravoure individuelle et la férocité russe manifestée surtout à Oczakov et à Ismaïl, férocité qui ne trouve pas de modèle dans l'histoire des nations les plus barbares des temps anciennes et modernes, cette férocité paraissait avoir frappé de terreur les esprits ottomans. Il fallut donc songer à la paix. Elle se fit et même à des conditions beaucoup moins onéreuses pour les Turcs que celles que semblaient annoncer les évènements. Mais quel fut le génie bienfaisant qui mit un frein à l'insatiable cupidité des deux cours impériales? La cour de France avait encore abandonné son allié dans cette guerre; vint-elle du moins à son secours, lorsqu'il fut question de régler les conditions de la paix? Non. Dans un moment où l'empire Ottoman paraissait menacé d'une dissolution universelle ou tout au moins d'un sort semblable à celui qu'avait éprouvé la Pologne, la France si hautement intéressée à sa conservation dans toute son intégrité, la

France, ou plutôt la cour de France, oubliant sa propre dignité autant que son intérêt, garda un honteux silence, et ses ministres ne parurent ni aux conférences de Reichenbach, ni à celle de Sistove, aucune négociation ne fut ouverte ni à Vienne, ni à Pétersbourg.

Les Turcs dans cette grande entreprise durent véritablement leur salut à quelques-uns de ces évènements obscurs qui échappent communement aux recherches de l'histoire et qui influent quelquefois d'une manière très extraordinaire sur l'issue des affaires les plus importantes. Vers l'année 1780 le roi de Prusse, alors simplement prince royal, vint en grand appareil à Pétersbourg pour faire une visite à l'impératrice. C'était le motif ostensible du voyage, le véritable but était de détruire autant qu'il serait possible l'effet de celui que l'empereur Joseph II venait de faire dans cette capitale. L'impératrice lui fit un accueil insolent et qui côntrastait d'une manière révoltante avec celui qu'elle avait fait à l'empereur, qui cependant gardait l'incognito. Frédéric Guillaume quitta Pétersbourg outré de dépit contre l'Impératrice et sans doute dans l'espérance que tôt ou tard les évènements lui offriraient l'occasion d'en témoigner son ressentiment.

Quelques années après, le traité de commerce de la Grande Bretagne avec la Russie vint à éxpirer. Ce traité (car l'Angleterre n'en fait pas d'autres) était entièrement en sa faveur et lui accordait une multitude de privilèges refusés aux autres nations. Il fut question de le renouveller. Les ministres de l'impératrice s'y refusèrent avec l'opiniatrité la plus soutenue et M-r Fitzherbert, après avoir en vain deployé toutes les ressources de son esprit, tout son talent pour la négociation, revint à Londres ne croyant plus pouvoir décemment rester à Pétersbourg après un pareil échec. L'esprit dominateur du ministère britannique fut sans doute violemment irrité de l'inefficacité de cette négociation, car depuis cette époque il n'a pas laissé échapper une occasion de témoigner sa malveillance envers la Russie.

Telles étaient en 1787 les dispositions des cours de Londres et de Berlin envers l'impératrice de Russie. L'alliance qu'elles

contractèrent a la fin de cette même année établit entre elles des rapports plus intimes et les mit à portée d'unir leur ressentiment contre l'impératrice; de là leurs vives sollicitations à Constantinople pour exciter à la guerre les Turcs déjà assez aigris contre les deux cours impériales; de là leur armement tant sur terre que sur mer; de là enfin l'intérêt qu'elles apportèrent dans les négociations pour empêcher que les deux cours impériales ne retirassent autant d'avantage qu'elles pouvaient s'en promettre de leurs succès.

Ces notions ne sont point insérées ici comme simple objet de curiosité, et le citoyen Sémonville est beaucoup trop éclairé pour ne pas sentir sur le champ quelles armes elles lui fournissent en notre faveur auprès du ministère ottoman. Il lui démontrera comme une conséquence naturelle de ces faits que les Turcs ont été perpétuellement le jouet des puissances européennes; que dans la dernière guerre nommement si l'empereur s'était trouvé en mesure de se refuser à la médiation de la Prusse et de l'Angleterre avec autant de fermété que l'impératrice de Russie, ils auraient été probablement obligés d'ajouter à la perte d'Oczakov et du district au delà du Bog celle des belles et riches provinces de Valachie et de Moldavie; que lorsque les cours de Londres et de Berlin paraissaient s'intéresser le plus vivement à leur sort, elles n'obéissaient véritablement qu'à des mouvements inspirés par un misérable ressentiment personnel; que si au milieu de ces grandes démonstrations d'intérêt l'impératrice avait offert à l'Angleterre le renouvellement de son traité de commerce et fait au roi de Prusse quelques avances propres à flatter son amour propre, ou à lui laisser voir quelque point d'intérêt personnel, les Turcs peuvent être assurés qu'ils auraient été abandonnés par l'Angleterre et la Prusse avec autant de légèreté qu'ils l'ont été dans cette même guerre par la cour de Stockholm.

La politique de ces trois cours et la malheureuse expérience que les Turcs ont faite de celle de la cour de France devrait les dégoûter à jamais de toute alliance avec les puissances de

l'Europe. Cependant s'il existait aujourd'hui dans cette Europe une nation sensible, bonne, généreuse, amie de la justice et de la vérité, qui, révoltée des vices d'une cour par qui elle était tyrannisée, indignée de son déspotisme dans l'intérieur et de sa lâcheté au déhors, eut à la fin pris et exécuté la résolution de rompre ses fers; si cette nation rappelée à ses propres vertus avait conçus qu'un des changements les plus essentiels qu'elle eut à faire était celui des principes de sa politique extérieurs; si cette nation éclairée avait senti que ces principes désormais ne devaient avoir d'autre base que la justice, la franchise, la bonne foi; si dans ses actes publics elle avait déjà donné des preuves indubitables et multipliés de la sincérité de ces dispositions; si indépendamment de ces considérations morales, sa position géographique seule établissait nécessairement des grandes communications avec l'empire ottoman; si d'ailleurs elle était appelée par sa population et les richesses de son sol à jouer le premier rôle en Europe; et enfin si ses ennemis étaient aussi naturellement les ennemis de cet empire, les Turcs trouveraient dans cette nation l'alliée qui leur convient, l'alliée avec laquelle ils pourraient former des liens sans craindre d'en être lâchement abandonnés au moment du besoin, l'alliée qui ne leur demanderait des secours que pour répousser une agression injuste et non pour satisfaire de viles passions. Or cette nation existe, et telle est la France depuis la révolution. Mais il faudra faire enfin comprendre au ministère ottoman ce que c'est que la révolution française, contre laquellé les ministres étrangers et surtout notre propre ambassadeur Choiseul-Gouffier lui ont donné d'étranges préventions.

Le citoyen Sémonville s'imposera pour premier devoir le soin de les détruire. Il s'en expliquera avec les ministres ottomans sans chaleur, avec simplicité et avec la seule force de la vérité. Il distinguera soigneusement les deux époques de la révolution, celle de 1789 et celle du 10 Août 1792. La première s'est opérée d'elle-même, par la seule force de choses, parce que les ministres ayant fait échouer le vaisseau de l'État avaient

été obligés de l'abandonner ne pouvant le remettre à flot. Il fallut donc que la nation elle-même s'en emparât; ainsi fut changée, pour la première fois, la forme de notre gouvernement; cette forme aurait probablement duré longtemps, malgré ses nombreuses imperfections; mais il se trouva que le plus éminent de nos fonctionnaires publiques employait pour la détruire les moyens que la nation lui fournissait pour la consolider. Nous comprîmes alors que nous n'avions que l'ombre de la liberté, que nous ne tarderions pas à voir reparaître l'ancien ordre des choses, dont nous avions eu tant de peine à sortir, si la nation ne faisait pas un effort vigoureux pour s'assurer la liberté toute entière. C'est ce qui fut décidé par la journée du 10 Août.

Le citoyen Sémonville en développera les causes et les effets qu'il serait superflu de retracer ici et au milieu des manoeuvres ennemies des puissances étrangères et de l'aristocratie française; il n'oubliera pas d'exposer dans le plus grand jour la conduite odieuse de M. Choiseul-Gouffier, et les éclaircissements qu'il donnera à ce sujet apprendront au ministère ottoman quel degré de confiance méritent les rapports qu'il peut avoir reçus des ministres étrangers à Constantinople.

Il terminera son tableau d'une manière que nous croyons propre à porter un sentiment profond dans l'âme des ministres ottomans, en leur présentant les ressources immenses que la République trouva tout-à-coup dans son sein, lorsque nos chaînes une fois brisées, laissèrent à l'amour de la patrie la liberté de s'abandonner à tout son essort. Il semblait qu'il suffisait de frapper du pied la terre pour en faire sortir des légions armés. Et ces soldats nouveaux, inexpérimentés, dont la plupart allait au feu pour la première fois, ces soldats ont souvent battus les vieilles troupes de Prusse et d'Autriche, commandées par les généraux qui avaient le plus de réputation en Europe; l'unique avantage considérable que les ennemis de la France aient remporté est dû à la trahison la plus infâme.

Lorsque le citoyen Sémonville sera parvenu à éclairer le ministère ottoman sur la vraie politique des cours de l'Europe à

l'égard des Turcs et à rectifier ses idées sur la révolution française, quand il s'apercevra que son esprit est entièrement purgé des mauvaises impressions que lui avaient données des relations colomnieuses, alors il sera temps de le sonder sur ses dispositions à contracter avec nous une alliance solide, une alliance qui ne lui laisse plus la crainte d'être abandonné lâchement au milieu du péril et d'être perpétuellement joué par des passions méprisables et le vil intérêt personnel.

La confiance attire la confiance; ainsi le citoyen Sémonville ne fera nulle difficulté d'avouer que toutes sortes de raisons nous portent à désirer cette alliance, mais il fera voir aussi que précisement les mêmes raisons la rendent extrêmement précieuse à l'Empire Ottoman, sans parler des motifs tirés de l'intérêt commercial qui sont les mêmes pour les deux nations, puisqu'il est question d'échanges mutuels. En s'élevant aux considérations de la politique générale, le ministère ottoman verra que nos ennemis sont justement les siens; il saura que nous avons rompu avec la maison d'Autriche d'une manière qui ne laisse aucune espérance de voir jamais rétablis l'union de 1756; qu'il ne peut pas exister d'harmonie entre la France et la Russie après la manière outrageuse dont l'Impératrice s'est conduite envers nos envoyés et la peine qu'Elle se donnée pour grossir le nombre de nos ennemis; que par conséquent la cause des Turcs sera perpétuellement la notre, et que nous ne combatterons jamais pour eux sans combattre en même temps pour nos propres intérêts. Ces considérations sont très fortes. On peut les appuyer encore par l'espérance d'attirer à cette alliance la Suède et la Pologne, car il est évident que cette dernière puissance recouvrera la liberté au moment où la Russie serait obligée d'appeler ses troupes à sa propre défense. Le citoyen Sémonville qui connaît si parfaitement la Pologne est plus en état que personne de donner à cet article les développement dont il a besoin.

Il fera surtout observer au ministère ottoman qu'un vent un peu favorable peut en deux fois vingt quatre heures porter les Russes des ports de la Crimée à la côte de Constantinople; que

les Turcs ne jouiront jamais que d'une existence inquiète tant qu'ils ne seront pas les maîtres de cette presqu'île; que sa posséssion n'est même pas assurée sans Oczakow, Kinburn et même Cherson, quelque peu favorable que soit ce dernier port à l'établissement d'une marine militaire. Voilà par conséquent un plan vaste à remplir, et les Turcs ne seront véritablement en répos que lorsqu'il sera consommé.

Le citoyen Sémonville verra l'effet de ces insinuations; il ne dissimulera pas les ressources de la Russie, mais il ajoutera qu'ils ne sont pas inépuisables; il assurera, ce qui est de toute vérité, que ses finances ne se soutiennent que par des moyens factices, que depuis bien des années le numéraire y a totalement disparu, que l'Impératrice y supplée par du papier, que ce papier, bien différent de celui de France qui représente une valeur territoriale, n'a d'autre hypothèque que la volonté de cette souveraine; qu'à chaque besoin Elle est obligée d'en créer de nouveau; que la masse aujourd'hui en est effrayante, et qu'il tombe dans avilissement, aussitôt que l'état se trouve engagé dans une guerre; et qu'ainsi les Turcs auraient tort de se laisser décourager entièrement par ce colosse de puissance plus ménaçant que solide.

Il fera des observations analogues sur l'état de la maison d'Autriche. Les grandes dépenses remontant aux préparatifs que fit Joseph II pour assister en 1783 l'Impératrice dans son invasion de Crimée, préparatifs, dont la dépense fut éstimée dans le temps à trente millions de florins; les frais de la dernière guerre contre les Turcs furent immenses et depuis ce temps, le couronnement de deux empereurs à Francfort, en Bohême, en Hongrie, les troubles des Pays-Bas, la campagne contre nous et les pertes qu'elle lui a causées, tous ces motifs concourent à donner une idée déplorable de l'état de ses finances, et quel serait son embarras s'il fallait résister à la fois aux Turcs et aux Français?

La conférence qui a lieu entre le citoyen Fonton, premier drogman de l'ambassade, et le Reis-Effendi à l'occasion de la déstitution de Choiseul-Gouffier, prouve évidemment que le mi-

nistère ottoman sais apprécier l'importance de ses liaisons avec la France. Le citoyen Sémonville mettra à profit ces hereuses dispositions pour amener le Divan aux grandes mesures que son intérêt sollicite hautement. L'entraîner vers ces mesures, c'est combattre le scrupule qui lui reste encore sur la reconnaissance de la République. Il est naturel que cette reconnaissance se fasse par une puissance amie et qui peut alléguer que sa position géographique seule suffit pour la rendre plus indifférente sur la forme de notre gouvernement. Au reste si le ministère ottoman croit avoir absolument besoin d'un exemple, le citoyen Sémonville pourra citer dès à présent la République de Gènes, le Grand-Duc de Toscane, le Roi de Naples, la République de Venise, la Suède et même la Suisse, car dans ce dernier état en particulier, la voeu qui nous est favorable, est déjà émis par les cantons de Bâle, Zurich et surtout Berne, dont on connait l'influence sur les autres. Au surplus dans la négociation, dont le citoyen de Sémonville est chargé, la reconnaissance formelle n'est pas le point qu'il faille traiter directement, car si la Porte adopte nos mesures, cette reconnaissance en est la suite nécessaire.

L'essentiel est de déterminer les Turcs à la guerre et à la commencer sans délai. La Porte Ottomane ne trouvera jamais un instant plus favorable pour réparer ses pertes et mettre un frein à l'ambition de la Russie et de deux grandes puissances d'Allemagne. Le brigandage de ces trois cours fait tous les jours des progrès effrayants, et dont il paraît que le ministère turc ne peut plus rester spectateur tranquille, car l'incendie s'approche de lui et, s'il ne cherche à l'éteindre, lui-même en deviendrait à la fin la victime. C'est sous ses yeux que se fait le nouveau partage de Pologne, qui décidera peut-être pour jamais du sort de cette contrée malheureuse. Le citoyen Sémonville connait trop bien tous les détails de cette usurpation malheureuse pour ne pas la présenter sous le jour le plus odieux et le plus allarmant pour l'Empire Ottoman.

Que le ministère turc y fasse la plus grande attention et

qu'il se garde de penser que quelque idée de justice pourrait empêcher ces puissances de s'arrondir aux dépens de l'Empire Turc, lorsque la Pologne n'offrirait plus rien à prendre. S'il était assez bon pour croire encore à ces scrupules, la lettre de M. de Herzberg, que le citoyen Descorches a été chargé de lui communiquer, aurait dû le détromper. On y voit que dans un temps où les Prussiens se déclaraient hautement les amis intimes de la Porte Ottomane, où leur propre honneur non moins que la justice exigeaient qu'ils lui procurassent une paix avantageuse, le premier ministre de la cour de Berlin avait conçu l'idée d'enlever Belgrade aux Turcs pour faciliter au roi son maître l'acquisition des provinces qu'il envahit aujourd'hui. L'authenticité de cette lettre, dont l'original est entre nos mains, ne peut être contestée.

La Pologne occupée d'un côté par les Russes et de l'autre par les Prussiens est infailliblement dévorée, si une diversion puissante n'oblige pas les usurpateurs à la délivrer de leur présence. C'est ce que les Turcs seuls peuvent opérer d'une manière certaine.

Au reste nous nous proposons de faire entrer la Suède dans les mêmes vues. Nous ne négligerons aucun moyen pour la déterminer à faire une invasion en Finlande et à attaquer les Russes sur la Baltique. Nous croyons de plus qu'il serait facile de mettre en mouvement plusieurs nations tartares qui en général détestent les Russes. Il y aurait de l'avantage à révolter ceux du Cuban, car ils pourraient faciliter la prise de l'île de Taman, et ce point, à son tour, pourrait faciliter une descente en Crimée. Comme la plupart des tartares de cette presqu'île se sont réfugiés en 1784 à Constantinople, il serait facile de se procurer par leur moyen des notions locales qui montreraient ce qu'il faut adopter ou rejeter dans ce projet. On pourrait aussi sonder par des émissaires intelligents les dispositions des nations cosaques et particulièrement de celles du Don, qui fournissent de bonnes troupes et qui, accoutumées à la liberté, doivent supporter impatiemment l'esclavage de la Russie. Enfin il ne serait

peut-être pas impossible de trouver parmi les Russes mécontents ou les cosaques quelque personnage audacieux, qui osat former l'entreprise d'un soulèvement et renouveler l'histoire de Pougatchev.

Le citoyen Sémonville sera en état d'apprécier ces moyens secondaires et son patriotisme éclairé le guidera dans les recherches qu'il fera à ce sujet.

Si toutes ces réflexions sont accueillies, si elles commencent à ébranler le ministère ottoman, le citoyen Sémonville saisira le moment favorable pour entamer la négociation d'une alliance fondée sur les bases suivantes:

1°. Alliance entre la République Française et l'Empire Ottoman.

Cette alliance sera dirigée principalement contre la maison d'Autriche et la Russie. Il faudra soigneusement éviter de la déclarer *offensive:* 1) parce que cette dénomination repugne à nos principes; 2) parce qu'elle éffaroucherait les nations de l'Europe contre nous; 3) parce qu'il n'y a aucune nécessité de l'employer, et qu'il suffira d'énoncer qu'elle aura son application dans toutes les guerres d'une justice manifeste que l'une ou l'autre partie contractante pourra entreprendre. Or nous appelons guerre d'une justice manifeste, celle par exemple que feraient actuellement les Turcs à la Russie, coupable de la violation la plus impudente de la foi publique par l'invasion de cette puissance en Crimée l'an 1783. Une injustice aussi révoltante ne saurait être consacrée par aucun traité postérieur, car alors ces traités ne peuvent être que l'ouvrage de la force et ne doivent durer qu'autant qu'elle; les droits de la puissance lésée n'en subsistent pas moins et reprennent leur activité au moment où cette puissance se sent une force capable de les soutenir et de se les faire restituer.

Le citoyen Sémonville développera au ministère ottoman cetté théorie, qui est simple, conforme aux grandes idées de justice de cette nation, et qui par conséquent ne peut manquer de réussir auprès d'elle. Mais pour ne pas charger le traité de consi-

dérations morales dont la place n'est pas ordinairement dans les transactions de cette espèce, il tâchera seulement de déterminer le ministère ottoman à appliquer les stipulations de l'alliance à la guerre que soutient actuellement la France contre ses ennemis au nombre desquels la Russie ne peut assurement pas manquer d'être comptée, et même en première ligne.

Alors les Turcs ne paraîtrons que comme auxiliaires de la République Française, ce qui le débarasserait sur le champ de la foule d'éxplications dans lesquelles, sans cela, ils seraient obligés d'entrer avec les puissances étrangères.

Dans cette hypothèse les Turcs attaqueraient la Russie sur la Mer Noire et rassemblerait une grande armée sur le Dniester, en même temps qu'ils en entretiendraient un autre du côté du Danube vers le bannat de Temesvar, en un mot sur les frontières de l'Empire Autrichien.

L'effet de ces dispositions serait d'une part d'entretenir aussi une grande force armée vers cette frontière, ce qui opérerait une puissante diversion en faveur de la France, et cela par la présence seule de l'armée turque et sans qu'il fut nécessaire même qu'elle livrât de combat; les actions seraient le partage des armées françaises, et l'utilité en serait pour les deux nations alliées. D'un autre côté une grande armée sur les bords du Dniester mettrait l'Impératrice dans la nécessité de retirer ses troupes de Pologne, et le citoyen Sémonville sait mieux que personne que cette retraite rendrait la Pologne à la liberté et que ses intérêts les plus chers liairaient nécessairement et immédiatement sa cause à celle des deux nations, ce qui mettrait un nouveau poids dans la balance.

Il ne serait pas impossible que la Suède en fournit un autre, et l'intervention de cette puissance dans la cause commune ne pourrait manquer de procurer de grands avantages à l'alliance. Le ministère ottoman doit avoir de grandes préventions contre la Suède, depuis la trahison qu'il a éprouvée dans la dernière guerre de la part de Gustave III. Le citoyen Sémonville s'attachera à lui démontrer que depuis la mort de ce monarque,

les dispositions générales sont extrêmement changées: la Suède étant sur le point de conclure avec la France un traité d'alliance défensive à laquelle il dépendra de la Porte Ottomane d'accéder.

2°. Nature des secours dont les deux nations s'entraideront mutuellement.

Tant que durera l'alliance entre les deux cours impériales, les Turcs ne pourront faire la guerre à l'un de ces ennemis sans avoir en même temps l'autre à combattre. De là des secours de deux espèces que la République s'engage à fournir aux Turcs. Une esquadre dans la Mer Noire qui sera composée en vaisseaux et frégates comme les circonstances paraîtront l'éxiger, sans cependant qu'elle puisse éxceder dix vaisseaux de ligne et le nombre de frégates proportionné, laquelle escadre sera entretenue aux frais du gouvernement ottoman. Sur le continent une armée qui attaquera l'Autriche par les points, qui seront le plus à notre portée et qui seront déterminés par les circonstances. Il est assez difficile de fixer par le traité même le nombre d'hommes dont cette armée sera composée, et on croit qu'il est plus simple et plus analogue à la bonne foi des deux nations de stipuler en général qu'elle sera portée au degré de force nécessaire pour opérer une puissante diversion. Et comme il paraît que jusqu'ici la cause des succès des Russes contre les Turcs doit être principalement cherchée dans la superiorité du service de l'artillerie des premiers, la République s'engagera à fournir aux Turcs un nombre d'artilleurs suffisant pour diriger le service de l'artillerie turque et lui assurer l'avantage sur celle des Russes.

3°. Indemnité à accorder par la partie secourue à la partie secourante, proportionnée au nombre d'hommes et de vaisseaux fournis.

Il est d'usage d'insérer un article de cette espèce dans les traités d'alliance et il est toujours bon de consacrer une stipulation particulière à cet objet. Cependant nous pensons qu'il ne faut pas y attacher une trop grande importance, ni le traiter en toute rigueur. Cette rigueur pourrait convenir à une nation

pauvre qui aurait indispensablement besoin du secours de son alliée pour fournir aux frais de l'armement et surtout si elle n'avait absolument rien à gagner à la guerre qu'elle entreprendrait pour la défense de son alliée. Mais lorsque les deux nations qui s'allient sont deux nations puissantes par leurs ressources naturelles, lorsqu'ils s'unissent pour combattre un ennemi commun et qu'elles ont l'une et l'autre des avantages à espérer de la guerre, l'indemnité dont question se calcule alors sur d'autres élements, et l'ambassadeur de la République doit traiter ce point de manière à ce que la négociation ne puisse être arrêtée par la discussion de cet article secondaire.

4°. Engagement respectif.

Engagement respectif de ne point faire de paix séparée et de ne consentir à aucune proposition sans que les deux parties n'ayent reçu toute satisfaction des cours de Vienne et de Pétersbourg et notamment que les possessions ottomanes ne soient rétablies sur le pied du traité de Kainardji. Ce n'est pas que nous n'espérions procurer des avantages plus solides aux Turcs; mais des engagements ultérieurs seraient prématurés. Cependant ils peuvent être assurés que nous ne négligerons rien pour faire rentrer la Crimée sous leur domination.

5°. Liberté de navigation.

Les Turcs l'ont accordée aux Russes et aux Autrichiens, leurs mortels ennemis; il serait étonnant qu'ils traitassent leurs amis avec plus de sévérité et nous croyons le traité que nous leur proposons trop avantageux pour eux pour qu'ils se réfusent à cette marque de reconnaissance envers la République. Cette condéscendence de leur part convient d'ailleurs parfaitement à leur propre intérêt, puisqu'en nous fournissant l'occasion de nous procurer une connaissance plus détaillée et plus exacte de la Mer Noire ils nous fournissent en même temps les moyens de les secourir plus efficacement au moment du besoin. Nous osons croire d'ailleurs que les Russes seront beaucoup plus réservés à l'égard des Turcs, lorsqu'ils verront le pavillon de la République flotter librement sur ces mers.

Après avoir terminé cette grande négociation l'ambassadeur de la République s'occupera d'une seconde transaction destinée uniquement à fixer l'état de notre commerce dans ces contrées et lui donner toute l'étendue et toutes les facilités dont il peut avoir besoin. On prendra pour base les anciens capitulations auxquelles on apportera les modifications, interprétations, changements, extensions etc., que la différence des circonstances peut avoir rendus nécessaires. La nature de ces instructions ne comporte pas les immenses détails auxquels il faudrait se livrer pour éclaircir entièrement ce point. On se contentera donc de donner au citoyen Sémonville les meilleurs mémoires tant anciens que modernes, qui ont été envoyés au département en différents temps et où la matière est traitée avec l'étendue. C'est lorsqu'il sera sur les lieux, lorsqu'il pourra voir les choses par lui même et s'environner des lumières de nos négociants à Constantinople, qu'il sera à portée d'acquérir toutes les connaissances nécessaires pour conduire sa négociation au plus grand bien de la République. Nous lui recommandons surtout de mettre beaucoup de choix et de discernement dans les différentes vues qui pourront lui être proposées par les négociants français, d'écarter soigneusement toutes celles qui auraient pour but de procurer quelque avantage à une ville en particulier au détriment des autres et de ne s'attacher qu'à celles qui porteront les caractères de l'impartialité et présenteront véritablement l'intérêt général de la République.

Tel est l'objet important que le Conseil Exécutif provisoire confie aux soins du citoyen Sémonville. Nous sommes persuadés qu'il y apportera tout son zèle, tous ses talents, tout son amour pour son pays.

Il sera mis à sa disposition une somme de trois cents milles livres en numéraire tant pour préparer les voies qui doivent le conduire à cette importante négociation, que pour envoyer des agents dans le Cuban, en Georgie, auprès du Pascha de Scutari; enfin partout où il le jugera nécessaire au service de la République.

Il est presque superflu de lui recommander la plus grande réserve envers les ministres étrangers, nous n'en connaissons pas un seul dont il ne doive se méfier, car ceux qui ne sont pas nos ennemis par la politique de leurs cours, le sont par leurs inclinations personnelles; et je cite pardessus tout le chevalier Anslie, dont les sentiments envers la France sont depuis longtemps audessus de toute équivoque. Il recherchera cependant avec la circonspection convenable le ministre de Suède, celui de Pologne et celui d'Espagne, mais il se tiendra toujours avec eux dans la juste mesure, veillera attentivement sur leurs démarches, plus attentivement encore sur celles des autres, cherchera à faire échouer leurs manœuvres et nous rendra sur le tout un compte exacte et détaillé.

Ecrit à Paris le vingt deux Mai mille sept cents quatre-vingt treize, sous le sceau de la République Française.

Signé: Le ministre des affaires étrangères

Le Brun.

L. S.

554.

Moyens de faire servir les préjugés de la religion mahométane aux succès de la Révolution Française.

Il existe à Constantinople deux hommes, jouissant d'une grande influence auprès du Divan, rénégats, ardents musulmans en apparence, victimes des persécutions et des cabales de la maison d'Autriche et du partie du général Lacy, ennemis implacables de la cour de Vienne: l'un s'appelle le ci-devant comte de Strasoldo, l'autre le ci-devant colonel Gossy. C'est ce Gossy qui combina le fameux plan de la première compagne turque en 1789, d'après lequel le grand-vizir Jussuph-Pacha se porta dans le Bannat, d'où il chassa l'armée autrichienne toute entière; les deux hommes.

surtout le dernier, ont les principes les plus philosophiques, et ils n'ont changé l'uniforme contre le turban que par haîne contre leurs tyrans: avec quel empressement ils ne saisiraient l'occasion de se venger, et de faire servir de concert avec notre ambassadeur toute leur influence en faveur de la République Française.

Un des moyens les plus sûrs, peut-être, serait de les faire agir puissamment auprès du Mouphti, à qui ils présenteraient notre révolution avec des couleurs mystérieuses, et sous un aspect entièrement religieux, et dans les mouvements d'un saint zèle pour l'Alcoran; ils lui diraient, que la révolution française doit son origine et ses progrès à une nouvelle secte chrétienne, dont les principes sont *l'abaissement de l'orgueil*, et *le règne de l'égalité*, qui l'évangélise, qui reproduit sous les traits les plus sacrés, cette égalité primitive, maudits les dominations, les sceptres et les couronnes, qui ne souffre ni Padishah, ni Calife, et que les nouveaux sectaires veulent rappeler les rois chrétiens à ces principes éternels.

Que voilà déjà que les chrétiens eux-mêmes travaillent a l'accomplissement de la prophétie de Mahomêt, *que la pompe et la hauteur préparés sur la terre n'appartiennent qu'à lui et à ses sublimes successeurs.*

Que si les Français désirent l'alliance du grand Sultan, c'est qu'ils veulent hâter avec lui la chute de tous les rois chrétiens.

Qu'il n'est pas étonnant de voir les ambassadeurs de ces rois calomnier celui de la République Française, inspirer à la sublime Porte des défiances contre son meilleur et son plus fidèle allié, qui s'efforce d'établir aujourd'hui *l'empire de la fidélité et de la vérité*, d'anéantir *les honteuses ruses de la politique chrétienne*, qui brûlent de chasser de la Crimée l'infame Catherine, d'humilier l'exécrable maison d'Autriche et de dompter les injustes possesseurs des trônes chrétiens, dont plusieurs osaient déjà rivaliser dans leur fierté avec le calife lui-même.

Enfin que si la révolution française n'était pas l'avant-coureur de la destruction du christianisme, sur les mines duquel,

comme l'a prédit Mahomet, *s'élèvera victorieusement le régime universel des musulmans,* du moins elle est un instrument céleste pour humilier les jiaours et pour faire rentrer les rois dans la poussière.

Il suffit de connaître les liaisons politiques des Musulmans avec leur superstition religieuse, pour calculer l'effet de ces réflexions *), lorsqu'on saura surtout, que la religion chez les Turcs est le mobile de toutes les opérations politiques, et que le Divan ne peut rappeler les forces de l'Asie que par les inspirations du *Mouphti,* qui seul peut faire marcher les armées au nom de la religion, après une proclamation formelle; lorsqu'on saura, qu'il n'est pas dans l'esprit religieux de ce peuple de propager l'Alcoran, ni de détruire les chrétiens, puisqu'ils occupent la moitié de la Turquie, ils les protègent même, mais ils ne peuvent souffrir chez eux la domination, ils détèstent et ils brûlent de renverser leurs rois et tout leur faste, qui n'est reservé qu'aux descendants du Grand Prophète, de sorte que le *Mouphti* ne verrait dans les mouvements de la France que la préparation, le développement et la plénitude des promesses de Mahomet, et il forcerait le Divan à seconder les intentions de notre ambassadeur, à déclarer la guerre à l'Autriche, et jamais la superstition n'aurait souffert au *Mouphti* des motifs aussi puissants pour exalter l'âme des musulmans et les faire marcher avec enthousiasme au combat. Observez, que la dignité française ne se trouverait nullement compromise, et que cette opération serait toute entière l'ouvrage du *Divan* et du *Mouphti,* au point, qu'en secondant les intentions du ministère français, ils auraient grand soin de cacher à notre ambassadeur les motifs religieux, qui les déterminaient, le grand but de l'alliance des enfants d'Izraël avec les Français, celui d'anéantir les rois chrétiens pour le triomphe de l'Alcoran; tandis que les deux rénégats continue-

*) Il ne faudrait pas oublier un présent de pierres précieuses, et surtout de pierres *coloriées,* fort estimées chez les Turcs, de très peu de valeur pour nous, et qui se trouvent en abondance dans le garde-meuble.

ront d'enflammer l'enthousiasme du Mouphti, tandis que notre ambassadeur semblera favoriser les vues mystérieuses et sacrées, et qu'il déployera un grand caractère en qualité de ministre d'une République, qui s'éleva sur les bases de la vérité et de la fidélité.

VIII.

ДОКЛАДЫ

КОРАБЕЛЬНАГО МАСТЕРА КАТАСАНОВА

вице-адмиралу Н. С. Мордвинову.

555.

Херсонскія адмиралтейскія мастерскія.

1.

Со времени вступленія моего въ командованіе адмиралтейскими мастеровыми учинено мною слѣдующее.

1) Нашедъ, что мастеровые не имѣли надлежащаго понятія о дѣлѣ рукъ своихъ, пріобучаю ихъ и смотрителей надъ ними къ прочной, чистой и искусной плотничной работѣ, и уже много въ томъ успѣлъ, какъ и опыты свидѣтельствуютъ, не оставляя такъ же и по прочимъ мастерствамъ о ихъ рукодѣліяхъ моего попеченія, которое и продолжаю.

2) Дабы преподать способы къ наилучшему искусству при строеніяхъ, не малое количество разныхъ инструментовъ переправилъ, многіе и вновь сдѣлалъ по хорошей и искусной формѣ, а чрезъ сіе знатной казнѣ можетъ быть соблюденъ интересъ, когда заводъ оныхъ будемъ имѣть отъ своихъ адмиралтейскихъ кузнецовъ, кои и сами въ искусствѣ работъ своихъ чрезъ то усовершатся, а мастеровому человѣку хорошій инструментъ обыкновенно нѣкоторымъ образомъ даже навлекаетъ охоту работать.

3) Какъ конопаченіе судовъ послѣ крѣпости въ строеніи есть первое и важное дѣло, то конопатной инструментъ, мушкили [1]) и всѣ конопатки передѣланы и многія вновь сдѣланы новѣйшимъ и искуснымъ образомъ, такъ что и конопаченіе прежняго производится несравненно прочнѣе, а пеньки исходитъ гораздо менѣе.

---

[1]) Мушкель—деревянный молотокъ, употребляемый для конопаченія. *Кушелевъ*, 201; *Вахтинъ*, 178.

4) Усмотрѣвъ, что важную работу придѣлыванія толстыхъ корабельныхъ досокъ къ наборнымъ членамъ производятъ безъ всякихъ надлежащихъ правилъ, что самое великой можетъ наносить вредъ, когда обшивка, долженствующая предохранять внутреннія члены, вмѣсто того ускоряетъ еще порчь онымъ, не имѣя въ себѣ самой ни прочности, ни укрѣпленія, я показалъ на практикѣ новѣйшій и искусный способъ производить оную удобнѣе, прочнѣе, поспѣшнѣе и съ облегченіемъ для мастеровыхъ, кромѣ того, что при таковомъ способѣ обшивки гораздо миновать можно траты корабельныхъ досокъ.

5) Строеніе гребныхъ судовъ отличное; наборныя деревья на половину употребляю изъ колесныхъ ободьевъ, замѣняя тѣмъ знатное количество вѣтвистыхъ деревъ; обшивка ихъ безъ конопати есть работа искусная и предъ прежними прочнѣйшая.

6) Исправленіе судовъ килеваніемъ производится также особливымъ образомъ: обжигаютъ ихъ два раза, первымъ просушивается дерево и посредствомъ огня вытягивается остающаяся сырость, а въ послѣдній подмазываютъ чрезъ огонь—сіе несравненно противъ прежняго полезнѣе въ расужденіи прочности.

7) Чтобы пріуготовить людей мастеровыхъ званію своему и пользѣ государственной удовлетворить могущихъ, для сего имѣю въ надлежащемъ порядкѣ училище корабельной архитектуры, изъ 40 учениковъ состоящее, въ разныхъ классахъ, и ученіе происходитъ съ успѣхомъ; а нѣкоторые также обучаются и на практикѣ.

8) Построенная для примѣра канонирская лодка, испытанною уже ловкостью хода даже въ открытомъ морѣ и способностію при томъ къ дѣйствію орудіями, не меньше и работою, доказываетъ, что она дѣйствительно можетъ служить примѣромъ въ такомъ родѣ судовъ, почему и для предположеннаго построенія оныхъ въ Бѣлоруссіи непримину лъ я дать особо моихъ замѣчаній, относящихся до прочности сего строенія.

9) Работу фрегата, на воду теперь спущеннаго, производилъ я хотя изъ деревъ остающихъ отъ прежнихъ строеній и

прочаго за гнилью, порчью и фаутами [1]), не способныхъ на тѣ званія, для которыхъ были заготовлены; но употребивъ особливые труды, обжигая каждые таковые члены и обмазывая смолою, дошелъ, что и лѣса негодныя употребились съ пользою и строеніе изъ оныхъ прочностью не уступитъ и тѣмъ, кои строились изъ самыхъ здоровыхъ лѣсовъ, причемъ по недостатку вѣтвистыхъ употреблялъ прямыя деревья такимъ образомъ, что они замѣнятъ и крѣпость и пользу первыхъ, да и судно сіе будетъ имѣть ту выгоду, что въ войнѣ можетъ держать бой по хорошему уподобленію, какъ и корабль военный, и для транспорта къ помѣщенію груза наиспособнѣйшее.

10) Всѣ боуты [2]), которыми укрѣпляются члены, составляющіе главную крѣпость судна, вмѣсто колецъ, заклепываю четыреугольными планками, соразмѣрными боутамъ, поелику онѣ естественно во время килеванія судна крѣпче держатъ боуты въ своихъ мѣстахъ, нежели кольца.

11) Боуты дѣлаю осмигранные, потому что таковая фигура крѣпче держитъ въ деревѣ, нежели округленная, да и мастеровые дѣлаютъ ихъ тридцать въ то же время, въ которое пять круглыхъ.

12) Въ разсужденіи вѣтхости здѣшнихъ корабельныхъ камелей [3]), требующей для починки много издержекъ, времени и

---

[1]) Фаутъ—порча въ кускѣ дерева. *Вахтинъ*, 349.

[2]) Боуты—большіе желѣзные неостроконечные гвозди, коими скрѣпляются корабельные члены. У бортовъ или болтовъ на одной сторонѣ шляпка, а съ другой—закладывается чека и крѣпится съ глуха, и такимъ образомъ онъ скрѣпляетъ тѣ члены, сквозь кои проходитъ (*Кушелевъ*, 145). Боутъ—нашивка на парусѣ наискось полотнищъ для укрѣпленія паруса въ мѣстахъ тяги шкотовъ, штыкъ-болтовъ и рифъ-талей (*Вахтинъ*, 31).

[3]) *Камели*—родъ водяной машины, или плоскодонное судно, состоящее изъ двухъ раздѣляющихся частей, кои подводятся съ обоихъ сторонъ корабля, будучи наполнены водою, и между ними помѣщается корабль, который нужно провести чрезъ мелководіе, потомъ изъ нихъ вода выливается и они поднимаютъ корабль и, такимъ образомъ, его чрезъ мелкія мѣста или бары переводятъ. Сіи машины выдуманы въ Голландіи около 160 лѣтъ (*Кушелевъ*, 179).

людей, и во отвращеніе многотрудной переводки на оныхъ военныхъ судовъ, я дѣлаю теперь четыре подборныхъ ящика для переводки построеннаго 36-ти-пушечнаго фрегата, чѣмъ и доставлю знатную пользу и соблюденъ будетъ казнѣ интересъ, какъ нынѣ, равно и впредь на многія времена.

13) Чрезъ три пары четвертой шпангоутъ [1]) сплачиваю съ другими, между которыми кладу прокладки плотныя и скрѣпляю вдоль корабля боутами; а отъ сего утвержденія набора, какъ въ длинѣ, равно и въ высотѣ корабля происходятъ укрѣпленія, а въ продолженіи работъ и между всѣхъ наборныхъ членовъ дѣлаю потому же прокладки; такимъ же образомъ поступаю не оставляя трансовъ, паче же и то, что крѣпленіе ридерсовъ [2]) къ симъ сплоченнымъ шпангоутамъ.

14) Ридерсы и кипсы [3]) располагаю поворотные; первые крѣплю къ пяти, а вторые къ тремъ членамъ, а не по одному: сіе несравненно больше членовъ вмѣстѣ связываетъ, и тѣмъ самымъ избавляетъ верченіе многихъ дыръ на одномъ членѣ.

15) Во всѣхъ декахъ нижніе ряды спиркинтенсовъ [4]) дѣлаю толще обыкновенныхъ, дабы удержать корабль отъ перегибы; а подъ оными и ватеръ-вельсы [5]) дѣлаю толще, а вмѣсто возвышенія пазы отъ палубы на 2 дѣлаю на 4 дюйма, дабы бываемая вода въ пазъ не проходила и въ бимсахъ [6]) прежде времени гнилости не производила.

16) Главные въ кораблѣ части, какъ-то: бархоуты [7]), клямсы,

---

[1]) Ребро судна. *Вахтинъ*, 370.

[2]) Ридерсы — толстыя желѣзныя полосы, идущія по внутреннимъ гранямъ и наклоненныя вершинами къ срединѣ, служатъ для скрѣпленія судна, *Вахтинъ*, 280.

[3]) Кница—штука дерева, имѣющая двѣ вѣтви, которыя составляютъ тупой уголъ. *Ibid.*, 118.

[4]) Спиркетенсъ—поясъ внутренней обшивки между ватеръ-вейсомъ и нижними косяками. *Ibid.*, 304.

[5]) Ватеръ-вейсъ — толстый деревянный брусъ, накладываемый на бимсы и прилегающій къ борту, вокругъ всей палубы. *Ibid.*, 40.

[6]) Поперечный деревянный брусъ между бортами. *Ibid.*, 22.

[7]) Баркгоуты—толстая обшивка по бокамъ корабля для укрѣпленія ихъ (*Кушелевъ*, 139).

спиркиптенсы, висячія и лежачія книсы, ридерсы, брештуксы [1]), крачесы и прочее укрѣпляю все боутами, вбиваемыми со внѣшней и внутренней стороны, попеременно, одинъ другого минующими, чрезъ что оные боуты, вбиваемыми со внѣшней стороны плотнѣе нажимаютъ наружныя части къ членамъ, а со внутренней внутреннія, и дѣлаютъ важную крѣпость кораблю.

17) У всѣхъ бархоутовъ, клямсовъ, спиркиптенсовъ и карленсовъ [2]) вынимаю четверти, дабы на верхней кромкѣ не держалась вода и удобнѣе бы можно было законопатить пазы, а у нижней кромки оныхъ такъ же способнѣе конопатью исправить.

18) Отъ нижней кромки нижняго бархоута по планширу между всѣми топтимберсами [3]) въ шпаціяхъ кладу цѣльныя прокладки, чтобъ вбиваемые въ нихъ боуты иногда въ пустоту не входили.

19) Старнъ-постъ [4]) обыкновенно для каждой рулевой петли перерѣзываютъ нѣсколько, и чрезъ то приводятъ оной въ нѣкоторое безсиліе; я же для соблюденія крѣпости старнъ-поста прилагаю къ оному доску, толщиною въ 3 дюйма, и на ней дѣлаю прорѣзъ для всѣхъ рулевыхъ петель, а старнъ-поста не касаюсь; и чрезъ сіе сохраняю толь славную часть корабля, а ежели онъ еще нѣкоторую погибь имѣть будетъ безъ помянутой доски, то чрезъ нарѣзываніе на немъ для рулевыхъ петель мѣста и къ совершенному крушенію подверженъ.

20) У всѣхъ прямыхъ членовъ употребляемыхъ въ строеніе корабля, а паче у толстыхъ, какъ-то: битнеоповъ, красписовъ [5]),

---

[1]) Брестгукъ— родъ деревянной кницы, служащей соединеніемъ бортовъ судна въ носу. *Вахтинъ*, 35.

[2]) Карлингсъ—деревянный брусъ, вгоняемый между бимсами, подъ палубой. *Ibid.*, 106.

[3]) Верхнія штуки дерева, верхнія оконечности шпангоутовъ. *Ibid.*, 332.

[4]) Или ахтеръ-штевень—брусъ, идущій вертикально отъ киля и составляющій заднюю оконечность судна; къ нему навѣшивается руль. *Кушелевъ*, 136; *Вахтинъ*, 12,

[5]) Крaписа—поперечный, по ширинѣ корабля лежащій брусъ. *Кушелевъ*, 191; *Вахтинъ*, 136.

шпилевыхъ штукъ и прочаго, провертываю сердцевину не болѣе въ діаметрѣ, какъ $2^1/_2$ дюйма, и вынимаю вонъ. Сіе я дѣлаю для того, чтобъ сердцевина, скорѣйшей подверженная гнилости, не заражала своимъ истлѣніемъ всего дерева.

21) На всѣхъ декахъ корабля обыкновенно употребляютъ шпигаты [1]) свинцовые изъ листовъ, спаенные оловомъ, которые какъ при расположеніи по своимъ мѣстамъ, такъ и при ихъ чищеніи въ своихъ пайкахъ распаиваются и пропускаютъ внутрь набора мокроту, причиняющую испарину членамъ, и для того часто оные шпигаты перемѣняютъ, отъ чего бываетъ трата; я же кладу свинцовые, литые, которые могутъ прослужить такъ долго, какъ самый корабль, хотя бы оный прослужилъ и необыкновенное время.

Александръ Катасановъ.

Сентября 25-го дня.
1793 года.
Херсонъ.

556.

Объясненіе по Херсонскому Адмиралтейству.

Со времени вступленія моего въ Херсонское Адмиралтейство въ начальствованіе адмиралтейскими мастеровыми служителями какіе имѣлъ распоряженія и учрежденія въ располагаемыхъ работахъ прилагаю объясненіе.

Первое. Работу фрегата 36-ти-пушечнаго, заложеннаго въ 1793-мъ году генваря 27-го и на воду спущеннаго того жъ года сентября 19-го числа [2]), производилъ я хотя изъ деревъ остающихъ отъ прежнихъ строеній и прочаго, за гнилью,

---

[1]) Шпигаты — обитыя свинцомъ въ корабельномъ бортѣ дыры для стока воды изъ палубы (*Кушелевъ*, 329).

[2]) Фрегатъ „Счастливый“.

порчью и фаутами, не способныхъ на тѣ званія, для которыхъ были заготовлены, но, употребивъ особливые на то труды и заботливость, обжигая каждые таковые члены и обмазывая смолою, дошелъ что и лѣса негодные употребились съ пользою, и строеніе оныхъ не уступитъ прочностію и тѣмъ, кои строились изъ самыхъ здоровыхъ лѣсовъ, причемъ, по недостатку вѣтвистыхъ, употреблялъ прямыя деревья такимъ образомъ, что онѣ замѣнятъ и крѣпость и пользу первыхъ, да и судно сіе будетъ имѣть ту выгоду, что въ войнѣ можетъ держать бой, по хорошему уподобленію, какъ и корабль военный, и для транспорта къ помѣщенію груза наиспособнѣйшее.

Второе. Для кораблей въ 1793-мъ году элинговъ на прежнихъ мѣстахъ построено два, а третій отстроить должно, новѣйшимъ образомъ и лучшимъ расположеніемъ. Сваи, насатки и прочее, обожжены крѣпко огнемъ, и обмазаны смолою, забучены каменнымъ щебнемъ съ глиною, ростор вы-кладенъ камнемъ и залитъ составомъ, сверхъ онаго стапель усланъ нарочито толстыми брусьями гладко, по сторонамъ всего стапеля подѣланы ступени, для сходу и выходу людей.

Тутъ же, по близости оныхъ, устроены два колодца, въ коихъ вода ключевая, чего прежде меня не было. Всѣ таковые способы служатъ къ скорѣйшимъ работамъ, а тѣмъ паче, что ради здравія людей.

Третіе. Доселѣ корабельные дубовые равно и сосновые лѣса, а паче разныхъ сортовъ доски, всѣ безъ изъятія располагаются на открытомъ мѣстѣ, гдѣ отъ дождей, мокротъ и отъ сильныхъ жаровъ портятся гнилью и трещинами, на послѣдокъ и добрые члены по сему остаются и не употребляются на свои мѣста, хотя же и употребляются, но съ убыткомъ; дабы отвратить сіе и пріобрѣсть важную казнѣ пользу отъ береженія и сохраненія лѣсовъ, въ 1793-мъ году, по представленному отъ меня плану, построилъ магазинъ лѣсной въ длину на шестьдесятъ саженъ.

Четвертое. Строеніе гребныхъ судовъ отличное, наборныя деревья на половину и съ колесныхъ ободьевъ; замѣняя тѣмъ

знатное количество вѣтвистыхъ деревъ, обшивка ихъ безъ конопати, работа искусная и предъ прежними прочнѣйшая. Изъ числа сихъ судовъ, два корабельные барказа построены такъ искусно и крѣпко, что при пробѣ поставленнаго на одномъ барказѣ съ носу полукартаульнаго единорога, выстрѣловъ произведено холостыми зарядами до сорока, съ ядрами—до шестидесяти, всего сто выстрѣловъ 1795-го года іюля 29-го дня, при Николаевѣ на рѣкѣ Гогѣ, чего доселѣ не бывало.

Пятое. Исправленіе судовъ килеваніемъ производится такъ же особливымъ образомъ. Обжигаютъ ихъ два раза: первымъ просушивается дерево и посредствомъ огня вытягивается остающаяся сырость, а въ послѣдній подмазываютъ черезъ огонь. Сіе несравненно противъ прежняго полезнѣе въ разсужденіи прочности и отъ червоядія.

Шестое. Чтобы пріуготовить людей мастеровыхъ званію своему и пользѣ государственной удовлетворить могущихъ, для сего имѣю въ надлежащемъ порядкѣ, училище корабельной архитектуры, изъ сорока учениковъ, состоящихъ въ разныхъ классахъ, и ученіе происходитъ съ успѣхомъ, а нѣкоторые также обучаются и на практикѣ, чего такъ же доселѣ не было и нѣтъ.

Седьмое. Въ 1793-мъ году генваря 28-го заложена, а мая 18-го числа того жъ года построена и на воду спущена для примѣра канонирская лодка, испытанная уже въ ходу и въ поворотахъ при крѣпкихъ вѣтрахъ въ открытомъ морѣ спокойною и способностію при томъ къ дѣйствію орудіями; не меньше и работою доказываетъ, что она дѣйствительно можетъ служить примѣромъ въ такомъ родѣ судовъ. Почему и для предположеннаго построенія оныхъ въ Бѣлоруссіи, не приминулъ я дать особо мои замѣчанія, относящіяся до прочности сего строенія.

Восьмое. Въ 1793-мъ году, въ разсужденіи вѣтхости здѣшнихъ корабельныхъ камелей требующей для починки много издержекъ, времени и людей, и, во отвращеніе многотрудной переводки на оныхъ военныхъ судовъ, построилъ четыре не-

большихъ подборныхъ ящика для переводки построеннаго 36-ти-пушечнаго фрегата, чѣмъ и доставилъ знатную пользу и соблюденъ казнѣ интересъ, какъ нынѣ, такъ равно и впредь на многія времена.

Девятое. Въ 1794-мъ году въ Херсонскомъ Адмиралтействѣ, всѣ низменныя на берегу мѣста понимаетъ весною и осенью вода, причиняетъ лѣсамъ гнилость и невозвратный казнѣ убытокъ; люди же рабочіе отъ мокроты и гнилости воздуха тутъ бываемаго, часто заражаются болѣзнями: доселѣ казеннымъ лѣсамъ былъ вредъ и гибель. Дабы наблюсть пользу государственныхъ интересовъ, наипаче же предохранить здравіе людей, мѣста многія возвышены насыпьми, и выпланированы выше самой большой прибылой воды.

Десятое. Въ 1794 году ноября въ 5-й день спущенъ на воду 74-хъ-пушечный кораль, сооруженъ по всѣмъ частямъ съ такою прочностію, искусствомъ и поспѣшностію, тѣмъ паче, что корабль построенъ во время краткое, не заимствуясь людьми вольными, на наемъ которыхъ употреблялись до сего суммы знатныя.

Первое на десять. Въ 1795-мъ году августа въ 1-й день спущенъ на воду корабль № 2-й [1]) построеніемъ и отдѣлкою въ таковомъ же образѣ, искусствомъ и прочностію, коли не превосходственнѣе прежняго корабля, хотя то и въ самой Англіи построеннаго.

Второе на десять. Въ 1795-мъ году сентября 1-го дня изобрѣтенные мною вновь для большихъ 74-хъ-пушечныхъ кораблей, камели составляющіе изъ 4-хъ подборныхъ ящиковъ отстроены; сооруженіе оныхъ несравненно выгоднѣе прежнихъ камелей. Лѣса заготовлять должно не такой большой пропорціи, и не съ такою трудностію, какъ для двухъ большихъ камелей, почему отъ излишнихъ работъ и матеріаловъ соблюдется изъ того знатная казнѣ прибыль; при

---

[1]) Корабль „Захарія и Елизаветы“, бывшій предметомъ раздора между Мордвиновымъ и Ушаковымъ.

проводкѣ кораблей, при переводкѣ ихъ изъ мѣста въ другое, и при самомъ вытаскиваніи на берегъ, людей и матеріаловъ гораздо меньше, и работа не будетъ сопряжена съ такими трудностями съ каковыми происходили отъ прежнихъ камелей.

Полковникъ мастеръ корабельный
Александръ Катасановъ.

Декабря 8 дня
1795 года.

IX.

MÉMOIRES

SUR LE COMMERCE

DE LA MER NOIRE.

557.

COURTES RÉFLEXIONS

sur le commerce de la Mer Noire.

Si jamais un vaste commerce a pu s'établir sous d'heureux auspices, c'est sans doute celui de la Mer Noir en ce moment, où la plus grande Souveraine, qui ait jamais existé, vient de donner la paix à ses sujets et ses voisins, après une guerre brillante, à laquelle son génie et sa fermeté ont su donner une issue si différente de ce que c'était plu à prédire le vulgaire des politiques. L'étendue des côtes, possedées par l'empire, a été augmentée, le nombre des ports multiplié à proportion, des provinces riches et peuplées ajoutées aux anciennes—que reste-t-il à faire? Peu de choses assurément, la continuation de celle paix si nécessaire, de la stabilité, de la tranquillité, quelques encouragements, je ne dis ni grands fraix, ni avances démesurées, ni projets extraordinaires (utiles pour l'ordinaire seulement aux spéculateurs qui les proposent). Le commerce—effet spontané des circonstances locales, de la position respective, des besoins d'échanges mutuels, s'établit de lui-même partout, où l'appelle la convenance des nations et où l'on ne gêne point son cours, il prospère beaucoup plus par le mal qu'on ne lui fait pas, que par le bien qu'on cherche à lui faire par des moyens forcés et si souvent trompeurs. L'industrie humaine excitée de reste par le désir des richesses n'a guères besoin d'être aiguillonnée et bien moins encore d'être dirigée sans cesse, qu'on ne l'étouffe seulement pas, qu'on ne la surcharge point d'entraves et elle saura

bien trouver les plus sûrs et courts chemins pour parvenir à son but, tout le secret enfin semblerait se borner à lui procurer ces trois points bien simples: 1) des débouchés commodes et sûrs pour le dehors; 2) des lieux de dépôts placés d'une manière convenable au-dedans; 3) des facilités de transports et de circulation. Entrons en matière par le premier, qui paraît aussi le plus pressé.

Je commence par jeter les yeux sur la Tauride et ils s'arrêtent à Eupatoria (Koslowe) malgré la triste step qui l'entoure, ou plutôt à cause de ce step même, puisque c'est lui qui fournit les grains, le sel, les laines, les peaux, le beurre, c'est à dire tout ce que l'étranger vient demander et qu'en outre ses routes si planes rendent le roulage si aisé, c'est toujours là que voitureront tout de préférence les Tartares de quasi toute la presque île, même ceux d'au delà de Perekop pour lesquels c'est de beaucoup le port le plus rapproché. Il faut avouer que sa rade est de plus dangereuses et qu'il y périt presque annuellement plusieurs bâtiments, mais c'est là justement ce qui démontre l'extrême convenance de cet endroit que les marchands préfèrent dès à présent de fréquenter avec touts ses risques plutôt d'aller dans un autre où ils ne trouveraient rien à faire. S'il est vrai (comme on l'assure) qu' il serait possible de le mettre à couvert des vents de sud-ouest au moyen d'une môle peu considérable, il ne resterait rien à désirer et ce pays si beau pourrait se flatter d'avoir dans peu au moins une place vraiment vivante dont il a si fort besoin.

On prétend que le P-ce Potemkin voulait à toute force tout concentrer à Sevastopol, mais quelque sûr que soit son vaste et superbe bassin, quelqu'utile qu'il puisse être (sauf les ports) à la marine militaire, sa position en éloignera toujours la marchande, son petit liman rend toute communication difficile d'un côté, les montagnes de l'autre, d'ailleurs le midi de la Crimée si fertile en points de vue escarpés et pittoresques, ne l'est guères par la même qu'en vins et fruits qui ne seraient d'aucun débit au dehors, et il est à croire que toute la puissance du prince eut

échouée à y faire arriver une seule barque au delà de l'étroit nécessaire des troupes et des matelots.

Je ne m'étendrai point sur Balaklawa, Yalta, Soudak, Kercz, Jenikale, ni même sur la renommée Théodosia; les ports et rades de ces diverses places présenteraient mille avantages, mais (parlons sans détour) le peu de population du pays mettra nécessairement pour quelque temps encore un obstacle insurmontable à leur activité. Une douzaine de vaisseaux, au plus, vient y débarquer chaque année de quoi fournir Simferopol karasbazar et les moursas des environs. Le reste longe la côte sans s'arrêter et va droit à Taganrog, débouché naturel des larges contrées des deux rives du Don. Il serait encore plus inutile de s'étendre sur Taman, quelques produits de pêche sont tout ce qu'on peut encore attendre de l'industrie de ses nouveaux habitants, de l'eau de vie tout ce à peu près qu'ils demanderont en échange.

Je passe donc à la partie de l'ouest et, pour ne pas allonger sans raison, je me fixe tout de suite au point le plus éloigné, mais par la même le plus intérressant, je veux dire à Hozia Bey. Je ne détaillerai point les avantages de sa belle, commode et profonde rade, qu'une simple jetée placée en avant de la forteresse rendrait un des ports du monde les mieux abrités. La seule vue du plan topographique le prouvera mieux que tout ce que j'en pourrais dire. Mais outre que c'est le seul endroit où l'on ne soit point exposé aux dangers de la débâcle des glaces au printemps, sa proximité de Constantinople, la facilité d'entrée et de sortie en tout temps et presque à tout vent, l'absence de toute espèce de barre, banc et obstacle quelconque, lui donneront toujours une supériorité incommensurable au-dessus des places situées plus haut. On aura beau objecter des inconvénients (il peut y en avoir comme à tout et je tâcherai de les exposer plus bas), mais il faut en revenir à cette grande et immuable règle, que le négociant préfèrera quoiqu'il arrive d'aller *là* où il sera exposé à faire le moins de faux frais, *là* où il pourra calculer au plus juste ses dépenses, ses retours et le temps né-

cessaire à telle ou telle spéculation. Ce serait en vain qu'on voudrait se le dissimuler. L'entrée du liman du Dneper et celle du Boh sont sujettes à mille difficultés, ces mêmes difficultés se renouvellent à la sortie (comme de raison). Une, deux, trois semaines peuvent quelquefois se passer à les surmonter et il en faudrait souvent bien moins pour manquer l'instant favorable lors même qu'il ne s'agirait que de draperies, soieries, quincailleries et autres objets de luxe dont le prix ne varie que faiblement; mais combien de pareils retards ne sont-ils pas encore plus facheux pour des objets de première nécessité, pour les grains en particulier qui font la grande base des exportations. On demandera-t-on d'autres preuves que celle de cette année où les premiers arrivés à Constantinople en Avril vendirent le kilo à 4 piastres et doublèrent leurs capitaux, tandis que les derniers, prévenus dès le commencement de Juin, par les bâtiments de l'Archipel, trouvèrent tombé à 45 parats ce même kilo qui leur en coutait 55 pour le seul fret et n'osant passer le canal (à cause des circonstances) ils furent tróp heureux d'abandonner leurs cargaisons pour payer le nolis aux capitaines. Je demande maintenant que n'eut donc pas gagné notre commerce, s'ils eussent pu s'adresser à un port tel que Hozia Bey et s'ils y eussent pu trouver déjà prêts touts leurs chargements et profites du l'instant de disette de la capitale ottomane [1])?

Ceci me ramène tout naturellement au second point. On est souvent assez embarrassé ailleurs à ramasser des productions et probablement il en eut été tout de même ici sans l'adjonction des ci-devants Palatinats de Kijow, Braclaw et Podolie, car ces pays si abondants en peaux, suifs, cire, miel, bétail, grains de toute espèce, semblaient si parfaitement destinés par la nature à être réunis au territoire d'Oczakow pour leur prospé-

[1]) Il est démontré que l'impéritie du gouvernement ou les concussions des pachas en causent au moins une chaque année dans une partie quelconque de leurs possessions. Quelle source si on sait y puiser!

rité mutuelle, qu'à peine peut on concevoir qu'ils ayent si longtemps appartenus à des maîtres différents. Mais maintenant il ne s'agit plus que d'offrir à ces productions des *dépôts* où elles viendraient en foule attendre l'arrivée des vaisseaux, et où encore ces dépôts pourraient-ils être mieux qu'à Hozia Bey même. La colline sur laquelle pose la ville est toute formée de la meilleure pierre calcaire qui viendrait tomber de la carrière juste à l'endroit où il faudrait l'employer, avec le double avantage d'épargner toute charroi et d'élargir en même temps d'espace un peu étroit qui sépare la colline de la mer, ce qui le rendrait bientôt propre à contenir une double file des magasins les mieux conditionnés. Si on les fait bâtir par des soldats ils ne couteront presque rien. Si c'est par des journaliers, encore la vente, peut-être le seul louage, dédommageront-ils bientôt de cette légère avance. Je ne puis trop le répéter, rien ne saurait intéresser, ni attirer le négociant comme l'espoir de la célérité dans ses expéditions; chaque jour de plus qu'un bâtiment passe dans un port étranger ajoute considérablement à ses frais, il aimerait souvent mieux payer ce qu'il achète à 10% de plus, donner ce qu'il vend à 10% de moins, que d'entretenir son équipage 10 jours de plus, et il lui faut quelquefois près d'un mois (à présent) pour compléter sa cargaison dans les marchés à mesure que le hazard y fait voiturer quelque chose par les propriétaires ou les paysans. Qu'on ne me parle donc point de maisons, elles viendront après d'elles-mêmes et chacun s'enferra à sa guise. C'est au plus pressé qu'il faut s'en prendre d'abord au pis aller. Ceux d'entre messieurs les marchands qui tiendront tant à être bien logés pourront commencer par y tenir un commis et faire dans l'occasion la petite course en poste [1]), beaucoup moins chère que les faux frais et les longueurs qu'ils supportent aujourd'hui.

[1]) C'est déjà ce qui arrive, car malgré la rade ensablée d'Oczakow, malgré qu'il y a à peine 50 baraques des plus misérables, c'est là déjà que les vaisseaux préfèrent en grande partie de s'arrêter, plutôt de remonter plus haut, et on attendent qu'on leur offre un endroit plus commode.

Il ne me reste donc plus qu'à parler de la *circulation intérieure* qui ne souffrira pas plus de difficulté. Le step d'Oczakow fut foulé de temps immémorial par les roues de nos czumaks (paysans, vendeurs de sel) et le sera bien d'avantage à présent qu'on y court plus aucun risque. Le Dniestr plus vivant désormais peut faire remonter continuellement des sels et descendre des grains à Hadgi Derey entrepôt secondaire, d'où il n'y a plus qu'un pas à Hozia Bey. Les passages les plus fréquentés peuvent être facilités par des ponts comme à Olviopol sur la Siniucha et le Boh, à Sokoty sur le Boh et les Mertwe. wody. Enfin la cassation de toute espèce de douanes (hors sur les eaux de vie) aux anciennes frontières achèvera d'élaguer les obstacles. Je n'insiste pas sur ce point, car une fois ces provinces réunies à jamais à l'empire, il parait n'avoir pas besoin de démonstration et serait d'autant plus pressé qu'il y a des articles dont le tarif équivaut à une prohibition absolue, comme p. e. celui des toiles, dont on demande sans cesse pour voiles sacs et emballages.

J'ai promis d'exposer les *inconvénients* et ce n'est pas le plus aisé de ma tâche, car j'ai beau faire, je n'en vois qu'*un*,— celui *du bois*. Il vaudrait beaucoup mieux sans doute qu'il y en eut, mais de Dubossar à Kremenczuk et Azoff, où il y en-a-t-il? Et si ce sont les îles boueuses à roseaux de Herson, qu'on veut tant faire valoir [1])—encore, répondrais-je, qu'il y a des roseaux de reste au-dessus de Hadgederey et que le kizik (tourbe artificielle), la paille et les badyles du step valent bien à peu près autant, de qui parle-t-on d'ailleurs! est-ce du soldat? J'espère que non, car (comme militaire et commerce ne vont guères de compagnie) il serait fort à désirer qu'il n'y en eut en temps de paix pas un seul au delà de l'indispensable garnison de la citadelle. Mais le pauvre, dit-on! Oui, sans doute, il faut aider le pauvre dans ses besoins, ses maladies, ses dé-

[1]) Quoiqu'elles tuent, pour ainsi dire, presqu'autant de monde par leurs exhalaisons en été qu'elles en peuvent médiocrement chauffer en hiver.

sastres, c'est le premier devoir de l'état, mais c'est les hôpitaux, non les ports, qu'on construit pour eux, et dans un port un peu florissant un homme sain et actif ne peut jamais être pauvre. Ce n'est pas seulement le bois, tout doit naturellement y renchérir bien vite, mais les salaires renchérissent à proportion; si chacun dépense plus, chacun gagne d'avantage et tout reste au moins au pair. Je dis au moins, les environs d'Amsterdam ne donnent rien, ne produisent presque rien et croit-on que le peuple y vive moins bien qu'ailleurs? Pense-t-on à se plaindre à Londres de ce qu'il ne s'y brûle pas un atome qui ne vienne de 2 à 300 milles souvent de Northumberland ou d'Ecosse? Point du tout, cherchez une place vraiment propre au commerce, mettez-le en activité et son influence bienfaisante aura bientôt répandu l'aisance qui vaut mieux que le bon marché [1]. Je dis plus, croit-on que (quand même cela serait possible) les Anglais voulussent consentir à ce que tout se trouvât réuni sur chaque point de leur île et que par là ces milliers de bâtiments de toute grandeur qui font le cabotage de côte à côte devinssent superflus! J'en doute fort, car ils savent bien que dès lors ils perdraient cette précieuse pépinière de matelots qui fait leur force, et si la coûteuse bâtisse de tant de vaisseaux se trouve encore plus utile que nuisible pour ce pays-là qui ne fournit pas de quoi suffire à sa construction de la 30-me partie d'entre eux, que sera-ce pour la Russie qui possède en ce genre de quoi approvisionner l'Europe? Je crois déjà voir Bachmut envoyer ses charbons, Azoff les fers et cuivres de la Sibérie, Taman les poissons, la Tauride son sel, ses vins et ses fruits, les bois affluer du Dneper et (dans tel cas donné) peut-être bientôt du Dniester aussi toutes les eaux (en un mot), comprises entre l'embouchure de ce fleuve

[1] Cette doctrine du bon marché semblerait plutôt approprié aux fabriques, afin que la main d'ouvrier étant moins chère, ses fabrications le soyent aussi et soutiennent mieux la concurrence, c'est pour cela qu'il vaut souvent mieux les placer loin des grandes villes, mais encore y a-t-il bien des exceptions.

et celle du Kuban, couvertes de mâts comme la Tamise jusqu'à Greenwich et Hozia Bey leur servir de point central, dont les rayons vivifiants iraient porter au loin l'activité et la richesse.

Que si je ne puis m'empêcher d'en revenir toujours à ce même endroit à cause de son heureuse situation, qu'on ne croie pas que je voudrais voir détruire les établissements couteux et utiles chacun dans son genre de Herson et Nikolajew. Il est vrai qu'ils sont très rapprochés, mais tant mieux, puisqu'ils pourront d'autant plus aisément se donner la main et s'entr' aider entre eux, et je ne suppose pas qu'il puisse entrer dans la tête à qui que ce soit, que les immenses pays qui sont derrière ne suffisent pas à leur industrie, tandis que c'est bien plutôt cette industrie même, qui ne peut que rester longtemps encore en deçà de tout ce qu'elle pourrait devenir. Le Ciel ne créa Herson ni pour un port, ni pour un chantier, puisqu'il plaça (outre tant d'autres inconvénients) une barre aussi élevée à l'entrée du fleuve. Si l'on fut obligé faute d'autres établissements d'y tout rassembler dans le principe, assurément, les suites ont prouvé qu'on avait eu raison et que tout cet argent n'a pas été jeté par les fenêtres, mais est-ce une raison pour ne pas profiter *du mieux* qu'on a maintenant? et sera-ce peu pour Herson d'être le débouché nécessaire de tout ce qui avoisine les deux bords du Dneper presque depuis Smolensk et les nombreuses rivières plus ou moins navigables (au moins au bois flotté) qui l'y rendent? Suffirat-il pas pour Nikolajew de devenir le chef-lieu de l'amirauté et des constructions que son air salubre et la profondeur de ses eaux semblent y apeller et d'être encore un entrepôt secondaire des provinces de la rive gauche du Boh, dont il est si fort à portée. Oczakow n'a guères à perdre et il faut que je me trompe terriblement, si (toutes petites jalousies à part) ces trois villes ne gagnent elles-mêmes à la longue à en voir naître une quatrième, sans laquelle elles resteront toujours ce qu'elles sont, c'est à dire passablement languissantes.

Je me résume: *des magasins* toute de suite à Hozia Bey, une *môle* dès qu'on le pourra, la *cassation* absolue de toute

espèce de droits (hors sur l'eau de vie) à l'ancienne frontière, des *bateaux* sur le Dniester, même sur le Boh jusqu'à Sokolowka, des *ponts* aux passages les plus fréquentés, et si on veut donner un premier mouvement d'impulsion, peut-être la formation d'une *compagnie orientale* d'un millier d'actions de 500 roubles plus ou moins, non avec privilége exclusif (Dieu garde), mais avec quelques faveurs, comme celle d'un rabais d'un $^1/_3$ sur les douanes, le fret modéré des bâtiments de la couronne (ainsi qu'on a déjà sagement commencé à le faire) et quelques légers sacrifices semblables dont le trésor même serait probablement plus que dédommagé dès la seconde ou troisième année [1]).

Il est temps de finir et quelque légèrement que j'ai effleuré cette inépuisable matière, j'en ai déjà peut-être trop dit pour des lecteurs, qui (si j'en ai) en sauront beaucoup plus que moi. Mais comment ne pas se laisser entraîner un peu au désir et à l'espérance du bien, dans un instant aussi favorable sous touts les rapports, un instant unique où, grâce à la immuable sagesse du gouvernement, l'empire jouit presque seul d'un calme parfait au milieu de bizarres et sanglantes scènes qui tourmentent l'Europe, où un jeune gouverneur-général dont les grands talents, mûris sous les yeux de notre Immortelle Souveraine, se sont développés avant l'age, vient d'être nommé à ces belles

---

[1]) Preuve de cela ce qui est arrivé n'a guères en Prusse où un impôt additionnel de 3 gros par livre de caffé en fit tomber les revenus de plus de 250.000 écus; remis à l'ancien taux au bout de deux ans le revenu remonte à 100.000 écus de plus qu'il n'avait jamais été, et puisque je suis tombé sur cet article je ne saurais m'empêcher de dire un mot du cri unanime que j'ai entendu s'élever partout contre les douaniers. Il ne s'agit pas du tarif, on le connait d'avance et on s'arrange là-dessus, mais ce sont les vexations journalières qui abîment le commerce et c'est elles que l'éloignement de la surveillance dans un aussi vaste empire multiplie malheuresement. Il faut que le négociant de Kaffa, Koslowe ou Oczakow en souffre terriblement avant de courir à Ekaterinoslaw, faire près de 1.000 werstes dans les steps et perdre un mois en aller-retour et sollicitations quelquefois inutiles. Il souffre longtemps, se tait, se lasse, se dégoûte et finit par tout quitter.

provinces qui semblent encore demander une protection aussi vigilante pour les conduire à toute la prospérité que leur destine la nature.

B. Gallera.

Août 1793.

558.

MÉMOIRE

touchant les avantages commercials du port d'Odessa.

Parmi les provinces dernièrement assujetties à l'Empire de Russie, la Podolie, l'Ukraine et la Volhynie sont sans contredit les plus importantes par rapport à leur fertilité et à la grande quantité de produits qu'elles versent annuellement dans le commerce de l'Europe. Ces produits consistent principalement dans une grande quantité de blés de toute espèce, surtout du froment, de la cire, du miel, des cuirs de bœufs et de vaches, des peaux d'agneaux, de lièvres et de veaux, de la laine, du chanvre, du lin, du tabac, du suif, de la potasse et des toiles ordinaires. Tous ces produits sont toujours recherchés partout et surtout dans les pays bordés par la Mer Méditerranée.

Avant que les dernières guerres achevassent d'humilier les Turcs, avant la possession de la Crimée et des pays entre le Bog et le Niester, ces provinces de la ci-devant Pologne n'avaient d'autres canaux pour le débit de leur riches productions de peu de poids, comme cire, miel, cuirs, tabac etc., que Brody et Breslau, et Dantzig et Elbing pour les marchandises de volume et de poids, comme grains, lins, chanvres, potasse et toiles ordinaires.

Les propriétaires polonais étaient obligés de vendre aux négociants des places nommés ci-dessus des marchandises recherchées à un prix fort bas. Ceux-ci les transportaient et faisaient

des gains considérables en les expédiant pour la Méditerranée. Ces considérations jointes à la politique des Turcs de ne permettre à aucun pavillon que le leur de faire le cabotage de la Mer Noire, laissaient les propriétaires polonais dans une espèce d'apathie, très préjudiciable au pays.

Le peu de commerce qui se faisait en importation était entre les mains de quelques juifs et se faisait par Chotym, Bender et très peu par Oczakof.

Il était réservé à la Russie victorieuse de rompre ces fers et non seulement de s'assujettir les pays bordés par la Mer Noire, depuis l'embouchure du Niester jusqu'aux frontières de la Géorgie, mais encore d'obliger la Porte Ottomane à renoncer à son privilége usurpé de la navigation sur la Mer Noire et de permettre aux navires russes et autrichiens de passer le détroit de Constantinople sans payer aucun transit.

Par ce traité, un des plus avantageux et le plus important que la Russie, peut-être, a jamais conclu pour le bien de son commerce, le système du commerce des provinces méridionales de la Russie et de la ci-devant Pologne a tout à fait changé de face, et surtout celui de la Podolie, de l'Ukraine et de la Volhynie, qui ont et vont trouver l'occasion de rendre leurs riches produits, si recherchées dans la Méditerranée, à un plus haut prix qu'auparavant, vu les détours longs et onéreux jusqu'à Breslaw et Dantzig.

Le gouvernement éclairé de Russie, sentant l'importance de cette vérité, n'a rien négligé pour procurer à ses sujets tous les moyens possibles pour jouir de cet avantage. La construction des villes de Cherson, Nicolaieff et Odessa en font preuve. Par l'établissement de ces places les provinces méridionales de Russie et des pays nouvellement conquis non seulement peuvent débiter leurs produits dans la Turquie et dans les pays bordés par la Méditerranée et la Mer Adriatique à des prix beaucoup plus haut, mais aussi se procurer des marchandises des mêmes pays à beaucoup meilleur marché qu'auparavant, ce que je prouverai amplement en parlant de ses marchandises.

Parmi les places commerçantes, nouvellement construites, la ville d'Odessa est vraiment la plus jeune, mais celle, qui dans une couple d'années a fait le plus de progrès dans le commerce, en fera bien plus à la paix générale et deviendra une des échelles les plus florissantes de la Mer Noire, pour peu que le gouvernement ne l'abandonne pas et contenue de la soutenir de sa main bienfaisante.

J'entreprends de donner une idée du commerce qu'Odessa fait déjà et pourra faire dans la suite, des avantages que la Russie méridionale et principalement la Podolie, l'Ukraine et la Volhynie en peuvent tirer pour le débit de leurs produits; j'y ajouterai quelques remarques par quels moyens cette ville peut parvenir à la grandeur et à l'importance du commerce à laquelle elle est qualifiée tant par sa situation avantageuse, que par l'excellence naturelle du son port.

Le port d'Odessa est sans contredit un des meilleurs et des plus sûrs de la Mer Noire, son ancrage est excellent et comme la côte est fort élevée les vaisseaux y sont à l'abri de tous les vents, excepté de Sud-Est et Est qui peuvent devenir dangereux, mais qui ne le seront plus du moment que le grand môle commencé sera achevé.

La profondeur de 34 pieds est plus que suffisante aux grands bâtiments pour mouiller au grand môle quand il sera achevé, des bâtiments tirant 14 pieds, mouillent déjà à la petite jetée. Ajoutez à ces avantages celui que le port ne se gêle jamais assez pour empêcher les bâtiments de partir et d'arriver dans toutes les saisons, de sorte que la navigation n'est jamais interrompue.

Dans le commencement de l'établissement d'Odessa les vivres y étaient chers; elles diminuent tous les jours de prix et baisseront encore à mesure que les steps seront défrichés. Les maisons sont beaucoup tombées de prix, non que les habitants ayent diminués, mais chacun trouvant dans ce moment des ouvriers à bon marché (vu que les travaux du gouvernement ont cessé) fait bâtir dans la persuasion intime de l'avantage de cette place et que le gouvernement ne l'abandonnera pas.

Les propriétaires de l'Ukraine et de la Podolie commencent déjà à sentir l'importance d'Odessa, puisque les négociants de cette ville vont acheter chez eux leurs produits et payent souvent les froments avant qu'ils soient battus. Quels avantages n'auront-ils pas de plus, quand ils pourront se servir du Niester pour leur transports et rendre à la terre une multitude de bras et de bestiaux employés pour cet objet!

Odessa est non seulement bien située pour le commerce des provinces ci-dessus mentionnées, mais a droit de prétendre au commerce de quelques provinces étrangères: n'a-t-on pas tout lieu d'espérer que lorsque le gouvernement de Russie fera quelques arrangements par rapport aux droits de transit, avant que l'Autriche ne le prévienne par des arrangements chez elle, la Galicie offrira une branche essentielle de commerce, en transportant par le Niester jusqu'à Odessa ses bois et ses toiles ordinaires, dont une grande partie passe dans la Méditerranée et même par la troisième main de Dantzig, de Hambourg et de la Hollande—à Smyrne.

Le commerce de la Moldavie se fera également avec plus d'aisance et d'économie.

Le port d'Odessa par son local attirera également tout le commerce d'importance des marchandises de Turquie, de France, d'Espagne et d'Italie pour les besoins de la Galicie, Podolie et l'Ukraine qui viennent dans ce moment par Galatz et Triest et dont je parlerai amplement plus bas à l'article des marchandises. En un mot toutes les circonstances s'accordent pour rendre Odessa la première place de commerce de la Mer Noire, qui sera également d'un très grand avantage pour plusieurs provinces de l'empire de Russie, pourvu que le gouvernement la soutienne et veuille encore lever quelques obstacles.

Premièrement. Il est absolument nécessaire que la construction du grand môle, commencée et poussée déjà assez loin, comme celle du port entier soit achevée; par là le gouvernement prouvera authentiquement qu'il prend intérêt à la prospérité de cette ville, et les négociants sortiront de cette incertitude où ils vi-

vent depuis quelque temps et pourront donner de l'étendue à leurs affaires. Par là également nombre d'étrangers aisés viendront s'y établir qui ont été retenu par le même motif d'incertitude.

Secondement. Que le gouvernement fasse achever en même temps les maisons et magazins de la douane et quarantaine.

Troisièmement. Il serait à souhaiter que pour faciliter le commerce d'Odessa avec les pays étrangers le gouvernement abolisse les droits d'entrée sur les marchandises venant des pays étrangers par la Mer Noire pour être expédiées dans la Moldavie et la Galicie. A, vice versa, de celles venant de ces provinces pour être expédiées par la Mer Noire pour la Turquie etc., et se contentât d'un droit modique de transit. Combien la Prusse n'a-t-elle pas perdu depuis 25 ans par ses hauts droits de transit et l'Autriche par contre gagné par ces mêmes droits modiques? Que l'on regarde également les règlements à Hambourg, Lubeck et Bremen pour cet objet et la prospérité de ces villes—elles convainqueront de l'utilité des transits.

Quatrièmement. Il est nécessaire de lever les difficultés par rapport aux passeports. Beaucoup de marchands et de voituriers sont détournés par les difficultés d'envoyer aux capitales des gouvernements pour faire signer leurs passeports, tandis qu'ils n'y passent qu'à plusieurs lieux et que cela les entraîne à des détours et à des frais.

Cinquièmement. Chaque négociant doit pouvoir obtenir des podoroges, pour avoir des chevaux de postes, afin de pouvoir voyager dans l'intérieur du pays, si des affaires pressées l'y appellent, comme cela arrive très souvent à Odessa, où il n'y a ni voitures publiques, ni des moyens de voyager sans être vexés par les loueurs de chevaux.

Sixièmement. Il est indispensable que le gouvernement fasse faire un examen vigoureux d'où vient la lenteur et l'irrégularité inouïe des postes ordinaires dans les provinces dernièrement acquises. Il est presque incroyable, mais de pure vérité que, par exemple, les lettres entre Odessa et Tulczyn que fait

un trajet de moins de 300 werstes, restent 10, 20 et souvent 30 jours en chemin, que les lettres, soit pour Brody ou pour un autre place frontière de la Russie, qui sont éloignées d'Odessa de 600 à 800 werstes, restent 3 semaines et un mois en chemin, c'est à dire le même temps que les lettres pour St.-Pétersbourg par Moscou, ce qui fait un trajet de plus de 2.000 werstes, à passer sous silence les lettres qui s'égarent ou se perdent entièrement. Cette irrégularité fait beaucoup de tort au commerce. Le rédacteur de ce mémoire peut en faire foi, puisque ces retards lui ont occasionné des dommages irréparables par la perte de plusieurs bâtiments qui n'ont pas été assuré, vu que la nouvelle de leur désastres mandée de Constantinople est venu plutôt que l'ordre d'assurer.

Septièmement. Odessa n'étant peuplée que de Grecs, Juifs, Italiens, colonistes et aventuriers de toutes les nations, il ne faut pas être surpris que des personnes d'une description moins équivoque y soient très clair parsemées et tous les jours en bute à procéder contre la mauvaise foi de gens pour qui tous les moyens sont bons, pourvu qu'ils obtiennent leur but de faire une fortune rapide. Ce mal ne pouvant se remédier que peu à peu. Le rédacteur croit que pour jeter les fondements de la bonne foi, sans laquelle le commerce ne peut jamais prospérer à la longue, l'établissement d'une chambre de commerce conviendrait et serait d'un grand secours pour la ville d'Odessa. Cette chambre devrait être autorisée de juger tous les différents qui proviennent des affaires de commerce, de navigation et de change, qu'elle fut composée de 3 ou de 5 membres négociants, reconnus intelligents, honnêtes et expérimentés, et d'un secrétaire qui connut plusieurs langues et surtout le russe, l'italien, le français et, s'il était possible, l'allemand, à cause des Juifs. Les dits négociants devraient remplir leur fonctions sans prendre aucun appointement et seulement par honneur et pour l'amour du bien public. Quand au secrétaire on pourrait pour le salarier prendre des parties litigantes quelques petits frais pour chaque sentence et en outre lui accorder la faculté de

faire les contrats de nolissement et autres documents de commerce. Le dit tribunal s'assemblerait deux fois par semaine et on ne pourrait appeler de son jugement qu'au sénat même.

Huitièmement. Parmi les obstacles qui en quelques manières empêchent le progrès du commerce d'Odessa, il faut encore compter l'usure énorme qui s'y fait, poussée jusqu'à 8 pour cent par mois en donnant de bons gages. Le moyen facile de tirer un profit énorme sans aucun risque prive le commerce de beaucoup de capitaux, qui y seraient versés, et favoriserait la circulation. Il serait à désirer que le gouvernement y établit un lombard qui prêtât à un intérêt discret sur des gages en or, argenterie, joyaux et sur des marchandises incorruptibles.

Neuvièmement. Le rédacteur de ce mémoire se permet d'ajouter encore ses idées sur le commerce du sel et de soutenir que le rétablissement des magazins de sel serait non seulement d'un grand avantage pour le commerce d'Odessa, mais aussi pour l'état même, pourvu qu'il fut bien administré.

Il est évident que les blés, eaux de vie, farine et quantité d'autres articles qu'on transporte pour Odessa, tant pour l'exportation, que pour la consommation de la ville, sont d'un volume et d'un poids plus grand que les marchandises d'importation que l'on envoie dans l'intérieur, ce qui fait qu'au moins trois quarts des chariots sont obligés de retourner à vide. Le sel était donc d'une grande conséquence pour les voituriers et les paysans, qui les mettaient en état de gagner un transport en retour, et ils ne chercheraient qu'un petit profit, de sorte que les dites provinces qui auparavant s'étoient pourvues de pel en Moldavie et en Galicie, commençaient déjà à se servir de celui de la Crimée. La levée des magazins les a obligé d'avoir de nouveau recours au sel étranger, ce qui augmente le prix de transports pour Odessa et dégoûte beaucoup de propriésaires d'envoyer de leur produits. D'un autre côté la vente suspendue du sel fait un grand tort à l'état, vu que la somme que la Russie paie annuellement à la Moldavie et à la Galicie tour cette denrée de première nécessité est très considérable

et pourrait rester dans l'empire, si la couronne voulait rétablir les magazins. Le rédacteur ne connait point les motifs qui ont déterminé à lever cette vente, si utile, du sel, mais il est persuadé que par son rétablissement le gouvernement pourrait avoir un grand avantage, s'il faisait des contracts pour le transport de la Crimée à Odessa avec des négociants à un prix équitable et s'il en défendait l'importation des pays étrangers. Par ce moyen non seulement le commerce d'Odessa en profiterait par le prix modique de fret, mais aussi ce transport continuel de la Crimée à Odessa pourrait devenir utile pour former peu à peu des matelots russes, étant un principe indubitable qu'une navigation vive des côtes est le meilleur fondement d'une école pour la marine.

De tous ces avantages il en résulterait les suivants pour l'état:

1) Le débit plus facile et plus avantageux des productions de la Podolie, de l'Ukraine et la Volhynie.

2) L'augmentation de la population et de la culture des steps entre le Bog et le Niester à mesure que la ville d'Odessa s'agrandira, car l'expérience de tout temps prouve que les villes de commerce rendent la populatien plus grande et l'agriculture plus florissante, et les villages des steps qui sont déjà au grand nombre n'ont d'autre débouché qu'Odessa.

3) Un nombre d'étrangers qui par le sort actuellement incertain de cette ville ont été detourné s'empresseront de s'y établir.

4) La navigation augmentera et plus de sujets russes s'appliqueront à la marine.

5) Plusieurs branches de commerce de quelques provinces étrangères en prenant la route par Odessa enricheront l'état par la consommation augmentée des denrées.

6) Que l'exportation devant augmenter beaucoup il n'en peut résulter par la suite qu'un effet favorable sur le change.

Je ne ferai pas mention de l'utilité d'un port franc, ni ne citerai les grands avantages qu'en ont retiré Livourne, Ancone et Trièste, vu qu'ils sont notoires.

Importation.

Coton cru. Il s'en fait un grand débit dans les provinces méridionales de la Russie, en Moldavie et Galicie non pour les manufactures, car il y en a peu ou point, mais pour les matelas, couvertures etc. Il vient principalement de Smyrne et de Salonique. Odessa est par conséquent en état de le livrer à un prix plus modique que Trièste, d'où il vient plus de deux mille werstes par terre.

Coton filé, blanc et rouge. Le coton filé rouge n'est pas un objet de conséquence, mais d'autant plus le blanc; il s'en consume une grande quantité dans les dites provinces tant pour le tricotage que pour les mèches de chandelles.

Raisins, figues, dattes, amandes et autres fruits secs, limons et oranges. La Podolie, l'Ukraine, la Galicie et la Volhynie en consomment une très grande quantité, surtout des raisins, limons et oranges. Autrefois ces fruits y étaient apportés en temps de paix de Galatz et en temps de guerre de Trièste. Ils viennent de Smyrne et de l'Archipel. Il sera facile à la ville d'Odessa de s'emparer de cette branche considérable de commerce et particulièrement lorsque la navigation sur le Niester sera libre de toute entrave. Quand aux limons et oranges, ils sont apportées à Odessa en assez grande quantité par des bâtiments turcs; quelques négociants de cette ville en font venir d'Italie. Odessa fournit ces fruits à si bon marché que les Juifs et les Grecs de Mohiloff et Kamienieck, qui lesterrient autrefois de Galatz, viennent déjà s'en pourvoir à Odessa.

Du ris. La consommation dans les provinces méridionales mentionnées est assez grande. Le ris y est porté de Dantzig, la qualité en est celle de la Caroline, il en vient également beaucoup de Caïre par Constantinople et Galatz. Il est évident qu'Odessa aura toutes les facultés de l'avoir à meilleur marché.

Suc de limon, écorces de limons et d'oranges, grains et feuilles de laurier, rosmarin, safranon, noix de Galles etc. etc. Tous des articles, dont les susdites provinces débitent annu-

ellement une grande quantité; comme ils sont de peu de valeur et d'un grand volume et poids, leur prix devient deux fois plus haut par le fret et le transport, ce qui rend ce commerce avantageux pour les provinces, par lesquelles ils passent.

L'encens. Un objet très important par la consommation qui s'en fait aux églises. Cet article a été auparavant apporté de Trièste, mais Odessa la pourra livrer à meilleur marché.

Gomme arabique, myrte, mastic, tragante, sandrac, storac et autres drogues, comme feuilles de séné, aloès etc. etc. Toutes ces drogueries, desquelles les provinces susmentionnées ont été pourvu autrefois par Trièste, le seront à meilleur marché par Odessa, et cette ville pourra même concourir avec Trièste pour l'approvisionnement d'une partie de la Galicie.

Tabac de Turquie. Ce tabac est fort recherché non seulement dans les provinces susmentionnées, mais aussi dans la partie de la ci-devant Pologne qui appartient au roi de Prusse, et comme les sujets prussiens ne peuvent avoir ce tabac par Trièste à cause de la défense du transit dans les pays autrichiens, elles en ont été pourvu de Galatz. Il n'y a aucun doute qu'Odessa ne puisse pas concourir.

L'huile. Toute huile qui se consomme dans le Midi de la Russie sont fines ou ordinaires; elles viennent de Trièste. La fine vient de la Provence, de Lucques et de Gènes, et la médiocre et ordinaire de la Pouïlle, d'Espagne et des îles de l'Archipel. La grande consommation qui s'en fait annuellement rend cette branche de commerce fort conséquente et digne de spéculation, quand on réfléchit que les huiles venant de Trièste font un trajet de 2.400 werstes par terre avant de venir dans la Volhynie, Podolie ou l'Ukraine, qu'elles ne peuvent être transportées qu'en hiver, où le transport est plus cher qu'en été, qu'elles passent par des pays, où les fourrages sont communément 3 à 4 fois plus cher que dans les dites provinces; il est donc évident qu'Odessa pourra fournir cette marchandise à un prix beaucoup plus modique. Aussi s'y fait-il déjà un commerce assez considérable de cet article.

Soie crue. Quand Odessa par le secours du gouvernemen deviendra plus connue et plus florissante et son port plus fréquenté, la soie crue pourra devenir un objet considérable de commerce avec quelques états prussiens, comme la Silésie, le Brandebourg et la Saxe. Les Grecs de Vienne et de Jassy y apportent des parties considérables, et le commerce est entièrement dans leurs mains, mais pourra prendre la route à Odessa avec avantage.

Manufactures de Turquie. Autrefois ces manufactures trouvaient un grand débit dans toute la ci-devant Pologne, mais depuis que la nation a adopté les modes de France et d'Angleterre, elles ne sont plus si recherchées, excepté quelques étoffes riches et des châles pour les riches et quelques sortes d'étoffe de coton pour le peuple. Elles arrivaient par la voie de Galatz, Jassy, Bender et Chotzym; Odessa pourra les livrer à meilleur marché, vu que les marchandises ne passeront pas par tant de mains.

Vins. Les vins de France, d'Espagne, d'Italie et de l'Archipel sont une des plus importantes branches de commerce dans la ci-devant Pologne, la consommation en est très grande et ce n'est que par Dantzig, Elbing et un peu par Koenigsberg, que la Vollhynie, la Podolie et l'Ukraine se sont pourvues de tous ces vins. Jetons un coup d'œuil sur la carte et nous conclueront qu'Odessa peut fournir ces vins à beaucoup meilleur marché.

Caffé et sucre. La quantité de ces deux objets qui se consomme dans les dites provinces est très grande, Dantzig et Breslau se sont presqu'exclusivement emparé de cette branche considérable de commerce, excepté quelque temps avant la guerre actuelle de la France que Trièste commence a y concourir pour le caffé. Quand la paix générale sera faite et le repos en France rétablie, Odessa pourra s'emparer du commerce de ces deux articles en les tirant directement de Marseille, et il n'y a aucun doute qu'elle les pourra donner à meilleur marché et en pourvoira non seulement la province méridionale de la Russie, mais encore rivalisera avec Trièste.

Indigo et cochenille trouvent un assez grand débit et viennent de Breslau, Leipzig, Francfort sur l'Oder et Vienne. Odessa en tirant l'indigo de Marseille et la cochenille de Cadix ou Malaga pourra les livrer à meilleur marché. En un mot, tous les produits et manufactures de la Turquie et de tous les pays situés à la Mer Méditerranée pourront être livrés par Odessa à meilleur compte qu'ils ne l'ont été jusqu'ici par Dantzig, Elbing, Breslau, pourvu que les négociants honnêtes y soient protégés et soutenus, afin qu'ils en engagent d'autres à s'y établir.

Exportation.

Des blés. Comme la qualité la plus abondante dans ces provinces de la ci-devant Pologne est le froment, qui trouve toujours un débouché prompt, tant à Constantinople que dans les ports de la Méditerranée, la ville d'Odessa sera désormais d'une utilité évidente pour ces provinces, et les propriétaires de terres, surtout de ceux qui en ont le long du Niester, même la Galicie en pourra profiter dans les années d'abondance et les cercles de Zalszczyk, Tarnopol et Złoczow pourront se servir du Niester pour envoyer leur froment à Odessa.

Le seigle n'est point un objet d'exportation, mais Odessa en consomme déjà beaucoup en farine. Naturellement, le débit en augmentera à même que la ville prospèrera.

Les haricots, les poids et le millet en gruau sont quelque fois très recherchés en Italie et dans la France Méridionale.

Bois de construction et douves. Un objet très important pour les contrées avoisinantes le Niester, non seulement la ville d'Odessa en consume beaucoup, mais elle pourrait en faire un grand commerce dans la Mer Méditerranée, pourvu que les propriétaires des bois y voulussent contribuer. La Galicie en exporte une grande quantité qui croissent dans les montagnes qui la séparent de l'Hongrie et de la Transilvanie et que l'on envoie à Dantzig ou Elbing par les rivières qui descendent et

se jettent dans la Vistule. Pour Odessa on ne peut faire réflexion en Galicie, que sur les bois, qui ne sont pas trop éloignés du Niester et principalement sur la Bukowine; celle-ci surtout peut fournir beaucoup de chênes.

Toiles. Dans la Podolie et la Volhynie il se fabrique une grande quantité de toiles ordinaires, tant de lin, que de chanvre. Les dernières, propres pour l'emballage et pour en faire des sacs, trouvent un débit prompt et assuré en Espagne, l'Italie et la France, mais cela n'est rien en comparaison de la quantité énorme de ses toiles qui se fabriquent dans la Galicie. Les Juifs de cette province se sont emparés presque de tout ce commerce qui passe par Dantzig et Elbing et qui année commune se monte au delà d'un million de roubles. Les négociants de Dantzig envoyent toutes ces toiles pour la plupart en Hollande, d'où elles passent dans la Méditerranée et jusqu'à Smyrne. En considérant les détours énormes que ces toiles font avant de venir au lieu de leur consommation et la quantité de mains par qui elles passent, il est clair qu'Odessa en les recevant par le Niester sera en état d'en donner un prix plus raisonnable qui ne peuvent faire Dantzig et Elbing, et d'en faire un commerce très lucratif.

Il ne serait pas difficile de persuader aux Juifs de Galicie d'en faire un épreuve, mais cela ne pourra avoir lieu avant que le transit ne soit établi.

Lin et chanvre. Le commerce d'exportation de ces articles demande une place de commerce déjà florissante, où il ya des visitations jurés qui se connaissent dans la qualité de ces produits, afin que le négociant qui les achète et les exporte et l'étranger qui en donne la commission soient assurés de recevoir la marchandise telle qu'elle doit être; ce ne sera donc qu'alors qu'Odessa par le secours du gouvernement sera devenu ce qu'elle peut devenir, qu'elle pourra faire le commerce de ces deux produits, si recherchés dans la Méditerranée.

Tabac. Le tabac qui est cultivé en abondance en Podolie et dans l'Ukraine trouvera un débouché prompt et avantageux dans

la France méridionale, dès que la paix et l'ordre dans ce pays sera rétabli.

Suif, chandelles et beurre. Les provinces mentionnées en peuvent exporter une quantité prodigieuse, comme c'est un produit toujours fort recherché à Constantinople et dans les mers Adriatique et Méditerranée. L'exportation s'en pourra faire par Odessa avec beaucoup d'avantages. Je passe sous silence *la potasse, les peaux de lièvre* et quelques articles de peu de conséquence pour venir à un objet très important, savoir:

La cire. Ce produit est recueilli en grande quantité dans l'Ukraine, la Podolie, la Volhynie, la Galicie et la Moldavie, quelques parties en sont exportées par Dantzig et Breslau, mais la plus grande quantité est apportée à Brody, où il vient des foires de Berdischeff. Ce ne sont que quelques maisons de commerce à Brody et Cracovie qui depuis une trentaine d'années se sont emparé de tout ce commerce qui peut monter annuellement à un million et demi de roubles. Le plus grand débit de ce produit se fait en Italie, l'Espagne et la France méridionale et nommément à Venise, Livourne, Gènes, Naples, Messine, Rome, Cadix, Malaga, Nice et Marseille, si on fait la réflexion que ce produit, dont la patrie est si proche d'Odessa, est obligé de faire la route si longue par terre jusqu'à Trièste, l'on est contraint d'avouer qu'Odessa par sa situation est destinée par la nature pour en devenir l'entrepôt, d'où il peut être transporté aux places susmentionnées à beaucoup moins de frais, mais comme cette branche de commerce demande les capitaux très considérables, elle restera au désavantage de l'état dans les mains des étrangers qui s'enrichissent jusqu'à ce que le nombre de négociants riches aura augmenté à Odessa et que cette ville aura au moins en partie atteinte le degré florissant de commerce dont elle est susceptible.

Baron d'Huggner.

1797.

X.

ДОКЛАДЪ

ГРЕБНАГО ФЛОТА МАСТЕРА ВЛАСОВА.

559.

Заботы о кораблестроительномъ лѣсѣ.

Разсматривая недостатки въ лѣсахъ, употребляемыхъ въ судовое строеніе, понудили меня изыскивать способы къ предохраненію и соблюденію такого продукта, который через немалыя столѣтія приходитъ въ совершенство. А посему долгомъ себѣ почитаю предложить хотя малые слѣды къ сбереженію оныхъ; уповаю чрезъ оное поощрить всѣхъ тѣхъ, кои пекутся о благосостояніи своего отечества. А какъ мы уже достигли того времени, въ кое всякое полезное дѣло оставлено не бываетъ безъ разсмотрѣнія, то уповаю, что и въ сихъ малыхъ трудахъ будетъ оно служить пользою тому, кто изобрѣсть желаетъ лучшее, да и тому, который, открывая свои малые таланты, радуется, что не зарылъ ихъ съ собою въ землю.

1-е. Иностранцы имѣютъ великое попеченіе въ разсадкѣ дубоваго лѣса, равно и въ предохраненіи его, такъ что лѣса, заготовляемые на судовое строеніе, ни мало не теряютъ ущербу въ количествѣ своемъ, ибо чрезъ оборотъ разныхъ рощъ и въ разныя времена посѣянныхъ снимаютъ тѣ, кои уже въ совершенство пришли и немедля садятъ другія, а сіе доказываетъ два полезные способа: 1-й изъ оныхъ служитъ къ выполненію количества снятымъ деревьямъ, а 2-й даетъ имъ знать, сколько полезенъ былъ тотъ грунтъ, гдѣ оныя росли и для того не оставляютъ празднымъ.

2-е. Не упускаютъ изъ виду и того, дабы тѣ лѣса, кои пришли въ совершенство свое, не оставались на корню, хотя бы не понадобились къ строенію, но всегда стараются снять и

хранить въ магазинахъ, нежели оставить къ согнитію. Къ молодымъ лѣсамъ отъ 8-ми и до 10-ти лѣтъ растущимъ, привязываютъ тягости на пристойныхъ вѣточкахъ, кои по нѣжности съ растеніемъ своимъ изгибаясь, растутъ нерегулярными фигурами, полезными къ судовому строенію, и таковый способъ служитъ имъ наивеличайшею выгодою и замѣняетъ недостатокъ ихъ толщины.

3-е. Правда, что они иногда употребляютъ и другой способъ къ содѣланію кривыхъ деревьевъ, какъ-то: обрѣзывая у молодыхъ деревьевъ верхи и спустя чрезъ четыре года вторично подчищаютъ оные, тогда начинаютъ расти съ разными изгибами, полезными къ судовому строенію. Но уже таковые лѣса, по причинѣ выбрасыванія по всему дереву почекъ, уменьшаютъ силу къ произрастанію вверхъ, и растутъ короткими, но все еще полезными для корабельной архитектуры.

4-е. Качества деревъ умножаются по глубинѣ и добротѣ грунта. Опытомъ утвердили, что дерево растущее на $2^1/_2$ футахъ, въ 50 лѣтъ готово къ снятію, на $3^1/_2$ до 70, а на $4^1/_2$ до 100 и болѣе умножается въ своей добротѣ, а таковой способъ служитъ имъ правиломъ къ снятію ихъ во время.

5-е. За лучшій почитаютъ слой земли, который смѣшанъ съ глиной и мелкимъ камнемъ, чрезъ что производитъ лучшій плодъ, нежели на рыхлой и песчаной землѣ.

6-е. Подобно родословной, имѣютъ они книги, въ коихъ записываются той рощи лѣса, съ котораго года посажены и сколько оному по ихъ климату расти надлежитъ безъ потери ихъ доброты. И попечительные на то люди опытностями своими совершенно въ томъ успѣли и потому рѣдко случается, чтобы дерево по снятіи имѣло какіе ни есть пороки.

7-е. Правда, что они имѣли болѣе времени научиться полезнымъ способамъ, но и то неоспоримо, еслибы не пеклись, то не имѣли бы такого флота, каковымъ и понынѣ славятся.

8-е. А когда доставляютъ лѣса къ строенію всегда стараются дабы не были подмочены, а сіе доказываетъ, что дерево въ своихъ клейкихъ сокахъ гораздо бываетъ тверже, нежели

дать ему разжидиться отъ воды, и таковыя гораздо удобнѣе хранить въ магазинахъ, нежели тѣ, кои, напитавшись неприличными себѣ соками, удобнѣе бываютъ къ согнитію.

9-е. Но въ Россіи находятся дикіе лѣса и сначала были непроходимыми, почему и неизвѣстны въ своихъ произрастеніяхъ, дабы по снятіи на употребленіе можно надѣяться въ добротѣ ихъ, хотя и показываютъ еще твердость во ономъ; но какъ всякой вещи бываетъ начало и конецъ, то и употребленіе его въ свое время бываетъ прочнѣе и долговременнѣе.

10-е. Теперь видѣть можно сколь много мы теряемъ въ неизвѣстности ихъ произрастенія и что употребленіе онаго производитъ болѣе ущербу казнѣ, нежели пользы, хотя и стараемся употреблять его со всею предосторожностью; но все поздо ожидать долговременной службы отъ такого дерева, которое, изживъ свое время, опять посылается на службу.

11-е. А какъ мы знаемы были что у насъ лѣсовъ много и природа производитъ безъ нашего попеченія и поднесь не оставляетъ своимъ произрастеніемъ; но еслибъ можно было спросить ее, уповаю бы отвѣтъ: для чего ты не пользовался моими родами во время, а оставлялъ всегда къ согнитію, а повредившіе съ пользою служить не могутъ, и потому-то у насъ нынѣ молодые и старые лѣса растутъ съ поломанными верхами, готовы всегда къ согнитію, а отъ безпорядочнаго произрастенія при рубкѣ лѣсовъ ломаютъ вдвое; дикій звѣрь похищаетъ на пищу желуди, и нѣтъ ничего, кромѣ убыли, прибывающей въ произрастеніи.

12-е. А какъ заготовленіе лѣсовъ идетъ ежегодно, то для вывозки оныхъ расчищаютъ дороги, а таковымъ порядкомъ великія тысячи подсѣкаютъ, что ни попадется изъ молодого произрастенія.

13-е. Худо, что у насъ заготовляли дубъ въ большихъ штукахъ, а мелкія вѣтки всегда оставались къ согнитію въ лѣсу, не подумая о томъ, когда намъ потребно построить мелкія суда, тогда принимаемся за большія, то сколько въ теченіи 80-ти лѣтъ таковыхъ безъ употребленія оставалось въ лѣсу.

14-е. Я за необходимость почелъ, хотя и въ краткомъ видѣ, описать порядокъ тѣхъ и другихъ. Теперь должно употребить наивозможное попеченіе избѣжать очевидной опасности въ недостаткѣ такого продукта, въ коемъ Россіи нужда всегда быть может.

15-е. Дабы изъ худого стараться что-нибудь сдѣлать хорошее, и дабы не совсѣмъ пропали въ нашихъ лѣсахъ молодые дубки, отрядить таковыхъ людей, кои бы могли распознавать стройность и доброту ихъ, очистя вокругъ, огородя частоколомъ, а кои въ непорядкѣ произросли, разсадя съ прибавкой земли, дабы корень отъ морозовъ поврежденъ не былъ. Симъ способомъ будутъ защищены отъ скота и звѣря, да и отъ человѣка послужитъ нѣкоторою совѣстью. А въ расчисткѣ дорогъ не будутъ такъ смѣло рубить ихъ, и, будучи подъ защитою, рости будутъ съ пользою.

16-е. Многія рощи уже такъ пусты, что можно завесть совершенный порядокъ иностранцевъ разсадкой на пристойной дистанціи другъ отъ друга, для предохраненія по возрастѣ ихъ отъ обоюдной ломки во время вѣтровъ, и стараться, дабы посадка была гораздо глубже, какъ для строгости климата, такъ и для лучшаго произрастанія, по вышеупомянутымъ правиламъ, огородя крѣпкимъ палисадомъ и заведя такую книгу, которая служитъ имъ началомъ въ произрастеніи, а для срубки оныхъ будетъ уже гораздо полезнѣе.

17-е. Но до заведенія таковыхъ полезныхъ рощъ, должно имѣть и то въ виду, дабы мы, не останавливая нашихъ надобностей, могли продовольствоваться какими ни есть способами, а сіе, уповаю, можно произвесть слѣдующимъ образомъ:

18-е. Во-первыхъ, во всѣхъ лѣсахъ, не оставляя къ согнитію, стараться снять поврежденный дубъ и разсортировать его, какъ на береговое строеніе, такъ и на построеніе небольшихъ судовъ, для чего особенно и хранить въ магазинахъ, а таковые магазины весьма бы полезны были при Казанскомъ Адмиралтействѣ. Во-вторыхъ, многіе помѣщики, имѣющіе въ своихъ дачахъ растущій дубъ, уступятъ за выгодную казнѣ

цѣну, и производить небольшую заготовность изъ казенныхъ дачъ и употреблять въ пристойныхъ мѣстахъ илмъ, вязъ и кленъ. Симъ способомъ продовольствовать можно адмиралтейство на многіе годы, а чрезъ оное и наши лѣса чрезъ хорошаго попечителя поправиться могутъ.

19-е. Сколь много мы теряемъ лѣсу чрезъ обывателей, кои въ большомъ количествѣ срубаютъ молодой и старый дубъ для дѣланія саней и ободовъ и подсочиваютъ кору прежде, нежели казенная заготовность начнется, зная, что уже заготовщики таковыхъ лѣсовъ рубить не станутъ, а послѣ остаются имъ въ добычу.

20-е. А какъ извѣстно, что лѣса дубовые для отечества весьма нужны, то для чего употреблять ихъ на неполезныя надобности, какъ-то на построеніе камелей, безъ коихъ мы обойтися можемъ съ лучшею выгодою, и сколько можетъ принесть казнѣ прибыли построеніе судовъ при Кронштадтскомъ каналѣ увидѣть можно въ слѣдующемъ:

21-е. Къ построенію корабля при Санктъ Петербургскомъ Адмиралтействѣ, во-первыхъ, употребить должно не малое иждивеніе на постройку элинга; во-вторыхъ, фундаментъ къ спуску, а при спускѣ весьма часто корабль вредятъ, строить камели и употреблять большое количество лѣсовъ для поставки его, и повредя вторично на оныхъ содѣлываютъ сумнительнымъ къ службѣ; а при Кронштадтскомъ каналѣ мы избѣгаемъ всѣхъ сихъ иждивеній, такъ что сравнивая издержки трехъ кораблей, построенныхъ при Санктъ Петербургскомъ Адмиралтействѣ, таковыхъ можно построить въ каналѣ четыре, да и съ такою выгодою, что корабль остается безъ всякаго поврежденія.

22-е. Сколько приноситъ казнѣ убытку, что ежегодно строятъ барки для отправленія отъ Казани до Рыбинска лѣсовъ, гдѣ, разгружая на другія, отправляютъ въ Санктъ Петербургъ: первое, что барку построивъ, укомплектуютъ снастями, якоремъ и парусами, становится до 1.000 рублей, а таковыхъ иногда потребно до 150, и потому казна должна

употребить денегъ 150.000, выключая наемки людей и лоцмана, а какъ извѣстно, что прибываніе воды бываетъ съ 1-го апрѣля по 1-е мая и возвышается до $3^1/_2$ футовъ, а таковымъ порядкомъ идетъ и на убыль, и, потому полагая, будетъ можно для доставленія въ Рыбинскъ построить таковыя суда, кои имѣвъ конструкцію могутъ поднимать до 50.000 пудовъ, а по разгрузкѣ столь легки безпрепятственно могутъ возвратиться. Постройка же изъ казеннаго сосноваго лѣса не дороже становиться будетъ съ вооруженіемъ до 8.000 рублей, а какъ оныя прослужить могутъ 10 лѣтъ, а посему, соображаясь съ тягостью погрузки противъ барокъ и дороговизны ихъ, окупятся менѣе, нежели въ 2 года, оставшія же 8 лѣтъ казна получаетъ великую выгоду, убытокъ же лѣсовъ уменьшится весьма много, а на мѣсто наемныхъ людей довольно будетъ продовольствовать казенныхъ. Но какъ таковыя суда уже далѣе Рыбинска продолжать пути не могутъ по причинѣ величины груза и убылой воды, въ такомъ случаѣ стараться разгружать на такія барки, кои бы прослужить могли вдвое противъ обыкновенныхъ и сохранили бы отъ подмочки.

Гребнаго флота мастеръ
Власовъ.

XI.

БОЛѢЗНЬ ВЪ ВОЙСКАХЪ.

560.

ОПИСАНІЕ

болѣзни отъ ядовитыхъ между рожью растеніевъ происходящей.

(Копія).

Когда дождливая погода въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ наиболѣе усиливается, за которою съ іюля мѣсяца и черезъ все лѣто послѣдуютъ жарчайшіе дни, то рожь въ поляхъ, отъ ненастливой погоды, довольно напитавшаяся мокротою, начинаетъ приходить въ гнилость, а потомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, отъ жаровъ подсыхаетъ, и сверхъ того между рожью показываются растенія весьма ядовитыя, называемыя въ Украйнѣ рожичь, которыя, будучи съ рожью въ муку смолоты и въ пищу употреблены, оставляютъ по себѣ печальнѣйшіе въ родѣ человѣческомъ слѣды.

Коль ядовитое свойство тѣхъ между рожью растеніевъ и сколько бѣдственныя слѣдствія могутъ произойти отъ употребленія такой пищи питающіеся таковымъ хлѣбомъ печальнымъ опытомъ довольно доказали, ибо въ кратчайшее время являются у таковыхъ людей судорги въ желудкѣ, помраченіе въ чувствахъ, сильныя удушья, гнилыя горячки, жестокіе поносы, охладненія въ конечностяхъ тѣла и антоновъ огонь.

Появившіеся между войсками опаснѣйшіе поносы и наипаче охладненіе въ конечностяхъ тѣла и антоновъ огонь суть явныя доказательства болѣзни, происходящей отъ ядовитыхъ между рожью растеніевъ.

Разсматривая причины поносовъ, наиболѣе въ началѣ іюля мѣсяца оказавшихся, подозрѣвалъ я и тогда, что оныхъ на-

чало и источникъ долженъ быть въ пищѣ, а потому при пользованіи и наибольше прилагалъ вниманіе о содержаніи больныхъ отъ вредныхъ явствъ; но когда въ кратчайшее послѣ того время, іюля 4-го числа онаго полку 1-й мушкатерской роты рядовой Трофимъ Ряженой прибылъ въ лазаретъ, будучи одержимъ болью въ поверхности пальца на правой ногѣ, который объявилъ, что онъ до того чувствовалъ чрезъ три дни охладненіе въ томъ мѣстѣ, то я сдѣлалъ до трехъ разъ треніе нашатырнаго спирта съ камфарою, послѣ чего появилось нѣкоторое рдѣніе повыше пальца, а палецъ остался безъ всякаго чувства, то я желая отвратить наступающую опасность пустилъ больному кровь изъ той же ноги, гораздо выше больнаго мѣста, но къ крайнему соболѣзнованію позналъ, что омертвѣніе увеличивается, вслѣдствіе чего опредѣлилъ я больному дѣлать припарку изъ уксусу, спирту и гуллардовой воды; однако же омертвеніе возвышалось въ верхъ, которое простерлось выше колѣна, отчего больной, пришедъ въ крайнее изнеможеніе, того же іюля 21-го числа померъ. Послѣ таковаго бѣдственнаго приключенія показались въ полковомъ лазаретѣ и другіе больные, съ таковыми же знаками, каковые имѣлъ и умершій, и тогда я уже ни мало несумнѣвался возложить причину на хлѣбъ изъ испорченной ржи, а потому и взялъ другія мѣры къ истребленію той болѣзни.

Вновь приходящимъ нынѣ съ означенною болѣзнію больнымъ въ началѣ я, смотря по сложенію больнаго, пускаю кровь и очищаю желудокъ чрезъ рвотное или слабительное, и, дабы привѣсть въ движеніе загустѣвшіе соки, употребляю трѣніе къ больному мѣсту изъ спирту съ уксусомъ, и потомъ болѣзнію объятую часть припариваю чрезъ цѣлый день мукою изъ алленныхъ сѣмянъ съ вареною съ равною частію травы донника и малымъ количествомъ льняного масла, а на ночь больную часть отъ холоду сохраняю, обложивъ оную тою же самою припаркою. Сіе трѣніе и припарку я продолжаю отъ двухъ и до трехъ дней, пока окажутся нѣкоторыя чувства знаки, послѣ чего ежедневно больныя члены опущаю въ теп-

лую ванну изъ морской воды, въ которой держу двадцать минутъ и полчаса, а послѣ ванны, сухимъ отерши, прикладываю пластырь, при концѣ сего описанія означенный, внутрь же по большей части употребляю однакожъ питье изъ воды, съ виннымъ камнемъ отваренной. И таковымъ способомъ въ пользованіи многіе получали исцѣленіе, а у нѣкоторыхъ натура опредѣлила границы между омертвѣніемъ и здоровою частію, и страдающіе чувствуютъ въ томъ отраду.

Больные члены содержать въ теплотѣ, наипаче въ ночное время, я крайне наблюдаю; ибо отъ бывшаго недавно проливнаго съ сильнымъ вѣтромъ дождя, за которымъ послѣдовала въ ночь холодная погода, у двухъ больныхъ, въ полковомъ лазаретѣ, оказались не ожидаемыя печальныя перемѣны: отъ холоду члены затвердѣли и очень скоро сдѣлались антоновымъ огнемъ поражены, который у одного доходилъ къ плечу, а у другого простирается на ногѣ къ колѣну.

Обоимъ симъ я дѣлаю припарку, къ частямъ антоновымъ огнемъ пораженнымъ, изъ равныхъ частей спирту, уксусу и гуллардовой воды, а внутрь даю питье съ виннымъ камнемъ и по четыре раза въ день съ порошкомъ змѣинаго корня и корня контраервѣ, каждаго по пятнадцать гранъ, и камфоры четыре граны.

Болѣзнь сію тѣмъ наибольше познавать можно и отличать, что антоновъ огонь никогда не бываетъ въ началѣ съ сильнымъ загноеніемъ, и смрадъ негнилаго, но совсѣмъ особаго свойства, odor alcaticus; когда же болѣзнь гораздо усилится и больной будетъ близокъ къ смерти, тогда только примѣченъ отъ больной части гнилой смрадъ.

Въ антоновомъ огнѣ, происшедшемъ отъ жестокой цынготной болѣзни, смрадная матерія при загноеніи всегда бываетъ; но въ сей болѣзни загноенія съ влажностью еще не примѣчено, и сіи знаки ясно показываютъ, коль великое различіе имѣется между сею болѣзнію и цынготною.

Составъ пластыря, мною употребляемый, есть слѣдующій: возьми сурику, венеціанскихъ бѣлилъ и венеціанскаго мыла

по десяти унцовъ, масла деревяннаго два фунта, свиного сала одинъ унцъ, опіумъ полунца и изъ сего сдѣлай пластырь.

Примѣчаніе: сперва должно положить въ полуженную кострюлю масло деревянное, венеціанское мыло и свиное сало и когда на легкомъ огнѣ мыло совсѣмъ распустится и скипитъ, тогда уже должно понемногу подмѣшивать бѣлилы и мыло, а когда по снятіи съ огня начнетъ загустѣвать, то положить и опіумъ, распустя въ уксусѣ.

Витебскаго мушкатерскаго полку лекарь
Василій Переяславцевъ.

561.

ВѢДОМОСТЬ

сколько состояло больныхъ въ полкахъ и артиллерійской ротѣ іюля съ 4-го числа,

сначала открывшейся болѣзни, изъ того числа выздоровѣло, померло и нынѣ состоитъ.

(Копія).

ПОЛКИ и КОМАНДЫ.	Сначала открывшейся болѣзни состояло больныхъ во все время.	Изъ того числа.		Нынѣ въ госпиталѣ состоитъ.	
		Выздоровѣло.	Померло.	Трудныхъ.	Слабыхъ, могущихъ выздоровѣть.
Гренадерскихъ:					
Днѣпровскаго	9	9	—	—	—
Николаевскаго	6	3	—	3	—
Мушкатерскихъ:					
Нижегородскаго	37	19	9	5	4
Витебскаго	48	43	1	4	—
Канонирской роты	9	5	1	1	2
Итого	109	79	11	13	6

Вице-адмиралъ Іосифъ де Рибасъ.

562.

Рапортъ Поджіо де Рибасу.

(Копія).

По силѣ ордера Вашего Высокопревосходительства сего августа отъ 21-го числа, подъ № 252-мъ, находящіеся въ лазаретахъ при всѣхъ полкахъ здѣсь состоящихъ и канонерской ротѣ больные мною свидѣтельствованы, между которыми нашелъ я таковыхъ, у которыхъ нѣкоторыя части были одержимы сухимъ антоновымъ огнемъ. Въ разсужденіи важности сей болѣзни, собраны были мною медицинскіе чины отъ всѣхъ полковъ и роты для совѣтованія о томъ, которые всѣ согласно утвердили, что болѣзнь сія происходитъ точно отъ хлѣба, изъ испорченной и нездоровой ржи.

Признаки сей болѣзни начинаются судорогою въ ногахъ, въ икрѣ, а въ рукахъ между кистью и локтемъ, продолжающеюся нѣсколько часовъ, и отвердѣніемъ тѣхъ частей, которое постепенно доходитъ до конечностей. Въ членахъ зараженныя мѣста имѣютъ цвѣтъ желтоватый и бываютъ безъ всякой боли, теплоты и безчувственны. Въ семъ состояніи болѣзнь продолжается нѣсколько дней, однако не болѣе осми; а послѣ въ конечностяхъ членовъ болящая часть поражается сухимъ антоновымъ огнемъ, который, время отъ времени, возвышается до колѣна и выше, и тогда производитъ сильный и несносный смрадъ, за которымъ слѣдуетъ поносъ и жаръ, что обыкновенно бываетъ знакомъ смертельнымъ.

Въ сей жестокой болѣзни употребляемы были разныя средства ко вспоможенію больнаго; но пока неизвѣстно было происхожденіе болѣзни, до тѣхъ поръ были всѣ тѣ способы безполезны, а какъ скоро найдена истинная сей болѣзни причина, то употребляемъ съ пользою въ самомъ началѣ оной рвотныя изъ виносуремной соли (tartarus emeticus) для очищенія пищепріемныхъ путей; потомъ, на другой день, чрезъ каждые два часа даваемъ былъ внутрь порошокъ: изъ одного скрупула

хины (cortex chinae) и двухъ гранъ камфоры (camphora) составленный, продолжая употреблять оной до тѣхъ поръ, пока больной почувствуетъ облегченіе; а для ординарнаго питья употребляемъ былъ декоктъ, потъ производящій, изъ цвѣтовъ бузиновыхъ (flores pambici) или маковыхъ (flores papaveri) и ячменю (hordeum), въ прѣсной водѣ свареный; а наружу, по неимѣнію электрической машины для произведенія теплоты, раздраженія чувствительныхъ жилъ и обращенія жизненныхъ влагъ въ лишенныхъ природнаго дѣйствія частяхъ, употреблялся винный спиртъ (spiritus vini), которымъ страждущая часть тѣла терта была, а для лучшаго дѣйствія на зараженныхъ частяхъ былъ зажигаемъ; послѣ сего тотчасъ возобновлялось треніе нашатырнымъ спиртомъ или настойкою изъ шпанскихъ мухъ; наконецъ, обвертывались больные члены полотенцемъ, намоченнымъ въ винномъ спиртѣ.

Сей способъ леченія продолжается съ успѣхомъ на всѣхъ, сею болѣзнію страждущихъ, и нѣкоторые изъ нихъ выздоровѣли совершенно, а другіе подаютъ къ тому довольно надежды, о чемъ Вашему Высокопревосходительству имѣю честь донести и представить при семъ въ оригиналѣ рапорты, поданные ко мнѣ отъ медицинскихъ чиновъ, въ полкахъ и командѣ находящихся.

Секундъ-маіоръ штабъ-лекарь Поджіо.

Августа 30-го дня
1794 года.

563.

Рапортъ Конрадія.

(Копія).

Какимъ образомъ оказавшаяся болѣзнь начинается въ полкахъ, свирѣпствуетъ во время продолженія и съ какими припадками, о томъ означено ниже сего.

Болѣзнь, которая свирѣпствуетъ во всѣхъ при Гаджибеѣ

состоящихъ полкахъ, нападая заражаетъ конечности верхнихъ или нижнихъ частей, называется сухимъ антоновымъ огнемъ. Дальнія причины оной, по моему мнѣнію, мука употребляемая, гнилая, лежалая и ядовитая въ хлѣбѣ для пищи, также и для дѣланія квасу, въ питье, которая въ мокротахъ и крови рождаетъ такую остроту, что по единократномъ остановленіи оной дѣлается въ нихъ превеликая гниль.

Ближняя причина — гнилое броженіе твердыхъ и жидкихъ частей, происходящее отъ совершеннаго пересѣченія крови и отъ ея застоя; засѣдаетъ по большей части въ тонкихъ сосудахъ конечностей, гдѣ и нѣдрится до разложенія. Происхожденіе оной болѣзни, которая, заразивъ части, наступаетъ слѣдующимъ образомъ: самыя конечности верхнихъ или нижнихъ частей дѣлаются холодными, теряютъ движеніе и чувствіе, причемъ боль и ломота на подобіе иглъ колющая, и въ такомъ положеніи, у другихъ нѣсколько дней, а у другихъ и недѣль продолжается, напослѣдокъ, потерявъ всѣ чувствія, больная часть начинаетъ снѣть, опухоль обнаруживается, надуваются прыщи, внутри коихъ бываетъ черножелтовая насока, а подъ оными кожа и находящіяся подъ нею части въ то время портятся, мертвѣютъ, чернѣютъ и холоднѣютъ; антоновъ огонь расходится далѣе, мало-по-малу производя броженіе внутри здоровыхъ частей, и попаляетъ другія смежныя части.

Лекарства мною въ оной болѣзни употреблены были, какъ прежде, такъ и по сіе время продолжаются: внутрь—хина съ камфорою, снаружи—разныя спиртуозныя примочки свинымъ уксусомъ. Однако, оная болѣзнь, упорствуя, усиливается, о чемъ Вашему Высокоблагородію, представляя оный на ваше разсмотрѣніе, честь имѣю рапортовать.

Приморскаго николаевскаго гренадерскаго полку лекарь

Конрадій.

Августа 19-го дня
1794 года.

564.

Рапортъ Тихова.

(Копія).

Описаніе болѣзни, называемой подъ симъ названіемъ ломота и съ раздраженіемъ чувствительныхъ жилъ, которая сперва начинается въ человѣкѣ безъ всякаго, какъ внутренняго, равно и наружнаго жара, не причиняя никакихъ горячихъ болѣзней и на тѣлѣ знаковъ; съ самаго она начала въ человѣкѣ, который оною болѣзнію одержимъ, начинаетъ чувствовать въ конечностяхъ, какъ-то, въ рукахъ и ногахъ, холодность, онѣмелость и потеряніе натуральнаго въ оныхъ членахъ чувствованія и движенія; потомъ, дня черезъ три или четыре, начинаетъ чувствовать чрезвычайное чувствительныхъ жилъ раздраженіе и внутри жженіе, а снаружи членъ холоденъ; послѣ котораго раздраженія начинаютъ пальцы въ рукахъ и въ ногахъ синѣть, потомъ чернѣютъ и превращаются въ сухой антоновъ огонь, который, такимъ образомъ начавшись, занимаетъ сперва плюсню, потомъ берцовую кость и, восходя такимъ образомъ постепенно, входитъ во внутрь и лишаетъ человѣка жизни. Сіе бѣдственное состояніе случается наипаче съ тѣми людьми, которые чѣмъ позже приходятъ въ лазаретъ и кои имѣютъ наклонность къ загниванію соковъ, тѣмъ болѣзнь хуже и противится лекарственнымъ дѣйствіямъ, и тѣмъ самымъ доводятъ себя до худой степени болѣзни, и такимъ образомъ болѣзнь, взявши уже свою силу, и самонадежнѣйшимъ лекарствамъ не уступаетъ.

Людей, оною болѣзнію страдавшихъ, находилось въ полковомъ лазаретѣ не менѣе 37 человѣкъ, изъ числа которыхъ 8 оною болѣзнію померло, выздоровѣло 8 же; нынѣ на лицо находится къ выздоровленью надежныхъ 13, а трудно больныхъ 8, всего на лицо 21 человѣкъ.

Касательно жъ до леченія людей, кои оною болѣзнію были заражены, и которые при первомъ оной болѣзни чувствовании

приводимы были въ скоромъ времени въ лазаретъ, пользованы были лекарствами слѣдующаго содержанія: члены, которые, будучи холодны, нечувствительны и безъ движенія, сперва оттираемы были раздражающими, согрѣвающими и укрѣпляющими лекарствами, какъ то: спиртомъ камфорнымъ съ настойкою шпанскихъ мухъ и нашатырнымъ спиртомъ, сіе треніе продолжалось мною цѣлый день чрезъ два часа, послѣ котораго къ ногѣ было привязано тѣсто, сдѣланное на ренскомъ уксусѣ и перемѣшено было съ порошкомъ горчичнымъ; на другой день по осмотру моему найдена въ больныхъ членахъ теплота и небольшое чувствованіе движенія въ пальцахъ, и, такимъ образомъ, приведши кровь въ разгоряченіе и движеніе, смотря по полнокровію человѣка, кидалъ онымъ кровь съ больныхъ членовъ съ повтореніемъ; другимъ, смотря по надобности, давалъ рвотныя, а инымъ слабительныя лекарства, въ которыхъ со рвотою выходила одна зелень и желчь съ тою пользою, дабы внутри кроющуюся остроту или ядъ вывесть чрезъ положенные отъ натуры каналы вонъ; потомъ, очистивъ натуру, употреблялъ въ прочіе дни во внутрь лекарство, противящееся гнилости, которое состояло изъ настойки лихорадочной корки съ прибавкою кислоты купоросной, разведенной, и продолжалъ треніе до совершеннаго излеченія, состоящее изъ камфорнаго спирта, мыльной мази и нашатырнаго спирта; другихъ выпользовалъ прикладываніемъ на икры и повыше колѣна шпанскихъ мушекъ и выводилъ кроющуюся остроту и ядъ чрезъ долгое продолженіе матеріи наружу, не оставляя выше помянутыхъ лекарствъ и треніевъ, и симъ образомъ вылѣчилъ 7 человѣкъ которые и нынѣ при лазаретѣ находятся; а 6 человѣкъ къ скорому надежны выздоровленію, а прочіе 8 остаются въ трудно больныхъ.

Касательно жъ до продолженія болѣзни и вышепомянутымъ лекарствамъ неуступающей въ разсужденіи окрѣплости и помертвѣлости членовъ употребляемы были припарки изъ травъ мягчительныхъ, какъ то: проскурняка малаго и большаго цвѣтовъ; донника, льнянаго сѣмени, истолченнаго съ прибавленіемъ въ

оный и коноплянаго масла, помощію которой смягчены члены и натура сама собою отдѣлила здоровое отъ мертваго. Въ другихъ же случаяхъ, когда ни отъ какого изъ вышеописанныхъ средствъ болѣзнь не уступала и восходила постепенно антоновымъ огнемъ, въ сихъ обстоятельствахъ были употребляемы припарки, которыя состояли изъ лихорадочной корки, уксусу, спирта съ прибавленіемъ къ онымъ нашатырю съ производеніемъ и внутрь гнилости противящихся лекарствъ, но не могли и симъ образомъ преодолѣть болѣзненной причины. Наконецъ присовокупляется по оной гнилая горячка, поносъ и потомъ смерть и симъ образомъ страждущіе оною болѣзнію оканчиваютъ свою жизнь.

Нижегородскаго мушкетерскаго полку лекарь

Яковъ Тиховъ.

Августа 23-го дня
1794 года.

565.

Рапортъ Романовскаго.

(Копія).

Такъ какъ во всѣхъ здѣсь находящихся полкахъ сыскалась болѣзнь, которая оканчиваетъ худыми слѣдствіями причину жестокаго ея свирѣпствованія, мнѣніемъ моимъ дознано, что хлѣбъ, содержащій въ себѣ ядовитыя частицы, производитъ въ человѣкѣ скоропостижную гниль, отъ которой больной въ вышнихъ и нижнихъ частяхъ конечностей перстовъ вдругъ чувствуетъ онѣменіе и хладность, наконецъ, появляется сухой антоновъ огонь съ такими точными начальными знаками. Я имѣлъ въ полковомъ лазаретѣ девять человѣкъ, изъ коихъ, помощію раздражительныхъ и мягчительныхъ средствъ, шесть человѣкъ привелъ въ совершенное выздоровленіе, а послѣдніе

трое находятся въ ожиданіи къ выздоровленію, о чемъ по кокомандѣ честь имѣю представить.

Днѣпровскаго приморскаго
гренадерскаго полку лекарь
Данила Романовскій.

Августа 29-го дня
1794 года.

566.

Рапортъ Бѣловольскаго.

(Копія).

По осмотрѣніи мною обще съ господиномъ секундъ-маіоромъ штабъ-лѣкаремъ Поджіо въ полкахъ и артиллерійской командѣ всѣхъ больныхъ, честь имѣю Вашему Высокопревосходительству донесть нижеслѣдующее:

Рожки въ хлѣбѣ признаны вредными еще отъ древнихъ римлянъ; они рождаются во ржи и пшеницѣ, но въ первой болѣе, и для того древніе римляне ржаной хлѣбъ, употребляемой Германцами и разными Сармацкими народами, ядомъ почитали. Въ Польшѣ и въ Малой Россіи въ прошедшемъ и нынѣшнемъ вѣкѣ не однократно таковой хлѣбъ производилъ болѣзни. Въ Кіевѣ 1786-го года въ ряжскомъ пѣхотномъ полку и у жителей на Подолѣ болѣзни, происходящія отъ таковаго хлѣба, я видѣлъ и лечилъ, только тогда ни одного умершаго не было, а пальцы у ногъ, вся плюсна и весьма рѣдко голѣнь до колѣна отпадывали сами собою, на руки же ядъ сей не простирался, и заключаю, что менѣе рожковъ было въ хлѣбѣ. Въ Гаджибеѣ не вода, не воздухъ и не работа произвела сію болѣзнь, но мука съ вышеписанными рожками, и съ которой хлѣбъ всѣ военнослужащіе употребляли. Рожки сія не вездѣ и не всегда и не всякому человѣку вредны; однако отъ одного климата къ другому, а паче еще

удаленному, не можно дѣлать заключеніе—климатъ, грунтъ и положеніе мѣста входятъ въ силу растенія.

Антоновъ огонь не есть огонь, похожій на другіе, но холодное помертвѣніе конечностей, почему и нужны все такія лекарства, которыя прибавляютъ жаръ въ тѣлѣ человѣческомъ; кровобросаніе вреднымъ признаю, исключая многокровныхъ; рвотное есть первое средство, которое не только извергаетъ ядъ изъ желудка, но, потрясая всею машиною тѣла медлительное кровообращеніе, дѣлаетъ скорымъ и произведеніемъ поту выгоняетъ и самый ядъ, для чего и нужно, смотря по силамъ больного, оное повторять—вольный желудокъ нуженъ, а всѣ проносныя лекарства вредны, ибо умаляютъ силы больного; снаружи употреблять на мертвѣющія части электрическіе удары, треніе, зажиганіе спирту, что и исполнено было; но шпанскія мухи не годятся, ибо онѣ хотя и возбуждаютъ жаръ, но вмѣстѣ и гнилость умножаютъ, будучи алкалическаго свойства, въ необходимостяхъ ихъ всегда прикладывать съ камфорою, которая гнилости противится; послѣ рвотнаго крѣпительныя и гнилости противныя лекарства нужны, а наилучшее изъ нихъ хина съ камфорою; контроерва и корень змѣиной травы не имѣетъ силы противугнилостной, потому что они прямого свойства, но возбуждаютъ жаръ въ человѣкѣ и для сего полезны; холодительныя лекарства, наружныя и внутреннія, и всѣ состоящія изъ опіума пагубны; между крѣпительными таковыя весьма нужны, какъ наливка изъ бузиннаго цвѣта и спиртъ миндереровъ. Къ леченію же приступать всегда надобно при самомъ началѣ болѣзни, какъ только въ конечностяхъ членовъ почувствуется холодъ, ибо въ противномъ случаѣ тщетно будетъ все леченіе и помертвѣніе членовъ неизбѣжно. Хирургическое отнятіе помертвѣлыхъ членовъ не имѣетъ здѣсь мѣста, ибо послѣ операціи возвращается помертвелость и, наконецъ, натура сама собою отдѣляетъ мертвое отъ живого. Когда уже болѣзнь дошла до степени помертвѣнія члена, то всѣ тогда вышеписанныя наружныя лекарства вредны, а мягчительныя катаплазмы, вспомоществующія натурѣ въ от-

дѣленіи мертвой части, полезны. Какъ болѣзнь сія всякое имѣетъ сходство съ отмороженными членами, для которыхъ удобнѣйшаго и скорѣйшаго отпаденія безъ операціи многократно мною дознаны весьма полезнымъ чистый медъ, съ ржанымъ выквашеннымъ тѣстомъ прикладываемый, то и въ семъ случаѣ можно таковое же лекарство испытать, отъ котораго должно послѣдовать не только легчайшее отдѣленіе мертвыхъ частей отъ живыхъ, но и недопущеніе гнилости въ даль простираться, ибо медъ и тѣсто сильное дѣйство имѣютъ противу гнилости, а притомъ находящійся тутъ стѣсненный кислый воздухъ дастъ крѣпость и силу ослабѣлымъ нервамъ.

Штабъ-лекарь Бѣловольскій.

Сентября 3 дня
1794 года.

XII.

АРБУЗНЫЙ БУНТЪ

ВЪ

ХЕРСОНѢ.

567.

Рапортъ Яковлева Голенкину.

(Копія).

Высокородному и превосходительному господину контръ-адмиралу, командующему Херсонскимъ портомъ и кавалеру Гаврилѣ Козьмичу Голенкину

подполковника и кавалера Яковлева

РАПОРТЪ.

Сего августа 15-го числа въ 8-мъ часовъ по утру Херсонской управы благочинія гражданскихъ дѣлъ приставъ Волковъ, пришедъ ко мнѣ, объявилъ, что онъ, бывъ на военномъ форштатѣ, самъ слышалъ вмѣстѣ съ морскимъ сержантомъ Іоганомъ Шультингомъ, что нѣсколько матросовъ, пришедъ къ морской гобвахтѣ, объявили оной, якобы въ двѣнадцать часовъ будетъ со стороны матросовъ возмущеніе, кое начнется крикомъ «ура», а потомъ приступятъ къ грабежу города, что и продолжится три дня и, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, будто бы таковое съ ихъ стороны буйство будетъ имъ прощено. Почему вышеписанный приставъ Волковъ, зачинщиковъ сихъ дерзкихъ провозглашеній примѣтя, взялъ ихъ подъ стражу, а потомъ пріѣхалъ и мнѣ въ осторожность объ ономъ сказать.

Я, не мѣшкавъ, за нужное почелъ къ Вашему Превосходительству явиться и сей бумагою васъ просить, дабы вы изволили приказать командировать дня на три ко мнѣ рядовыхъ нѣсколько человѣкъ на караулъ, ибо я имѣю на своихъ рукахъ казенную не малую сумму, коя мнѣ ввѣрена для раз-

ныхъ препорученіевъ по волѣ моего начальника Его Свѣтлости генералъ-фельдцейгмейстера и главнокомандующаго черноморскимъ и азовскимъ флотами и разныхъ орденовъ кавалера князя Платона Александровича Зубова, да сверхъ сего предписано мнѣ отъ Его Свѣтлости требовать отъ стороны казенной всѣхъ тѣхъ пособіевъ, въ коихъ я имѣть буду нужду по сдѣланнымъ мнѣ отъ Его Свѣтлости препорученіямъ. Почему я о караулѣ повторяю мою просьбу Вашему Превосходительству, ибо уже на греческомъ рынкѣ, у лавочекъ съ мелочнымъ товаромъ, морскихъ баталіоновъ поставлено 30 человѣкъ команды; кольми же паче таковая осторожность должна быть употреблена тутъ, гдѣ есть казенный интересъ.

Находящійся при Его Свѣтлости
князь Платонѣ Александровичѣ Зубовѣ
подполковникъ и кавалеръ Петръ Яковлевъ.

Херсонъ.
1796 года.
15-го августа.

568.

Рапортъ Волкова Фемерсу.

(Копія).

По секрету.

Его Высокопревосходительству инженеръ господину генералъ-поручику и кавалеру Матвѣю Андреевичу Фемерсу,

исправляющаго въ городѣ Херсонѣ городническую должность пристава гражданскихъ дѣлъ Волкова

РАПОРТЪ.

Вчерашняго числа, по полуночи въ 10 часу, находящійся на военномъ форштатѣ въ должности квартальнаго прапорщикъ Костычевъ словесно мнѣ донесъ, что на предмѣстіи того военнаго форштата корабельной 4-го адмиралтейскаго баталіона

сержантъ Іоганъ Шультингъ далъ ему, Костычеву, знать, что онъ, услыша отъ стоящихъ на рынкѣ адмиралтейскаго вѣдомства корабельныхъ плотниковъ Севастьяна Гладышева, Гаврила Васильева, Федора Пивоварова, Осипа Кузьмина и Акима Максимова разговоры, въ силѣ таковой, что для новорожденнаго великаго князя Николая Павловича позволено чрезъ три дня грабить, которое-де и начнется сего теченія 15-го числа пополудни, въ 1 часу, въ семъ городѣ между жителями. При распрашиваніи же оныхъ плотниковъ открылось, яко оные сіе слышали отъ пришедшихъ изъ Николаева двухъ неизвѣстныхъ матросовъ, о чемъ уже и слухъ по городу между простолюдинами носится, а посему, Вашему Высокопревосходительству представя о вышеописанномъ, покорнѣйше прошу въ толь важномъ дѣлѣ взять надлежащія по своей командѣ мѣры, дабы и въ самомъ дѣлѣ то дѣйствіе не произошло.

Въ должности городничаго приставъ гражданскихъ дѣлъ
Онуфрій Волковъ.

Августа 16-го дня
1796 года.
(Полученъ августа 16-го дня 1796 г.).

569.

Рапортъ Волкова Голенкину.

(Копія).

Его Превосходительству господину контръ-адміралу и кавалеру Гаврилѣ Козьмичу Голенкину.

Исправляющаго въ городѣ Херсонѣ городническую должность пристава гражданскихъ дѣлъ Волкова

РАПОРТЪ.

Вчерашняго числа пополуночи въ 10-мъ часу находящійся на военномъ форштатѣ въ должности квартальнаго прапорщикъ

Костычевъ словесно мнѣ донесъ, что на предмѣстіи онаго военнаго форштата караульный 4-го адмиралтейскаго баталіона сержантъ Іоганъ Шультингъ далъ ему, Костычеву, знать, яко онъ, услыша отъ стоящихъ на рынкѣ адмиралтейскаго вѣдомства корабельныхъ плотниковъ Севастьяна Гладышева, Гаврила Васильева, Федора Пивоварова, Осипа Кузьмина и Якима Максимова разговоры, въ силѣ таковой, что для новорожденнаго Его Высочества Великаго Князя Николая Павловича позволено чрезъ три дня грабить, которое-де и начнется сего теченія 15-го числа пополудни, въ 1-мъ часу, въ семъ городѣ между жителями.

При расспрашиваніи же моемъ оныхъ плотниковъ оказалось, яко они сіе слышали отъ пришедшихъ изъ Николаева двухъ неизвѣстныхъ матросовъ; о чемъ уже и слухъ по городу между простолюдинами носится. А посему, Вашему Превосходительству представя о вышеописанномъ, покорнѣйше прошу въ толь важномъ дѣлѣ кому слѣдуетъ повелѣть оныхъ плотниковъ, равно и тѣхъ, кои сіе произношеніе сдѣлали, отыскавъ, поступить по законамъ. О чемъ отъ меня представлено рапортами Его Сіятельству господину генералъ-маіору правителю Вознесенскаго намѣстничества и кавалеру князю Петру Николаевичу Оболенскому и въ Вознесенское намѣстническое правленіе, и дабы и въ самомъ дѣлѣ то дѣйствіе не произошло взять свои мѣры къ прекращенію онаго.

Въ должности городничаго приставъ гражданскихъ дѣлъ
Онуфрій Волковъ.

Августа 16-го дня
1796 года.

570.

Рапортъ Пустошкина Мордвинову.

Высокородному
и высокопревосходительному господину вице-адмиралу, предсѣдательствующему въ Государственномъ Черноморскомъ Адмиралтейскомъ правленіи, главнокомандующему флотами на Черномъ и Азовскомъ моряхъ и разныхъ орденовъ кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову

РАПОРТЪ.

10-го числа сего мѣсяца, въ воскресный день, по утру въ 9-мъ часу, собравшись во множествѣ на рынокъ, служители при крикѣ ура! захватили у продавцевъ шесть возовъ арбузовъ, изъ коихъ полиціею и взяты подъ караулъ пять человѣкъ: матросы: команды корабля 90-ти-пушечнаго «Созонъ» Корочкѣинъ, прибывшій сюда на катерѣ съ офицерами, бригантины «Никодимъ» Степанъ Ефимовъ, прибывшій тожъ съ офицерами, и фрегата «Никона» Осипъ Баскаковъ, остававшійся здѣсь у шкипера Коверина, корабельный плотникъ Филиппъ Кузьминъ и гарнизонный солдатъ Яковъ Яковлевъ. Также и послѣ полудни, при таковомъ же скопищѣ и крикѣ, къ прекращенію онаго еще взяты шесть человѣкъ: корабельные плотники Григорій Платоновъ и Петръ Стаховъ, матросы: флотской береговой команды Дементій Акимовъ, бригантины «Льва» Нефедій Григорьевъ, ластовой команды Андреянъ Клеменовъ и судна «Принцессы Елены» Карпъ Леонтьевъ.

По изслѣдованіи въ дежурствѣ всего сего происшествія, не было-ль къ тому дѣйствію какого предпріятія и наущенія кѣмъ, ничего не открылось, а всѣ оные служители и въ произнесеніи крика заперлись, даже и наиболѣе подозрѣваемые: корабельный плотникъ Кузьминъ, который изобличенъ, что, торгуя возъ арбузовъ, сказалъ мужику, что «скоро оный и такъ разберутъ», и мастеръ Баскаковъ, говорившій, что «рано сіе начато, а повидите-де что послѣ обѣда будетъ», по двукратнымъ допросамъ отъ того отреклись, равно и взятый же

вѣстовой подпоручика Константиновича гарнизонный солдатъ Семенъ Афанасьевъ, который просился у онаго подпоручика на имѣющій быть послѣ полудни крикъ ура! въ томъ запирается.

Изъ всего же слѣдствія явствуетъ, что хотя здѣшній градоначальникъ и былъ предваренъ отъ вознесенскаго господина губернатора князя Оболенскаго о предосторожности противу таковыхъ происшествій, случившихся уже въ Елизаветѣ, Златополѣ и другихъ мѣстахъ, которыя могли быть побужденіемъ какихъ-нибудь чужестранцевъ или жидовъ, единомышленниковъ французскихъ, но таковыхъ возмутителей здѣсь не открылось, а все произошло отъ шалостей служительскихъ.

О семъ Вашему Высокопревосходительству имѣю честь представить на благоразсмотрѣніе, а особливо объ уличившихся въ непристойныхъ словахъ и наиболѣе подозрѣваемыхъ корабельномъ плотникѣ Кузьминѣ и фрегата «Никона» матросѣ Баскаковѣ, на которыхъ доказываетъ купецъ Драгутинъ и другіе посторонніе люди, также и вѣстовомъ подпоручика Константиновича гарнизонномъ солдатѣ Афанасьевѣ, обличаемомъ онымъ подпоручикомъ, что когда онъ просился на рынокъ на тотъ крикъ и не былъ отпущенъ, въ пьянствѣ былъ грубъ, самовольно отлучился въ команду, равно и о взятомъ 15-го числа сего же мѣсяца 3-го черноморскаго баталіона мушкетерѣ Петрѣ Анисимовѣ по слуху жъ произнесенія имъ слова ура! который въ поданномъ ко мнѣ отъ дежурства рапортѣ оправдывается и прежде въ командѣ всегда былъ замѣченъ поведенія похвальнаго.

Для отвращенія жъ сего впредь приказалъ я умножать въ воскресные и праздничные дни пикеты на рынкахъ, и въ команды наистрожае подтвердилъ, чтобы служители праздно не шатались и за нуждами отпускались бы съ урядниками. О чемъ Вашему Высокопревосходительству донести честь имѣю.

Контръ-адмиралъ и кавалеръ Павелъ Пустошкинъ [1].

Августа 21-го дня
1796 года.

---

[1] Въ 1796 г. П. В. Пустошкинъ командовалъ николаевскимъ портомъ и состоялъ членомъ черноморскаго адмиралтейскаго правленія.

571.

Рапортъ Мордвинова и Хорвата кн. Зубову [1]).

Свѣтлѣйшему Князю

РАПОРТЪ.

По высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію Ваша Свѣтлость отъ 28-го числа прошедшаго августа предписать намъ соизволили [2]): о происшедшихъ въ Херсонѣ 15-го того мѣсяца самыхъ дерзкихъ и возмутительныхъ безпорядкахъ и буйствахъ отъ матросовъ, устремленныхъ не токмо противу общественнаго спокойствія, но и противу священнѣйшей Ея Императорскаго Величества особы, произвесть намъ строжайшее изслѣдованіе, и для того отправиться въ Херсонъ по полученіи онаго Вашей Свѣтлости повелѣнія тотчасъ, стараясь непремѣнно дойти до источника, откуда зло сіе родилось, съ какимъ намѣреніемъ и по какому побужденію.

Вслѣдствіе чего, прибывъ мы въ Херсонъ сего мѣсяца 14-го, на другой потомъ день открыли присутствіе наше въ здѣшней крѣпости и, опредѣля за оберъ-аудитора, находящагося изъ насъ при генералъ-поручикѣ Хорватѣ штата Вашей Свѣтлости пограничнаго департамента коллежскаго ассесора и кавалера Хабарова, къ производству слѣдствія приступили; и продолжали оное съ того времени донынѣ денно и нощно, заимствуя и отъ побочныхъ обстоятельствъ, лишь бы только дойти до истины.

Но всѣ виды собранныхъ околичностей и самыя дѣйствія не обнаружили намъ не только дерзкихъ и возмутительныхъ безпорядковъ, или стремленія противу общественнаго спокойствія, пуще же того противъ священнѣйшей Ея Императорскаго Величества особы, но никакого самомалѣйшаго на то отъ кого-либо помышленія. Правда, было на рынкѣ въ тотъ день нѣ-

[1]) Печатается съ чернового наброска.

[2]) См. выше, № 487.

которое безпокойство между женщинами, составляющими торгъ свой изъ однихъ только дынь и арбузовъ, и то ничего не значущее и случилося отъ пронесшагося по тому рынку слуха, что будетъ *ура*,—а отъ кого, сего дойти не могли.

Явствуемыхъ въ приложенной при повелѣніи Вашей Свѣтлости запискѣ пять человѣкъ матросовъ: Севастьяна Гладышева, Гаврила Васильева, Федора Пивоварова, Осипа Кузьмина и Осипа Максимова, оглашенныхъ въ злодѣйской продерзости, каждаго порознь троекратно и разновременно мы допрашивали; а напослѣдокъ и священническое увѣщаніе имъ сдѣлали, употребя во всѣхъ случаяхъ сильныя убѣжденія къ раскаянію и увѣренія, что истинное ихъ признаніе избавитъ ихъ отъ наказанія, но и тутъ ничего противнаго и никакого къ тому сумнѣнія не открылось. Одно то только извѣстнымъ учинилось, что они вышепомянутаго 15-го августа, такъ какъ онаго числа былъ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы, были на рынкѣ, гдѣ трое изъ нихъ, Севастьянъ Гладышевъ и Гаврило Васильевъ, услыша отъ бабъ, ведущихъ разговоръ, что будетъ *ура* и будутъ-де мять арбузы и дыни, когда повторили сіи слова, что то за *ура*, въ тотъ самый часъ они, и третій подошедшій къ нимъ Федоръ Пивоваровъ, взяты были морскимъ солдатомъ и однимъ казакомъ подъ караулъ; послѣдніе же два, Осипъ Кузьминъ и Акимъ Максимовъ, подъ воинскій караулъ взяты послѣ первыхъ спустя нѣсколько часовъ, за одно то, что, бывши въ кабакѣ, пѣли пѣсни.

Обстоятельства, сверхъ сего собранныя, гласятъ:

Господинъ приставъ гражданскихъ дѣлъ Волковъ показалъ, что онъ о преднамѣреніи къ безпокойству увѣдомленъ былъ прежде адъютантомъ господина инженеръ-генералъ-поручика Фемерса Корольковымъ, ѣхавшимъ вмѣстѣ съ нимъ отъ онаго г. Фемерса на дрожкахъ, при извозчикѣ полицейскомъ десятскомъ Юзефѣ Добровольскомъ, слышанными въ крѣпости отъ рабочихъ словами, что 17-го августа, въ 1-мъ часу, будутъ кричать *ура*, а потомъ квартальнымъ прапорщикомъ Костычевымъ и стоящимъ въ караулѣ сержантомъ Шультингомъ, такимъ за-

явленіемъ, что слово *ура* будетъ для великаго князя Павла Петровича, принявшаго престолъ, а иные разслышали, что оно для новорожденнаго великаго князя Николая Павловича и что взятые первоначально подъ стражу безчувственно почти пьяные три человѣка матросовъ съ послѣдними двумя при немъ, Волковѣ, и квартальномъ Костычевѣ производили тутъ споръ: первые говорили, что оное *ура* для великаго князя Павла Петровича, а вторые утверждали, что для новорожденнаго великаго князя Николая Павловича.

Адъютантъ Корольковъ не подтвердилъ того, что ему Волковъ когда-либо говорилъ слышанныя отъ рабочихъ въ крѣпости людей слова, а одно то только удостовѣрилъ, что Волкову Костычевъ и сержантъ Шультингъ заявляли, и что когда Волковъ бралъ подъ стражу двухъ пьяныхъ матросовъ, въ то время подъ качелями было мужеска пола людей не болѣе пятнадцати человѣкъ; а что они и другіе прежде ихъ подъ стражу взятые тутъ говорили, и какой-либо споръ вели, онъ не слышалъ и не видѣлъ. Извозчикъ Юзефъ Добровольскій показалъ, что онъ ничего не слыхалъ, что Волковъ съ Корольковымъ, ѣхавши на дрожкахъ, говорили.

Прапорщикъ Костычевъ при первоначальномъ призывѣ въ присутствіе наше точными почти словами подтвердилъ показаніе Волкова; но при вторичномъ допросѣ отъ того отрекся, заявляя, что онъ, Волковъ, увѣдомленъ о томъ только, что слышалъ отъ сержанта Шультинга, что три человѣка матросовъ разговаривали, будетъ-де *ура*, а для чего, не знаетъ, и не слыхалъ, чтобъ оные матросы, бывши подъ стражею, имѣли о чемъ-либо споръ; притомъ изъясняетъ, что по приходѣ ихъ къ нимъ посылалъ его Волковъ въ лавочку за чернильницею, а что онъ прежде показывалъ, къ тому научилъ его Волковъ показать такъ, какъ въ рапортѣ написано. Но когда изъ насъ отъ генералъ-поручика Хорвата сказано было ему, Костычеву, сколь таковой лживый поступокъ предосудителенъ и умаляющъ честь, тутъ онъ, упавъ на колѣни, просилъ въ ложномъ прежде показаніи помилованія.

Сержантъ Шультингъ показалъ: разговаривали-де бабы на праздникъ Успенія, что послѣ обѣдни будутъ кричать *ура* для какого-то новорожденнаго Павла Петровича, и, убравъ свои арбузы, хотѣли за базаръ идти, но онъ ихъ оставилъ и далъ знать о томъ полицеймейстеру Погорѣлову, отъ котораго приказано было казаковъ поставить и слушать, кто про что будетъ говорить. Плотниковъ взяли подъ караулъ за то, что они говорили промежъ себя, что послѣ обѣдни будутъ кричать *ура*. О чемъ отъ него и прапорщику Костычеву было сказано.

Полицеймейстеръ показалъ, что 15-го августа доносилъ ему сержантъ Шультингъ, что торгаши рыночные сбираются съ рынку, что послѣ обѣдни будутъ кричать *ура*. А о словѣ *жакъ* и о провозглашеніи какомъ-либо, такожъ о томъ, чтобъ матросы приходили къ нему, Шультингу, и объявляли, что будетъ грабежъ, онъ отъ него и ни отъ кого не слыхалъ, и во всѣ праздничные три дня никакого смятенія не было. Взятыхъ подъ стражу матросовъ онъ допрашивалъ, а они сказали, что слышали отъ бабъ, что будутъ кричать *ура*.

Оберъ-комендантъ графъ Девитъ на требованіе наше письменно увѣдомилъ, что онъ посылалъ исправляющаго плацъ-маіорскую должность секундъ-маіора Деропа на военный форштатъ, ради освѣдомленія о благополучіи, и тутъ же узнать отъ взятыхъ подъ стражу матросовъ о причинѣ тому; который, возвратясь, донесъ ему, что по небытности полицеймейстера Погорѣлова не допустили его къ матросамъ, а слышалъ онъ отъ караульнаго унтеръ-офицера и квартальнаго прапорщика Костычева, что они всѣ одно, не запираясь, говорятъ, якобы изъ Николаева пришли два матроса и сказывали имъ, что уже въ Николаевѣ читали указъ государевъ, что для рожденія великаго князя Николая Павловича позволено чрезъ три дня грабить лавки, и что тѣ матросы на то согласны были.

Секундъ-маіоръ Деропъ показалъ, что онъ точно отъ г. оберъ-коменданта къ задержаннымъ матросамъ посыланъ былъ для узнанія ихъ преступленія, но какъ морского полицеймейстера Погорѣлова не было дома, а встрѣтился съ нимъ квартальный

Костычевъ, то спросилъ объ нихъ у него, который и заявилъ, что матросы только говорятъ, что въ Николаевѣ уже кричали *ура*, хотятъ и здѣсь кричать оное, и одинъ матросъ, напившись до пьяна, кричалъ уже, о чемъ и донесъ г. оберъ-коменданту; но такихъ словъ, что матросы имѣли намѣреніе кричать *ура* и грабить городъ и что оное для восшествія на престолъ великаго князя, или для новорожденнаго великаго князя Николая Павловича, не говорилъ, въ удостовѣреніе чего представилъ рапортъ таковой, каковой отъ него ему, оберъ-коменданту, представленъ былъ.

По таковому помянутаго Деропа показанію, противорѣчащему объясненію оберъ-коменданта, требовали мы отъ него увѣдомленія, на чьемъ показаніи предположить намъ свое утвержденіе; на которое увѣдомилъ, что онъ тѣ слова дѣйствительно слышалъ отъ Деропа.

Оберъ-комендантъ графъ Девитъ письменно объявилъ, что онъ 15-го числа августа, встрѣтившись съ премьеръ-маіоромъ Бутминымъ, весьма поспѣшно на дрожкахъ ѣдущимъ на военный форштатъ, когда спросилъ его о причинѣ тому, то онъ отвѣчалъ, что ѣдетъ съ секретнымъ повелѣніемъ отъ г. контръ-адмирала Голенкина удвоить на военномъ форштатѣ пикеты и учредить обходы, ибо разнесся слухъ, что отъ пришедшихъ изъ Николаева двухъ матросовъ слышали, что будто бы въ Николаевѣ читали указъ такой, что для рожденія великаго князя Николая Павловича позволено было грабить лавки, который указъ будто бы имѣлъ выйтить отъ великаго князя Павла Петровича, яко вступившаго на престолъ (котораго слова онъ не разумѣлъ, ибо въ жизни своей не слыхалъ), сказывалъ ему и то, что взятіе подъ караулъ пяти человѣкъ матросовъ, которые говорили о слышанныхъ отъ пришедшихъ изъ Николаева двухъ матросовъ вышеупомянутыхъ словахъ, и говорилъ-де еще ему, что долженъ здѣсь быть со стороны французской шпіоны, причемъ, подойдя къ нему, маіоръ Крыловъ тожъ пересказывалъ, что того числа имѣетъ быть бунтъ въ первомъ часу съ половиною дня.

Премьеръ-маіоръ Бутминъ, что онъ 15-го августа дѣйствительно отъ г. контръ-адмирала Голенкина имѣлъ повелѣніе, но не секретное, чтобъ какъ на военномъ, такъ и на греческомъ форштатѣ, ради сохраненія порядка и тишины, удвоить караулы и обходы, и когда для исполненія онаго ѣхалъ и повстрѣчался съ оберъ-комендантомъ, то и ему о томъ объявилъ, но чтобъ нѣкоторые дались слухи о провозглашеніи чего-либо и чтобъ громкій по городу слухъ носился, что тотъ день имѣетъ быть грабежъ, сего ему, коменданту, не говорилъ. Каковое показаніе и вторично на французскомъ языкѣ и при лицѣ помянутаго г. оберъ-коменданта подтвердилъ; равнымъ образомъ и оберъ-комендантъ при своемъ остался.

Секундъ-маіоръ Крыловъ, 68-ми лѣтъ отъ роду, а въ службѣ 49 года, показалъ, что онъ, будучи у инженеръ-генералъ-поручика Фемерса, слышалъ отъ пристава Волкова, что будетъ бунтъ, и въ то время приказано ему было отъ господина Фемерса взять осторожность; отъ котораго шедши, повстрѣчался съ оберъ-комендантомъ за московскими воротами и о томъ ему объявилъ, а болѣе ничего ему не говорилъ и не слыхалъ, что съ нимъ Бутминъ на французскомъ или на итальянскомъ языкѣ разговаривалъ.

Приставъ Волковъ показалъ еще, что 16-го числа августа находившійся на привозномъ рынкѣ въ караулѣ черноморскаго 1-го баталіона сержантъ Греченковъ съ 12-ю человѣками команды его солдатъ кричалъ *ура* и *жакъ* и производилъ грабежъ у прилавковъ съ провизіею, о чемъ онъ представилъ оберъ-коменданту графу Девиту и обиженныхъ къ нему препроводилъ, который посылалъ его съ ними къ г. контръ-адмиралу Голенкину, но оный въ разбирательство не вошелъ, потомъ уже представилъ онъ ихъ къ оберъ-коменданту при личномъ рапортѣ, донесши о семъ ему, Волкову.

Частный приставъ Нѣжинцовъ показалъ, что рапортовалъ ему базарный капралъ, что сержантъ Греченковъ и другіе съ командою кричали *ура* и били, и брали, что попалося.

Базарный капралъ Семенъ Ивановъ показалъ, что, по про-

битіи зоріи, видѣлъ онъ, кто стонетъ, кто плачетъ; на вопросъ его о томъ, сказывали, что брали у нихъ кавуны, или арбузы, и били ихъ, а кто—неизвѣстно; все показаніе базарнаго состоитъ въ нелѣпыхъ словахъ.

Оберъ-комендантъ объяснилъ, что Волковъ доносилъ ему о вышеписанномъ происшествіи и обиженныхъ представлялъ, которыхъ онъ съ нимъ же, Волковымъ, послалъ къ контръ-адмиралу Голенкину, которые преступники, по увѣдомленію его премьеръ-маіоромъ перваго черноморскаго баталіона Бримеромъ, предъ баталіономъ жестоко наказаны; и обиженные болѣе къ нему не являлись.

Контръ-адмиралъ Голенкинъ заявилъ, что Волковъ доносилъ ему о поступкѣ сержанта Греченкова и солдатовъ, и онъ посылалъ для разбирательства маіора Бримера, который донесъ, что это несправедливо, а потомъ и самъ Волковъ называлъ дѣло это пустымъ, и что онъ потому и въ рапортѣ того не писалъ.

Маіоръ Бримеръ показалъ, что онъ слѣдовалъ вышеписанное происшествіе, но оказалось несправедливо, а схватилъ одинъ мушкетеръ арбузъ, за что предъ баталіономъ наказанъ палками.

Изъ числа обиженныхъ, четыре человѣка, призванные нами, показали: что у нихъ сержантомъ Греченковымъ и солдатами дѣйствительно взято нѣсколько арбузовъ, а на какую сумму и какъ много отозвались незнаніемъ. И что, кромѣ того, у нихъ свитокъ или другихъ какихъ вещей не было ограблено.

Сержантъ Греченковъ и одиннадцать человѣкъ команды его солдатъ, въ допросахъ ихъ, каждому потомъ учиненныхъ, показали: что они никогда слова *ура* и *жакъ* не кричали и мужиковъ не били и не грабили, а одинъ только солдатъ, отставъ отъ нихъ, взялъ съ возу арбузъ, за который мужики остановили его и котораго онъ, Греченковъ, ударилъ палкою, чтобы самовольно отъ команды не отставалъ.

Подполковникъ Яковлевъ въ своемъ объясненіи, утверждая всѣ слова, въ запискѣ явствуемыя, однимъ только слыша-

ніемъ ихъ отъ пристава Волкова при полковникѣ Апраксинѣ, а о николаевскомъ происшествіи первоначально-де самъ слышалъ отъ матросовъ, у съѣзжей стоящихъ человѣкъ съ 12, кои говорили между собою: *слышали ли*, въ Николаевѣ кричали *ура*, ибо-де великій князь принялъ престолъ; но, возвратясь къ мѣсту сему съ приставомъ Волковымъ, никого не нашелъ, а потомъ слышалъ оное отъ купца Черникина, который притомъ сказывалъ ему еще и то, что маіоръ, пришедшій съ командою для охраненія лавокъ, увѣщевалъ команду не робѣть и матросамъ не поддаваться, и что сказывалъ ему Волковъ слышанное отъ взятыхъ подъ стражу матросовъ, что къ нимъ въ казармы приходили изъ Николаева два матроса и объономъ извѣщали; и онъ отписалъ о семъ въ Петербургъ, слѣдуя стремленію своихъ чувствъ, нимало не соображая объ акуратностяхъ происшествія, и могло ли случиться что или нѣтъ, а писалъ то, что слышалъ, и, можетъ быть, первое происшествіе поставилъ вторымъ, а второе первымъ, или оное неточно такими терминами записалъ, что слышалъ. Въ день, назначаемый матросами для буйствъ, пришелъ одинъ благонамѣренный матросъ къ пріятелю своему, жиду, и изъ доброхотства въ осторожность ему сказалъ, чтобы онъ взялъ свои мѣры, буде матросы будутъ грабить, о каковыхъ словахъ заявлено было отъ жида приставу Волкову.

Волковъ въ объясненіи своемъ не сказалъ того, чтобы отъ взятыхъ матросовъ слышалъ, что приходили къ нимъ въ казармы изъ Николаева два матроса и сказывали о вышеписанныхъ словахъ.

Николаевскій градоначальникъ секундъ-маіоръ Вороновскій заявилъ, что 10-го числа августа, по утру, въ началѣ 9 часу, былъ крикъ отъ матросовъ *ура* и былъ грабежъ арбузовъ до шести возовъ, что продолжалось не болѣе семи минутъ, но важнаго чего-либо не происходило; 12 человѣкъ матросовъ тотчасъ взяты были подъ стражу и отосланы къ ихъ командѣ, гдѣ приставомъ Вороновскимъ чиненъ былъ надъ ними наиакуратнѣйшій розыскъ; однако, за всѣми испытаніями и нѣ-

которыми секретными разспросами ничего касающагося до злого какого-либо умысла, наносящаго вредъ государству или пользѣ общественной, не открылось; а сдѣлано сіе по одной ихъ дерзости, единственно, чтобы удобнѣе было имъ учинить грабежъ однихъ только къ насыщенію ихъ жадности арбузовъ; провозглашенія жъ никакого не было, и онъ никуда и ни отъ чего бѣгомъ себя не спасалъ, но въ ту же минуту, какъ скоро только услышалъ, поскакалъ на мѣсто происшествія и, объѣзжая стеченіе на рынкѣ народа, успокаивалъ оный увѣщаніями, и торговля продолжалась въ своемъ порядкѣ; но кто зналъ въ Николаевѣ предварительно о семъ происшествіи онъ свѣдѣнія не имѣлъ и самъ оными предостереженъ не былъ.

Купецъ Черникинъ, что онъ не помнитъ, котораго числа слышалъ на базарѣ въ Николаевѣ между народомъ разговоръ, что будутъ кричать *ура*, и было оное, и онаго теченіе продолжалось не болѣе минуты, брали арбузы и дыни, провозглашенія же и бунту никакого онъ не слыхалъ и не видалъ, и спасался ли городничій бѣгствомъ, тако же не слыхалъ и не знаетъ; кричали еще послѣ обѣда *ура*, но грабежа никакого не было; потомъ дней черезъ пять слышалъ онъ на базарѣ, какъ егерскій маіоръ приказывалъ офицеру, съ цѣлою ротою, чтобъ не ограбили лавокъ; болѣе жъ сего ничего не слыхалъ и не знаетъ.

Бугскаго егерскаго корпуса 2-го баталіона премьеръ-маіоръ Лаптевъ объявилъ, что онъ находился въ Николаевѣ, у содержанія карауловъ, и не видалъ и не слыхалъ никогда въ томъ городѣ смятенія, не уговаривалъ и солдатъ, чтобъ матросамъ не поддавались, и что защищалъ лавки; а приказаніе его было не упустить проѣздъ господина Пустошкина, сдѣлать ему должную честь, каковыя слова, можетъ быть, Черникинъ, не разслушавши, обратилъ въ иной смыслъ.

Полковникъ квартирующаго въ Херсонѣ Брянскаго пѣхотнаго полка графъ Апраксинъ объявилъ, что онъ не упомнитъ, котораго числа приставъ Волковъ сказывалъ подполковнику Яковлеву о вышепомянутомъ происшествіи, и не можетъ под-

твердить справедливость его, ибо если бы что случилось и онъ бы вѣдалъ, не упустилъ бы того съ полкомъ своимъ по долгу прибыть. Но въ оное время была тишина и никакого никому оскорбленія не было; всѣ три дня сряду ходилъ онъ самъ по улицамъ и ничего нигдѣ, кромѣ тишины, не видѣлъ.

Приставъ Волковъ показалъ, что жидъ по имени Зискель подлинно ему говорилъ слышанное отъ матроса, но оный не въ совершенномъ умѣ.

Жидъ Зискель показалъ, что онъ отъ того матроса слышалъ, что сынъ царицы пожалованъ Богъ его знаетъ чѣмъ, и будутъ кричать *ура*, и пойдутъ по погребамъ и кабакамъ, что это на счетъ царицы и что оный матросъ въ умѣ.

Матросъ Иванъ Дмитріевъ, оказавшійся солдатомъ елисаветградскаго гарнизона, показалъ, что когда онъ находился на часахъ въ домѣ Черникова, гдѣ квартируетъ подполковникъ Яковлевъ, то въ вечеру шедшіе мимо онаго какіе-то люди говорили промежду себя, что такое за *ура*, объявляя причину, что во время призыву его въ присутствіе наше означенный жидъ заставлялъ его сказаться безумнымъ.

Отъ господина контръ-адмирала Голенкина представлены намъ копіи съ рапортовъ, къ нему вступившихъ отъ подполковника Яковлева и пристава Волкова; мы въ нихъ нашли столько выраженій, сколько отъ Яковлева въ увѣдомленіи, а отъ Волкова въ объясненіи показано. Яковлевъ извѣщалъ его о слышанномъ только отъ Волкова, что на военномъ форштатѣ нѣсколько матросовъ, пришедъ къ морской гобвахтѣ, объявляли оной, что въ 12 часовъ будетъ со стороны матросовъ возмущеніе, кое объявится крикомъ *ура*, а потомъ приступятъ къ грабежу города, что продолжится три дня, и по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ будто бы таковое съ ихъ стороны буйство будетъ имъ прощено, и потому просилъ у него караула. Волковъ доносилъ слышанное о томъ только, что три дня позволено грабить для новорожденнаго великаго князя Николая Павловича.

Сысканный по дошедшему прежде сего отъ пристава

Волкова изъ насъ къ генералъ-поручику Хорвату рапорту именующійся надворнымъ совѣтникомъ евреинъ Гальше Цитлинъ показалъ, что состоящіе близъ Глубокой Пристани слободы ея Софійки податные, въ пьяномъ будучи положеніи, говорили ему слышанное въ городѣ Херсонѣ, что кто хочетъ быть помѣщичьимъ, а кто желаетъ быть черноморскимъ, то можно приписывать ихъ тамъ, о чемъ онъ приставу Волкову донесъ, но того не говорилъ, чтобъ читанъ былъ въ его деревнѣ какимъ-либо черноморскимъ офицеромъ указъ, и всѣ его податные находятся въ должномъ у него послушаніи и повиновеніи, и онъ никогда Волкову не говорилъ, что намѣревается просить команды 20 человѣкъ.

Въ заключеніе всего вышеписаннаго находящіеся въ Херсонѣ господа артиллеріи генералъ-поручикъ Бухольцъ, инженерный генералъ-поручикъ Фемерсъ въ присутствіи нашемъ письменно объявили, что прошедшаго августа 15 и въ послѣдствіе тѣхъ дней никакихъ бунтовъ, ни возмущенія народнаго, ни преднамѣреннаго къ тому не было, бывъ они лично здѣсь, свидѣтельствуютъ о спокойствіи, бывшемъ въ то время въ городѣ.

17 сентября 1796 г.
Херсонъ.

572.

ЭКСТРАКТЪ,

учиненный изъ дѣла, произведеннаго секретно въ Херсонской крѣпости о поступкахъ матросовъ.

Августа 15-го. Взятые подъ стражу матросы Севастьянъ Гладышевъ, Гаврило Васильевъ, Федоръ Пивоваровъ, Осипъ Кузьминъ и Якимъ Максимовъ, оглашенные въ злодѣйской продерзости, каждый порознь и троекратно и разновременно былъ допрашиванъ, а напослѣдокъ и священническое увѣщаніе имъ

сдѣлано, при употребленіи отъ присутствующихъ во всѣхъ случаяхъ сильныхъ убѣжденій къ раскаянію ихъ, и убѣжденіи, что истинное ихъ признаніе избавитъ отъ истязанія. Но за всѣмъ тѣмъ, открылось одно только то, что они вышеписаннаго 15-го августа, такъ какъ день праздничный, случились быть на рынкѣ, гдѣ двое изъ нихъ, Севастьянъ Гладышевъ и Гаврило Васильевъ, услыша отъ бабъ, ведущихъ разговоръ, что будетъ *ура* и будутъ бить арбузы, когда повторили сіи слова, что то за *ура*, въ тотъ самый часъ они и третій, подошедшій къ нимъ Федоръ Пивоваровъ, взяты были морскимъ солдатомъ и однимъ казакомъ подъ караулъ. Послѣдніе же два, Осипъ Кузьминъ и Якимъ Максимовъ, взяты подъ оный караулъ послѣ первыхъ трехъ спустя нѣсколько часовъ, за одно то, что, бывши въ кабакѣ, пѣли пѣсни; въ тѣхъ же продерзостныхъ поступкахъ, въ коихъ они оговорены, не только никакого признанія не учинили, но клятвенную присягу приняли, что они ничего того не вѣдаютъ.

Обстоятельства, сверхъ сего собранныя, гласятъ:

1) Приставъ гражданскихъ дѣлъ Волковъ показалъ, что онъ о преднамѣреніи къ безпокойству увѣдомленъ былъ прежде адъютантомъ господина инженеръ-генералъ-поручика Фемерса, Корольковымъ, ѣхавшимъ вмѣстѣ съ нимъ отъ онаго господина Фемерса на дрожкахъ, при извозчикѣ полицейскомъ десятскомъ Іозефѣ Добровольскомъ, слышанными въ крѣпости отъ рабочихъ словами, что 17-го августа, въ 1-мъ часу, будутъ кричать *ура*. А потомъ квартальнымъ прапорщикомъ Костычевымъ и стоящимъ въ караулѣ сержантомъ Шультингомъ такимъ объявленіемъ, что произношеніе слова *ура* будетъ для великаго князя Павла Петровича, принявшаго престолъ. А иные разглашали, что оно для новорожденнаго великаго князя Николая Павловича, и что взятые первоначально подъ стражу безчувственно почти пьяные три человѣка матросовъ съ послѣдними двумя при немъ, Волковѣ, квартальномъ Костычевѣ и адъютантѣ Корольковѣ, производили тутъ споръ: первые говорили, что оное *ура* для великаго князя Павла Петровича,

другіе утверждали для новорожденнаго Великаго Князя Николая Павловича.

2) Адъютантъ Корольковъ показалъ, что онъ не говорилъ Волкову слышанныхъ отъ рабочихъ въ крѣпости словъ, и не слыхалъ оныхъ и тѣхъ, которыя взятыми подъ стражу матросами произнесены были; но то только удостовѣрилъ, что Волкову Костычевъ и сержантъ Шультингъ объявили. А когда Волковъ бралъ подъ стражу двухъ пьяныхъ матросовъ въ то время на рынкѣ подъ качелями было мужеска пола не болѣе пятнадцати человѣкъ.

3) Извозчикъ Іозефъ Добровольскій показалъ, что онъ ничего не слыхалъ, что Волковъ, ѣхавши на дрожкахъ съ Корольковымъ, говорилъ.

4) Прапорщикъ Костычевъ при первоначальномъ призывѣ въ Присутствіе коммисіи точными почти словами подтвердилъ показаніе Волкова, что онъ, услыша отъ караульнаго сержанта Шультинга, что три человѣка матросовъ говорили, что будутъ кричать *ура*, объявлялъ ему, Волкову, при адъютантѣ Корольковѣ, а чтобы собирались матросы толпами, того ему не говорилъ, сказывалъ ему Шультингъ, что одинъ пьяный матросъ, бывшій въ питейномъ домѣ, закричалъ одинъ разъ *ура*, котораго тотчасъ взяли подъ караулъ, и когда онъ, Костычевъ, съ Волковымъ пришелъ къ тѣмъ содержащимся подъ стражею и Корольковъ за ними туда пришелъ и вызвали матросовъ на дворъ, то они говорили, что-де оное *ура* для Великаго Князя Павла Петровича, принявшаго престолъ, а другіе изъ нихъ утверждали, что для новорожденнаго Великаго Князя Николая Павловича; но при вторичномъ вопросѣ отъ того отрекся, объявляя, что онъ Волкова увѣдомилъ о томъ только, что онъ слышалъ отъ Шультинга, что три человѣка матросовъ разговаривали—будетъ-де *ура*, а четвертый, пьяный, въ кабакѣ, кричалъ одинъ разъ *ура*, но для чего, не знастъ, и не слыхалъ, чтобы они, бывши уже подъ стражею, имѣли о чемъ-либо споръ, ибо, по приходѣ ихъ, къ нимъ посылалъ его Волковъ за чернилицею въ состоящую отъ оной караульни саженяхъ

20-ти лавочку. А что онъ прежде показывалъ, къ тому научилъ его приставъ Волковъ, чтобы онъ показывалъ такъ, какъ въ рапортѣ его написано. Но когда отъ генералъ-поручика Хорвата сказано было ему, Костычеву, сколь таковой лживый его поступокъ предосудителенъ и умаляющъ честь, тутъ онъ, павъ на колѣни, просилъ въ ложномъ прежде показаніи помилованія.

5) Сержантъ Шультингъ показалъ: разговаривали-де бабы на праздникѣ Успенія, что послѣ обѣда будутъ кричать ура для какого-то новорожденнаго Павла Петровича, и, убирая свои арбузы, хотѣли съ базара идти; но онъ ихъ остановилъ и далъ знать о томъ полицмейстеру Погорѣлову, отъ котораго приказано было поставить козаковъ и слушать, кто про что будетъ говорить. Плотниковъ взяли подъ караулъ за то, что они говорили промежъ себя, что послѣ обѣда будутъ кричать какое-то ура. О чемъ отъ него и прапорщику Костычеву было сказано. А болѣе сего, никакихъ противныхъ словъ онъ не слыхалъ.

6) Полиціймейстеръ капитанъ Погорѣловъ показалъ, что 15-го августа доносилъ ему сержантъ Шультингъ, что торгаши рыночные сбираются съ рынку, что послѣ обѣдни будутъ кричать *ура*, а о словѣ *жакъ* и о провозглашеніи какомъ-либо, такожъ и о томъ, чтобы матросы приходили къ ему, Шультингу, и объявляли, что будетъ грабежъ, онъ отъ него и ни отъ кого не слыхалъ, и во всѣ праздничные три дня никакого смятенія не было. Взятыхъ подъ стражу матросовъ онъ допрашивалъ, и они сказали, что слышали отъ бабъ, что будутъ кричать *ура*.

7) Оберъ-комендантъ графъ Девитъ, на требованіе коммиссіи, письменно увѣдомилъ, что онъ посылалъ исправляющаго плацъ-маіорскую должность секундъ-маіора Деропа на военный форштатъ ради освѣдомленія о благополучіи и тутъ же узнать отъ взятыхъ подъ стражу матросовъ о причинѣ тому, который, возвратясь, донесъ ему, что, по небытности полиціймейстера Погорѣлова, не допустили его къ матросамъ, а слы-

шалъ онъ отъ караульнаго унтеръ-офицера и квартальнаго Костычева, что они всѣ одно не запираясь говорятъ, якобы изъ Николаева пришли два матроса и сказывали имъ, что уже въ Николаевѣ читали указъ государевъ, что для рожденія Великаго Князя Николая Павловича позволено чрезъ три дня грабить лавки, и что тѣ матросы согласны были.

8) Секундъ-маіоръ Деропъ показалъ, что онъ точно отъ г. оберъ-коменданта къ задержаннымъ матросамъ посыланъ былъ для узнанія ихъ преступленія. Но какъ морского полиціймейстера Погорѣлова не было дома, а встрѣтился съ нимъ квартальный Костычевъ, то спросилъ объ нихъ у него, который и объявилъ, что матросы тѣ говорятъ, что въ Николаевѣ уже кричали *ура*, хотятъ и здѣсь кричать оное, и одинъ матросъ, напившись до пьяна, кричалъ уже, о чемъ и донесъ господину оберъ-коменданту; но такихъ словъ, что матросы имѣли намѣреніе кричать *ура* и грабить городъ, и что оное для восшествія на престолъ Великаго Князя или для новорожденнаго Великаго Князя Николая Павловича не говорилъ. Въ удостовѣреніе чего представилъ рапортъ таковъ, каковъ отъ него ему, господину оберъ-коменданту, поданъ былъ.

9) По таковому помянутаго Деропа показанію, противорѣчащему объясненію оберъ-коменданта, требовали отъ него увѣдомленія, на чьемъ показаніи утвердиться коммисіи, на которое увѣдомилъ, что онъ тѣ слова дѣйствительно слышалъ отъ Деропа.

10) Оберъ-комендантъ графъ Девитъ письменно увѣдомилъ, что онъ, встрѣтившись съ преміеръ-маіоромъ Бутминымъ, 15-го числа августа, весьма поспѣшно на дрожкахъ ѣдущимъ на военный форштатъ, когда спросилъ о причинѣ тому, то онъ отвѣчалъ, что ѣдетъ съ секретнымъ повелѣніемъ отъ господина контръ-адмирала Голенкина удвоить на военномъ форштатѣ пикеты и учредить обходы, ибо разнесся слухъ, что будто въ Николаевѣ читали указъ такой, что для рожденія Великаго Князя Николая Павловича позволено было грабить лавки, который указъ будто бы имѣлъ выйтить отъ Великаго

Князя Павла Петровича, яко вступившаго на престолъ (котораго слова онъ не разумѣлъ, ибо въ жизни своей не слыхалъ); сказывалъ ему и то, что взято подъ караулъ пять человѣкъ матросовъ, которые говорили о слышанныхъ отъ пришедшихъ изъ Николаева двухъ матросовъ вышеупомянутыхъ словахъ, и говорилъ-де ему еще, что должны здѣсь быть съ стороны французской шпіоны. Причемъ, подойдя къ нему маіоръ Крыловъ тоже пересказывалъ, что онаго числа имѣетъ быть бунтъ въ первомъ часу съ половины дня.

11) Премьеръ-маіоръ Бутминъ показалъ, что онъ 15-го августа дѣйствительно отъ господина контръ-адмирала Голенкина имѣлъ повелѣніе, но не секретное, чтобъ какъ на военномъ, такъ и на греческомъ форштатѣ, ради охраненія порядка и тишины, удвоить караулы и обходы, и когда для исполненія онаго ѣхалъ и повстрѣчался съ оберъ-комендантомъ, то и ему о томъ объявилъ, но чтобъ нѣкоторые данные слухи о провозглашеніи чего-либо, и чтобъ громко по городу слухъ носился, что тотъ день имѣетъ быть по городу грабежъ, сего ему, коменданту, не говорилъ. Каковое показаніе и вторично на французскомъ языкѣ и при лицѣ помянутаго господина оберъ-коменданта, а потомъ и письменно наономъ же языкѣ, подтвердилъ, изъясняя, что онъ, относясь на отвѣтъ, данный имъ въ первомъ донесеніи, повторяетъ, что онъ былъ на дрожкахъ, изъ коихъ не выходилъ, и Его Сіятельство графъ Девитъ былъ въ каретѣ, удаленной отъ него Бутми, его плацъ-маіоръ пришелъ къ дверямъ, а посему весьма трудно было на открытомъ воздухѣ ихъ слышать. Онъ никогда не зналъ и не слышалъ разговаривающихъ о двухъ матросахъ, о указѣ, не разсказывалъ о томъ никому. Что касается до шпіоновъ, то какъ онъ Бутми не обращается кромѣ своихъ начальниковъ и особъ честныхъ и извѣстныхъ, то о томъ онъ не слыхалъ, кромѣ городскихъ слуховъ.

12) Секундъ-маіоръ Крыловъ, 68-ми лѣтъ отъ роду, а въ службѣ 49 лѣтъ, показалъ, что онъ, будучи у господина инженеръ генералъ-поручика Фемерса слышалъ отъ пристава Вол

кова, что будетъ бунтъ и въ то время приказано ему было отъ господина Фемерса взять осторожность, отъ котораго шедши, повстрѣчался за воротами московскими съ оберъ-комендантомъ и о томъ ему объявилъ, а болѣе ничего ему не говорилъ, и не слыхалъ, что съ нимъ Бутми разговаривалъ, на французскомъ или на итальянскомъ языкѣ.

13) Приставъ Волковъ показалъ еще, что 16-го числа августа, находившійся на привозномъ рынкѣ въ караулѣ Черноморскаго перваго баталіона сержантъ Греченковъ съ 12-ю человѣками команды его солдатъ, кричалъ *ура* и *жакъ* и производилъ грабежъ у пріѣхавшихъ съ арбузами, но какъ потомъ скоро они оттоль скрылись и полиція ихъ уже не захватила, то о семъ донесеніе было отъ него господину оберъ-коменданту графу Девиту, къ которому явились и ограбленные арбузами люди, показавшіе претензію свою менѣе одного рубля.

Сентября 19-го дня
1796 г.

XIII.

ДОНОСЪ

ПРЕМЬЕРЪ-МАІОРА ИВАНОВА.

573.

Письмо Иванова Мордвинову.

Милостивѣйшій Государь

Николай Семеновичъ.

Всеподданническое усердіе къ Монарху и отечеству обязываетъ меня вручить Вашему Высокопревосходительству дѣла большей важности, при семъ подносимыя чрезъ капитана Балшута.

Положеніе мое требуетъ милостиваго вспомоществованія Вашего Высокопревосходительства, отчего я пропаду или долженъ буду секретно уѣхать прямо къ Императору.

Пребывающій съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностію во всю жизнь,

Милостивѣйшій государь,

Вашего Высокопревосходительства

преданнѣйшимъ слугою

Михаилъ Ивановъ,

преміеръ-маіоръ.

24-го ноября въ ночь
1796 года.
Одесса.

574.

Заявленіе премiера-маiора Иванова.

По секрету.

Именемъ Высочайшей Его Императорскаго Величества особы требую, дабы теперь же, не выходя изъ присутствія, былъ отправленъ я для важныхъ личныхъ всеподданнѣйшихъ донесеній къ Его Императорскому Величеству, и чтобъ подполковникъ и кавалеръ Яковлевъ былъ задержанъ за присмотромъ, всѣ письменныя его дѣла, деньги и сундуки запечатаны, и никто бъ къ нему допущенъ не былъ; равно всѣхъ находящихся при немъ офицеровъ и людей содержать каждаго особо, подъ строгимъ карауломъ.

Премiеръ-маiоръ Михаилъ Ивановъ.

24-го ноября
1796 года.

575.

Рапортъ Иванова.

Въ Экспедицію строенія южныхъ крѣпостей и порта Одесскаго

РАПОРТЪ.

Господинъ подполковникъ и кавалеръ Яковлевъ, вчерашній день, принеся ко мнѣ въ квартиру разныя бумаги, относящіяся до порученныхъ ему коммисій, написанныя имъ самимъ отъ имени экспедиціи, просилъ меня о подписаніи и рѣшеніи оныхъ во время присутствія. А вслѣдъ затѣмъ со своимъ человѣкомъ прислалъ конвертъ, который я распечатавъ, нашелъ въ ономъ пять сотъ рублей, и тогда же, попрося къ себѣ господъ премiеръ-маiора Небольсина, и секундъ-маiора Шароя, объявилъ имъ о семъ поступкѣ; и то что господинъ Яковлевъ

долженъ мнѣ никогда не былъ. По обязанности къ соблюденію моей должности, при семъ тѣ бумаги и деньги съ конвертомъ покорнѣйше представляю Экспедиціи.

Премiеръ-маiоръ Михаилъ Ивановъ.

Ноября 24-го
1796 года.

576.

Письмо Яковлева Иванову.

Любезный другъ
Михаилъ Ивановичъ.

Еслибъ я неувѣренъ былъ въ вашей дружбѣ, то не обезпокоилъ бы вас моими просьбами касательно окончанія моихъ бумагъ, о коихъ одолжите увѣдомленіемъ, не было ли чего вчерашній день, и объяснялись ли вы съ Францемъ Павловичемъ?

Извѣстно вамъ сколь мнѣ каждый часъ долженъ казаться за цѣлый день отъ моего теперешняго здѣсь пребыванія.

Вы такъ какъ разумной и честной человѣкъ, взойдя въ мои обстоятельства, безъ сомнѣнія, поступите дружескимъ и дѣятельнымъ образомъ, по бумагамъ, коихъ я теперь ожидаю.

За симъ пребуду навсегда съ искреннею признательностію

покорнѣйшій слуга
П. Яковлевъ.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю моему Михаилу Ивановичу Иванову.

577.

Опредѣленіе Экспедиціи.

По указу Его Императорскаго Величества въ Экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей и порта Одесскаго по силѣ рег

ламента опредѣлено: впредь ко всѣмъ чинамъ подъ начальствомъ сей Экспедиціи находящимся посылать указы съ употребленіемъ Его Императорскаго Величества титула.

По приложенной же у сего нотѣ для соблюденія должнаго порядка учинить непремѣнное исполненіе.

Въ должности контролера преміеръ-маіоръ
Михаилъ Ивановъ.

Ноября дня
1796 года.

578.

НОТА

для непремѣннаго исполненія въ Экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей, города и порта въ Одессѣ, относящаяся до соблюденія порядка и интересовъ государственныхъ.

1) По причинѣ отлучки четырехъ присутствующихъ прикомандировать ко оной двухъ инженерныхъ штабъ-офицеровъ, и находящихся въ вѣдомствѣ сей Экспедиціи секундъ-маіоровъ Шароя и Юнашевскаго, должность же главнаго цейхвартера можетъ отправляться подъ наблюденіемъ г. Шароя, находящимися въ командѣ его офицерами, а г. Юнашевскаго изъ Овидіополя отъ должности казначейской смѣнить.

2) Денежную казну, матеріалы, припасы и инструменты по книгамъ освидѣтельствовать при портѣ всѣмъ присутствующимъ. Въ крѣпости же для сего отрядить одного изъ оныхъ, которому предписать по исполненіи съ приложеніемъ съ цѣнами вѣдомостей за подписаніемъ крѣпостныхъ начальниковъ Экспедиціи рапортовать.

3) Планы за Высочайшимъ подписаніямъ, и другія имѣющіяся у директора строенія господина инженеръ-полковника и кавалера Деволапта, должны быть при Экспедиціи и храниться подъ присмотромъ инженеровъ, къ коимъ для соблюденія отчетовъ прикомандировать инженеръ-подпоручика Виптулова.

4) Для доклада получаемыхъ дѣлъ опредѣлить въ должность секретаря прапорщика Гурьева. Прежніе же секретари обязаны оканчивать дѣла за прошедшее время, по нотѣ представленной при рапортѣ отъ контролеровъ въ генварѣ мѣсяцѣ настоящаго года.

5) Къ счетной коммисіи прикомандировать штабъ-офицера, книги считать и хранить въ Экспедиціи съ исправною описью.

6) Книги главнаго казначея съ документами держать въ Экспедиціи, гдѣ и записку о выдачѣ производить.

7) Находящимся при строеніи судовъ въ Каменкѣ и Кичкасахъ господамъ флота капитану и кавалеру Бардакѣ [1]) и подполковнику и кавалеру Бекшикову предписать о издержанныхъ суммахъ и матеріалахъ, какъ и о числѣ состроенныхъ судовъ, прислать отчеты.

8) Учредить при Экспедиціи ежедневно дежурнаго офицера для принятія и отправленія дѣлъ и соблюденія порядка.

9) Караульному офицеру приказать ежедневно по собраніи присутствующихъ рапортовать о исправности караула при казнѣ и цейхаузахъ.

10) Дѣлъ никакихъ изъ Экспедиціи ни къ кому не носить.

11) О всѣхъ находящихся въ вѣдомствѣ Экспедиціи штабъ, оберъ-офицерахъ и прочихъ чинахъ собрать списки и, по разсмотрѣніи, не занятыхъ должностями отправить къ своимъ командамъ.

---

[1]) Иванъ Григорьевичъ; 1762—1821; въ 1787 г. произведенъ въ лейтенанты и тогда же, на шкунѣ „Измаилъ", былъ арестованъ въ Константинополѣ по случаю открывшейся войны, но „гонимъ будучи Портою, тайнымъ образомъ уѣхалъ на купеческомъ суднѣ въ Ливорно" и жестоко отомстилъ туркамъ: въ 1789 г. сжегъ пять непріятельскихъ судовъ и городъ Констанцію на румелійскомъ берегу, въ 1790 г. на Дунаѣ взялъ въ плѣнъ четыре канонерскія лодки; при занятіи Тульчи сжегъ два лансона и плѣнилъ одну канонерскую лодку; при штурмѣ Измаила потопилъ три непріятельскія судна. Съ 1795 г. участвовалъ въ Экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей, порта и города Одессы.

12) Подрядчиковъ во всѣхъ поставкахъ и сколько имъ отпущено суммы счесть.

13) Всѣмъ долгамъ сдѣлать вѣрную вѣдомость.

14) Заработѣя деньги должно въ полки и баталіоны отослать.

579.

Рапортъ Овцына Мордвинову.

Высокородному
и Высокопревосходительному господину вице-адмиралу предсѣдательствующему въ Государственномъ Черноморскомъ Адмиралтейскомъ Правленіи и разныхъ орденовъ кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову

Бригадира и флота капитана Овцына

РАПОРТЪ.

Въ силу Вашего Высокопревосходительства секретнаго ордера, подполковникъ и кавалеръ Яковлевъ арестованъ, всѣ его бумаги, шкатулки и сундуки запечатаны, люди при домѣ его находящіеся взяты подъ строжайшій караулъ и разсажены порознь, о чемъ Вашему Высокопревосходительству и доношу, и сверхъ сего, въ силу того же ордера, въ Экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей всѣ бумаги мною опечатаны, и маіоръ Ивановъ арестованъ и при семъ посылается, въ протчемъ же буду ожидать дальнѣйшихъ Вашего Высокопревосходительства повелѣній.

Иванъ Овцынъ.

Ноября 28-го дня, въ 10 часовъ пополудни.
1796 года.
Одесса.

580.

Журналъ секретнаго комитета.

1796 года ноября 30-го дня въ отдѣленномъ на основаніи высочайшаго указа 1714 года апрѣля 4-го дня по приглашеніи предсѣдательствующаго въ Черноморскомъ Адмиралтейскомъ Правленіи вице-адмирала и кавалера Мордвинова, двухъ того же Правленія членовъ контръ-адмирала и кавалера Пустошкина и контролера бригадира и кавалера Дмитріева секретномъ комитетѣ объявилъ онъ, вице-адмиралъ, что находящійся въ Экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей и Одесскаго порта въ должности контролера преміеръ-маіоръ Ивановъ приложенною при письмѣ своемъ къ нему отъ 24-го сего-жъ ноября особливою по секрету запискою требовалъ именемъ высочайшей Его Императорскаго Величества особы, дабы не выходя изъ присутствія былъ отправленъ онъ, Ивановъ, для важныхъ личныхъ всеподданнѣйшихъ донесеній къ Его Императорскому Величеству и чтобъ подполковникъ и кавалеръ Яковлевъ былъ задержанъ за присмотромъ, всѣ письменныя его дѣла, деньги и сундуки запечатаны-бъ были, и никто бы къ нему допущенъ не былъ, равно всѣхъ находящихся при немъ офицеровъ и людей содержать каждаго особо подъ строгимъ карауломъ, и что, вслѣдствіе сего, какъ ему вице-адмиралу извѣстно уже о подполковникѣ Яковлевѣ, что онъ по доносу о нѣкоторомъ важномъ секретномъ дѣлѣ, изслѣдованіе котораго въ недавнемъ времени высочайше возложено было на него, вице-адмирала, обще съ генераломъ поручикомъ и кавалеромъ Хорватомъ и о которомъ донесено уже господину генералъ-фельдцейгмейстеру и кавалеру князю Платону Александровичу Зубову [1]), оказался сомнительнымъ и преклоннымъ ко вчинанію весьма важныхъ до общаго спокойствія касающихся дѣлъ, и въ разсужденіи таковаго чрезвычайнаго отъ преміеръ-

---

[1]) См. выше, № 571.

маіора Иванова требованія въ секретной его запискѣ, предполагающаго важные доносы, по крайнему сомнительству дѣла, предписалъ онъ, вице-адмиралъ, секретно командующему въ Одессѣ надъ портомъ флота капитану бригадиру и кавалеру Овцыну, дабы по полученіи того предписанія арестовать подполковника Яковлева, всѣ его бумаги и шкатулки и сундуки опечатать, и всѣхъ находящихся при немъ людей содержать каждаго подъ строгимъ карауломъ, а равнымъ образомъ и доносителя маіора Иванова арестовавъ представить къ нему вице-адмиралу. Какъ же онъ, Ивановъ, членъ помянутой Экспедиціи, и занимаетъ въ оной должность контролера, а по таковымъ его чрезвычайнымъ требованіямъ надлежало отлучить его оттуда, притомъ же представлена отъ него была сверхъ того нота [1]) для соблюденія порядковъ и интересовъ государственныхъ по дѣламъ означенной Экспедиціи, заключающая въ себѣ и нѣкоторыя перемѣны людей отъ должностей, къ чему вице-адмиралъ приступить не могъ; но дабы дѣла сей Экспедиціи, въ отсутствіе маіора Иванова, сохранены были въ настоящемъ ихъ состояніи, приказано отъ вице-адмирала ему же бригадиру Овцыну и оные опечатать, а чтобы между тѣмъ нужное ихъ теченіе не могло имѣть остановки, и по принадлежности Одесскаго порта по существу своему къ Черноморскому Адмиралтейскому Правленію, состоящему нынѣ по высочайшему Его Императорскаго Величества указу со всѣми портами на Черномъ море находящимися въ вѣдомствѣ Государственной Адмиралтейства Коллегіи, предписано бригадиру Овцыну присутствовать въ оной Экспедиціи въ разсужденіи отношенія дѣлъ ея до строенія порта Одесскаго, впредь до повелѣнія, который, исполнивъ вышеписанное, прислалъ сего числа при рапортѣ своемъ и помянутаго маіора Иванова.

Комитетъ, соображая чрезвычайное вышеозначенное требованіе преміеръ-маіора Иванова, и предполагая, что доносъ его можетъ быть о дѣлѣ великой важности, положилъ: призвать

---

[1]) См. выше, № 578.

его въ комитетъ, спросить, для чего онъ требовалъ, чтобъ немедленно его послать къ его Императорскому Величеству, а подполковника Яковлева содержать подъ присмотромъ, запечатавъ все его имѣніе и всѣ его бумаги, а равно также задержать подъ строгимъ карауломъ всѣхъ находящихся при немъ офицеровъ и людей. Почему и призванъ онъ былъ того же дня въ присутствіе комитета и на означенный запросъ отвѣтствовалъ:

Что онъ такое чрезвычайное требованіе сдѣлалъ точно въ томъ намѣреніи, чтобъ лично всеподданнѣйше донести Его Императорскому Величеству о важныхъ дѣлахъ по сомнительству о имѣющихся у подполковника Яковлева бумагахъ разныхъ, и о весьма знатной денежной суммѣ, но что онъ, Ивановъ, не зная находятся ли и теперь тѣ дѣла у него, Яковлева, не можетъ точно открыть комитету о существѣ своего доноса, не сообразясь съ нужными къ тому обстоятельствами, а для того и проситъ онъ, чтобъ дозволено ему было имѣть нѣкоторое время для соображенія всѣхъ обстоятельствъ, нужныхъ къ ясному открытію комитету своего доноса, требуя при томъ, чтобъ изъ находящихся у подполковника Яковлева вещей прислана была красная шкатулка съ бумагами и деньгами, а также и прочіе бумаги, какіе у него имѣются въ другихъ шкатулкахъ и сундукахъ, были бы сысканы для освидѣтельствованія въ комитетѣ. Въ разсужденіи же того, что подполковникъ Яковлевъ намѣренъ былъ уѣхать на сихъ дняхъ въ Санктпетербургъ, и дабы подъ симъ предлогомъ куда не скрылся, оставить его въ Одессѣ подъ присмотромъ, а равно такъ же всѣхъ слугъ и камердинера, бывшихъ при немъ Яковлевѣ, такожъ секретаря Бекетова, Казбулатова и купца Черникина, и воспретить съ содержащимися подъ стражею всякое сообщеніе и переписку.

О каковомъ маіора Иванова отвѣтѣ разсуждая, опредѣлили: какъ маіоръ Ивановъ требовалъ времени на размышленіе для соображенія всѣхъ нужныхъ обстоятельствъ къ открытію своего доноса, то въ сходственность высочайшаго 1762 года октября

19-го дня о доносителяхъ узаконенія и дать ему оное до слѣдующаго собранія съ напоминаніемъ, чтобъ онъ размыслилъ о своемъ предпріятіи, дабы неосновательнымъ какимъ-либо доносомъ не могъ ни себя, ни другихъ подвергнуть несчастію; а между тѣмъ содержать его подъ присмотромъ надежнаго офицера впредь до подробнаго открытія имъ, Ивановымъ, о причинахъ вышеозначеннаго своего требованія, а дабы скорѣйшее сдѣлать разрѣшеніе по вышепоказанному сомнительству преміеръ-маіора Иванова, то для освидѣтельствованія въ комитетѣ приказать прислать красную шкатулку подполковника Яковлева, а также и прочія бумаги, какія найдутся у него, съ надежнымъ офицеромъ и пристойнымъ конвоемъ за печатью, приложивъ и образецъ той печати какою запечатаны будутъ. Сверхъ того, узнать между вещами подполковника Яковлева нѣтъ ли денежной суммы, и въ такомъ случаѣ, сосчитавъ оную при немъ и свидѣтеляхъ, за печатьми отдать для храненія въ Экспедицію строенія южныхъ крѣпостей и Одесскаго порта, и донести о количествѣ оной, а притомъ спросить у него: собственная-ль у него сумма или казенная, сколько именно какой? Бывшихъ же при немъ Яковлевѣ всѣхъ слугъ и камердинера, такожъ сектетаря Бекетова, Казбулатова и купца Черникина содержать подъ стражею, и воспретить съ содержащимися подъ оною всякое сообщеніе и переписку.

Предоставляя о всемъ томъ вице-адмиралу и кавалеру Мордвинову сдѣлать надлежащее предписаніе бригадиру и кавалеру Овцыну.

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.
Контръ-адмиралъ Павелъ Пустошкинъ.
Контролеръ Прокофей Дмитріевъ.
За секретаря оберъ-аудиторъ Александръ Панковъ.

581.

Допросъ Иванова.

Вопросной пунктъ.

Для чего Вы требовали, чтобъ немедленно послать васъ къ Его Императорскому Величеству, а подполковника Яковлева содержать подъ присмотромъ, запечатавъ все его имѣніе и всѣ его бумаги, а равно также задержать подъ строгимъ карауломъ всѣхъ находящихся при немъ офицеровъ и людей?

Оберъ-аудиторъ

Александръ Панковъ.

Ноября 30-го дня
1796 года.

Показаніе Иванова.

Таковое чрезвычайное мое требованіе сдѣлалъ я точно въ томъ намѣреніи, чтобъ лично всеподданнѣйше донести Его Императорскому Величеству о важныхъ дѣлахъ по сомнительству о имѣющихся у подполковника Яковлева разныхъ бумагахъ и о весьма знатной денежной суммѣ. Но не зная находятся ли и теперь тѣ дѣла у него, Яковлева, не могу точно открыть комитету о существѣ моего доноса, не сообразясь съ нужными къ тому обстоятельствами, а потому и прошу, чтобъ дозволено мнѣ было имѣть нѣкоторое время для соображенія всѣхъ обстоятельствъ, нужныхъ къ ясному открытію доноса моего, и чтобъ изъ находящихся у подполковника Яковлева вещей прислана была красная шкатулка съ бумагами и деньгами, а также и прочія бумаги, какія у него имѣются въ другихъ шкатулкахъ и сундукахъ были бы сысканы для освидѣтельствованія въ комитетѣ. Въ разсужденіи же того, что подполковникъ Яковлевъ намѣренъ былъ на сихъ дняхъ уѣхать въ Санктпетербургъ, и дабы

подъ симъ предлогомъ куда не скрылся, оставить его въ Одессѣ подъ присмотромъ, а равно всѣхъ слугъ и камердинера бывшихъ при немъ Яковлевѣ, также секретаря Бекетова и Казбулатова и купца Черникина и воспретить съ содержащимися подъ стражею всякое сообщеніе и переписку.

Преміеръ-маіоръ Михаилъ Ивановъ.

Подана въ присутствіе.

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ,
Контръ-адмиралъ Павелъ Пустошкинъ.
Контролеръ Прокофей Дмитріевъ.

Ноября 30-го дня.
1796 года.

582.

Ордеръ Мордвинова Овцыну.

Господину бригадиру флота капитану и кавалеру Овцыну.

Вслѣдствіе рапорта вашего высокородія отъ 28-го числа сего Ноября подъ № 2281 предписываю: немедленно прислать ко мнѣ красную шкатулку подполковника Яковлева, долженствующую быть въ числѣ прочихъ его вещей запечатанныхъ, а ежели есть бумаги въ другихъ шкатулкахъ, то и оныя прислать за печатью съ надежнымъ офицеромъ, давъ ему изъ предосторожности нужный конвой и при томъ приложить мнѣ и образецъ той печати, какою оные будутъ запечатаны. Между вещами подполковника Яковлева, нѣтъ ли денежной суммы—

въ такомъ случаѣ, сосчитавъ оную при немъ и свидѣтеляхъ, за печатьми отдать для храненія въ Экспедицію строенія южныхъ крѣпостей и порта Одесскаго, и донести о количествѣ оной, и при томъ спросить у него собственная-ль или казенная, и сколько оной. Караулъ при немъ, какъ до свѣдѣнія моего дошло, содержится въ великомъ числѣ; въ разсужденіи существующаго тамо города, можете и уменьшить оный по усмотрѣнію вашему, сообразуясь съ обстоятельствами. Рабочихъ же изъ подъ стражи распустить, а содержать подъ оною на основаніи прежняго моего предписанія всѣхъ слугъ и камердинера, бывшихъ при немъ Яковлевѣ, такожъ секретаря Бекетова, Казбулатова и купца Черникина и воспретить съ содержащимися подъ стражею всякое сообщеніе и переписку.

Н. Мордвиновъ.

Ноября 30-го дня
1796 года.
Николаевъ.

583.

Рапортъ Овцына Мордвинову.

Секретно.

Высокородному

и высокопревосходительному господину вице-адмиралу предсѣдательствующему въ Государственномъ Черноморскомъ Адмиралтейскомъ Правленіи и разныхъ орденовъ кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову

Бригадира флота и кавалера Овцына

РАПОРТЪ.

Во исполненіе Вашего Высокопревосходительства присланнаго ко мнѣ вчерашняго числа секретнаго ордера, господина

подполковника Яковлева красную шкатулку, въ числѣ прочихъ его вещей запечатанную, по вынутіи изъ оной найденныхъ въ ней собственныхъ его денегъ ассигнаціями четырехъ тысячъ пяти сотъ рублей, и по вложеніи въ оную найденныхъ въ домѣ его, въ разныхъ ящикахъ, бумагъ, за печатью моею, совсѣмъ тѣмъ, что въ ней есть и мнѣ неизвѣстнымъ, при чемъ къ Вашему Высокопревосходительству, съ лейтенантомъ Ратмановымъ и конвоемъ отправилъ. Деньги же при свидѣтеляхъ, а именно: при городничемъ, маіорѣ Кирьяковѣ, при исправляющемъ должность капитана надъ портомъ лейтенантѣ Леонтовичѣ, при караульномъ капитанѣ Христофоровѣ, и при самомъ господинѣ Яковлевѣ пересчитаны и отданы на сохраненіе въ Экспедицію строенія южныхъ крѣпостей и порта Одесскаго.

При семъ же донощу, что у господина Яковлева на дворѣ живетъ больше двадцати человѣкъ разнаго званія людей, и собственныхъ его крестьянъ, въ Одессѣ при арестованіи его находилось болѣе 50-ти человѣкъ, то въ разсужденіи таковаго количества, не могъ я сперва меньше пятидесяти человѣкъ гренадеръ съ капитаномъ и съ двумя субалтернъ-офицерами употребить къ аресту, боясь, дабы не возстали его крестьяне, и по арестѣ оставлено было только 25 человѣкъ, нынѣжь осталось только двѣнадцать.

Иванъ Овцынъ.

Декабря 3-го дня
1796 года.

584.

Журналъ секретнаго комитета.

1796 года декабря 4-го дня въ отдѣленномъ на основаніи высочайшаго указа 1714 года апрѣля 4-го дня по приглашенію предсѣдательствующаго въ Черноморскомъ Адмиралтейскомъ Правленіи вице-адмирала и кавалера Мордвинова, двухъ того же Правленія членовъ контръ-адмирала и кавалера Пустошкина и контролера и кавалера Дмитріева секретномъ комитетѣ, объ-

явилъ онъ, вице-адмиралъ, что вслѣдствіе учиненнаго имъ предписанія флота капитану бригадиру и кавалеру Овцыну, въ сходствіе опредѣленія комитета, прислана отъ него съ лейтенантомъ Ратмановымъ требованная подполковника Яковлева шкатулка съ его бумагами при рапортѣ его Овцына, въ которомъ онъ доноситъ, что денегъ у него Яковлева сыскано только четыре тысячи пятьсотъ рублей собственныхъ. Почему комитетъ, распечатавъ шкатулку, приступилъ къ освидѣтельствованію находящихся въ оной бумагъ, и какъ между оными не нашелъ подлежащихъ сомнѣнію, да и по призывѣ въ комитетъ преміеръ-маіора Иванова и по показаніи ему тѣхъ бумагъ не признаны и имъ за таковыя, въ которыхъ онъ полагалъ свое сомнѣніе, для того опредѣлили: объявить маіору Иванову, дабы онъ представилъ комитету, непродолжая времени, письменное и обстоятельное объясненіе, о какихъ именно бумагахъ и деньгахъ подполковника Яковлева имѣетъ онъ сомнѣніе, и въ чемъ именно состоитъ существо предполагаемаго имъ доноса?

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.
Контръ-адмиралъ Павелъ Пустошкинъ.
Контролеръ Прокофій Дмитріевъ.
За секретаря оберъ-аудиторъ Александръ Панковъ.

Оный журналъ того-жъ числа мнѣ объявленъ.
Преміеръ-маіоръ Михаилъ Ивановъ.

585.

Объявленіе Иванова.

Вчерашній день при показаніи мнѣ въ комитетѣ бумагъ, найденныхъ въ шкатулкѣ Яковлева, по извѣстности мнѣ не оказалось самыхъ важныхъ:

1) Квитансіи данной ему недавно изъ Экспедиціи въ полученіи 3.000 полумачтъ (въ которое число онъ не доставилъ

до 800 деревъ) и расчетовъ подписанныхъ присутствующими на всю его поставку, выходящую болѣе 150.000 рублей.— Сіи бумаги, бывъ предметомъ его должности, конечно, долженствовали храниться вмѣстѣ съ деньгами въ сей шкатулкѣ, которая всегда сохранялась у его кровати.

2) Мнѣ подлинно извѣстно, что, сверхъ остающихся у него Яковлева отъ прежнихъ пріемовъ суммъ, онъ недавно получилъ изъ Таврической Казенной Палаты по ассигнованію Экспедиціи 30.000 рублей, и изъ Экспедиціи 35.000 рублей. Изъ сей суммы на удовольствіе рабочихъ не могло у него болѣе выйти какъ 10.000 рублей, и сію сумму полагаю я съ излишествомъ. Найденная же у него сумма по объявленію мнѣ отъ комитета состоитъ только въ 4.500 рубляхъ. За день до моего отправленія, онъ, Яковлевъ, бывъ у меня при полковникѣ Чехнецковѣ, хотѣлъ взнести въ экспедицію за 1.000 пудъ канату къ доставленію въ Государственное Черноморское Правленіе до 4.000 рублей, чтожъ бы оставалось ему на путь до Санктпетербурга.

3) Онъ показывалъ мнѣ предъ симъ за мѣсяцъ секретный ордеръ г-на генерала порутчика и кавалера Хорвата, о возложенныхъ на него препорученіяхъ, коего также не находится.

4) Онъ имѣлъ безпрестанныя переписки съ г. генералъ-порутчикомъ и кавалеромъ Хорватомъ, г. полковникомъ Грибовскимъ и Апраксинымъ, графомъ, чрезъ курьеровъ, часто къ нему пріѣзжающихъ, но тутъ нѣтъ ни одного ихъ письма. А посему и имѣю я сомнѣніе, что всѣ важныя бумаги или скрыты, или истреблены. Для изслѣдованія о семъ злоупотребленіи покорнѣйше доношу.

Преміеръ-маіоръ Михаилъ Ивановъ.

Подана въ присутствіе.

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.
Контръ-адмиралъ Павелъ Пустошкинъ.
Контролеръ Прокофій Дмитріевъ.

5-го декабря
1796 года.
Николаевъ.

586.

Объясненіе Иванова.

По секрету.

Его Императорскому Величеству я долженъ былъ всеподданнѣйше донести о слѣдующемъ:

Подполковникъ и кавалеръ Яковлевъ, посредствомъ препорученной ему отъ Экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей и порта Одесскаго коммисіи, на доставляемыхъ имъ къ порту одесскому лѣсахъ и мастеровыхъ людяхъ показывалъ въ отчетахъ ложныя цѣны, чрезъ что получилъ знатную сумму денегъ. Видя интересъ государственный безъ возврату теряющійся, и вѣдая скорое его Яковлева отправленіе въ Петербургъ, рѣшился я остановить отъѣздъ его объявленіемъ Правительству и опечатаніемъ его экипажа и дѣлъ; имѣя сверхъ сего, по его словамъ и откровенности, подозрѣніе въ другихъ важныхъ злоупотребленіяхъ и перепискѣ о происшествіи, случившемся въ Херсонѣ, относительномъ по важности втораго пункта. Къ сему болѣе принудился я присланнымъ отъ него подаркомъ, состоящимъ въ 500 рубляхъ государственныхъ ассигнацій, представленныхъ мною лично его высокопревосходительству господину вице-адмиралу и кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову, о которыхъ донесъ я и экспедиціи рапортомъ. Чрезъ сей подарокъ хотѣлъ онъ получить расчетъ и квитансіи. Ежели бы надѣялся онъ на справедливость своего требованія, не было бы ему надобности искать сего гнуснымъ образомъ.

Относительно Экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей и порта Одесскаго, въ которой находился я присутствующимъ и контролеромъ, извѣстно мнѣ, что знатныя суммы розданы безъ формальныхъ опредѣленій, и которыхъ выдача окажется незаконною; при освидѣтельствованіи казны по книгамъ должно быть сіе усмотрѣно.

При отправленіи моемъ въ Николаевъ, въ присутствіе Экспедиціи 28-го ноября представилъ я ноту, по которой всѣ та-

ковыя безпорядки должны прекратиться, буде оная, по соблюденію государственнаго интереса, будетъ апробована другими присутствующими.

Должность обязывала меня не умолчать о сихъ злоупотребленіяхъ подъ опасеніемъ должнаго взысканія по законамъ за необъявленіе.

Преміеръ-маіоръ Михаилъ Ивановъ.

Получено въ присутствіи.

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.

Контръ-адмиралъ Павелъ Пустошкинъ.

Контролеръ Прокофій Дмитріевъ.

5-го декабря
1796 года.
Николаевъ.

587.

Журналъ секретнаго комитета.

1796 года декабря 5 дня въ отдѣленномъ на основаніи высочайшаго указа 1714 года апрѣля 4 дня по приглашенію предсѣдательствующаго въ Черноморскомъ Адмиралтейскомъ Правленіи вице-адмирала и кавалера Мордвинова двухъ того же Правленія членовъ, контръ-адмирала и кавалера Пустошкина и контролера бригадира и кавалера Дмитріева, секретномъ комитетѣ, въ слѣдствіе учиненнаго въ ономъ сего же декабря 4-го числа опредѣленія, преміеръ-маіоръ Ивановъ, будучи призванъ въ присутствіе, подалъ два объясненія:

Первое, въ которомъ пишетъ: [1])

Въ слѣдъ за симъ представлено отъ него Иванова и *другое* объясненіе, въ которомъ онъ доноситъ слѣдующими выраженіями: [2])

---

[1]) Слѣдуетъ дословное повтореніе № 585.

[2]) Приведено дословно объясненіе Иванова, помѣщенное подъ № 586.

Комитетъ, разсуждая о содержаніи вышепрописанныхъ двухъ объясненій преміеръ-маіора Иванова, опредѣлилъ:

1-е. Какъ въ прописанномъ первомъ объясненіи преміеръ-маіоръ Ивановъ показываетъ, что между присланными въ комитетъ бумагами подполковника Яковлева нѣтъ самыхъ важныхъ, да и денежной суммы должно у него быть знатной, то и предоставить вице-адмиралу и кавалеру Мордвинову повторить предписаніе бригадиру Овцыну объ осмотрѣ всѣхъ Яковлева сундуковъ, и всего вообще его экипажа, и какія найдутся бумаги всѣ безъ изъятія сюда доставить, а относительно денегъ, ежели также сколько найдется, поступить въ сходство прежняго опредѣленія комитета. Освидѣтельствованную же въ комитетѣ шкатулку съ бумагами подполковника Яковлева препроводить обратно къ бригадиру Овцыну за печатьми, какъ не оказалось въ ней бумагъ сомнѣнію подлежащихъ.

2-е. Въ разсужденіи доноса преміеръ-маіора Иванова въ послѣднемъ его объясненіи, между прочимъ, касающемся до важности доносовъ втораго пункта изображеннаго въ высочайшихъ о семъ узаконеніяхъ, отправить его Иванова, яко доносителя, къ его сіятельству господину генералъ-прокурору и кавалеру графу Александру Николаевичу Самойлову за крѣпкимъ карауломъ и за присмотромъ надежнаго штабъ-офицера, предоставляя вице-адмиралу Мордвинову учинить сіе отправленіе надлежащими отъ себя предписаніями, а отношеніе по сему дѣлу слѣдующее къ господину генералъ-прокурору купно съ засвидѣтельствованными копіями журналовъ комитета, по оному учиненныхъ, отправить за общимъ членовъ подписаніемъ. Какъ же и подозрѣваемый имъ Ивановымъ въ семъ дѣлѣ подполковникъ Яковлевъ, по объявленію вице-адмирала Мордвинова, оказался уже въ недавнемъ времени по нѣкоторому секретному дѣлу преклоннымъ ко вчинанію важныхъ дѣлъ до общаго спокойствія касающихся, то его, Яковлева, по прежнему оставить впредь до повелѣнія за присмотромъ, а въ разсужденіе того, что онъ, Ивановъ, относительно доноса своего вновь словесно подтвердилъ въ комитетѣ сомнѣніе свое и на прежде показан-

ныхъ имъ слугъ и камердинера подполковника Яковлева, также секретаря Бекетова, Казбулатова и купца Черникина, имѣть и ихъ подъ присмотромъ въ предосторожность по пограничности тамошняго мѣста впредь до повелѣнія, дабы на случай востребованія могли они быть представлены и о семъ также сдѣлать отъ вице-адмирала Мордвинова предписаніе на основаніи сего опредѣленія.

3-е. Въ слѣдствіе опредѣляемаго нынѣ комитетомъ отправленія въ Санктпетербургъ доносителя премьеръ-маіора Иванова, дабы въ теченіи дѣлъ экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей и одесскаго порта, которые при первоначальной его отлучкѣ сюда отъ присутствія въ оной были опечатаны, не могло въ продолженіи времени, требующагося теперь на дальнѣйшую его отлучку, послѣдовать остановки, послать предписаніе отъ вице-адмирала Мордвинова бригадиру Овцыну снять съ тѣхъ дѣлъ печати.

4-е. Что касается до доноса премiеръ-маіора Иванова о злоупотребленіи казенныхъ суммъ, то предоставить ему о томъ донести гдѣ по закону слѣдуетъ и о семъ пунктѣ объявить ему особою запискою за подписаніемъ членовъ комитета. А представленныя имъ къ вице-адмиралу Мордвинову присланные ему Иванову при письмѣ отъ подполковника Яковлева пятьсотъ рублей препроводить при ордерѣ его вице-адмирала къ бригадиру Овцыну для отдачи оныхъ въ помянутую экспедицію къ храненію въ оной съ прочими деньгами подполковника Яковлева и запискѣ въ приходъ впредь до повелѣнія.

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.
Контръ-адмиралъ Павелъ Пустошкинъ.
Контролеръ Прокофій Дмитріевъ.
За секретаря оберъ-аудиторъ Александръ Панковъ.

588.

Объявленіе Иванову.

На основаніи опредѣленія комитета сего декабря 5-го дня объявляется преміеръ-маіору Иванову: что касается до доноса его о злоупотребленіяхъ казенныхъ суммъ, то предоставить ему о томъ донести гдѣ по закону слѣдуетъ.

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.
Контръ-адмиралъ Павелъ Пустошкинъ.
Контролеръ Прокофій Дмитріевъ.

Оный пунктъ журнала того жъ числа мнѣ объявленъ.

Преміеръ-маіоръ Михаилъ Ивановъ.

Ордеры Мордвинова Овцыну.

589.

(Копія).

Г-ну флота капитану бригадиру и кавалеру Овцыну.

Разсмотрѣвъ въ комитетѣ, что, по представленію вашему, не отыскалось у подполковника Яковлева той знатной денежной суммы, которая должна у него находиться по объявленію преміеръ-маіора Иванова, и также, что въ присланной вами его Яковлева шкатулкѣ не найдено тѣхъ бумагъ, о которыхъ онъ, Ивановъ, имѣлъ сомнѣніе, то и признано комитетомъ за нужное истребовать отъ означеннаго преміеръ-маіора Иванова объясненіе, о какихъ именно бумагахъ и деньгахъ имѣетъ онъ сомнѣніе. И какъ онъ въ разсужденіи сего представилъ убѣдительнѣйшіе доводы о находящихся у подполковника Яковлева важныхъ бумагахъ и о знатной денежной суммѣ, которой большая часть должна быть казенная; то по сему и не могу я иначе сдѣлать заключенія, какъ то, что подполковникъ

Яковлевъ не обо всѣхъ открылъ вамъ находящихся у него бумагахъ, а также и о денежной суммѣ, а потому и нахожу себя обязаннымъ вторично строжайше предписать вамъ объ осмотрѣ всѣхъ его сундуковъ и всего вообще его экипажа, и какія найдутся бумаги, то всѣ безъ изъятія представить ко мнѣ немедленно съ симъ нарочно отправляемымъ, а въ разсужденіи денегъ имѣющихъ найтится поступить по прежнему моему о счисленіи и сбереженіи оныхъ предписанію.

Н. Мордвиновъ.

Декабря 6-го дня.
1796 года.

590.

(Копія).

Присланныя ко мнѣ отъ преміеръ-маіора Иванова, находящагося въ должности контролера въ Экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей и одесскаго порта, полученные имъ отъ подполковника и кавалера Яковлева пятьсотъ рублей, препровождая къ вамъ съ порутчикомъ Новосильскимъ, предписываю отдать сіи деньги въ означенную Экспедицію для храненія въ оной съ прочими деньгами подполковника Яковлева, кои и записать въ приходъ впредь до повелѣнія.

Декабря 6-го дня
1796-го года.

591.

(Копія).

Доставленная вами шкатулка съ бумагами подполковника и кавалера Яковлева, по освидѣтельствованіи въ секретномъ комитетѣ, возвращается вамъ при семъ за печатьми, какъ не оказалось въ ней бумагъ сомнѣнію подлежащихъ.

Декабря 6-го дня
1796 г.

592.

(Копія).

Въ слѣдствіе опредѣленія секретнаго комитета предписываю вашему высокородію снять печати съ бумагъ экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей и одесскаго порта, кои опечатаны были.

Декабря 6-го дня.
1796-го года.

593.

Рапортъ Овцына Мордвинову.

Высокородному
и Высокопревосходительному господину вице-адмиралу, предсѣдательствующему въ Государственномъ Черноморскомъ Адмиралтейскомъ Правленіи и разныхъ орденовъ кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову.

Бригадира флота капитана и кавалера Овцына

РАПОРТЪ.

Во исполненіе полученнаго мною сего числа ночью отъ Вашего Высокопревосходительства ордера, вторично у подполковника Яковлева во всѣхъ его частяхъ дома и во всѣхъ сундукахъ при немъ находящихся людей, при присланномъ отъ Вашего Высокопревосходительства наистрожайше обыскивалъ и найденныя бумаги, ни мало ни разсматривая, при семъ отправилъ, денегъ же не только знатной суммы, но нисколько не нашелъ; а что Вашему Высокопревосходительству кажется, что я подполковнику Яковлеву будь-то бы по-

слабилъ и далъ себя подкупить, то въ томъ готовъ присягать, что я себя въ теперешнемъ моемъ чинѣ и отъ роду на шестьдесятъ перьвомъ году ни за что не продамъ, есть ли же и сему повѣрено не будетъ, то я иныхъ убѣдительныхъ доказательствъ, кромѣ незамаранпой своей совѣсти, и свидѣтельства караульнаго капитана съ офицеромъ, и лейтенанта Леонтовича при забираніи бумагъ бывшихъ имѣть не могу: а потому и остается въ волѣ вашей вѣрить мнѣ или не вѣрить. Чтожъ принадлежитъ до денегъ, которымъ онъ г-нъ маіоръ Ивановъ думаетъ быть въ немаломъ количествѣ у подполковника Яковлева, то объ оныхъ очень легко будетъ узнать, ежели повелѣно будетъ экспедиціоннаго казначея счесть, сколько онъ выдавалъ Яковлеву денегъ и когда?

Иванъ Овцынъ.

Декабря 7-го дня
1796-го году.
Одесса.

594.

Журналъ секретнаго комитета.

1796 года декабря 8-го дня въ отдѣленномъ секретномъ комитетѣ вицъ-адмиралъ и кавалеръ Мордвиновъ объявилъ, что по вторичному предписанію его, на основаніи опредѣленія комитета, присланъ отъ бригадира Овцына при рапортѣ бумажникъ съ разными бумагами подполковника Яковлева, какія еще отысканы, сверхъ прежде присланныхъ, при чемъ бригадиръ Овцынъ доноситъ, что денегъ у него, Яковлева, болѣе не найдено какъ то только число, о которомъ онъ уже доносилъ. Въ слѣдствіе чего комитетъ, распечатавъ памянутый бумажникъ, и по освидѣтельствованіи не нашедъ въ немъ сомнительныхъ бумагъ, кромѣ одного письма подполковникомъ Яковлевымъ къ купцу Черникину писаннаго, по объявленію вице-адмирала Мордвинова, въ самое то время, когда произво-

димо было слѣдствіе въ Херсонѣ по нѣкоторому секретному дѣлу, опредѣлили: означенное письмо пріобщить къ дѣламъ сего комитета на случай могущей иногда коснуться до него выправки, а прочія бумаги, съ бумажникомъ запечатавъ, препроводить обратно бригадиру Овцыну при ордерѣ вице-адмирала Мордвинова.

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.
Контръ-адмиралъ Павелъ Пустошкинъ.
Контролеръ Прокофій Дмитріевъ.
За секретаря оберъ-аудиторъ Александръ Панковъ.

595.

Письмо Яковлева Черникину.

Алексей Ивановичъ.

Приежжай ко мнѣ въ Херсонъ съ симъ посланнымъ капитаномъ ванъ деръ Скруфомъ. мнѣ нужда съ тобой переговорить.

Доброжелатель твой
П. Яковлевъ.

1796-го сентября 17-го дня.
Херсонъ.

На оборотѣ:

Алексею Ивановичу Черникину
въ домѣ купца Маслиникова.
Въ Одессѣ.

Сіе письмо найдено между бумагами Яковлева, присланными вторично отъ бригадира Овцына 8-го декабря.

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.
Контръ-адмиралъ Павелъ Пустошкинъ.
Контролеръ Прокофій Дмитріевъ.

596.

Рапортъ Вороновскаго Мордвинову.

Его Высокопревосходительству господину вице-адмиралу главнокомандующему флотами на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, предсѣдательствующему въ государственномъ Черноморскомъ Адмиралтейскомъ Правленіи и разныхъ орденовъ кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову.

Николаевскаго градоначальника

ПОКОРНѢЙШІЙ РАПОРТЪ.

Херсонской мѣщанинъ Илья Никифоровъ сынъ Сущевскій, противъ взятаго надъ нимъ отъ полиціи замѣчанія, въ разглашеніи имъ въ городѣ Николаевѣ случившагося въ городѣ Одессѣ нѣкотораго происшествія, въ Николаевскомъ городническомъ правленіи, въ присутствіи моемъ, устно изъяснилъ:

Яко будучи онъ, Сущевскій, въ помянутомъ городѣ Одессѣ прикащикомъ у дворянина Ивана Казбулатова, находящагося въ коммиссіонерахъ у подполковника Яковлева, имѣя жительство вмѣстѣ съ хозяиномъ своимъ Казбулатовымъ въ домѣ его же, Яковлева, въ особомъ покоѣ, когда случилось между тѣмъ минувшаго ноября 28-го, что помянутой подполковникъ Яковлевъ по какому-то на него доносу, ему, Сущевскому, неизвѣстному, гребнаго флота бригадиромъ Овцынымъ арестованъ, то притомъ и онъ, Сущевскій, приарестованъ съ хозяиномъ своимъ Казбулатовымъ, и какъ только былъ введенъ въ домъ его, Яковлева, къ аресту караулъ, будучи онъ, Сущевскій, тогда же на кухнѣ, особо на дворѣ состоящей, видѣлъ, что дворовой крѣпостной человѣкъ его, Яковлева, Василій Семеновъ, прибѣжавъ изъ горничныхъ покоевъ его, Яковлева, въ помянутую кухню, вдругъ, когда на томъ оказѣ была топлена печь, бросилъ во оную принесшія съ собою подъ платьемъ схороненныя разныя писанныя бумаги, свернутыя по листамъ и полулистамъ, коихъ было, какъ онъ, Сущевскій, примѣтить могъ, не малое число, и оныя бумаги безъ остатка всѣ сжогъ. Это самое видѣлъ быв-

шій тогда на кухнѣ поваръ его, Яковлева, по имени Илья, а по прозванію Неизвѣстной, причемъ онъ, Сущевскій, у него спрашивалъ: на что имъ бумаги сожжены, но онъ ему нимало не отвѣчалъ, а по сожженіи уже бумагъ пошелъ поспѣшно обратно въ горничные же покои его, Яковлева. Каковое происшествіе, прибывши онъ, Сущевскій, изъ Одессы въ Николаевъ при вспрашиваніи разныхъ знакомцовъ и нѣкоторыхъ чиновниковъ о новостяхъ одесскихъ, объяснялъ. Онъ же, Сущевскій, на четвертой день по арестѣ, такъ какъ ни въ какихъ дѣлахъ противныхъ свѣдущъ и примѣшанъ не былъ, господиномъ бригадиромъ Овцынымъ освобожденъ изъ-подъ ареста.

Я изъ-за сего послѣдствія, хотя не имѣвъ ни отколь вѣрнаго свѣдѣнія о случившемся въ Одессѣ происшествіи, не вмѣняя сего происшествія въ маловажность, а возъимѣвъ сомнѣніе, не по важному-ль какому въ казенномъ дѣлѣ преступленію помянутой подполковникъ Яковлевъ арестованъ, и въ такомъ случаѣ не важныя-ль какія бумаги, преступленіе его могущія изобличить, сожжены, вошелъ, сообразуясь устава благочинія 103 и 123 статьямъ, въ изслѣдованіе и при ономъ учиненное вышеизъясненнымъ мѣщаниномъ Сущевскимъ (въ его разглашеніи полиціею примѣчено признаніе) записалъ въ журналъ, при собственноручномъ его подписаніи утвержденный, на случаи къ удобнѣйшему обнаруженію могущаго произойти въ семъ его произглашеніи истово важнаго послѣдствія, и обнаруженіи во ономъ справедливости. А такъ какъ изъ показанія его, Сущевскаго, явствуетъ, что подполковникъ Яковлевъ заарестованъ гребной флотиліи бригадиромъ Овцынымъ, то изъ-за сего заключаю я, не по преступленію-ль по адмиралтейской части учиненному и Вашему Высокопревосходительству не безъ извѣстному, онъ заарестованъ, за нужное поставляю Вашему Высокопревосходительству на благоразсмотрѣніе симъ донести.

Градоначальникъ секундъ-маіоръ Артемій Вороновскій.

Декабря 8-го
1796 года.

597.

Журналъ секретнаго комитета.

1796 года декабря 8-го дня въ отдѣленномъ секретномъ комитетѣ вице-адмиралъ Мордвиновъ объявилъ поданный ему отъ Николаевскаго градоначальника секундъ-маіора Вороновскаго рапортъ, изъ котораго явствуетъ, что подозрѣніе преміеръ-маіора Иванова на подполковника Яковлева относительно истребленія имъ важныхъ бумагъ подтверждается обстоятельствами, прописанными въ томъ рапортѣ, для того опредѣлили: какъ доноситель преміеръ-маіоръ Ивановъ совсѣмъ приготовленъ къ отправленію къ Его Сіятельству господину генералъ-прокурору и кавалеру графу Александру Николаевичу Самойлову, по прежнему опредѣленію комитета, при особомъ отношеніи, то препроводить при ономъ же точную копію съ помянутаго рапорта градоначальника Вороновскаго, а подлинный оставить при дѣлахъ комитета, которымъ учинивъ опись и запечатавъ, предоставить для храненія вице-адмиралу Мордвинову.

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.
Контръ-адмиралъ Павелъ Пустошкинъ.
Контролеръ Прокофій Дмитріевъ.
За секретаря оберъ-аудиторъ Александръ Панковъ.

598.

Ордеръ Мордвинова Иванову.

(Копія).

Господину секундъ-маіору Иванову ордеръ.

Содержащагося подъ арестомъ преміеръ-маіора Иванова, препоручая подъ вашъ присмотръ, предписываю вамъ, взявъ его немедленно, слѣдовать съ нимъ за конвоемъ въ С.-Петер-

бургъ, а по пріѣздѣ туда представить его къ господину генералъ-прокурору и кавалеру графу Александру Николаевичу Самойлову при врученномъ вамъ при семъ секретномъ къ нему отношеніи.

Н. Мордвиновъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: оберъ-аудиторъ Александръ Панковъ.

Декабря 9-го дня
1796 года.

599.

Рапортъ Мордвинова гр. Самойлову.

Его сіятельству графу Александру Николаевичу.

РАПОРТЪ.

Находящійся въ Экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей и одесскаго порта въ должности контролера преміеръ-маіоръ Ивановъ, приложенною при письмѣ своемъ къ вице-адмиралу Мордвинову отъ 24-го минувшаго ноября особливою, по секрету запискою, требовалъ, именемъ высочайшей Его Императорскаго Величества особы, дабы, не выходя изъ присутствія, былъ отправленъ онъ для важныхъ личныхъ всеподданнѣйшихъ донесеній къ Его Императорскому Величеству, и чтобъ подполковникъ и кавалеръ Яковлевъ былъ задержанъ за присмотромъ, всѣ письменныя его дѣла, деньги и сундуки запечатаны бъ были, и никто бы къ нему допущенъ не былъ, равно всѣхъ находящихся при немъ офицеровъ и людей содержать каждаго особо подъ строгимъ карауломъ. Вслѣдствіе чего, какъ ему, вице-адмиралу, извѣстно уже о подполковникѣ Яковлевѣ, что онъ по доносу о нѣкоторомъ важномъ секретномъ дѣлѣ, изслѣдованіе котораго въ недавнемъ времени высочайше возложено было на него, вице-адмирала, обще съ генералъ-поручикомъ

и кавалеромъ Хорватомъ, и о которомъ представлено уже господину генералу фельдцейгмейстеру и кавалеру князю Платону Александровичу Зубову, оказался сомнительнымъ и преклоннымъ ко вчинанію весьма важныхъ до общаго спокойствія касающихся дѣлъ, и въ разсужденіи таковаго чрезвычайнаго отъ преміеръ-маіора Иванова въ секретной его запискѣ требованія, предполагающаго важные доносы, по крайнему сомнительству дѣла, предписалъ онъ, вице-адмиралъ, секретно, командующему въ Одессѣ надъ портомъ флота капитану бригадиру и кавалеру Овцыну, дабы по полученіи того предписанія арестовать подполковника Яковлева, всѣ его бумаги, шкатулки и сундуки опечатать, и всѣхъ находящихся при немъ людей содержать каждаго подъ строгимъ карауломъ, а равнымъ образомъ и доносителя маіора Иванова, арестовавъ, представить къ нему, вице-адмиралу, какъ же онъ, Ивановъ, членъ помянутой Экспедиціи и занимаетъ въ оной должность контролера, а по таковымъ его чрезвычайнымъ требованіямъ надлежало отлучить его оттуда; при томъ же представлена отъ него была сверхъ того вице-адмиралу Мордвинову нота для соблюденія порядковъ и интересовъ государственныхъ по дѣламъ означенной Экспедиціи, заключающая въ себѣ и нѣкоторыя перемѣны людей отъ должностей, къ чему вице-адмиралъ приступить не могъ; но дабы дѣла сей Экспедиціи, въ отсутствіе маіора Иванова, сохранены были въ настоящемъ ихъ состояніи, приказано отъ вице-адмирала ему же, бригадиру Овцыну, и оныя опечатать, а чтобы между тѣмъ нужное ихъ теченіе не могло имѣть остановки, и по принадлежности Одесскаго порта по существу своему къ Черноморскому Адмиралтейскому Правленію, состоящему нынѣ по высочайшему Его Императорскаго Величества указу со всѣми портами, на Черномъ морѣ находящимися, въ вѣдомствѣ Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи, предписано бригадиру Овцыну присутствовать въ оной экспедиціи по отношенію дѣлъ ея до порта одесскаго впредь до повелѣнія; который, исполнивъ выписанное, прислалъ 30-го числа минувшаго ноября при рапортѣ своемъ и помянутаго маіора Иванова. По

поводу чего вице-адмиралъ Мордвиновъ на основаніи высочайшаго указа 1714 года апрѣля 4-го дня, пригласивъ двухъ Черноморскаго Адмиралтейскаго Правленія членовъ, контръ-адмирала и кавалера Пустошкина и контролера бригадира и кавалера Дмитріева, объявилъ оному комитету о всемъ вышеписанномъ для общаго о семъ дѣлѣ разсмотрѣнія. Комитетъ, соображая чрезвычайное требованіе маіора Иванова и предполагая, что доносъ его можетъ быть о дѣлѣ великой важности, положилъ спросить у него, для чего онъ требовалъ, чтобъ немедленно его послать къ Его Императорскому Величеству, а подполковника Яковлева содержать подъ арестомъ, запечатавъ все его имѣніе и всѣ его бумаги, а также задержать подъ строгимъ карауломъ всѣхъ находящихся при немъ людей.

На сіе маіоръ Ивановъ отвѣтствовалъ, что онъ такое чрезвычайное требованіе сдѣлалъ точно въ томъ намѣреніи, чтобы лично всеподданнѣйше донести Его Императорскому Величеству о важныхъ дѣлахъ по сомнительству о имѣющихся у подполковника Яковлева разныхъ бумагахъ и о весьма знатной денежной суммѣ, но что онъ, Ивановъ, не зная, находятся ли и теперь дѣла тѣ у означеннаго Яковлева, не можетъ точно открыть комитету о существѣ своего доноса, не сообразясь съ нужными къ тому обстоятельствами, а для того и просилъ, чтобъ дозволено ему было имѣть нѣкоторое время для соображенія всѣхъ обстоятельствъ, нужныхъ къ открытію своего доноса, требуя притомъ, чтобъ изъ находящихся у подполковника Яковлева вещей, прислана была красная шкатулка съ бумагами и деньгами, а также и прочія бумаги, какія у него имѣются въ другихъ шкатулкахъ и сундукахъ, были бы сысканы для освидѣтельствованія въ комитетѣ; въ разсужденіи же того, что подполковникъ Яковлевъ намѣренъ былъ въ скорости уѣхать въ Санктпетербургъ и дабы подъ симъ предлогомъ куда не скрылся, оставить его въ Одессѣ подъ присмотромъ, а равно всѣхъ слугъ и камердинера, бывшихъ при немъ, Яковлевѣ, также секретаря Бекетова, Казбулатова и купца Черникина, и воспретить съ содержащимися подъ стражею всякое сообщеніе и переписку.

Вслѣдствіе таковаго отвѣта въ комитетѣ положено: въ сходственность высочайшаго 1762 года октября 19-го дня о доносителяхъ узаконенія, дать ему, Иванову, время по его требованію до слѣдующаго собранія, для соображенія всѣхъ обстоятельствъ, нужныхъ къ открытію доноса, оставя его подъ надежнымъ присмотромъ; въ разсужденіи же сомнительства его о бумагахъ и деньгахъ, у подполковника Яковлева находящихся, истребовать изъ Одессы посредствомъ бригадира Овцына красную шкатулку и всѣ также его, Яковлева, бумаги для освидѣтельствованія въ комитетѣ, а деньги, сколько найдется, отдать на храненіе въ вышеозначенную Экспедицію; подозрѣваемыхъ же маіоромъ Ивановымъ помянутыхъ людей, да и самого Яковлева, по вышеизъясненному отъ вице-адмирала Мордвинова о немъ сомнительству, оставить подъ присмотромъ впредь до повелѣнія.

Но когда отъ бригадира Овцына прислана была въ комитетъ 4-го числа сего декабря означенная шкатулка и по освидѣтельствованіи не нашлось въ ней сомнительныхъ бумагъ, кои также были показаны и маіору Иванову, то и требовано отъ него, дабы, не продолжая времени, представилъ онъ письменное и обстоятельное объясненіе, о какихъ именно бумагахъ и деньгахъ подполковника Яковлева имѣетъ онъ сомнѣніе (ибо и денежной суммы у Яковлева по донесенію бригадира Овцына оказалось только четыре тысячи пятьсотъ рублей) и въ чемъ именно состоитъ существо предполагаемаго имъ доноса? На что онъ, Ивановъ, представилъ два объясненія:

Первое, въ которомъ показалъ, сколько у него, Яковлева, надлежало быть денежной суммы, и какихъ именно не явилось бумагъ, долженствовавшихъ у него быть, и притомъ важныхъ, которыя подозрѣваетъ онъ, Ивановъ, или скрыты Яковлевымъ, или истреблены; а въ другомъ объясненіи, между прочимъ, коснулся онъ до важности доносовъ втораго пункта, въ высочайшихъ о семъ узаконеніяхъ изображеннаго.

Почему комитетъ и разсудилъ за нужное повторить предписаніе объ осмотрѣ всего вообще экипажа подполковника

Яковлева, и что сыщется изъ бумагъ, прислать для освидѣтельствованія, а ежели найдутся деньги, то поступить также по прежнему положенію комитета; доносителя же преміеръ-маіора Иванова, по важности его доноса, касающагося до втораго пункта, препроводить, за карауломъ и за присмотромъ штабъ-офицера, при семъ отношеніи, купно съ копіями журналовъ, по сему дѣлу учиненныхъ, кои при семъ и приложены, на благоразсмотрѣніе къ Вашему Сіятельству и притомъ донести: что какъ подозрѣваемый маіоромъ Ивановымъ въ семъ дѣлѣ подполковникъ Яковлевъ, по объясненію вице-адмирала Мордвинова, оказался уже въ недавнемъ времени по нѣкоторому секретному дѣлу преклоннымъ ко вчинанію важныхъ дѣлъ, до общаго спокойствія касающихся, то и оставленъ онъ, Яковлевъ, попрежнему впредь до повелѣнія за присмотромъ; а въ разсужденіи того, что маіоръ Ивановъ относительно своего доноса вновь словесно подтвердилъ въ комитетѣ сомнѣніе свое и на прежде показанныхъ имъ слугъ и камердинера подполковника Яковлева, такожъ секретаря Бекетова, Казбулатова и купца Черникина, положено и ихъ имѣть подъ присмотромъ въ предосторожность по пограничности тамошняго мѣста, впредь до повелѣнія, дабы на случай востребованія могли они быть представлены.

Какъ же предъ самымъ отправленіемъ доносителя маіора Иванова къ Вашему Сіятельству, объявленъ въ комитетѣ вице-адмираломъ Мордвиновымъ поданный ему отъ Николаевскаго градоначальника рапортъ, изъ котораго Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, что подозрѣніе Иванова на подполковника Яковлева относительно истребленія имъ важныхъ бумагъ подтверждается, то и оной рапортъ въ точной копіи ко благоусмотрѣнію Вашего Сіятельства при семъ приложенъ.

Н. Мордвиновъ.

Декабря 9-го дня
1796 года.

600.

Письмо Григорьева Мордвинову.

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь
Николай Семеновичъ!

Въ первомъ письмѣ не могъ я Вашему Превосходительству обстоятельно донести, по какой причинѣ я поѣхалъ въ С.-Петербургъ. По прiѣздѣ моемъ въ деревню г-на Яковлева, потребовалъ я депеши на имя г-на Яковлева, что сейчасъ и хотѣли дать, но курьеръ, который посланъ для остановленiя оныхъ депешъ, не допустилъ до того, потому что онъ привезъ письмо, дабы никому не дать. Я же не зналъ, что дѣлать въ таковомъ случаѣ. Дабы не узнали, что я прiѣхалъ съ Вашей стороны, и чтобы Вы не почли, что я не старался въ ономъ дѣлѣ, поѣхалъ я въ С.-Петербургъ и донесъ то самое, что случилось, Его Высочеству Александру Павловичу, зачѣмъ я посланъ отъ Вашего Превосходительства. Послѣ чего я посланъ былъ къ князю Куракину [1]) и подалъ на бумагѣ, что сейчасъ и представлено было Государю, а меня послали немедленно по именному указу въ Тверь до губернатора, дабы онъ немедленно поѣхалъ со мною для взысканiя депешъ, гдѣ и нашли все то, что я показалъ. Получивъ депеши, я представилъ оныя князю Куракину. Я же нахожусь подъ присмотромъ до рѣшенiя.

Ваше Высокопревосходительство! всепокорнѣйше прошу меня не оставить, бѣднаго, въ таковомъ случаѣ, ибо я дѣйствительно сдѣлалъ изъ усердiя какъ противъ службы Его Императорскаго Величества, такъ и противъ Вашего Превосходительства, дабы вы не почли за что иное, ибо иначе нельзя было сдѣлать — точно депеши пропали бы, ежели бы я не успѣлъ, ибо по прiѣздѣ моемъ въ Тверь губернаторъ приказалъ на письменной почтѣ, чтобы письма г-на Яковлева разсматри-

[1]) Алексѣй Борисовичъ, 1768—1831, генералъ-прокуроръ.

вать, что онъ пишетъ, гдѣ и нашли, что онъ писалъ, дабы не допустить курьера съ депешами до С.-Петербурга, также и денегъ двѣ тысячи рублей, которые онъ отправилъ, будучи арестованъ.

Остаюсь,
Ваше Высокопревосходительство,
къ Вашимъ услугамъ
всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга навсегда
Прапорщикъ Іосифъ Григорьевъ.

1797 года
генваря 6-го дня.
С.-Петербургъ.

601.

Письменные отвѣты подсудимаго Мордвинова [1]).

Прежде приступленія моего къ отвѣтамъ на предложенные мнѣ вопросы, да позволенобъ мнѣ было положить на бумагу истины, прилежащія теперь ко сердцу моему, потребныя ко знанію моему, потребныя и ко знанію почтеннѣйшихъ моихъ судей.

1. Невинность забываетъ свои дѣла и событія при оныхъ. Добродушный человѣкъ, слѣдуя движеніямъ сердца, не начертываетъ ничего на памяти своей. Злобный усмотряетъ все, изыскуетъ, замѣчаетъ; испытуетъ собственныя свои мысли, отдѣляетъ потребныя для дѣла его, усѣкаетъ; все связуетъ и устрояетъ кознь.

2. Подсудимый, увлеченный отъ мѣста преступленія, является не въ истомъ уже своемъ видѣ. Все около его преобразуется, ничто не укрѣпляетъ, стоитъ единъ и безпомощенъ. Измѣняется онъ, измѣняются и судіи его. На мѣстѣ преступленія поли-

[1]) Печатается съ чернового наброска; зачеркнутыя авторомъ мѣста приводятся въ примѣчаніяхъ.

лися бы во всѣ чувства ихъ познанія, потребныя ко сужденію его. Сіе есть несчастное положеніе насъ, всѣхъ подсудимыхъ теперь. Сіе несчастіе особенно угнетаетъ меня, служеніемъ моему Государю, по волѣ Его всесвященной, во отдаленности, многіе годы. Не познаютъ меня первостепеннѣйшіе служители Его, преисполняются сомнѣніемъ ко чистотѣ сердца моего, и предначертаваютъ уже злодѣемъ. Государь, по неизъемлемому своему правосудію, первѣйшей царской добродѣтели, повелѣваетъ заключить меня и судить яко преступника. Поклоняюся и богопочитаю моего Государя.

3. Уломокъ слабо образуетъ цѣлое; единое обстоятельство не провозглашаетъ всего дѣла; различныя мысли, начертанія, не представляютъ согласія. Находятъ отрывокъ стиховъ, написана хула Государю: осуждаютъ и казнятъ; отыскиваютъ остатки, слагаютъ, и читаютъ пѣснь похвальную царю. Сія повѣсть открыла мнѣ тайну, кою постигнуть я не могъ до глубокія ночи, и до изнеможенія моего тѣла, по возвращеніи изъ почтеннѣйшаго суда. Приняли меня въ ономъ милостиво, сострадали, и по первымъ моимъ изрѣченіямъ благоволительно преклонилися ко мнѣ во мнѣніи; разглагольствуютъ; урѣкаютъ наконецъ неосторожностью. Сердце мое преклоняется; но разумъ упорствуетъ; претитъ нѣчто покориться сужденію сего прелюбезнѣйшаго сердцу моему суда. Почтеннѣйшіе мои судіи образуютъ мои поступки по дѣлу, кое не образовало оныя. Начало ихъ дѣла? доносъ Иванова. Начало моего? доносъ Яковлева. Доносъ Иванова есть отрывокъ дѣла, доносъ Яковлева есть купность дѣла. Я мыслилъ, разсуждалъ, поступалъ по бумагамъ Яковлева; почтеннѣйшій судъ заключаетъ и опредѣляетъ по единой бумагѣ Иванова. Читая бумаги, предлежащія на столѣ ихъ, являюсь я преступникомъ; по бумагамъ вкупѣ Яковлева, со скорбнымъ, но твердымъ гласомъ изрекаю: я невиненъ.

Примѣчаю и молю примѣтить: осуждаютъ меня во мщеніи и требуютъ моего оправданія. Безопасность бытія моего и охраненіе чести могли бъ сей разъ и поколебать мое велико-

душіе; но заданіе самое уста мои уже сопрягаеть. Почтеннѣйшіе мои судіи, уклоните милосердіе ко краткости доказательствъ моихъ.

Отвѣчаю на вопросы.

На 1-й пунктъ.

Маіоръ Ивановъ присылаетъ ко мнѣ изъ Одессы въ Николаевъ курьера съ письмомъ, съ запискою, надписанною по секрету, съ нотою до перемѣнъ, касающихся въ Экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей и порта Одесскаго, рапортъ въ Экспедицію о присланныхъ къ нему деньгахъ отъ Яковлева, письмо Яковлева къ нему и 500 рублей денегъ, присланныхъ Яковлевымъ къ Иванову. Всѣ сіи бумаги въ комітетѣ разсматриваны были, зашнурованы и припечатаны. При оныхъ бумагахъ присланы были двѣ еще записки, не подписанныя никѣмъ; сколько я могу воспомнить, въ одной упоминаемо было о различныхъ рѣчахъ Яковлева, неприличныхъ и дерзкихъ, въ другой, помнится, что касалося лично до меня, но не упомню, что такое, ибо безъ вниманія глазами только просмотрѣлъ. Сіи двѣ записки я сжегъ отъ неуваженія къ онымъ, почитая ихъ недостойными вниманія и неуразумѣвая никакъ, что то былъ его доносъ, и принялъ ихъ за глупыя извѣстія, кои глупый человѣкъ мнѣ сообщаетъ. Уважилъ я письмо его, въ коемъ пишетъ онъ, что долженъ будетъ секретно уѣхать прямо къ Императору или пропадетъ, если не окажу я вспомоществованія ему; уважилъ также записку по секрету, въ коей, именемъ высочайшей Его Императорскаго Величества особы, требуетъ, чтобъ отправленъ онъ былъ для важныхъ личныхъ всеподданнѣйшихъ донесеній къ Его Императорскому Величеству; уважилъ я по сей же запискѣ и требованіе его о строжайшемъ арестѣ подполковника Яковлева, потому что сей по дѣлу, судимому въ Херсонѣ, явился не токмо подозрительнымъ, но могущимъ по рѣшенію его дѣла здѣсь, въ столицѣ, куда оно отослано было, оказаться преступникомъ вышней степени—доказаннымъ по изслѣдованію сочинителемъ ложныхъ извѣстій

въ С.-Петербургъ о бунтѣ въ Херсонѣ [1]) и Николаевѣ, и потому рѣшеніе дѣла сего мнѣ тогда неизвѣстно было. Сіе было причиною содѣланной мною ошибки арестованіемъ его, Яковлева. Имѣю честь представить ордеръ князя Платона Александровича Зубова, копію съ высочайшаго указа и выписку изъ письма Яковлева, которая изображаетъ причину комиссіи тайной, въ Херсонѣ учрежденной, въ коей я и генералъ-лейтенантъ Хорватъ судьями по высочайшему указу опредѣлены были. По роду требованія маіора Иванова, мыслилъ, что имѣетъ онъ важное ко открытію, и записку о рѣчахъ Яковлева не воображалъ [2]) я доносомъ.

На 2-й.

Въ нотѣ, присланной ко мнѣ Ивановымъ, о перемѣнахъ, долженствующихъ учрежденными быть въ Экспедиціи для соблюденія порядка и интересовъ государственныхъ, усматривалъ я въ 1-мъ пунктѣ, что четыре изъ присутствующихъ въ отлучкѣ тогда были; во 2-мъ требуетъ онъ освидѣтельствовать казну; въ 5-мъ предписываетъ о храненіи въ Экспедиціи книгъ счетныхъ и прибавляетъ съ исправною описью; въ 6, 8 и 9-мъ означаются предложенія, ко отвращенію настоящаго безпорядка

---

[1]) См. выше, №№ 567 и слѣд.

[2]) Мнилъ же предъ Богомъ объявляю, погрѣшительно согласуюсь, но мнилъ Яковлева преклоннымъ ко всякому злому начинанію. Упоминаю при томъ, что Яковлевъ по дѣлу Херсонскому не мыслилъ сочинять во оскорбленіе Величества, но ко личной досадѣ и вреду: не отягощаю его мнѣніемъ моимъ. Признаюсь при томъ, что разумъ мой въ тѣ времена напуганъ былъ, и въ смягченіи разсудка писалъ о арестѣ: вѣроятно, что ослабѣлъ и благоразуміемъ, Я десять лѣтъ страдалъ и мучился въ томъ краю, въ послѣднія времена ожидалъ ежечасно заточенія, казни или смерти, воспоминая сіи времена; естлибъ я могъ открыть мое сердце, восплакали бы и камни о мнѣ. Да обратитъ Господь Богъ мой сердце премилосердое Государя моего ко мнѣ, паду ко стопамъ Его и не возстану, доколѣ не успокоитъ царскимъ своимъ словомъ о спасеніи меня отъ того края. Мучительно мнѣ пять день заключеннымъ быть; узникъ былъ я 20 мѣсяцовъ въ Херсонѣ, со гноющими тѣлами жены и дѣтей моихъ.

нужныя; въ 10-мъ требуетъ дѣлъ никакихъ изъ Экспедиціи ни къ кому не носить. Сія нота, сіи его требованія и подписка его на первомъ мѣстѣ, «въ должности контролера преміеръ-маіоръ Михаилъ Ивановъ», полагалъ я, что обязываетъ меня, яко начальника и предсѣдательствующаго въ Черноморскомъ Правленіи, коему по высочайшему указу портъ одесскій поступилъ въ вѣдомство и Экспедиція, для сооруженія онаго учрежденная, принять всевозможную осторожность. Не приступая, однако, ко перемѣнамъ требуемымъ, заключилъ я за лучшее запечатать всѣ бумаги до познанія истиннаго дѣла, и на время отсутствія доносителя Иванова самаго, яко члена, контролера, хранителя счетовъ и по уставу морскому яко прокурора, старшему въ Одесскомъ портѣ капитану бригадирскаго чина Овцыну предписалъ я присутствовать въ Экспедиціи, дабы не воспослѣдовала остановка въ теченіи дѣлъ.

На 3-й.

По открытіи шкатулки и показаніи Иванову всѣхъ въ оной бумагъ содержащихся, произнесъ онъ нѣсколько словъ весьма краткихъ, не могу припомнить точно ихъ, но изъявляющихъ удивленіе свое; отступилъ отъ стола и сказалъ: «на письмѣ подамъ», или сему подобное. Подтвержденіе о содержаніи подполковника Яковлева и прочихъ воспослѣдовало по его же повторительному требованію, какъ усмотрѣть можно изъ бумаги, имъ поданной въ комитетъ. Но скоро впослѣдствіи предписалъ я Казбулатова, Черникина отдать на поруки и прочихъ также.

На 4-й.

О уваженіи моемъ къ требованію маіора Иванова донесъ я выше, какія причины побуждали меня къ оному. Я уразумѣвалъ изъ словъ указа 1762 года, что снисхожденіе закона прилежитъ къ людямъ, до коихъ подозрѣніе только коснулося; но Яковлева зрѣлъ я дѣломъ и сужденіемъ оказавшагося преступникомъ.

На 5-й.

Копія съ высочайшаго указа, ордеръ князя П. А. Зубова и выписка изъ письма Яковлева, представляемые мною, означать сіе дѣло. Я мыслю, что безъ свѣдѣнія сего дѣла и разсмотрѣнія онаго, сужденіе настоящее недостаточествуетъ потребнымъ для извлеченія истины и положенія суда праваго; ибо доносъ Иванова есть бумага, принадлежащая къ бумагамъ Яковлева и единая ко многимъ: отрывокъ малѣйшій отъ цѣлаго.

На 6-й.

Шестый сей пунктъ мнѣ невразумителенъ. Не можетъ онъ быть основанъ какъ на тайномъ доносѣ, мнѣ неизвѣстномъ. Съ маіоромъ Ивановымъ не имѣлъ я никакого знакомства; прошу сіе изслѣдовать; имѣлъ ли я какую съ нимъ связь? зналъ ли я о намѣреніяхъ его доносить? способствовалъ ли я въ сочиненіи онаго доноса? не прислалъ ли онъ мнѣ бумаги свои по собственному своему вознамѣренію? и не по онымъ ли самымъ бумагамъ первымъ приказалъ я арестовать его самаго и Яковлева, оказавшагося прежде въ подозрѣніи, и приближенныхъ сего. Сіе предлежитъ почтеннѣйшему суду изслѣдовать и не полагать на вѣру или сомнѣніе. Если Ивановъ оклеветываетъ меня, да позволено бъ ему было стать предъ лицомъ моимъ, и утверждать, что содѣйствовалъ я въ душѣ его, когда помыслилъ, приступилъ и отправилъ онъ ко мнѣ доносъ. Но не сіе ли самое разумѣетъ маіоръ Ивановъ, что объявлялъ мнѣ присланный отъ него капитанъ, «что въ тотъ самый день кончено, маіоръ Ивановъ намѣренное свое дѣло уже совершилъ». Сіи слова способствовали также ко рѣшенію моему дать ордеръ объ арестѣ его. Я позналъ изъ сихъ словъ человѣка, твердо предпріявшаго исполнить намѣреніе свое, когда бы и не внялъ я требованіе его, объявленное мнѣ именемъ высочайшей Его Императорскаго Величества особы и утверждаемое, что безъ вспомоществованія моего секретно онъ уѣдетъ прямо къ Императору. Я Иванова не зналъ: прошу утвердить истину сію

изслѣдованіемъ строжайшимъ. Страшился я и уклониться отъ требованія его: усматривалъ въ немъ человѣка отчаяннаго [1]).

Прочитываю вторично сей 6-й пунктъ: какой планъ? какое наставленіе? что здѣсь значитъ неизвѣстность? во осужденіе ли мое или во оправданіе совершеннаго моего невѣдѣнія о дѣлахъ Иванова, о намѣреніяхъ его, о побужденіяхъ прошу допросить его самаго—то ли самое онъ разумѣетъ, что предложено мнѣ къ отвѣту. Не принадлежать ли къ сему слова его письма: «безъ чего я пропаду»; не мыслилъ ли онъ, что убьютъ его при доносѣ и потребна ему стража для охраненія тогда жизни его? Не сіе ли единственное вспомоществованіе мнилъ онъ требовать отъ меня? Вопросите, милостивые государи, его. Я самъ развязать не могу, что мыслилъ въ тѣ часы Ивановъ и какъ являюсь я соучастникомъ съ нимъ. Онъ сказывалъ мнѣ, что намѣренъ былъ прежде подать доносъ князю Волконскому, но пронесся тогда слухъ, что онъ умеръ.

На 7-й.

Прапорщикъ Григорьевъ является ко мнѣ и объявляетъ, что подполковникъ Яковлевъ отправилъ курьера предъ арестомъ съ дѣлами, потомъ вскорѣ другого, для удержанія перваго, съ приказаніемъ ожидать его самаго тамъ, гдѣ отыщется первый курьеръ. Предлагаетъ отправить его для возвращенія тѣхъ обоихъ курьеровъ и для отобранія у нихъ дѣлъ. Устраняясь сколько возможно и благодушествуя, не внемлю я сихъ предложеній; приходитъ другой день и не третій ли, не упомню;

[1]) Но коль болѣзненно мнѣ было приступить къ сему! Уступите мнѣ, милостивые государи, малѣйшую часть чувствительности моей и благодушія. Государь Императоръ возступаетъ на престолъ и первая вѣсть притекаетъ отъ меня непріязненная! Боже мой, сколько разъ возопилъ я въ душѣ моей: сердце государево изливается теперь во благомысліяхъ и сильныхъ потрясеніяхъ радости всего своего народа, и се казнь въ первые часы Ему представляютъ. Я сплю глубоко и теперь въ униженнѣйшемъ моемъ состояніи, пріемлю успокоеніе при первомъ возлежаніи на постелю; тогда же три ночи сомкнуть не могъ я глазъ. На мѣстѣ указалъ бы людей, пришедшихъ во смятеніе отъ воззрѣнія на волнованія пораженной моея души.

уговариваютъ меня; воспоминаютъ, что утрачены бумаги, до дѣла государственнаго касающіяся, что доноситель Ивановъ на письмѣ оставилъ требованіе о отысканіи оныхъ; наконецъ, преклоняюсь къ почи; даю Григорьеву подорожную и дозволяю ѣхать. Сердце мое не дозволяетъ даже принять ни каковыхъ осторожностей во успѣхѣ его посланія [1]).

На 8-й.

Восьмый сей пунктъ есть истина. Отвѣчаю: увѣщевалъ я присланнаго курьера отъ Иванова, вразумлялъ его, да вразумитъ Иванова; далъ ему ордеръ, велѣлъ оный прежде вручить Иванову, да помыслитъ, раскается, уничтожитъ намѣряемое имъ дѣло [2]).

На 9-й.

Списхожденія никакого особеннаго не оказывалъ я Иванову [3]). Строгость противъ Яковлева употребилъ я по смыслу

[1]) Многіе, не познающіе дѣло Яковлева, увеличивали и устрашалися оному, мысля о верховнѣйшемъ преступленіи, объ оскорбленіи Величества. Въ тѣ времена великодушествовать я долженъ былъ не токмо противъ враговъ моихъ, но и противъ друзей, преисполнившихся страха о чести и дняхъ моихъ. Я благодушествовалъ съ вѣрою на Бога. Я поступалъ по совѣсти моей и по совершенному знанію существа дѣла. Не было оскорбленія Величества; оскорбленіе было только противъ послѣдняго его раба. Самъ Ивановъ, вѣроятно, въ подобныхъ другимъ былъ заблужденіяхъ. Имя Яковлева было въ странѣ нашей страшилищемъ; онъ самъ объявлялъ себя соглядатаемъ по всей нашей странѣ; тако и мнѣ самъ сказалъ. А сей Яковлевъ въ глазахъ моихъ глупый, продерзкій человѣкъ, достойный ко смиренію, до изученія катехизиса вѣры христіанской.

[2]) И душа моя возсылала моленія ко Господу о семъ. Злоумышленникомъ ли здѣсь являюсь я? руководителемъ, наставникомъ, мстителемъ? Сія отвлеченная тайна мещетъ струю чистѣйшую и омываетъ лицо мое неповинное.

[3]) Если господинъ Ивановъ разумѣлъ записку свою, присланную ко мнѣ, о рѣчахъ Яковлева планомъ доноса его, то я не такъ оную разумѣлъ. Благодаренъ я ему притомъ, что не простымъ словомъ, но уборнымъ называетъ меня дуракомъ. Неужели бредни могли начертать въ моемъ разумѣ планъ доноса, къ коему приступилъ онъ

строжайшаго указа, повелѣвавшаго не взирать ни каковое лицо: предлежалъ сей строгости по изслѣдовашному дѣлу сей господинъ Яковлевъ. Ему, Яковлеву, оказалъ я тѣ же снисхожденія, какія по благонравію оказываю я всѣмъ и оказывалъ Иванову. Еще болѣе: ибо Иванову не перемѣнялъ я квартиру, три раза, жилъ онъ въ худшей, въ передней, у униженнаго однодворца; и никто меня не спрашивалъ, что требуетъ онъ toutes sortes de delicatesses, которые повелѣлъ я французу, эконому кадетскаго корпуса, отпущать для Яковлева, отвѣчая сему французу: M-r Batiste, sans doute, donnez lui tout ce qu'il vous demande; приказавъ ему отпущать на двѣ персоны и счетъ мнѣ подавать. Денегъ я ему не давалъ; я зналъ, что не имѣетъ онъ надобности въ оныхъ. Господина Яковлева перевезъ я изъ Одессы, потому что предосудили меня о ослабномъ его тамъ содержаніи, боялися, что уѣдетъ за границу, которая въ 90-ти верстахъ, а потребовать его могутъ. Въ Николаевѣ помѣстилъ его въ домѣ подполковника-шхипера. Услышалъ, что дозволяютъ къ нему всякому ходить; сіе прогнѣвило меня не противъ Яковлева, но противъ подполковника-шхипера, моего подчиненнаго, за ослушаніе; перевожу его въ другой домъ, не во угнетеніе его, Яковлева, но въ наказаніе шхипера. Сію квартиру избралъ контръ-адмиралъ Пустошкинъ; мнѣ помнится, былъ я тогда въ Херсонѣ. На другой половинѣ сего дома живетъ полковница Тизделева; домъ сей противъ кадетскаго корпуса, на главной улицѣ города Николаева, «съ колонадою». Возвращаюсь изъ Херсона, приходитъ офицеръ отъ Яковлева, объявляетъ, что холодно въ его комнатахъ; посылаю офицера другія отыскать; переводятъ въ комнату, гдѣ жилъ коллежскій совѣтникъ Афонинъ [1]), ученый мужъ. Проситъ Яковлевъ меня видѣть, призываю; вопрошаю, не имѣетъ ли онъ какой надобности;

съ громомъ и страшнымъ своимъ воплемъ. Какъ бредни, я бросилъ ихъ въ огонь и посылалъ секретаря моего посовѣтовать ему бредней впредь и не представлять. Глупой Яковлевъ говоритъ, а Ивановъ глупой на бумагу кладетъ. Преудивительная моя судьба! А я съ ними третій созерцаюсь и недоумѣваю.

[1]) Матвѣй Ивановичъ, профессоръ естествознанія.

жалуется, что и сія его квартира худа; приказую офицеру искать другую, лучшую; а если нѣтъ казенной, отыскать и нанять вольную; проситъ меня Яковлевъ прохаживаться по городу—дозволяю съ офицеромъ. Ниже взглядомъ не огорчилъ я сего господина Яковлева никогда [1]); приказываю довольствовать столомъ французу-эконому. Отправилъ его въ С.-Петербургъ въ коляскѣ подполковника-шхипера. Не давалъ я ему денегъ, потому что подполковникъ-шхиперъ спрашивалъ меня, что ему дѣлать съ 500 рублями, которые Яковлевъ на квартирѣ оставилъ; приказалъ я ему отдать ихъ.

На 10-й.

Секретарь мой Людоговскій, отвѣтствую, не совѣтовалъ господину Иванову о важности не открывать въ комитетѣ. Отвѣтствую за него, ибо сей Людоговскій есть благовоспитанный человѣкъ, коего Иванъ Ивановичъ Шуваловъ удостоилъ почитать себѣ другомъ, далъ мнѣ по слабости здравія его въ теплѣйшую страну, и я почитаю его премного. Не мнитъ ли Ивановъ, что лишилъ я его всей важности доноса его, отсовѣтывая пустыхъ рѣчей за дѣло не поставлять [2]).

На 11-й.

[3]) Ивановъ прислалъ ко мнѣ записку, кою бросилъ я въ

---

[1]) И не повѣдаю, какъ во хладное сердце, не обуреваемое страстью, ибо незнакомы мы, вложилъ онъ злобу противъ меня, и всѣми мѣрами очертаваетъ злодѣемъ.

[2]) Безъ дѣла Херсонскаго и я понимаю мою глупость, переѣхавши двѣ тысящи верстъ; но глупость моя и другихъ, пребывающихъ въ отдаленности, произошла отъ совершенной неизвѣстности, какъ возрѣто здѣсь на дѣло Яковлева; ибо дѣло Яковлева имѣло страну мрачную.

[3]) Имѣю честь донести коммиссіи, что предпріятіе и дѣло Иванова было мнѣ совершенно неизвѣстно. Пишу большими чертами, желалъ бы внести и укрѣпить оныя во сердцахъ вашихъ, милостивые государи, и неизгладимо. Сей запросъ ударяетъ меня сильнѣе мечей; мятетъ всю нравственность мою и потрясаетъ: злодѣемъ быть я не смогу, душа моя отвѣчаетъ предъ создавшимъ ее въ чистотѣ. Во время ареста Иванова въ Николаевѣ услышалъ я, что занимается онъ сочиненіемъ доноса. Желаю видѣть, ибо страшусь, болѣзную о немъ, болѣзную о всѣхъ.

огонь; мыслю, что еще новую таковую же сочиняетъ. Приноситъ, удивляюсь, говорю ему, увѣщиваю, воспоминаніемъ о величіи именъ, упрашиваю отбросить все преогорчающее слухъ и сердце. Умоляю даже снисхожденіемъ его къ худороднѣйшимъ, кои могли быть, говорю ему, вовлечены угожденіями, робостью, во прегрѣшенія и ослабленіе въ должностяхъ своихъ; благодушествую тако съ нимъ; стараюся укрѣпить его въ благомысліи, истребить въ немъ воспаленіе и удержать отъ всего, что можетъ, по мнѣнію его, паче погубить Яковлева. Два раза его я укрощаю; посылаю еще Людоговскаго, добросердаго человѣка, усовѣщевать и отклонить его отъ зла. Желаю душевно, чтобъ Ивановъ явился только съ тѣмъ, что писано въ рапортѣ комитета [1]).

На 12-й.

На сей пунктъ сообразно отвѣчаю вышнимъ. Моя вся вина состоитъ въ томъ, что ножъ Иванова отнималъ.

На 13-й.

[2]) Иванова не успокоивалъ я на случай опасности и несостоянія на подполковника Яковлева всего доказать; ибо отъ

---

[1]) Я мыслю, что нѣкое отчаяніе нынѣ возмутило его вновь и вновь ожесточило. Человѣколюбіе влагаетъ во меня мысль и я дерзаю подать совѣтъ: снисходительно и милосердо съ нимъ поговорить; успокоить его, дать ему время притти въ себя и расположить его ко откровенію, тогда изслѣдить его душу и познать истинное его состояніе. Я мыслю, что онъ преогорчился, остервененъ отъ страха.

[2]) Во истину и стѣны дома моего глаголятъ! Какъ познаютъ все, что я дѣлаю и въ тайнѣ! И сіи 200 рублей поставлены вопреки добродѣтелямъ моимъ. Помогалъ Иванову и во ущербъ своея казны; усовѣтовалъ, укрѣпилъ и напутствовалъ богатствомъ. Меня емлютъ злато въ рукѣ дающаго милостыню нищему, яко татя похищающаго злато у нищаго: разслабилъ и уготовилъ ко злу Иванова. Какъ пишу я не для народнаго извѣщенія, но въ тайной, и предъ Богомъ объявляю, долженъ я 70 тысячъ рублей, изъ коихъ прошу познать, во странахъ, мною обитаемыхъ, кая часть роздана на милостыню. Памятно мнѣ, въ прошломъ году, издержано, ибо сосчиталъ книги, 6.700 рублей. Проситъ Ивановъ 200 рублей, даю ему; и сіи 200 рублей суть чистая и неоскверненная милостыня.

всего намѣряемаго удерживалъ я его; желалъ уста ему заградить; остановить его при дѣлѣ единомъ: не новомъ, старомъ и извѣстномъ уже; изнималъ изъ рукъ его тяготу новую, налагаемую имъ на несчастнаго [1]).

На 14-й.

Касательно до содержанія Яковлева, уже отвѣчалъ; капитану Горчакову, Козбулатову дозволилъ жить, гдѣ они пожелаютъ въ Николаевѣ и безъ караула; Бекетова помѣстилъ въ домѣ господина Скадовскаго, со знакомыми ему людьми; Черникина отпустилъ въ Одессу; двухъ людей Яковлева, не знаю, гдѣ содержали, но безъ всякой строгости, ибо бесѣдовали они по трактирамъ.

На 15-й.

Сей пунктъ въ другихъ мѣстахъ отвѣтствованъ.

На 16-й.

Какая была рѣчь о генералъ-лейтенантѣ Хорватѣ и вице-адмиралѣ де-Рибасѣ, моя память не начертавала ничего, и солгать здѣсь не долженъ. Не оспариваю, вѣроятно, что и говорилъ объ нихъ.

На 17-й.

Помню, что Ивановъ просилъ дозволенія отправить письмо къ статскому совѣтнику Нелединскому-Мелецкому [2]), но о бумагахъ не упомню; и я на то былъ согласенъ, ибо къ Государеву секретарю.

---

[1]) Я воображаю сего Иванова, стоящаго на крутизнѣ брега, падущаго, емлющагося за меня; погружается, увлекаетъ—не для гибели моей, для возникновенія своего. Проливаю слезы надъ участью его. Ущедряя меня полнотою милосердія вашего, кою проліяли вы, почтеннѣйшіе мои судіи, ко мнѣ; удѣлите и сему злощастному. Онъ вашъ подсудимый, равное имѣетъ право ко человѣколюбію и равнодушію вашему. Я уразумѣлъ, что преогорчилися вы противъ него за оклеветаніе меня: младъ, силенъ во страстяхъ и страхомъ пораженъ предъ вами.

[2]) Юрій Александровичъ, 1752—1829, писатель.

На 18-й.

Сей запросъ можетъ быть объясненъ дѣломъ самымъ, въ Херсонѣ произведенномъ, гдѣ истина познана будетъ; а въ выпискѣ сей нѣтъ оной. Волкова здѣсь на меня показаніе есть пресовершенная ложь, а Волковъ явится въ своемъ видѣ по прочтеніи дѣла Херсонскаго. Хотя и сокровенно оно, но блещетъ мѣстами истиною. Сія статья принадлежитъ ко статьямъ тайнымъ, коихъ познать я никогда не старался: вервь тайная, коею въ странѣ нашей сплетаютъ обманъ, клевету и ухищреніе ко злу. Волковъ есть узелъ; когда его развяжутъ, то сокровенное все изъять на свѣтъ возможно будетъ. Безъ сего всѣ мы, подсудимые, во тмѣ стоящіе предъ вами, почтеннѣйшіе судіи.

602.

Покаянное письмо Иванова Мордвинову.

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Благодѣтель
Николай Семеновичъ!

Предпринятое мною ко добру многихъ, свершилось собственнымъ и крайнимъ моимъ несчастіемъ. Ваше Высокопревосходительство болѣе всѣхъ извѣстны о винѣ моей, ежели опредѣлено почитать виною должное желаніе блага Монарху и отечеству. Обязанъ всю мою жизнь приносить слезныя молитвы Создателю о благоденствіи всемилостивѣйшаго Государя за дарованную жизнь, тогда когда все стремилось на мою погибель. Но жизнь мою нынѣшнюю долженъ ли я почитать иначе, какъ влаченіемъ подъ тягостнѣйшею неволею. Всеблагому попечителю наймалѣйшей въ свѣтѣ пылинки откровенна душа моя—повинуюсь святой Его волѣ! Сокрушенныя слезы, приносимыя отъ бренности моей, когда либо исходатайствуютъ милосердіе благосердаго Монарха.

Отъ меня требовали признанія въ наученіи доноса Вашимъ Высокопревосходительствомъ. Противъ христіанской совѣсти, могъ ли я сказать ложь, не сдѣлавши себя презрительнымъ предъ всѣмъ свѣтомъ. Мнѣ же должно предстать еще по премѣненіи въ бренность предъ судъ Творца вселенныя. Тамъ изъято всякое лжесвидѣтельство.

Сокрушаюсь, что Ваше Высокопревосходительство, по своему благотворенію ко мнѣ и по любви къ отечеству, получили другое возмездіе. Всевышній да благословитъ дни ваши, и да воздасть вамъ вся благая, по желанію многихъ добродѣтельныхъ и облагодѣтельствованныхъ вами.

Когда Создатель воззритъ на правоту души вашей и благословитъ ваше достояніе, не забудьте тогда, Милостивый Благодѣтель, о несчастномъ, прешедшемъ множество тюремъ и влачащемъ тягостную жизнь въ Сибири.

Удостойте, Милостивый Благодѣтель, благотворительнаго вашего вспоможенія дядю моего родного маіора Ивана Сергѣевича Кузмина и г. майоршу Катерину Юрьевну Колонтаеву въ принятіи сына ея въ корпусъ для наукъ. Я, бывъ ей долженъ семью тысячами рублями, нынѣ послалъ довѣренность на требованіе заплаты изъ моего недвижимаго имѣнія, а въ случаѣ, ежели оно будетъ оцѣнено дешевле должной суммы, то на владѣніе онымъ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностію пребуду до гроба
Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго благодѣтеля
преданнѣйшимъ и нижайшимъ слугою
Несчастный
Михаилъ Ивановъ.

Марта 20-го дня
1797 года
Великій Новъ-городъ.

XIV.

ГРЕКИ И ЛЕВАНТИНЦЫ

ВЪ РУССКОЙ СЛУЖБѢ.

603.

Списокъ штабъ и оберъ-офицеровъ изъ грековъ и другихъ Левантскихъ жителей, поступившихъ въ послѣднюю съ турками войну и состоящихъ въ вѣдомствѣ Черноморскаго Адмиралтейскаго Правленія [1]).

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
Капитанъ-лейтенанты:				По командными показаніямъ не въ свойственныхъ званію офицерскому должностяхъ не упражняются, а занимаются единственно службою.
Лазарь Марангопуло.	Изъ вольноопредѣляющихся грековъ.	Покойнымъ генералъ - фельд - маршаломъ княземъ Потемкинымъ въ прапорщики 788 августа 7, въ мичманы 788 октября 26, въ лейтенанты 791 генваря 29, по именному указу за взятіе Измаила въ капитанъ-лейтенанты 792 марта 31.	Въ Николаевѣ.	
Николай Стомати.	Изъ грековъ.		Въ Кичкасахъ.	
Лейтенанты:				
Мануйло Вальяно.	Изъ греческихъ дворянъ.	Княземъ Потемкинымъ въ мичманы 788 августа 7, лейтенантомъ 789 генваря 2.	Въ Таганрогѣ.	

[1]) См. выше, №№ 179, 495, 498 и 499

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
Дмитрій Кондури.	Изъ венеціанскихъ купцовъ.	Княземъ Потемкинымъ 788 августа 7 прапорщикомъ, 788 октября 6—мичманомъ, 789 генваря 2 лейтенантомъ.	Въ Севастополѣ.	По командным показаніямъ
Николай Вальяно.	Изъ греческихъ дворянъ.	Княземъ Потемкинымъ 788 августа 7 прапорщикомъ, того жъ года октября 26 мичманомъ, 791 генваря 20 лейтенантомъ.		
Иванъ Зворонo.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ 788 августа 7 прапорщикомъ, 789 генваря 2 мичманомъ, 791 генваря 20 лейтенантомъ.		
Иванъ Кондогури.	Изъ венеціанскихъ купцовъ.	Княземъ Потемкинымъ 788 іюня 1 прапорщикомъ, 790 августа 1 подпоручикомъ, 791 генваря 29 лейтенантомъ.	Въ Херсонѣ.	
Зосимъ Михайлопуло.	Изъ венеціанскихъ купцовъ.	Княземъ Потемкинымъ 788 іюня 1 поручикомъ, 789 генваря 2 мичманомъ, Черноморскимъ Правленіемъ 794 апрѣля 6 лейтенантомъ.		Занимается водоходною коммерціею

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
Дмитрій Панитоpo.	Уроженецъ о-ва Пелопонеса изъ дворянъ.	Княземъ Потемкинымъ въ прапорщики 789 августа 28, мичманомъ 791 генваря 29, Черноморскимъ Правленіемъ отставленъ 793 марта 8 лейтенантомъ, а 795 ноября 2 принятъ опять въ службу.	Въ Херсонѣ.	не въ свойственныхъ званію офицерскому должно-
Мичманы:				
Михайло Калосъ.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ 790 сентября 12 прапорщикомъ, 791 генваря 1 мичманомъ.	Въ Севастополѣ.	
Егоръ Саморупо.		Княземъ Потемкинымъ въ прапорщики 788 октября 26, въ подпоручики 789 апрѣля 17, въ мичманы 791 года генваря 29.		
Зосимо Купо.		Княземъ Потемкинымъ въ подпоручики 789 апрѣля 14, мичманомъ 791 генваря 29.	Отпущенъ по паспорту Правленія 796 сентября 23 на о-въ Кефалонію на годъ.	
Андрей Тунда.		Княземъ Потемкинымъ 789 ав-	Въ Одессѣ.	

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
		густа 20 прапорщикомъ, 791 генваря 29 мичманомъ.		...стяхъ не упражняются, а
Шхиперъ 2-го ранга:				
Иванъ Юрьевъ.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ 789 іюня 6 произведенъ въ прапорщики и оберъ-боцманомъ во флотѣ съ старшинствомъ 789 апрѣля съ 14, въ шхиперы 794 декабря 29.	Въ Севастополѣ.	
Оберъ-лоцманъ поручичьяго чина:				
Паніотъ Анастасіевъ.		Княземъ Потемкинымъ изъ лоцмановъ въ подпоручики 791 генваря 20, Правленіемъ въ поручики 796 іюня 18.		
Лоцманы прапорщичьяго чина:				
Яни Кирьяно. Антонъ Чолаки.		Правленіемъ Черноморскимъ 796 мая 1.		
Япи Леванп.		Правленіемъ же принятъ изъ отставки тѣмъ же чиномъ 796 іюля 16.		

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находится.	Чѣмъ занимаются.
Подполковникъ.				
Георгій Кандіотъ.	Греческой націи изъ старшинскихъ дѣтей.	Принятъ въ службу графомъ Орловымъ 770 мая 18 прапорщикомъ, имъ же произведенъ 771 марта 26 поручикомъ, апрѣля 6 капитаномъ, 773 апрѣля 23 маіоромъ, военной коллегіею отставленъ 785 подполковникомъ, а княземъ Потемкинымъ 788 іюня 16 принятъ опять въ службу тѣмъ же чиномъ.	Въ Таганрогѣ.	занимаются единственно
Секундъ-маіоры:				
Георгій Гунали.	Изъ итальянцевъ.	Княземъ Потемкинымъ 788 августа 7 капитаномъ, 791 генваря 20 маіоромъ.	Въ Севастополѣ.	
Мануйло Спорити.	Греческой націи.	Изъ придворныхъ камеръ-лакеевъ въ Малороссійскій гренадерскій полкъ 780 генваря 13 поручикомъ, 787 іюня 28 капитаномъ, княземъ Потемкинымъ въ секундъ-маіоры 791 генваря 29.	Въ Одессѣ.	

	Изъ какихъ поступили въ службу,	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
Анастасій Дмитріевъ.	Изъ грековъ.	Вступилъ въ службу съ 770 во время прежде бывшей съ турками войны, а произведенъ въ капитаны графомъ Орловымъ 774 октября 18; во время послѣдней войны находился въ Балтійскомъ гребномъ флотѣ, за что и произведенъ по именному указу 26 іюня 794 въ секундъ - маіоры въ Черноморскій флотъ.	Въ Николаевѣ.	Службою.
Егоръ Еродиматовъ.	Изъ грековъ.	Графомъ Орловымъ изъ волонтеровъ 771 марта 1 поручикомъ, 774 сентября 11 капитаномъ и тогожъ года военною коллегіею отставленъ отъ службы тѣмъ же чиномъ, княземъ Потемкинымъ принятъ въ 789 іюля 11 опять въ службу, Черноморскимъ Правленіемъ 796 іюня 5 произведенъ секундъ-маіоромъ.	Въ Таганрогѣ.	По командамъ
Егоръ Альбертовъ.	Бѣломорскаго о-ва Пино изъ купечества.	Княземъ Потемкинымъ принятъ въ службу изъ Арнаутскихъ пра-	Въ Херсонѣ.	

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
		порщиковъ 790 апрѣля 29 тѣмъ же чиномъ, въ подпоручики 790 маія 26, въ капитаны 791 генваря 29, а въ маіоры 796 іюня 28 по именному указу.		Показаніямъ пе въ свой-
Капитаны:				
Андрей Скондраковъ.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ 788 августа 7 прапорщикомъ, 789 генваря 2 поручикомъ, 791 генваря 20 капитаномъ.	Въ Севастополѣ.	
Иванъ Типальдо.	Изъ венеціанскихъ дворянъ.	Княземъ Потемкинымъ подпоручикомъ 788, поручикомъ 790 декабря 1, Черноморскимъ Правленіемъ въ капитаны 796 іюня 5.	Въ Таганрогѣ.	
Дмитрій Кази.	Изъ греческихъ дворянъ.	Княземъ Потемкинымъ прапорщиками 787, поручиками 789, Черноморскимъ Правленіемъ въ капитаны 796 іюня 5.	Въ Севастополѣ во 2 батальонѣ.	
Марко Карандино.				
Иванъ Мариновичъ.	Изъ грековъ.	Принятъ изъ отставки Правленіемъ 793 августа 3 поручикомъ, 796 іюня 5 про-	Въ Херсонѣ.	

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
		изведенъ капитаномъ.		
Поручики:				
Яни Алевизопуло.	Изъ грековъ.	Въ 772 графомъ Орловымъ прапорщикомъ, а 788 октября 26 княземъ Потемкинымъ поручикомъ.	Въ Севастополѣ.	ственныхъ званію офицерскому
Яни Ангелаки.		Княземъ Потемкинымъ въ подпоручики 789 іюня 9, поручикомъ 791 генваря 29.	Въ Одессѣ.	
Савва Станоевичъ.	Изъ черногорскихъ дворянъ.	Княземъ Потемкинымъ 790 августа 12 прапорщикомъ, 791 генваря 29 подпоручикомъ, Правленіемъ въ поручики 796 іюля 9 съ старшинствомъ съ 31 марта 792.	Въ Николаевѣ.	
Егоръ Артакино.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ въ подпоручики 789 апрѣля 14, Черноморскимъ Правленіемъ въ поручики 796 іюня 5.		
Мануйло Дусѣевъ.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ въ прапорщики 789 іюля 27, въ подпо-	Въ Севастополѣ.	

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
Анастасій Дусѣевъ. Николай Дусѣевъ.	Изъ грековъ штабъ-офицерскія дѣти.	ручики 791 генваря 1, Черноморскимъ Правленіемъ въ поручики 796 іюня 5.	Въ Севастополѣ во 2 батальонѣ.	Должностями не управляются.
Константинъ де-Аманти.	Изъ венеціанъ.	Княземъ Потемкинымъ въ 791 въ подпоручики, Черноморскимъ Правленіемъ въ поручики 796 іюня 5.	Въ Севастополѣ въ 3-мъ батальонѣ.	
Антонъ Мелисино.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ въ прапорщики 787 октября 17, въ подпоручики 791 генваря 1, Правленіемъ Черноморскимъ въ поручики 796 іюня 5.	Въ Севастополѣ во 2-мъ батальонѣ.	
Антонъ Гаврино.	Изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей.	Княземъ Потемкинымъ въ подпоручики 787 октября 11, Правленіемъ въ поручики 796 іюня 5.	Въ Севастополѣ.	
Подпоручики:				
Иванъ Глези.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ 789 апрѣля 14.	Въ Одессѣ.	
Яни Карандино.	Греческой націи изъ венеціан-	Княземъ Потемкинымъ изъ волонтеровъ въ под-	Въ Севастополѣ.	

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
	скихъ дворянъ.	поручики 790 сентября 1.		а з а н и м а ю т с я е д и н-
Степанъ Калига.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ 790 генваря 8 прапорщикомъ, 791 генваря 20 подпоручикомъ.	Въ Севастополѣ.	
Иванъ Марабути.		Княземъ Потемкинымъ въ прапорщики 790 августа 12, подпоручикомъ 791 генваря 29.	Въ Одессѣ.	
Дмитрій Влахули.	Изъ грековъ.	Княземъ Петемкинымъ изъ шхиперовъ 791 генваря 29 подпоручикомъ.	Въ Николаевѣ на гребномъ флотѣ.	
Петро Дмитрій.	Греческой націи изъ бѣломорскихъ купцовъ.	Княземъ Потемкинымъ 790 іюля 14 прапорщикомъ, 791 генваря 29 подпоручикомъ.		
Анагности Калимери.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ 790 августа 12 прапорщикомъ, 791 генваря 29 подпоручикомъ.	Въ Николаевѣ на гребномъ флотѣ.	
Паніотъ Панитора.		Княземъ Потемкинымъ 790 іюля 14 прапорщикомъ, 791 генваря 29 подпоручикомъ.	Въ Одессѣ.	

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
Георгій Артакино.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ прапорщикомъ 789 августа 20, 791 генваря 29 подпоручикомъ.	Въ Николаевѣ.	состоинно служжбою.
Михайло Канапе.	Изъ итальянцевъ.	Княземъ Потемкинымъ въ прапорщики 790 сентября 12, подпоручиками 791 генваря 29.	На фрегатѣ „Поспѣшномъ“.	
Спиридонъ Саратини.	Изъ грековъ.		Въ Николаевѣ на гребномъ флотѣ.	
Прапорщики:				
Зосимо Пано.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ 788 генваря 1.	Въ Николаевѣ на гребномъ флотѣ.	
Адамъ Леонтьевъ.	Изъ греческихъ дворянъ.	Княземъ Потемкинымъ 790 февраля 13.	Въ Николаевѣ на гребномъ флотѣ.	
Мануйло Никифораки.	Изъ грековъ.	Имъ же 790 февраля 21-го.	Въ Таганрогѣ.	
Иванъ Кавидіо.	Изъ венеціанскихъ дворянъ.	Княземъ Потемкинымъ 790 сентября 16 принятъ изъ отставки тѣмъ же чиномъ.	Въ Таганрогѣ.	
Яни Верзули.	Изъ греческихъ старшинскихъ дѣтей.	Княземъ Потемкинымъ въ прапорщики 791 генваря 20.	Въ Севастополѣ.	
Николай Зево.	Изъ венеціанскихъ дворянъ.	Княземъ Потемкинымъ въ прапорщики 791 генваря 20.	На гребномъ флотѣ.	

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
Павелъ Маврогано.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ въ прапорщики 791 генваря 29.	Въ Керчѣ.	Покомандированы по каза-
Лука Серби.			Въ Одессѣ.	
Батисто Казасъ.	Изъ итальянцевъ.		Въ Николаевѣ на гребномъ флотѣ.	
Яни Мермено.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ въ прапорщики 791 генваря 29.	Въ Николаевѣ на гребномъ флотѣ.	
Лука Ивановичъ.	Изъ черногорскихъ дворянъ.			
Апостолъ Тунда.			На гребномъ флотѣ.	
Михайло Тумасъ.				
Андрей Палело.				
Дмитрій Крови.				
Николай Кардани.	Изъ греческихъ дворянъ.			
Анастасій Паксино.	Изъ венеціанъ.	По именному указу 792 марта 31 въ прапорщики.		
Николай Арвонитаки.	Изъ венеціанскихъ грековъ.	Принятъ изъ отставки 794 мая 23.	Въ Таганрогѣ.	

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
Афанасій де-Антуани.	Изъ грековъ.	Находился въ гребномъ флотѣ командирскимъ помощникомъ. По окончаніи войны 792 сентября 27 уволенъ съ награжденіемъ прапорщичьяго чина, а 793 апрѣля 5 принятъ опять на слубу.	Въ Николаевѣ	ніямъ но въ свойственныхъ званію офицерскому должностяхъ не упражняются.
Андрей Мускули.		Принятъ изъ отставки 793 августа 3 тѣмъ же чиномъ.	Въ гребномъ флотѣ.	
Иванъ Филиповъ.	Изъ греческихъ купцовъ.	Правленіемъ Черноморскимъ отставлены 792 генваря 21 съ награжденіями прапорщичьими чинами, а 795 генваря 1 приняты опять въ службу.		
Николай Дери.				
Морской артиллеріи констапель:				
Николай Туяни.	Изъ грековъ.	Княземъ Потемкинымъ. 791 генваря 1 въ констапели.	Въ Севастополѣ.	

Итого 73 человѣка

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.

604.

Изъ служившихъ на судахъ Архипелагской флотиліи, поступившіе на службу въ Черноморскій гребной флотъ нижеписанными чинами:

	Гдѣ кто находится.	Чѣмъ занимаются.
Полковники:		По командным показаніямъ не въ свойственныхъ званію офицерскому
Ламбро Качіони.	Въ Петербургѣ.	
Иванъ Пеллегрини.	Въ Одессѣ.	
Секундъ-маіоры:		
Папо Чиро.	Въ Одессѣ.	
Сатири Валсамаки.	Въ Одессѣ.	
Марко Риво.	Въ Николаевѣ.	
Стати Качони.	Въ Одессѣ.	
Левтери Зигури.	Въ Николаевѣ.	Въ сек.-маіоры произведены по именному указу 1-й — 1794 апрѣля 7, 2-й—1796 іюля 25.
Страти Никифораки.	Въ Николаевѣ.	Въ сек.-маіоры произведены по именному указу 1-й — 1794 апрѣля 7, 2-й—1796 іюля 25.
Константинъ Бичилли.	Въ Одессѣ.	
Франческо Петако.	Въ Николаевѣ.	должностяхъ
Капитаны:		
Петръ Метакса.	Въ Одессѣ.	
Христофоръ Комнитопуло.	Въ Николаевѣ.	
Марко Юрановичъ.	Въ Одессѣ.	
Константинъ Паніоти.	Въ Николаевѣ.	
Алексѣй Ексархо.	Въ Одессѣ.	
Константинъ Леванти.	Въ Одессѣ.	
Левтери Лигардопуло.	Въ Одессѣ.	

	Гдѣ кто находится.	Чѣмъ занимаются.
Пасхали Казими.	Въ Николаевѣ.	не упражняются, а
Поручики:		
Георгій Константинопуло.		
Дмитрій Серби.	Въ Николаевѣ.	
Марко Трипковичъ.		
Жоржъ Маргони.	Въ Одессѣ.	
Андрей Анастасій.		
Яни Пагони.	Въ Николаевѣ.	
Григорій Филиповъ.		
Константинъ Теофани.	Въ Одессѣ.	
Антонъ Валсамаки.		
Франческо Джоржи.	Въ Николаевѣ.	
Филипъ Кондури.		
Яни Димо.		
Дмитрій Буснаки.		
Николай Патараки.	Въ Одессѣ.	
Ставрино Русо.		
Петръ Валсамаки.		
Константинъ Пано.	Отпущенъ по паспорту Правленія 796 сентября 23 на о-въ Кефалонію на годъ.	
Діонисій Кондуни.		
Христофоръ Кондогури.	Въ Одессѣ.	
Георгій Ксантаки.		
Егоръ Карези.		

	Гдѣ кто находится.	Чѣмъ занимаются.
Павелъ Велона.	Въ Николаевѣ.	занимаются одни-
Анастасій Рафтопуло.		
Яни Дендрино.		
Александръ Рафтопуло.	Въ Одессѣ.	
Георгій Георяни.		
Карамундъ Кастанди.		
Егоръ Калимаро.		
Николай Виргони.		
Подпоручики:		
Марко Мирковичъ.	Въ Севастополѣ во 2-мъ батальонѣ.	
Мануйло Мартыни.		
Спиро Десила.	Въ Одессѣ.	
Костанди Росохновичъ.		
Іосифъ Одиберть.		
Дмитрій Саропуло.	Въ эскадрѣ гребного флота, находящейся въ кампаніи.	
Перо Полуда.		
Иванъ Канели.		
Дмитрій Енглези.	Отпущенъ по паспорту Правленія 796 сентября 17 на о-въ Кефалонію на годъ.	
Прапорщики:		
Константинъ Капріоти.	Въ Николаевѣ.	
Франческо Димитрій.	Въ Одессѣ.	

	Гдѣ кто находится.	Чѣмъ занимаются.
Илья Перестери.	Въ Николаевѣ.	ственно службою.
Федоръ Кардици.		
Зафиръ Константиновъ.		
Вангели Цициліано.		
Георгій Ферандопуло.		
Константинъ Поповъ.	Въ Николаевѣ.	
Ефимъ Ликердопуло.		
Панаги Дальяно.	Въ Одессѣ.	
Панаги Вантора.		
Иванъ Лелли.	Въ Николаевѣ.	
Апостолъ Тумасъ.		
Анжели Паріоно.	По причинѣ сумасшествія находится въ госпиталѣ въ Одессѣ.	
Августинъ Алексинъ.	Въ Овидіополѣ.	
Адони Спиро.		По команднымъ
Павелъ Вецо.	Въ Одессѣ.	
Стелли Калига.		
Афанасій Москонискати.		
Федоръ Васильевъ.		
Константинъ Псорило.		
Спиро Кондуни.		
Спиро Пилика.		
Стелли Агудимо.		
Григорій Фтандаки.	Въ эскадрѣ гребного флота въ кампаніи.	

	Гдѣ кто находится.	Чѣмъ занимаются.
Паніотъ Банижело.	Въ Николаевѣ.	показаніямъ.
Николай Дели.		
Яни Рота.		
Яни Езетарисъ.	Въ Кичкасахъ.	
Лейтенанты:		
Іосифъ Морено.	Въ Николаевѣ.	
Георгій Смитъ.	Въ Одессѣ.	

Итого 87 человѣкъ

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.

605.

Черноморскаго гренадерскаго корпуса.

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
2-го батальона. *Секундъ-маіоръ.* Гекторъ Луччіони.	Изъ итальянцевъ о-ва Корсики.	788 марта 10 въ Архипелагѣ генералъ-лейтенантомъ Заборовскимъ прапорщики, полковникомъ Ламбро Качіони 790 мая 15 поручикомъ, 791 сентября 16 капитаномъ, военною Коллегіею 795 ноября 27 секундъ-маіоромъ.	При батальонѣ.	По командньмъ показаніямъ не

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
Капитанъ				въ свойственныхъ званію офицерскому должностяхъ не упраж-
Спиридонъ Сарандопуло.	Греческой націи изъ дворянъ о-ва Пелопонеса.	788 февраля 5 въ Архипелагѣ генералъ-маіоромъ Тамарою въ прапорщики, 795 февраля 11 Правленіемъ въ подпоручики, 796 ноября 15 по именному указу капитаномъ.	На гребномъ флотѣ въ кампаніи.	
Поручикъ				
Иванъ Дандрино.	Изъ венеціанъ.	Полковникомъ Ламбро Качіони 788 генваря 1 прапорщикомъ, 790 генваря 1 подпоручикомъ, 791 мая 11 генералъ-маіоромъ Тамарою въ поручики.	На гребномъ флотѣ въ кампаніи.	
3-го батальона				
поручики:				
Дмитрій Жико.	Изъ грековъ.	Полковникомъ Ламбро Качіони въ прапорщики 6 ноября 789, а въ поручики 8 сентября 791.	При батальонѣ.	

	Изъ какихъ поступили въ службу.	Кѣмъ и когда произведены.	Гдѣ нынѣ находятся.	Чѣмъ занимаются.
Иванъ Малакаци.	Изъ грековъ.	Изъ служившихъ въ предпослѣднюю съ турками войну въ нижнихъ чинахъ произведенъ княземъ Потемкинымъ въ прапорщики 785 мая 27, въ подпоручики 791 генваря 29, а въ поручики графомъ Суворовымъ 795 сентября 22.	Въ Одессѣ.	Пишутся, а занимаются единственно службою.
4-го батальона *прапорщикъ:*				
Дмитрій Метакса.	Изъ греческихъ купцовъ.	За службу во флотиліи въ Средиземномъ морѣ произведенъ военною коллегіею въ прапорщики 796 мая 16.	Въ Одессѣ.	

Итого 6 человѣкъ

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.

606.

Списокъ уволеннымъ отъ службы грекамъ и другимъ Левантинскимъ жителямъ,

служившимъ во флотахъ черноморскихъ въ прошедшую съ турками войну, съ показаніемъ когда кто уволенъ.

Капитаны-лейтенанты:	*Время увольненія.*
Афанасій Рафтопуло	791-го февраля 10 числа.
Георгій Бенардаки	793-го генваря 29.
Дмитрій Купа	— мая 19.
Спиро Ликердопуло	795-го генваря 15.
Иванъ Милиси.	— генваря 15.
Спиро Кондури	— февраля 13.
Андрей Кацанти	— марта 8.
Панаго Зворопо	— августа 8.
Лейтенанты:	
Лука Фока.	793-го генваря 12.
Жоржъ Ликердопуло	— февраля 8.
Марій Вальсамаки	— марта 21.
Дмитрій Поликучи.	795-го генваря 15.
Дмитрій Кондури	795-го августа 14.
Александръ Аврамовичъ . .	796-го августа 4.
Подпоручики:	
Петръ Стоя	791-го февраля 10.
Михайло Шкандара	792-го сентября 30.
Николай Спартинъ.	— октября 28.
Семенъ Рудовъ.	793-го генваря 19.

Дико Страти	793-го февраля 17.
Андрей Трано	— февраля 18.
Иванъ Вергопуло	— марта 8.
Павелъ Пилотъ	— марта 18.
Егоръ Скандраковъ.	793 апрѣля 15.
Янн Глези.	— мая 4.
Павелъ Анагности	— мая 17.
Иванъ Глези.	— іюня 6.
Ангели Поповъ	— іюля 1.
Николай Ликердопуло . . .	— октября 27.
Мануила Мани.	— октября 28.
Анастасій Вальяно.	795 августа 31.
Георгій Мускути.	796 генваря 11.
Сатиръ Николаевъ	— генваря 11.
Мичмана:	
Панаги Ладыко	792-го ноября 2.
Дмитрій Глези	793-го генваря 12.
Андрей Белефиръ	793-го генваря 12.
Секундъ-маіоры:	
Георгій Делограматикъ. . .	792-го сентября 29.
Николай Кондури	795-го февраля 13.
Егоръ Драпчевъ	— декабря 20.
Георгій Кокинъ	796-го генваря 11.
Капитаны:	
Матвѣй Бао	792-го сентября 19.
Антонъ Натара	— декабря 21.
Георгій Калига	793-го генваря 24.
Марко Достаничъ	796-го февраля 15.

Поручики:	
Николай Бардака	791-го февраля 10.
Полихрони Апостоловъ. . .	Покойнымъ княземъ 791-го іюля 23.
Павелъ Ослаповъ	793-го мая 23.
Егоръ Карези	794-го мая 3.
Анастасій Кацаитъ.	— мая 12.
Авангелій Калavріи	793-го апрѣля 20.
Герасимъ Глези	— іюня 6.
Фома Бардака	— іюля 14.
Димо Соломо.	— октября 6.
Анастасій Цолаки	— ноября 3.

Итого 53 человѣка

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.

607.

Уволенные въ отставку,

служившіе въ парусномъ и гребномъ флотахъ корсарами и волонтерами.

	Время увольненія.
Дмитрій Метелинскій.	27 сентября 1792 года.
Зосимо Макополи.	
Яни Докоросъ.	
Николай Дунда.	
Яни Никифораки.	
Никита Павловъ.	
Георгій Скандараковъ.	
Стафи Травло.	
Яни Велуди.	
Димо Фумичъ.	
Стефанъ Баго.	
Харлампій Кондури.	

Георгій Францъ	1796 февраля 21.
Панаіотъ Хартулари	1795 апрѣля 9.
Дмитрій Кости	— іюня 3.
Василій Соломо	— августа 28.
Прапорщики:	
Антонъ Псаро	1792-го сентября 15.
Панаги Звороно	— сентября 27.
Анастасій Глези	— октября 2.
Георгій Николаевъ	— октября 2.
Герасимъ Звороно	— октября 2.
Константинъ Милиси	— октября 2.
Спиро Глези	— октября 25.
Николай Пано	— октября 28.
Харламби Купа	— октября 28.
Паніотъ Фука	— октября 28.
Спиро Калавріо	— октября 28.
Анастасій Белосарай	1792-го октября 28.
Петръ Кондури	— октября 28.
Антонъ Дусѣевъ	1793-го февраля 17.
Анастасій Фути	— февраля 17.
Анастасій Влахули	— марта 8.
Михайло Лефъ	— марта 16.

Амвросій Рапало.	27 сентября 1792 года.
Паніотъ Семержеугла.	
Афанасій Волонтировъ.	
Дмитрій Ивановъ.	
Федоръ Чефале.	
Марка Виричъ.	
Поликарпъ Делосъ.	
Петръ Кодрояни.	
Герасимъ Пано.	
Марій Мануилъ.	

Стамати Ивановъ.
Герасимъ Купа.
Стати Врето.
Дмитрій Манополи.
Степанъ Зворопо.
Федоръ Мурзинъ.
Михайла Данилъ.
Михайла Скорели.
Василій Рази.
Иванъ Булгари.
Герасимъ Чичемано.
Иванъ Епимасъ.
Стамати Николаевъ.
Константинъ Доризи.
Мануйло Амиродаки.
Апостолъ Купо.
Панаги Своело.
Илья Зворопо.
Дмитрій Кондури.
Дмитрій Конторино.
Федоръ Ликердопуло.
Яни Маркондокато.
Яни Леванди.
Федоръ Аркуловъ.
Георгій Скордилли.
Спиридонъ Рафтопуло.

} 27-го сентября 1792 года.

Анастасій Травло	792-го октября 12.
Федоръ Кефали	793-го марта 8.
Герасимъ Фуки	— августа 10.
Андрей Соломо	794-го августа 28.
Хаджи Неотаки	— мая 23.

Георгій Капараки	795-го апрѣля 5.
Марій Ликердопуло	791-го апрѣля 11.

Итого 76 человѣкъ

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.

608.

Особый списокъ

штабъ и оберъ-офицеровъ изъ грековъ и другихъ Левантинскихъ жителей, счисляющихся въ вѣдомствѣ Черноморскаго Адмиралтейскаго Правленія, о которыхъ неизвѣстно, гдѣ они находятся.

Секундъ-маіоръ

Спиро Халагасъ.

Капитаны:

Дмитрій Велизари.
Несторъ Харбури.

Поручики:

Фоти Ликердопуло.
Маріо Хороновичъ.
Стати Леопосъ Каравія.
Константинъ Кондогури.

Подпоручики:

Яни Планча.
Анастасій Византри.

Ананій Стамбулевъ.
Христо Васильевъ.
Иванъ Петро.
Семенъ Николаевъ.
Иванъ Базилевичъ.

Прапорщики:

Андрей Акумило.
Пано Дориза.
Жанп Каралп.
Юрій Стафа.
Еманди Еласко.
Никифоръ Сикира.
Георгій Кумара.
Николай Купо.
Андрей Арфано.
Антонъ Шіопи.
Паніоти Даверопо.
Петръ Иняцъ.
Августъ Гибалъ.
Степанъ Матуличъ.
Егоръ Акесопа.
Иванъ Влахопуло.
Спиро Адами.
Марко Алесинъ.
Александръ Неманичъ.
Апостолъ Стамати.
Харламби Бальзамаки.

Итого 35 человѣкъ

Вице-адмиралъ Николай Мордвиновъ.

XV.

КАРАНТИНЫ

и

КАРАНТИННЫЕ ДОМА.

609.

ВѢДОМОСТЬ

о карантинныхъ каменныхъ зданіяхъ, какія предположено было при Одессѣ построить и какія изъ нихъ до сего времени построены уже [1]).

№	Какія предположено построить.	Рубли.	Коп.	Какія изъ нихъ построены.
1.	Построеніе одного большого магазина для поклажи товаровъ, длиною на 45, широтою съ галлереями на 8-ми саженяхъ, съ двумя флигелями, кои длиною каждый 15-ти саженей, по смѣтамъ сумма . .	17,325	$5^1/_2$	Не построенъ.
2.	Построеніе четырехъ магазиновъ, въ коихъ храниться будутъ товары, каждый длиною на 23-хъ, широтою съ галлереею на 8-ми саженяхъ, по смѣтамъ сумма	24,134	88	Изъ оныхъ подъ одною крышею сдѣлано два длиною по 23 сажени, а третій особо также длиною на 23-хъ саженяхъ, но еще внутри не выравнена подъ цоколь земля.
3.	Построеніе дома для выдерживанія карантина пріѣзжающимъ, длиною на 40, широтою на 5-ти саженяхъ, въ коемъ 16-ть жилыхъ покоевъ, по смѣтамъ сумма . .	13,350	4	Оный домъ построенъ длиною на 30-ти, широтою на 5-ти саженяхъ, но еще снаружи не штукатуренъ и ограда не дѣлана.
4.	Построеніе связи карантинной, длиною на 20, широтою на 5 саженяхъ, по смѣтамъ сумма	6,675	2	Не строена.

[1]) См. выше, №№ 479 и 500.

№	Какія предположено построить.	Рубли.	Коп.	Какія изъ нихъ построены.
5.	Построеніе карауль-ни при карантинномъ домѣ, длиною на 10-ти, широтою на 4-хъ саженяхъ, по смѣтѣ сумма	2,419	$3^3/_4$	Была выстроена, но морскою погодою въ 795 году сбило по небытности гавани, а остался только фундаментъ съ забитыми сваями, положеннымъ ростверомъ и забученьемъ.
6.	Построеніе трактира съ флигелями, длиною 17-ти, широтою 5-ти саженъ, по смѣтѣ сумма.	4,937	$7^1/_2$	Не строенъ.
7.	Построеніе госпиталя при карантинѣ, длиною съ флигелями на 30, широтою съ галлереею на 6-ти саженяхъ, по смѣтѣ сумма. . . .	8,331	$26^1/_4$	Не строенъ.
8.	Построеніе дома для осматриванія и обкуриванія пріѣзжающихъ, длиною на $11^1/_2$, широтою на 6-ти саженяхъ, по смѣтѣ сумма. . . .	2,036	$48^1/_2$	Не строенъ.
9.	Построеніе дома для жительства директора, длиною на 10-ти, широтою на 6-ти саженяхъ, и съ его канцеляріею, длиною на 7-ми, широтою $3^1/_2$ саженъ, по смѣтѣ сумма.	6,185	$16^1/_4$	Оный домъ построенъ длиною на 10-ти, широтою на 6-ти саженяхъ, а канцелярія не выстроена, и домъ не штукатуренъ, и внутри не отдѣланъ.
10.	Построеніе дома для жительства карантинному доктору съ подлекарями. Тутъ же полагается аптека и покой для аптекаря, всего			Не строенъ.

№	Какія предположено построить.	Рубли.	Коп.	Какія изъ нихъ построены.
	длиною на 17-ти, широтою на 5-ти саженяхъ, по смѣтѣ сумма . . .	5,172	28¼	
11.	Построеніе казармы для жительства карантиннымъ служителямъ, длиною на 40, широтою на 5 саженяхъ, по смѣтѣ сумма.	11,565	40	Оная казарма построена длиною на 28, широтою на 5 саженяхъ, но еще снаружи не штукатурена.
12.	Построеніе кордегардіи при карантинѣ, длиною на 9-ти, широтою на 5-ти саженяхъ, по смѣтѣ сумма. . .	1,177	96¼	Не строена.
13.	Построеніе 15-ти карантинныхъ галлерей съ пристаньми, гдѣ пріѣзжающимъ на судахъ имѣть свои переговоры, по смѣтѣ сумма	15,904	80	Не строены.
	Всего . . .	121,214	46¼	
	При томъ же карантинѣ таможенныя строенія:			
1.	Построеніе таможни съ принадлежащими къ оной службами и канцеляріею, длиною на 15½, широтою на 5-ти саженяхъ, и кромѣ сего, по обѣимъ сторонамъ два флигеля, каждый длиною на 17-ти, широтою на 4½ саженяхъ, по смѣтамъ сумма.	13,135	48½	Не строенъ.

№	Какія предположено построить.	Рубли.	Коп.	Какія изъ нихъ построены.
2.	Построеніе 2-хъ таможенныхъ магазиновъ, длиною на 30-ти, широтою на 7-ми саженяхъ, по смѣтѣ сумма	11,689	4	Не строены.
	Ко всѣмъ онымъ строеніямъ на разные расходы, на дѣланіе двухъ бассейновъ, на покупку инструментовъ и 25-ти паръ воловъ.	8.296	75	Бассейны не строены, а колодецъ близъ двойного магазина сдѣланъ отъ казенной стороны.
	А на всѣ карантинныя и таможенныя строенія положено . .	154,335	73¾	
	Сверхъ того, между вышеозначеннаго для окуриванія дома и караульни предположено построеніе карантинной большой пристани, длиною на 45, широтою на 6 саженяхъ, по смѣтѣ сумма	21,570	—	Оная пристань начата набивкою при берегѣ сваевъ въ прошломъ 796-мъ году казенными работниками и матерьялами.

Прежде же оныхъ зданій построены временныя карантинныя и таможенныя строенія, въ коихъ доселѣ исправляются карантинныя и таможенныя должности.

№		
1.	Каменная полуземлянка для служителей карантинныхъ, длиною на 14-ти, широтою на 3-хъ саженяхъ, высотою 8-ми футъ.	Расположеніе оныхъ строеній подъ горою, а отъ берега моря и по двумъ сторонамъ набережной обнесено рогатками и караульными притинами, и для раздѣленія вновь прибывающихъ отъ выдержавшихъ карантинное время, сдѣланы по берегу перегородки, и для отвращенія чрезъ гору хода, оная прорѣзана.
2.	Домъ для окуриванія пріѣзжающихъ, длиною на 10-ти, широтою на 3-хъ саженяхъ, высотою 10½ футъ, на столбахъ изъ досокъ.	
3.	Два сарая для поклажи товаровъ, одинъ длиною на 15-ти, широтою на 5-ти саженяхъ, а высотою оба по 7-ми футъ.	
4.	На пристани бесѣдка на столбахъ для переговоровъ, длиною на 3-хъ, широтою на 2-хъ саженяхъ, высотою 6½ футъ.	
5.	Домъ для таможни изъ досокъ, длиною на 7, широтою на 3-хъ саженяхъ, высотою 10½ футъ.	
6.	Каменная полуземлянка для жительства таможеннымъ служителямъ, длиною на 7-ми, широтою на 5½ саженяхъ, высотою 8-ми футъ.	
7.	Два таможенные сарая для поклажи товаровъ на столбахъ забраны досками, одинъ длиною 14-ти, широтою на 5½ саженяхъ, а другой длиною на 15-ти, шириною на 5 саженяхъ, высотою оба по 7-ми футъ.	

Вѣдомость сія учинена въ канцеляріи строенія города и порта Одессы. Мая дня 1797 года [1]).

[1]) *Архивъ* Мор. Мин., дѣла графа Кушелева, № 62, л. 191.

610.

Aperçu sur les quarantaines [1]).

Lazaret.

L'édifice destiné à la quarantaine doit être dans le circondaire du port de la ville, où on veut l'ériger, bien proche de la mer, à l'abri autant qu'il est possible du mauvais temps, pour ne pas retarder le débarquement, écarté de l'endroit le plus fréquenté, avoir deux portes, une pour l'entrée, l'autre pour la sortie des marchandises, spacieux et capable de contenir dans des emplacements, ou magasins fermés à clefs, plusieurs chargements isolés et entourés de hautes murailles sans fenêtres ou ouvertures au-dehors et être en même temps aéré et pourvu d'une grande cour et de corridors pour établir des courants d'air, pour le meilleur service des marchandises et des personnes.

Il doit être gardé par une garnison de soldats.

Il doit y avoir des appartements pour un commissaire, auquel en soit confiée l'administration, pour un médecin et un chirurgien. Si le lazaret est tout proche des bâtiments, qui font la quarantaine, il doit avoir un petit bateau à son service avec deux à trois matelots, qui continuellement veillent à ce que personne du bord ne bouge pas des environs ou d'autres y fréquentent.

Commissaire du lazaret.

1. Le commissaire doit toujours demeurer au lazaret, n'en sortir que par des motifs urgents et toujours y rentrer avant le coucher du soleil, mais il n'en pourra sortir toutes fois qu'il y aura des marchandises en quarantaine.

---

[1]) Эта записка была представлена авторомъ князю П. А. Зубову (см. ниже, Notre présentée au prince Kourakin).

2. Il doit garder toujours auprès de lui les clefs des endroits, ou magasins, où il y a des marchandises à purger.

3. Il veillera à ce que les soldats destinés au service du lazaret fassent leurs gardes et les patrouilles pendant la nuit pour empêcher, qu'on ne descend pas des murailles, qui entourent le lazaret, ou qu'on ne jette pas du lazaret la moindre chose au dehors. Comme on doit craindre davantage, que les portefaix quarantinaires se mettent d'acord avec les gens du pays, le commissaire ne permettra pas des entrevues au lazaret et si on accordera par quelque juste motif, ils les présentera toujours.

4. Y ayant des malades au lazaret, ou sur les bâtiments en quarantaine, le commissaire le fera aider et administrer, mais avec toutes les précautions possibles, et s'il le fait, le médecin ou le chirurgien entreront en quarantaine pour être mieux à la portée de les secourir, mais ils n'en pourront sortir qu'à la fin de la quarantaine.

5. Le commissaire aura à examiner lui-même les capitaines et les patrons des bâtiments et les confronter avec l'équipage pour apprendre tout ce qui regarde les voyages, le chargement, les lieux, où ils ont chargé et ceux, où ils ont abordé. Il en tiendra registres. Ce fera à lui dans les cas ordinaires de déterminer la quarantaine, ou sa durée aux bâtiments et aux chargements, et au moment, qu'il aura reçu les dépositions cidessus, il fera passer au-bord une personne pour y rester de garde. Il se fera donner toutes les lettres et tous les paquets contenants des écritures, qui seront au bord, et cela avec les précautions usitées, et il fera parfumer au dehors, après il les fera ouvrir et parfumer au-dedans. Au lieu de cela il est aussi sûr de les jeter dans du vinaigre. S'il y aura des échantillons, ou des objets susceptibles, il les fera transporter dans le même endroit, où sont les marchandises du même chargement pour les rendre après la quarantaine.

6. Le commissaire assistera lui-même au débarquement des marchandises, qui entront dans le lazaret pour être purgées. Il

fera veiller au débarquement par le bateau de service, comme aussi par les soldats pour empêcher tout désordre. Il les fera transporter de la porte directement à l'endroit destiné pour leur quarantaine et il y mettra tel nombre des portefaix, que la quantité des objets à purger exigera. Il est d'usage d'en mettre 6 à 8 pour un chargement. Quoiqu'il s'agisse de la plus petite quantité d'articles, ils ne pourront jamais être moins de deux.

7. Après le débarquement de l'entier chargement, qui sera placé dans un ou deux magasins contigus et capables à le contenir et à le remuer, le commissaire fera peser chaque article et en vérifiera le nombre pour en donner une déclaration par écrit aux propriétaires ou consignataires. Cela servira à constater si les capitaines ont tout et duement débarqué en conformité des connaissements. Cette déclaration rendra le commissaire responsable de la fidèle consignation après la quarantaine. Cela fait, il fera ouvrir par les dits portefaix en sa présence toutes les balles, caisses, barriques de manière, qu'ils puissent bien manier le couteau et lui faire prendre de l'air; cela aura lieu 3 fois par jour, c'est à dire de grand matin, à midi et après dîner. On aura pourtant l'égard de ne pas décomposer et endommager la marchandise.

8. Le commissaire tiendra un registre exact de chaque endroit ou magasin de purge et de toutes les marchandises y introduites, du lieu où elles ont été embarquées, du bâtiment et du capitaine, qui les a transporté. Il y notera leur nombre, poids, marques, le nom du propriétaire, ou receveur respectif, et les jours dans lesquels elles y ont été introduites. Il y ajouteras le noms des portefaix, qui seront entré en quarantaine dans le même endroit ou on aura déposé les marchandises. Il déchargera à la fin de la quarantaine ce même registre en vérifiant chaque objet par la sortie et la consignation aux propriétaires.

9. Le commissaire veillera à ce qu'on n'allume pas de feu dans les infirmeries et au cas de besoin de lumière, on se servira de lampes fermées. Il ne pourra aller se coucher sans s'être bien assuré que tout feu est éteint.

10. A l'occasion de quelque payement de la part des quarantainaires ou de consignation d'argent du bord du bâtiment en quarantaine aux gens de la ville, le commissaire ne permettra jamais qu'on l'exécute hors de sa présence et sans faire rester quelques minutes l'argent ou l'or dans du vinaigre.

11. Si les bâtiments en quarantaine seront sous la dépendance du lazaret ou s'ils y seront tout près, le commissaire devra chaque matinée se faire rendre compte de la garde, qui est au bord, de tout ce qui regarde l'état du bâtiment et la santé de l'équipage. Sans cela ce sera au bureau de santé d'y veiller.

12. Le commissaire devra toujours faire son rapport par écrit au magistrat, préside aux objets de santé, de tout ce qui arrive dans le lazaret, qui y entre, qui regarde les marchandises et les personnes et de tous les accidents. Dans les cas majeurs il ne pourra prendre rien sur lui et le magistrat en décidera.

Quarantaine ou purge.

1. Aussitôt qu'à l'arrivée d'un bâtiment et qui par la déposition du capitaine et les pièces y relatives, on trouvera qu'il vient des pays infectés, ou exposés au mal contagieux, on mettra un homme de confiance à son bord pour garde et témoin de tout ce qu'y arrive et il restera jusqu'à la fin de la quarantaine qu'on établira.

2. S'il aura des marchandises susceptibles, avant de les débarquer dans le lazaret on faira faire selon les cas l'avant-purge au bâtiment en ouvrant pour plusieurs jours les écoutilles. Après cela il y aura le serein ou le ventilation du chargement au même bord, cela aura lieu peu à peu et de manière que tout le chargement soit transporté sur le tillac pour y être aéré et ventilé.

3. Le débarquement ne se sera que pour telle quantité qu'on pourra chaque jour introduire dans le lazaret pendant le

jour et jamais de nuit. Dans le temps du débarquement on éloignera tout le monde de l'endroit, il n'y restera que les matelots du bord et les portefaix, qui entreront dans la quarantaine avec les mêmes marchandises débarquées. Les soldats en formeront l'enceinte. On ne permettra pas, qu'on débarque des articles en pelotons ou éparpillés, tout sera en des balles ou barriques suffisamment fermés, et qui ne laissent échapper la moindre partie sur la route. Dans tous les cas on aura grand soin de tout faire recueillir et unir aux autres marchandises, on fera bien balayer la route.

4. Les marchandises de chaque chargement avec les portefaix, destinés à les purger, auront un endroit fermé à clef, où les unes et les autres feront leur quarantaine. On ne confondra celles d'un chargement avec celle d'un autre. Cela aura lieu de manière que le commissaire puisse vérifier lui-même si les portefaix font leur devoir.

5. On fera remuer chaques 3 à 4 jours les marchandises d'un endroit à l'autre, dans le même magasin et avec la précaution de ne pas mêler les parties des différents propriétaires. On ne permettra pas que les portefaix dorment sur les balles des marchandises, ils y introduiront leurs matelas. On défendra très rigoureusement tout chat et chien du lazaret. On empoisonnera les sourits et on les fera brûler.

6. Au terme de la quarantaine assignée le commissaire fera visiter par le chirurgien les personnes, qui auront fait la quarantaine en les faisant dépouiller et observer tous nus. Au cas des quelques malades ou d'accident facheux, on continuera la quarantaine jusqu'à ce qu'on y voit clair.

7. Si au terme de la quarantaine il y aura quelque manque dans les marchandises, ce sera aux portefaix à en rendre compte et à la payer: on leur retiendra les gages et même pour se tenir dans le devoir, on fera visiter leur matelas et leurs hardes à l'objet que le lazaret soit en plein crédit d'intégrité.

8. Toutes fois que les bâtiments, venant des pays comme

la Turquie, où il y a ordinairement le mal contagieux, amènent des marchandises susceptibles, il faut qu'elles fassent la quarantaine dans le lazaret avec patente brute ou avec patente nette. Celle-ci a lieu quand le capitaine porte le certificat du Consul de sa nation du lieu, d'où il est parti, qu'il n'y a moindre accident; la patente brute au contraire certifie, qu'il y a le mal contagieux. C'est cette circonstance qui exige l'avant-purge, puis le serein de 4 jusqu'à 12 jours et après la quarantaine dans le lazaret de 45 jours au moins.

Marchandises non susceptibles.

1. Il n'est pas permis de retirer du bâtiment provenant de pays soupçonnés, même avec patente nette, le moindre article non susceptible sans que le serein de trois jours n'aie précédé.

2. On transborde les comestibles moyenant un long et grand tuyau de bois, qui a des grilles de fer pour empêcher que tout corps susceptible puisse évader.

3. On doit en général faire porter au bureau de santé ou à la porte du lazaret, s'il est tout près, les marchandises non susceptibles, qu'on veut retirer du bord. L'uniquement on en vérifiera la nature et l'état par-devant les employés en s'assurant bien que tout soit affranchi de tout objet susceptible. Alors on en fera la consignation aux propriétaires.

4. Les métaux, pour mieux s'en assurer on les fera passer dans l'eau; les monnaies comme plus maniées doivent être plongées dans du vinaigre, dans des pites faites exprès pour les recevoir; on casse les gros pains et on y verse de l'eau de mer pour y rester 48 heures. Les emballages ou de laine, ou de toile restent au bord pour faire quarantaine. Après cela on peut retirer les cires, les huiles, les liquides, la poix, le goudron, les fruits, on peut bien les retirer avec leurs fatailles, pourvu que les bouchons soient de liége sans chiffons, ou qu'on les change et que les cercles de bois ne soient pas liés avec du fil de chanvre, ou du cuir, mais avec du bois.

5. Comme dans plusieurs articles on ne pourrait pas sans altérer les dépouiller de l'emballage susceptible, ce sera aux propriétaires à opter.

Ports de Russie sur la mer Noire et la mer d'Azow.

N'étant pas possible de mouiller dans aucun de ports de l'empire de Russie, situés sur la mer Noire et la mer d'Azow, sans venir de la Turquie, où il y a presque toujours le mal contagieux et où on prend pas la moindre précaution pour s'en garantir, il est tout à fait essentiel d'y adopter un plan, qui soit bien rassurant pour la conservation de la santé, qui concilie les règlements des ports de la Méditerranée avec les circonstances locales, qui épargnent des frais superflus à la couronne et qui facilite le commerce et la navigation. Ce serait jeter de l'argent que de bâtir dans chaque port un lazaret. La dépense en serait grande et multipliée et l'entretien des employés l'augmenterait annuellement. Il voudra mieux simplifier les choses.

Malthe, Raguse, Trièste, Venise, Ancone ont chaque leur lazaret. Cela est essentiel pour fournir au commerce respectif et au débouchés de l'intérieur. Ni Naples, ni l'Espagne ayant des lazarets, il faut que ces royaumes s'adressent aux ports qui en ont. Livourne a trois lazarets par le grand commerce, qu'il exerce avec toute la Turquie et la Barbarie.

La France très étendue sur la Méditerranée est toute concentrée dans Marseille pour son commerce du Levant et de la Barbarie. Elle a son lazaret tant soit peu éloigné de la ville sur le bord de la mer dans son port. Les bâtiments après leur déchargement passent tous à l'île de Pomegue; achevée la moitié de leurs quarantaines ils entrent plus dedans dans le port. mais encore éloignés des bâtiments, qui ont eu l'entrée. Le lazaret de Marseille est partagé en deux ailes, une est destinée pour les marchandises de patente brute et l'autre pour celles de patente nette.

La ville de Gènes à 20 lieues à l'Est a un lazaret au sein du Varignan dans le golfe Especia et qui est destiné à la quarantaine des marchandises susceptibles provenantes des échelles du Levant; tout près y restent les bâtiments.

Elle en a un autre près de la ville pour les articles de la Barbarie et dans son port elle se sert du nouveau môle pour la quarantaine au bord des objets non susceptibles, comme blés, grains, huile et autres.

Les capitaines venant des échelles du Levant avec des articles susceptibles en les déchargeant au lazaret du Varignon finissent leur voyage. Par le grand nombre des petits bâtiments du pays, on les fait transporter à Gènes à peu de frais et en toute sûreté.

On ne pourrait pas sans des grands inconvénients suivre en Russie ces mêmes exemples, ou de trop multiplier, ou de réunir dans un seul endroit les quarantaines. L'étendue du Niester jusqu'au Don avec tout le tour de la Tauride est assez grande. Presque tout le commerce est réuni jusqu'à présent dans les deux seules villes de Cherson et de Taganrok. Ce serait une méprise d'ériger un seul lazaret dans une de deux extrémités, assujettir les marchandises à un transport très long et très onéreux, ou en augmenter les nolis, si les bâtiments, qui les ont portées, faute d'autres devaient les conduire après la quarantaine à leur destination.

D'ailleurs ce serait empêcher que la Tauride, qui par sa position au milieu de la mer Noire, par ses ports accessibles dans toute l'année, par la continuelle affluence de tous ceux, qui vont et qui viennent de la mer d'Azow, ne se releva pas de l'inaction dans laquelle a été jusqu'à présent presqu'île qui devait au contraire être la plus florissante et par cela devenir le boulevard puissant contre son ennemi naturel, la Turquie.

D'après ces observations, il faudrait nécessairement un lazaret du côté du Dnieper, ou à Otschakow, ou à Gloubokaija. Les marchandises, restant par cela presque sur les lieux de leur débouché pour les provinces méridionales et occidentales de la Russie, les bâtiments après les avoir déchargé s'en iraient cher-

cher ailleurs un nouvel emploi et les nolis devenant par cela plus moderé. Il y aurait l'économie qui est si essentielle au commerce.

Cependant comme on ne pourrait pas dans ce cas faire passer sans des grands frais dans la Tauride et dans la mer d'Azow les marchandises, qui y seraient destinées, que d'ailleurs, si la consommation dans la Tauride est à présent assez limitée, elle est bien considérable à Taganrok par sa position très avantageuse, considérant que la mer d'Azow se glace pendant le long hiver, que sa navigation est très lente et pénible pour des bâtiments au-delà de la moindre portée et que bien réfléchissant on pourrait exécuter à peu de frais le transport par des tombas, ou de gros bateaux plats, le point d'union le plus beau et le plus commode ce serait à Théodosie pour y ériger un second lazaret. Certainement se serait un inconvénient d'assujettir à Théodosie les villes de Sevastopolis et de Kozlove, mais en examinant les choses sur d'autres rapports on trouvera à tout bien concilier.

Les marchandises susceptibles et qu'il est indispensable qu'on les purge dans des lazarets, ce sont: les laines, les cotons, le lin, le chanvre, le cuir, la soie, les fourrures et peu d'autres. Mais la Russie ne manque que du coton, elle abonde assez de tout le reste et si par les échanges du commerce elle en tirera de la Turquie, ce ne sera jamais pour des parties considérables. A moins qu'on veuille faire en Tauride un grand entrepôt de marchandises pour approvisionner toute la Russie pendant la rude saison (ce qui rendrait toujours nécessaire un lazaret à Théodosie, qui outre la consommation pour les provinces sur la mer d'Azow et les contigues fournirait la partie orientale) le débouché de la partie occidentale de la Tauride va se réduire au pur local et pour cela le moindre édifice déjà bâti sur le port de Sevastopolis est suffisant pour cet objet. Ce semble donc bien démontré que les deux lazarets du Dnieper et de Théodosie peuvent entretenir le plus grand commerce, en même temps qu'ils sont nécessaires dans la position respective de lieux pour les nourrir dans son enfance et accroissement, et à cet objet on pourrait commencer des édifices capables d'agrandissement.

Dès qu'on apprendra, qu'il va y avoir ces deux lazarets, on adoptera pour les envois en Russie des articles susceptibles la méthode, qu'on suit pour les ports de la Méditerranée. On fait de chargements dans le Levant d'articles susceptibles, comme aussi en Barbarie. Les premiers (en partant de Gènes) vont directement au Varignon, les autres à Gènes. Les bâtiments, qui apportent des blés, des huiles, des cires, des métaux, des fruits, soit des échelles de Turquie, soit de la Barbarie, passent directement au port de Gènes. Ils y font le serein au bord et après on les déchargent.

Les sujets Ottomans et les maisons franches établies en Turquie en feront de même, en formant des chargements de coton, cuir et autre susceptible et selon leur destination on leurs adressera plus du côté du Dnieper, que celui de Théodosie, même les bâtiments, qui en auront pour les deux endroits il les débarquera les uns après les autres. Cela pourrait bien lui convenir pour s'en retourner en Turquie, ou plutôt où il n'aurait à faire la moindre quarantaine. Il pourrait encore dans les ports de Russie charger du blé avec les précautions accoutumées.

Pour ce qui est du vin, des huiles, des fruits et autre du même genre, les bâtiments peuvent aller partout, qu'ils ayent où non des lazarets. On doit les admettre partout, mais il faudra, que les bureaux de santé de lieux respectifs soient bien attentifs, d'autant plus, s'ils auront patentes brutes.

Ce semble que de ce plan il va en résulter un autre avantage. Tout ce qui est destiné pour les places sur la mer d'Azow en articles susceptibles devant se décharger au lazaret de Théodosie (ce qui donnera aux bâtiments la commodité de s'en retourner, ou d'y prendre des blés et par cela ils faciliteront le prix du transport), il formera une branche de petit commerce pour les maisons de Théodosie, qui auront la commission de la retirer, les soigner et les faire par des tombas transporter à leur destination. Cela augmentera la population de Théodosie et cet entrepôt, donnant lieu à un cabotage, pourra exciter les Russes à s'en emparer, même on devrait leur en donner la pré-

férence. Ils prendront par cet entretien du goût pour la navigation de la mer et peut-être le lazaret de Théodosie serait le berceau pour rendre marins les actuels navigateurs des fleuves.

Les marchandises susceptibles après avoir fait leur quarantaine et qu'on voudra embarquer pour des autres ports seront munies du certificat de santé et par cela elles auront la libre entrée partout. Ça n'arrivait pas auparavant. Tout bâtiment venant même de Théodosie avec sa patente d'entrée avait à faire sept à huit jours de quarantaine à Kertsch, ou Jenicale, ce qui prolongeait sans raison son voyage.

Dans le cas, que quelque bâtiment avec des marchandises susceptibles et non susceptibles se présenta dans les ports où il n'y aura pas de lazaret, on pourra selon la nature des choses et de la patente en débarquer après les formalités nécessaires les articles non susceptibles et après cela l'envoyer au lazaret le plus proche pour y débarquer celles susceptibles. Cependant il est d'usage de ne rien débarquer, s'il y a au bord des articles susceptibles et pour plus de sûreté il faudra renvoyer le bâtiment au lazaret. Mais ces accidents n'arriveront pas dès que les choses seront établies et auront pris un cours régulier et bien connu.

Envois des articles susceptibles des ports chrétients.

Quoique les bâtiments venant des ports de la chrétienté même avec d'articles susceptibles soient à l'abri de tout soupçon du mal contagieux, car tout il y a été purgé et partout il y a de bureau de santé, cependant la nécessité de passer par le canal de Constantinople, de prendre dans la capitale et de vérifier des pièces et d'y pratiquer doit de raison assujettir dans les ports de Russie à une quarantaine. Mais en cela on ne doit pas les confondre avec ceux, qui venant de la Turquie, sont des bâtiments et des équipages turcs ou grecs et beaucoup moins avec ceux, qui venant chargé en Turquie des articles

susceptibles. Ce serait donc de toute justice d'établir la règle suivante:

Si les bâtiments, qui viennent des ports de la Méditerranée, où il y a bureau de santé, avec leur certificat de libre entrée, sans le moindre accident pendant le voyage, ont des articles susceptibles, chargés dans les endroits de leur départ et ils n'en ont point chargé dans la Turquie ou dans Constantinople, qu'on leur donne une courte quarantaine de précaution moindre, s'ils ont patente nette de Constantinople, plus longue s'ils l'ont brute.

S'ils ont embarqué en Turquie des articles non susceptibles, qu'ils subissent une quarantaine un peu plus longue; mais s'ils ont chargé des articles susceptibles, qu'ils soient au niveau à peu près selon les cas de ceux ou Grecs, ou Ottomans, qui portent de la Turquie des articles susceptibles.

La moindre quarantaine dans le 1-er cas est très essentielle pour faciliter les voyages dans la vue de retirer de la Russie des blés et les transborder ou dans le canal, ou à l'île de Ténédos sur des bâtiments, qui n'ont pas le droit de passer dans la mer Noire. Ce serait une véritable entrave que ses bâtiments, qui retournent vides dans les ports de Russie et les autres venus dans la Méditerranée sans rien avoir pris à Constantinople fussent obligés d'y faire une quarantaine égale à ceux qui y portent des marchandises susceptibles, embarquées en Turquie.

Je prie de recevoir avec indulgence cet aperçu et quelque qu'il soit d'y reconnaître au moins l'envie, que j'ai de pouvoir de toutes manières contribuer au bonheur des provinces de Catherinoslaw et de la Tauride, dont le gouvernement général vient d'être confié par Sa Majesté Impériale à un personage, si rempli de zèle et de lumière à la haute considération duquel je le soumets entièrement, étant avec le plus profond respect,

de Son Excellence,

le très-humble et très-obéissant serviteur

Barthelemy Gallera.

Ce 1/12 octobre 1793.

Gènes.

XVI.

СУДА

ЧЕРНОМОРСКИХЪ ФЛОТОВЪ.

ВѢДОМОСТЬ

о судахъ Черноморскихъ флотовъ [1]) съ означеніемъ сколько какихъ положено по штату и состоитъ на лицо.

По штату положено.	На лицо состоитъ.
Кораблей 47-хъ-пуш. 15	*Годныхъ:*
	84 пуш. „Св. Павелъ“.
	74 „ „Св. Петръ“.
	74 „ „Св. Захарій и Елисавета“.
	Въ Херсонѣ.
	74 пуш. „Симеонъ и Анна“.
	66 „ „Богоявленіе Господне“.
	66 „ „Троица святая“.
	66 „ „Марія Магдалина“.
	74 „ На стапели.
	8
	Ветхихъ:
	80 пуш. „Рождество“.
	74 „ „Іоаннъ Предтеча“.
	66 „ „Св. Павелъ“.
	66 „ „Св. Владиміръ“.
	4
Фрегатовъ 50-ти-пушечн. . 6	*Годныхъ:*
	50 пуш. „Григорій Великой Арменіи“.
	— „ „Св. Михаилъ“.
	46 „ „Св. Николай“.

[1]) См. выше, № 501.

По штату положено.		На лицо состоитъ.
		46 пуш. „Казанская Богородица“.
		— „ „Сошествіе св. Духа“.
		— „ „Царь Константинъ“.
		— „ „Өедоръ Стратилатъ“.
		— „ „Наврхія - Вознесеніе Господне“.
		8
		Ветхихъ:
		50 пуш. „Александръ Невскій“.
		— „ „Георгій Побѣдоносецъ“.
		— „ „Апостолъ Андрей“.
		3
Фрегатовъ 36-ти-пуш.	6	*Годныхъ:*
		36 пуш. „Счастливый“.
		32 „ „Поспѣшный“.
		32 „ „Іоаннъ Златоустъ“.
		3
		Ветхій:
		32 пуш. „Макроплія-Маркъ Евангелистъ“.
		Недостаетъ 3
		Годныхъ:
Фрегатовъ 28-ми-пуш. . . .	6	26 пуш. „Легкій“.
		20 „ „Акатъ Ирина“.
		20 „ „№ 2“.
		3
		Недостаетъ 3
Катеровъ 12-ти-пуш.	3	Недостаетъ 3

По штату положено.	На лицо состоитъ.
	При корабельномъ же флотѣ состоятъ суда: 14 пуш. Репетичное. „Полоцкъ“. *Корсарскія:* 14 пуш. „Абелтажъ“. 14 „ „Принцъ Александръ“. 14 „ „Красноселье“. 12 „ „Фениксъ“. — „ „Св. Николай“. 16 „ „Панагія Апотоменгано“. 6 „ „Березань“. 4 „ „Св. Андрей“. *Пришедшія изъ Средиземнаго моря:* „Св. Елена“. „Св. Николай“. } Служатъ для одного транспорта. 20 пуш. „Ахиллъ“.
Въ гребномъ флотѣ: Судовъ способныхъ дѣйствовать и въ морѣ 72	Таковаго рода построены въ Севастополѣ два судна, именуемыя шхуны: № 1. № 2. Недостаетъ . . . . 70 Въ гребномъ же флотѣ состоятъ суда еще для службы способныя: *Бригантины:* № 1-го. „Таганрогская“. „Мокѣй“. „Иларіонъ“.

По штату положено.		На лицо состоитъ.	
		„Алексѣй“. „Дмитрій“. „Өома“. „Архипъ“. „Петръ“. „Павелъ“. „Іосифъ“.	
			11
		Катеръ „Христофоръ“.	
		Лансоны:	
		„Герасимъ“. „Іасонъ“. „Яковъ“. „Мавра“. „Леонтій“. „Трофимъ“. „Лаврентій“. „Миронъ“. „Самуилъ“. „Моисей“. „Феофанъ“. „Родіонъ“. „Өеодоръ“. „Антипъ“. „Никонъ“. „Діонисій“. „Іерофѣй“. „Тревакъ“.	
			19
		Скамповей [1].	5
Канонерскихъ лодокъ для служенія при арміи по рѣкамъ	50	Канонерскихъ лодокъ. . . .	53

[1]) Scampa via, уйди прочь — легкое судно, отличающееся скоростью хода.

По штату положено.		На лицо состоитъ.	
Для содержанія брантвахтъ			
Бригантинъ	8	Вмѣсто оныхъ могутъ употреблены быть изъ бригантинъ гребнаго флота.	
Ластовыхъ судовъ для перевоза тягостей:			
Большаго размѣра	3	На стапели въ Николаевѣ строится	1
		Недостаетъ въ штатѣ . . .	2
Средняго размѣра	4	*Габары:*	
		„Платонъ".	
		„Валерьянъ".	
		„Іосифъ".	
		„Кичкасы".	
		Транспортъ „Сергій".	
Малаго размѣра.	5	*Транспортные суда:*	
		№ 1.	
		Лансоны:	
		„Титъ".	
		„Симеонъ".	
		„Іустинъ".	
		„Мануилъ".	
		„Маркъ".	
		„Ирина".	
		„Исидоръ".	
		„Андроникъ".	
		„Савва".	
Почтовыхъ судовъ для Цареграда и другихъ мѣстъ . .	4	Недостаетъ	4
		а употребляются изъ бригантинъ гребнаго флота.	

По штату положено.		На лицо состоитъ.	
Для портовыхъ перевозовъ:			
Понтоновъ	18	Сіи суда замѣняются другими, а именно:	
Плашхоутовъ.	18		
Барказовъ большихъ	20	Казачьихъ донскихъ лодокъ	29
	56	Плашхоутовъ.	2
		строенныхъ для бывшей Одесской экспедиціи:	
Для догрузки кораблей въ Лиманѣ	6	№ 2.	
Для перевоза лѣсовъ изъ Херсона до Николаева	4	— 3.	
Для Азовскаго моря	9	— 4.	
	19	— 5.	
		— 6.	
		— 8.	
		— 9.	
		— 10.	
		— 11.	
		— 12.	
		— 13.	
		„Майлетъ“.	
		„Царь Константинъ“.	
		„Матвѣй“.	
		Сверхъ того изъ военныхъ судовъ по ветхости и слабости назначаются въ транспортъ:	
		„Рождество Богородицы“, бывшее бомбардирскимъ судномъ.	
		Бригантины:	
		„Благовѣщеніе“.	
		„Никодимъ“.	
		„Тимофей“.	
		„Левъ“.	
		Лодокъ	10
		Понтоновъ	3
		Разъѣздныхъ лодокъ. . . .	5

По штату положено.		На лицо состоитъ.	
При гребномъ флотѣ:			
Госпитальныхъ судовъ . . .	2		
Транспортныхъ	5	Недостаетъ	7
	7		
		Сверхъ того состоятъ суда за ветхостью къ службѣ неспособныя:	
		Бригантина „Николай“.	
		Катера:	
		„Стефанъ“. „Ксенофонтъ“. „Кириллъ“. „Громъ“.	
		Кирлангичи:	
		„Григорій“. „Киръ“. „Андрей“.	
		Лансоны:	
		„Захарій“. „Деміанъ“. „Ермій“. „Дорофей“. „Евдокимъ“. Перевозный барказъ „Михаилъ“. Транспортъ „Никонъ“. „ „Межа“. Бывшее бомбардирское „Новоплавокъ“. Одинокая шлюпка.	

По штату положено.		На лицо состоитъ.	
		Плѣнные: лансонъ.	
		„ кирлангичъ.	
		Понтоновъ	2
Камели:		Новаго построенія:	
Корабельные	1	Корабельные	1
Фрегатскіе	1	Фрегатскіе	1
		Въ Таганрогѣ фрегатскіе ветхіе.	1

Адмиралъ Мордвиновъ [1])

---

[1]) *Архивъ* Мор. Мин., дѣла гр. Кушелева, т. 62, л. 209.

612.

ОПИСАНІЕ

производимому въ Англіи строенію кораблей съ показаніемъ разностей отъ построеннаго въ Херсонѣ 74-хъ-пушечнаго корабля.

Въ Англіи производится строеніе:	Въ Херсонѣ на 74-хъ-пушечномъ кораблѣ сдѣлано:
На всѣхъ корабляхъ и фрегатахъ дѣлаются настоящіе шпангоуты чрезъ одно разстояніе, которые сплачиваются изъ лорфутокса 2-го, 3-го и 4-го футоксовъ [1]) и топтимберсовъ, между коихъ противъ каждаго стыка кладутся прокладки и крѣпятся боутами прежде поднятія ихъ на мѣста; по поднятіи жъ оныхъ каждый лорфутоксъ къ означенному флортимберсу [3]) крѣпитсятремя боутами. На большихъ корабляхъ топтимберсы для облегченія подъема оставляются, а придѣлываются по положенію уже рыбинъ, въ верхней же части оныхъ изъ подъ самаго планшира до опордекъ [4]) портовъ всѣ шпаціи за-	Таковыхъ связныхъ шпангоутовъ не имѣется, а всѣ деревья набираются безъ укрѣпленія одного съ другимъ, но только между оными положены небольшой величины сторсовыя прокладки; въ верхней же части отъ самыхъ гондекъ [2]) клямсовъ всѣ шпаціи задѣланы плотно сосновыми деревьями.

[1]) Futtock—составная часть деревяннаго шпангоута. *Вахтинъ*, 356.

[2]) Gundeck—часть палубы (deck), предназначенная для орудій (gun). *Ibid.*, 70.

[3]) Floortimber—нижняя часть шпангоута. *Ibid.*, 351.

[4]) Upper deck—верхняя палуба.

Въ Англіи производится строеніе:	Въ Херсонѣ на 74-хъ-пушечномъ кораблѣ сдѣлано:
дѣлываются сосновыми забоинами плотно и проконопачиваются для случающихся въ планширѣ сквозныхъ трещинъ, дабы дождь не могъ проходить между обшивкою и наборомъ.	
Доски внѣшней и внутренней обшивки, какъ въ подводной части, такъ бархоуты и сверхъ ихъ обшивка, крѣпятся въ каждое наборное дерево двумя сквозными нагилями, концы же досокъ крѣпятся въ стыковое дерево ершомъ въ одну кромку, а въ ближайшее къ нему дерево сквознымъ боутомъ, исключая тѣхъ, коими обшивается корабль между портовъ, ибо оныя всегда крѣпятся гвоздями.	Доски водной и внутренней обшивки въ подводной части крѣплены въ каждое наборное дерево однимъ нагилемъ и гвоздемъ, а бархоуты и сверхъ ихъ обшивка двумя гвоздями; стыки же, какъ въ подводной, такъ и въ надводной части, крѣплены ершами безъ боутовъ, и таковое крѣпленіе сверхъ ватеръ-линіи почитается весьма прочнымъ, ибо отъ нагилей, какъ наборъ, такъ и обшивка въ скоромъ времени приходитъ въ гнилость.
Ридерсы скрѣпляются парами и кладутся въ перпендикуляръ килю, простираясь до гондекъ бимсовъ, а иногда еще къ нимъ присовокупляются токсъ-ридерсы, которые продолжаются до опордекъ-бимсовъ.	Флоридерсы положены подобнымъ образомъ въ перпендикуляръ килю на лорфутоксъ. Но лорфутоксъ-ридерсы съ поворотомъ, а потому противу прямо положенныхъ въ крѣпленіи гораздо преимущественнѣе.

Въ Англіи производится строеніе:	Въ Херсонѣ на 74-хъ-пушечномъ кораблѣ сдѣлано:
Квартордекъ [1]) продолжается въ длину отъ кормовыхъ контръ-тимберсовъ впередъ гротъ-мачты и оканчивается надъ вершиною мейнъ-топсель-шитъ битса [3]). Форкастель начинается отъ пикгетъ переборки и продолжается, не доходя небольшимъ разстояніемъ. Форъ люка соединяется же съ квартордекомъ лежащими на обѣихъ сторонахъ на вышинѣ планшира шкафутами, шириною не болѣе $3^1/_2$ футъ, и сіе пространство оставляется для свободнаго постонавливанія барказа безъ разборки ростеровъ, для чего и форъ джиркепстонъ дѣлается опускной.	Квартордекъ и форкастель [2]) составляютъ цѣльный декъ во всю длину корабля, отъ самыхъ кормовыхъ контръ-тимберсовъ до пикгетъ переборки, какъ и прочіе деки, чѣмъ предаетъ кораблю немалое крѣпленіе, притомъ и опордекъ во время сраженія при дѣйствіи парусовъ отъ снастей дѣлается пространнымъ, но для постонавливанія на опордекъ барказа, какъ симъ, такожъ и форъ джиркепстонъ, дѣлаетъ препятствіе, ибо оный кепстонъ [4]) сдѣланъ неопускной.
На всѣхъ декахъ по положенiи бимсовъ впускаются на каждой сторонѣ въ 4 ряда, во всю длину корабля, карленсы [5]), а между бимсами всѣ карленсы	Всѣ деки таковыми карленсами и леджесами не обремечиваны, а положено карленсовъ на каждой сторонѣ, во всю длину корабля, только по одному

[1]) Quarter deck—шханцы, четверть дека. *Вахтинъ*, 110.
[2]) Fore castle—бакъ, передовой замокъ. *Ibid.*, 354.
[3]) Особый родъ рейковаго паруса. *Ibid.*, 332.
[4]) Capstan—шпиль, вертикальный воротъ. *Ibid.*, 371.
[5]) Carling—деревянный брусъ, вгоняемый между бимсами. *Ibid.*, 106.

Въ Англіи производится строеніе:	Въ Херсонѣ на 74-хъ-пушечномъ кораблѣ сдѣлано:
поперекъ корабля леджесы [1]), къ чему и крѣпятся палубныя доски въ каждый бимсъ двумя и въ каждый леджесъ однимъ гвоздемъ.	ряду, которые составляютъ боковыя стороны люковъ, а вмѣсто леджесовъ между каждымъ бимсомъ впущены полубимсы, чѣмъ и дѣлаютъ палубамъ облегченіе; палубныя жъ доски, какъ къ нимъ, такъ и къ настоящимъ бимсамъ, крѣплены 2-мя гвоздями.
Стандерсы на гондекѣ и опордекѣ становятся дубовые, а по невыгодности, гдѣ стѣны корабля имѣютъ большой внутрь уклонъ, въ тѣхъ мѣстахъ становятся желѣзные.	Стандерсы на гондекѣ и опордекѣ поставлены желѣзные, которые, какъ прочностью своею, такъ и меньшимъ занятіемъ мѣста противъ дубовыхъ, имѣютъ наилучшую выгоду.
На всѣхъ корабляхъ внутренняя часть крамбалки [2]) простирается прямо по кякгетъ бимсу, съ которымъ и крѣпится боутомъ, а конецъ, выходящій за бортъ корабля, имѣетъ немалое направленіе какъ къ верху, такъ и къ носу.	Внутренняя часть крамбаловъ положена косвенно поперечному сѣченію корабля, соотвѣтствуя выходящему за бортъ концу, чѣмъ дѣлаетъ большую выгодность деревьямъ и удобствіе для поднятія якоря.
На всѣхъ корабляхъ заднія галлереи дѣлаются нѣсколько за старнъ-тимберсы и покры-	Заднія галлереи сдѣланы равно со старнъ-тимберсомъ, а потому и не имѣютъ надобности въ

[1]) Ledges—тонкіе брусья, между карлинсами. *Вахтинъ*, 148.

[2]) Крамболъ кранбалъ — брусъ, поддерживаемый снизу кницей. *Ibid.*, 135.

Въ Англіи производится строеніе:	Въ Херсонѣ на 74-хъ-пушечномъ кораблѣ сдѣлано:
ваются отъ рангоусъ-транца [1]) сдѣланною раковиною.	верхней раковинѣ, и не отягощаютъ излишнею тяжестью.
Мейнъ-вельсъ [2]) бархоутъ въ кормовой части кладется половиною своей ширины выше винтранца, и отъ таковаго возвышенія гондекъ-портами перерубаются весьма много.	Мейнъ-вельсъ положенъ верхнею кромкою равно съ винтранцомъ, почему гондекъ-порты не перерубаютъ онаго, придаютъ кораблю болѣе крѣпости.
Когда корабль будетъ наборомъ набранъ, рыбинами обнесенъ и подставами подкрѣпленъ, всѣ толстыя доски для бархоутовъ, клямсовъ и связныхъ поясьевъ, равно и для всѣхъ дековъ бимсы, книсы, выправлены и положены на прокладки для просыханія до означеннаго времени.	Наборные члены: киль, стемъ-старнпостъ [3]), трансомы, бархоуты, внѣшняя и внутренняя обшивка обжигаются, чѣмъ не въ столь скоромъ времени подвергаются гнилости.

Все прочее въ строеніи и крѣпленіи чистотою и прочностью своею во всемъ подобны, какъ и на строющихся въ Англіи корабляхъ.

---

[1]) Транецъ, transom—поперечные брусья кормы. *Вахтинъ*, 333.
[2]) Wales—поясъ судовой обшивки. *Ibid.*. 43.
[3]) Sternpost—брусъ, къ которому навѣшивается руль. *Ibid.*, 12.

613.

RÉPONSE

à la demande de son Excellence monsieur l'amiral de Mordvinoff sur les différentes questions annoncées ci après.

1. Quelles sont les raisons, qui occasionnent le peu de durée de nos vaisseaux?

2. Quels sont les moyens, qu'on peut employer, tant pour la préparation des bois et la construction des vaisseaux, que pour leur entretien dans les ports et à la mer, afin qu'ils puissent servir le plus long temps possible?

Le peu de durée des vaisseaux et autres bâtiments flottants provient souvent de plusieurs causes réunies ensemble: de la mauvaise qualité des bois et autres matériaux, employés dans leur construction, de la trop longue durée de ces mêmes constructions, du peu de liaisons, enfin du mauvais entretien des vaisseaux une fois lancés en mer et en station dans les ports. Encore très nouveaux dans un de ceux de Russie, où à peine j'ai l'honneur de servir depuis dix-huit mois, où je n'ai vu encore aucune flotte revenant de la mer, aucun vaisseau en radoub ou en refonte dans un bassin, aucun mouvement de guerre, armement, désarmement, en un mot, rien de ce que l'on voit ordinairement dans un service tel que le mien, ce qui fournit les moyens de faire les plus grandes observations, je suis dans l'impossibilité de répondre affirmativement à la première question de monsieur l'amiral et laisse par conséquent ce soin à M. M. les ingénieurs constructeurs du pays.

Les bois de construction ne m'ont point paru demander aucune préparation, seulement du soin pour les conserver dans les arsenaux ou autres lieux, où on les fait stationner; mais avant tout, il faut qu'ils soient bien abattus et dans la saison convenable, après avoir été bien choisis n'ont sur le retour et par des personnes aptes à cela, qu'ils ne soient point laissés çà et là dans les forêts où ailleurs après leur coupe, bien au con-

traire le plutôt possible enlevés et transportés dans des lieux propres à y être conserver, selon que leur nature l'exige, soit dans l'eau, ou sous des hangars construits à clair voie dans des endroits bien situés et bien aérés.

M'étant aperçu que ces bois se conservent très bien de cette dernière manière, mon opinion serait de le faire toujours ainsi et jamais dans l'eau, car ils y sont presque déjà accrus, puisque la plupart sont coupés dans des terrains marécageux, ils ont peu de consistence et par leur nature susceptible de peu de durée. Si donc on les conserve dans l'eau et qu'on les emploie immédiatement après les en avoir retiré, ainsi qu'on est forcé de le faire par le manque d'approvisionnement de ceux déjà secs, il n'est pas douteux que ces bois ainsi renfermés s'échaufferont bientôt, fermenteront, la pourriture s'en suivra et par conséquent un prompt dépérissement dans l'édifice, auquel ils auront été employés. On m'observera sans doute et je m'attends, que l'on prépare ici les bois sous des hangars, où ils ont le temps de se sécher en partie et peuvent le faire en entier, étant ensuite exposés à l'air, durant la construction des bâtiments. Cela est encore vrai, s'ils n'y étaients exposés que durant peu de temps pendant la belle saison et si avant l'arrivée de la mauvaise les bâtiments pouvaient être lancés ou terminés en entier par les hauts et surtout bien brayés et calfatés; alors, certainement, ces mêmes bâtiments ne dépérissaient point comme ils peuvent le faire dans le cas contraire et il en résulterait un bien, mais je m'explique dans le cas, où les fonds depuis la varangue jusqu'à la quille ne seraient point bordés, parce que par ce moyen l'air, pouvant circuler dans tout l'intérieur de la membrure, la siccité ne serait point interdite, s'opérerait plus lentement et d'une manière efficace.

Les bâtiments une fois lancés en mer et conduits dans les ports ou darses, où ils sont destinés à résider, doivent à juste titre être considérés, comme des dépôts précieux et très difficiles à remplacer, surtout les gros, par conséquent soignés en conséquence. C'est du soin qu'on apporte à leur entretien, que

dépend les trois quart du temps leur durée, quelque soit d'ailleurs les bois avec lesquels ils ont été construits.

J'en ai construits et vu construire beaucoup avec de ceux d'une nature et d'une valeur peu au-dessus de ceux-ci, qui ont cependant durés assez intactes les neuf et dix années consécutives, en essayant que de légères réparations durant ce temps, au bout duquel, en étant mis dans un bassin, y éprouvant une refonte qui n'ont repassé jamais la moitié de la valeur de leur construction les rendaient cependant susceptibles encore d'une même durée. Ainsi, je le répéterai encore, la durée des bâtiments flottants une fois en mer, je veux dire, en station, dans les ports, dépends infiniment de leurs entretiens. Je crois, qu'arrivés dans ces lieux—bien nettoyer intérieurement et lester suffisamment pour empêcher, qu'ils s'arquent, les sabords entrouverts de manière que la neige et la pluie ne si introduisent point, mais bien l'air dans les entre-ponts et des manches à vent suspendues à l'endroit des paneaux dans la cale pour aérer celle-ci, les ponts supérieurs, gaillards, panavants et dunettes balayer et fauberter chaque jour et arroser de même dans l'été, ainsi que tout l'extérieur, avec des pompes à incendies, tous les ans à l'arrivée du printemps, les œuvres mortes et ponts nommés ci-dessus calfatés, brayés et goudronnés, ainsi qu'une demi bande ensuite pour repasser la flottaison, dont les coutures peuvent avoir craché leurs étoupes par l'effet de la glace dans un pays comme celui-ci, où les vaisseaux y sont pris pendant plusieurs mois de l'année, avoir attention de changer de temps à autre leur exposition par rapport au midi et les y exposer également, avoir attention, que les câbles ne soient jamais trop roides, surtout si les lieux, où les vaisseaux sont mouillés, les rends susceptibles d'en avoir aux deux extrémités, ne jamais leur faire prendre la mer sans les chauffer et caréner, s'ils ont quitté leur cale de construction depuis plus d'une année, enfin ne jamais en laisser passer plus de deux ans sans leur faire cette réparation soit sur le côté abattu en quille, ou dans un bassin, mais de préférence de cette manière, le vaisseau

souffrant moins avec un pareil entretien strictement suivi. Je ne mets pas de doute à ce que des bâtiments construits avec soin, quoiqu'avec des bois médiocres ou ceux du pays dont je viens de parler, puissent néanmoins durer un nombre assez conséquent d'année.

Il me reste à dire deux mots de leur conservation en campagne. A celle-ci sont attachés moins de moyens, parce que les bâtiments étant encombrés il est plus difficile d'y introduire l'air dans toutes ses parties, ainsi que de les laver. Mais on peut cependant faire l'un et l'autre et cela indispensablement je le met en avant le premier, comme étant d'une absolue nécessité à la salubrité des équipages. Il faut donc lorsque le temps le permet, faire faire branle-bas, en ne laissant dans les entre-ponts que les malades et les hommes nécessaires pour le bien laver, après qu'ils auront été bien grattés pendant tout ce temps, tous les sabords ouverts, les paneaux de même avec des manches à vent autant qu'on peut les insinuer dans la cule, introduire de l'eau de mer dans celle-ci les jours, où il y a un peu de roulis, pour la laver par ce moyen et pomper l'eau ensuite, fumiger le plus souvent possible et surtout lorsque le temps empêche d'ouvrir les sabords et enfin avoir la plus grande attention de conserver toujours un même tirant d'eau et une même différence dans celui-ci de l'avant à l'arrière, celle reconnue pour la meilleure marche, cela en faisant remplacer les consommations par de pièces vides remplies d'eau de mer et tant que faire se peut placées au milieu et jamais les extrémités encombrées que des choses y affectées. Par ce moyen bien certainement la santé des hommes et la durée des bâtiments ne peuvent manquer d'éprouver de très heureux effets.

Mais il faut dans tout de l'exécution, c'est à quoi est en général attaché le succès de toutes choses.

Brun St. Hipolyte[1]).

---

[1]) Марсельскій судостроитель, вступившій въ русскую службу и прикомандированный къ черноморскому флоту.

XVII.

РАСПРЯ

МОРДВИНОВА И УШАКОВА.

614.

Всеподданнѣйшій докладъ Адмиралтейской Коллегіи.

«докладывано 23-го ноября 1797 года».

Изъ меморіи отъ генералъ-аудиторскихъ дѣлъ.

Черноморское Адмиралтейское Правленіе, представляя въ подлинникѣ рапорты вице-адмирала Ушакова, жалующагося въ оныхъ на чинимыя ему притѣсненія и оскорбленія какъ адмираломъ Мордвиновымъ, такъ и другими членами Правленія, каковыя дѣлало на оныя опредѣленія, прилагаетъ съ оныхъ копіи на разсмотрѣніе Коллегіи, испрашивая резолюціи, что чинить ему въ таковомъ случаѣ.

Изъ рапортовъ и опредѣленій видно, что адмиралъ Мордвиновъ ордеромъ отъ 24-го іюля 1796 года предписалъ вице-адмиралу Ушакову командировать изъ состоящаго въ Севастополѣ 2-го черноморскаго баталіона двухъ капитановъ, Новикова и Павлищева, и поручиковъ Горемыкина и Цыплетова въ другіе по росписанію его баталіоны, коихъ Ушаковъ, имѣя изъ лучшихъ и нужныхъ тамо, просилъ Правленіе оставить, а на мѣста ихъ командировалъ другихъ. Правленіе, учинивъ ему за сіе выговоръ, предписало непремѣнно командировать требуемыхъ ордеромъ Мордвинова офицеровъ. Ушаковъ, представляя, что онъ не надѣялся за сіе столь строгаго выговора и что онъ не былъ неисполнителемъ и законопреступникомъ по сему, какъ объяснено то въ опредѣленіи, ибо просилъ токмо объ отмѣнѣ, а не упорствовалъ, и офицеровъ тѣхъ отправить, какъ скоро позволитъ распутица, присовокупляя при томъ, что командировки таковыя по сношенію съ нимъ, какъ командиромъ въ отдаленности, не столь бы тягостны были для служащихъ, какъ сіи. И оскорбительные сіи Правленія выговоры относитъ непріязненности къ нему Мордвинова.

Ушаковъ, прописывая въ рапортѣ своемъ отъ 18-го декабря 1795 года, что онъ, побужденный крайностью, изъ-

ясняет Правленію жалобу свою: 1-е) что представленія его о рекомендованных остаются без всякаго разсмотрѣнія; 2-е) что присутствующіе в Правленіи младшіе его и в небытность предсѣдательствующаго дают ему повелѣнія, иногда и невозможныя к исполненію, хотя он и повинуется тому; 3-е) что цейхмейстер Геринг [1]) состоящему в командѣ у него, Ушакова, артиллеріи капитану 2-го ранга дает повелѣнія, нимало не соотвѣтствующія обстоятельствам и затруднительныя, и дѣлает команду сію как бы отдѣленною и вовсе не зависящею от него, Ушакова, и 4-е) что по сим обстоятельствам и неудовлетвореніям по требованіям его нужнаго для флотов, от часу флот противу прежняго упадает и приходит в ветхость, почему и просит уважить сіи представленія его, кои объяснит лично и предсѣдательствующему, по возвращеніи его. Правленіе на сіе опредѣлило предписать ему, Ушакову: 1-е) что рекомендованным им, как и ему самому, Правленіе всегда отдает должную справедливость; 2-е) что предписанія ему дѣлаются от Правленія, а не от членов, и что то по долгу службы он исполнять обязан; 3-е) цейхмейстер нимало не отдѣляет от начальства его команду, а по должности своей токмо дѣлает предписанія, о чем и ему, Ушакову, относится; и 4-е) что в разсужденіи исправленія флотов он снабден уже предписаніем и что знатное туда отправлено количество лѣсов, а притом и кораблей бо̀льшая часть были в Севастополѣ, в кампаніи же была малая эскадра, то ежели бы требовано было Севастопольскою конторою, остановки бы в лѣсах и прочих матеріалах не могло послѣдовать. А посему и опредѣлено возложить доставленіе туда матеріалов на Интендантскую Экспедицію, а Севастопольской конторѣ повелѣть о работах сих и починках еженедѣльно представлять, что указом и сообщено Ушакову.

[1]) Петр Федорович, 1749—1811, позже генерал-цейхмейстер флота и с 1802 г. член Адмиралтейской Коллегіи.

Коллегія учиненныя Правленіемъ опредѣленія апробуетъ и предписываетъ Ушакову по онымъ исполнять во всей точности [1]).

Ордеры Мордвинова Ушакову.

615.

(Копія).

По предмету приведенія въ готовность черноморскихъ флотовъ и учрежденія, до времени изготовленія оныхъ, крейсерства около крымскихъ береговъ и вообще обезпеченія съ морской стороны границъ нашихъ, каковъ полученъ мною высочайшій Его Императорскаго Величества рескриптъ, съ онаго, а равномѣрно и съ препровожденнаго ко мнѣ при отношеніи Его Высокопревосходительства Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи г. вице-президента Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова [2]), писаннаго къ нему Его Императорскаго Величества отъ г. генералъ-адъютанта и кавалера Кушелева, о вышеизъясненной матеріи секретнаго письма точныя копіи для свѣдѣнія и лучшаго по зависящимъ отъ исполненія Вашего Превосходительства частямъ руководства при семъ отъ меня препровождаются.

Февраля 15-го дня
1798 года.
Николаевъ [3]).

---

[1]) *Архивъ* Мор. Мин., дѣла гр. Кушелева, т. 8, л. 80.

[2]) Въ 1797 г. назначенъ исправлять должность вице-президента Адмиралтействъ-Коллегіи; въ 1798 г., октября 23-го, назначенъ исправлять должность президента и, чрезъ недѣлю, октября 31-го, утвержденъ въ званіи президента, „которому, однако, не быть генералъ-адмираломъ“. *Списокъ*, II, 97.

[3]) *Архивъ* Мор. Мин., дѣла канцел. Адмир. Колл., т. 695, л. 127.

616.

(Копія).

Въ разсужденіи открывающагося нынѣ удобнаго къ мореплаванію времени, предписываю Вашему Превосходительству, чтобы на всѣхъ тѣхъ судахъ, которыя, по назначенію вашему, конторою главнаго командира черноморскихъ флотовъ опредѣлены для будущей кампаніи, уставлены были интрюймы, положены пушки и все должное къ вооруженію пріуготовленіе сдѣлано было; а затѣмъ, съ какого точно времени приступить должно будетъ къ самому вооруженію судовъ, имѣете ожидать отъ меня особеннаго предписанія, но въ такомъ случаѣ, когда, паче чаянія, предупредительно дойдетъ къ свѣдѣнію вашему какое-либо достовѣрное извѣстіе о непріязненныхъ со стороны турковъ покушеніяхъ, долженствуете, и не дожидаясь моего повелѣнія, вооружить эскадру.

Марта 16-го дня
1798 года.
Николаевъ [1]).

617.

Рапортъ Ушакова Мордвинову.

(Копія).

Высокородному и высокопревосходительному главнокомандующему черноморскихъ флотовъ г. адмиралу и разныхъ орденовъ кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову

вице-адмирала Ушакова

РАПОРТЪ.

Ордеръ Вашего Высокопревосходительства сего марта отъ 16-го дня подъ № 22, по секрету писанный, мною полученъ,

---

[1]) *Архивъ* Мор. Мин., дѣла канц. Адмир. Колл., т. 695, л. 128.

и донесть честь имѣю: отъ 4-го числа минувшаго февраля въ высочайшемъ Его Императорскаго Величества рескриптѣ, при ордерѣ Вашего Высокопревосходительства того жъ февраля отъ 15-го дня подъ № 12 въ копіи приложенномъ, повелѣніемъ изображено: двѣнадцать кораблей, включительно въ число оныхъ большіе линейные фрегаты, вооружить и всѣ дѣйствія, предосторожность и охраненія, дабы съ противной стороны не допустить и не могло бы послѣдовать нечаянно на берега наши сюрпризовъ, и прочія подробности, что какъ произведено быть должно, ясно въ немъ изображены. И таковое жъ высочайшее повелѣніе и съ точною жъ подробностію, даже и съ пополненіями припискою обо всѣхъ предохранительностяхъ и исполненіяхъ мною чрезъ нарочно присланнаго отъ Его Императорскаго Величества, минувшаго февраля отъ 4-го дня послѣдовавшее, получено, съ онаго содержаніе я тогда жъ въ рапортѣ моемъ къ вамъ представилъ. А въ означенномъ ордерѣ Вашего Высокопревосходительства февраля отъ 12-го дня объяснено: съ высочайшаго повелѣнія для свѣдѣнія и лучшаго по зависящимъ отъ исполненія моего частямъ руководства препровождаете ко мнѣ копіи, что и объясняетъ, что повелѣніе ваше по начальству моему здѣсь должно учинить мнѣ исполненіе по высочайшимъ предписаніямъ, по сему и приказалъ я, выполняя оныя, назначенные къ походу подъ мое начальство корабли и фрегаты вооружить и вооружаются. Касательно же до производства провіанта словесно въ присутствіи въ конторѣ Севастопольскаго порта объявилъ я оной до будущаго повелѣнія производить служителямъ сухопутный провіантъ, а морской, по недостатку его здѣсь, сберечь и въ выдачу не производить до послѣдующаго, какое о томъ будетъ предписанія; и симъ исполнилъ я рачительно все, что слѣдуетъ и должно. Въ ордерѣ жъ, нынѣ отъ 16-го числа сего марта мною полученномъ, соизволите предписывать, что съ какого точно времени приступить должно будетъ къ вооруженію судовъ, ожидать особаго вашего повелѣнія. Но по первому вышеозначенному вашему жъ предписанію и высочайшимъ къ вамъ и ко

мнѣ повелѣніямъ, сіе уже мною исполнено и суда вооруженіемъ приходятъ къ окончанію. За симъ моимъ донесеніемъ всепокорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство повелѣніями о толь важныхъ монаршихъ предписаніяхъ снабжать меня въ полномъ и достаточномъ смыслѣ, дабы не можно почитать ихъ двояко, какъ въ нѣкоторыхъ важныхъ предписаніяхъ отъ васъ и отъ конторы главнаго командира черноморскихъ флотовъ не объясняются полнымъ содержаніемъ, чтобы можно было во всякой точности выполнять ихъ безсумнительно, ибо двоякій смыслъ всегда начальство можетъ полагать противъ подчиненнаго, какъ оно заблагоразсудитъ, а иногда и съ противной стороны неудовольствіемъ. А какъ я желательно стараюсь всѣ присылаемыя ко мнѣ повелѣнія выполнять рачительно съ точностію, потому повторяю покорнѣйшую мою просьбу, во избѣжаніе излишнихъ и напрасныхъ противу меня неудовольствіевъ, снабжать меня повелѣніями подробнѣе обо всемъ томъ, что исполнять должно или объ чемъ именно впредь ожидать повелѣнія. Въ высочайшихъ Государя Императора повелѣніяхъ значится ясно, что двѣнадцать кораблей, включительно съ фрегатами, ко отвращенію могущихъ произойти нечаянныхъ слѣдствіевъ и сюрпризовъ, должно немедленно вооружить и имѣть готовые. Ежели жъ не будутъ вооружены, въ такомъ случаѣ по замедлительностямъ можетъ открыться нечаянно что-либо противное, и, за промедленіемъ послѣ полученія извѣстіевъ, пока флотъ будетъ вооружаться и дѣлать снабденія, сюрпризы въ то время произойтить могутъ. Я объ ономъ по долгу моему и по сходству высочайшаго мнѣ предписанія Вашему Высокопревосходительству объясняюсь и прошу, что если по послѣднему предписанію вашему что случится несходное, на таковой случай не почитать меня неисполнительнымъ. А по мнѣнію моему, полагаю я, къ тому надлежитъ, сходно съ высочайшимъ предписаніемъ, судамъ состоять во всемъ готовымъ, даже и служителей артиллерійской и солдатской командъ, сколько и кто оные будутъ опредѣлены, должно имѣть уже росписанныхъ, дабы черезъ то также не послѣдо-

вало излишняго замедленія, о чемъ, симъ представляя, и прошу на прежнее представленіе мое снабдить меня вашимъ предписаніемъ, артиллерійскую и солдатскую команды служителей повелѣно-ль будетъ благовременно распредѣлить по судамъ и въ случаѣ недостатка въ разныхъ чинахъ и служителяхъ и о прочемъ, что на представленіе мое по тому жъ опредѣлено будетъ, ожидаю повелѣнія.

Ѳедоръ Ушаковъ.

Марта 22-го дня
1798 года.
Благополучный Севастополь [1]).

618.

Рапортъ въ Адмиралтейскую Коллегію.

Въ Государственную Адмиралтействъ-Коллегію конторы главнаго командира черноморскихъ флотовъ

РАПОРТЪ.

Господинъ вице-адмиралъ и кавалеръ Ушаковъ далъ повелѣніе конторѣ Севастопольскаго порта отъ 8-го числа минувшаго марта вооружать назначенныя къ походу суда. Сіе учинено имъ безъ предварительнаго о томъ отношенія его съ конторою и съ главнымъ командиромъ адмираломъ и кавалеромъ Мордвиновымъ, а отъ 15-го уже числа марта донесено имъ, господиномъ вице-адмираломъ, конторѣ сей, что суда вооруженіемъ съ поспѣшностію приготовляются, и требовалъ укомплектовать оныя служителями, наипаче недостающими въ Севастополѣ солдатской команды, и прибавить артиллерійскихъ сверхъ штатнаго положенія. По изслѣдованіи жъ причинъ, почему г. вице-адмиралъ Ушаковъ приступилъ къ столь раннему и скоропостижному вооруженію, не предваривъ объ ономъ и

---

[1]) *Архивъ* Морск. Мин., дѣла канц. Адмир. Колл., т. 695, л. 130.

отношеніемъ своимъ по командѣ, прислалъ онъ, г. вице-адмиралъ, на имя главнаго командира рапортъ, въ коемъ и возлагаетъ всю винность на г. адмирала Мордвинова, по поводу предписаній его къ нему, якобы въ двоякомъ смыслѣ послѣдовавшихъ. Но, по объявленію главнаго командира, содержаніе перваго ордера его по сему предмету къ г. вице-адмиралу Ушакову заключалось въ томъ, что при ономъ препровождена копія съ высочайшаго рескрипта и письма, писаннаго г. вице-президентомъ Адмиралтействъ Коллегіи и кавалеромъ Иваномъ Логиновичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ о приготовленіи флотовъ; а во второмъ ордерѣ предписано было ему, г. вице-адмиралу, ожидать назначеннаго времени къ вооруженію.

Сіи два ордера, помянутый рапортъ г. вице-адмирала Ушакова и повелѣніе его, Севастопольской конторѣ данное, при семъ прилагаются въ точныхъ копіяхъ.

И хотя г. вице-адмиралъ пишетъ въ томъ рапортѣ, что онъ словесно приказалъ конторѣ Севастопольской производить служителямъ съ начала вооруженія судовъ не морской, а сухопутный провіантъ, однако, словесное приказаніе не можетъ быть въ отмѣну узаконенія, которымъ опредѣлено давать провіантъ морской со дня вооруженія. А судя по таковому раннему вооруженію, въ которомъ по обстоятельствамъ здѣшняго края и не настояло ни малѣйшей нужды, знатное количество морского провіанта съ начала вооруженія должно быть употреблено безполезно и чрезъ то можетъ недостать слѣдующаго на всю кампанію. Какъ же служители будутъ требовать отпуску морского провіанта въ силу узаконенія, а офицеры порціоновъ, контора же сія располагала и расчисленіе дѣлала въ заготовленіи того провіанта о вооруженіи флота къ маю мѣсяцу, для того, представляя сіи обстоятельства на благоусмотрѣніе Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи, проситъ повелѣнія, съ котораго числа отпущать слѣдуетъ морской провіантъ служителямъ.

Какія жъ именно суда корабельнаго флота въ кампанію назначены и всѣ уже вооруженіемъ почти окончены были по 22-е число марта—представляется вѣдомость.

Что принадлежитъ до требуемаго г. вице-адмираломъ укомплектованія судовъ недостающими въ Севастополѣ служителями и артиллерійскими сверхъ штатнаго положенія, то сіе требованіе его контора находитъ излишнимъ, и служителей въ Севастополѣ есть достаточно, а укомплектованіе должно быть по положенію штатному.

Апрѣля 13-го дня
1798 года [1]).

619.

Всеподданнѣйшая жалоба вице-адмирала Ушакова.

(Копія).

Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, великому Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому

вице-адмирала Ушакова

всеподданнѣйшее прошеніе.

Всемилостивѣйшій Государь! Удостойте удѣлить нѣсколько минутъ на разсмотрѣніе всеподданнѣйшаго прошенія, по встрѣчавшимся обстоятельствамъ при утѣсненіяхъ несоотвѣтственныхъ состоянію и вѣрнѣйшему служенію, не слезы, но паче кровь изъ глазъ своихъ проливающаго.

Отъ самаго малолѣтства служеніе мое продолжаю безпорочно, всегда при отличной похвалѣ моихъ начальниковъ; въ 1784 году въ бытность въ Херсонѣ за отличное жъ усердіе, ревность и труды въ скорѣйшемъ упрежденіи противъ всѣхъ прочихъ въ командѣ мнѣ ввѣренной прекратить опасную болѣзнь, чрезъ предстательство графа Ивана Григорьевича Чернышева удостоился получить высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе и въ первый разъ орденъ 4-го класса св. Владиміра, который и еще двоекратно по степенямъ

---

[1]) *Архивъ* Морск. Мин., дѣла канцел. Адмир. Колл., т. 695, л. 124.

я получалъ; св. Георгія по классамъ же я получалъ двое кратно, а напослѣдокъ, не имѣя также никого о себѣ предстателей, за вѣрную службу удостоился получить орденъ св. Александра Невскаго. Все сіе объясняетъ аттестацію моего поведенія и состояніе не худымъ. Послѣ окончанія прошлой войны, неусыпно трудился я о устройствѣ Севастополя, что нынѣ именуется Ахтіаръ; всѣ сдѣланныя полезности при ономъ, бережливость и охраненіе людей, припасовъ и всего при ономъ же имѣющагося небезъизвѣстно. Между тѣмъ, пятый годъ сряду по высочайшему повелѣнію нынѣ иду я на морѣ со флотомъ. Всевышней милосердой десницею во все прошедшее по сіе время предохранилъ флотъ Вашего Императорскаго Величества безъ поврежденія и потери и нынѣ прошу и молю Его о такой же всещедрой милости.

Всемилостивѣйшій Государь! Ревность и усердіе о сохраненіи пользы интереса Вашего съ нѣкотораго времени повергнули меня подъ гнѣвъ и негодованіе моего начальника господина адмирала Мордвинова. По прочемъ прошедшемъ времени въ числѣ главнѣйшихъ его на меня неудовольствіевъ есть то, что вновь построенные въ Херсонѣ, на манеръ изъ Англіи въ Остъ-Индію посылаемыхъ кораблей, «Захарія и Елисаветы» и «Св. Петръ» по прибытіи ихъ въ Ахтіаръ и по объявленію при депутатскомъ смотрѣ, подъ моимъ начальствомъ производимымъ, командовавшимъ корабля «Захарія и Елисаветы» флота капитаномъ 1-го ранга Ознобишинымъ [1]), штабъ и оберъ-офицерами онаго корабля о неудобствахъ и неполезности таковаго построенія, произвелъ я со всѣми командующими здѣсь подробное свидѣтельство и съ подпискою ихъ представилъ по командѣ на разсмотрѣніе и резолюцію, а въ прошломъ 1797 году, во время кампаніи на морѣ во исполненіе высочайшаго именного Вашего Императорскаго Величества указа, ко мнѣ послѣдовавшаго, сдѣлалъ я испытаніемъ замѣчаніе и всеподданнѣйше до-

¹) Илья Ивановичъ; въ 1787 г. произведенъ въ капитаны 2-го ранга; въ 1792 г. награжденъ за отличіе орденомъ св. Георгія 4-й ст.; въ 1795 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга.

несъ Вамъ и въ Государственную Адмиралтействъ-Коллегію. По негодованію за сіе истощилъ онъ, господинъ главнокомандующій, противу меня всѣ непріятства наведеніемъ чувствительностей, которыя я перенесъ и сношу съ терпѣливостью и достодолжнымъ почтеніемъ.

Впослѣдствіи за оными, минувшаго марта спустя немалое время послѣ высочайшаго Вашего повелѣнія о вооруженіи двѣнадцати кораблей, подъ мое начальство опредѣленныхъ, знавъ, что я уже оные вооружилъ, прислалъ ко мнѣ ордеръ, дабы безъ особаго отъ него повелѣнія флотъ сей я не вооружалъ, въ письмѣ жъ капитану надъ портомъ между прочимъ объяснилъ, ежели я приналъ на себя вооруженіе и буде употреблю служителямъ морскую провизію, то оную съ меня взыщутъ вычетомъ. Не знавъ я, ежели послѣдовало каковое вновь въ отмѣну высочайшее повелѣніе, объяснился ему рапортомъ моимъ и просилъ разрѣшительной резолюціи, но не удостоенъ никакого отвѣта даже до того времени, пока прибылъ онъ самъ въ Ахтіаръ. Въ то жъ время и высочайшій именной Вашего Императорскаго Величества указъ послѣдовалъ о выходѣ мнѣ со флотомъ на море; таковыми обстоятельствами, тожъ и разными недостатками, пріостановленъ я былъ въ дѣятельностяхъ. А нынѣ по выходѣ флота на рейдъ, когда спѣшилъ я выходомъ на море, производилъ онъ во испытаніе остойчивости кораблей «Захарія и Елисаветы» и «Св. Петра» и въ сравненіе съ ними нѣкоторымъ другимъ кораблямъ опыты наклоненіемъ ихъ пушками и людьми, но при оныхъ пробахъ не соблюдено ни равенство, ни соотвѣтственность погрузки кораблей въ отстояніи по рангамъ ихъ нижней батареи портовъ отъ воды, ни излишнюю по рангамъ же ихъ тягость артиллеріи, ни одинакое положеніе кораблей въ разсужденіи вѣтра и случившагося противнаго оному теченія, при которомъ при обмѣрѣ и пробѣ нѣкоторые корабли случились бокомъ между вѣтра и волненія. Я, замѣчая могущую быть и видѣнную изъ того разность, невозможность и помѣшательство въ сравненіяхъ, докладывалъ объ оныхъ, но объясненіе мое съ неудо-

вольствіемъ оставлено; просилъ я по замѣтнымъ обстоятельствамъ для лучшаго и справедливаго сравненія апробаціею при положеніи, когда суда стояли прямо противъ вѣтра, въ удобное время повѣрить пробою, и въ томъ мнѣ отказано. Означенныя пробы и заключеніе сдѣлано и велѣно подписать. Я и при ономъ случаѣ объяснился по вѣрнымъ сумнительностямъ, что таковыя пробы къ заключенію весьма недостаточны, и въ дюймахъ по тѣмъ обстоятельствамъ явная есть ошибка, отказывался отъ подписанія; но велѣно и мнѣ подписать непремѣнно, по сему и въ подпискѣ объяснилъ я бывшія обстоятельства и заключеніе моего мнѣнія.

Всемилостивѣйшій Государь! Опасаясь послѣдствіевъ (или искавъ милостей), всякій подчиненный старается начальнику своему угождать и слѣдовать его желанію, потому прочіе никто не отозвались; но кто жъ въ дѣлахъ предохраняющихъ полезность будетъ соблюдать справедливую и должную осмотрительность и объ оной имѣть попеченіе? Я безъ малѣйшей собственной моей пользы и безъ всякаго другаго намѣренія вовлеченъ въ обстоятельства свидѣтельствъ означенныхъ новаго построенія кораблей, но по видимымъ неудобствамъ и обстоятельствамъ надлежало предупредить въ свѣдѣніе вышнему начальству. Ревность и усердіе о пользѣ, дабы и другіе корабли не послѣдовали построеніемъ, таковы жъ повергли меня подъ тяжкій гнѣвъ главнокомандующаго черноморскими флотами, при нынѣшнемъ случаѣ при объясненіяхъ моихъ при подпискѣ пробъ и полагаемаго мнѣнія. При самомъ отправленіи моемъ со флотомъ на море, вмѣсто благословенія и добраго желанія я претерпѣлъ безподобную жестокость и напрасныя наичувствительнѣйшія нареканія и несправедливость, каковую безпрерывно замѣчаю въ единственное меня утѣшеніе. При таковой крайности, не слезы, но кровь изъ глазъ моихъ стремится; смерть предпочитаю я легчайшею несоотвѣтственному поведенію и служенію моему безчестью; подчиненные усумнятся ко мнѣ въ довѣренности и надеждѣ, военная дисциплина и субординація придетъ въ упадокъ. Кто защититъ меня, неиму-

щаго покровительства при малой и недостаточной еще моей заслугѣ? Таковое объясненіе главнокомандующаго, подписанное многими, можетъ повергнуть справедливую дѣятельность мою не только подъ сомнѣніе, но и въ худое намѣреніе, чрезъ которое могу впасть подъ гнѣвъ высочайшій.

Всемилостивѣйшій Государь! Воззрите милосердымъ окомъ на всеподданнѣйшее прошеніе вѣрноподданнаго, жизнь и малое имущество свое на пользу Вашу полагающаго. Удостойте высочайшимъ Вашимъ покровительствомъ. Безъ надежды онаго могу подпасть безвинно въ несоотвѣтственность. Начальствующіе надо мною по конторѣ главнаго командира по извѣстнымъ прежнимъ обстоятельствамъ (безъ вины моей однако жъ) питаютъ ко мнѣ ненависть и стараются погрузить еще болѣе и болѣе въ низложеніе. Высочайшее покровительство, монаршая милость и благоволеніе могутъ возстановить и ободрить упадающія силы и малую мою способность къ дѣятельностямъ. Дозвольте, Правосуднѣйшій Государь, послѣ окончанія кампаніи на малое время быть мнѣ въ Санктъ-Петербургѣ, пасть ко освященнымъ стопамъ Вашимъ и объясниться лично вѣрнѣйшимъ и обстоятельнымъ донесеніемъ о состояніи тѣхъ двухъ кораблей, которые, при нынѣшней большой и самой полной нарочно для остойчивости сдѣланной погрузкѣ, въ бытность на морѣ не упущу я случаевъ замѣчаніями еще испробовать, сколь много они будутъ имѣть уклону противъ прочихъ.

Съ надеждою милосердія на всеподданнѣйшее мое прошеніе припадаю ко освященнымъ стопамъ.

Вице-адмиралъ Ѳедоръ Ушаковъ.

Числа 5-го мая
1798 года.
Благополучный Ахтіаръ [1]).

---

[1]) *Архивъ* Мор. Мин., высоч. повел., т. 66, л. 64.

620.

Всеподданнѣйшій докладъ.

«докладывано 19-го іюня 1798 г.»

Изъ меморіи.

Адмиралъ Мордвиновъ, вслѣдствіе указа Адмиралтействъ-Коллегіи о отвращеніи неудобствъ безъ передѣлки кораблей «Св. Петра» и «Свв. Захаріи и Елисаветы», представилъ опыты, учиненные на 5-ти корабляхъ, и мнѣніе присутствовавшихъ при оныхъ опытахъ флагмановъ, капитановъ, корабельнаго мастера и подмастерьевъ, что въ остойчивости кораблей «Св. Петръ» и «Свв. Захарій и Елисавета» [1]) не токмо чтобъ имѣли недостатокъ, но даже всѣмъ преимуществуютъ предъ прочими, одобренными уже въ удобности къ дѣйствіямъ на морѣ. При опытѣ четвертомъ корабли имѣли наклоненіе таковое, какъ могутъ они имѣть при рифмарсельномъ вѣтрѣ. Испытанія сіи производимы были во время маловѣтрія, согласно примѣчаніямъ вице-адмирала Ушакова. Что касается до теченія, то оное неизвѣстно ему на рейдѣ Ахтіарскомъ и не можетъ быть нигдѣ достаточное для уклоненія кораблей; но истинно то, что корабли стояли разнообразно потому, что во время штиля и слабаго вѣтра не могли приходить они на свои канаты. Тишина моря и маловѣтріе дозволили содѣлать вѣрные обмѣры, кои описаны при каждомъ опытѣ. Опыты, нынѣ учиненные, сходствуютъ съ чертежами кораблей, по коимъ они производимы были. На оныхъ чертежахъ математическія доказательства существуютъ, не подверженныя сомнѣніямъ и спорамъ. Гидростатическія истины показываютъ, что остойчивость твердыхъ тѣлъ, плавающихъ на жидкостяхъ, зависитъ отъ от-

---

[1]) На докладѣ высочайшая резолюція: „Сдѣлать о корабляхъ сихъ заключеніе единожды и болѣе не представлять, а адмиралу Мордвинову и вице-адмиралу Ушакову подтвердить, чтобъ они личныхъ между собою ссоръ въ казенныя дѣла не вмѣшивали и не наводили-бъ чрезъ то затрудненія правительствамъ“ (*Архивъ* Мор. Мин., дѣла гр. Кушелева, т. 13, л. 67).

вѣсной прямизны грузовыхъ ватерлиній. Для размѣриванія остойчивости каждаго изъ соравняемыхъ кораблей представляетъ чертежи мидель-шпангоутовъ, образуя въ геометрическихъ линіяхъ остойчивость: корабля «Троицы» 1 футъ, «Богоявленія» 2 фута, «Павла» 2 фута, «Св. Петра» и «Свв. Захаріи и Елисаветы» 3 1/2 фута. Сія пропорція яснѣе усматривается въ четвертомъ опытѣ, при коемъ корабли имѣли уклоненіе самое большое, и то положеніе, при коемъ остойчивость наиболѣе потребна; возвышеніе же портовъ отъ воды кораблей «Св. Петра» и «Свв. Захаріи и Елисаветы» есть 5 футъ, когда на многихъ 74-хъ-пуш. корабляхъ бываетъ только по 4 фута съ нѣсколькими дюймами.

По плану, который онъ имѣетъ, на 74-пуш. кораблѣ «Елисаветѣ», построенномъ въ С.-Петербургѣ, возвышеніе портовъ отъ воды отстоитъ 4 фута 5 дюймовъ. Въ дефектѣ корабля «Св. Петра» капитанъ Сенявинъ [1]) пишетъ: корабль имѣетъ всѣ лучшія качества и крѣпость совершенную, на якорѣ и подъ парусами на волненіи покоенъ, въ ходу во всѣ вѣтры скоръ, дѣйствію руля къ вѣтру и уклоненію отъ вѣтра послушенъ отмѣнно, отъ соединенія палубъ неудобствъ никакихъ не предвидится. Изъ опытовъ же, описанныхъ въ представленіи вице-адмирала Ушакова въ прошедшемъ году, никакого основательнаго заключенія не возможно сдѣлать; ибо на кораблѣ «Св. Петръ» таковыхъ опытовъ не было, какъ изъ журнала того корабля усматривается, да и по грузу, какъ корабль «Свв. Захарій и Елисавета» состоялъ и по разстоянію портовъ отъ воды, какъ вице-адмиралъ Ушаковъ доносилъ, не соотвѣтствуетъ; конторѣ же извѣстно было, что опыты, представленные имъ, Ушаковымъ, не были чистосердечны; что же

[1]) Дмитрій Николаевичъ, 1760 — 1831; съ 1782 г. въ черноморскомъ флотѣ; въ 1788 г. генеральсъ-адъютантъ кн. Потемкина; въ 1796 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Онъ съ 1796 года командовалъ новопостроеннымъ кораблемъ „Св. Петръ“, сдѣлалъ на немъ экспедицію въ Архипелагъ и на немъ же въ 1800 г. возвратился изъ Неаполя въ Севастополь, чѣмъ и подтвердилъ вполнѣ вышеприведенный свой отзывъ о качествахъ „Св. Петра“.

принадлежитъ до неудобства отъ соединенія палубъ, то сіе неоспоримо даетъ больше крѣпости кораблю; поелику опая часть по обыкновенному построенію есть весьма слабая, которую во время качки и принуждено бываетъ снайтавливать [1]); двѣ же чистыя батареи во время сраженія даютъ кораблю преимущество, и что въ построеніи таковыхъ кораблей служащіе на оныхъ капитаны неудобствъ никакихъ не нашли.

Іюня 19-го дня
1798 года.

621.

Указъ въ Адмиралтействъ-Коллегію.

Его Императорское Величество Государь Императоръ, выслушавъ изъ мемо́ріи рапортъ адмирала Мордвинова относительно до опытовъ, учиненныхъ кораблямъ «Св. Петру» и «Свв. Захарію и Елисаветѣ», высочайше повелѣть соизволилъ о удобности кораблей сихъ сдѣлать единожды заключеніе и впредь болѣе о семъ не представлять; а такъ какъ изъ рапорта усматривается, что не токмо по опытамъ корабли тѣ оказались лучшими, но и въ дефектахъ, представленныхъ командирами оныхъ въ контору черноморскихъ флотовъ, показано, что имѣютъ всѣ лучшія качества, совершенно крѣпки, во время волненія покойны, въ ходу скоры, руль въ дѣйствіи послушенъ отмѣнно, да и отъ соединенія палубъ неудобствъ никакихъ не предвидится; по каковымъ обстоятельствамъ и должно заключить, что протесты о неудобности кораблей сихъ со стороны вице-адмирала Ушакова послѣдовали неосновательны по какимъ-либо личнымъ ссорамъ; то дабы подобныхъ сему представленій не могло послѣдовать впредь, подтвердить съ тѣмъ, чтобы всякая личность была отброшена, гдѣ идетъ дѣло о пользѣ службы, и по одной только частной ссорѣ не замѣшивать казенныхъ дѣлъ и таковыми вздорными представленіями не обременять

---

[1]) Дѣлать найтовъ—связывать веревкой. *Вахтинъ*, 182.

правительства. И о томъ для должнаго и непремѣннаго по сему высочайшему повелѣнію исполненія чрезъ сіе Адмиралтействъ-Коллегіи сообщается.

Вице-адмиралъ Кушелевъ.

Іюня 19-го дня
1798 года.
Павловское [1]).

622.

Всеподданнѣйшій докладъ.

(докладывано іюня 21-го 1798 г.).

Изъ меморіи.

Контора черноморскихъ флотовъ рапортомъ доноситъ, что вице-адмиралъ Ушаковъ отъ 8-го числа марта далъ Севастопольской конторѣ повелѣніе вооружать назначенныя къ походу суда; сіе учинено имъ безъ предварительнаго о томъ сношенія съ конторою и съ адмираломъ Мордвиновымъ; а отъ 15-го того же марта донесено имъ конторѣ главнаго командира, что суда вооруженіемъ съ поспѣшностью пріуготовляются, и требовалъ укомплектовать оныя служителями солдатской команды и прибавить артиллерійскихъ сверхъ штатнаго положенія. По изслѣдованіи причинъ, почему онъ, Ушаковъ, приступилъ къ столь раннему и скорому вооруженію, не предваривъ объ ономъ и отношеніемъ своимъ по командѣ, прислалъ онъ, вице-адмиралъ Ушаковъ, на имя адмирала Мордвинова рапортъ, возлагая во ономъ всю винность на него, адмирала, по поводу предписаній, къ нему въ двоякомъ смыслѣ послѣдовавшихъ; но въ ордерахъ, данныхъ ему отъ Мордвинова, заключалось только: въ первомъ, при которомъ препровождена копія съ высочайшаго рескрипта и письма вице-президента Голенищева-Кутузова, о пріуготовленіи флотовъ; а во второмъ предписано было ожидать ему назначенія времени къ вооруженію; и какъ сіи два

---

[1]) *Архивъ* Мор. Мин., высоч. повел., т. 66, л. 105.

ордера, такъ и реченный рапортъ Ушакова контора черноморскихъ флотовъ представляя Коллегіи на разсмотрѣніе, доноситъ, что хотя означенный вице-адмиралъ Ушаковъ и пишетъ, что онъ словесно приказалъ Севастопольской конторѣ производить служителямъ съ начала вооруженія судовъ не морской, а сухопутный провіантъ, однако словесное приказаніе не можетъ быть въ отмѣну узаконенія, которымъ повелѣно: давать провіантъ морской со дня вооруженія; а судя по таковому раннему вооруженію, въ коемъ по обстоятельствамъ тамошняго края и не настояло ни малѣйшей нужды, знатное количество морского провіанта съ начала вооруженія должно быть употреблено безполезно, и чрезъ что можетъ не достать на всю кампанію, какъ же служители будутъ требовать отпуску провизіи въ силу узаконенія, а офицеры порціоновъ, контора располагала и расчисленіе сдѣлала въ заготовленіи того провіанта о вооруженіи флота къ маю мѣсяцу; почему и испрашиваетъ повелѣнія, съ котораго числа отпускать слѣдуетъ морской провіантъ служителямъ?

Рѣшеніе.

1) Хотя контора и почитаетъ вице-адмирала Ушакова виновнымъ въ томъ, что учинилъ онъ вооруженіе судовъ безъ сношенія его съ конторою и главнымъ командиромъ, и что по изслѣдованіи причинъ, почему онъ, Ушаковъ, приступилъ къ столь раннему вооруженію, не предваривъ о томъ по командѣ, прислалъ онъ рапортъ на имя адмирала Мордвинова, въ коемъ и возлагаетъ всю винность на его, по поводу предписаній къ нему, якобы въ двоякомъ смыслѣ послѣдовавшихъ; но Коллегія, разсматривая всѣ сіи обстоятельства и соображая съ высочайшими повелѣніями, не только что не причитаетъ ему, Ушакову, скоропостижное вооруженіе судовъ въ вину, но, напротиву того, относитъ ему все то къ похвалѣ [1]).

---

[1]) На подлинномъ высочайшая резолюція: „и прибавить то же, что и по дефектамъ кораблей замѣчено,—чтобъ частные споры къ дѣламъ по службѣ не мѣшались“ (*Архивъ* Мор. Мин., дѣла гр. Кушелева, т. 13, л. 74).

2) Что приказалъ онъ словесно конторѣ Севастопольской производить служителямъ съ начала вооруженія судовъ не морской, а сухопутный провіантъ, но и сіе Коллегія также не поставляетъ ему въ вину, ибо, хотя по уставу и должны служители со дня вооруженія получать морскую провизію, а Коллегія не иначе оную производитъ, какъ по силѣ сенатскаго указа генваря отъ 31-го 1745 года, за вооруженіе за двѣ недѣли, а за разоруженіе за недѣлю, а иногда въ сбереженіе провизіи дѣлаетъ заплату деньгами, какъ и нынѣ опредѣлила произвесть въ натурѣ вино и мясо, а прочее деньгами; слѣдовательно, вице-адмиралъ Ушаковъ, приказавъ производить сухопутный провіантъ, не сдѣлалъ никакого казнѣ ущерба.

3) Онъ, Ушаковъ, въ рапортѣ къ Мордвинову проситъ повелѣніями снабдѣвать его въ полномъ и достаточномъ смыслѣ, дабы не можно было почитать ихъ двояко; почему Коллегія, входя въ содержаніе высочайшаго рескрипта, даннаго адмиралу Мордвинову, и соображая ордеръ его, Ушакову данный, находитъ дѣйствительно не имѣющимъ опредѣлительной ясности, и такъ предписываетъ въ повелѣніяхъ, даваемыхъ подчиненнымъ своимъ, какъ конторѣ главнаго командира, такъ и адмиралу Мордвинову соблюдать предписанную законами ясность въ точности; о чемъ и послать указы.

Іюня 21-го дня.
1798 года.

XVIII.

АРХИПЕЛАЖСКІЕ КОРСАРЫ

ВЪ РУССКОЙ СЛУЖБѢ.

Письма Скадовскаго Каваллару [1]).

623.

Monsieur!

Le porteur de la présente sera Monsieur le capitaine Lambro Cazzioni, auquel nous établissons par icelle auprès de vous un crédit jusqu'à la concurrence de sept mille cent quarante deux florins d'Empire et cinquante kreutzer, disons 7.142 fl. 50 kr. d'Empire, que vous aurez la complaisance de lui fournir contre sa triple quittance dans laquelle il déclare que ce payement lui a été fait de notre ordre et pour notre compte.

Nous avons l'honneur d'être avec beaucoup d'estime,

Monsieur,

Vos très et très obéissants serviteurs
par proc. de Prote Potocki et C⁰
Balthasar Skadowski.

Le 2 Décembre 1787.
Cherson.

624.

Nous nous référant à notre dernière 30 passé par le courrier ordinaire, nous avons le plaisir de vous en confirmer ce contenu. La présente sert pour vous prévenir que nous avons pris la liberté de fournir sur vous, Monsieur, en date d'aujourd'hui à M-r Lambro Cazzioni également porteur de la présente

[1]) Валентинъ Кавалларъ, Valentin Cavallar, представитель торговаго дома и банкиръ въ Тріестѣ.

une Lettre de Crédit de 7.142 fl. 50 kr. de Vienne, que vous aurez la complaisance de lui compter à mesure qu'il aura besoin de l'argent contre sa quittance générale que vous observerez de nous envoyer en son temps, prenant votre rembours sur M-rs J. G. Schuller et C⁰ à Vienne, lesquels ne manqueront point d'accueillir duement vos traites pour notre compte.

Pour vous mettre au fait de l'emploi qu'en doit faire le susdit Lambro-Cazzioni, nous vous disons, qu'il s'est obligé vis-à-vis quelques-un de nos amis d'armer en course [1]) lesquels nous ont requis en notre nom de vous prier de veiller autant que possible à sa conduite et si effectivement il fera l'usage prémédité de cet argent; c'est aussi par cette raison que nous vous avons dit plus haut de ne lui avancer de l'argent qu'à mesure qu'il en aura besoin pour cet effet, ce que cependant il vous plaira de faire avec délicatesse et circonspection pour qu'il ne puisse se douter à la moindre chose de ce que nous vous recommandons, afin qu'il ne se trouve point offensé, c'est en acquit ici beaucoup d'estime, entre autre M-r le contre-amiral Mordwinoff nous l'ayant fortement recommandé, nous sommes nullement en peine de lui, cependant la raison exige pourtant que nous eussions de précaution.

En considération de la bonne opinion qu'on a conçu de lui, nous vous prions encore, Monsieur, au cas que vous soyez convaincu qu'il emploie sagement l'argent en se pourvoyant d'un bon bâtiment et de bons gens pour le monter de lui compter encore outre la susdite somme fl. 2.000, disons deux mille florins de Vienne, contre sa quittance séparée de l'autre en vous prévalant également pour votre rembours sur les susdits M-rs J. G. Schuller et C⁰ à Vienne. Mais si vous prévoyez, Monsieur, que la paix soit prochain, vous aurez la bonté de cesser le payement ultérieur s'entendant pour ces fl. 2.000.

---

[1]) Въ современномъ переводѣ это мѣсто значится такъ: „Чтобъ вамъ было извѣстно о употребленіи сихъ денегъ сказаннымъ Ламбро Качіони, скажемъ мы вамъ, что онъ обязался нѣкоторыми изъ нашихъ пріятелей вооружить судно въ курсъ".

Tout cela, Monsieur, sans votre préjudice, également pour la satisfaction de nos dits amis, vous nous obligerez de nous marquer de temps en temps le nécessaire, aussi bien qu'il ait le bonheur de faire quelque capture et que la nouvelle vous en parvienne directement ou indirectement de nous en avertir tout de suite.

Le 2 Décembre 1787.
Cherson.

Vous avez ci-haut copie de la lettre que nous eûmes l'honneur de vous écrire le 2-e courant par le capitaine Lambro Cazzioni, Albanais de nation, celle-ci ne sert que pour vous en confirmer le contenu. Le 4 Décembre 1787. Cherson.

Письма Каваллара Скадовскому [1].

625.

Messieurs!

En attendant je viens de recevoir aussi la lettre que vous m'avez fait l'honneur d'écrire le 4 du mois passé avec copie de celle du 2 dit, dont M-r Lambro Cazzioni est porteur, mais en ne m'étant encore point parvenue, je me bornerai à vous dire, Messieurs, que lorsqu'elle me sera consignée, et qu'il voudrât se prévaloir du crédit que vous lui faites chez moi pour la somme de fl. 7.142 kr. 50 de Vienne, je ne manquerai de lui compter l'argent, à mesure qu'il en aura besoin, contre sa quittance jusqu'à la concurrence susdite, et pour fl. 2.000 d'avantage séparément et parti entier dans le cas préfixé dans votre lettre, en prenant mon rembours sur lesdits M-rs J. G. Schuller et C° de Vienne et en vous envoyant en son temps sa quittance générale pour la première somme et une autre séparée pour la seconde.

---

[1]) Какъ представителю товарищества Прото Потоцкаго и К° въ Херсонѣ, котораго Б. Скадовскій былъ директоромъ.

J'aurai l'œil vigilant aussi, autant qu'il sera possible, et sans mon préjudice d'ailleur, sur lui et ses opérations, en me reglant selon tout évènement et en vous faisant part, sans cependant le faire paraître ou qu'il s'en puisse apercevoir.

Et après tout cela lorsqu'il sera effectivement en course, je ne manquerai de vous communiquer les nouvelles que je pourrai recevoir de lui d'une façon ou de l'autre, c'est sur quoi vous pouvez compter, Messieurs, ainsi que sur la parfaite estime et considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être

Votre très-humble serviteur
Valentin Cavallar.

Le 21 Janvier 1788.
Trieste.

626.

Lundi, le 21 courant, un moment après le départ de la lettre que j'ai l'honneur de vous écrire au même jour, M-r le capitaine Lambro Cazzioni arrivât dans cette ville en bonne santé, et me consignât la lettre dont vous m'avez honoré le 2 passé v. s. Je n'ai point manqué de lui faire l'accueil cordial et distingué, qui était due à une personne qui venait de m'être adressée de votre part, Messieurs, et qui semble unir au courage de l'esprit et de l'honnêteté.

Deux jours après son arrivée M-r Cazzioni a eu le bonheur de trouver un excellent navire, très fort, bon voilier et assez gros pour être pourvu, à ce qu'il me dit, de 30 pièces de canon qu'il a acheté à l'aide de Monsieur le consul de votre nation[1]), pour la somme de 17.000 fl. et qu'il va armer à présent incessamment. Le dit navire se trouve au lazaret et je suis convenu avec M-r Cazzioni de l'aller voir demain.

---

[1]) Варукка, Spiridion Varucca, русскій консулъ въ Тріестѣ съ 1786 по 1793 г.

M-r Cazzioni me dit d'avoir depuis dépensé 1.000 fl. pour une calle neuve. Dans le même jour que l'on signât le contract d'achat, je lui compta en présence de M-r le consul qui a même écrit la quittance ci-incluse, signée après par M-r Cazzioni, la somme de 2.000 fl. à compte du crédit que vous lui faites, Messieurs, dont je me suis prévalu à usance sur M-rs J. G. Schuller et C° de Vienne. Le reste selon le contract doit être payé huit jour après, c'est pourquoi pour me fournir des fonds en temps, je viens de faire traite aux dits M-r Schuller aujourd'hui à usance pour des autres 2.974 fl. 15 kr. qui aussi bien que celle que je fournirai après, je ne doute aucunement, seront accueillis et payés pour votre compte par les dits amis auxquels, j'espère, vous aurez fait parvenir en temps les ordres nécessaires à ce sujet. Cependant avant de compter tout cet argent, je ne manquerai de prendre tous les éclaircissemens et l'inspection nécessaires, surtout aussi pour ce qui regard l'intéressant de 2.000 fl. que vous y voudriez prendre pour votre compte.

Le 25 Janvier 1788.
Trieste.

627.

J'ai l'honneur de me référer à ma dernière du 25 passé, dont vous avez ci-haut copie, et de vous dire, Messieurs, qu'ayant pris les informations nécessaires par rapport au navire que le capitaine Lambro Cazzioni vient d'acheter pour la somme de 17 milles fl. et l'ayant même vu et examiné de près, j'ai trouvé que c'est un navire de construction anglaise, bâti expressément pour la course qui m'a été connue auparavant, pourvu de 18 pièces de canon, qui fit conduit de Londre ici, et conta au premier propriétaire 5.000 livres sterlings, lequel faute avoir de quoi l'employer l'a vendu depuis ici avec une perte considérable de plus de 50%, étant encore aussi fort et bon que l'on peut le désirer. Vous jugerez par-là, Messieurs, que M-r Lambro dans cela n'a pas mal dépensé l'argent. Il l'a depuis fait arranger

à sa façon et va l'armer a présent, et comme il ne fait que de venir de Venise où il a été pour se pourvoir des balles à canon, des armes etc. et pour laquelle ville je ne manquai de lui fournir une lettre de recommandation et crédit, il ne fait qu'attendre se réquisites pour armer son navire tout de suite et faire voile d'ici pour sa destination.

En attendant j'ai achevé à sa réquisition de lui payer pour votre compte toute la somme de 7.142 fl. 50 kr. de Vienne préfixée par votre lettre de crédit, en conformité de sa quittance que vous trouverez ci-jointe pour la somme de 5.142 fl. 50 kr., ce qui avec les 2.000 fl. qui lui ont été payés précédemment pour votre compte et dont ci-jointe vous trouverez le duplicat de sa quittance, fait ladite somme de 7.142 fl. 50 kr. En revanche j'ai pris mon rembours sur M-rs J. G. Schuller et C° de Vienne pour des autres 2.464 fl. 5 kr.

Or il ne me reste encore de lui payer que la somme de 2.000 fl. pour votre compte particulier, ce que je ne manquerai pas de faire, parce qu'il me semble, comme j'avais l'honneur de vous observer tout à l'heure que l'on n'emploie pas mal l'argent et que la paix est à présent aussi éloignée de nous que jamais, en m'en pourvoyant sur lesdits M-rs J. G. Schuller et C° pour votre compte, ce dont vous serez instruit par mes suivantes.

M-r Lambro me dit aujourd'hui qu'il allait écrire à Son Altesse le prince Potemkin, aussi bien qu'à M-r le contre-amiral Mordvinoff et qu'il va vous écrire aussi avant son départ d'ici, lequel à ce qu'il paraît n'est pas bien éloigné, que je ne manquerai pas de vous communiquer, aussi bien que après son départ de vous donner de ses nouvelles aussitôt qu' j'en aurai reçu directement ou indirectement, surtout en cas qu'il fasse quelque prise, ce qui vu la nonchalance des ennemis dans nos parages, ne sera pas aussi difficile, que l'on le croirait.

M-r Lambro a promis d'envoyer les prises à mon adresse et à celle d'un de ses autres amis d'ici pour en procurer la vente, et il déclare qu'avant tout il se propose de rembourser

ce qu'on lui a subministré pour l'achat du navire, et de vouloir après partager le profit.

Le 8 Février 1788.
Trieste.

628.

En me référant à ma dernière du 8 de ce mois dont ladessus copie j'ai l'honneur par la présente de vous marquer, Messieurs, que je viens de compter depuis au sieur Lambro Cazzioni aussi le 2.000 fl. de Vienne, que vous m'aviez ordonné de lui payer pour votre compte particulier, que vous verrez par sa quittance ci-jointe, ayant pris par contre rembours sur M-rs J. G. Schuller et C° de Vienne pour votre compte.

Le 9 de ce mois notre cour a envoyé la déclaration de guerre à notre ambassadeur à la Porte Ottomane, et il y a déjà eu depuis quelques petites escarmouches entre nos troupes et les Turcs en Bosnie, ne doutant aucunement que de notre côté l'on aille agir à présent avec activité vis-à-vis l'ennemi.

M-r Lambro se flatte pouvoir se mettre à la voile en bien peu de jours, ce dont j'aurai l'honneur de vous faire part par mes suivantes.

Le 22 Février 1788.
Trieste.

P. S. Ci-jointe aussi le duplicat de la quittance précédente de 5.148 fl. 50 kr.

629.

M-r le major Lambro n'a pu se dépêcher encore tout à fait, mais il espère d'être en état de le faire en peu de jours, et de sortir d'abord après ce dont j'aurai l'honneur de vous faire part en son temps.

En attendant j'ai l'honneur de vous accompagner le duplicat de sa quittance pour 2.000 fl.

Le 29 Février 1788.
Trieste.

630.

Письмо Скадовскаго Каваллару.

Répondant à l'honneur de vos deux agréables lettres du 21 et 25 passé, qui nous sont successivement bien parvenues depuis notre dernière du 11 passé ci-dessus en copie, dont nous vous confirmons le continu, nous vous sommes fort obligés du détail que vous nous faites du procéder de M-r le capitain Lambro Cazzioni, notre recommandé, arrivé heureusement chez vous et il nous charme que vous le trouvez tel qu'il mérite qu'on ait des égards pour lui.

Nous sommes bien aises qu'il a eu l'avantage de trouver tout de suite après son arrivé un vaisseau qui convient parfaitement au genre de l'expédition à laquelle il est destiné, et nous ne doutons nullement à présent que par la sage conduite d'un si brave capitaine que lui toute cette spéculation ne tourne à un profit honnête.

Nous avons trouvé sa quittance de 2.000 fl. de Vienne que vous lui aviez compté déjà, et il est bien que vous vous en êtes prévalu de même que de 2.974 fl. 15 kr. d'avance sur M-rs J. G. Schuller et C° à Vienne pour notre compte, ces amis nous en donnent aussi avis en date de 30 passé, avec l'assurance qu'ils acquitteront duement vos deux traites à l'échéance et vous pouvez vous assurer que vos suivantes rencontreront le même accueil.

Bien sensible au reste de mouvement que vous vous donnez pour la meilleure réussite de nos commissions, croyez, Monsieur, que nous savons les apprécier et que saisirons avec empressement toute occasion pour vous en convaincre.

Le 12 Février 1788.
Cherson.

631.

Письмо Каваллара Скадовскому.

Depuis ma dernière du 29 Février, dont ci-dessus copie, je me vois honoré par la très agréable votre du 12 dit v. s. Le capitaine Lambro Cazzioni a depuis fait voile comme vous aurez observé par la lettre que mon fils Antoine a eu l'honneur de vous écrire le 13 passé. Je suis fâché de ce que dans le moment que j'écrive la présente, je n'ai pas encore eu des nouvelles de lui ni directement, ni indirectement, ce qui m'ôte le plaisir de vous en pouvoir communiquer. Cependant, d'après ce qu'il m'a fait espérer, il ne devrait pas tarder d'en donner. Je le compte occupé à présent de son principal objet, savoir de venir aux mains avec l'ennemi et en faire des prises, ne pensant pour le coup pas même à nous écrire.

Vous avez été au reste régulièrement informés des sommes dont on s'était valu sur M-rs Schuller de Vienne pour votre compte à l'exception de 100 fl. dont on s'était valu le 14 passé, en vous en accréditant.

Le 4 Août 1788.
Trieste.

632.

Письмо Скадовскаго Каваллару.

Nous avons eu le plaisir de recevoir successivement l'honneur de vos agréables lettres du 8, 22 et 29 Février et 4 courant par lesquelles il vous plait de nous donner des nouvelles par continuation relativement à l'expédition du capitaine Lambro Cazzioni, qui selon votre dite dernière a déjà mis en mer. Nous en attendons de votre complaisance des avis ultérieurs qui, nous espérons, seront tout-à-fait satisfaisants, parce que cette opération se fait sous la direction d'un si sage et si brave capitaine.

Nous avons trouvé ses quittances sur les payements de 9.142 fl. 50 kr. d'Empire, que vous lui avez faits parfaitement

conformes pour le montant desquels vous vous êtes prévalu par appoint pour notre compte sur M-rs J. G. Schuller et C° de Vienne, de sort que cet objet se balance parfaitement.

Outre cette somme susdite vous nous prévenez de vous être encore prévalu sur les mêmes amis de Vienne de 100 fl., que nous avons porté à charge de votre compte, et attendons là-dessus de votre part l'avis requis, pour liquider également cet objet avec vous.

Le 29 Avril 1788.
Cherson.

633.

Письмо Качіони Мордвинову.

Ecelenza!

Jo non ho mancatto sempre di spedirvi e detagli delle mie operazioni in Levante, come anche di questo ultimo combatimento, che ho fatto con le due flote nemiche, cio è, la flota ottomana et algerina, queste due flote componevano il numero di trenta due velle ed jo congli miei picoli 9 mi son difeso contro loro due giorni e due notte in continuo fogo senza poter alontanarmi dal nemico percagione della calma, ben che ò perduto 5 dei miei piu grandi armamenti, ma pero con gran discapito, ancor del nemico gli ho fatto una strage, che spero avra examinato Vostra Ecelenza, il detaglio che hovutto l'onore di spedirvi 18 Giugno 1790, memai ebbutto l'onore di ricever veruna risposta da Vostra Ecelenza.

Ora mi prostro alla generosa da lei bontà di compatirmi, se in tanto tempo non ho compito il mio dovere verso il mio benfatore, ma lei costanze e le traversie continue non me permesso, ma sia persuaso che non manchero di adempire l'obligo mio che ho verso Vostra Ecelenza e studiero di non rendermi inmeritevole della di lei continuatta protezione e non vi mettete in neri sospetti.

Presentamente mi ritrovo a Viena, che atendo gli ordini di

Sua Altezza principe de Potemchin Tawrisckoi con il general Tamara per rimetermi in meglior statto la mia flotiglia.

I mie oseguiosi rispetti a Sua Ecelenza la di lei dignissima consorte e con oseguio ho l'onore di protestarmi

Di Vostra Ecelenza

umilissimo e ubedientissimo

servo

Lambro Caccioni.

21 Octobre 1790.
Viena.

634.

Записка о дѣлахъ флотиліи въ Архипелагѣ.

Въ прошедшую войну въ Архипелагѣ было двѣ флотиліи: казенная и вольная. Первая вооружена была господиномъ контръ-адмираломъ и кавалеромъ Гибсомъ въ Сиракузѣ и состояла изъ купленныхъ на счетъ казны судовъ и нѣкоторыхъ партикулярныхъ. Претензіи по казеннымъ судамъ всѣ кончены, частью отъ меня въ Италіи, частью здѣсь въ Петербургѣ.

По партикулярнымъ судамъ, при казенной флотиліи служившимъ, существуютъ здѣсь двѣ жалобы, капитана Лаипо, у его высокопревосходительства Александра Николаевича Самойлова, и капитана Пандели, не извѣстно мнѣ куда поданная. Третія вступила ко мнѣ еще въ Ливорнѣ отъ капитана Христофора Сапунцоглу, которому въ счетъ его претензіи, по мнѣнію коммиссіи, выдано отъ меня 4.000 левковъ [1]), а претензія оставлена окончательному рѣшенію Адмиралтейскаго Правленія на Черномъ морѣ.

Вторая флотилія началась въ 1788 году однимъ судномъ корвета «Минерва»; въ 1789 году состояла оная изъ девяти судовъ [2]).

---

[1]) Сообщеніе мое о семъ къ г. вице-адмиралу и кавалеру Мордвинову отъ 8 (19) октября 1792 г. (Означеннаго сообщенія въ архивѣ не оказалось).

[2]) Записка о судахъ подъ № 1.

Неизвѣстно мнѣ по какимъ причинамъ, начальствующіе тогда въ Средиземномъ морѣ разсудили дать оную вольную флотилію въ управленіе графу Войновичу, бывшему консуломъ въ Архипелагѣ. Маіоръ Ламбро, до того командовавшій, былъ арестованъ, а кредиторы маіора Ламбра заарестовали въ пристани всѣ его флотиліи суда. Генералъ-поручикъ и кавалеръ Заборовскій возвратилъ Ламбру команду, и флотилію его вольную назвалъ Императорскою; казна участвовала уже и въ сооруженіи оной, употребя на сіе 25 тысячъ флориновъ, взятыхъ у графа Кассиса въ Тріестѣ; сверхъ того генералъ-поручикъ и кавалеръ Заборовскій побуждалъ разные купеческіе домы помогать Ламбру. Изъ сего вышли притязанія по сей флотиліи на казну.

Несогласія между начальниками двоихъ флотилій, казенной и вольной, завелись тогда же; главная причина тому есть, что Ламбро и по отъѣздѣ генералъ-поручика и кавалера Заборовскаго, весьма скоро послѣдовавшемъ, твердо держался повелѣній, данныхъ ему отъ помянутаго генералъ-поручика при отправленіи изъ Тріеста [1]), и не слушался остающихся тамо начальниковъ, которые за то арестовали его людей, суда и по жалобамъ отдавали призы. Жалобы ко двору продолжались съ обѣихъ сторонъ; наконецъ, Ламбро, потерявъ большую часть своихъ судовъ при островѣ Андросѣ, предпріялъ путь къ покойному фельдмаршалу [2]). Оставшіяся суда его скитались по Архипелагу, укрываяся отъ казенныхъ судовъ столько же, какъ и отъ турковъ.

Всѣ служащіе на военной флотиліи и самъ Ламбро, командующій оною, не имѣли отъ казны жалованья, не получали также никакого снабженія, выключая вышеписаннаго вооруженія въ Тріестѣ, и казнѣ не давали никогда отчета въ своихъ призахъ.

Предметъ отправленія моего въ Средиземное море былъ соединеніе казенной и вольной флотилій; причемъ отозваны

[1]) См. выше, № 392, ордеръ генералъ-поручика Заборовскаго маіору Ламбру Качіони, отъ 20-го марта 1789 года.

[2]) Кн. Потемкинъ-Таврическій.

господа: контръ-адмиралъ Гибсъ, генералъ-маіоръ Псаро, командующій казенною флотиліею, и подполковникъ Гвилелмо Лоренцо; а г-на Ламбро приказано мнѣ употреблять. Онъ тогда же произведенъ въ полковники и получилъ крестъ св. Георгія.

Большая часть служившихъ во флотиліи казенной оставили тогда службу, и команда судовъ казенныхъ поручена была мною капитанамъ доброй военной репутаціи начальства полковника Ламбро, съ тѣмъ, чтобъ каждый набралъ на судно свое назначенное число матросовъ, причемъ въ разсужденіи жалованья на время войны сдѣланъ былъ новый планъ, который въ копіи здѣсь прилагается [1]).

По полученіи извѣстія о перемиріи, послѣдовавшемъ весьма скоро, положено было жалованье на всѣ суда съ уменьшеніемъ экипажей, и тотъ второй планъ на время перемирія здѣсь же прилагается [2]).

По сему послѣднему плану выдаваемо было жалованье на всѣ суда, выключая употребленныхъ въ посылки къ сторонѣ Архипелага, которымъ дозволено было имѣть экипажи по военному положенію. Для прочихъ всѣхъ судовъ военный планъ остался безъ дѣйствія и при томъ для капитановъ безъ обиды, поелику ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ еще набрать людей по военному плану, когда получено извѣстіе о перемиріи.

Неудовольствія прежнихъ командировъ нашихъ въ Средиземномъ морѣ на вольную флотилію принудили Ламбро сооружить для себя и для служащихъ съ нимъ убѣжище и спрятъ въ островѣ Зеа. По разбитіи его при островѣ Андросѣ, турки разорили всѣ его заведенія въ томъ острову и заграбили скопленныя тамъ имѣнія; тѣмъ служащіе приведены въ крайнюю нищету. За пріѣздомъ моимъ, общая надежда поправить состояніе была наступающая кампанія, къ которой каждый готовился. Перемиріе отняло ту надежду. По многомъ совѣтованіи всѣ служащіе на флотиліи просили, и я представилъ:

1) о назначеніи въ Черномъ морѣ земли съ пристанью для заведенія сходнаго съ прежнимъ состояніемъ ихъ поселенія;

---

[1]) См. ниже, № 635. [2]) См. ниже, № 636.

*

2) о сохраненіи каждому заслуженнаго чина и продолженіи желающимъ служить службы съ жалованьемъ;

3) о выдачѣ всѣмъ патентовъ на ихъ чины;

4) о привозѣ на первый разъ безпошлинно въ границы наши товаровъ [1]).

Въ отвѣтъ на сіи представленія господинъ генералъ-аншефъ и кавалеръ Михайло Васильевичъ Каховскій приказалъ мнѣ увѣрить въ удовлетвореніи по всѣмъ прошеніямъ служащихъ и сверхъ того обнадежить, «что всѣ они получатъ мѣсто для поселенія своего по желанію, и найдутъ, кому отъ Ея Императорскаго Величества указано будетъ отводить имъ для поселенія земли».

Съ таковыми обнадеженіями всѣ служившіе на флотиліи и суда отправлены были въ Черное море, и адресованы въ Адмиралтейское на ономъ Правленіе. За прибытіемъ моимъ въ Петербургъ, получа извѣстіе, что оное Адмиралтейское Правленіе о тѣхъ судахъ и людяхъ не имѣло никакого повелѣнія, возобновилъ представленіе мое чрезъ Его Превосходительство Василія Степановича Попова [2]), которое потомъ перешло въ руки Его Сіятельства графа Александра Андреевича Безбородко, гдѣ и нынѣ находится.

О долгахъ полковника Ламбро съ пріѣзду моего въ Тріестъ представилъ къ покойному фельдмаршалу князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому [3]) и копію съ того представленія отправилъ въ Адмиралтейское Правленіе на Черномъ морѣ чрезъ надворнаго совѣтника Мирковича.

Я имѣлъ было повелѣніе платить оные долги, и заплатилъ архіепископу Модонскому, графу Брижидо, губернатору въ Тріестѣ, купцамъ Скачерни и Розетти одни капиталы безъ проценту;

---

[1]) О всѣхъ сихъ четырехъ пунктахъ писано: покойному фельдмаршалу кн. Потемкину-Таврическому отъ 16-го сентября 1791 г.; гр. А. А. Безбородко отъ 30-го ноября 1791 г.; генералъ-аншефу М. В. Каховскому отъ 1-го марта 1792 г. и ему же отъ 20-го апрѣля 1792 г.

[2]) Отъ 23-го іюня 1793 года; тогда же представлено о награжденіи отличившихся.

[3]) Отъ 19-го апрѣля 1791 года.

документы по симъ заплатамъ имѣются при счетахъ моихъ. Заплаты болѣе не продолжалъ по нижеслѣдующимъ резонамъ:

1) Оказались безденежные г. Ламбро векселя, и ложныя за ограбленіе судовъ претензіи, которыя не можно было мнѣ другимъ образомъ открывать, какъ забирая справки отъ людей, коихъ долженъ былъ отправлять въ Черное море.

2) По прежнимъ донесеніямъ полковника Ламбро изъ Тріеста о судахъ его собственности велѣно мнѣ сдѣлать распоряженіе съ нимъ вмѣстѣ о продажѣ нѣкоторыхъ, дабы тѣмъ заплатить за него долги. Онъ уже ко мнѣ не явился, и, по разбитіи его, оказались части или претензіи на части въ тѣхъ судахъ почти всѣхъ служащихъ. Разбирательство таковыхъ претензій заняло бы весьма много времени и удерживало тѣмъ самымъ людей, коихъ велѣно мнѣ поспѣшно отправлять въ Черное море, и

3) Заплата въ Петербургѣ всѣхъ сполна несправедливыхъ претензій съ процентами купцовъ Пластаро, сдѣлала кредиторовъ полковника Ламбро весьма несговорчивыми; всѣ оні, слѣдуя примѣру Пластаро, начали адресоваться прямо ко двору. Тогда и я представилъ разбирательство всѣхъ дѣлъ по флотиліи поручить Адмиралтейскому Правленію на Черномъ морѣ, снабдивъ мнѣніемъ моимъ о тѣхъ дѣлахъ члена учрежденной Коммиссіи объ арматорахъ, надворнаго совѣтника Мирковича, съ коимъ отправилъ всѣ бумаги, принадлежащія до той Коммиссіи.

Нынѣ по разнымъ вступившимъ ко двору прошеніямъ, жалобамъ и доносамъ на всѣ бывшія начальства въ Средиземномъ морѣ поданы отъ меня по высочайшему повелѣнію объясненія Его Превосходительству Василію Степановичу Попову.

По претензіямъ въ тѣхъ объясненіяхъ и по другимъ, какіе могли бы случиться за время моего правленія, справки легко могутъ быть забираемы по счетамъ моимъ; при оныхъ состоятъ всѣ надлежащіе въ платежахъ документы.

Генералъ-маіоръ *Василій Тамара.*

---

[1]) Оные счеты представлены Его Высокопревосходительству Александру Николаевичу Самойлову, при коихъ имѣется реестръ о всѣхъ документахъ.

635. Планъ на военное время, учиненный въ

ЗВАНІЕ СУДОВЪ.	Капитановъ.	Разныхъ чиновъ офицерскихъ.	Жалованье онымъ.	Матросовъ.	Жалованье одному въ мѣсяцъ. Піастры.	Всѣмъ. Піастры.
Фрегатъ						
„Св. Георгій“	1	8	По окладу армейскихъ офицеровъ.	150	10	1.500
Корветы: „Св. Спиридіонъ“	1	4		80	10	800
Корветы: „Св. Матвѣй“	1	4		80	10	800
Корветы: „Св. Николай.	1	4		80	10	800
Шебекъ „Св. Іоаннъ ди-Патмосъ“	1	6		130	10	1.300
Саита „Св. Елена“	1	5		80	10	800
Лодки канонерскія: „Сила“	1	1		30	10	300
Лодки канонерскія: „Св. Варвара“	1	1		30	10	300
Куттеръ „Св. Стефанъ“	1	4		60	10	600
Кирлангичи: „Св. Константинъ“	1	3		60	10	600
Кирлангичи: „Св. Александръ“	1	3		50	10	500
Кирлангичи: „Ахиллесъ“	1	3		60	10	600
Партикулярныя:						
Пакеботъ „Орелъ“	1	4		—	—	—
Кирлангичъ „Кн. Потемкинъ“	1	3		—	—	—
Всего	14	53	—	890	—	8.900

Подлинный подписалъ.

Августа 10 (21) дня.
1791 года.

островѣ Каламо августа 10-го дня 1791 года.

Албанскіе офицеры.							Рядовые.		
Капитановъ.	Жалованья въ мѣсяцъ. Піас.	Поручиковъ.	Жалованья въ мѣсяцъ. Піас.	Прапорщиковъ.	Въ мѣсяцъ. Піастры.	Всѣмъ. Піастры.	Сколько на каждое судно.	Жалованья одному въ мѣсяцъ. Піастры.	Всѣмъ. Піастры.
1	24	1	18	2	14	28	96	5	480
—	—	1	18	1	14	14	48	5	240
—	—	1	18	1	14	14	48	5	240
—	—	1	18	1	14	14	48	5	240
1	24	1	18	2	14	28	96	5	480
1	24	1	18	2	14	28	96	5	480
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	18	1	14	14	48	5	240
—	—	1	18	1	14	14	48	5	240
—	—	1	18	1	14	14	48	5	240
—	—	1	18	1	14	14	48	5	240
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	72	10	180	13	—	182	624	—	3.120

Кирлангичи и всѣ мелкія суда, посланные въ крейсированіе, не получаютъ жалованья; но когда оные по казеннымъ надобностямъ будутъ употреблены или задержаны въ пристани, то имѣетъ быть выдаваемо и имъ, выключая волонтеровъ, служащихъ на собственныхъ судахъ.

Есть еще нѣсколько полугалеръ и другихъ мелкихъ судовъ, изъ крейсированія не прибывшихъ. Всѣ оныя за возвратомъ имѣютъ состоять на таковомъ же основаніи.

Морскимъ офицерамъ, командующимъ судами и служащимъ на оныхъ, выключая Альбанцевъ, назначается жалованье по чинамъ армейскихъ офицеровъ и, сверхъ онаго, по десяти піастровъ въ мѣсяцъ столовыхъ денегъ.

Генералъ-маіоръ

Василій Тамара.

636.

План на время перемирія, учиненный на о-вѣ Каламо.

Званіе судовъ.	Капитановъ.	Разныхъ чин. офицеровъ.	Матросовъ.	Въ мѣсяцъ. Жалов. одному. Піастры.	Всѣмъ.
Фрегатъ.					
„Св. Георгій“ . . . . , .	1	8	90	10	900
Корветы.					
„Св. Спиридіонъ“ . . .	1	4	40	10	400
„Св. Матвѣй“	1	4	50	10	500
„Св. Николай“	1	4	50	10	500
Шебекъ.					
„Св. Іоаннъ ди Патмосъ“	1	6	60	10	600
Саита.					
„Св. Елена“ . . . . , . .	1	5	40	10	400
Куттеръ.					
„Св. Стефанъ“.	1	4	30	10	300
Кирлангичи.					
„Св. Константинъ“ . .	1	3	30	10	300
„Св. Александръ“. . .	1	3	30	10	300
„Ахиллесъ“.	1	3	30	10	300
„Кн. Потемкинъ“ . . .	1	3	30	10	300
Пакботъ.					
„Орелъ“.	1	4	30	10	300
Канонерскія лодки.					
„Сила“.	1	1	10	10	100
„Св. Варвара“	1	1	10	10	100
Полугалеры.					
„Зеа“	1	1	20	10	200
„Дафне“.	1	1	20	10	200
На 5-ть галіотъ, для содержанія караула положено имѣть . .	5	5	10	10	100
Всего . . .	21	60	580	—	5800

По сему плану Альбанцы уничтожаются; а оставлено только на случай повелѣнія о продолженіи впредь военныхъ дѣйствій, для собранія оныхъ вновь, шесть офицеровъ, коимъ опредѣляется жалованье каждому по 24 піастра въ мѣсяцъ; при нихъ 12 рядовыхъ изъ Альбанцевъ же, каждому по 5 піастровъ въ мѣсяцъ.

По сему положенію назначается и партикулярнымъ судамъ жалованье.

Морскіе офицеры получаютъ по чинамъ армейскихъ офицеровъ, и по десяти піастровъ въ мѣсяцъ столовыхъ денегъ.

Подлинный подписалъ генералъ-маіоръ

Сентября 5 (16) дня 1791 года.

Василій Тамара.

637.

Просьба грековъ за Ламбро Качіони.

(Coppia ex Grecco).

Preghiamo la benignità e misericordia della nostra altissima autocratice Eccaterina Secconda di tutte le Russie come suoi servitori, che siamo, rapreghiamo d'imprestare la Sua misericordia al cavaglier Lambro Caccioni perche vedendo noi il suo zelo, che bateva l'ennemico di Vostra Majesta e comecche correano tutti li Grecci secco lui, e per questo motivo lo amavano tutti, poiche egli non amava d'acquistare pel suo interesse, ma bensi armava bastimenti e combateva sempre l'ennemico, e tutto il numero delli comandi, che furono spediti qui fuori nell' Arcipelaco, con spese reali, tanto questi comandi com' anche li consoli non ci feccero l'ajuto, che ci fecce il sù accennato cavaglier Lambro, cio è di polvere e piombo e di più ci disse di mandarci anche cannoni ed' armi, sicche noi a caggione delli Turchi per non capirci non avviamo voluto riceverli.

Dunque vedendo noi la tanta sua bontà, che ci usò, nel tempo del nostro bisogno, e come che egli sempre fù fedelle presso Vostra Majesta per questo preghiamo la solita Vostra Ecclemenza, se al caso venise qual, che affare Reale cio è la guerra coll' ennemico nostro tirano suplichiamo come vostri servitori fedeli; e come che fin oggi di è altre tanto fedelle servitore il detto Lambro preghiamo di ordinarcelo nelle cotteste nostre parti.

Il zelo, che egli avea sempre innante a Vostra Majesta ed' a cagione che tutti li Greci lo amavano, lo odiavano li altri comandi e molto hanno procurato di levarli la vita, questo lo attestiamo sopra il nome di Dio e sù la umanita dell' Ecclemenza vostra, che vi giuriamo.

Oltre di questo egli non aveva il cuotidianum per sostenere la sua vita giornaliere, l'istesso anche la sua famiglia colli suoi

figlivoli, e Iddio solo lo sà in che vita passava qui che era venuto, cio è alli nostri luoghi, che ricuperò la sua testo

li Vostri umilissimi ed obligatissimi
servitori
dall' Eparchia di Suli
Giorgio Bozzari
Nicolò Serva.

17 Novembre
1793.

638.

Письмо Тамары В. С. Попову.

Исполняя высочайшее повелѣніе Ея Императорскаго Величества, сообщенное мнѣ отъ Вашего Превосходительства, прилагаю объясненія на присланныя жалобы и прошенія касательно флотиліи въ Архипелагѣ.

Въ оныхъ нашелъ я жалующихся на меня пять человѣкъ, коихъ жалобы и доносы, сверхъ общаго съ другими объясненія, яко болѣе мнѣ извѣстные, помѣчены еще особо въ заключеніи моемъ.

Нѣкоторые есть простые просители, а прочія жалобы относятся до прежнихъ начальствъ по флотиліи.

Ноября 21 дня 1793 года.
Въ С.-Петербургѣ.

639.

Поясненія разныхъ прошеній и жалобъ касательно флотиліи въ Архипелагѣ.

А.

Письмо купцовъ Пластара изъ Тріеста, отъ 31-го декабря 1790 года, съ приложе-

Въ представленіи моемъ изъ Тріеста къ покойному фельдмаршалу князю Григорію Але-

ніемъ обязательства полковника Ламбро въ 29.277 флориновъ 32 крейцера. Въ случаѣ не заплаты отъ казны, полковникъ Ламбро закладываетъ все имѣніе и суда своей флотиліи, и описываетъ пространно тотъ свой долгъ. Купцы Пластара, предваряя (безъ представленія однакожъ документовъ и опредѣленія суммы), что маіоръ Пангало и подполковникъ Лоренци имъ такъ же должны, просятъ о заплатѣ долгу полковника Ламбро.

ксандровичу Потемкину-Таврическому о долгахъ полковника Ламбра Качіони, знатная часть изъ претензій нѣкоторыхъ кредиторовъ, въ томъ числѣ и Пластары, признача мною несправедливою. Нѣкоторые заимодавцы, заплаченные мною, получили одни свои капиталы и были тѣмъ весьма довольны. Но какъ здѣсь по повелѣнію двора претензія купцовъ Пластара заплачена сполна и съ процентами, то одинъ изъ удовлетворенныхъ мною заимодавцевъ, архіепископъ Модонскій, требовалъ аттестата въ неполученіи процентовъ.

В.

Рапортъ полковника Ламбра Качіони въ Государственную Иностранную Коллегію, отъ 26-го декабря 1790 года, въ коемъ опровергаетъ часть того же своего долгу купцамъ Пластара; жалуется на поступки консула Варуки въ разсужденіи своихъ заимодавцовъ.

Обязательство полковника Ламбра, кое онъ тутъ опровергаетъ, засвидѣтельствовано рукою консула Варуки. Кажется, за то онъ на него и жалуется.

Порицаетъ въ похищеніи знатной суммы денегъ генералъ-маіора Псаро, которою дѣлился онъ съ купцомъ Анастазіемъ Манзо, притворяясь,

Главная причина несогласій между командиромъ флотиліи казенной генералъ-маіоромъ Псаро и начальникомъ вольной флотиліи полковни-

будто съ нимъ въ ссорѣ и бранитъ ихъ обоихъ.

комъ, тогда маіоромъ, Ламбро есть то, что сей и за отъѣздомъ г-на генералъ-поручика и кавалера Зборовскаго твердо держался его повелѣній и продолжалъ не слушаться остающихся тамо начальниковъ, которые потому часто арестовали его суда и возвращали призы.

Копія съ ордера помянутаго генералъ-поручика, на основаніи коего маіоръ Ламбро дѣйствовалъ въ Архипелагѣ, здѣсь прилагается [1]).

C.

Второй рапортъ полковника Ламбро въ Государственную Иностранную Коллегію, отъ $\frac{15}{26}$ генваря 1791 года, въ коемъ ожесточается противъ генералъ-маіора Псаро, консуловъ Загурійскаго [2]) въ островѣ Зантѣ, Бенакія въ Корфу, повѣрешнаго его Дмитрія Ламбро въ Превезѣ, и неизвѣстнаго Анастасія Дмитрааконуло, объясняя ихъ въ согласіи вредить ему:

1-е.

Въ продажѣ за безцѣнокъ призныхъ вещей, за что бра-

1-е.

Продажа призовъ, какова была до пріѣзду моего, мнѣ

[1]) См. выше, № 392.

[2]) Загурскій, Демьянъ, вице-консулъ, съ 1783 по 1788 г., потомъ консулъ на о. Зантѣ.

нитъ ихъ всѣхъ, а особливо генералъ-маіора Псаро.

неизвѣстна; но знаю, что полковникъ Ламбро оставшееся малое количество вещей отъ приза подполковника Лоренцо продалъ по цѣнамъ генералъ-маіора Псаро.

2-е.

Жалуется, что начальникъ эскадры венецкой отнялъ у одного изъ его капитановъ прыткое судно въ 850,000 левковъ.

2-е.

Призъ сей французское судно, военными снарядами нагруженное, слѣдовавшее къ туркамъ, взято до моего пріѣзду капитаномъ Анаржиро, которой здѣсь находится. Онъ возвратилъ оное французскому фрегату, по повелѣнію начальника эскадры венецкой; ко мнѣ о семъ ни отъ кого ни когда жалобы не вступало. Оцѣнка же сего приза по крайней мѣрѣ въ десятеро увеличена.

3-е.

Увѣдомляетъ что 9000 албанцевъ побили корпусъ Али-паши, состоящій изъ 3000 турковъ.

3-е.

Тутъ, кажется, хотѣли сказать, что 3000 албанцовъ побили 9000 турковъ.

Слогъ всѣхъ сихъ писемъ есть г-на канцеляріи совѣтника Ферьерія [1]), который былъ тогда съ Ламбромъ въ Вѣнѣ, и писаны рукою его писаря.

[1]) Ферьери, Петръ Александровичъ, былъ генеральнымъ консуломъ въ Салоникахъ, съ 1780 по 1784 г., потомъ въ Смирнѣ, съ 1784 по 1787 г.

D.

Доношеніе Александра Розолимо въ Государственную Иностранную Коллегію, отъ $\frac{12}{23}$ іюня 1792 г., изъ Мессины. Письмо къ Его Сіятельству г. вице-канцлеру [1]) съ приложеніемъ прошенія на Высочайшее имя, отъ 4-го генваря 1793 г., изъ Ливорны. Другое письмо къ вице-канцлеру съ приложеніемъ доношенія въ Государственную Иностранную Коллегію, отъ $\frac{\text{6-го сентября}}{\text{26-го августа}}$ 1793 года, изъ Ливорны. Во всѣхъ сихъ прошеніяхъ жалуется:

Александръ Розолимо, извѣстный слуга г. Ферьерія, и нынѣ у него служащій. Всѣ его письма сочиненія г. Ферьерія, и большая часть оныхъ писаны рукою его же писаря.

1-е.

На капитана Гаврилу Каравіа за смертоубійство и ограбленіе судна родственниковъ своихъ и на генералъ-маіора Тамару за то, что поручилъ онъ разбирательство сего дѣла сообщникамъ самаго разбойника.

1-е.

По сему прошенію предписалъ я командовавшему флотиліею въ Мессинѣ маіору Кассини, пригласивъ консула, вице-консула и по выбору обѣихъ сторонъ офицеровъ, дѣло разобрать. Александръ Розолимо суду таковому подвергнуться не захотѣлъ. А по справкѣ явилось, что ограбленіе судна и смертоубійство, прописанные въ жалобѣ его, послѣдовало гораздо прежде существованія въ Средиземномъ морѣ какихъ-либо судовъ нашихъ и надъ непрія-

---

[1]) Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ.

телемъ поисковъ, также гораздо прежде, нежели капитанъ Гаврило Каравіа, вступилъ въ службу, и не отъ него учинено, а отъ Ивана Сифаньо, никогда въ нашей службѣ не бывшаго и изъ числа разбойниковъ, которые въ Средиземномъ морѣ никогда не переводятся и называются бандиты. Почему и дѣло сіе, яко до насъ не касающееся, мною брошено.

Переписка моя по сему дѣлу состоитъ при дѣлахъ, отправленныхъ въ Адмиралтейское Правленіе на Черномъ морѣ; капитанъ Гаврило Каравіа находится тамъ же.

Кажется, что дѣло сіе хотѣли какимъ ни есть образомъ свалить на арматоровъ нашихъ, чтобъ послѣ имѣть притязанія на казну, поелику ни одинъ изъ арматоровъ не въ состояніи заплатить суммы, слѣдующей по таковой претензіи.

2-е.

Доказываетъ худое правленіе помянутаго генералъ-маіора тѣмъ, что подвластные его припуждены были адресоваться въ дѣлахъ между собою къ герцогу Тосканскому, и въ до-

2-е.

Изъ первыхъ словъ приложенной резолюціи губернатора въ Ливорнѣ, кавалера Сератти, видѣть можно, что оная дается по причинѣ отсутствія моего изъ Ливорны.

казательство прилагаетъ резолюцію губернатора ливорнскаго кавалера Сератти. И во всѣхъ письмахъ бранитъ генералъ-маіора Тамару, командующаго во флотиліи маіора Кассими, консула Каламая[1]), секретаря коммиссіи Ярп и многихъ другихъ безъ имяни.

О просителѣ же Петрѣ Палмѣ говорено будетъ подъ его прошеніемъ въ слѣдующей статьѣ.

3-е.

Доноситъ, что генералъ-маіоръ Тамара публиковалъ черезъ консула Каламая собственноручное письмо Ея Императорскаго Величества, полученное имъ въ Римѣ, содержащее похвалы за его Тамары правленіе. Проситъ чина поручичья и пенсіону за службы и встрѣченныя опасности въ переѣздахъ на морѣ и па сухомъ пути.

3-е.

Лучше бы мнѣ было публиковать прежнія имянныя повелѣнія; въ оныхъ дапа власть продавать казенныя вещи и судъ; въ полученномъ же въ Римѣ предписано прислать вѣдомость о вступившихъ ко мнѣ суммахъ и сдѣлать исчисленіе, сколько составитъ жалованья, столовыя деньги и слѣдуемая часть въ призахъ флота капитана Гульелми Лоренца. Какъ всѣ бумаги коммиссіи уже были отправлепы, и капитанъ Лоренцо въ правленіе мое не служилъ, то писалъ я къ консулу Каламаю освѣдомиться, не сдѣлано ли изъ банку его какой-либо выдачи денегъ Гульелми Лоренцо подъ названіемъ жалованья или столовыхъ денегъ? И если сдѣлано, увѣдомить

[1]) Иванъ Семеновичъ, генеральный консулъ въ Ливорно съ 1782 г. по 1796 г.

прямо о томъ Его Сіятельство графа Александра Андреевича Безбородку съ прописаніемъ, что справка забрана въ исполненіе имяннаго повелѣнія, мнѣ даннаго.

Е.

Прошеніе Петра Палма въ Государственную Иностранную Коллегію, отъ $\frac{2}{13}$ ноября 1792 г., изъ Ливорны. Проситъ жалованья по прапорщичьему окладу за 9 мѣсяцевъ. Жалуется на секретаря Яри, и бранитъ его, что при расплатѣ въ Мессинѣ онаго ему не выдалъ. Представляетъ, что получилъ только за четыре мѣсяца.

Прилагаетъ въ копіи пашпортъ прапорщичей за подписью генералъ-маіора Тамары и разные атестаты. Онъ же и проситель къ губернатору ливорнскому, въ прежней статьѣ помянутый.

Петръ Палма служилъ за писаря на пакетботѣ «Орелъ», собственномъ суднѣ капитана Христофора Сакунцогло, которой отданъ мнѣ отъ г. контръ-адмирала и кавалера Гибса, яко арматоръ, по особому договору, ничего отъ казны не получающій и никакого въ призахъ отчета казнѣ не дающій.

По заключенію перемирія до окончанія онаго назначено капитану сего пакетбота жалованья на 30 матросовъ и четырехъ офицеровъ, да при употребленіи его судна въ посылки казенныя, по Ламбровымъ дѣламъ, прибавлено еще жалованья на 10 человѣкъ и одного офицера; въ семъ случаѣ Палма писарь его получилъ прапорщичье за одну треть. При отправленіи пакетбота въ Черное море всѣ претензіи съ капитаномъ въ присутствіи писаря, по незнанію перваго грамотѣ, разобраны и

кончены; и росписка въ полномъ удовольствіи капитана и служащихъ съ нимъ людей, писанная рукою сего же писаря, здѣсь прилагается [1]).

По окончаніи дѣлъ послѣдняго сей флотиліи судна, я изъ Ливорны отлучился. Капитанъ при расплатѣ поссорился съ своимъ писаремъ; вышла изъ того жалоба къ губернатору, за которую доноситъ на меня въ прежней статьѣ Александръ Розолимо. Дѣло кончилось миромъ. Судно дошло до Неаполя, гдѣ капитанъ умре. Палма принялъ по немъ команду. Но какъ консулъ нашъ съ повелѣнія министра графа Скавронскаго [2]) описалъ имѣніе умершаго и вступилъ въ смотрѣніе за онымъ, то Петръ Палма за подчистки въ летахъ, укрытіе вещей капитана и другіе шалости былъ прогнанъ съ пакетбота. Письмы оригинальныя о томъ консула въ Неаполѣ здѣсь прилагаются [3]).

Петръ Палма ни въ какихъ прежнихъ и нынѣшнихъ офи-

[1]) Въ оригиналѣ представлена Его Превосходительству Василію Степановичу Попову. (Въ архивѣ не имѣется).

[2]) Павелъ Мартыновичъ, 1757—1793, полномочный министръ въ Неаполѣ съ 1785 г. по день смерти.

[3]) Представлены Его же Превосходительству В. С. Попову. (Писемъ этихъ въ архивѣ не сохранилось).

церскихъ спискахъ, по командѣ и ко двору поданныхъ, никогда не состоялъ. Пашпортъ прапорщичей за моею рукою, какой онъ въ копіи прилагаетъ, есть украденной у прапорщика Петра Вальзамаки и навѣрно переправленный. Когда по жалобѣ въ томъ не него имѣла быть повѣрка, то онъ отлучился и найти его было невозможно. Прошеніе его на французскомъ языкѣ есть сочиненія г. Ферьерія, которому онъ нуженъ для росписокъ въ его претензіи за провизію на пакетботъ, за непредставленіемъ коихъ и по отзыву капитана, что оной провизіи никогда не получалъ, Ферьерію отказано въ заплатѣ.

Счеты по сему представленные отъ г. Ферьери подписаны такимъ образомъ: Александръ Розолимо офицеръ россійской. Это доносщикъ въ прежней статьѣ упомянутый; онъ же и слуга Ферьерія.

F.

Рапортъ Луки Комнено въ Государственную Иностранную Коллегію, отъ 12-го іюля 1792 года, называетъ себя канцлеромъ консульства Рос-

Луку Комнено я вовсе не знаю и никогда не видалъ. Извѣстно мнѣ только, что онъ братъ родной жены г-па Ферьерія и что въ счетѣ, отправ-

сійскаго въ Смирнѣ, проситъ перемѣны ему мѣста и опредѣленія консуломъ или вице-консуломъ въ Левантѣ, если назначенный новый консулъ въ Смирну тамо останется, во уваженіе встрѣченныхъ имъ трудовъ и опасностей въ разныхъ переѣздахъ на морѣ и на сухомъ пути; представляетъ, что по знаніямъ его и качествамъ имѣлъ онъ отъ купечества въ Тріестѣ весьма полезныя предложенія, по коимъ увѣряетъ, что могъ бы получать по двѣ тысячи флориновъ въ годъ, но которыя отвергнулъ, желая служить въ комиссіи генералъ-маіора Тамары.

Жалоба Григорія Комнена.

Будто генералъ-маіоръ Тамара подговорилъ его оставить службу въ арміи, дабы ѣхать съ нимъ въ Архипелагъ.

Что былъ отправленъ отъ него, Тамары, предшественникомъ его изъ Яссъ въ Вѣну.

Что изъ Вѣны отправленъ былъ отъ него же, генералъ-маіора, курьеромъ ко двору.

ленномъ отъ г-на Ферьерія, изъ Вѣны, къ Ея Императорскому Величеству чрезъ другого брата его, Григорія Комнено, сей Лука значится посыланнымъ для развѣдыванія обстоятельствъ военныхъ въ Левантѣ и посѣщенія благонамѣренныхъ грековъ. Знаю также, что изъ Тріеста онъ не выѣзжалъ.

Что же касается до помянутаго брата его, Григорія Комнено, то нужнымъ почитаю объяснить о немъ, поелику извѣстно мнѣ, что, возвратясь изъ курьерской своей отъ г-на Ферьерія ко двору посылки, приносилъ онъ Ея Императорскому Величеству на меня жалобу, по которой сысканъ былъ изъ Тріеста въ С.-Петербургъ. Жалоба же его состояла въ слѣдующемъ:

За годъ до опредѣленія моего къ сей комиссіи, вышелъ онъ въ отставку.

За нѣсколько мѣсяцевъ до опредѣленія моего, отправился онъ изъ Яссъ къ сестрѣ своей женѣ г-на Ферьерія, въ Шкловъ. Во время поѣздки его изъ Вѣны ко двору, находился я при покойномъ фельдмаршалѣ князѣ Григорьѣ Александровичѣ Потемкинѣ Таврическомъ въ Бен-

дерахъ, и сія его поѣздка извѣстна должна быть тѣмъ, что привезъ онъ тотъ прежде сказанный счетъ и письмо отъ г-на Ферьерія къ Ея Императорскому Величеству.

Что за возвратомъ изъ Петербурга во флотилію просилъ генералъ-маіора объ опредѣленіи въ службу и о назначеніи къ мѣсту и былъ отъ него безчеловѣчно оставленъ.

Прибылъ во флотилію по заключеніи мира, когда имѣлъ я уже повелѣніе разоружить оную и никого, кромѣ переселенцевъ, на суда не принимать. Не представилъ мнѣ никакого ніоткуда о себѣ повелѣнія и ниже пашпорта, въ коемъ бы значилось, что отправленъ ко мнѣ. Въ пашпортѣ, данномъ ему изъ Иностранной Коллегіи, прописано, что слѣдуетъ въ Вѣну, почему въ прошеніи его о принятіи въ службу отказано. Но изъ уваженія къ мундиру и бѣдности, велѣлъ я дать ему на мой счетъ 20 червонцевъ и предложилъ для возвращенія въ Россію мѣсто на судахъ и столъ; на что онъ и согласился. Потомъ вскорѣ тайно и безъ пашпорта уѣхалъ въ Тріестъ.

Что опредѣлены къ должностямъ люди не служившіе и не достойные; притѣснены служившіе и достойные.

Изъ списковъ можно видѣть, что никто изъ новыхъ людей мною не принятъ и къ должности не опредѣленъ.

По знанію французскаго,

Съ трудомъ подписываетъ

итальянскаго и греческаго языковъ, проситъ объ опредѣленіи его къ штатскому мѣсту.

свое имя. На письмѣ томъ подписался поручикъ Григорій Комнено; на роспискѣ данной мнѣ въ 20 червонныхъ [1])—подпоручикъ Григорій Комнено. По сему его письму заплачено ему за два года жалованья, остался поручикомъ и получилъ награжденія 50 червонныхъ.

G.

Доношеніе Гектора Лучіони въ Государственную Иностранную Коллегію, отъ 23 ноября 1792. Проситъ за 9 мѣсяцевъ жалованья и за четыре мѣсяца сказываетъ, что оное принялъ; прилагаетъ о полученіи онаго копію съ аттестата генералъ-маіора Тамары. Бранитъ находящагося при немъ за секретаря капитана Боброва, который требовалъ будто бы расписки въ удовольствіи за всѣ 13 мѣсяцевъ, когда онъ получилъ только за четыре. Бранитъ еще консула Каламая и всѣхъ служившихъ на флотиліи офицеровъ и прилагаетъ копію съ писаннаго къ генералъ-маіору Тамарѣ письма

Гекторъ Лучіони служилъ на шкутѣ «Аневила», вооруженной съ начала войны консуломъ нашимъ въ городѣ Ница, подъ командою мичмана Шмита, и по приговору коммиссіи въ Сиракузѣ за воровство посаженъ въ желѣзы и прогнанъ еще до пріѣзда моего.

За прибытіемъ моимъ во флотилію, въ поданныхъ спискахъ не состоитъ онъ, Лучіони, ни офицеромъ, ни рядовымъ, а нашелъ я его волонтеромъ на вольномъ крейсерскомъ суднѣ кирлангичѣ «Ахиллесъ»; и какъ онъ самъ въ письмѣ своемъ пишетъ, что представленъ г-мъ Ферьеріемъ, то и примѣтенъ мнѣ былъ по тѣс-

[1]) Представлена въ оригиналѣ Его Превосходительству Василію Степановичу Попову.

его; въ Ливорнѣ, отъ 29-го октября 1792.

ному съ нимъ знакомству. Во всей перепискѣ моей по флотиліи нахожу только, что дозволилъ капитану Ликердопуло взять его съ собою за писаря, когда отправлялъ изъ Сициліи къ полковнику Ламбру Прицизію. Судно то слѣдовало съ нимъ въ Майну и употреблено въ крейсерованіе, то-есть, по тогдашнимъ уже мирнымъ обстоятельствамъ, въ разбой. По разбитіи въ Майнѣ полковника Ламбра, бо́льшая часть экипажа, ограбивъ судно, ушло въ островъ Кандію; оставшіеся служители, въ томъ числѣ и Гекторъ Лучіони, привели кирлангичъ въ Мессину. За что при отправленіи выдано имъ за треть жалованье, а Лучіони, яко начальствующій, получилъ оное по прапорщичьему окладу, и по желанію ѣхать въ Черное море, назначено ему мѣсто на корветѣ «Св. Матвѣй», что все прописано въ данномъ ему отъ меня и прилагаемомъ отъ него при письмѣ въ копіи аттестатѣ. Г-нъ Ферьери тогда же наставилъ его не ѣхать въ Черное море и адресоваться въ трибуналы Тосканскія для полученія обыкновенной за избавленіе судна награды, которая

должна составить по оцѣнкѣ третью долю судна. По сему дѣлу имѣлъ я переписку съ министромъ нашимъ, и отъ герцога Тосканскаго запрещено было трибуналамъ принимать прошенія и вмѣшиваться въ мои дѣла. Письма, съ коего копію прилагаетъ, никогда мнѣ не подавалъ и подать не могъ, поелику въ ономъ, отъ 29-го октября, требуетъ отправленья себя въ Черное море, которое не токмо получилъ отъ меня четыре дня прежде, 25-го октября, но и назначено мѣсто на корветѣ «Св. Матвѣй», какъ значится въ копіи помянутаго аттестата моего, въ его же приложеніяхъ присланнаго. Капитанъ Бобровъ не могъ требовать отъ него расписки, противной моему аттестату, въ которомъ прописывается не только выдача за четыре мѣсяца, но и причина той выдачи.

H.

Прошеніе Іосифа Одиберта на высочайшее имя, отъ 10-го декабря 1792, изъ Ливорны. Представляетъ, что былъ принятъ полковникомъ Ламбромъ въ службу офицеромъ въ 1787 г., въ Тріестѣ.

Въ ономъ году полковникъ Ламбро былъ въ Екатеринославской арміи и прибылъ въ Тріестъ на слѣдующій годъ.

Что генералъ-маіоръ Тамара сохранилъ ему его достоинство; но секретарь комиссіи Ярп, которому поручена была расплата экипажей, заплатилъ ему жалованье не за пятнадцать мѣсяцевъ, а только за пять. Проситъ удовлетворенія и по знанію французскаго, итальянскаго, греческаго и турецкаго языковъ, опредѣленія къ мѣсту въ переводчики.

Іосифъ Одибертъ изъ волонтеровъ; во флотиліи былъ совсѣмъ безъ должности и служилъ у разныхъ капитановъ писаремъ. Маіоръ Кассими опредѣлилъ его на случившуюся прапорщичью ваканцію. Потомъ за дурное поведеніе и неспособность къ должности былъ высланъ и заплаченъ за девять мѣсяцевъ его службы по прапорщичьему окладу, въ чемъ имѣются при книгахъ его расписки.

Онъ есть родственникъ г-на Ферьерія и слогъ письма принадлежитъ ему же.

I.

Письмо архимандрита Кризанто Петронуло къ Его Сіятельству графу Платону Александровичу Зубову, отъ 12-го августа 1793 г., съ приложеніемъ прошенія на высочайшее имя.

Другое въ Государственную Иностранную Коллегію, отъ 10-го декабря 1792 г. Во всѣхъ троихъ жалуется на генералъ-маіора Тамару, который подговорилъ будто его съ собою ѣхать изъ Вѣны. Бранитъ его, полковника Ламбро, Николая Кассими, Гаврилу Каравіо и другихъ безыменно.

За пріѣздомъ въ Вѣну, нашелъ я съ г-мъ полковникомъ Ламбромъ и г-мъ Ферьеріемъ двухъ архимандритовъ, Амвросія и сего Кризанто, въ бѣднѣйшемъ состояніи.

Первый изъ нихъ не имѣлъ никогда мѣста; второй выгнанъ былъ венеціянами изъ весьма скуднаго монастыря въ островѣ Кефалоніи. Потомъ удаленъ со флотиліи еще съ начала войны, по причинѣ соблазна—по жалобамъ на него за украденныя мощи. Прошенія по сему дѣлу должны быть при дѣлахъ

комиссіи, отправленныхъ въ Черное море. Изъ Вѣны слѣдовалъ онъ вмѣстѣ съ прочими Ламбровой команды людьми въ Тріестъ; оттуда съ г-мъ Ферьеріемъ прибылъ во флотилію въ островѣ Каламо.

Доноситъ на секретаря Ярія, что офицерамъ при заплатѣ за четыре мѣсяца бралъ расписки за десять; ему же ничего не далъ и выдавалъ деньги курсомъ необыкновенно высокимъ.

Секретарь Яри ни одной расписки въ десятимѣсячномъ платежѣ ко мнѣ не представлялъ и нѣтъ таковыхъ росписокъ при счетахъ моихъ. Первая выдача денегъ сдѣлана была въ Мессинѣ отъ меня матросамъ за два мѣсяца жалованья, а офицерамъ за четыре столовыя деньги. Вторая секретаремъ Ярія въ Мессинѣ, дабы кончить выдачу по генварь, за три мѣсяца жалованья рядовымъ, а офицерамъ за пять и одинъ столовыхъ. Потомъ выдача жалованья производилась по третямъ и всегда публично, на кораблѣ командующаго, въ присутствіи всѣхъ капитановъ.

Курсъ деньгамъ назначенъ отъ меня; талеръ австрійскій во 105 паръ и экипажи ничего не теряли, поелику талеры въ торгу левантскомъ ходятъ во 107 и во 110 паръ; и въ прошеніяхъ по жалованью, въ сихъ же статьяхъ пропи-

Доноситъ, что капитанъ Каравіо былъ сообщникомъ всегдашнимъ полковника Ламбра, участвовалъ и въ послѣднемъ предпріятіи его на турковъ по заключеніи мира.

санныхъ, никто не жалуется на курсъ.

Капитанъ Гаврило Каравіо служилъ во флотиліи полковника Ламбра и всегда командовалъ судномъ. Когда Ламбро пошелъ изъ пристани Меганиси въ Майну, то капитанъ Каравіо, не слѣдуя за нимъ, явился съ кирлангичемъ своимъ у консула Загурійскаго въ островѣ Зантѣ, отъ коего просилъ отправленія, и отправленъ ко флотиліи въ Мессину; о чемъ Государственная Иностранная Коллегія отъ того консула была въ свое время извѣщена.

Что по разбитіи уже Ламбра, явился Каравіо къ генералъ-маіору Тамарѣ, отъ коего облагодѣтельствованъ и отличенъ; а онъ, Кризанто, брошенъ безъ помощи. Наконецъ, представляетъ о преданности всей греческой націи г-ну Ферьерію, коего усердіе и знаніе выхваляетъ. Аттестата же о поведеніи своемъ отъ г-на Ферьерія не представляетъ для того, что онъ отправился уже въ столицу, гдѣ за прибытіемъ не упуститъ отдать ему, Кризанту, должную справедливость.

Капитанъ Каравіо ничѣмъ мною не облагодѣтельствованъ. Жалованьемъ удовольствованъ. О претензіяхъ его на г-на Ламбро оставлено судить Адмиралтейскому Правленію на Черномъ морѣ. Нынѣ представленъ отъ меня на ряду съ прочими безъ всякой отличности.

Архимандриту Крисанто при отправленіи флотиліи отдано на волю ѣхать въ Черное море на любомъ суднѣ, причемъ долженъ былъ имѣть столъ и сто левковъ на дорогу; онъ тому былъ и радъ; но бѣжав-

шіе послѣ разбитія Ламбра въ Ливорну офицеры привели въ негодованіе на него всѣ экипажи судовъ обличеніемъ, что письмами его изъ Мессины къ полковнику Ламбру о притѣсненіи грековъ, служащихъ въ Сициліи, приведена въ соблазнъ часть экипажа, служащая съ Ламбромъ. Крисанто припужденъ былъ укрыться и, по отплытіи уже судовъ, явился ко мнѣ съ прошеніемъ аттестата и объ отправленіи его прямо въ столицу, въ чемъ отказано.

Слогъ писемъ его французскихъ принадлежитъ г-ну Ферьерію, съ которымъ онъ и живетъ въ Ливорнѣ.

К.

Доносъ отъ неизвѣстнаго и безъ числа.

1-е.

На маіора Кассини, въ тиранскихъ поступкахъ его въ продолженіе войны съ плѣнными турками.

1-е.

Когда турки вѣшали военноплѣнныхъ грековъ команды Ламбра, то и во флотиліи Ламбра, конечно, не щадили турковъ.

2-е.

Описаніе же его безчеловѣчной жестокости надъ взятою въ плѣнъ цѣлою семьею турецкою.

2-е.

О семъ жестокомъ поступкѣ ни отъ кого я не слыхалъ, кромѣ что писали мнѣ объ ономъ Ферьери и жена его.

Въ прежнюю войну капитанъ Варваки изъ крейсеровъ поступалъ жестокосердно съ турками. За прибытіемъ его въ Царьградъ, Порта требовала тотчасъ отъ посла, тогда князя Николая Васильевича Репнина [1]), выслать его изъ Царьграда. Въ нынѣшнюю войну, до пріѣзда моего, капитанъ Гаврило Каравіо поступалъ такимъ же образомъ, за что при отправленіи флотиліи чрезъ Царьградъ въ Черное море взята предосторожность: Каравіо отправленъ пассажиромъ и команда судна его дана другому; за прибытіемъ въ Царьградъ, Порта, не адресуясь, какъ прежде, къ министру, велѣла искать капитана Каравіо на судахъ нашихъ и повѣренный въ дѣлахъ съ нуждою успѣлъ выслать его тайно изъ Царьграда, а маіоръ Кассими нѣсколько мѣсяцевъ живетъ публично въ Царьградѣ, и не

[1]) 1734—1801; въ 1762 г. былъ полномочнымъ министромъ при Фридрихѣ II, въ 1763 г. — въ Польшѣ, при избраніи гр. Понятовскаго; въ 1774 г. имъ подписанъ кучукъ-кайнарджійскій миръ, въ 1779 г.—тешенскій договоръ; онъ два раза былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополѣ; въ 1791 г. одержалъ блистательную побѣду при Мачинѣ и въ Галацѣ подписалъ прелиминаріи ясскаго мира; въ 1796 г., 8-го ноября, произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы.

токмо никто его не безпокоитъ, но и министръ еще имъ хвалится.

Примѣръ прежній капитана Варваки и нынѣшній капитана Каравіо приведены мною въ доказательство, что Порта и по замиреніи не прощаетъ нѣкотораго рода жестокости, и что потому маіоръ Кассими не истязуемый ничѣмъ Портою, въ жестокости напрасно вклеветанъ.

Негодованіе г-на Ферьерія на Кассими произошло отъ того, что ему поручена отъ меня починка и килеваніе судовъ въ Мессинѣ.

3-е.

На поведеніе его же, Кассими, въ правленіе флотиліи.

3-е.

О поведеніи въ командованіи флотиліею маіора Кассими можно освѣдомиться у министра нашего въ Неаполѣ. Правленіе его отличалось спокойствіемъ и порядкомъ противу всѣхъ прежнихъ командъ флотиліи нашей въ Сициліи.

4-е.

На сообщество и единомысліе его съ полковникомъ Ламбромъ.

4-е.

Онъ съ самаго начала войны служилъ съ Ламбромъ и командовалъ всегда его флотиліею. Команда главнаго судна казеннаго и части флотиліи, слѣ-

довавшей въ Сицилію, дано ему по рекомендаціи же Ламбра. Но когда Ламбро, по заключеніи мира, оставилъ венецкіе острова и пошелъ въ Майну, то во всѣхъ своихъ письмахъ сталъ уже жаловаться на Кассими.

5-е.

Что за доносъ на Ламбро маіоръ Кассими, съ согласія генералъ-маіора Тамары, лишилъ командованія корветы «Св. Николай» капитана Андрея Ликердопула и опредѣлилъ другого командира изъ людей порочныхъ.

5-е.

Капитанъ Ликердопуло смѣненъ не за доносъ на Ламбро и не съ согласія моего, но по точному моему повелѣнію за счеты, представленные имъ, издержекъ своихъ на казенное судно корвету «Св. Николай», послѣ малаго на оной переѣзда изъ острова Калама въ Мессину. Чтобъ отвратить отъ подобныхъ счетовъ другихъ капитановъ и открыть правду, приказано ему было сдать команду корветы той другому, на основаніи описи, при пріемѣ судна имъ подписанной. Открылось, что капитанъ Ликердопуло не токмо ничего не издержалъ, но и съ корветы перенесъ не малую часть снастей, мелкаго оружья и проч. на кирлангичъ «Ахиллесъ», ему принадлежащій. Тѣмъ претензія кончилась. А во взысканіи съ него казенныхъ ве-

щей прощенъ, за усердіе, доказанное имъ въ правильномъ донесеніи на полковника Ламбро. Вся переписка по сему дѣлу находится при бумагахъ комиссіи, отправленныхъ въ Черное море.

6-е.

И что выслалъ изъ флотиліи съ того же корабля матросовъ лучшихъ и честныхъ людей.

6-е.

Когда бо́льшая часть служившихъ на флотиліи генералъ-маіора Псаро оставили службу, то команда казенныхъ судовъ поручена была мною капитанамъ доброй военной репутаціи команды полковника Ламбра, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ набралъ на судно свое положенное число матросовъ. Капитану Ликердопулу поручена корвета «Св. Николай»; онъ самъ для объявленія перемирія посланъ на кирлангичѣ въ Архипелагъ, а братъ его отправленъ съ премьеръ-маіоромъ Огара въ Мессину. За прибытіемъ моимъ туда же, маіоръ Огара представилъ, что въ переѣздѣ своемъ былъ подверженъ крайней опасности, потому что Ликердопуло, пользуясь великой дороговизной хлѣба въ своемъ отечествѣ, островѣ Кефалоніи, набралъ на судно за дешевый наемъ вмѣ-

сто матросовъ мужиковъ. По изслѣдованіи оказалась правда; почему капитану Ликердопулу и приказано отвезти тѣхъ мужиковъ обратно; что имъ же самимъ и исполнено на кирлангичѣ его «Ахиллесѣ», на коемъ послана была провизія въ часть флотиліи полковника Ламбра.

7-е.

Жестоко бранитъ секретаря Яри, но нѣтъ никакого точнаго доноса.

8-е.

Доносъ на консула Каламая въ лихоимствѣ при поставкахъ на суда.

8-е.

Консулъ и банкиръ Каламай никогда ничего на флотилію не ставилъ, выключая куцоланы и кирпича, отправленныхъ въ Черное море на казенныхъ судахъ, всего на 1.900 червонныхъ. Весьма же знаменитыя и извѣстныя суммы давалъ всегда, а во время мое безъ процентовъ, кромѣ обыкновенной банкирской комиссіи, въ намѣреніи просить награжденія за свои услуги по окончаніи дѣлъ, котораго нынѣ и проситъ. Доносъ сей, безъ сомнѣнія, принадлежитъ г-ну Ферьерію; въономъ вмѣщенъ весь доносъ капитана Ликер-

L.

Письмо канцеляріи совѣтника Петра Ферьерія къ Его Сіятельству вице-канцлеру, отъ $\frac{6}{17}$ марта 1792, на русскомъ языкѣ, съ приложеніями: копіи съ письма къ генералъ-маіору Тамарѣ, отъ $\frac{10 \text{ марта}}{28 \text{ февраля}}$ 1792, на русскомъ же языкѣ, и копіи съ рапорта капитана Ликердопула къ помянутому генералъ-маіору, отъ $\frac{3}{14}$ марта, съ переводомъ. Въ коихъ, сверхъ общаго доноса на полковника Ламбра о предпріятіи его слѣдовать съ судами въ Майну и повторенія въ предыдущей статьѣ сказаннаго, Ферьери утверждаетъ, что доносилъ генералъ-маіору Тамарѣ о невѣрности полковника Ламбра еще въ Вѣнѣ.

А Ликердопуло въ приложенной копіи рапорта доноситъ, что полковникъ Ламбро намѣренъ атаковать всѣ подъ россійскимъ флагомъ суда.

допула, который находится въ приложенныхъ при письмахъ г-на Ферьерія въ Иностранную Коллегію, о коемъ сказано будетъ въ послѣдующей статьѣ.

До полученія сихъ доносовъ взяты были мною мѣры о пресѣченіи безпорядковъ со стороны легкихъ судовъ флотиліи полковника Ламбра и не допустить его самого слѣдовать въ Майну, или возвратить его изъ оной; о коихъ донесено въ свое время двору.

Въ Вѣнѣ г-нъ Ферьери защищалъ полковника Ламбра и сочинялъ ему и его офицерамъ жалобы ко двору и покойному фельдмаршалу, а доносилъ на командующихъ тогда флотиліею, нѣкоторыхъ консуловъ и на маіора Пангало.

Я столько въ семъ былъ увѣренъ и безъ доноса капитана Лакердопула, что когда онъ еще былъ у Ламбра, то я представлялъ уже господину контръ-адміралу Гибсу не давать судамъ греческимъ фла-

говъ купеческихъ россійскихъ, а консулу Варукѣ писалъ таковыхъ судовъ изъ пристани не отправлять. Консулъ Варуки самъ представляетъ копіи съ тѣхъ моихъ писемъ.

Первое судно, подъ купеческимъ флагомъ россійскимъ, съ пашпортомъ г-на контръ-адмирала Гибса, прибывшее къ острову Зантъ, полковникъ Ламбро послалъ взять. Венецкія военныя лодки принялись защищать оное, и въ послѣдовавшемъ зато сраженіи, люди полковника Ламбра побиты и побраны.

Ламбру нельзя было болѣе остаться во владѣніяхъ венецкихъ, и онъ тотчасъ поплылъ съ судами своими къ Майнѣ. Сіе причиною, что посланные мною, прибывшіе въ островъ Зантъ на другой или на третій день сего приключенія, не застали уже тутъ полковника Ламбра. Государственная Иностранная Коллегія должна имѣть о томъ подробныя извѣстія отъ консуловъ въ островахъ Зантъ и Корфу.

Что въ бытность генералъ-маіора Тамары при флотиліи въ островахъ венецкихъ, предохранялъ онъ, Ликердопуло,

Братья Ликердопулы прибыли ко мнѣ на общемъ ихъ съ полковникомъ Ламбро кирлангичѣ весьма поздно; по-

жизнь его, Тамары, отъ злоумышленій полковника Ламбры.

Второе письмо его же, г-на Ферьерія, на французскомъ языкѣ къ Его Сіятельству вице-канцлеру, отъ 28-го февраля 1792, съ приложеніями: 1-е, объявленія въ Государственную Иностранную Коллегію, на русскомъ языкѣ, отъ того же числа; 2-е, ноты въ Иностранную Коллегію, на русскомъ же языкѣ, отъ того же числа, въ коихъ доноситъ, что по повелѣнію моему разбиралъ счеты кредиторовъ полковника Ламбра въ Тріестѣ, и дѣлаетъ насчетъ тѣхъ кредиторовъ замѣчанія, и порицаетъ по онымъ консула Варуку, купцовъ Пластара и Николая Жоржи.

томъ вскорѣ отправлены; и я, во все время служенія моего въ Средиземномъ морѣ, не былъ подверженъ никакой опасности и злоумышленію.

Разбирать претензіи по долгамъ г-на Ламбра въ Тріестѣ поручилъ было я еще съ пріѣзда моего, въ началѣ 1791 года, консулу Варукѣ, графу Мочениго [1]), присланному ко мнѣ отъ покойнаго фельдмаршала изъ Яссъ, г-ну Ферьерію, капитану Боброву и принятому въ Вѣнѣ для греческаго языка за секретаря Виталію. За возвратомъ тогда же изъ Ливорны, нашелъ, что г-нъ Ферьери, забравъ къ себѣ всѣ тѣ претензіи, не допустилъ къ разсмотрѣнію оныхъ никого, кромѣ помянутаго Виталія. Онъ представилъ ко мнѣ запутанную кучу бумагъ, въ которой ничего я понять не могъ. Виталій явился заимодавцемъ Ламбра, и я его тотчасъ отпустилъ, а претензіи разбиралъ самъ, и сдѣлалъ то представленіе къ покойному фельдмаршалу князю Потемкину - Таврическому о долгахъ полковника Ламбра, о

[1]) Георгій Дмитріевичъ, бывшій позже, съ 1793 г., повѣреннымъ въ дѣлахъ во Флоренціи.

Въ нотѣ доноситъ, что началъ узнавать полковника Ламбра въ Тріестѣ и доносилъ на него генералъ-маіору Тамарѣ.

Что за пріѣздомъ съ помянутымъ генералъ-маіоромъ въ мѣсто, гдѣ находились обѣ флотиліи, генералъ-маіора Псаро и полковника Ламбро, нашли наглости, грабительство и проч., производимыя со стороны Ламбро и его сообщниковъ.

которомъ въ первой статьѣ упомянуто.

Слѣдственно доносъ, на него же, полковника, сдѣланный въ Вѣнѣ, до пріѣзда въ Тріестъ, былъ несправедливый.

Г-нъ Ферьери со мною никуда не пріѣзжалъ и обѣихъ флотилій вмѣстѣ нигдѣ я не нашелъ. Г-на генералъ-маіора Псаро засталъ я съ четырьмя судами казенной флотиліи при островѣ Итака. Всѣ прочія суда казенной и вольной флотиліи были въ крейсерованіи въ Архипелагѣ и собирались одинъ по другому весьма поздно въ островъ Каламо.

Сіе соединеніе обѣихъ флотилій было главнымъ предметомъ моего отправленія отъ покойнаго фельдмаршала. Наглостей и грабительствъ также во время мое не было. Два взятыя судна въ водахъ венецкихъ, одно турецкое возвращено хозяевамъ, по прошенію начальника эскадры венецкой, г-на Прнулія; другое, идріатское, по того же Прпулія прошенію, убѣдилъ я Ламбро возвратить по отъѣздѣ моемъ, чтобы зарекомендовать его венеціянамъ, во владѣніяхъ коихъ онъ оставался зимовать.

Что генералъ-маіоръ Тамара видѣлъ тутъ самъ великую склонность и привязанность къ нему, Ферьерію, грековъ; но что оная нація была уже въ крайнемъ угнетеніи отъ Ламбра.

Никто г-на Ферьерія въ тѣхъ островахъ венецкихъ не зналъ. Нація греческая, живущая въ островахъ венецкихъ, гдѣ былъ со мною г-нъ Ферьери, благопріятствовала Ламбру въ разсужденіи получаемой отъ призовъ его и пребыванія тамъ флотиліи прибыли, и венецкое правленіе не допустило бы никогда иностранцевъ угнетать обывателей, своихъ подданныхъ, которые въ тѣхъ островахъ составляютъ націю греческую.

Что въ крайности недостатка денегъ и съѣстныхъ припасовъ, предоберегъ онъ, Ферьери, отъ конечнаго истребленія флотилію.

Тутъ г-нъ Ферьери упоминаетъ о той комиссіи, за которую я его бросилъ.

Предложилъ я чрезъ него братьямъ Никаца заплатить въ островѣ Корфу разныя потребности для флотиліи, съ тѣмъ, что если они докажутъ въ семъ случаѣ свою безкорыстливость, то доставлю имъ офицерскіе чины. Братья Никаца на то согласились. Ферьери торговался, Никаца платили. Купленныя такимъ образомъ спасти доставлены во флотилію со счетами г-дъ Никаца. Никогда не видалъ я таковой дороговизны.

Провизія заплачена цѣнами 1783-го голоднаго въ тѣхъ мѣстахъ года. Въ досадѣ

писалъ я о томъ министру нашему въ Венецію и къ покойному фельдмаршалу. Сверхъ того, счеты перепутаны, снасти смѣшаны съ провизіею; почему и принужденъ я былъ, отъѣзжая въ Сицилію, приказать капитану пакетбота, Сакунцоглу, взявъ Ферьерія, коснуться острова Корфу, дабы оные счеты переправить, чтобы могли къ отчету быть представлены. Никацамъ приказалъ безъ повелѣнія моего никому денегъ не выдавать. Ферьери прожилъ въ Корфу цѣлые три мѣсяца и, называя себя полковникомъ, вынудилъ угрозами у Никацовъ (которые надѣли уже мундиръ нашъ) еще до 5.000 левковъ. За пріѣздомъ своимъ въ Мессину, прислалъ ко мнѣ счеты прежніе безъ поправки и еще новые издержекъ на пакетботъ, въ коихъ не токмо вынудненые имъ отъ г-дъ Никацовъ 5.000 левковъ показаны въ расходъ, но еще будто 370 червонныхъ его собственныхъ денегъ. Большая часть сихъ послѣднихъ счетовъ подписано: *Александръ Розолино, офицеръ Россійской.* Росписокъ же капитана въ

Что всюду слышенъ вопль и стенаніе о грабительствахъ и что получилъ онъ, равно и генералъ-маіоръ Тамара, болѣе ста прошеній; что занимается сочиненіемъ вымѣтки съ проектовъ, какимъ образомъ удовлетворить всѣ претензіи на флотилію; что многіе челобитчики хотѣли ѣхать въ Петербургъ, но онъ имъ отсовѣтовалъ, и тѣмъ избавилъ дворъ отъ хлопотъ. Объявляетъ о великой преданности къ нему всей греческой націи и особливо о вожделѣніи видѣть его обывателемъ города Смирны и, воспоминая заслуги свои и

пріемѣ купленныхъ для судна его вещей не приложено. Я тѣхъ расписокъ требовалъ, но капитанъ вмѣсто оныхъ представилъ рапортомъ, что, кромѣ малой части значущейся по книгамъ его провизіи, никогда ничего отъ г-на Ферьерія не получалъ и издержки всѣ на суднѣ своемъ дѣлалъ изъ собственныхъ денегъ. За сіе бросилъ я г-на Ферьерія, который сначала долго писалъ ко мнѣ прошенія, потомъ сталъ писать брани и кончилъ обѣщаніемъ писать о мнѣ *пасквили*.

До отплытія полковника Ламбра въ Майну получилъ я нѣсколько доносовъ отъ разныхъ служащихъ, въ томъ числѣ и отъ г. Ферьерія. Жалобъ же по новымъ обидамъ не имѣлъ ни отъ кого. При первомъ ограбленіи Ламбромъ судна съ хлѣбомъ не только получилъ жалобу отъ интересованныхъ и извѣстія отъ консуловъ, но и страховая контора въ Ливорнѣ, упреждая тѣ извѣстія, дала мнѣ о томъ знать.

ревность, оказанныя при разбирательствѣ претензій на флотъ нашъ еще въ прежнюю войну, проситъ о назначеніи его къ разбирательству таковыхъ же претензій и нынѣ.

Третье письмо его же, Ферьерія, къ Его Сіятельству вице-канцлеру, на русскомъ языкѣ, отъ 26-го генваря / 6-го февраля 1792 года, съ приложеніями: объявленія въ Иностранную Коллегію, на русскомъ языкѣ, копіи съ письма его же къ генералъ-маіору Тамарѣ, копіи съ письма къ консулу Бенакію, въ коихъ описываетъ пространно случившуюся ссору, въ карантинѣ острова Корфу между имъ и консуломъ Бенакіемъ.

Жалобы г. Ферьерія на консула Бенакія [1]) получалъ я неоднократно, но какъ оныя казались мнѣ весьма маловажными, то я ихъ и оставлялъ безъ примѣчанія. Въ оныхъ нѣтъ ничего, до службы касающагося.

M.

Рапортъ Ивана Францa Бріе въ Государственную Иностранную Коллегію, безъ числа. Въ коемъ жалуется на г. контръ-адмирала Гибса и жестоко его бранитъ.

Второе письмо его же, отъ 31-го генваря / 11-го февраля 1791 года, въ коемъ порицаетъ неблагодарностію его же, контръ-адмирала, и бранитъ

Г. контръ-адмиралъ Гибсъ принялъ его изъ волонтеровъ Ламбровой флотиліи въ службу на казенныя суда и, чтобъ сдѣлать ему помощь, написалъ двоихъ малолѣтнихъ сыновей его матросами, потомъ за ослушаніе выгналъ его изъ службы.

---

[1]) Бенаки Лимберанъ—русскій генеральный консулъ въ Корфу. съ 1783 года.

консула Каламая за то, что не взялся онъ выпросить для него у помянутаго контръ-адмирала денегъ, и проситъ оныхъ у Иностранной Коллегіи.

Третье въ дубликатъ отъ $\frac{8}{19}$ августа, четвертое отъ $\frac{15}{26}$ того же мѣсяца 1791 г. Въ обѣихъ увѣдомляетъ о проектѣ, сообщенномъ генералъ-маіору Тамарѣ, касающемся нѣкоторыхъ французскихъ капитановъ, желающихъ служить въ нашей флотиліи. Прилагаетъ договорную записку тѣхъ капитановъ о вступленіи ихъ въ службу и проситъ денегъ на излеченіе его болѣзни и содержаніе своей фамиліи.

Проектъ, о которомъ Бріе говоритъ, поданъ мнѣ отъ него за пріѣздомъ въ Ливорну. Я представилъ о немъ покойному фельдмаршалу, а г-ну Бріе велѣлъ забрать обстоятельнѣйшія свѣдѣнія, и чтобъ не оставить оказательства доброй воли его безъ награжденія, далъ я ему чрезъ г-на Ламбро 100 червонныхъ денегъ. Чрезъ нѣсколько времени, не имѣя отъ покойнаго фельдмаршала никакой по сему дѣлу резолюціи, велѣлъ я г-ну Бріе, забравъ съ собою оставшихся нашихъ матросовъ въ Ливорнѣ, ѣхать во флотилію на наемномъ суднѣ и консулу Каламаю приказалъ выдать ему на таковой проѣздъ деньги. Бріе явился у консула, взялъ деньги на себя и на матросовъ и скрылся. Консулъ принужденъ былъ въ другой разъ нанимать судно, на коемъ и отправилъ матросовъ уже однихъ. Узнавъ о томъ, я бросилъ г-на Бріе, а онъ изъ Ливорны отправился въ Петербургъ.

N.

Рапортъ Людвига Брави въ Государственную Иностранную Коллегію, отъ $\frac{3}{14}$ генваря 1791, въ коемъ жалуется на контръ-адмирала Гибса, исчисляетъ свои службы и оканчиваетъ, что, будучи отставленъ контръ-адмираломъ, не можетъ жить безъ денегъ.

За пріѣздомъ въ Ливорну, Людвигъ Брави являлся у меня, а я у г-на контръ-адмирала Гибса объ немъ освѣдомлялся. Безпорядочная жизнь и великія претензіи принудили помянутаго контръ-адмирала его бросить. Служба его состоитъ въ присутствіи нѣсколько времени на судахъ нашихъ волонтеромъ, что видно и изъ приложенныхъ къ рапорту его аттестатовъ.

O.

Два письма консула Варуки къ Его Сіятельству вице-канцлеру, отъ $\frac{7}{18}$ мая и отъ $\frac{\text{22-го мая}}{\text{2-го іюня}}$ 1792 г., изъ коихъ въ одномъ доноситъ о нападеніи, сдѣланномъ отъ полковника Ламбра на судно, прибывшее въ островъ Занте изъ Тріеста съ пашпортомъ контръ-адмирала Гибса, и прилагаетъ копіи съ писемъ къ нему, Варукѣ, генералъ-маіора Тамары о невыдачѣ судамъ пашпортовъ купеческихъ россійскихъ.

Сомнѣваясь уже о полковникѣ Ламбрѣ, я тѣ письма не токмо къ консулу Варукѣ писалъ, но и г. контръ-адмирала Гибса (который тогда, за годъ послѣ сдачи мнѣ команды, жилъ въ Тріестѣ) просилъ не давать флаговъ купеческихъ россійскихъ. О чемъ въ статьѣ подъ литерою L подробно упомянуто.

P.

Рапортъ консула Бенакія въ Государственную Иностранную Коллегію, отъ 23-го апрѣля

До полученія извѣстія отъ меня нельзя было иного заключенія имѣть консулу Бе-

1792 г., въ коемъ доноситъ на полковника Ламбро и увѣдомляетъ о заключеніяхъ своихъ, что полковникъ Ламбро, по силѣ инструкцій, данныхъ ему отъ генералъ-маіора Тамары, поступаетъ тѣмъ болѣе, что занимается сильнымъ наборомъ людей въ мирное время.

накію, поелику полковникъ Ламбро при наборѣ людей въ окружностяхъ Корфу объявлялъ, что набираетъ ихъ по моему повелѣнію.

Q.

Письмо (Анжело Мемо, губернатора венеціанскаго въ островѣ Корфу) въ Сенатъ венецкій, отъ 18-го апрѣля 1792 г., въ коемъ жалуется на поступки полковника Ламбра и увѣдомляетъ Сенатъ, что онъ пріемлетъ мѣры воспротивиться ему, Ламбру, силою.

Полковникъ Ламбро, при открытіи своего намѣренія, арестовалъ нѣсколько офицеровъ, тако жъ и судно куттеръ, при островѣ Итака стоящее; капитанъ сего судна, Петръ Метакса, ушелъ на берегъ. Ламбро съ вооруженными людьми за нимъ гонялся и разбилъ домъ, въ которомъ считалъ его найти; капитанъ, однако жъ, ушелъ, а братъ его, доставшійся въ руки Ламбра, былъ убитъ.

Венеціане въ разсужденіи подобныхъ поступковъ приняли нѣкоторыя мѣры.

R.

Прошеніе Винченца Ринальди Санчесса на высочайшее имя, безъ числа, въ коемъ увѣдомляетъ, что былъ онъ взятъ въ службу барономъ

Баронъ Бидери, грекъ, подданный неапольскій, рекомендованъ мнѣ былъ отъ подполковника и консула Папо Бичилія въ желаніи своемъ

Бидери, вооружающимъ собственное судно на службу Ея Императорскаго Величества. Но какъ сей Бидери въ Неаполѣ былъ арестованъ за долги, то являлся онъ къ генералъ-маіору Тамарѣ въ Мессинѣ съ прошеніемъ о принятіи его въ службу, въ чемъ помянутый генералъ-маіоръ ему отказалъ. Проситъ объ удовлетвореніи. Увѣдомляетъ, что онъ солдатомъ Папы Римскаго въ службѣ. Описываетъ свою бѣдность и проситъ денегъ.

вооружить собственное судно, чтобъ служить на ономъ во время войны, и я согласился принять его, когда съ вооруженнымъ судномъ прибудетъ ко мнѣ во флотилію. Но чтобъ не компрометироваться при семъ случаѣ съ дворомъ неапольскимъ, то увѣдомилъ какъ о предложеніи барона Бидери, такъ и объ отвѣтѣ моемъ министра нашего въ Неаполѣ и покойнаго фельдмаршала. Бидери въ самомъ дѣлѣ принялся было вооружать свое судно, но за долги взять подъ караулъ. Проситель Ринальди явился ко мнѣ съ прошеніемъ о принятіи его въ службу, въ чемъ ему отказано. За прибытіемъ г-на Ферьерія въ Мессину, онъ явился у него, и прошеніе его принадлежитъ къ сочиненіямъ господина Ферьерія.

S.

Прошеніе маіора Николая Пангало на высочайшее имя, отъ $\frac{14}{25}$ февраля 1793 г., изъ Тріеста, въ коемъ прописываетъ отправленіе его изъ Петербурга къ покойному фельдмаршалу въ Яссы, а оттуда съ генералъ-маіоромъ Тамарою

Съ пріѣзда во флотилію Ламбро арестовалъ маіора Пангало за вѣсти, подаваемыя имъ идріотамъ, главнымъ непріятелямъ полковника Ламбра; за таковыя же извѣстія былъ послѣ отъ него посаженъ въ желѣзы, о чемъ лишь только

въ Тріестъ и во флотилію, гдѣ былъ арестованъ полковникомъ Ламбромъ; потомъ выпущенъ изъ ареста по милости генералъ-маіора Тамары, помощію коего былъ избавленъ въ островѣ Занте отъ новыхъ покушеній на него полковника Ламбра. Объявляетъ его бунтовщикомъ, ищущимъ смерти его, Пангало. Наконецъ, проситъ Ея Императорское Величество заплатить за него 1.500 червонныхъ, которые онъ долженъ купцамъ Пластара въ Тріестѣ.

я узналъ, то и велѣлъ его освободить и выѣхать изъ флотиліи. По отъѣздѣ моемъ въ Сицилію, Ламбро опять искалъ поймать Пангало, который укрывался отъ него по островамъ венецкимъ. Ламбро требовалъ выдачи его отъ правленія венецкаго. А Пангало прибѣгнулъ подъ покровительство консула нашего въ Занте, съ коимъ Ламбро въ ссорѣ. Обѣ стороны вопили ко мнѣ съ жалобами, и я дозволилъ Пангалу пріѣхать во флотилію въ Сициліи. Ламбро былъ тогда уже въ Майнѣ, и Пангало, не боясь его болѣе, остался въ островѣ Занте, гдѣ успѣлъ, по обыкновенію своему, надѣлать долговъ, о заплатѣ коихъ просилъ, въ чемъ ему отъ меня отказано, не имѣя на подобныя издержки денегъ, и Пангало, не бывъ употребленъ никогда ни къ какой должности, не имѣлъ жалованья, въ счетъ коего могъ бы я сдѣлать ему выдачу денегъ.

Т.

Доношеніе Жака Чентанара въ Государственную Иностранную Коллегію, отъ 3-го декабря 1792 г., съ приложеніемъ прошенія на высочайшее имя, отъ

Судно «Минерва» куплено господиномъ генералъ-поручикомъ Заборовскимъ и заплачено чрезъ посредство банка консула Каламая.

23-го іюля 1791 г., въ коемъ жалуется, что притѣсняемъ былъ консуломъ Каламаемъ и генералъ-поручикомъ Заборовскимъ въ продажѣ своего судна, и бранитъ ихъ обоихъ. Увѣдомляетъ притомъ, что оное судно, брошенное послѣ безъ починки въ пристани Ливорнской, пришло въ крайній упадокъ и сгнило; посему за пріѣздомъ генералъ-маіора Тамары было продано за безцѣнокъ.

Жалуется также на контръ-адмирала Гибса за отнятіе у него команды того же судна и за изгнаніе его изъ службы.

Господинъ контръ-адмиралъ Гибсъ въ Сиракузѣ выслалъ Жака Чептанаро изъ службы за неспособность и ослушаніе, а судно, по употребленіи въ первую кампанію, оказалось такъ неспособнымъ, что господинъ контръ-адмиралъ Гибсъ приказалъ его разоружить и оставилъ въ пристани Ливорнской подъ присмотромъ одного офицера и нѣсколькихъ матросовъ. Контръ-адмиралъ Гибсъ представлялъ о продажѣ онаго неоднократно. За пріѣздомъ моимъ, по снятіи остальной снасти, мачтъ и желѣза, продано съ публичнаго торга на дрова.

V.

Прошеніе маіора Сотири на всевысочайшее имя, отъ 19-го октября 1793 г. По прописаніи службы своей въ прежнюю войну, за которую награжденъ чиномъ и получилъ пенсіонъ по 100 червонныхъ въ годъ, представляетъ труды и опасности, коимъ подверженъ былъ въ исправленіи порученнаго ему служенія касательно албанцевъ въ началѣ послѣдней войны; что далъ онъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ Государственной

Маіоръ Сотири данную ему въ началѣ войны комиссію къ албанцамъ кончилъ представленіемъ въ С.-Петербургъ депутатовъ албанскихъ и описанія всей той части края, въ который былъ онъ посланъ. Описаніе есть лучшее изъ тѣхъ, что мнѣ досталось видѣть; но выборъ депутатовъ, привезенныхъ имъ въ Петербургъ, былъ весьма странный. Одинъ изъ нихъ, Кристолакіоти, находящійся и нынѣ здѣсь, есть са-

Иностранной Коллегіи и разнымъ генераламъ, начальствовавшимъ въ Средиземномъ морѣ, по коимъ отчетамъ остается онъ кредиторомъ казны въ 392-хъ червонцахъ. Сей кредитъ, сказываетъ, извѣстенъ и генералъ-маіору Тамарѣ, который не могъ его удовольствовать, потому что по комиссіи своей зависѣлъ онъ, Сотири, прямо отъ кабинета. Проситъ заплаты тѣхъ 392-хъ червонныхъ и за службу свою награжденія.

пожникъ изъ города Превезы; другой, Паноцира — партикулярный наемный посыльщикъ. Г. Пангало, посланный отъ маіора Ламбра съ жалобами на начальство въ Средиземномъ морѣ, присталъ къ нимъ уже въ Петербургѣ, равно какъ и г. Ферьери, пріѣхавшій съ другой стороны въ Петербургъ за своими дѣлами. Они поссорили оныхъ мнимыхъ депутатовъ съ маіоромъ Сотири, и Пангало сталъ представлять лицо перваго депутата албанцевъ, которыхъ онъ прежде вовсе не зналъ. Прошенія ихъ сочинялъ г. Ферьери и съ ними отправленъ былъ отъ двора къ покойному фельдмаршалу; а маіоръ Сотири изъ Петербурга, не знаю уже какимъ образомъ, возвратился опять въ Италію, и по пріѣздѣ моемъ туда, представилъ мнѣ на кабинетъ свои претензіи, по которымъ, не имѣя довольнаго свѣдѣнія о прежнихъ его счетахъ, отказался я вступить въ представленіе.

W.

Печатное прошеніе Дмитрія Павлани Критико на всевысочайшее, имя отъ $\frac{1}{12}$ сентября 1792 г.,

О явкѣ сего Критико въ Тріестъ не могу вспомнить. Но если онъ ко мнѣ являлся

изъ Тріеста, въ коемъ жалуется на несправедливость и притѣсненія полковника Ламбра. Представляетъ, что явился онъ у генералъ-маіора Тамары, который приказалъ внести въ счетъ долговъ полковника Ламбра и его претензію, состоящую во 146 чер. 15 лиръ и 5 солд.; но что по причинѣ понесенныхъ имъ убытковъ въ переѣздѣ изъ Марсели въ Тріестъ и утраты своего торга, имѣетъ онъ нынѣ справедливую претензію на полковника Ламбра въ 764 чер. 15 лиръ 5 солд., о заплатѣ коихъ проситъ, приводя въ примѣръ купцовъ Пластара, заплаченныхъ сполна въ Петербургѣ.

и претензія его, состоящая во 146 чер. 15 лиръ и 5 солдей, признана мною справедливою, то долженъ онъ быть помѣщенъ въ число кредиторовъ Ламбра въ представленіи моемъ изъ Тріеста покойному фельдмаршалу, о коемъ въ первой статьѣ упомянуто.

Примѣчанія достойно, что въ два года съ половиною изъ 146 чер. лиръ 15 сол. проситель поднялъ претензію свою до 764 лиръ и 15 солд. Подобный сему ведутъ счетъ и другіе кредиторы Ламбра.

X.

Прошеніе купца Николая Жоржи, поданное римско-императорскому послу графу Кобенцелю [1]) отъ 3-го марта 1793 г., въ коемъ проситъ о заплатѣ должныхъ ему полковникомъ

При разсмотрѣніи долговыхъ дѣлъ полковника Ламбро въ Тріестѣ, претензіи купца Николая Жоржи оказались весьма запутанными по причинѣ двойного званія его въ тѣхъ дѣ-

1) Cobenzl, Ludwig, 1753—1809; австрійскій посолъ въ Копенгагенѣ, Берлинѣ и, съ 1779 по 1796 г., въ Петербургѣ; онъ пользовался большею милостью и былъ любъ Екатеринѣ II, которая называла его ministre de poche; авторъ театральныхъ пьесъ, въ представленіи которыхъ принималъ участіе. Въ 1795 г. онъ заключилъ союзъ Австріи съ Россіей и Англіей противъ Франціи; въ 1797 г. подписалъ кампо-формійскій миръ и въ 1801 г.—люневилльскій.

Ламбромъ 47.607 флориновъ 15 крейцеровъ.

Опую сумму составляетъ:

1) Обликъ [1]) полковника Ламбро по окончаніи всѣхъ счетовъ съ нимъ, заимодавцемъ, данный въ Тріестѣ отъ 7-го марта 1791 года въ 29.000 флориновъ.

лахъ: заимодавецъ, онъ же и довѣренный коммисіонеръ г-на Ламбро въ Тріестѣ.

Кредитъ его, яко заимодавца, простирался до 35 тыс. флориновъ. По окончаніи счетовъ полковникъ Ламбро далъ обликъ купцу Николаю Жоржи въ 29.000 флориновъ съ уговоромъ получить отъ него въ возвратъ нѣкоторыя свои претензіи. О сихъ 29 тыс. флориновъ значится въ часто упомянутомъ представленіи моемъ о долгахъ полковника Ламбро къ покойному фельдмаршалу, изъ Тріеста, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1791 года.

2) Вексель полковника Ламбро въ 6.000 флориновъ со срокомъ заплаты чрезъ шесть мѣсяцевъ, въ коемъ не назначено числа, но въ письмѣ къ графу Кобенцелю проситель прописываетъ, что даны оныя деньги, по необходимости отправленія судовъ изъ Тріеста, 26-го мая 1791 года.

О семъ векселѣ я никогда не слыхалъ ни отъ г-на Ламбро, ниже отъ просителя. Отправленіе судовъ въ Тріестъ дѣлалось подъ моимъ присмотромъ, и моя, а не полковника Ламбро, могла тогда быть необходимость, въ случаѣ которой, безъ малѣйшаго запинательства, далъ бы я вексель на покойнаго моего шефа; но все тогда платилось наличными деньгами, и съ Николаемъ Жоржи не имѣлъ я никакого

[1]) Коммерческій терминъ, *obligo* въ русской передѣлкѣ —обязательство.

дѣла. Проситель имѣетъ въ виду подкрѣпить вексель свой правомъ морской торговли, по которому деньги, данныя на отправленіе судна изъ пристани, взыскиваются преимущественно предъ всякими долгами; но о томъ должно было упомянуть въ прямомъ документѣ долга, то-есть въ векселѣ, а не въ письмѣ къ графу Кобенцелю.

3) Обликъ полковника Ламбро въ 1902-хъ левковъ, данный въ пристани Меганисѣ, отъ $\frac{10}{21}$ декабря 1791 года, въ коемъ прописываетъ, что оныя деньги долженъ Николаю Жоржи за поставленную провизію на флотилію, и, упоминая о прежде данномъ векселѣ на 6.000 флориновъ, говоритъ, что генералъ-маіоръ Тамара про оный знаетъ.

И сія дача, какъ и первая, мнѣ вовсе неизвѣстна. При отъѣздѣ изъ Каламо, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1791 г., оставлено полковнику Ламбро провизіи на три мѣсяца, а въ генварѣ 1792 г. послано еще на три мѣсяца и на 300 человѣкъ. Кажется, не имѣлъ онъ нужды въ оной. Сверхъ того, и въ письмахъ, полученныхъ мною отъ полковника Ламбро, въ генварѣ 1792 г., нигдѣ о долгѣ семъ Николѣ Жоржи не упоминается, хотя въ счетахъ своихъ полковникъ Ламбро прописывалъ самыя мелочи.

Здѣсь знаніе мое о шеститысячномъ векселѣ прописано, какъ прежде необходимость отправленія судовъ, для подкрѣпленія претензіи и также не въ своемъ мѣстѣ.

*

4) Представляетъ определеніе трибунала въ Тріестѣ, отъ 22-го декабря 1790 г., по коему осужденъ онъ, Жоржи, заплатить за полковника Ламбро 4.727 ливровъ купцу Санибальди съ процентами по 5 на $^0/_0$, и что оные, составляющіе 1.078 флор. 26 крейцеровъ, дѣйствительно заплатилъ, прилагаетъ свидѣтельство отъ Санибальди отъ 15 декабря 1792 года. Равно и аттестатъ отъ купцовъ въ Тріестѣ о цвѣтущемъ состояніи его комерціи.

Должно знать, что всѣ просители по дѣламъ Ламбро основываютъ претензіи свои ко двору на побудительныхъ письмахъ генералъ-поручика и кавалера Заборовскаго; не имѣя отъ меня таковыхъ, придумали вмѣстѣ съ Ламбромъ, на зимовье, предъ походомъ въ Майну, прописать въ обликѣ, что знаю я и про вексель въ 6.000 флориновъ.

Сумма 1.078 флориновъ 26 крейцеровъ, слѣдующая ко взысканію съ процентами по приговору трибунала 1790 г., должна быть вмѣщена въ обликѣ на 29 тысячъ флориновъ, представляющемъ окончательный расчетъ 1791 года, а если проситель не вмѣстилъ сей суммы въ 29-ти-тысячный обликъ потому, что былъ по оной порукою обще съ архіепископомъ Моданскимъ и консуломъ Мельниковымъ[1]), то вся сумма таковой общей поруки заплачена уже помянутымъ его товарищамъ и въ обоихъ случаяхъ можно усумниться о доброй вѣрѣ просителя, что вновь ее требуетъ. Сверхъ того, прописанный приговоръ

[1]) Денисъ Матвѣевичъ, генеральный консулъ въ Салоникахъ.

трибунала представляетъ сомнѣнія и на другія претензіи просителя, а именно: на вексель въ 6.000 флориновъ и обликъ въ 1902 левка, выше прописанныхъ.

1) Приговоръ трибунала тріестскаго о взысканіи съ просителя суммы 1.078 флор. 26 крейц., въ коей онъ порукою за г. Ламбро, есть отъ 22 декабря 1790 г.

2) Взысканіе, слѣдующее въ случаѣ незаплаты по тому же приговору, есть отъ 15 декабря 1792 г.

3) Заплата тѣхъ 1.078 фл. 26 кр. и по тому же приговору есть отъ 15 декабря 1792 г. А между тѣми, двумя сроками, приговора и заплаты, проситель, подвергающійся конфискаціи за незаплату 1.078 фл. 26 кр., даетъ Ламбру 6.000 флориновъ. Потомъ чрезъ нѣсколько недѣль уклоняется отъ своихъ кредиторовъ изъ Тріеста во флотилію, гдѣ $\frac{10}{21}$ декабря 1791 г. даетъ Ламбру еще 1902 левка.

4) По тому же приговору трибунала означается взысканіе той суммы 1.078 фл. 26 кр. съ процентами по 5 на $^0/_0$; проситель же беретъ съ Лам-

	бра 9 на $^0/_0$—видъ собственной пользы его не трогаетъ; тамъ забылъ опасность, здѣсь барышей своихъ не знаетъ, чѣмъ самымъ обнаруживается подозрѣніе въ подлогѣ обоихъ сихъ послѣднихъ векселей и наводитъ сомнѣніе на цвѣтущее состояніе его, Жоржи, комерціи.
5) Издержки на проѣздъ къ генералъ-поручику Заборовскому изъ Тріеста во флотилію по почтѣ 450 флор.	И сія сумма, яко издержанная по поводу дѣлъ Ламбры въ 1789 году, должна вмѣщена быть въ томъ же обликѣ на 29 тысячъ флориновъ, яко въ окончательномъ расчетѣ, сдѣланномъ 1791 года.
6) Издержки на проѣздъ къ генералъ-маіору Тамарѣ изъ Тріеста въ Левантъ, Корфу, Св. Мавра, Итаку, Ливорну, въ карантинѣ и потомъ въ Тріестѣ, 1.800 флориновъ, оттуда въ Санктъ - Петербургъ 675 флориновъ.	Всѣ кредиторы г. Ламбро въ Тріестѣ ожидали рѣшенія судьбы своей. За возвратомъ посланнаго курьера къ покойному фельдмаршалу съ представленіемъ моимъ о тѣхъ долгахъ, и Николаю Жоржи не было никакой нужды ѣхать во флотилію, оттуда менѣе еще нужды было искать меня по всѣмъ прописаннымъ мѣстамъ, удаляющимъ его отъ моего пребыванія въ Мессинѣ и Ливорнѣ, куда могъ прямо изъ Итаки слѣдовать, и имѣлъ причину тѣмъ болѣе спѣшить, что отъ $\frac{18}{29}$ генваря 1792 г., увѣдомилъ я г. Ламбра о по-

лучшемъ мною повелѣніи платить его долги и что Николай Жоржи имѣлъ претензіи на Ламбра, мнѣ еще неизвѣстныя; но онъ продолжалъ жить при флотиліи, а по отплытіи Ламбра, въ островѣ Итакѣ, откуда, по разбитіи уже Ламбра въ Майнѣ. выѣхалъ и прибылъ въ Ливорну въ позднюю уже осень. Изъ сего видно, что Николай Жоржи путь свой во флотилію предпріялъ не яко кредиторъ, ищущій заплаты, но яко повѣренный продавецъ полковника Ламбра призовъ, въ ожиданіи коихъ жилъ въ островахъ венецкихъ, пока была надежда получить оные съ Майны.

7) Процентная сумма по 9 на %—6.340 флориновъ 29 крейцеровъ.

Порядочные купеческіе дома въ Тріестѣ проценты свои въ долгахъ г. Ламбро полагаютъ по 6 на %.

Ажіо по $1^1/_2$ на %—703 флор. 32 крейцера.

Претензію подъ названіемъ ажіо по симъ долгамъ впервые я слышу.

Вообще, при разсмотрѣніи долговъ полковника Ламбра въ Тріестѣ, въ сомнительныхъ статьяхъ должно было держаться его же, полковника, объясненій. Лучшихъ людей, съ нимъ служившихъ, не было въ Тріестѣ; они командовали судами его въ

Архипелагѣ; тогда и въ расспискахъ Ламбро не было и не могло быть сомнѣнія. Но когда за собраніемъ флотилии въ Ливорну, обличенъ свидѣтелями капитанъ Андріянопуло въ полученіи послѣ перваго разбитія Ламбра, безъ дачи и одной полушки денегъ, представляемаго имъ векселя на 16 т. левковъ; когда претензія за ограбленное судно на маіора Ламбро, до пріѣзда моего признанная отъ комиссіи справедливою и мнѣ казавшаяся наисправедливѣйшею, явилась пустая чрезъ обличеніе отъ тѣхъ же свидѣтелей, истца армянина Салаки, и когда, съ другой стороны, заплата въ Петербургѣ всѣхъ сполна претензій съ процентами купцовъ Пластара сдѣлала кредиторовъ полковника Ламбро весьма несговорчивыми, тогда и я представилъ разбирательство всѣхъ дѣлъ по флотиліи поручить Адмиралтейскому Правленію на Черномъ морѣ, куда долженъ былъ отправлять всѣхъ нужныхъ для сего дѣла людей, командующихъ судами флотиліи. А нынѣ для вящшаго поясненія долговъ вообще полковника Ламбро прилагаю записку *Dd.* объ

оныхъ секретаря учрежденной объ арматорахъ коммиссіи Ярія и рапортъ E[1]) капитана Зигури, одного изъ лучшихъ офицеровъ части полковника Ламбро, о дѣлахъ просителя Николая Жоржи съ нимъ, полковникомъ, въ которыя онъ, Зигури, былъ употребленъ.

Z.

Письмо купца Ивана Куртовича къ императорскому послу графу Кобенцелю, съ приложеніемъ прошенія на высочайшее имя о заплатѣ должныхъ ему полковникомъ Ламбромъ денегъ и копіи съ благодарнаго письма генералъ-поручика и кавалера Заборовскаго за дѣланный кредитъ Ламбру.

Кредитъ же его, Куртовича, состоитъ изъ прилагаемаго облика на 28.273 флорина и 12 крейц., даннаго ему полковникомъ Ламбромъ по окончательному между ними расчету 21-го февраля 1791 года, а съ сего числа по 21-ое іюня 1793 года Куртовичъ полагаетъ на ту сумму проценты по 6 на $^0/_0$—3.971 флоринъ,

Полковникъ Ламбро задолжалъ купцу Куртовичу покупкою у него судовъ корветы «Минерва» въ началѣ 1788 года[2]), на которой сдѣлалъ первую свою кампанію, и полакры «Вѣпа» въ 1789 году, при вооруженіи флотиліи своей въ Тріестѣ, и, сверхъ того, разныхъ снастей, покупаемыхъ по большей части въ долгъ. Въ разсужденіи чего генералъ-поручикъ и кавалеръ Заборовскій писалъ къ сему Куртовичу упоминаемое въ прошеніи его благодарное письмо.

За прибытіемъ моимъ, по сдѣланному между Ламбромъ и Куртовичемъ расчету, полковникъ Ламбро остался долженъ ему 28.373 флорина и 12

[1]) Ни записки Dd, ни рапорта E въ бумагахъ Н. С. Мордвинова не оказалось.

[2]) См. выше, №№ 626 и 627.

а всего и съ процентами составляетъ 32.344 флориновъ и 12 крейцеровъ.

крейцеровъ, о коихъ значится въ представленіи моемъ къ покойному фельдмаршалу, изъ Тріеста, въ 1791 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Съ того времени купецъ Куртовичъ считаетъ на всю сумму проценты по 6 на $^0/_0$, что и составляетъ требуемую имъ сумму 32.344 флориновъ и 12 крейцеровъ.

Кредитъ сей не подверженъ никакому сомнѣнію и проценты по 6 на $^0/_0$ есть обыкновенные въ морскомъ торгу Средиземнаго моря.

Въ заключеніе признаю долгомъ сказать, что изъ всѣхъ данныхъ мнѣ бумагъ выбиралъ я только доносы и жалобы: брани оставлялъ въ своихъ мѣстахъ. Всѣ письма сочиненія г-на Ферьерія оными наполнены, но я считалъ, что доносы и жалобы пояснятъ довольно брани, когда представить причину оныхъ. Жалобщики на меня, они же и доносчики, есть слѣдующіе:

Розолимо: слуга г. Ферьерія, что не допустилъ его имѣть притязаніе на казну за ограбленное прежде войны разбойниками судно.

Григорій Комнено: зять г. Ферьерія, отставной офицеръ, за непринятіе въ службу послѣ войны и за невыдачу жалованья за 22 мѣсяца, червонцевъ $84^1/_2$.

Одибертъ: родственникъ г. Ферьерія, за не выдачу жалованья за шесть мѣсяцевъ по чину, котораго, называя себя офицеромъ, самъ не знаетъ, червонцевъ 23.

Палма: писарь на партикулярномъ суднѣ, на кое г. Ферьерія счеты свои представляетъ, тожъ въ неполученіи не слѣдуемаго ему отъ казны жалованья за 9 мѣсяцевъ червонцевъ $34^1/_2$.

Лучіони: ссылающійся въ прошеніи своемъ на покрови-

тельство г. Ферьерія, тожъ въ неполученіи за 9 мѣсяцевъ жалованья и въ отказѣ отправленія въ Черное море. Червонцевъ $34^1/_2$.

Архимандритъ Крисанто: одинъ изъ вольныхъ духовниковъ г. Ламбра; сей въ прошеніяхъ своихъ не только взываетъ протекцію г. Ферьерія, но и самъ ему покровительствуетъ; жалуется на меня за неотправленіе сухимъ путемъ въ Петербургъ, на что выдавалось, кромѣ курьерскихъ посылокъ, по сту червонныхъ.

Всего по жалобамъ на меня претензій $276^1/_2$ червонныхъ.

Не отъ удовлетворенія сей хотя несправедливой и не слѣдующей жалобщикамъ малости, но отъ отдачи по дѣлу ограбленнаго судна жалобы слуги на судъ господину, а наипаче сего Ферьери явно проситъ, отъ опредѣленія его же самаго судьею въ коммиссію объ арматорахъ для рѣшенія претензій своихъ и чужихъ, зависѣло превращеніе въ похвалы всѣхъ жалобъ на меня, доносовъ и браней за притѣсненіе человѣчества, за расточеніе казны и за неслыханно худой выборъ по командѣ моей начальныхъ людей.

Надѣясь на службу, какъ на себя и какъ на покойнаго моего шефа, удаленъ я былъ отъ всякаго рода противныхъ ей предосторожностей; и нынѣ отвѣчать буду на бранные доносы въ такомъ же генеральномъ смыслѣ, въ какомъ представляются оные.

Послѣ шалостей Ламбра, доведеніе изъ Ливорны въ пристани черноморскія судовъ, изъ коихъ есть извѣстная всѣмъ собственность его же Ламбры, безъ всякаго отъ какой-либо націи къ тѣмъ судамъ и людямъ на оныхъ претензій, когда турки вѣшали, а другіе бросали въ желѣзо служителей той же флотиліи, отвѣчаетъ на доносъ о ныслыханно худомъ выборѣ начальныхъ по командѣ моей людей.

Служащая на судахъ нашихъ вольница часто заставляла укрываться отъ нее прежнихъ начальниковъ и умѣла грабить суда; какъ притѣснять человѣчество въ разсужденіи ея съ двумя русской команды вахмистрами? или какъ притѣснять обывате-

лей края, гдѣ я былъ со флотиліею венеціянъ, сициліянъ, тосканцевъ? невозможность содѣлать зло на сей доносъ отвѣчаетъ.

Выключая показанныхъ при покупкахъ г. Ферьерія въ 1791 году цѣнъ голоднаго 1783 года, самое легкое примѣчаніе, чего стоила въ правленіе мое провизія, содержаніе разныхъ чиновъ, вооруженіе и килеваніе судовъ, покупка оныхъ и всѣ другія покупки по флотиліи, изъ двадцати двухъ судовъ состоявшей, таковъ курсъ денегъ и, словомъ, всѣ мои издержки чрезъ два года съ половиною простирающіяся съ заплатою за прежнія правленья не малой суммы, всего на всего до 100 тысячъ червонныхъ, что по тамошнему дѣлаетъ около 230 тысячъ рублей, покажетъ, что я не расточитель, и оправдаетъ выборъ купеческихъ домовъ и подчиненныхъ людей, которыхъ употреблялъ я по сей части.

Для вящшаго поясненія претензій о жалованьи здѣсь прилагаю планы, сдѣланные мною по соединеніи казенной и вольной флотиліи на военное время F и на время перемирія G, по которымъ производилось жалованье.

Мнѣ тѣмъ опаснѣе было нарушить оные, что при самой малой податливости на претензіи, какія въ сихъ жалобахъ состоятъ, не удалось бы мнѣ отправить ни одного судна, не удовлетворя претензій гораздо справедливѣе и почти генерально всѣхъ служащихъ по прежнимъ счетамъ съ господиномъ Ламбромъ и за потерянныя имѣнія ихъ и части въ судахъ при разбитіи его въ Майнѣ.

Генералъ-маіоръ Василій Тамара.

NB. Планы, значущіеся здѣсь на военное время и на время перемирія, имѣются при запискѣ о дѣлахъ флотиліи въ Архипелагѣ, поданной его превосходительству г. вице-адмиралу и кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову [1]).

---

[1]) См. выше, №№ 635 и 636.

611.

Письмо Тамары гр. Зубову.

Сіятельнѣйшій графъ
Милостивый Государь.

Полковникъ Ламбро Качіони явился ко мнѣ съ письмомъ отъ Варукіи, консула тріестскаго, по которому увѣдомленъ я, что благоугодно было Вашему Сіятельству оное повелѣть. Господинъ Ламбро Качіони проситъ дозволенія прибыть въ Санктпетербургъ, для очищенія поступковъ своихъ отъ разныхъ клеветъ, нанесенныхъ на него, и для уничтоженія ложныхъ требованій заплаты долговъ его. Признаетъ онъ весьма малую сумму, которую заплатить должно. Притомъ желаетъ познать, сколько денегъ поставлено на счетъ флотиліи его. Онъ утверждаетъ, что со дня вооруженія до окончанія войны получилъ онъ только казенныхъ денегъ 25 тысячъ флориновъ и вспомоществовано ему было при покупкѣ катера и двухъ мелкихъ судовъ 4.400 флоринами. Содержалъ же онъ свою флотилію призами, братыми имъ отъ непріятеля. Напротивъ того, отпущалъ собственнаго провіанта своего на суда, вооруженныя отъ казны, вооружилъ 22-мя пушками, ружьемъ и всякою военною аммуниціею кирлангичъ «Князь Голицынъ», который взятъ у него былъ и отданъ во флотилію казенную, состоящую подъ командою Гульельмо. За два призовыя судна, полученныя отъ него генераломъ Псаро, повелѣно было покойнымъ Свѣтлѣйшимъ Княземъ заплатить за вооруженіе одного 10.500 піастровъ, но денегъ онъ не получилъ; подарилъ онъ изъ своихъ судовъ саиту «Луку», вооруженную 20-ю пушками, по предписанію генералъ-поручика Заборовскаго дзезаиръ-пашѣ Бейрутскому; снабжалъ многократно порохомъ и свинцомъ народъ Сулійскій, далъ 12 орудій Али-пашѣ [1]), когда призна-

---

[1]) 1741—1822; съ 1788 г., какъ паша Янинскій, овладѣлъ всею Албаніею и большею частью Греціи; вскорѣ затѣмъ былъ назна-

ваемъ онъ былъ преданнымъ Россіи. Призы, сдѣланные судами его «Ахиллесомъ», «Константиномъ» и «Александромъ», не возвращены ему и, наконецъ, ссудилъ онъ генерала Тамару болѣе 10-ю тысячами піастровъ въ Каломо, которые собралъ, заложивъ всѣ свои вещи венеціанцамъ; и сіи вещи по сіе время находятся невыкупленными въ рукахъ генерала Мемо и частію въ Зантѣ.

Съ глубочайшею чувствительностью описываетъ онъ помраченіе славы его, усердія и вѣрности, которыя во все время порывался онъ доказать кровію, трудами и пожертвованіемъ богатствъ. храбростію его получаемыхъ; два года пропиталъ себя милостынею и изгоняемъ былъ изъ всѣхъ мѣстъ, яко объявленный измѣнникъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь пребыть
Вашего Сіятельства
Милостиваго Государя моего
всепокорнѣйшій слуга
В. Тамара.

7-го (18-го) октября
1794 года.
Цареградъ.

612.

Протоколъ коммиссіи.

(Копія).

1795 года марта 6-го дня въ протоколѣ учрежденной для свидѣтельства счетовъ и разсмотрѣнія претензій о издержкахъ по флотиліи, бывшей въ Средиземномъ морѣ въ послѣднюю съ турками войну, коммиссіи записано:

ченъ вице-королемъ Румеліи и рѣшился стать независимымъ отъ Порты; въ 1819 г. онъ возмутилъ грековъ, обѣщая имъ независимость, и въ 1822 г. былъ измѣннически убитъ Куршидъ-пашею, осаждавшимъ Янину.

Оная коммиссія, слушавъ отъ секретаря Осстрова выписку, въ которой показано, что 12-го числа октября мѣсяца минувшаго 1794-го года господинъ вице-адмиралъ и кавалеръ Мордвиновъ препроводилъ въ сію коммиссію при сообщеніи прошеніе, поданное ему, господину вице-адмиралу, 15-го числа іюля мѣсяца того года, отъ служившихъ въ Архипелагѣ во флотиліи полковника Ламбра Качіони, капитана Марко Рива, поручиковъ: Константина Панаіоти, Саввы Захаріано, Дроса Дикаци, Димитрія Сурбиса, Димитрія жъ Босняка, прапорщиковъ Ванжели Сициліака, Зафира Константи, Иліаса Парпстериса, коимъ просятъ выдачи не полученнаго ими, будучи въ службѣ съ 1788 года, марта 8-го числа, по подачу сего прошенія, жалованья, причемъ приложены данныя: изъ числа вышеозначенныхъ просителей, капитану Ривѣ, поручикамъ Панаіоти, Захаріану, Дикаци, Босняку, прапорщикамъ Сициліану и Константи, отъ господина генералъ-маіора Тамары и полковника Ламбра Качіони аттестаты, свидѣтельствующіе только служеніе ихъ на упомянутой флотиліи и произведеніе въ чины, съ пріобщеніемъ къ тому, въ данномъ отъ господина генералъ-маіора Тамары, 1792-го года октября 5-го числа, капитану Ривѣ, что онъ совершенно былъ удовольствованъ по всѣмъ его счетамъ жалованьемъ и въ претензіяхъ, и какъ-де онъ своимъ усердіемъ заслужилъ быть причисленнымъ въ число вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества, то обрѣтающійся въ Константинополѣ россійскій министръ прошенъ оказать ему покровительство, каковымъ наслаждаются вѣрноподданные россійскіе, и способствовать ему въ вольномъ пропускѣ чрезъ Черное море въ Крымъ, куда онъ назначенъ совмѣстно съ его имѣніемъ, товарами и людьми, состоящими при немъ.

По сему прошенію коммиссіею *опредѣлено:* съ прописаніемъ прошенія и данныхъ упомянутымъ просителямъ аттестатовъ, къ господину генералъ-маіору Тамарѣ сообщить (и сообщено), чтобъ онъ о всѣхъ выписанныхъ просителяхъ, что есть ему извѣстно, увѣдомилъ сію коммиссію. На то со-

общеніе онъ господинъ генералъ-маіоръ увѣдомилъ коммиссію, что изъ просителей Марко Рива, Константинъ Папаіоти, Савва Захаріапо, Дросо Дикаци, Дмитрій Сурбисъ, Димитрій же Боснякъ, хотя ему, генералъ-маіору, и неизвѣстно, когда, кѣмъ и на какомъ условіи приняты въ службу, по служили и въ его время на флотиліи жалованьемъ не удовольствованы за отсутствіемъ ихъ съ полковникомъ Ламбро Качіоніемъ на Майпу, откуда, по разбитіи уже Ламбра, прибыли они въ Ливорну, гдѣ заплачено за провозъ ихъ съ другими ихъ же товарищами 250 левковъ, причемъ взяты были на суда для отвоза ихъ въ Черное море. Прапорщики же Зафиръ Константи и Ванжели Сициліако ему, генералъ-маіору, вовсе неизвѣстны; Иліасъ Паристерисъ есть изъ числа отпущенныхъ со флотиліи изъ Мессины офицеровъ, коему выдана нѣкоторая сумма для отъѣзда изъ флотиліи, но сколько именно, вспомнить не можетъ, а значится де оная при его, генералъ-маіора, счетахъ. Аттестатовъ, каковые представляетъ капитанъ Марко Рива, нѣсколько дано было отъ него, господина генералъ-маіора, при отправленіи судовъ въ Черное море, командующему флотиліею маіору Кассими для раздачи тѣмъ изъ служившихъ на вольной флотиліи, которые для окончанія дѣлъ своихъ пожелаютъ въ тамошнихъ мѣстахъ оставаться и потомъ слѣдовать съ семьями своими въ Черное море на собственномъ иждивеніи. Въ аттестатахъ тѣхъ оставлено мѣсто для означенія чина, каковой кто имѣлъ во флотиліи, и сроку, даваемаго къ переселенію, смотря по надобности каждаго, а притомъ прописывалось, что удовольствованъ всѣмъ, слѣдующимъ ему отъ казны, дабы, сверхъ свободнаго пропуска и обыкновенной протекціи отъ консуловъ на пути въ Черное море и въ промыслѣ своемъ въ портахъ турецкихъ, для котораго большая часть и требовали оставаться, не могъ никто по онымъ аттестатамъ забирать деньги и входить въ долги на счетъ казны, подъ видомъ ихъ жалованья и другихъ претензій, поелику притязанія по таковымъ долгамъ изъ разныхъ мѣстъ часто случались прежде (въ счетѣ его, генералъ-маіора, сумма,

значущаяся заплаченною за офицеровъ консулу Варукѣ, въ Тріестѣ, есть отчасти такого же рода). Проситель же Марко Рива видно де получилъ тотъ аттестатъ отъ маіора Кассимія, но жалованьемъ и ничѣмъ отъ него, генералъ-маіора, не удовольствованъ, кромѣ только что, можетъ быть, былъ участникъ въ суммѣ 250-ти левковъ, заплаченной за призъ его съ товарищами по прибытіи въ Ливорну послѣ разбитія уже полковника Ламбра Качіони въ Майнѣ.

По сему отзыву коммиссіею *опредѣлено:* оный отзывъ господина генералъ-маіора Тамары присовокупить къ поданнымъ отъ сказанныхъ претендателей просьбамъ и, сочиня по нимъ надлежащую выписку, доложить коммиссіи, справясь наипервѣе по счетамъ его, генералъ-маіора, сколько выдачи денегъ изъ сихъ просителей кому именно состояло, а по справкѣ: по счету реченнаго господина генералъ-маіора Тамары вышеозначеннымъ просителямъ, кромѣ прапорщика Иліасъ Паристери никакой выдачи не значится, а оному Паристери, отпущенному со флотиліи, показано въ выдачѣ жалованья съ 1-го августа 1791 по 1-ое генваря 1792 года 100 піастровъ, да порціонныхъ съ того августа по 1-е число декабря 1791 года 40, итого 140 піастровъ.

Бывшій же въ Италіи при началѣ минувшей съ Портою войны господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ Заборовской на требованіе коммиссіи далъ знать, что полковникъ Ламбро Качіони отправленъ имъ былъ изъ Тріеста съ флотиліею въ море совсѣмъ на арматорскомъ правилѣ, съ котораго для исполненія приданныхъ ему во время отправленія въ море наставленій, куда плыть и какъ поступать, приложена копія, и хотя онъ, генералъ-поручикъ, на исправленіе судовъ того Ламбро и заплату за него въ Тріестѣ долговъ употреблялъ отъ казны деньги, но въ тѣхъ издержкахъ, равно какъ и въ отпущенной на тѣ же суда провизіи, взяты съ него Ламбро Качіони росписки, съ тѣмъ, что онъ изъ пріобрѣтаемыхъ призовъ все то въ казну возвратитъ. Въ полученномъ же во оную комиссію отъ его сіятельства господина дѣйствительнаго тайнаго совѣт-

ника генералъ-прокурора, дѣйствительнаго камергера и кавалера графа Александра Николаевича Самойлова предписаній прописана высочайшая воля, что Ея Императорскому Величеству угодно, «дабы сія коммиссія окончила по вступившимъ въ нее до нынѣ бумагамъ порученное ей дѣло сколь возможно безъ продолженія времени и чтобъ просителямъ законное оказано было удовлетвореніе». А въ апробованномъ Ея Императорскимъ Величествомъ для партикулярныхъ корсаровъ правилѣ нижеслѣдующими статьями повелѣвается: 9-ю—когда взятое корсеромъ судно и товары россійскимъ полномочнымъ министромъ признаны будутъ законною добычею, тогда, съ согласія ихъ, какъ судно, такъ и товары могутъ быть проданы съ публичнаго торгу, и изъ вырученной цѣны десятая часть останется въ казнѣ, а остальныя девять десятыхъ долей хозяину судна и экипажу отдадутся на раздѣлъ; 22-ю—по прибытіи флота Ея Императорскаго Величества въ Средиземное море всѣ корсеры имѣютъ явиться къ главнокомандующему онымъ флотомъ и совершенно состоять у него въ полномъ послушаніи, и если онъ найдетъ за нужное кого-либо изъ нихъ употребить для пользы службы Ея Императорскаго Величества, то оный долженъ исполнять его повелѣнія и за все время употребленія его будетъ получать изъ казны достаточную плату, пока онъ опять отпущенъ не будетъ для учиненія поисковъ надъ непріятелемъ, а въ данномъ отъ господина генералъ-поручика и кавалера Заборовскаго полковнику Ламбро Качіони при отправленіи его съ флотиліею въ море наставленіи, въ слѣдующихъ пунктахъ, между прочимъ, сказано: во 2-мъ — суда, которыя будутъ добычею его, Ламбро, во время плаванія, оставляются въ пользу ему и его флотиліи, почему все то, что нужно будетъ изъ добычи сей употребить на содержаніе экипажа или для умноженія силъ его оное предоставляется на собственное его распоряженіе, прочее же, дабы не обременить себя тѣмъ, что не нужно, отправлялъ бы подъ командою одного изъ офицеровъ службы нашей въ коммиссію, учрежденную въ Сиракузѣ, гдѣ не упустительно сохранено бу-

деть все въ пользу его; въ 4-мъ—во время плаванія его, Ламбро Качіони, всѣ непріятельскія суда, какъ турецкія, такъ и шведскія, долженствуютъ быть его добычею; въ разсужденіи же державъ, не участвующихъ въ настоящей войнѣ, имѣлъ бы онъ, какъ одно изъ главнѣйшихъ его правилъ, строгое и не упустительное наблюденіе высочайше утвержденнаго установленія о корсерахъ, съ котораго и приложилъ онъ, генералъ-поручикъ, ему, Ламбру Качіони, копію; въ 10-мъ—во время плаванія въ морѣ флотиліи, изъ казенныхъ судовъ состоящей, ежели оная будетъ имѣть въ чемъ-либо нужду или недостатокъ, и онъ, Ламбро Качіони, можетъ снабдить ее, то не оставилъ бы сдѣлать ей сіе пособіе на счетъ казны, которая ему всѣ таковыя издержки вѣрно заплатитъ и, сверхъ сего, таковой поступокъ признанъ будетъ новымъ опытомъ усердія къ службѣ и ея пользамъ. Въ имянномъ же Ея Императорскаго Величества высочайшемъ указѣ [1]), данномъ его сіятельству господину дѣйствительному тайному совѣтнику генералъ-прокурору, дѣйствительному камергеру и кавалеру графу Александру Николаевичу Самойлову, въ 7-й день апрѣля мѣсяца минувшаго 1794 года, написано:

«Александръ Николаевичъ!

«Вамъ извѣстно, что содержаніе въ Средиземномъ морѣ флотиліи Нашей въ послѣдюю съ турками войну стоило намъ не малыхъ издержекъ и хлопотъ и что о первыхъ по сю пору не взяты надлежащіе отчеты отъ тѣхъ, кто имѣлъ въ распоряженіи своемъ казенныя суммы, и послѣдніе отъ времени до времени еще умножаются предъявленіемъ разныхъ претензій съ одной стороны объ удовлетвореніи убытковъ, причиняемыхъ арматерами Нашими, и съ другой—о заплатѣ денегъ на снабдѣніе помянутой флотиліи употребленныхъ на счетъ казны Нашей, въ слѣдствіе чего повелѣваемъ вамъ для освидѣтельство-

[1]) Указъ этотъ еще не изданъ; онъ хранится въ Архивѣ Сената, высоч. пов., т. 176, л. 237.

ванія счетовъ начальствовавшаго тою флотиліею генералъ-маіора Тамары и вообще всѣхъ тѣхъ, кто участвовалъ въ командованіи оной, составить особую коммиссію изъ членовъ частію Адмиралтейской Коллегіи, частію экспедиціи по должности государственнаго казначея, въ вѣдѣніи вашемъ состоящей. Помянутая коммиссія обязана будетъ не только узаконеннымъ порядкомъ учинить ревизію означенныхъ счетовъ, но притомъ разсмотрѣть всѣ претензіи по сю пору, предъявленныя и впредь до назначаемаго къ тому срока вступить имѣющія, и о тѣхъ изъ нихъ, кои по вѣрнымъ доказательствамъ признаны будутъ справедливыми ко удовлетворенію, представьте Намъ. Впрочемъ, наблюденію вашему поручаемъ, дабы сія комисія, вступя немедленно въ дѣло, ей порученное, старалась окончить оное, какъ наискорѣе, заимствуя въ нужныхъ случаяхъ наставленія и разрѣшенія отъ васъ, а вы объ окончаніи оной Намъ обстоятельно донести не оставьте».

Приказали: Какъ упомянутые просители Марко Рива, поручики: Константинъ Папаіоти, Савва Захаріано, Дросо Дикаци, Димитрій Сурбисъ, Димитрій жъ Боснякъ; прапорщики: Ванжели Сициліако, Иліасъ Паристерисъ и Зафиръ Констапти служили на флотиліи полковника Ламбро Качіони, а бывшій въ Италіи при началѣ съ турками войны господинъ генералъ-поручикъ Заборовской отправилъ изъ Тріеста того Ламбро съ его флотиліею въ море совсѣмъ на арматорскомъ правилѣ, съ котораго для исполненія и копію ему далъ, при особенномъ своемъ наставленіи, то по содержанію изображеннаго въ томъ правилѣ 9-го пункта требуемаго тѣми просителями за службу у того Ламбро въ военное время въ выдачу отъ казны не слѣдуетъ, а за время перемирія, съ 1-го августа 1791 г. по 1-е сентября 1792 г., по силѣ того же правила 22-го пункта, хотя и надлежалобъ имъ выдачу учинить, но какъ господинъ генералъ-маіоръ Тамара, въ отзывѣ своемъ, пишетъ, что изъ оныхъ Марко Рива, Константинъ Панаіоти, Савва Захаріано, Дросо Дикаци, Димитрій Сурбисъ и Димитрій же Боснякъ находились тогда съ полковникомъ Ламбромъ Качіоніемъ н-

Майнѣ, Зафиръ же Константи и Ванжели Сициліако ему, генералъ-маіору, вовсе неизвѣстны, а Иліасъ Перистерисъ есть изъ числа отпущенныхъ со флотиліи изъ Мессины офицеровъ, коему при отпускѣ выдано на проѣздъ, какъ и въ счетахъ его, генералъ-маіора, показано, жалованья съ 1-го августа 1791 г. по 1-е генваря 1792 г., 100 піастровъ, да порціоновъ съ того августа по 1-е число декабря 1791 г. 40, итого 140 піастровъ, а по сему и онаго тѣмъ просителямъ въ выдачу также не слѣдуетъ, о чемъ съ прописаніемъ обстоятельствъ и подлежащихъ законовъ объ арматорахъ, равно какъ и съ сего положенія комиссіи учиня экстрактъ представить при рапортѣ на разсмотрѣніе Его Сіятельству господину дѣйствительному тайному совѣтнику генералъ-прокурору и кавалеру графу Александру Николаевичу Самойлову.

Секретарь Василій Осетровъ.

Регистраторъ Иванъ Бардуковъ.

Марта 8-го дня
1795 года.

613.

Извѣщеніе комиссіи Мордвинову.

Изъ учрежденной для свидѣтельства счетовъ объ издержкахъ и разсмотрѣніи претензій по флотиліи, бывшей въ Средиземномъ морѣ въ послѣднюю съ турками войну комиссіи его превосходительству господину вице-адмиралу, предсѣдательствующему въ Черноморскомъ Адмиралтейскомъ Правленіи и кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову.

Сего марта 8-го дня, по указу Ея Императорскаго Величества, упомянутая комиссія, по сообщенію Вашего Превосходительства, при которомъ препроводили въ оную поданные къ вамъ отъ служившихъ въ минувшую съ турками войну въ Архипелагѣ на флотиліи полковника Ламбро Качіони офице-

ровъ, и именно: капитана Марко Рива, поручиковъ: Константина Панаіоти, Саввы Захаріано, Дроссо Дикаци, Димитрія Сурбиса и Димитрія Босняка, прапорщиковъ: Ванжели Сицилiана, Иліаса Паристериса и Зафира Константи, прошеніе, коимъ просили выдачи неполученнаго ими за бытность въ службѣ нашей флотиліи съ 8-го марта 1788 г. по подачу ихъ той просьбы жалованья, опредѣлили: къ Вашему Превосходительству съ рѣшенія комисскаго по сей просьбѣ тѣхъ офицеровъ, для объявленія имъ, препроводить копію, которая при семъ препровождается.

Марта 23-го дня
1795 года.

614.

Протоколъ коммиссіи.

1795 года апрѣля 24-го дня. Въ протоколѣ учрежденной для свидѣтельства счетовъ объ издержкахъ и разсмотрѣнія претензій по флотиліи, бывшей въ Средиземномъ морѣ въ послѣднюю съ турками войну, коммиссіи записано:

Оная комиссія, слушавъ отъ секретаря Осетрова выписку, въ которой показано: что 8-го числа октября мѣсяца минувшаго 1794 года господинъ вице-адмиралъ и кавалеръ Мордвиновъ препроводилъ въ сію комиссію при сообщеніи прошеніе поручика Яни Диліо, поданное имъ упомянутому господину вице-адмиралу и кавалеру августа отъ 7-го числа, въ коемъ означенный проситель прописывалъ, что во время-де прошедшей съ турками войны служилъ онъ съ 17-го марта 1788 года по 1-е число августа 1791 года въ Средиземномъ морѣ во флотиліи подъ командою господина генералъ-поручика и кавалера Заборовскаго, на своемъ содержаніи и находился во всѣхъ сраженіяхъ тамо бывшихъ, при которыхъ, получа въ голову тяжелую рану, излечилъ, по небытію медицинскихъ чи-

новъ и казенныхъ медикаментовъ, собственностію жъ (но сколько именно на сіе употреблено не показано) и не получая чрезъ все то время денежнаго жалованья и порціонныхъ, о чемъ хотя по прибытіи изъ Средиземнаго моря и просилъ съ прочими служившими тамо офицерами, но выдано-де было только отъ Черноморскаго Правленія 280 рублей, и тѣмъ поданымъ прошеніемъ сказанный проситель проситъ достальнаго, что слѣдуетъ съ 1788 по 1791 годъ, жалованья и прочаго выдачи. По сему прошенію октября 25-го числа комиссіею *опредѣлено:* къ господину генералъ-маіору Тамарѣ сообщить (и сообщено), дабы онъ благоволилъ противъ вышеписаннаго требованія сказаннаго просителя доставить въ сію коммисію свѣдѣніе, какое извѣстно есть ему, генералъ-маіору. На то сообщеніе упомянутый генералъ-маіоръ ноября 12-го числа увѣдомилъ комиссію, что означеннаго просителя Диліо засталъ онъ, генералъ-маіоръ. въ 1791 году на вольной флотиліи; въ спискахъ полковника Ламбра Качіони показанъ онъ былъ поручикомъ, но когда и кѣмъ принятъ въ службу и на какомъ условіи ему, генералъ-маіору, неизвѣстно. Жалованьемъ и порціонными отъ него удовольствованъ, какъ и всѣ прочіе за 13 мѣсяцевъ, то-есть, съ 1-го августа 1791 г. по 1-е сентября 1792 года; полученные же имъ отъ Черноморскаго Правленія 280 р. должно считать съ окончанія первой дачи по день прибытія его въ Черное море. А по справкѣ: по счету господина генералъ-маіора Тамары состоитъ въ выдачѣ поручику Яни Диліо жалованья и порціоновъ, съ 1-го августа 1791 по 1-е сентября 1792 года 381 піастръ 13 лиръ, да въ Севастополѣ съ того сентября по 1-е число мая 1794 года 291 рубль $15^3/_4$ копѣйки. Сверхъ же сего при отправленіи изъ Архипелага чрезъ Константинополь отъ бригадира и кавалера Хвостова на дорогу дано 25 піастровъ по вышеписанному отзыву декабря 9-го числа. Коммиссіею опредѣлено: оный отзывъ присовокупить къ прежнему дѣлу и изъ всего того учинить выписку на законномъ основаніи и предложить комиссіи къ слушанію.

Приказали: какъ показанный проситель поручикъ Диліо находился въ службѣ на флотиліи полковника Ламбро Качіони, которая, какъ изъ обстоятельствъ дѣла значитъ, сооружена была на арматорскомъ правилѣ, а не отъ казны, и которой во время поисковъ надъ непріятелемъ не только никакого жалованья и порціоновъ не положено, но еще арматоръ долженъ изъ получаемой добычи, по силѣ того правила 9-го пункта, казнѣ давать десятую часть; за время же перемирія съ 1-го августа 1791 по 1-е сентября 1792 года, по силѣ 22-го пункта упомянутаго правила, онъ, Диліо, отъ генералъ-маіора Тамары удовольствованъ, и для того полагаетъ комиссія сказанному претендателю въ требуемомъ жалованьи и порціонахъ за службу въ военное еще время, яко не принадлежащемъ въ выдачу отказать; чтожъ принадлежитъ до требуемыхъ затѣмъ издержекъ, учиненныхъ на излѣченіе, то какъ претендатель сей въ просьбѣ его сколько денегъ на то употребилъ не показываетъ, и особливо же надлежащаго свидѣтельства, яко нужнаго къ тому документа, не представилъ, почему комиссія не можетъ въ выдачу ни сколько положить, а разсуждаетъ по такимъ обстоятельствамъ и въономъ требованіи тоже отказать, и о всемъ ономъ съ приписаніемъ обстоятельства и подлежащихъ законовъ о арматорахъ, также изъ сего комисскаго положенія, учиня экстрактъ, представить на разсмотрѣніе его сіятельству господину дѣйствительному тайному совѣтнику генералъ-прокурору, дѣйствительному камергеру и кавалеру графу Александру Николаевичу Самойлову при рапортѣ; а для объявленія претендателю сего рѣшенія препроводить съ онаго копію при сообщеніи къ предсѣдательствующему въ Черноморскомъ Правленіи господину вице-адмиралу и кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову.

Секретарь Василій Осетровъ.
Регистраторъ Иванъ Бардуковъ.

Апрѣля 30-го дня
1795 года.

615.

Письмо Ламбро-Качіони гр. Зубову.

Изъ присланной изъ учрежденной для свидѣтельства счетовъ объ издержкахъ и разсмотрѣнія претензій флотиліи, бывшей въ Средиземномъ морѣ въ послѣднюю съ турками войну, коммиссіи къ господину вице-адмиралу и кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову копіи съ опредѣленія, къ крайнему прискорбію узналъ я, что офицерамъ, подъ командою моею служившимъ въ Архипелагѣ, отказано жалованье, поставляя въ резонъ, что флотилія, мною предводительствуемая, признана коммиссіею моею собственною и что, она должна быть по законамъ на положеніи арматорскомъ, такъ какъ генералъ-поручикъ и кавалеръ Заборовскій на требованіе оной далъ знать, что я отправленъ имъ былъ изъ Тріеста съ флотиліею въ море совсѣмъ будто бы на арматорскомъ правилѣ, и хотя онъ господинъ генералъ-поручикъ на исправленіе судовъ и заплату за меня въ Тріестѣ долговъ употреблялъ отъ казны деньги, но въ тѣхъ издержкахъ, равно какъ и въ отпущенной на тѣ суда провизіи, взяты съ меня росписки, съ тѣмъ, чтобы я изъ пріобрѣтенныхъ призовъ все то въ казну возвратилъ.

По поводу такого заключенія принужденнымъ я нахожусь прибѣгнуть подъ милостивое покровительство Вашего Сіятельства и изъяснить вамъ слѣдующее: то неоспоримо, что сія флотилія сооружена была при началѣ иждивеніемъ частныхъ людей и увеличена призами, дѣлаемыми надъ непріятелемъ, кои производилъ я до прибытія его г. генералъ-поручика и кавалера, бывши дѣйствительно на ногѣ арматорской. По вступленіи же Его Превосходительства въ Италію употребленъ уже я былъ единственно на военныя дѣйствія. Сражался не противъ купеческихъ, а военныхъ непріятельскихъ и даже линейныхъ кораблей, гдѣ я ничего не выигралъ, кромѣ ядръ, пуль и потери моихъ судовъ. Хотя во время несчастнаго въ послѣдній разъ разбитія флотиліи, многихъ ли-

шился я бумагъ, но и малая часть оставшихся довольно доказать могутъ, что присвоена она была въ казну, съ коихъ при семъ Вашему Сіятельству осмѣливаюсь поднести копіи, и изъяснить изъ пунктовъ нужныя статьи, кои по даннымъ мнѣ отъ него предписаніямъ обязали меня служить Ея Императорскому Величеству всемилостивѣйшей моей Государынѣ.

Въ секретныхъ его повелѣніяхъ [1]) предписано мнѣ между прочимъ:

1-е. Остается теперь вамъ отправиться съ судами въ море, подъ флагомъ Ея Императорскаго Величества въ видѣ Россійской Императорской флотиліи и принять отъ меня слѣдующія наставленія, кои вы, какъ командующій флотиліею, обязаны исполнять въ теченіе дѣйствій вашихъ противъ врага имени христіанскаго.

2-е. Достигши Дарданельскаго залива, займите сію линію чрезъ Аѳонскую гору, Лемносъ, Тенедосъ и прочая, дабы пресѣчь сею дорогою привозъ съѣстныхъ припасовъ изъ Египта, Анатоліи, Архипелага и Румеліи въ Константинополь. Суда, которыя будутъ вашею добычею въ семъ мѣстѣ, такъ какъ и во всемъ вашемъ плаваніи, оставляются въ пользу вашу и вашей флотиліи.

3-е. Но я еще повторяю, что польза службы долженствуетъ быть главнымъ васъ съ Лоренцомъ обоихъ предметомъ.

4-е. Вы отправляетесь съ вашими судами въ море въ поспѣшествованіе оружію Ея Императорскаго Величества, ополченному въ ихъ собственную пользу и защиту, какъ изображено въ манифестахъ Ея Императорскаго Величества, коихъ здѣсь для раздачи имъ предлагаю экземпляры, для удостовѣренія же ихъ о порученіи, которое я вамъ дѣлаю, пріобщаю у сего особенный листъ, утвержденный моею рукою и печатью.

5-е. При наборѣ людей полагается за правило, что кто

---

[1]) Здѣсь по пунктамъ сообщается ордеръ Заборовскаго отъ 20-го марта 1789 г., напечатанный выше, подъ № 392-мъ.

поставитъ болѣе 30 и до 50 человѣкъ, тотъ получитъ чинъ прапорщика, отъ 60 до 90—поручичій, отъ 100 и до 150—капитанскій, отъ 200 до 300 — маіорскій, а свыше 300 — преміеръ-маіорскій. Соразмѣрно сему награждены будутъ со всею справедливостью и тѣ, кои сдѣлаютъ пособіе флотиліи вашей судами и прочими потребностями.

6-е. И какъ противно бы было намѣренію Ея Величества и отвратительно человѣколюбивому сердцу Ея, если бы дѣйствія оружія Ея сопровождаемы были грабительствомъ и опустошеніями въ мѣстахъ преданныхъ Ей народовъ, такъ, напротивъ того, несовмѣстно бы было съ здравымъ разсудкомъ щадить людей, враждующихъ противъ Державы, ополченной за нихъ пользы.

7-е. Идучи къ Дарданелламъ, вы будете проходить около острова Валлоне, гдѣ дульциніоты обыкновенно плаваютъ съ судами своими—не остатьте испытать силу вашей храбрости противъ сихъ непріятелей; весьма бы было выгодно и полезно для оружія Ея Величества разбить нхъ, ибо сіе сдѣлало бы нѣкоторую диверсію въ Босніи и не малое впечатлѣніе въ народахъ, намъ непріязненныхъ.

8-е. Вы также будете проходить недалеко отъ идріотовъ. Островъ сей населенъ греками, преданными Портѣ, и, слышно, что они готовятъ знатное количество судовъ въ Черное море. Если найдете, что слухъ сей справедливъ, употребите ваше мужество противъ враговъ сихъ и не допустите ихъ исполнить злое намѣреніе противъ Августѣйшей Покровительницы имени христіанскаго. Послѣ всякаго военнаго дѣйствія отправляйте въ Сиракузу судно съ рапортомъ вашимъ ко мнѣ и генералу-маіору Гибсу, донося подробно о всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ и предпріяхъ, ибо всякій разъ по полученіи таковыхъ рапортовъ я буду всеподданнѣйше доносить о успѣхахъ и подвигахъ вашихъ Ея Императорскому Величеству.

10-е. По важности препорученія, которое вамъ ввѣряю, судите о довѣренности, каковую имѣю я къ вамъ. Пекитеся оправдать оную соотвѣтственно моему ожиданію. Чтожъ до

меня касается, пріятнымъ моимъ будетъ упражненіемъ всеподданнѣйше доносить Ея Величеству о успѣхахъ вашихъ и отъ престола правосудія испрашивать за ваши труды достойнаго воздаянія.

11-е. Интересъ службы Ея Императорскаго Величества требуетъ сего, какъ я уже изъяснилъ вамъ довольно въ прежнихъ моихъ письмахъ.

12 е. Вы можете также подарить Агмету пашѣ жезаирскому судно, ежели случится отнять оное у турковъ.

13-е. И хотя я увѣренъ, что таковые ихъ ковы безсильны воспрепятствовать успѣхамъ оружія Ея Императорскаго Величества, но могутъ остановить теченіе опытовъ вашего мужества, лишить васъ плодовъ ревности и рвенія вашего къ службѣ Всемилостивѣйшей Государыни и соорудить гибель, въ которую вы неминуемо должны будете погрузиться.

14-е. Я предписываю г. Мещерскому [1]) отправить флотилію въ семъ видѣ въ Сиракузу, для предупрежденія остановки и потери времени, которое по настоящимъ положеніямъ весьма дорого, а господину генералу-маіору Гибсу даю ордеръ мой нынѣ же, чтобъ удержалъ у себя суда сіи до вашего туда прибытія.

15-е. По представленію моему наградилъ служившихъ подъ моимъ начальствомъ офицерскими чинами и предписалъ силою своего ордера имѣть ко мнѣ повиновеніе, яко начальнику ихъ и всей флотиліи, мнѣ ввѣренной, обнадеживая каждаго высокомонаршею милостію за ревность къ службѣ и повиновеніе ко власти.

16-е. Что я поставленъ имъ начальствующимъ надъ флотиліею и предписалъ мнѣ положительно всѣхъ капитановъ, служащихъ на судахъ моихъ, обязать строжайшимъ и безпрекословнымъ ко мнѣ повиновеніемъ, яко начальнику, поставленному по волѣ Ея Императорскаго Величества.

17-е. Рекомендовалъ принять препорученное имъ мнѣ па-

---

[1]) Князь Алексѣй Степановичъ, позже генералъ-поручикъ.

чальство надъ флотиліею, изъ судовъ моихъ составленную, и слѣдовать въ Сиракузу. Хотя въ семъ ордерѣ и называетъ меня легкомысленнымъ въ томъ, что повѣрилъ я, что по прибытіи моемъ въ Сиракузу суда, пріобрѣтенныя моею храбростію, будутъ отъ меня отняты, однако, не только сіе сбылось но и посаженъ я былъ княземъ Мещерскимъ въ тюрьму, флотилію же хотѣли препоручить графу Войновичу.

18-е. Онъ далъ генералъ-маіору Гибсу знать, что всѣ суда, пріобрѣтенныя мною, поручены имъ въ мое начальство, что оныя составляютъ легкую флотилію по именному Ея Величества повелѣнію и что я уже не называюсь корсаромъ, ни арматоромъ, но начальникомъ россійской флотиліи.

Таковыя даны мнѣ были отъ него, г. генералъ-поручика, предписанія, изъ которыхъ Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть:

1-е. Когда бы флотилія была на правѣ арматорскомъ, то не было бы мнѣ нужды занимать по его предписанію пунктъ между Аѳонскою горою и Тенедосомъ, ради пресѣченія въ Царьградѣ съѣстныхъ припасовъ, и соображаться съ Лоренцомъ.

2-е. А я бы старался обратить флотилію туда, гдѣ надѣялся бы я пріобрѣсть собственную мою выгоду, а не пользу службы наблюдать.

3-е. На корсарскихъ судахъ служителей чинами не награждаютъ.

4-е. Когда служилъ бы я только для своихъ интересовъ, то не было бы мнѣ надобности удерживать суда, въ Черное море изготовляемыя. Также не обязанъ бы я былъ посылать суда о военныхъ дѣйствіяхъ съ рапортами въ Сиракузу и ожидать за то награжденія.

5-е. Совсѣмъ не нужно бы мнѣ дѣлать порученія и наставленія; также за успѣхи своихъ интересовъ не долженъ я былъ ожидать награжденій, каковыми подчиненные мои воспользовались.

6-е. Если бы флотилію почиталъ онъ моею, то не могъ бы мнѣ приказывать, для пользы службы, подарить судно Ахмету-пашѣ, кое далъ я ему о 22 пушкахъ. Сверхъ того, какъ на-

звали флотилію мою Императорскою, много разъ намѣрены были у меня оную отнять и поручить графу Войновичу. Я посаженъ былъ въ Тріестѣ подъ арестъ; генералъ-маіоръ Псаро отнялъ у меня два судна; генералъ-маіоръ Тамара, по прибытіи, отнималъ у меня эскадру и хотѣлъ дать мнѣ паспортъ, чтобы ѣхалъ я, куда хочу; располагалъ моею флотиліею не такъ, какъ вольною, но какъ казенною—взялъ часть оной въ Ливорну, которая уже не была мнѣ возвращена, а отправлена въ Черное море. По заключеніи мира, въ ней были три судна, одна саита и два кирлангича и полугалера, совсѣмъ вооруженные. Онъ же послалъ секретный ордеръ съ капитаномъ Стикумо о взятіи изъ Архипелага 3-хъ кирлангичей вооруженныхъ и о приводѣ въ Ливорну. Изъ нихъ пришли ко мнѣ два, а третій остался въ Ливорнѣ. Въ Майну пошелъ я не въ видѣ непріятельскомъ, а принужденъ былъ сіе сдѣлать по недостатку провіанта и денегъ. А потому на пути судовъ не бралъ и никакихъ военныхъ дѣйствій не производилъ. Г. генералъ-маіоръ Тамара сей самый поступокъ объявилъ возмущеніемъ, почему призналъ, объявилъ и утвердилъ его онымъ, отнималъ у меня власть и не почиталъ флотилію мою вольною, но казенною, чрезъ что и не могъ я продать части судовъ своихъ въ Каламатѣ, для содержанія оныя, почитая собственность свою, по его повелѣнію, казенною, а потому необходимость сія и заставила меня идти въ Майну, по близости которой, въ Нидрѣ, имѣлъ я долгу 31 мѣшокъ и 50 піастровъ, кои надѣялся получить и на оные содержать флотилію до прибытія моихъ депутатовъ изъ Константинополя, отъ министра, отъ котораго надѣялся я получить пособіе, но какъ по требованію моему денегъ платить мнѣ не хотѣли и начали людей моихъ бить, кои принуждены были обороняться. Сіе-то самое названо было бунтомъ. Манифестъ издалъ и объявлялъ я въ Италіи и Архипелагѣ по совершенной нуждѣ въ пропитаніи и содержаніи флотиліи, не получая ни отъ кого никакого пособія. Объявленный же въ Санктъ-Петербургѣ суть подложный и я его за свой признать не могу.

Изо всѣхъ моихъ истинныхъ объясненій Ваше Сіятельство заключить изволите, не долженъ ли я почитать флотилію мою присвоенную казнѣ, когда не имѣлъ уже я власти оною распоряжать такъ, какъ хозяинъ, а находился съ нею въ повелѣніяхъ на пользу службы Ея Императорскаго Величества, и не могъ обращать на свои интересы и сооружителей оной.

Но если бы по всѣмъ преградамъ положено было утвердить ее и моею собственною, то и тогда, по уставу о корсарахъ, должно мнѣ заплатить суда, потерянныя мною противъ непріятеля, съ коимъ сражался я по повелѣнію главнокомандующаго. О чемъ и сама коммиссія въ опредѣленіи сказала сими словами: буде главнокомандующій найдетъ за нужное кого-либо изъ корсаровъ употребить для пользы службы Ея Императорскаго Величества, то оный долженъ исполнять его повелѣнія и за все время употребленія его будетъ получать изъ казны достаточную плату, пока онъ опять отпущенъ не будетъ для учиненія поисковъ надъ непріятелемъ. А потому за всѣ издержки и за содержаніе оной флотиліи и служителей за все время служенія моего для казенной пользы, за суда, взятыя у меня г. Псаромъ, за подаренное Пашѣ по повелѣнію г. генералъ-поручика Заборовскаго, за суда, взятыя генералъ-маіоромъ Тамарою и отосланныя въ Черное море, за порохъ, пушки и прочую военную амуницію, за ссуду $12^1/_2$ тысячъ піастровъ генералъ-маіору Тамарѣ, за которую сумму и понынѣ въ Венеціи находятся въ закладѣ собственныя мои вещи, за провизію, отпущаемую мною на казенную флотилію, ибо, по утвержденіи самой же коммиссіи, каждое взятое мною судно и товары принадлежать мнѣ, какъ хозяину, а казнѣ только десятая часть.

Вашему Сіятельству осмѣливаюсь донести:

Требованіе мое о семъ не представляю я въ коммиссію, потому что возвратился я въ Россію единственно по дозволенію Вашего Сіятельства, и что коммиссія почитаетъ меня по сіе время яко отверженнаго бунтовщика, почему и не могу я пріѣхать въ Санктъ-Петербургъ и предстать предъ коммиссіею,

ради личнаго требованія моихъ претензій и оправдація, а особенно не осмѣливаюсь поступить на то безъ воли Вашего Сіятельства.

Въ заключеніе сего я, несомнѣнно, увѣренъ о правосудіи Ея Императорскаго Величества, тѣмъ болѣе, что, оказавъ многіе подвиги храбрости, пожертвовалъ своею собственностью, три года находился безъ пропитанія и жена моя съ дѣтьми страдала въ каторжной работѣ два мѣсяца и 12 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Турки разграбили мой домъ, служившіе со мною повѣшены, и самъ я преданъ былъ непріятелямъ, отъ которыхъ сокрывался, ради сохраненія жизни, 18 мѣсяцевъ въ турецкой землѣ; во время разграбленія дома моего лишился я сына. Всѣ сіи бѣдствія, кои претерпѣлъ я для пользы службы и выгодъ государственныхъ, суть достаточны къ обращенію милосердія всемилостивѣйшей моей Государыни, а потому, въ оказаніи мнѣ справедливости, и возлагаю я непремѣнную надежду на правосудіе Ея Императорскаго Величества и покровительство Вашего Сіятельства.

Ламбро Качіони.

Апрѣля 25 дня
1795 г.
Николаевъ.

616.

Протоколъ комиссіи.

1795 года, мая 17-го дня. Въ протоколѣ учрежденной для свидѣтельства счетовъ о издержкахъ и разсмотрѣніи претензій по флотиліи, бывшей въ Средиземномъ морѣ въ послѣднюю съ турками войну, комиссіи:

Оная комиссія, слушавъ отъ секретаря Осетрова выписку, въ которой показано, что 8-го числа октября мѣсяца минувшаго 1794 года господинъ вице-адмиралъ и кавалеръ Мордвиновъ препроводилъ въ сію комиссію при сообщеніи прошеніе

служившаго въ Архипелагѣ на флотиліи поручика Діонисія Кондуни, поданное имъ упомянутому господину вице-адмиралу и кавалеру августа отъ 7-го числа, въ коемъ означенный проситель прописывалъ, что во время прошедшей съ турками войны служилъ онъ съ 17-го марта 1788 года по 1-е число августа 1791 года въ Средиземномъ морѣ на флотиліи, подъ начальствомъ господъ генералъ-поручика и кавалера Заборовскаго и генералъ-маіора Тамары, на своемъ содержаніи и находился во всѣхъ сраженіяхъ, тамо бывшихъ, при которыхъ былъ раненъ и, по небытію медицинскихъ чиновъ и казенныхъ медикаментовъ, излечился собственнымъ же своимъ иждивеніемъ (но сколько на сіе издержано—не показано) и не получалъ за все то время службы своей жалованья и порціоновъ, а сверхъ того, по недостатку тогда въ той флотиліи порціи и по убѣдительной просьбѣ полковника Ламбро Качіони, доставлено было отцомъ сказаннаго просителя, Иваномъ Кондуни, во флотилію изъ турецкихъ владѣній рогатаго скота для служителей на не малую сумму (но сколько именно—не показано), за который не доплачено въ число слѣдуемыхъ 420 руб.; при возвращеніи же отца его изъ флотиліи въ турецкій городъ Мисолонгію для платежа денегъ за скотъ, имъ на собственныя деньги купленный, былъ тамъ пойманъ турками и за то доставленіе скота и пособіе прочимъ флотиліи едва не лишился жизни, имѣніе же и деньги разграблены, чрезъ что остался въ бѣднѣйшемъ состояніи. Сказанный же проситель, поручикъ Кондуни, по прибытіи изъ Средиземнаго моря, хотя просилъ съ прочими служившими тамо офицерами жалованья и порціонныхъ денегъ, но только выдано за всю бытность отъ Черноморскаго Адмиралтейскаго Правленія 280 руб. Этимъ поданнымъ прошеніемъ реченный проситель просилъ неполученнаго имъ за службу съ 17-го марта 1788 г. по 1-е число августа 1791 г. жалованья и порціоновъ, издержанныхъ имъ изъ собственнаго иждивенія на излеченіе ранъ (по сколько—не показано), также и недоплаченныхъ за доставленный на флотилію отцомъ его рогатый скотъ 420 руб. выдачи.

По сему прошенію комиссіею *опредѣлено:* съ прописаніемъ того прошенія къ господину генералъ-маіору Тамарѣ, сообщить (и сообщено), дабы онъ благоволилъ противъ требованія сего претендателя доставить въ сію комиссію свѣдѣніе. На то сообщеніе господинъ генералъ-маіоръ Тамара увѣдомилъ комиссію, что сказанный проситель служилъ на вольной флотиліи и удовольствованъ отъ него, господина генералъ-маіора, жалованьемъ, какъ и всѣ прочіе, за 13 мѣсяцевъ, то-есть съ 1-го августа 1791 г. по 1-е сентября 1792 г.; относительно жъ издержанныхъ имъ на излеченіе полученныхъ во время сраженія ранъ, равно и недоплаченныхъ за доставленный на флотилію, по просьбѣ полковника Ламбро Качіони, отцомъ его, Иваномъ Кондуни, рогатый скотъ, онъ, господинъ генералъ-маіоръ, никакого свѣдѣнія ни отъ сказаннаго полковника, ни отъ самого просителя никогда не получалъ, ибо все оное происходило до прибытія его, господина генералъ-маіора. Полученные же имъ, Кондуни, отъ Черноморскаго правленія 280 руб. выданы ему въ число слѣдуемаго жалованья съ 1-го сентября 1792 г. по день прибытія его въ Черное море, но объ ономъ онъ, господинъ генералъ-маіоръ, въ точности неизвѣстенъ. А по справкѣ, по счету упомянутаго господина генералъ-маіора показано: означенному поручику Кондуни въ выдачѣ жалованья и порціоновъ съ 1-го августа 1791 г. по 1-е число сентября 1792 г. 439 піастровъ, 11 паръ, 2 аспры въ Севастополѣ, съ того 1-го сентября 1792 г. по 1-е мая 1794 г. 291 р. $15^3/_4$ к., да при отправленіи изъ Архипелага чрезъ Константинополь выдано ему, Кондуни, повѣреннымъ въ дѣлахъ бригадиромъ и кавалеромъ Хвостовымъ 25 піастровъ на дорогу. По вышеписанному отзыву комиссіею *опредѣлено:* оный отзывъ присовокупя къ прежнему дѣлу, учинить изъ всего того подлежащую выписку съ приличными законы, доложить комиссіи.

Приказали: Какъ показанный проситель, поручикъ Кондуни, находился въ службѣ на флотиліи полковника Ламбро Качіони, которая, какъ изъ обстоятельства дѣла значитъ, сооружена

была на арматорскомъ правилѣ, а не отъ казны, и которой во время поисковъ надъ непріятелемъ не только никакого жалованья не положено, но еще арматоръ долженъ изъ получаемой добычи, по силѣ того правила 9-го пункта, казнѣ давать десятую часть; за время жъ перемирія съ 1-го августа 1791 г. по 1-е сентября 1792 г., по силѣ 22-го пункта упомянутаго жъ правила, онъ, Кондуни, съ прочими отъ генералъ-маіора Тамары удовольствованъ, и для того полагаетъ комиссія сказанному просителю въ требуемомъ жалованьи и порціонахъ за службу въ военное время, яко не принадлежащемъ въ выдачу, отказать; что жъ принадлежитъ до требуемыхъ затѣмъ издержекъ, учиненныхъ на излеченіе (сколько—не показано), также и неоплаченныхъ за доставленный на флотилію, по просьбѣ полковника Ламбро Качіони, отцомъ указаннаго просителя, Иваномъ Кондуни, изъ турецкаго владѣнія рогатый скотъ 420 р., то какъ объ ономъ не только достаточнаго свидѣтельства, но и совсѣмъ никакого о подлинности увѣренія не представлено, притомъ же, сколько на первую надобность и денегъ издержано, вышеписанный проситель, поручикъ Кондуни, въ просьбѣ своей не упоминаетъ, и господинъ генералъ-маіоръ Тамара въ отзывѣ своемъ пишетъ, что онъ какъ о издержанныхъ на излеченіе ранъ, такъ и о недоплаченныхъ за доставленный на флотилію рогатый скотъ никакого свѣдѣнія ни отъ сказаннаго полковника Качіони, ни отъ самого просителя никогда не получалъ, а по таковымъ обстоятельствамъ и въ сихъ требованіяхъ комиссія полагаетъ то жъ отказать, и о всемъ томъ, съ прописаніемъ обстоятельства и подлежащихъ законовъ объ арматорахъ, тако же и сего комисскаго положенія, учиня экстрактъ, представить при рапортѣ на разсмотрѣніе Его Сіятельству господину дѣйствительному тайному совѣтнику генералъ-прокурору, дѣйствительному камергеру и кавалеру графу Александру Николаевичу Самойлову. И для объявленія претендателю сего рѣшенія препроводить съ онаго копію, при сообщеніи къ предсѣдательствую-

щему въ Черноморскомъ Правленіи господину вице-адмиралу и кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову.

Секретарь Василій Осетровъ.
Регистраторъ Иванъ Бардуковъ.

Мая 22-го дня
1875 года.

Извѣщенія комиссіи Мордвинову.

617.

Изъ учрежденной для свидѣтельства счетовъ о издержкахъ и разсмотрѣнія претензій по флотиліи, бывшей въ Средиземномъ морѣ въ послѣднюю съ турками войну, комиссіи Его Превосходительству господину вице-адмиралу, предсѣдательствующему въ Черноморскомъ Адмиралтейскомъ Правленіи и кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову.

Минувшаго апрѣля 30-го числа, по указу Ея Императорскаго Величества, упомянутая комиссія, по сообщеніи Вашего Превосходительства, при которомъ препроводили въ оную поданныя къ вамъ отъ служившихъ въ минувшую съ турками войну въ Архипелагѣ на флотиліи полковника Ламбро Качіони поручиковъ Яни Димо и Жовани Дендрино прошенія, коими они просили выдачи неполученнаго ими, за бытность въ службѣ на той флотиліи съ 1788 по 1791 годъ, жалованья и порціоновъ и издержекъ, учиненныхъ ими на излѣченіе, но сколько именно, у перваго изъ нихъ не показано, а другимъ, то-есть поручикомъ Дендриномъ, 140 левковъ, также на проѣздъ имъ изъ Константинополя въ Херсонъ и на пищу (но сколько не показано), притомъ же и о награжденіи его, Дендрина, за службу чиномъ, *опредѣлила:* къ Вашему Превосходительству съ рѣшеніемъ комиссіи по симъ просьбамъ реченнымъ поручикамъ Диму и Дендрино, для объявленія имъ, препроводить копіи, которыя при семъ и препровождаются.

Мая 31-го дня
1795 года.

618.

Изъ учрежденной для свидѣтельства счетовъ о издержкахъ и разсмотрѣнія претензій по флотиліи, бывшей въ Средиземномъ морѣ въ послѣднюю съ турками войну, комиссіи Его Превосходительству господину вице-адмиралу, предсѣдательствующему въ Черноморскомъ Адмиралтейскомъ Правленіи и кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову.

Минувшаго мая 22-го числа, по указу Ея Императорскаго Величества, упомянутая комиссія, по сообщеніи Вашего Превосходительства, при которомъ препроводили въ оную поданное къ вамъ отъ служившаго въ минувшую съ турками войну въ Архипелагѣ на флотиліи полковника Ламбро Качіони поручика Діонисія Кондуни прошеніе, коимъ просилъ неполученнаго имъ, за службу съ 17-го марта 1788 г. по 1-е августа 1791 года, жалованья и порціоновъ и издержанныхъ изъ собственнаго иждивенія на излѣченіе ранъ (по сколько, не показано), также и недоплаченныхъ за доставленный на флотиліи отцомъ его рогатый скотъ четырехсотъ двадцати рублей выдачи, *опредѣлила:* къ Вашему Превосходительству съ рѣшенія комиссіи по сей просьбѣ реченнаго поручика Кондуни, для объявленія ему, препроводить копію, которая при семъ и препровождается.

Іюня 19-го дня
1795 года.

619.

Письмо Качіони Мордвинову.

Par ma dernière du 30 du mois expiré Votre Excellence a put relever le nouveau cours des affaires de cette capitale, qui n'ajoute qu'à la sagesse de notre grand Empereur; mais puisque cette occasion m'offre encore de la matière pour me rappeler à son digne ressouvenir, je prends la liberté avant tout

autre de vous témoigner par cette seconde mon respect et ma soumission et avec cela l'impatience dont je brûle de vous voir chez nous un moment avant pour me prosterner à vos pieds et me consoler en vous voyant comblé d'honneurs et de gloire (c'est que tous vos sincères amis d'ici ne font que désirer, avec moi, ardemment), et c'est alors que je verrai tous mes vœux accomplis et que je rencontrerai des occasions à vous convaincre de mon éternel dévouement.

J'ai l'honneur de communiquer à Votre Excellence que dans le mois de Novembre dernier j'ai présenté requête à Sa Majesté l'Empereur et notre affaire a été d'ordre suprême confiée à M. le procureur général de Courakin et recommandée par sa clémence à être terminée sans délai; j'ai des espérances flatteuses, puisque M-r le comte de Bezborodko veut bien s'y intéresser; M-r de Trostschinsky me favorise à l'excès; M-r de Couchelew m'assure sa grande protection. Et M-r de Plechtcheyew qui vient d'avoir deux mille âmes de don s'empresse à mon avantage. Je ne fais que fréquenter ces seigneurs et autres pour gagner d'avantage leurs bonnes grâces, quoique je les vois tous disposés à mon égard.

M-r Iwan Iwanowitz m'a remis une petite caisse contenant des effets et une boîte avec une bague pour madame de Markow; j'ai l'honneur de les acheminer et celles de madame de Dedaignew par le porteur de la présente, M-r le lieutenant Paul Comneno. Permettez, Seigneur, que je recommande cet officier à vos bontés et daignez lui accorder votre protection et assistance pour trouver quelque poste sous vos ordres; ainsi qu'à un autre lieutenant Dimitry Contarino qui vient s'employer au second bataillon de Sevastopole. Votre Excellence a toujours été et sera le père et le soutien de notre nation errante et nous ne serons jamais plus heureux qu'en dépendant de votre indulgence et pitié. Le prince de Zoubow a eu sa démission et il va se retirer à ses villages.

Ce 15-me Décembre 1796.
St.-Pétersbourg.

620.

Письмо Скадовскаго Мордвинову.

Monsieur l'amiral!

Je ne désirerai pas mieux que de pouvoir me rendre immédiatement aux ordres de Votre Excellence, mais ayant encore sur mon dos le député de la Commission de Varsovie, je fais mon possible pour finir un moment plutôt les papiers, afin que je puisse l'expédier vers la fin de cette semaine; alors je ne tarderai pas de me rendre tout de suite à Nicolaeff.

Ci-joint Votre Excellence trouvera les comptes de M-r Machinsi, tels qu'ils avaient été remis à M-r Czertkow; nous les gardions ici, parce que nous attendons l'arrivée de M-r Machinsi d'un moment à l'autre, pour lui demander des éclaircissements et pour tâcher d'épargner à Votre Excellence toutes sortes de désagréments et de mécontentements.

Quant à M-r Lambro Cazioni je ne saurais qu'elles seraient les mesures les plus efficaces à prendre contre ses mauvaises intentions. Je crois cependant qu'il faudrait autoriser quelqu'un à St.-Pétersbourg pour agir contre lui, ou plutôt pour prendre et accepter tel arrangement auquel il voudra se prêter volontairement. Je supplie Votre Excellence de faire ses réflexions là-dessus, pour qu'elle soit décidée sur le parti à prendre dès mon arrivée à Nicolaeff.

En attendant j'ai l'honneur d'être avec un très profond respect,

Monsieur l'amiral,

de Votre Excellence

le très-humble et très-obéissent serviteur

Balthasar Skadowski.

Ce 14 Décembre
1798.
Cherson.

621.

Письмо Мавромати Мордвинову.

Ecelenza!

Il dovere la profonda stima e rispeto che jo nudrisco nel mio animo per Vestra Ecelenza, mi ombliga ardire con la mia umile seconda per confermare la prima incaminatagli al 6 del Luglio passato del anno scorso 1798, nella quale gli facevo notto l'animo del colonelo Lambro Cazioni presso Vestra Ecelenza, il che mi ha rovinato eternamente e per sfondare i miei raggioni e non pagarmi il danaro impestatogli in diversi tempi nella necesità che si trovava e per farmi partire di S. Petersburgo per non molestarlo con li miei veri raggioni, ha dato memoriale al Tribunal a Nadvornoi Sud secondo departamento contro di mè in ristituzione di R-li 1.548, dicendo che jo li devo, eche il tribunal mi ombligasse di depositare il ditto donaro ho che io sia messo in pregione. Ho fato tutti i miei possibili e ho depositato il danaro, nel mentre questo dà un altro memoriale al Voyenoi Gubernator presentando che io sia un uomo rebelo e che non mi diano tempo di vivere in S. Petersburgo, pensando il ditto signor Cazioni che senza esaminare l'afare mi mandassero fuori del stato, per altro il Voyenoi Gubernator ha mandato l'afare alla polizia, noto che fù questo a signor Cazioni, ha risolto di far un acomodamento con me. Per mezo del signor Gunaropulo e del signor Pangalo come gia e reussito in tal guisa restituindomi li Rubli 1.548, che ingiustamente ho depositato e col pagarmi ancora R. 1.300, per tutte le mie pretenzioni che è un conto di R. 3.490 Cop. 25, edi un atestato o sia obligazione di Fiorini 7.000, al nome del mio fratello Nicolò, il quale atestato ora esiste nei mani del signor Lambro. Prometendomi in presenza Gunaropulo e Pangalo che lui forà avere adietro il memoriale dato contro di mè a Voyenoi Gubernator. Ma l'animo strambo che ha pensato di rovinare afato un povero infelice e partito senza efetuare la promessa ed io mi trovo seguestrato senza poter ussire di S. Petersburgo, perche

mi domandano risposta ed atestati da i quali conoscono la mia condota, ardisco per cio di insenochiarmi alla Vestra Clemenza. Mio Signore, protetore delli infelici, gloria della umanità, mi secori e si degni di favorirmi un atestato di sua firma zirca della mia condota, quando prima, e se Vestra Ecelenza lo troverà aproposito di ordinare alcuni della comanda di atestare per me, essendo che ho servito sotto il comando di Vestra Ecelenza.

Mio Signore me pardoni con la solita magnanimità Vostra che la virtù della quale molti infelici fece gloriarla, un delli quali sarò anche io, il povero disgraziato, col il titolarmi eserno servo e sciavo fedele del mio Signore armiraglio. Ardisco in essa incladere un conto riviadeli debiti del Lambro Cazioni pagati qui in diversi per sua regola.

E con alterabile stima e rispetto baciandogli devotamento la mano hò l'onore di rassegnarmi

di Vestra Ecelenza,
mio Signore,
umilissimo, devotissimo servitore
Paolo Mavromati.

Li 21 Genajo 1799.
S. Petersburgo.

622.

Письмо Козловскаго Мордвинову.

Милостивый Государь
Николай Семеновичъ!

Крайне виноватъ передъ вами, что столько времени не писалъ къ вамъ, но также и отъ васъ не получалъ ни одной строчки, однако, съ моей стороны, я всегда навѣдывался о вашемъ пребываніи и здоровьи. Александръ Семеновичъ [1]), въ пребываніе свое въ Петербургѣ, почти всякій день со мной

[1]) Мордвиновъ, старшій братъ Н. С. Мордвинова.

видѣлся и съ великимъ удовольствіемъ я препровождалъ съ нимъ время. Скажу вамъ, что онъ сдѣлался великимъ знатокомъ въ живописи, да и кромѣ того, человѣкъ наипрелюбезнѣйшій, наполненъ честностью и здраваго разсудка, съ которымъ всякій бы пожелалъ раздѣлить свое время.

Когда вы писали письмо въ разсужденіи вашего дѣла съ полковникомъ Ламброю, то я объ ономъ разсуждалъ съ Александромъ Семеновичемъ, и скажу вамъ чистосердечно, что вы поспѣшили и вышло не кстати по нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Можетъ быть, вы послушали людей весьма несостоятельныхъ, которые ищутъ только людей ссорить; съ моей стороны, я знаю то, что Ламбро вамъ преданъ; онъ, который, казалось быть, ничего на свѣтѣ для васъ не пожалѣетъ, онъ всѣ благодѣянія ваши и братца вашего чувствуетъ, а что онъ не предупредилъ на самомъ дѣлѣ того доказать, тому можетъ быть причиною стеченіе разныхъ обстоятельствъ, для которыхъ нужно взять терпѣніе.

Простите меня, Николай Семеновичъ, что заставляетъ мнѣ вамъ говорить моя къ вамъ истинная привязанность, съ которой и пребуду вѣчно

вашъ, Милостиваго Государя,

всенижайшій слуга

Михаилъ Козловскій.

Августа 15-го дня
1798 года.

623.

Письмо Раблинга Мордвинову.

Милостивый Государь

Николай Семеновичъ!

Подноситель сего, Ламбро Дмитріевичъ Качіони, проситъ моего у васъ ходатайства о принятіи его попрежнему въ вашу милость, считая себя уже лишеннымъ оной. Я хотя обстоятельно и не знаю мѣру вины его противъ васъ, но могу

только въ томъ его оправдать передъ вами, что онъ, сколько мнѣ извѣстно, здѣсь себя всегда оказывалъ преданнымъ и благодарнымъ противъ васъ. Онъ пораженъ былъ вашею недовѣрчивостью относительно уплаты вамъ долга его, клялся тогда и нынѣ клянется мнѣ, что онъ съ вами раздѣлается, какъ должно. Тако жъ могу свидѣтельствовать и о томъ, что его здѣсь изрядно ощипали и что промѣномъ въ банкѣ облигацій потерялъ знатную онъ сумму изъ капитала своего.

Впрочемъ, онъ обѣщевается отдать вамъ во всемъ обстоятельный отчетъ; итакъ, основываясь на всемъ ономъ, не могу отречься просить васъ удостоить его попрежнему вашей благосклонности и позволить ему объяснить вамъ все, что до дѣла полагается.

А затѣмъ, поручая и самого себя всегдашнему вашему благоволенію, съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностью имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашего Высокопревосходительства
всепокорнымъ слугою
Карлъ Раблингъ.

С.-Петербургъ.
Сентября 18-го дня
1798 года.

624.

Письмо Ламбро Качіони Мордвинову.

Черезъ господина поручика Новосельскаго имѣлъ честь получить почтеннѣйшее ваше письмо отъ 6-го февраля и къ чувствительнѣйшему моему сожалѣнію усмотрѣлъ, что Ваше Высокопревосходительство изволитъ напрасно обидѣть меня забвеніемъ будто моихъ обязанностей, когда я не упустилъ ни минуты времени раздѣлаться со всѣми тѣми, съ коими я имѣлъ дѣла, и удовлетворить всѣхъ моихъ кредиторовъ (но сіе не безъ расчета и документовъ). Между прочимъ, и никогда не забылъ,

что я вамъ остаюсь должнымъ за ту сумму, которою Ваше Высокопревосходительство ссудили меня во время отправленія моего въ Архипелагъ, и ожидаю нетерпѣливо получить отъ васъ на ту самую сумму процентный счетъ въ полной раздѣлкѣ и удовлетвореніе съ благодарностью.

Февраля 22-го дня
1799 года.
Акмечеть.

625.

Прошеніе Мордвинова.

Его Сіятельству высокопревосходительному господину генералу-отъ-инфантеріи, командующему Таврическою дивизіею, Новороссійскому военному губернатору, инспектору и разныхъ орденовъ кавалеру графу Михайлѣ Васильевичу Каховскому.

Адмирала и кавалера Николая Семенова сына Мордвинова

ПРОШЕНІЕ.

Во время послѣднеминувшей съ Оттоманскою Портою войны, вознамѣрившись сдѣлать я вооруженіе въ Архипелагѣ, пригласивъ къ удобнѣйшему того достиженію въ сотоварищи къ себѣ господъ генералъ-маіора Маркова [1]), бригадира Бентона [2]) и подполковника Скадовскаго, сложивъ общую сумму и вручивъ оную признанному отъ меня, по отважности и храбрости, способнымъ къ произведенію въ дѣйство таковаго предпріятія нашего, служившему въ то время волонтеромъ на эскадрѣ, которою я командовалъ подъ Очаковомъ при открытіи упомянутой войны, что нынѣ флота капитанъ, Ламбро Качіони, отправилъ его въ Тріестъ. Тамъ купилъ онъ и вооружилъ первоначально одно судно. Начальныя дѣйствія его противъ непріятеля

---

[1]) Ѳедоръ Ивановичъ, мужъ Екатерины Семеновны Мордвиновой, младшей сестры Н. С. Мордвинова.

[2]) Самуилъ Ивановичъ.

были удачны. Призовъ множество взято имъ было, которые, вмѣсто того, чтобы раздѣлять между нами, обращали мы на новыя вооруженія и чрезъ нѣкоторое время составили эскадру, въ коей 12-ть и выше сего военныхъ судовъ находилось. Эскадра сія, по дѣйствіямъ своимъ и по знатному числу судовъ обратила на себя высочайшее вниманіе блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государыни Императрицы Екатерины Вторыя и воспослѣдовалъ высочайшій манифестъ, что Ея Императорское Величество приняла ее въ собственное свое содержаніе, съ наименованіемъ Россійско-Императорской флотиліи.

По окончаніи войны учреждена была коммиссія для изслѣдованія претензій по сей бывшей въ Средиземномъ морѣ флотиліи, которая, разобравъ всѣ иски Ламбро Качіони, признала право собственности и заключила мнѣніемъ уплатить ему изъ казны пятьсотъ семьдесятъ пять тысячъ рублей. Высочайшимъ Его Императорскаго Величества отъ 7-го ноября 1797-го года даннымъ государственному казначею господину дѣйствительному тайному совѣтнику барону Алексѣю Ивановичу Васильеву указомъ, объявленное мнѣніе коммиссіи утверждено и высочайше повелѣно уплату прописанной суммы расположить въ теченіе пяти лѣтъ.

Достигши такимъ образомъ окончанія дѣла, капитанъ флота Качіони, желая воспользоваться самъ всею суммою, первоначально разгласилъ вездѣ въ С.-Петербургѣ, что оная вся принадлежитъ ему собственно, и, получа изъ Государственнаго Казначейства часть къ отпуску на первый годъ слѣдующую, всю сполна обратилъ къ себѣ, ничего не давъ знать о семъ ни мнѣ, ни прочимъ моимъ сотоварищамъ. Какъ я при самомъ началѣ обязался отвѣчать прочимъ соучастникамъ за всѣ полученные призы, то, взимая въ дѣлѣ семъ наибольшее участіе и извѣстясь стороннимъ образомъ о поступкахъ г-на Качіони, съ обманомъ и явною всѣмъ намъ обидою сопряженныхъ, просилъ, письмомъ моимъ отъ 13-го февраля прошлаго 1798-го года, г-на государственнаго казначея барона Алексѣя Ивановича Ва-

сильева, удержать выдачу денегъ Ламбро Качіони. Когда же потому дальнѣйшій отпускъ суммъ былъ остановленъ, то Ламбро Качіони, предположившій всѣми способами и ухищренностями провесть насъ и лишить всячески принадлежащихъ намъ частей, учиня переводъ сей остальной суммы съ обыкновенною уступкою въ учетную экспедицію, успѣлъ таковымъ образомъ захватить и овладѣть всѣмъ сполна. Теперь намъ не остается другого средства возвратить похищенную собственность нашу, какъ доискиваться формальнымъ судомъ и ожидать удовлетворенія отъ правильности претензіи нашей и отъ велѣній закона, коего святость не терпитъ неисполненія условныхъ постановленій и обязанностей во всякомъ родѣ оныхъ, почитая то погрѣшностью, предосужденіе и подрывъ довѣрію наносящею, поступкомъ презрительнымъ и для общества крайне вреднымъ, какъ и изображено сіе въ высочайшемъ Его Императорскаго Величества указѣ, публикованномъ отъ Правительствующаго Сената отъ 19-го августа 1797-го года, гдѣ именно подтверждается, чтобы во взысканіи справедливыхъ и доказательныхъ долговъ поступаемо было по всей строгости законовъ.

По жительству нынѣ его, Ламбро Качіони, въ Крыму вносимъ мы общій искъ нашъ въ Акмечетскій уѣздный судъ[1]). Но дабы до того времени, покуда окончится судопроизводство, общій искъ нашъ былъ обезпеченъ и могло бы учинено быть съ него, Качіони, въ свое время законное взысканіе, я, въ лицѣ всѣхъ соучаствующихъ въ семъ дѣлѣ по сдѣланной мнѣ отъ г-на генералъ маіора Маркова и подполковника Скадовскаго оригиналомъ представляемой у сего довѣренности, а со стороны отсутствующаго въ Англіи господина бригадира Бентона по обязанности соблюсть свято данное мною ему обязательство отвѣта за часть его изъ всѣхъ призовъ и общаго интереса, утруждаю Ваше Сіятельство покорнѣйшею просьбою моею, дабы благоволили

---

[1]) Въ архивѣ хранится прошеніе Н. С. Мордвинова отъ 18-го іюля 1799 года, поданное въ Новороссійское Губернское Правленіе и составляющее дословное повтореніе печатаемаго прошенія къ гр. М. В. Каховскому.

повелѣть, кому слѣдуетъ, наложить арестъ на купленное имъ, Качіони, въ Тавріи недвижимое имѣніе; а о равномѣрномъ наложеніи ареста и на оставленные имъ, Качіони, въ С.-Петербургѣ, въ домѣ купцовъ Лингара и Цапуро, сто тысячъ рублей деньги сообщить таможнему начальству и о всемъ томъ учинить милостивую резолюцію.

Марта дня.
1799-го года.
Николаевъ.

626.

Вѣрющее письмо Мордвинова.

Милостивый Государь
Николай Семеновичъ!

По случаю сдѣланнаго господиномъ флота капитаномъ Ламбромъ Дмитріевымъ сыномъ Качіони неправильнаго овладѣнія принадлежащею мнѣ обще съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, господиномъ бригадиромъ Самойломъ Ивановичемъ Бентономъ и подполковникомъ Балтазаромъ Балтазаровичемъ Скадовскимъ суммою, которая высочайше пожалована отъ Его Императорскаго Величества за флотилію въ послѣднеминувшую съ Портою Оттоманскою войну въ Средиземномъ морѣ, подъ командою его, Качіони, существовавшею, согласенъ будучи я, съ своей стороны, доискиваться общеформальнымъ судомъ объясненной захваченной собственности нашей, покорнѣйше васъ, Милостиваго Государя, прошу, по участію, которое имѣете вы въ семъ дѣлѣ, взять на себя благосклонный трудъ взнести, куда слѣдовать будетъ, общій нашъ искъ, по оному хожденіе имѣть, представлять въ доказательство общаго права нашего, какія только ни имѣются по вооруженію сказанной флотиліи, бумаги, переводы денегъ, разныя переписки и всѣ прочіе, относящіеся къ сему предмету документы, и къ чему надлежитъ вмѣсто меня руку прикладывать, въ чемъ я вамъ, или вы кому препоручить изволите, во всемъ вѣрю, и что учинено будетъ,

впредь спорить и прекословить не буду, пребывая съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною предапностью

Вашего Высокопревосходительства,

Милостиваго Государя,

покорнѣйшимъ слугою

Θедоръ Ивановъ сынъ

Марковъ, генералъ-маіоръ.

Апрѣля дня
1799 года.
Николаевъ.

Сіе вѣрющее письмо принадлежитъ господину адмиралу и кавалеру Мордвинову.

Сіе вѣрющее письмо въ Николаевской градской полиціи явлено и въ книгѣ подъ № 554 записано, и что оное дѣйствительно къ Его Высокопревосходительству г. адмиралу и разныхъ орденовъ кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову отъ г. генералъ-маіора Θедора Ивановича Маркова писано и собственноручно подписано, въ томъ подписью свидѣтельствуетъ. Деньги за гербовые листы бумаги, вмѣсто коей, по неимѣнію сей, уплачены тридцать копѣекъ въ казенный доходъ, полиціей получены. Полицейскій секретарь коллежскій асессоръ Воронкинъ [1]).

Николаевъ,
1799 года
апрѣля 19-го.

---

[1]) Такая же довѣренность, слово въ слово, была сдѣлана и Б. Скадовскимъ, въ Херсонѣ, 20 апрѣля 1799 г., причемъ имѣется и удостовѣреніе мѣстной полиціи въ слѣдующей формѣ: „Сіе вѣрющее письмо благополучнаго города Херсона въ градской полиціи явлено и въ книгу подъ № 65 записано, и что оное дѣйствительно коммерческой конторы графа Прото Потоцкаго и компаніи отъ директора Балтазара Скадовскаго къ Его Высокопревосходительству господину адмиралу и кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову писано и собственною рукою означеннаго Скадовскаго подписано, въ томъ сія полиція за подписомъ и приложеніемъ казенной печати симъ свидѣтельствуетъ. Апрѣля 21 дня 1799 года. Приставъ градской полиціи Михаилъ Михайловскій.

627.

Довѣренность Мордвинова Зюбину.

Государь мой

Андрей Павловичъ!

Прилагаю у сего на всевысочайшее имя прошеніе, слѣдующее къ подачѣ въ Новороссійское Губернское Правленіе, изъ коего вы увидите, что я, будучи принужденъ поступкомъ господина флота капитана Ламбро Качіони, по жительству своему нынѣ въ Крыму находящагося, доискиваться судомъ принадлежность мою и соучастниковъ моихъ, въ прошеніи поименованныхъ и коихъ при ономъ прошеніи оригиналомъ довѣренности мнѣ данныя представляю, равнымъ образомъ и документы, имѣющіеся у меня въ разсужденіи условія и состоянія вооруженія сего, а дабы обезпечить искъ нашъ, прошу я до окончанія судопроизводства наложить арестъ какъ на недвижимое его, Ламбро Качіони, здѣсь въ Крыму имѣніе, такъ равно и на сто тысячъ рублей денегъ, оставленныхъ имъ въ С.-Петербургѣ у купца Липгаро и Цапуро. Прошу васъ, Государь мой, по бытности вашей въ Новороссійскѣ, сіе мое прошеніе, гдѣ слѣдуетъ, подать, по оному хожденіе имѣть, руку прикладывать. Я вамъ вѣрю, и что учините, прекословить не буду.

Государь мой,

вашъ покорный слуга

Николай Семеновъ сынъ

Мордвиновъ адмиралъ и кавалеръ.

Азематъ.
Іюля 2-го числа
1799 года.

Довѣренность сія принадлежитъ господину секретарю Зюбину.

Что сіе вѣрющее письмо писано и подписано собственною рукою господина адмирала и кавалера Николая Семено-

вича Мордвинова на имя господина секретаря Андрея Павловича Зюбина, въ томъ свидѣтельствуемъ

Генералъ-маіоръ кавалеръ

Өедоръ Ивановъ сынъ Марковъ.

Свидѣтелемъ былъ графъ

Францъ Рапіекъ.

Свидѣтелемъ былъ Херсонскій

полицейскій поручикъ

Викентій Новосельскій.

Іюля 2-го дня
1799 г.

XIX.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ДУНАЙСКИХЪ ГИРЛЪ.

628.

Записка Кленова.

По секрету.

Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія въ 1797 году доставалъ я изъ водъ лимана Буга, Ингула и Днѣпра съ потопшихъ судовъ пушки, якоря и прочіе снаряды; а какъ между тѣмъ, въ 1798 году, въ Турціи, около дунайскихъ проливовъ, отъ шторма погибли еще два россійскіе фрегата, то Государственная Адмиралтействъ Коллегія, въ 1798 году, мая 15 дня, въ контору главнаго командира Черноморскихъ флотовъ указомъ предписала, дабы и съ оныхъ что можно отыскавъ ихъ изъ воды вынуть, почему и сіе препорученіе, такъ какъ я оказалъ способность мою самыми опытами, мнѣ было сдѣлано. Прошлаго 1798 года, отправясь туда, я, по отысканіи фрегатовъ, вынулъ не малое количество разныхъ вещей и доставилъ въ вѣдомство конторы.

А между тѣмъ, имѣя столь удобные случаи и желая оказать мое усердіе отечеству, подъ предлогомъ закупки провизіи ѣздилъ по разнымъ мѣстамъ турецкаго владѣнія и сдѣлалъ замѣчанія, могущія доставить пользу на случай перемѣны въ союзѣ.

Фарватеры въ дунайскіе проливы, не будучи совершенно извѣстны, опасны по причинѣ находящихся мелей для входа судовъ. Я нашелъ оные, вымѣрялъ глубину воды и сдѣлалъ прочія замѣчанія какъ о семъ, равно и о крѣпостяхъ, въ какомъ онѣ положеніи находятся, описаніе коего слѣдуетъ сего ниже.

1-е.

Въ Килійскомъ проливѣ глубина 6 футъ. Изъ моря входя, по правую сторону коса песчаная, мелкая, видная, а по лѣвую сторону островъ, на коемъ растетъ камышъ. Въ проливѣ грунтъ иловатый. Около пролива деревня Вилкова; некрасовцы и много запорожцевъ пріѣзжаютъ для ловли рыбы; слобода большая, и промыселъ имѣютъ рыболовлею. А по близости оной, въ 10-ти верстахъ, тожъ деревня Жибріянъ; некрасовцы близъ моря промыселъ имѣютъ рыболовлею и хлѣбопашествомъ. Оные жители издавна изъ Россіи бѣжавшіе.

2-е.

Отъ пролива Килійскаго до пролива Сулинскаго 20 верстъ. Проливъ глубиною 10 футъ, при большой водѣ бываетъ до 12 футъ; грунтъ песчаный. На правой сторонѣ съ моря старый фонарь, разломаный, отъ берега въ водѣ до 250 саженей и видны однѣ сваи; по лѣвую сторону каменный фонарь, воономъ каждой ночи горятъ свѣчи и видно съ моря 15 верстъ. Войдя въ проливъ, по лѣвую сторону 8 кофеинъ съ домами и нѣсколько бакалейныхъ лавокъ и съ харчевымъ припасомъ; а по правую сторону одна кофейня для пріѣзжающихъ. На берегу пролива разломана каменная баня. Надъ онымъ проливомъ для проводки каждаго судна турчанинъ Сали-рейсъ опредѣленный. Впрочемъ, нѣтъ никакихъ батарей и укрѣпленій.

3-е.

Отъ Сулина до Егорьевскаго пролива 40 верстъ. Проливъ глубины $6^{1}/_{2}$ футъ; грунтъ песчаный. По правую сторону коса песчаная, на полдень подводная болѣе 500 саженъ, а по лѣвую сторону островъ съ камышемъ и вербами. По входѣ въ проливъ, на правой сторонѣ слобода некрасовская, именуется Гидрелесъ; жители промышляютъ рыбною ловлей.

4-е.

Отъ Егоргіевскаго пролива до Портицы 35 верстъ. Въ проливѣ грунтъ песчаный, глубины до 5 футъ. Онымъ проливомъ войти въ заливъ Разинъ, которымъ можно будетъ идти между селеніями молдаванскими и слободою Серетіою; жители достаточны и промышляютъ рыбными ловлями и хлѣбопашествомъ. Отъ Портицы заливомъ до деревни Серетіоя 30 верстъ.

5-е.

Отъ деревни Серетіоя до деревни Дунова водою 35 верстъ. Оная слобода называется по званію рѣки Дуновецъ, въ которой 3 церкви; жители некрасовцы, бѣжавшіе съ рѣки Дона съ атаманомъ Некрасовымъ и поселены были на Кубани, а потомъ въ Анатолію и на Дунавецъ послѣ первой турецкой войны; промыселъ ихъ состоитъ въ рыбной ловлѣ, въ хлѣбопашествѣ и въ разныхъ торгахъ.

6-е.

Отъ деревни Дуновца до Бештепе водою, Егорьевскимъ проливомъ, 30 верстъ, а сухопутно 15 верстъ; населена молдаванами; промыселъ ихъ—рыбныя ловли и хлѣбопашество.

7-е.

Отъ Бештепе до деревни Прислова 15 верстъ; въ оной деревнѣ молдаваны; промыселъ имѣютъ хлѣбопашество и рыбныя ловли. Отъ Прислова до Сулинскаго Четала 5 верстъ, до крѣпости Тульчи около 10 верстъ. Въ крѣпостцѣ военнаго пріуготовленія никакого не имѣется, кромѣ жителей турокъ и молдаванъ.

8-е.

Отъ Тульчи до Четала измаильскаго 10 верстъ, гдѣ соединяется Сулинскій съ Измаильскимъ Дунаемъ. Въ ономъ Четалѣ жителей никакихъ нѣтъ.

9-е.

Отъ Четала, по теченію Дуная, до крѣпости Измаила 20 верстъ. Сія крѣпость имѣетъ 18 батарей разныхъ калибровъ, пушекъ 401 мортиру, 3-хъ-пудовыхъ 36; пороху не весьма достаточно; гарнизону налицо 800 канонеръ и дѣлаетъ ученіе паша трехбунчужный, Махметъ; при ономъ пашѣ серехтарь Мустафа Бендерскій, его тѣлохранитель; въ городѣ большая часть турокъ и немного грековъ и армянъ, а молдаваны живутъ за Киленскими воротами по причинѣ уменьшенія крѣпости третьей части.

10-е.

Отъ Измаила, по теченію Дуная, до крѣпости Киліи 40 верстъ. Оная крѣпость совсѣмъ отдѣлана, а гарнизону, пушекъ, пороху весьма мало; жителей большая часть турокъ, молдаванъ и немного грековъ.

11-е.

Отъ Киліи, по теченію Дуная, до пролива Килійскаго, гдѣ суда выходятъ въ море, 30 верстъ. Выше сего описано въ первой статьѣ какой проливъ и жители; отселѣ возвращается вверхъ по Дунаю до Четала сіе описаніе.

12-е.

Отъ Четала до Исакчи 30 верстъ. Крѣпость не починена. Пушекъ, пороху, гарнизону и прочаго военнаго пріуготовленія нѣтъ, кромѣ большого магазина для ссыпки пшеницы; жителей большая часть турокъ и молдаванъ. Начальникъ надъ ними—Метевилій; второй членъ—Субашъ.

13-е.

Отъ города Исакчи, вверхъ по Дунаю, до рѣчки Чуленца 6 верстъ; отъ Чуленцова до деревни Некрасовской Лунка-

вицы 4 версты. Слобода большая, часть некрасовцевъ, а другая молдаванъ; промыселъ имѣютъ рыбныя ловли и хлѣбопашество.

14-е.

Отъ деревни Лупкавицы до деревни Реины, или Тамарова, 25 верстъ; жители въ оной турки, молдаваны и греки; промыселъ имѣютъ виноградами, изъ котораго во время урожая выходитъ до 30.000 ведеръ въ годъ; занимаются и хлѣбопашествомъ.

15-е.

Отъ Реины до города Галацъ, владѣнія княжества молдавскаго, 20 верстъ. Въ ономъ городѣ купцы разнаго званія, греки, молдаваны, цесарцы, армяне, сербы, болгары. Здѣсь происходитъ постройка корабельная; строятся разнаго званія суда, большія и малыя, казенныя и купеческія. Въ ономъ городѣ пребываетъ россійскій драгоманъ Павелъ Яковлевичъ Ренскій. Въ Галацѣ укрѣпленія никакого нѣтъ.

16-е.

Отъ Галацъ до турецкаго города и крѣпости Браилова; въ ономъ небольшой гарнизонъ, военнаго приуготовленія нѣтъ; жители по большей части турки и часть молдаванъ, сербовъ и армянъ, которые торгуютъ разными товарами.

17-е.

А что касается до турецкихъ запорожцевъ, то жительство имѣютъ между Гирсова и Силистріею въ селеніи Юртусъ, откуда каждогодно выѣзжаютъ на морскія берега для ловленія рыбы и покупки оной. Прошлаго года по фирману вышли подъ Пазванъ-Оглу, въ Видинъ.

18-е.

Во всѣхъ мѣстахъ, мною описанныхъ, находится множество россійскихъ подданныхъ, бѣглыхъ солдатъ, запорожцевъ и

другого званія людей, по разнымъ случаямъ оставившихъ свое отечество. Я самъ, посредствомъ моего съ тамошними жителями и съ ними сдѣланнаго знакомства, слышалъ желаніе ихъ обратно возвратиться, если только получатъ пустопорожія земли. около города Одессы лежащія, себѣ на поселенія. Вѣрноподданническая ревность и усердіе мое къ отечеству подаютъ мнѣ смѣлость представить себя, когда будетъ на возвращеніе ихъ высокомонаршее благоволеніе, къ исполненію онаго, что и надѣюсь произвесть съ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что имѣю случай подъ видомъ отправленія работъ въ выемкѣ съ потопшихъ россійскихъ фрегатовъ еще оставшихся въ водѣ орудій, да и не только тѣхъ, кои недавно туда переселились, по большую часть запорожцевъ и некрасовцевъ, давно въ Турецкой области водворившихся, лишь только были бы они всѣмъ совершенно обнадежены.

19-е.

Я и прежде сего тамо, подъ предлогомъ коммерціи и моего мастерства, употребляемъ былъ по секретнымъ дѣламъ, и былъ столь счастливъ, что чрезъ вѣрное выполненіе мнѣ препорученнаго заслужилъ благоволеніе начальства, во удостовѣреніе чего и данный мнѣ отъ адмирала де Рибаса атестатъ въ копіи при семъ представить честь имѣю.

Одесскій 1-й гильдіи купецъ

Евтей Кленовъ.

629.

Аттестатъ.

(Копія).

Данъ сей аттестатъ Елисаведъ-градскому 1-й гильдіи купцу Ефтею Кленову въ томъ, что во время командованія моего Черноморскимъ гребнымъ флотомъ и начальствованія надъ

строеніями военной гавани и города Одессы оный Кленовъ посылань былъ отъ меня, въ продолженіе времени съ 1793-го года мая съ 15-го по 1796 годъ октября по 1-е число въ турецкія крѣпости и города по разнымъ важнымъ и внимательнаго исполненія требующимъ дѣламъ. Посему онъ, Кленовъ, въ изъявленіе усердія своего выполнялъ возлагаемыя на него дѣла со всякою расторопностію и точностію. Во уваженіе и безпорочной его службы, и благоразумныхъ поступковъ, и испытаннаго мною его ко всероссійскому престолу усердія, я симъ свидѣтельствую собственноручнымъ моимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ герба моего печати. Данъ въ столичномъ городѣ святаго Петра марта 26-го дня 1797 года.

Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего вице-адмиралъ и орденовъ россійскихъ, святаго Александра Невскаго, военнаго святаго великомученика Георгія 2-го класса, святаго равноапостольнаго князя Владимира 2 степени и малтійскаго креста кавалеръ

Іосифъ Дерибасъ.

XX.

РЕКРУТЫ И ВОЙСКА

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

630.

ИСЧИСЛЕНІЕ

о собранныхъ въ Россійской Имперіи въ восемнадцатомъ столѣтіи рекрутахъ.

Въ древнія времена въ Россіи денежные сборы и всякія повинности давались съ дымовъ, или съ дворовъ; съ числа же душъ повинности отправляться стали съ 1724 года.

До учрежденія Военной Коллегіи, случившагося въ 1718 году, было 15 рекрутскихъ наборовъ; но сколько по которому собрано рекрутъ, о томъ свѣдѣнія отыскать не было возможности.

	Число рекрутъ.
Однако жъ, изъ разныхъ историческихъ записокъ извѣстно, что въ 1699 году былъ первый рекрутскій наборъ, изъ котораго учреждено 29 полковъ. Рекрутъ же въ томъ году собрано было. .	32.000
Въ 1700 году учреждено еще 10 полковъ новыхъ, а въ 1703 году былъ съ дворовыхъ и дѣловыхъ людей особливый наборъ, по которому взято въ службу съ первыхъ 5, а съ послѣднихъ 7 человѣкъ.	
Армія россійская принимала тогда новое образованіе; Россія была въ жестокой войнѣ со шведами и потому непогрѣшительно можно положить на бывшіе до 1718 г., сверхъ набора 1699 года, остальные 14 наборовъ для каждаго сложность изъ 5-ти случившихся отъ 1718 г. по 1724 г.	
Почему и выйдетъ въ одинъ наборъ 13.875 рекрутъ, а въ 14-ть	194.250

Въ слѣдующія съ 1718 года пять лѣтъ наряды о рекрутахъ состояли въ вѣдомствѣ камеръ-коллегіи; однако же извѣстно, что ихъ собрано было:

		съ дворовъ	Число рекрутъ.
Въ	1718 г.	50	15.389
»	1719 »	85	14.112
»	1721 »	83 / 113	19.755
»	1722 »	$95\frac{1}{2}$	10.013
»	1723 »	$94\frac{1}{2}$	10.118

Послѣ того наборы располагаться стали съ числа душъ.

Въ	1724 г.	съ 250	20.550
»	1726 »	» 200	22.795
»	1727 »	» 305	17.785
»	1729 »	» 323	15.662
»	1730 »	» 320	16.000
»	1732 »	» 288	18.654
»	1733 »	» 102	50.569
»	1734 »	» 169	30.129
»	1736 »	» 125	41.167
»	1737 »	» 98	41.960
»	1738 »	» 120	34.071
»	1739 »	» 120	32.396

Въ 1741 году сколько собрано было рекрутъ извѣстія не нашлось, для того, что наряды о томъ отосланы изъ Военной Коллегіи въ Сенатъ; но извѣстно, что собрать рекрутъ предписано было:

со 157-ми и 314 душъ
со 160-ми и 240 душъ

Почему для единственнаго счета о сборѣ рекрутъ и полагается только съ 240 душъ, что составитъ 16.198

					Число рекрутъ.
Въ	1743 г.	съ 330 и	220 душъ	. .	21.131
»	1745 »	—	171 »	. .	30.338
»	1747 »	—	121 »	. .	44.272
»	1748 »	—	190 »	. .	33.210
»	1754 »	—	100 »	. .	61.509
»	1756 »	—	135 »	. .	45.000
»	1757 »	—	194 »	. .	31.705
»	1758 »	—	116 »	. .	53.021
»	1759 »	—	128 »	. .	48.053

Сколько въ сихъ трехъ годахъ дѣйствительно собрано рекрутъ, свѣдѣнія не отыскалось, и для того число ихъ положено здѣсь по математическому вычисленію, соразмѣрно набору со ста душъ, каковой случился въ 1754 году.

Въ	1767 г.	. . . . .	съ 300	. . .	22.373
»	1768 »	два, каждый	» 300	. . .	44.744
»	1769 »	»	» 150	. . .	46.550
»	1770 »	»	» 150	. . .	46.550
»	1771 »	»	» 100	. . .	71.057
»	1772 »	»	» 150	. . .	49.552
»	1773 »	»	» 100	. . .	74.739
»	1776 »	»	» 500	. . .	14.917
»	1777 »	»	» 500	. . .	14.816
Съ однодворцевъ сверхъ положеннаго числа.					813
Въ	1778 г.	. . .	съ 500	. . .	14.952
»	1779 »	. . .	» 500	. . .	14.933
»	1780 »	. . .	» 500	. . .	13.289
»	1781 »	. . .	» 500	. . .	13.869
»	1782 »	. . .	» 200	. . .	38.547
а съ однодворцевъ		. .	» 100	. . .	
Въ	1783 г.	. . .	» 500	по 2. .	33.833
»	1784 »	. . .	» 500	» 1. .	18.339

31

			Число рекрутъ.
Въ 1785 г.		съ 500 по 2.	34.708
» 1786 »		» 500 » 1.	17.422
» 1787 » два:	первый	» 500 » 2.	92.735
	второй	» 500 » 3.	
» 1788 »		» 500 » 5.	93.127
» 1789 »		» 500 » 5.	92.822
» 1790 »		» 500 » 4.	73.651
» 1793 »		» 500 » 1.	18.384

Съ позволеніемъ вмѣсто рекрута вносить деньгами по 400 рублей 1794 г. по 5-ти съ 500. 92.866

Да съ 3-хъ новоприсоединенныхъ и 2-хъ бѣлорусскихъ губерній съ 200 душъ по 1-му. 11.442

Въ 1795 г., не исключая какъ оныхъ губерній, такъ и С.-Петербургской, по 1-му съ 500. 24.742

Въ 1796 г. хотя и назначенъ былъ наборъ съ тѣхъ же всѣхъ губерній по 5-ти съ 500 душъ, но оный потомъ отмѣненъ.

Въ 1797 г. со всѣхъ безъ изъятія губерній

	по 3	съ 500	86.300
Въ 1798 г.	» 1	» 500	31.994
» 1799 »	» 1	» 300	45.623

Всего же съ 70-ти рекрутскихъ наборовъ, не считая отмѣненнаго въ 1796 году, собрано въ государствѣ рекрутъ 2.271.571

Если въ семъ исчисленіи представится, что съ 1699 по 1724 годъ, то-есть въ продолженіе 25 лѣтъ, собрано рекрутъ только 295.637 и по сравненію гораздо менѣе, нежели въ слѣдовавшія 75 лѣтъ, то надлежитъ принять въ примѣчаніе, что въ то время главнымъ основаніемъ арміи послужили быв-

шіе стрѣлецкіе полки въ Москвѣ, стрѣльцы по городамъ, затинщики[1]), копейщики, рейтары, пушкари и другихъ старинныхъ службъ служилые люди; также городовые дворяне, которые въ древніе дворянскіе роды не включались, но составляли въ городахъ охранное войско или гарнизонъ и назывались жильцами. А сборъ крѣпостныхъ и дѣловыхъ или, по нынѣшнему, ремесленныхъ людей, какъ выше о томъ упомянуто, безъ сомнѣнія, не былъ маловаженъ, но замѣнилъ, конечно, многіе рекрутскіе наборы. Ибо съ попеченіями о умноженіи арміи, съ продолженіемъ тогда войны и съ предпріятымъ, наконецъ, походомъ въ Персію, не вѣроятно, чтобы въ теченіе 25 лѣтъ можно было удовольствоваться 15 наборами безъ другихъ важныхъ пособій.

1736—1737—1738 и 1739 годы, когда была война съ турками, повидимому, стоили Россіи 149.594 человѣкъ, потому что въ сіи четыре года столько числомъ рекрутъ собрано.

Прусская война, не говоря о 1754 годѣ, въ которомъ, какъ видно, учиненъ наборъ со 100 душъ для укомплектованія арміи, потому что передъ тѣмъ не сбиралось рекрутъ сряду пять лѣтъ, стоитъ 178.229 человѣкъ, потому что въ 1756 и 1757, 1758 и 1759 годахъ столько числомъ рекрутъ собрано.

Эпоха съ 1767 по 1796 годъ составляетъ великое торжество для россіянъ, громкими побѣдами прославившихся и не тщетно напрягавшихъ свои усилія, но распространившихъ предѣлы Имперіи. Однако, въ сіи 29 лѣтъ превратилось земледѣльцевъ въ воины 1.067.458. Они доставили, по крайней мѣрѣ, знатныя пріобрѣтенія, которыя полезны, и съ обстоятельствами сноровленное употребленіе могло бы совершенно замѣнить столь великую убыль народа и изгладить прежнюю тяжесть древнихъ областей, часто долженствовавшихъ давать два рекрута со 100 душъ, то-есть: изъ 50 работниковъ одного лучшаго.

---

[1]) Затинъ—мѣсто внутри укрѣпленія, гдѣ ставились огнестрѣльныя орудія; затинщикъ — затинный стрѣлецъ (*Словарь* Академіи. II; 133).

*

По знатном уменьшеніи арміи въ 1797 г., собрано, однако, въ опомъ, въ 1798 и 1799 гг., рекрутъ 164.018, то-есть такое число, которое, математически сравнивая съ продолженіемъ 29 лѣтъ, возросло бы до 1.585.507. Но, вѣроятно, что убыль въ сіе время людей произошла частью отъ безвременнаго возвращенія войскъ изъ Персіи, а частью отъ учиненныхъ походовъ противъ французовъ.

Таковы есть слѣды войны или завоеваній. Если бы къ счетамъ о издержкахъ военныхъ присовокуплять и счетъ о людяхъ, то нашлось бы, что деньгами, считая и людей, потеряла Россія въ прошедшее столѣтіе, въ одпихъ ихъ, болѣе 500 милліоновъ рублей, по самой дешевой цѣнѣ. Ибо никакою платою невозможно способствовать размноженію человѣческаго рода, ежели самые здоровые и способные люди осуждаются на безженство и гибнутъ, не оставляя по себѣ потомства. Съ достовѣрностью полагать можно, что каждый рекрутскій наборъ вмѣстѣ съ собою погубляетъ столько же дѣтей, для государства родиться могущихъ, сколько отцовъ ихъ взято въ рекруты, и постепенно ослабляетъ тѣмъ могущество областей, которыхъ главная сила состоитъ непосредственно въ многолюдствѣ.

Краткое сіе извѣстіе о рекрутахъ да послужитъ къ изобрѣтенію способовъ для народоразмноженія, для сохраненія жизни и здоровья людей, въ военной службѣ употребляемыхъ, и, наконецъ, къ положенію основанія для тѣхъ питомниковъ, которые содѣлаются замѣною рекрутскимъ наборамъ и будутъ содержать армію всегда въ наилучшемъ состояніи, и не только въ полномъ, но и превосходномъ числѣ.

631.

Заботы о рекрутахъ и войскахъ.

Поданное въ 1775 году мнѣніе кн. Потемкина-Таврическаго о запасныхъ рекрутахъ въ губерніяхъ объемлетъ не одно комплектованіе, но и цѣлый составъ арміи, гарнизона и милиціи.

Онъ предполагаетъ опредѣлить точное число пѣхоты и конницы по локальному положенію государства, по силамъ сосѣднимъ и по могущимъ послѣдовать разнымъ театрамъ войны, по пространству предѣловъ и по числу всѣхъ обывателей, обязанныхъ комплектовать войска рекрутами, положа службѣ умѣренный срокъ.

Исчисля всѣ сіи нужныя статьи и основавъ на оныхъ утвердительное число войска, расписать всѣ полки на кантоны въ губерніяхъ, примѣняясь, сколько можно, чтобы соразмѣрное число душъ приписано было каждому трехбатальонному и шестиэскадронному полкамъ, на всегдашнее комплектованіе, за исключеніемъ лежащихъ при морскихъ берегахъ кантоновъ, кои слѣдуетъ опредѣлить на флотъ, прибавя къ нимъ и находящіеся при большихъ судоходныхъ рѣкахъ.

Тогда каждый полкъ, имѣя свой кантонъ, въ установленное время и съ предписанія начальства, ежегодно наполняетъ недостающее число людей и возвращаетъ въ домы тѣхъ, кои положенныя срочныя лѣта выслужили.

По выступленіи полковъ за границу, остаются отъ пѣхотныхъ третьи батальоны и отъ конницы шестые эскадроны, и составляютъ внутри государства важнѣйшій гарнизонъ, готовый ко всякому употребленію; при окончаніи же кампаніи, полки, находящіеся въ походѣ, требуютъ для наполненія вакацій отъ оставленныхъ внутри третьихъ батальоновъ и шестыхъ эскадроновъ присылки людей, коихъ и получаютъ не рекрутами, но готовыми солдатами. Раненыхъ же, не могущихъ служить, равно и выслужившихъ срокъ, по осмотрѣ и по сношенію военнаго начальства съ гражданскимъ, возвращаютъ въ ихъ селенія и кантоны.

Выслужившіе положенный срокъ службы, во всякомъ непредвидимомъ случаѣ, могутъ составить страшную милицію, готовую дѣйствовать тамъ, гдѣ нужда того потребуетъ. Опытность пятнадцатилѣтней ихъ службы не потребуетъ ничего, кромѣ ружья и сумъ, кои, ежели не по всѣмъ губернскимъ

городамъ, то въ нѣкоторыхъ назначенныхъ депо изъ запасныхъ содержать можно [1]).

Всеобщая польза состава сего состоитъ въ томъ, что по сіе время ежегодно рекруты отдавались навсегда безъ возврата. Нынѣ же, будучи они взяты изъ кантоновъ, хотя и двадцатилѣтними, а прослужа пятнадцать, возвращаются въ семейства свои тридцатипятилѣтними, сдѣлавшись чрезъ службу морально и физически способнѣйшими предъ прежними ко всякому употребленію.

Сію пользу ощутятъ безъ изъятія всѣ состоянія въ государствѣ. Доказательствомъ тому служатъ губерніи, въ коихъ графомъ Минихомъ прежніе ландмилицкіе полки, также Славяносербія, гдѣ Хорватомъ и Мельгуновымъ гусарскія и пикинерныя войска поселены, равно и Слободская Украинская губернія, сформировавшая шесть гусарскихъ полковъ. Тамъ и между поселянами существуетъ духъ повиновенія и стройность во всякомъ дѣлѣ по причинѣ множества людей, бывшихъ въ службѣ. Главное же дѣло, что полки, симъ способомъ на кантоны располагаемые, будучи составлены изъ родни и сосѣдей, имѣть будутъ прямую связь единодушія [2]).

Въ столь счастливѣйшемъ для Россіи вѣкѣ, когда ощутительно оная, во всѣхъ частяхъ государственнаго строительства, многократно процвѣтая предъ прежнимъ, увѣнчиваетъ успѣхами и истинною славою неусыпныя о ней монаршія попеченія, нѣтъ нималаго затрудненія къ произведенію въ дѣйство сего полезнаго дѣла.

Ревизія по всѣмъ губерніямъ извѣстна. Счастливая опытность вѣка и мудрое царствованіе ясно доказали, что всѣ безъ

[1]) Великая Екатерина два раза жаловала суммы тульскимъ оружейникамъ, сколько для способствованія къ ихъ пропитанію, столько же и для заведенія запаснаго оружія. Сію нужду не только нынѣ, но и неоднократно уже видѣли прежде. Положа по десяти копѣекъ на душу, на нѣкоторое только время, легко выполнить оное можно; сего требуетъ всеобщая всѣхъ и каждаго польза, и не одна Тула и Сестербекъ, но и въ другихъ мѣстахъ ружья сдѣлаютъ.

[2]) Esprit de corps.

изъятія племена и роды людей могутъ и должны равно соучаствовать въ составленіи войскъ. Могущество и силы сосѣдей, какъ и связи ихъ политическія, извѣстны; собственное наше локальное положеніе со всѣми мѣстными избытками и недостатками нѣкоторыхъ, равно и чѣмъ оныя взаимно и откуда награждать, свѣдомы. Сила, ловкость и искусство какъ вообще всего войска, такъ и частно каждаго оружія преиспытаны. Слѣдственно, съ великимъ преимуществомъ противъ прежнихъ временъ основаніе сему положено быть можетъ.

Теперь не увѣрятъ уже никого, что гусары только изъ венгровъ и сербовъ, конница изъ Украйны, а пѣхота изъ внутреннихъ россійскихъ губерній должны быть. Ибо: финскіе, лифляндскіе, польскіе, а наипаче казанскіе изъ татаръ рекруты съ равною пользою служатъ вездѣ и всегда, когда начальники знаютъ, гдѣ и какъ ихъ лучше употребить. А потому и можно всю пѣхоту и конницу, въ свойственныхъ имъ мѣстахъ, по изобилію нужныхъ къ тому продуктовъ, на равные кантоны расположить и единообразно комплектовать.

Сюда же присоединить и всю шляхту, живущую по околицамъ и по всѣмъ деревнямъ, которая и себѣ и другимъ праздностью своею въ тягость. Учрежденіе изъ оной полковъ, подобныхъ ландмилиціи, изъ однодворцевъ составленной, принесетъ государству и имъ пользу и просвѣщеніе [1]).

Ко усовершенствованію сего общаго всѣмъ блага замѣчается, что нѣкоторые изъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, оказавъ знаменитыя услуги, не пожелаютъ возвратиться на прежнее жилище въ крестьянское состояніе — таковыхъ государство пріемлетъ въ особое попеченіе, и яко заслуженнѣйшихъ, на подобіе однодворцевъ и пахотныхъ солдатъ, поселить можетъ вдоль границы, гдѣ угодно, отводя имъ казенныя земли и обзаведя всѣмъ нужнымъ хозяйствомъ, хотя бы и съ

---

[1]) Сія шляхта во время польскаго владѣнія, при посполитомъ рушеніи, должна была вооружиться конно, за что и не давала податей; да и при покойной Государынѣ конфирмованы были хоруги.

покупкою въ казну у партикулярныхъ людей притяглыхъ къ границамъ земель [1]).

Таковые заслуженнѣйшіе, обитая при границахъ военными селеніями, валомъ и рвомъ обнесенными, составляли лучшую милицію съ помощью охраннаго пограничнаго войска.

Къ сей же статьѣ относятся и отставные офицеры, желающіе поселиться на казенныхъ земляхъ и имѣть отъ нихъ пропитаніе.

Все сіе касается единственно до регулярнаго войска; о нерегулярныхъ же, какъ-то: донскихъ, запорожскихъ, уральскихъ, гребецкихъ, моздокскихъ, терскихъ, оренбургскихъ и сибирскихъ казакахъ, калмыкахъ, башкирцахъ и прочихъ, объ оныхъ подобно же сему; а паче, смотря на особые предмѣты каждаго изъ нихъ, и на основанія, съ которыми оныя учреждены, также по локальному положенію охраняемыхъ ими пространныхъ границъ и, по возможности, къ заселенію близъ оныхъ, по крайней мѣрѣ, такимъ числомъ, изъ котораго бы обыкновенная граничная стража соразмѣрна была съ возможностью ихъ силъ и съ необходимою военною недреманностью, отдѣливъ къ тому ближайшіе кантоны на всегдашнее комплектованіе оной стражи.

Для чрезвычайныхъ же случаевъ, чтобъ каждая линія имѣла назначенный свой корпусъ войска. Но и тутъ замѣчаются бывшія предъ симъ неоднократно отъ обнаженія войскъ непріятныя происшествія въ 1773 и 1774 годахъ. Сіи и еще нѣкоторые подобные имъ случаи обязываютъ усугубить попеченіе, чтобы не обнажать ни въ какое время оныя линіи, но и не учинить же подобно кавказской, гдѣ въ послѣднюю шведскую войну находилось войска преизбыточно и понапрасну, а въ Финляндіи, въ то самое время, великій въономъ недостатокъ. Таковые для отдаленнѣйшихъ предѣловъ корпусы существовали, но разными частными реформами весьма ослаблены, и взятые

[1]) Въ семъ видѣ нѣкоторыя имѣнія по Днѣстру и были уже торгованы въ казну.

изъ Сибири полки Селенгинскій и Томскій никогда назадъ не возвратились.

632.

Число войскъ по послѣднимъ штатамъ Екатерины II.

Число полковъ.		Число людей.
5	Кирасиръ	5.549
17	Карабинеръ	16.352
11	Драгунъ	20.702
2	Гусаръ	3.516
4	Конныхъ егерей	7.352
11	Легкоконныхъ	11.517
9	Польской конницы	14.115
1	Конныхъ гренадеръ	2.002
6	Регулярныхъ казаковъ	9.429
	Нерегулярныхъ казаковъ	69.216
14	Гренадеръ	52.021
59	Мушкетеръ	155.513
10	Егерей	39.902
4	Польской пѣхоты	5.808
3	Въ Бѣлорусскихъ хоругвахъ	644
	Всего	413.673

Вообще:	Число людей.
Пѣхоты	253.249
Конницы	81.779
Казаковъ	78.645
Артиллерійской и инженерной команды	39.101
Гарнизонныхъ батальоновъ	82.303
Статныхъ командъ	22.027
Инвалидъ, школьниковъ	24.735
Итого	581.839

633.

Содержаніе арміи въ 382.960 человѣкъ по штатамъ Павла I.

		Рубли.	Копѣйки.
Комиссаріатъ:			
на жалованье		9.909.979	$6^1/_4$
на всѣ прочія издержки		14.092.056	$4^2/_3$
Гвардія		640.954	$75^1/_2$
Провіантская:			
остальныхъ	1.902.856		
подать на содержаніе подъемныхъ . . .	1.995.500		
вдобавокъ къ симъ суммамъ	11.319.894		
всего		15.218.250	
На артиллерію		1.123.046	
На инженеровъ		156.371	
Итого, не считая копѣекъ . .		41.141.656	

XXI.

СОЛЬ И ВИНО

ВЪ XVIII ВѢКѢ.

634.

Записка о соли.

Соль есть произведеніе природы, столь же почти необходимое для пищи, какъ и хлѣбъ. Сего ради правительство прилагало великое попеченіе, чтобъ недостатка въ оной не было; сіе попеченіе тѣмъ нужнѣе, что соль не вездѣ находится и доставка оной бываетъ изъ весьма дальнихъ мѣстъ. Соль также есть предметъ важный для правительства, которое съ онаго получало важный доходъ. Все сіе понуждало правительство дѣлать разные опыты, чтобъ согласить продовольствіе народа безъ отягощенія онаго съ выгодами для казенныхъ доходовъ. Къ достиженію сей цѣли были слѣдующія предпріятія:

I. Соль была отдана на откупъ.

Отягченіе народное, со всякимъ откупомъ неразлучное, и малый доходъ отъ такого предпріятія, пользы, въ виду правительствомъ имѣвшейся, не достигли, ибо всегда откупщикъ старается платить казнѣ какъ можно меньше, а собрать съ народа какъ можно больше. Изъ сего послѣдствіемъ всегда было и будетъ отягченіе народу и доходамъ казеннымъ ущербъ. Почему правительство учинило второй опытъ—

II. Соль была отдана въ вольную продажу съ платежемъ подати на каждый пудъ.

Сіе послѣдовало въ 1727 году, 29-го мая, и того же года, 31-го декабря, вышелъ уставъ, сколько кому изъ соляныхъ промышленниковъ ставить соли и какъ собирать сію наложенную подать, въ чемъ самое величайшее состояло затрудненіе. Установлены таможни и всевозможныя предосторожности были взяты, но сего не удалось:

1) тайныхъ подвозовъ и провозовъ мимо таможенъ никакъ не можно было остановить, ни стачекъ купцовъ съ сборщиками, дѣлящими доходъ, казнѣ слѣдующій, между собою;

2) сборъ на мѣстѣ отпуска тому же нашелся подверженъ неудобству: отпускъ соли всегда былъ несравненно больше, нежели показано по книгамъ, и пошлина за сію лишнюю шла въ раздѣлъ, а чѣмъ оная больше будетъ, тѣмъ паче утайка увеличится;

3) содержаніе сборщиковъ казнѣ стоило издержекъ и чѣмъ болѣе ихъ число, тѣмъ только умножается утайка и тѣмъ убыточнѣе казнѣ;

4) купцы, соль торгующіе, чинили великія притѣсненія народу и продавали соль вдвое, втрое и больше противу настоящей ея цѣны. Соль есть товаръ необходимой нужды; какъ скоро его мало на торгу, то всякій, опасаясь лишенія онаго, бросается его покупать и купить больше, нежели требуетъ настоящая нужда; сіе стеченіе народа, сія хватка, даетъ купцу удобность возвышать цѣну и требовать за свой товаръ что хочетъ, и ему неправедно наложенную цѣну даютъ, чтобъ нужнаго не лишиться. Купецъ, спрятавъ свой товаръ, выставляетъ онаго малую часть и устрашаетъ покупающихъ разсказами, что скоро вовсе не будетъ;

5) заведеніе запасовъ казенныхъ ни къ чему не послужило, потому что приставы тайно продавали соль купцамъ, дѣля съ ними барыши, разными образами и притѣсненіями не давали покупать приходящимъ къ магазинамъ, а въ книги проданную купцамъ соль заносили какъ бы въ народѣ распущенную, и сіи запасные магазины злу сему помощи не только не принесли, но паче еще оное усугубляли. Всѣ сіи злоупотребленія дошли до правительства и пресѣчены новымъ постановленіемъ—

III. Соль отдана въ продажу изъ казны.

Сіе произведено указомъ 1731 года, 5-го іюля, коимъ всю соль, имѣющуюся у купцовъ, повелѣно взять въ казну, съ заплатою, что имъ по закону слѣдовало за оную получить, и

запрещено частнымъ людямъ торговать солью. Учреждена Соляная Контора, потомъ Главною именованная; во всѣхъ городахъ построены магазины, соль отдана въ вѣдѣніе магистратовъ и была на отвѣтѣ и отчетѣ всего купечества. Присмотръ за солью и за продажею оной имѣлъ Ларечный Голова, выбираемый изъ купечества; подъ нимъ цѣловальниковъ, сколько было потребно для отпуска нуждающимся соли, коихъ также выбиралъ магистратъ изъ мѣщанства, изъ такихъ людей, на коихъ положиться было можно и въ случаѣ утраты можно было взыскать убытокъ. Но какъ никакое установленіе не можетъ быть совершеннымъ и чтобъ злоупотребленіе не вкралось въ оное, то издаваемы были по временамъ указы, прекращающіе оное. Замѣчанія достойны: указъ того же года, 10-го августа, коимъ повелѣно при ларяхъ соляныхъ имѣть казенные вѣрные вѣсы, подъ присмотромъ особенно старосты—на сихъ вѣсахъ каждый, купившій соль, могъ повѣрить, не сдѣлано ли ему обвѣсу цѣловальникомъ, и въ случаѣ обмана приносилъ жалобу воеводѣ или въ магистратъ, за что цѣловальникъ тотчасъ былъ наказываемъ при всенародно, и многіе указы, чтобъ соль продавалась чиста, безъ подмѣси песку или грязи, или иного посторонняго вещества, за что также отвѣтствовали ларечный староста и цѣловальники, почему магистратъ нечистой соли отъ поставщиковъ не принималъ и сіи поставщики также нечистой соли изъ соляныхъ магазиновъ принимать не смѣли. Наконецъ, по многочисленнымъ опытамъ, 1754 года, 29-го іюля, положены усычка и утечка, которыя основаны на самой натурѣ соляного вещества, и пропорція оныхъ положена, по многимъ испытаніямъ, сходно съ правдою. Подъ симъ распорядкомъ продажа соли продолжалась къ великому облегченію народа, никогда въ соли не терпящаго нужды, и казна никакого ущерба, стоющаго вниманія, не получала. Наконецъ,

IV. Соль въ продажу отдана солянымъ приставамъ.

Указомъ 1781 года, 16-го іюля, соль отъ вѣдѣнія магистратовъ отошла въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ; на оныя возложено, вслѣдствіе указа 1780 года, 1-го февраля, чтобы во

всѣхъ городахъ имѣть двухгодовой запасъ соли. Сіе предложеніе было исполнено и при соляныхъ магазинахъ, вмѣсто головъ ларечныхъ, установлены чиновники офицерскихъ чиновъ подъ названіемъ соляныхъ приставовъ, и прочій распорядокъ, въ уставѣ о соли изображенный.

Изъ сего вышли многія злоупотребленія, которыя наилучше усмотрятся, сравнивая сіе положеніе съ предыдущимъ, когда соль была въ вѣдѣніи магистратовъ:

1) Соль была въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ, подрядчики долженствовали подряжаться на перевозку оной въ палатахъ, отъ сего произошло злоупотребленіе, что подрядчики должны были дарить тѣхъ, отъ кого сей подрядъ зависѣлъ.	1) Сего злоупотребленія вывести не можно; но оное можетъ быть сдѣлано нечувствительнымъ, если пріемка соли не будетъ подвержена злоупотребленіямъ, тогда и давать будетъ не за что.
2) Пріемъ соли ввѣренъ одному соляному приставу, который зависитъ совершенно отъ казенной палаты, почему: а) поставщикъ если подъ покровительствомъ начальниковъ, то приставъ ему порабощенъ и долженъ принимать такую соль, какую бы не принялъ; б) если поставщикъ подкупитъ пристава, случится тоже, что приметъ всякую соль; в) вощикъ и поставщикъ дорогою продаютъ соль гораздо дороже казенной продажи, во время недостатка оной, съ приставомъ дѣлятъ барышъ и сумму, за провозъ ими полученную, и получаютъ квитанцію полную; г) сіе при-	2) Когда соль состояла на отвѣтѣ всего купечества и подъ вѣдѣніемъ присутственнаго мѣста, магистрата, сего злоупотребленія быть не могло, ибо: а) палата магистрату приказать не можетъ, какъ можетъ приказать приставу потворить откупщику; б) вощикъ или поставщикъ не можетъ сладить съ магистратомъ, тѣмъ менѣе со всѣмъ купечествомъ, почему соль долженъ былъ отдавать чистую и въ полномъ количествѣ, и не смѣетъ продавать ее дорогою; в) почему нѣтъ нужды притѣсненіемъ отгонять крестьянъ отъ ларей соляныхъ,

чиняетъ притѣсненіе крестьянамъ: не даютъ имъ, сколько требуютъ, а половину или четвертую долю требованія ихъ, затѣмъ, чтобы въ книгахъ наверстать недовезенное количество; д) сіе зло причиняетъ другое: притѣсненный крестьянинъ въ городъ за солью не ѣдетъ, а покупаетъ оную у прасоловъ, по деревенскимъ торгамъ, вдвое и болѣе, нежели платить долженъ по таксѣ. Сіи прасолы дѣлятъ съ приставомъ барыши свои и они, да дворяне токмо и могутъ получать изъ магазиновъ по указной цѣнѣ.

а напротивъ, въ томъ выгода, чтобъ больше оной расходилось; г) изъ сего слѣдуетъ, что прасоламъ невыгодно торговать солью, которую дешевле можетъ всякій купить въ городѣ; сверхъ того, цѣловальники сами ѣздили по торгамъ и продавали соль изъ небольшой для себя выгоды.

3) Въ случаяхъ недочета или похищенія казенныхъ денегъ соляными приставами, казна понесла немало убытковъ.

3) Сего убытка быть не можетъ, когда магистратъ и все купечество отвѣчаетъ за вырученныя деньги и за капиталъ соляной — доходы поступаютъ регулярно и вѣрно и утраты быть не можетъ.

4) Притѣсненія, вощикамъ и поставщикамъ соляными приставами чинимыя, дабы получить отъ нихъ срывы, возвысили цѣны на поставку соли, ибо соляной приставъ: а) бракуетъ соль, назвавъ ее нечистою; б) обвѣшивать можетъ фурщиковъ и вощиковъ, въ чемъ на него суда нѣтъ и по-

4) Сего притѣсненія быть не можетъ подъ вѣдомствомъ магистратовъ, ибо а) вощики на голову принесутъ жалобу въ магистратъ или полицію и получатъ управу; б) браковать неправильно соль невозможно, ибо всегда выбираются купцы для пріема соли, которые смотрятъ за головою; в) обвѣши-

вѣрки; в) невыдачею денегъ, вощикамъ за провозъ слѣдуемыхъ, подъ разными предлогами занятія, отлучки, болѣзни и проч.; г) заставлялъ вощиковъ работать на себя, на что согласиться должны для полученія квитанціи и денегъ. Сіи задержки иногда продолжаются недѣль шесть, отчего фурщики въ Украйнѣ часто разоряются.

вать фурщиковъ и вощиковъ невозможно, ибо повѣрка на вѣсы тотчасъ можетъ быть произведена; г) деньги выдаетъ самъ магистратъ, то и невозможно быть имъ задержаннымъ ибо сія задержка усмотрится по журналу и магистрату отзываться нечѣмъ; д) вощиковъ заставлять работать на себя некому, притомъ сего купечество и городничій не потерпять; е) квитанцію даетъ магистратъ, по рапортамъ ежедневнымъ о пріемѣ соли, слѣдственно большой проволочки быть не можетъ.

5) Усычка и утечка отмѣнена уставомъ о соли; но оная дѣйствительно существуетъ, изъ сего вышли многія злоупотребленія: а) соляной приставъ самимъ закономъ принужденъ красть, чтобы дополнить сію усычку и утечку, и многіе честные пристава отъ сего понесли разореніе, за то именно, что красть не рѣшались; б) недостатокъ сей иначе дополнить было не можно, какъ подмѣшивая песку или земли въ соль и в) обвѣшивая народъ, сперва понемногу, а потомъ отпуская за пудъ 30 фунтовъ; повѣрить же соляного пристава

5) Магистрату не можно будетъ взять на себя продажу соли, если не будетъ возобновлено постановленіе о усычкѣ и утечкѣ; также невозможно прекратить обвѣса, если не будутъ возобновлены вѣсы казенные для повѣрки на оныхъ отпускаемой соли.

негдѣ, ибо бывшіе особенные вѣсы уничтожены.

6) Сія необходимость соляныхъ приставовъ замѣнять усычку и утечку разными подлогами и обманами покупающихъ удалила отъ сей должности всѣхъ людей, коимъ совѣсть воспрещала впуститься въ такой оборотъ; достаточные также стали убѣгать сей должности, подвергающей лишенію имущества, и въ приставы принуждены были принимать такихъ, которые принимали оную съ тѣмъ, чтобы нажиться. Сего же учинить нельзя иначе, какъ платя оброкъ начальникамъ, дабы дѣла ихъ были закрыты и притѣсненію народному была понаровка, отъ чего всѣ вышепомянутыя злоупотребленія содѣлались всеобщими. Обиженный крестьянинъ, ремесленникъ и всякаго низкаго состоянія человѣкъ не смѣетъ спорить съ приставомъ, имущимъ иногда штабъ-офицерскій чинъ, дабы не быть биту, сверхъ потери своихъ денегъ: онъ не имѣетъ мѣста, гдѣ бы могъ повѣрить вѣсъ отпущенной соли и уличить обманъ; не можетъ найти суда, понеже городничій и полиція, бывъ непремѣнно нужны

6) Сего притѣсненія народнаго быть не можетъ въ управленіи магистратомъ, понеже голова ларочный не чиновный и крестьянинъ или инаго низкаго состоянія человѣкъ ему бить себя не позволитъ, найдетъ неминуемо управу, если его обманутъ, или въ магистратѣ или у городничаго и въ полиціи, тѣмъ паче, что городничему невозможно сладить съ магистратомъ, дабы терпѣть злоупотребленія; а съ головой ларечнымъ нѣтъ никакой пользы; слѣдственно обиженный тутъ же на мѣстѣ получитъ защиту и удовлетвореніе, и имѣетъ охранителями магистратъ и полицію; а нынѣ не имѣетъ защиты никакой—дѣло между такого класса людей разбирается словеснымъ судомъ, а съ приставомъ иначе нельзя судиться, какъ въ уѣздномъ судѣ. При томъ учрежденіе вѣсовъ для провѣрки продажи есть улика обвѣсу, а свидѣтельство купечества и полиціи есть улика подмѣси, почему ни тому, ни другому не сыщется мѣста въ судѣ.

*

приставу, имъ задобрены и дѣйствуютъ за одно. Сверхъ того, соляной приставъ городничему не подсуденъ и отъ него независимъ, то, если и дѣйствительно найдетъ притѣсненія, городничій, изслѣдовавъ, отошлетъ въ судъ, гдѣ крестьянина затаскаютъ, содержа его въ городѣ отнимутъ время отъ работъ и разорятъ его въ корень, что крестьянами было опытомъ извѣдано; они лучше хотятъ лишиться нѣсколькихъ рублей, чѣмъ лишиться имущества, терпятъ убытки и не жалуются.

7) Когда начальникъ принужденъ подмѣшивать и обвѣшивать, то сидѣльцамъ или цѣловальникамъ сего воспретить не можетъ; они къ его подмѣси еще прибавятъ своей и къ обвѣсу, имъ самимъ положенному, надбавятъ и для себя. Получая число пудъ соли, чтобъ изъ нее сдѣлать больше извѣстное количество, напримѣръ, изъ 8-ми чтобы вышло 10-ть, они вѣрно изъ 8-ми навѣшаютъ 12-ть.

7) Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что сего злоупотребленія быть не можетъ, тѣмъ паче когда и самые цѣловальники избираются магистратомъ изъ хорошихъ мѣщанъ. Можетъ статься, что малаго количества и не будетъ доставать въ пудѣ, $^1/_4$ или $^1/_2$ фунта, но за симъ никто не погонится, и самъ покупщикъ даетъ пятакъ цѣловальнику, чтобъ вѣрно только вѣсилъ.

8) Великое злоупотребленіе выходитъ отъ начальства, опредѣляющаго, чтобъ продавать только назначенное количество

8) Таковаго приказанія магистратамъ сдѣлать невозможно и никто не осмѣлится; притомъ всякой недостатокъ соли, отъ

соли. Хотя сіе совершенно противу закона, но дѣлается для того, чтобы испугать народъ и увѣрить, что въ соли недостатокъ, дабы возбудить его стеченіе, отказывать многимъ и симъ еще паче привести его въ смятеніе. Симъ средствомъ пользуются приставы: а) отпуская прасоламъ, которые продаютъ дороже, б) обвѣшивая крестьянъ, в) сорную соль спуская съ рукъ, и г) выдавая количество меньше требуемаго, на что никакой нѣтъ препоны.

9) Для предупрежденія сего недостатка указъ 1780 года, повелѣвающій, чтобъ былъ всегда двойной запасъ соли, весьма хорошъ; года въ четыре или въ пять лѣтъ можно будетъ паки наполнить всѣ магазины, какъ было прежде.

невыставки оной, магистратъ не потерпитъ, и если палата не приметъ мѣръ къ отвращенію сего недостатка, магистратъ не захочетъ за то отвѣтствовать и отнесется въ Сенатъ, почему и зло сіе попущено не будетъ или скоро будетъ отвращено.

9) Къ сему только прибавить можно: дабы соль въ перевозкѣ сухимъ путемъ не пылилась, а въ перевозкѣ водою не такъ намокла, вмѣсто того, что возятъ ее въ куляхъ, возить въ бочкахъ или ящикахъ. Бочки сіи дѣлаться могутъ и еловыя, очень простыя, такія какъ на сахаръ, миндаль и пр.; бочка должна содержать около 25 пудовъ соли; при отпускѣ въ магазины, не токмо на усычку и утечку, но должно еще на пудъ по одному фунту положить на походъ.

635.

О винномъ откупѣ и винокуреніи.

Всякая монополія вредна; разорительна же, если оная наложена на нужныя къ употребленію вещи. Винный откупъ есть монополія сего рода: отъ беднѣйшей части народа вытягивая послѣднюю копейку, не токмо многія семейства оставляетъ безъ пищи, одежды и самонужнѣйшаго къ содержанію, но есть виною великаго числа недоимокъ въ податяхъ государственныхъ, которыя, бывъ пропиты на кабакахъ, въ казну не поступаютъ. Хотя откупъ съ тѣмъ и отдается, чтобъ составить казнѣ вѣрный доходъ, однако же недоимки, дѣлаемыя откупщиками, очень знатны и, несмотря на всѣ предосторожности, пропадаютъ по большей части на откупщикахъ. Плата за кабаки и выставки есть только средство собирать подать. Если перемѣня методъ сбора, сей сборъ умножится, а народъ и собственникъ чрезъ то выиграютъ, тогда казнѣ несравнено выгоднѣе будетъ и государству легче. Притомъ, если недоимка превосходитъ въ нѣсколько кратъ имущество должника, то долгъ сей неуплатимъ и для казны потерянъ; если же, напротивъ, недоимка меньше въ нѣсколько кратъ имущества должника, то оная взыщется не трогая даже капитала, но съ доходовъ однихъ, и казна никогда не потеряетъ. Слѣдовательно, казнѣ несравненно выгоднѣе не ввѣрять въ однѣ руки великихъ сборовъ, а оные сборы отдать въ раздробь, ибо симъ самымъ всякая недоимка, сдѣлавшись меньше имущества должника, уменьшится и будетъ незначущая, то-есть не будетъ отъ недоимки потери никакой. Сверхъ того, отдача сборовъ винныхъ въ раздробь казнѣ выгоднѣе потому, что на малое число у всякаго почти сыщется достаточный залогъ, а на огромныя суммы и у самыхъ богачей онаго не достанетъ. Слѣдственно, охотниковъ получить барыши, съ симъ сборомъ сопряженные, будетъ больше, соперничество ихъ возвысить цѣну и покажетъ самое истинное достоинство каждаго кабака и выставки, ко-

торое таить откупщику необходимо, дабы заплатить казнѣ сколь можно меньше, а себѣ собрать сколько можно больше.

Отдавая кабаки одному откупщику, оные симъ главнымъ откупщикомъ дробятся; онъ раздаетъ по уѣздамъ, получая 10, 20, 30, 40 и болѣе тысячъ за каждый. Снявшій уѣздъ паки раздробляетъ по дистанціямъ и сумму имъ заплаченную собираетъ съ оныхъ, выгадывая еще и себѣ барышъ. Не рѣдко самыя дистанціи раздаются по кабакамъ и еще дробятся, такъ что послѣдній перекупщикъ платитъ всю сумму откупную казны и всѣ суммы въ барышъ сдатчикамъ слѣдующія; сверхъ того и самъ получаетъ барыши, но сіи сдатчиковъ барыши суть чистая потеря для казны—она бы получила ихъ, еслибы прямо отъ себя отдавала кабаки въ послѣдніи руки. А изъ сего ясно, что казна получитъ вдвое или втрое, раздавая кабаки въ раздробь; хотя получить въ наддачу и половину сложности нынѣшняго откупа, то и тогда бы, конечно, доходъ ея умножился больше, нежели сколько откупщики наддать могутъ.

Всѣ издержки откупщика платитъ народъ, всю его трату и пр., но казна отъ сего сбора съ народа ничего не получаетъ. Сіи издержки суть:

1) расходы по присутственнымъ мѣстамъ;

2) издержки чтобы получить откупъ, какъ то заплата за души въ залогъ предлагаемыя, сдѣлки и пр.;

3) издержки на содержаніе людей, лошадей и пр.;

4) покупка вина, усычка, утечка, разливка, порча бочекъ, перевозка ихъ и др. мелочи;

5) порча и ремонтъ всего нужнаго для откупа;

6) издержки при самой сдачѣ откупа;

7) свой собственный прожитокъ, пирушки, потчиванье и пр., и

8) барыши, кои еще выручить должно.

Изъ сего исчисленія очевидно, что большая часть сборовъ съ народа идетъ на удовлетвореніе сихъ излишествъ при сборѣ, а самая малая часть достается въ казну. При этомъ очевидна истина, что сборъ самъ по себѣ можетъ быть необременнте-

лепъ, но образъ, какимъ оный собирается, можетъ разорить народъ и погубить государство.

Нѣтъ нужды входить въ злоупотребленія, происходящія отъ откупа. Всякому извѣстно, что отъ самаго откупщика до послѣдняго цѣловальника, все живетъ на счетъ народа, или насилуя, или обманывая оный; во всѣхъ кабакахъ вино подмѣшано и иногда, по глупости и невѣжеству, подмѣси бываютъ вредныя; чинятся выемки, подставы, грабежи на дорогахъ разъѣздчиками, иногда смертоубійства и пр. Но нужно сказать, что весьма полезно правительству взять методу, пресѣкающую всѣ сіи злоупотребленія, сдѣлавъ ихъ ненужными, безполезными, вредными, невозможными и собственному интересу противными—тогда оныя безъ всякаго насилія прекратятся.

Дабы достичь желаемаго должно представить себѣ, какого рода кабаки существуютъ. Хотя можно сказать, что всякій кабакъ имѣетъ свои особенныя выгоды и невыгоды, но нѣтъ возможности каждый кабакъ опредѣлить отдѣльно; поэтому должно взять общій родъ кабаковъ, кои могутъ быть раздѣлены, прежде всего, на три рода: городскіе кабаки, на ярмаркахъ и сельскіе.

1-е) *Городскіе кабаки.* Въ городахъ кабаки различны: одни находятся на мѣстахъ, гдѣ бываютъ торги ежедневные или временные, другіе на мѣстахъ сборныхъ при игрищахъ, горахъ, качеляхъ и проч., иные на мѣстахъ проѣзжихъ, иные въ мѣстахъ болѣе или менѣе глухихъ. Кабаки на мѣстахъ сборныхъ можно почитать въ одномъ классѣ съ кабаками ярмарочными.

2-е) *Кабаки на ярмаркахъ.* На ярмаркахъ въ селеніяхъ и маленькихъ городахъ по спискамъ иногда видѣнъ одинъ кабакъ, прочее все помяновано выставками. Сіи кабаки въ сложности не значущи, но откупщику приносятъ наибольше барышей. На торгахъ сельскихъ полагаются выставки также и въ престольные праздники; но сіи выставки лучше кабака иногда бываютъ.

3-е) *Сельскіе кабаки.* Кабаки и выставки въ селеніяхъ

бываютъ одни другихъ выгоднѣе; тамъ, гдѣ бываютъ торги выгоднѣе, нежели въ мѣстахъ, гдѣ оныхъ не имѣется, тамъ, гдѣ постоялые дворы и большія проѣзжія дороги выгоднѣе, чѣмъ на проселочныхъ и т. д., ибо вся выгода кабака въ томъ, что кромѣ мѣстныхъ потребителей бываютъ въ немъ посторонніе.

Изъ всего вышесказаннаго ясно усмотрѣть можно, какія мѣры взять должно при нынѣшнемъ откупѣ, чтобы безъ всякаго опасенія избѣжать всѣхъ неудобствъ отъ откупа чувствуемыхъ, и чтобъ, отнявъ у способа собирать подать на вино всѣ злоупотребленія, притѣсненія народа и невыгоды казенныя, отдать его для казны выгоднѣе, а для народа съ бо́льшимъ облегченіемъ. Для достиженія сей цѣли должно запретить всѣ торги на цѣлую губернію, на цѣлый уѣздъ и даже на какую либо дистанцію, а повелѣть торговаться:

Во-первыхъ. Въ селеніяхъ, на каждое селеніе особо, такъ что ежели къ кабаку въ одномъ селеніи приписацы выставки, въ иныхъ селеніяхъ состоящія, то не позволять торговаться на кабакъ сей совокупно съ его выставками, но на кабакъ особенно и на каждую выставку дѣлать особые торги. Сіи выставки суть сущіе кабаки, и иная такая выставка лучше кабака. Такимъ образомъ всякая выставка и кабакъ опредѣлительно покажутъ свое достоинство и сумму, какую дѣйствительно казнѣ платить могутъ. Если въ самомъ селеніи, гдѣ находится кабакъ, имѣются торги, ярмарки, престольные праздники и при оныхъ положены выставки, то сіи временныя въ шалашахъ выставки, въ самомъ селеніи, а не внѣ онаго, должны отдаваемы быть съ кабакомъ неразлучно.

Въ селеніяхъ помѣщичьихъ кабаки и выставки предоставлять самимъ помѣщикамъ, если они согласятся взять на себя платить ту сумму, которая состоялась на торгахъ. Само селеніе ихъ есть вѣрный залогъ вѣрности уплаты и взноса денегъ въ казну. Такое положеніе выгодно крестьянамъ, коихъ помѣщикъ щадить будетъ для собственныхъ своихъ выгодъ, чтобы ихъ не разорить, до чего, конечно, постороннему нѣтъ нужды; выгодно и самому помѣщику, ибо онъ не будетъ имѣть

наго хозяина въ своей собственности. Сборъ съ народа симъ самымъ сдѣлается самымъ легчайшимъ, какимъ только можетъ быть.

Въ селеніяхъ казенныхъ кабаки и выставки остаться должны на четыре года откупа тому, за кѣмъ по торгу оныя состоялись. Въ теченіе сего времени можно будетъ взять мѣры, чтобы впредь сіи кабаки и выставки были отданы самимъ селеніямъ, на основаніи, подобномъ городскому, такъ, чтобы жители платили весь сборъ, казною получаемый, а свой кабакъ или выставку отдавали по договору, для нихъ выгоднѣйшему; а между тѣмъ предоставить имъ право снабдѣвать себя нужнымъ виномъ гуртовою покупкою съ заводовъ, въ томъ случаѣ, когда содержатель будетъ ихъ притѣснять. Въ случаѣ же, если сей содержатель вздумаетъ отказаться подъ предлогомъ убытковъ, тогда кабакъ или выставку отдать въ содержаніе того селенія на вышесказанномъ правѣ, чѣмъ и казна, и жители будутъ удовлетворены. Сіи условія крестьянъ съ содержателемъ должны быть записаны въ уѣздномъ судѣ, гдѣ стряпчій уѣздный долженъ смотрѣть, чтобы ихъ въ семъ условіи не обманули, за что и отвѣтствовать долженъ. При томъ запрещается всякому въ уѣздѣ или въ губерніи въ службѣ находящемуся быть содержателемъ кабака или выставки въ селеніи казенномъ, подъ своимъ или чужимъ именемъ, также и родственникамъ служащихъ, дабы не было притѣсненія.

Дворянинъ въ своемъ единственно владѣніи, имѣющій въ содержаніи кабакъ или выставку, имѣетъ право принять въ оный прикащика или повѣреннаго со стороны, на условіяхъ, какія себѣ найдетъ полезными, которыя, какъ всѣ условія, должны быть явлены въ судѣ; онъ можетъ вовсе не продавать вина, платя сумму на кабакъ или выставку наложенную. Но если кабакъ или выставка находится въ такомъ селеніи, гдѣ разные помѣщики владѣніе имѣютъ, тогда всякій владѣлецъ имѣетъ право на продажу въономъ вина, чего ради сумма, по наддачѣ состоявшаяся, должна быть раздѣлена на паи, по количеству имущества каждаго въ селеніи: у кого больше, тотъ

имѣетъ больше и участія, и платитъ больше. Напримѣръ: три помѣщика въ селеніи, у одного 100 душъ, у другого 50, а у третьяго 20, то участіе должно дѣлиться такъ, чтобы часть послѣдняго составляла пятую часть перваго, а часть второго — половину. Если кто не захочетъ платить въ казну за свой пай, тотъ не можетъ и вина курить, но можетъ сдать свою часть тому, кто пожелаетъ оную взять изъ желающихъ содержать выставку или кабакъ того селенія; въ случаѣ несогласія всѣхъ, отдается откупщику, и никто изъ нихъ вина курить не можетъ. Съ согласія помѣщиковъ, кабакъ или выставка можетъ быть отдана на содержаніе одному изъ участвующихъ, или изъ постороннихъ, на условіяхъ, какія они сами постановятъ. Если кабакъ или выставка будетъ въ селеніи, гдѣ казенные крестьяне смѣшаны съ помѣщичьими, тамъ кабакъ или выставка остаются казенными, и когда оные будутъ отданы селенію, тогда селеніе будетъ располагать оными, какъ выше сказано. Можно быть увѣрену, что сосѣдъ-помѣщикъ всегда будетъ содержателемъ подобныхъ питейныхъ домовъ; а какъ оныхъ нельзя пріобрѣсти иначе, какъ на выгодныхъ для крестьянъ условіяхъ, то о семъ заботиться много нѣтъ нужды, только должно ограничить время, на сколько сіи кабаки и выставки отдавать. Самое лучшее для сего есть опредѣлить, чтобы сроки сіи были отъ выбора до выбора, то-есть на три года, дабы поступившіе въ должности не могли брать сихъ кабаковъ на содержаніе. Также необходимо опредѣлить, чтобы крестьянамъ, евреямъ и священнослужителямъ не было дозволено быть содержателями кабаковъ или выставокъ.

Можетъ быть, нѣкоторые усумнятся, чтобы при таковомъ расположеніи кабаки могли платить откупную сумму; многіе, особенно же откупщики, чтобы удержать за собою прибыли отъ того получаемыя и выманить у казны кондиціи, народу паче первыхъ притѣснительнѣйшія, станутъ нарочно кричать, что винные сборы умалятся. Но кто опытомъ знаетъ сіе дѣло, тому извѣстно, что симъ средствомъ винная продажа производилась, производится и оной иначе производиться нельзя. Раз-

ница только въ томъ, что содержатели кабаковъ и выставокъ получать оные изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ, платя втрое или вчетверо противу сложности казенной, а нынѣ, получая прямо изъ казны, получать оные дешевле, а казна получитъ бо̀льшую часть суммы на перекупъ употребляемой. Слѣдственно, наддача превзойдетъ чаяніе, и, конечно, никто себѣ въ убытокъ кабака или выставки не возьметъ, что и будетъ служить доказательствомъ лжи обыкновенной откупщикамъ и несправедливости жалобы ихъ, будто они отъ откуповъ разоряются. Наконецъ, правительству всегда остается въ ресурсѣ средство раздать кабаки гуртомъ, если въ розницу дадутъ меньше нынѣшняго дохода; но, раздавъ оные гуртомъ, правительство лишаетъ себя средства раздать оные въ раздробь. Всякій испытавшій знаетъ, что гуртовая продажа ведрами бываетъ рѣже, потому что крестьянинъ и ремесленникъ не всегда имѣетъ столько денегъ, чтобы купить ведро, но у него всегда сыщется пятакъ или гривна, чтобы снести въ кабакъ. Хотя продажа вольная въ Малороссіи и въ шинкахъ вино дороже, однако, шинки приносятъ больше прибыли, нежели продажа гуртовая.

Во-вторыхъ. Кабаки на ярмаркахъ, бываемыхъ внѣ селеній и городовъ, каковы суть Макарьевская, Коренная и др. большія и малыя. Если на такой ярмаркѣ положенъ одинъ кабакъ съ выставками, то невозможно дробить раздачу выставокъ и кабака поодиночкѣ, ибо они въ одномъ мѣстѣ и изъ сего выйдетъ ущербъ не только снимающимъ сей сборъ, но и самой казнѣ. Если ярмарка велика и много кабаковъ и выставокъ, все же неудобно отдавать ярмарочные кабаки въ раздробь; сборы съ питей на ярмаркахъ внѣ селеній необходимо отдавать на откупъ въ однѣ руки. Иное на ярмаркахъ въ самыхъ городахъ: нынѣ откупщикъ содержащій городъ одинъ и располагаетъ онъ свои кабаки и выставки на ярмаркѣ какъ хочетъ; но по новому положенію сего сдѣлать невозможно, потому что кабаки могутъ быть въ разныхъ рукахъ. Слѣдственно, сборъ на ярмаркѣ, яко сборъ случайный, долженъ

отдаваться съ торговъ самимъ содержателямъ кабаковъ или посторонним кто больше дастъ, но новыхъ или особенныхъ кондицій не дѣлать. Городская дума всѣмъ до ярмарки касающимся распоряжать долженствуетъ. Если же въ городѣ одинъ кабакъ, то и ярмарочный сборъ присвояется сему кабаку и отдается вмѣстѣ съ онымъ.

Въ-третьихъ. Кабаки и выставки въ городахъ должны отдаваться каждый кабакъ особо и каждая выставка особо, не дозволяя никакъ смѣшивать кабакъ и выставки въ одну сложность, потому что подъ названіемъ выставки идутъ все чистые кабаки и часто выставка есть самый главный кабакъ. Кабаки на мѣстахъ, гдѣ производится торгъ, высылаютъ во время онаго шалаши и дѣлаютъ выставки на торгу, на что яснаго нѣтъ закона; поэтому-то и нужно опредѣлить: позволять-ли такія выставки или запретить. Если оныя позволить, то само дѣло показываетъ, что оныя принадлежатъ кабаку, на торговомъ мѣстѣ находящемуся. Случайные кабаки и выставки, на гуляньяхъ, въ собраніяхъ народа, при церквахъ гдѣ престольный праздникъ, при качеляхъ, горахъ и проч., должны слѣдовать правиламъ ярмарокъ и отдаваться особо. Тогда, таковымъ образомъ, торгомъ обнаружится доброта и цѣна всякаго кабака, выставки и всякаго сбора съ питей; тогда правительство въ состояніи будетъ предпринять мѣры и содѣлать изъ сего постоянный и опредѣленный доходъ.

Въ городахъ всѣ кабаки и выставки отдать въ вѣдѣніе магистрата и купечества, чтобы оное отвѣтствовало за точный вносъ всей суммы, за каждый кабакъ и за каждую выставку, ограничивая содержателя въ тѣхъ условіяхъ, которыя онъ обязался хранить, и взыскивая съ него все должное въ казну и, въ случаѣ несправедливости его, чтобы поступлено было бы съ нимъ по законамъ. Этимъ пресѣкутся многія плутни, обманы, насильства и проч. По окончаніи сроковъ дума будетъ уже кабаки и выставки отдавать отъ себя, платя въ казну все то, что по первому торгу состоялось, отвѣчая сама за содержателей кабаковъ и выставокъ. Все, что казна издержи-

вать на приставовъ, погреба, подвалы и проч., должно сдать въ думу. Сіи издержки суть чистый барышъ, ибо вся сумма сія останется въ казнѣ. Дума должна снабжать городъ нужнымъ виномъ и распоряжаться всѣмъ до сего касающимся, и казнѣ въ сіе дѣло мѣшаться нѣтъ нужды, и должно только наблюдать:

а) чтобы сумма въ казну вносимая была выплачена въ положенные сроки;

б) чтобы не было притѣсненія обывателямъ;

в) чтобы не слишкомъ размножали шинки и выставки, и

г) чтобы не было недостатка въ винѣ.

Такимъ образомъ, винные сборы, бывъ приведены въ извѣстность, если нужно будетъ уничтожить какіе кабаки не выйдетъ изъ того казнѣ никакого ущерба и не подастся откупщику повода показать недоимку; всѣ неудобства по откупамъ въ расчетахъ прекратятся, и казна будетъ получать доходъ вѣрный, полный, бездоимочный, безъ всякихъ съ своей стороны издержекъ.

Продажу вина и иныхъ питей на торгахъ можно позволить гуртомъ, ибо симъ средствомъ безъ подряду кабаки снабдѣваться будутъ нужнымъ виномъ. Можно установить пошлину въ пользу городовыхъ издержекъ, на содержаніе разныхъ предметовъ и для способствія на уплату; но сія подать никогда не должна превышать 10 коп. съ ведра вина, ввозимаго въ городъ на продажу. Вино провозимое чрезъ городъ подати никакой не платитъ. Магистрату должно взять свои предосторожности, чтобы подъ видомъ провоза не было подвоза на продажу. Если спиртъ, вино или водка назначены въ выпускъ за море, тогда подать городскую платить должно, кромѣ того, что по тарифу за оное положено будетъ—ибо вино сіе продается въ городѣ.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что по селеніямъ кабаки и выставки будутъ управляемы и содержимы самими помѣщиками; слѣдовательно, уже невозможно имъ запретить винокуренія. Ибо только винокуреніемъ будутъ они въ состояніи

уплачивать вѣрно подать на нихъ налагаемую; притомъ для полученія сего права они наддадутъ гораздо больше на кабаки и выставки, нежели откупщикъ или посторонній наддать можетъ. Слѣдовательно, каждому помѣщику, снявшему кабакъ или выставку, должно дать полную свободу курить вино на своихъ дачахъ, дѣлать водки, гнать спиртъ и продавать оные въ раздробь въ своихъ кабакахъ, а гуртомъ, бочками и полубочками, въ городахъ на торгахъ и гдѣ найдетъ для себя выгоднымъ, кромѣ только мѣстъ и деревень иныхъ помѣщиковъ, которые имѣютъ то же право.

Крестьянамъ невозможно дозволить винокуреніе, потому что они неумѣренны въ своихъ страстяхъ, сопьются и причинятъ бездну безпорядковъ. Жидамъ закономъ запрещено вино курить и весьма праведно. Священному чину и монахамъ не пристойно заниматься симъ промысломъ и даже предосудительно. Мѣщанамъ и купцамъ также сего права предоставить не можно: они, бывъ жители городскіе, могутъ причинить великія бѣдствія въ городѣ отъ пожара. Слѣдовательно, винокуреніе удобнѣе всего можетъ производиться по деревнямъ и помѣщиками.

Но какъ, по прежде бывшимъ учрежденіямъ, заведены большія винокурни, на которыя издержаны знатные капиталы, было бы разорительно для собственниковъ сихъ винокурень, если бы позволить винокуреніе однимъ содержателямъ кабаковъ и выставокъ; притомъ нельзя отвѣчать, чтобы большіе города могли быть снабдены достаточнымъ количествомъ вина на ихъ расходы малыми заводчиками. Поэтому-то нужно согласить всеобщую свободу винокуренія съ интересами всѣхъ и изъ сего извлечь еще не малозначущую сумму для казны. Сіе средство есть слѣдующее:

1) Кто хочетъ курить вино, тотъ долженъ платить за сіе право въ казну; сія плата полагается съ ведра посуды въ соразмѣрности затора и выхода вина. Посуда должна быть измѣряема по наливку, или сколько дѣйствительно входитъ въ кубъ или казанъ браги или раки, чтобы можно было производить

сидку и имѣть мѣсто къ вскипѣнію. Расчетъ сей подати есть слѣдующій: 12 пуд. въ заторѣ даютъ около ста ведеръ браги и стоведерная посуда можетъ дать въ сидкѣ 6 ведеръ вина, коего выходитъ не меньше какъ изъ двухъ пудъ одно ведро отъ искусства выходитъ и больше. Но при семъ должно взять въ разсужденіе:

а) что при такой свободной продажѣ вина, кромѣ пѣннаго, никто покупать не станетъ; слѣдовательно, количество выхода, считаемаго на полугаръ, уменьшится;

б) если взять самый высокій выходъ, то налогъ будетъ отягчителенъ и превысить мѣру;

в) нѣтъ нужды казнѣ если кто искуственъ облегчить на него налагаемое; напротивъ, ей оное выгодно, потому что вѣрнѣе и охотнѣе будутъ платиться подати.

Винокуреніе продолжается 8 мѣсяцевъ или 240 дней, слѣдовательно стоведерная посуда дастъ 1440 ведеръ вина. Слѣдственно, удобно разложить подать вышепоминаемую, но она быть равною не можетъ, ибо тотъ, кто взялъ на содержаніе выставку или кабакъ, уже платитъ казнѣ, а тотъ кто не имѣетъ кабака ничего не платитъ. При томъ огромныя винокурни, высиживающія до нѣсколькихъ сотенъ тысячъ, хотя бы и имѣли кабакъ и выставки на содержаніи, весь бы платежъ за оные былъ несоразмѣренъ выкуркѣ вина. Чего ради и слѣдуетъ опредѣлить, чтобы содержатели винныхъ сборовъ, имѣющіе винокурни отъ 1.000 до 10.000 ведеръ, платили по 2 коп. съ ведра посуды, что составитъ 2 руб. въ сутки, а во все время винокуренія 480 руб. налогу, такъ что на каждое ведро придется $33^{1}/_{2}$ коп.; прочія же винокурни, производящія свыше 10.000 ведеръ, должны платить по 3 коп. съ ведра посуды, что составитъ съ стоведерной посуды въ сутки 3 р., въ теченіе винокуренія 720 р., а съ ведра вина 50 к.

Сія подать неотяготительная; казна же получитъ сію сумму сверхъ той, которая будетъ платиться за кабаки и выставки, и притомъ получитъ ее прежде продажи и употребленія вина столь же вѣрно, какъ и самую откупную сумму. Количество

сего сбора опредѣлить въ точности не можно: но извѣстно, что выходитъ на ревизскую душу около 4-хъ ведеръ вина въ годъ, ибо не пьющихъ мужчинъ замѣняютъ женщины, и по сему опредѣленію выходитъ на ревизскую душу съ небольшимъ по крючку въ сутки, коихъ 100 въ ведрѣ. Не одни люди пьютъ вино; оное на множество потребъ расходится; но въ общемъ счетѣ сія пропорція положена довольно близко къ истинѣ. И такъ, съ ревизской души въ сложности можно положить по первой пропорціи 1 р. 33⅓ к., а по второй 2 р., и вообще рубля полтора въ годъ.

Вино, конечно, будетъ дороже, но, кажется, что сія дороговизна нечувствительна, и даже нужна и полезна. Нынѣ пѣнное вино продается въ рубль, рубль десять и рубль двадцать копѣекъ ведро; оное будетъ продаваться въ кабакахъ въ полтора рубля и въ два; крестьянинъ, платящій нынѣ за подмѣшанное вино 4 р., а по новому положенію, считая по 4 ведра на душу, платить будетъ не 16 р., а лишь 6 р., полагая по 1 р. 50 к. за ведро и останется въ выигрышѣ 10 руб.; это въ первомъ случаѣ, а во второмъ, заплативъ 8 р., все же останется въ барышахъ 8 р., которые пойдутъ на уплату недоимокъ, казенныхъ податей и на нужды крестьянскія, а въ семьѣ убавитъ расхода рублей до 50-ти съ превеликими выгодами казнѣ и подданнымъ.

2-е) Всякъ желающій начать винокуреніе, ежегодно, передъ началомъ онаго, долженъ подать объявленіе въ уѣздный судъ своего уѣзда, что онъ на своемъ заводѣ, въ такомъ-то мѣстѣ, начнетъ варить вино, съ такого-то времени, на толикомъ числѣ казановъ или кубовъ и въ какую мѣру. Предводитель дворянства беретъ мѣры, удостовѣряющія въ истинѣ показуемаго, и сему дворянину даетъ билетъ на сидку вина, изъ уѣзднаго суда, за что по расчету онъ вноситъ ежемѣсячно деньги въ казну, предъявляя свой билетъ въ казначейство. Если кто пожелаетъ винокуренье остановить, о томъ объявляетъ заранѣе, и съ того времени платежъ въ казну останавливается и билетъ отбирается въ судъ для отмѣтки.

Если кто намѣренъ прибавить казанъ или кубъ, о томъ также объявить долженъ, и по вымѣреніи онаго ему перемѣняется билетъ. Если же кто, остановя винокуреніе, тайкомъ продолжать будетъ, или по остановкѣ начнетъ, не взявъ вновь билета, сіе почитается подлогомъ и подвергается взысканію и даже лишенію правъ винокуренія.

Въ вымѣриваніи кубовъ и казановъ считать ведры, а осьмую въ счетъ не класть, поелико полведра и даже ведро больше мало дѣлаетъ разницы. Котлы и казаны, для затору употребляемые, не измѣрять, а только котлы и кубы, на коихъ сидка вина и раки производится. Если же дворянинъ будетъ притѣсняемъ предводителемъ, который будетъ измѣривать больше, нежели посуда содержитъ, или иныя дѣлать прицѣпки, въ такомъ случаѣ обиженный имѣетъ право просить начальство и ежели предводитель окажется виновнымъ, то лишается своего мѣста и впредь ни къ какимъ выборамъ не допускается, яко человѣкъ безсовѣстный и притѣснитель своей собратіи.

Дабы прекратить всякій подлогъ, должно постановить, чтобы господинъ отвѣтствовалъ за своего прикащика или повѣреннаго во всѣхъ его неправдахъ, и за оныя самъ подвергается наказанію по закону: онъ виноватъ, если не взялъ предосторожность, чтобы его слуга не плутовалъ.

Залога въ вѣрности вноса положенной подати нѣтъ нужды требовать съ малыхъ винокуренъ, ибо имѣніе заводчика служитъ залогомъ. Но если выкурка велика и превосходитъ цѣну селенія или имущества, тогда дворянство должно требовать отъ заводчика залога въ вѣрности платежа казеннаго; въ случаѣ отказа винокуренье не позволять, а если дворянство сіе упуститъ, то за всю недоимку отвѣтствовать своимъ имуществомъ должно.

3-е) Само дворянство смотрѣть обязано, чтобы при винокуреніи не было фальши или притѣсненія, ибо никто лучше онаго сего усмотрѣть и опредѣлить не можетъ. Такъ какъ неплатящій положенной подати обманываетъ свое сословіе и чинитъ подрывъ честнымъ плательщикамъ, то собственная польза

каждаго побужденіемъ будетъ не позволять никакого лукавства въ семъ случаѣ. Все общество дворянское въ уѣздѣ живущее должно отвѣчать, чтобы никакой утайки въ казанахъ и кубахъ не было, и чтобы тотъ, кому не слѣдуетъ, вина не курилъ. Предводитель и нижняго земскаго суда судьи о семъ должны имѣть попеченіе, а начальство надзирать, чтобы по прихотѣ, по злобѣ или по какимъ бы то ни было причинамъ никто въ своемъ правѣ притѣсняемъ не былъ. Утайку тотчасъ обличать предъ всѣмъ дворянствомъ, которое, удостовѣрясь въ истинѣ, принуждаетъ уже правительство взыскать съ лица или имѣнія, въ первый разъ, за всю утайку вдвое, во второй разъ—вчетверо, а въ третій запрещеніе наложить. А кто неимѣющій права вино курить начнетъ, тому немедленно запрещеніе послѣдовать должно, и его, яко корчемника, судить по законамъ. Если же въ уѣздѣ живущіе станутъ чинить утайки въ мѣрѣ и количествѣ казановъ и кубовъ, и станутъ другъ друга покрывать, то всѣ они лишаются права винокуренія, по изслѣдованію на мѣстѣ чинами губернскими при свидѣтеляхъ другихъ уѣздовъ. Не соблюдающій вѣрности самъ себя дѣлаетъ недостойнымъ пользоваться выгодами, жалуемыми государемъ. Мастера и винокуры, нанятые помѣщикомъ, не могутъ почитаться людьми безъ права курить вино, поелику они не на себя производятъ сидку, но на хозяина.

4-е) Для выгоды казны и для уравненія сборовъ съ питей должно такую же подать наложить на всѣ котлы въ пивоварняхъ и медоварняхъ находящіеся и позволить продажу вольную пива и меда. Сей налогъ замѣняетъ откупную сумму на пиво собираемую.

5-е) Многія губерніи находятся въ коихъ нѣтъ дворянства, то и въ сихъ губерніяхъ также отдать выставки и кабаки въ раздробь, даже и въ самой Сибири, и сдѣлать сходное съ обстоятельствами положеніе о снабденіи оныхъ виномъ.

6-е) Имѣющіеся казенные винокуренные заводы были устроены согласно тогда бывшимъ обстоятельствамъ, дабы вино въ подрядѣ не было слишкомъ дорого. Сіи обстоятельства вре-

неніемъ перемѣнились и откупщики сами себя снабдѣваютъ виномъ. Заводы сіи остаются ненужными; оные еще меньше содѣлаются нужными, когда винокуреніе на семъ планѣ установится. Опытъ доказалъ, что сіи заводы, отданные на откупъ или самою казной содержимые пользы приносятъ меньше, нежели причиняютъ вреда непомѣрнымъ истребленіемъ лѣсовъ и запутанностью расчетовъ съ казною. Получая инымъ средствомъ несравненно больше дохода казна можетъ всѣ сіи заводы совершенно истребить, оставя только самые нужные, безъ коихъ нельзя обойтиться, и если не можно ихъ сбыть съ рукъ, то на оные установить правила, чтобы отдавать ихъ людямъ зажиточнымъ и вѣрнымъ въ содержаніе, съ тѣмъ, чтобы за срубленный лѣсъ платили достаточную сумму, за каждое ведро посуды положенную подать по 3 или 4 коп. съ ведра, а пиво продавали гуртомъ желающимъ покупать оное на снабдѣніе кабаковъ и на свой обиходъ, также водки, спиртъ и пр. Сія умѣренность казнѣ будетъ не въ убытокъ, ибо когда налогъ слишкомъ великъ, тогда покушеніе избѣгнуть онаго безопасно, ибо прибыль слишкомъ вознаграждаетъ опасность, и казна получаетъ меньше, нежели бы получила умѣряя свои налоги соразмѣрно опасности преступленія. Притомъ дороговизна вещи, подлежащей подати, останавливаетъ оной расходъ, уменьшая вкупѣ съ онымъ сборы.

И такъ, все содержаніе предлагаемаго состоитъ въ томъ, чтобы:

во-первыхъ, монополію вредную государю и его подданнымъ раздробить какъ можно больше, отчего умножится доходъ казны;

во-вторыхъ, уничтожить перекупы и сдачи кабаковъ отъ одного содержателя многимъ, а прямо симъ послѣднимъ перекупщикамъ отдать оные въ руки, чѣмъ обратится сумма перекупа въ пользу казны;

въ-третьихъ, положить подать на самое вино, отъ чего прибудетъ новый доходъ, не существовавшій доселѣ, который не тягостенъ заводчику, потому что онъ его соберетъ при продажѣ вина и не тягостенъ покупщику, потому что онъ его не

чувствуетъ и даже почтетъ себя въ выигрышѣ, покупая вино дешевле;

въ-четвертыхъ, поелику же вино при самой выкуркѣ платить въ казну, то оное сдѣлать свободнымъ, винокурни обращая въ фабрики, а кабаки и выставки въ лавки, гдѣ продаются питія въ раздробь и по мелочамъ.

Симъ прекратятся всѣ неудобства отъ откупа происходящія. Государь выиграетъ несомнѣнно вдвое дохода отъ вина; крестьянинъ выиграетъ, покупая вино вдвое дешевле и избѣгая притѣсненія и грабительства; помѣщикъ выиграетъ тѣмъ, что въ состояніи будетъ содержать болѣе скота, отъ коего болѣе навозу получая, удобритъ землю лучше, отчего выиграетъ хлѣбопашество; ремесленникъ и мѣщанинъ выиграетъ тѣмъ, что отъ умноженія скота воспослѣдуетъ дешевизна мяса въ городахъ. Словомъ, всѣ состоянія въ государствѣ восчувствуютъ облегченіе и пользу, кромѣ тѣхъ людей, которые изъ убытковъ государя и изъ притѣсненія народа обогащаются.

Въ заключеніе всего нужно объяснить, что отдача въ раздробь всѣхъ кабаковъ и выставокъ иначе сдѣлана быть не можетъ, какъ торгами по губерніямъ. Для избѣжанія елико возможно пристрастія, несправедливостей, происковъ и пр., при семъ случаѣ бываемыхъ, и для прекращенія незаконныхъ дѣяній, нужно предписать:

а) чтобы торги были въ общемъ присутствіи всѣхъ палатъ въ губернскомъ правленіи, а какъ по учрежденію о губерніяхъ Екатерины II президентъ сего присутствія есть государевъ намѣстникъ, губернаторъ же токмо вице-президентъ онаго, то губернаторъ имѣетъ только равный съ прочими голосъ; слѣдственно во всякомъ опредѣленіи, по сему случаю бываемомъ, рѣшеніе состояться иначе не можетъ, какъ по большинству голосовъ, въ чемъ всякая понаровка найдетъ камень претыканія;

б) губернскій прокуроръ долженъ, по обязанности своей, претестовать, какъ скоро замѣтитъ что либо противу устава чинимое или что съ невыгодою казнѣ дѣлаемое, и относится объ этомъ не только генералъ-прокурору, но и въ сенатъ;

в) окончательные торги должны быть въ губерніи, но заключенія контрактовъ иначе послѣдовать не могутъ какъ по одобреніи сената;

г) чего ради если кто притѣсненъ или недоволенъ торгами, тотъ можетъ просить въ правительствующемъ сенатѣ;

д) правительствующій сенатъ, усмотря несправедливость изъ жалобъ частныхъ или невыгоды казны изъ донесеній прокурорскихъ, дастъ переторжку въ самомъ сенатѣ, наказывая виновныхъ по законамъ; сему же наказанію и прокуроръ подвергается, въ случаѣ его ненаблюденія казенной пользы и государева интереса;

е) по опредѣленію сената заключаются контракты по законамъ;

ж) помѣщики, получившіе выставки и кабаки въ своихъ владѣніяхъ, не имѣютъ нужды въ залогахъ, ибо имѣніе сіе есть достаточный залогъ; купцы и мѣщане могутъ отдать въ залогъ лавки, домы и проч. недвижимое имущество, какъ, равнымъ образомъ, могутъ положить въ залогъ деньги.

Не должно скрыть, что въ приведеніи въ исполненіе сего новаго положенія, столь казнѣ выгоднаго, должно поступать съ осторожностью. Если помѣщики узнаютъ заранѣе, что кабаки и выставки будутъ имъ отданы навсегда, то никто на сіи кабаки торговаться не будетъ и помѣщики не дадутъ даже и той сложности, которая нынѣ существуетъ; довольно при началѣ сказать, что всякій, взявшій кабакъ на содержаніе, будетъ пользоваться и правомъ винокуренія подъ условіями ему выгодными и всему обществу полезными. Сіе самое будетъ побужденіемъ къ вящшей наддачѣ, которая никогда не превзойдетъ возможности плательщика, ибо всякій вѣрно считаетъ свои барыши, а еще вѣрнѣе убытки быть могущія.

1799 г.

XXII.

КРЫМСКІЕ

ЗЕМЛИ И ПОСЕЛЯНЕ.

536.

Предложеніе графа Каховскаго.

(Копія).

Акмечетскому нижнему земскому суду

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

По содержанію высочайшаго Его Императорскаго Величества указа, даннаго мнѣ во 2-й день декабря 1797 года для разбирательства претензій татарскихъ поселянъ на земли, отданныя владѣльцамъ, я учредилъ особенную коммиссію и каковое учинилъ ей по тому предмету предписаніе, съ онаго въ акмечетскій нижній земскій судъ препровождаю при семъ копію, предлагая, какъ членамъ, означеннымъ въ томъ предписаніи о явкѣ ихъ въ Акмечеть къ господину полковнику Шостаку, такъ и всѣмъ поселянамъ, имѣющимъ претензіи свои на земли, отданныя владѣльцамъ, о таковомъ учрежденіи коммиссіи учинить отъ себя оповѣщеніе; а въ свое время приступить по сношенію той коммиссіи и къ сбору, положенному на содержаніе ея съ числа десятинъ, за каковое будетъ идти претензія, суммы, и сколько таковой собрано будетъ, меня тогда же рапортовать.

Графъ Каховскій.

Іюля 10-го дня
1798 года.
Акмечеть.

637.

Предписаніе коммиссіи.

Копія съ предписанія, даннаго коммиссіи, учрежденной для разбирательства претензій татарскихъ поселянъ на земли, отданныя владѣльцамъ отъ 10-го іюля 1798 года.

Въ именномъ Его Императорскаго Величества высочайшемъ указѣ, данномъ мнѣ во 2-й день декабря минувшаго 1797 года, изображено: «по послѣдовавшему въ 17 день сентября 1796 года указу о разсмотрѣніи жалобъ разныхъ владѣльцевъ и татаръ въ Тавридѣ обитающихъ, въ неправильномъ отобраніи ихъ земель и отдачѣ разнымъ чиновникамъ, съ тѣмъ, что буде окажутся справедливыми, принадлежащее настоящимъ хозяевамъ возвратить, или другимъ пристойнымъ образомъ сдѣлать имъ удовлетвореніе; поелику дѣло сіе по дошедшему къ Намъ свѣдѣнію остается и по нынѣ не рѣшеннымъ, Мы, возлагая оное на особое Ваше попеченіе, поручаемъ вамъ употребить стараніе ваше къ скорѣйшему приведенію сего дѣла къ концу».

Я имѣю въ подачѣ отъ многихъ татаръ жалобы о принадлежащихъ имъ земляхъ, отданныхъ разнымъ владѣльцамъ подъ видомъ оставшихся послѣ вышедшихъ заграницу татарскихъ мурзъ и въ пустѣ лежащихъ. Приступая къ выполненію означеннаго высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, за нужное нахожу, для разбирательства тѣхъ жалобъ и приведенія дѣла онаго въ надлежащую ясность, составить особую коммиссію, въ которую опредѣляю членами господъ полковника Шостака, надворныхъ совѣтниковъ: Ачказу Агу, Мехмета мурзу Аргинскаго и Караценова, маіора Азаматъ мурзу Арчинскаго, коллежскихъ ассессоровъ: Лобова, Фацардія и Атай мурзу, поручика Мелека, подпоручика Зимайлова, коему быть и за переводчика, и Темирша мурзу, да для письмоводства секретаря, къ исполненію предписываю ей слѣдующее:

1-е). Оная коммиссія, по учиненіи членами ея и секретаремъ, по препровожденному отъ меня къ дворянскому предводителю образцу, присяги, какъ по жалобамъ при семъ препровождаемымъ, такъ и по тѣмъ, которыя особо къ ней таковаго же рода отъ поселянъ Акмечетскаго и части внутри Крыма состоящей Перекопскаго уѣздовъ вступать будутъ, для разбирательства оныхъ имѣетъ всегда отправляться на тѣ мѣста, за которыя споръ происходитъ.

2-е). По прибытіи туда, во-первыхъ, коммиссія истребуетъ документы отъ владѣльца, на которыхъ основываетъ онъ право свое во владѣніи, а потомъ отъ претендателей на то владѣніе доказательства, каковыми быть могутъ жалованныя отъ крымскихъ хановъ грамоты и другіе письменные документы, также марки и признаки, утверждаемые достовѣрными свидѣтелями подъ присягою.

3-е). По отобраніи таковыхъ доказательствъ и по безпристрастномъ оныхъ разсмотрѣніи, имѣетъ коммиссія представлять мнѣ по каждому спору особо въ обстоятельствахъ изслѣдованіе съ пріобщеніемъ и своего мнѣнія.

4-е). При таковомъ изслѣдованіи стараться коммиссіи обѣ стороны тяжущіяся склонять къ полюбовному между собою раздѣлу, и на чемъ они учинятъ соглашеніе мнѣ доносить.

5-е). Если по какой жалобѣ дѣйствительно окажется, что владѣльцу отдана земля, принадлежащая какого-либо селенія татарамъ, то въ замѣну той отобранной, на какомъ условіи согласятся они уступить оную, представлять мнѣ же.

6-е). Какъ коммиссія ради таковаго учиненія по жалобамъ изслѣдованія должна отправляться въ разныя мѣста, то подводы для сего брать ей изъ тѣхъ же селеній, по чьимъ просьбамъ будетъ чинено разбирательство, на расходъ же для письма и на производство коллежскому ассессору Лобову, яко находящемуся безъ мѣста и неимѣющему содержанія, также переводчику и секретарю учинить сборъ суммы съ просителей, поелику сіе учрежденіе коммиссіи относится до собственной ихъ пользы, располагая оной по числу десятинъ, за каковое

идетъ споръ по 5 копѣекъ, о чемъ отъ меня нижнимъ земскимъ судамъ и предписаніе сдѣлано.

638.

Распоряженіе Каховскаго.

(Копія).

Новороссійскому Губернскому Правленію

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Акмечетскій городничій коллежскій ассессоръ Невельскій представилъ ко мнѣ при рапортѣ пойманныхъ въ городѣ Акмечетѣ шатавшихся безъ письменныхъ видовъ бродягъ Семена Заверюху и Андрея Еременка, яко по свидѣтельству оказались къ продолженію воинской службы способными, на основаніи высочайшаго Его Императорскаго Величества указа въ 15-й день ноября 1797 года состоявшагося, опредѣлены мною въ витебскій мушкатерскій полкъ на службу.

Но какъ при допросѣ они показали, что они изъ крестьянъ помѣщика господина адмирала и кавалера Мордвинова, Акмечетскаго уѣзда, деревни Качи, гдѣ и по ревизіи 1795 года записанными состоятъ, то предлагаю Новороссійскому Губернскому Правленію для поступленія по тому же высочайшему указу въ разсужденіи зачета ихъ объявленнымъ помѣщикамъ въ число рекрутъ, ежели дѣйствительно ему принадлежатъ, сдѣлать кому слѣдуетъ свое предписаніе.

Графъ Каховскій.

Марта 21-го дня
1799 года.
Акмечеть.

XXIII.

МѢРЫ

ПРОТИВЪ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНІЙ

ВО ФЛОТѢ.

639.

Предложеніе Адмиралтействъ-Коллегіи.

Поелику извѣстно, что гавани во всѣхъ почти портахъ отъ времени до времени приходятъ въ вѣтхость и засорены, равно корабли и прочія военныя суда, какъ остающіяся при портахъ, такъ и возвращающіяся изъ кампаніи, находятся въ крайнемъ небреженіи, ибо во всѣ дурныя погоды стоя безъ покрышки, а притомъ и палубы оныхъ не были надлежащимъ образомъ законопачены, отъ чего во внутренность свою принимая всякую сырость, безвременно согниваютъ и дѣлаются неспособными къ службѣ; почему во избѣжаніе сего на предбудущее время и нахожу за нужное представить Адмиралтействъ-Коллегіи слѣдующее:

Первое. Гавани исправлять починкою стараться въ лѣтнее время, когда и работа лучше въ разсужденіи тепла, и виднѣе всѣ худости, нежели зимою, равно и дни больше.

Второе. Корабли и прочія военныя суда, приходящія изъ кампаніи, коль скоро введены будутъ въ гавань, то разоружить и снявъ пушки, сложить на больверкъ, а вещи и матерьялы не мѣшкавъ отдать въ магазины; баласть песочный выгрузить, корабль или другое судно внутри очистить, вымыть, просушить и вымазать, мачты выпуть, чугунный баласть, выкатавъ вонъ, обжечь и, для истребленія ржавчины, намазать разгоряченнымъ тиромъ [1]) и таковой уже класть въ корабль и какъ сіи, такъ

[1]) Жидкая смола, вареная съ гарпіусомъ, т. е. съ сѣрою, или истекающею изъ ели или сосны смолою. Ею мажутъ наружную корабельную обшивку и снасти, дабы вода, вѣтеръ и солнце меньше ихъ повреждали. *Кушелевъ*, 217; *Вахтинъ*, 330.

и стоящія въ портахъ содержать на всегда въ чистотѣ; надъ тѣми же кои долгое время остаются въ портѣ, дѣлать легкія досчатыя крышки, чрезъ что и можно будетъ ихъ предохранять отъ солнца и непогодъ, наблюдая притомъ дабы палубы непремѣнно были конопачены, а долженствующія будущаго года иттить въ компанію, прикрывать парусинными тентами, равно между палубъ и въ трюмѣ держать чистый воздухъ, провѣвая оный посредствомъ винтъ зейле [1]).

Третье. Буде который корабль требовать будетъ какихъ исправленій, починки или и самой перетембировки по вводѣ въ каналъ, то какъ капитанъ того корабля, такъ и вся онаго команда должна находиться на работѣ, прибавляя къ тому потребное число мастеровыхъ отъ порта, и капитанъ корабля, равно какъ и капитанъ надъ портомъ, отвѣтствуетъ за прочность работъ; почему онъ съ офицерами своими долженъ тщательно смотрѣть, чтобы починка была прочнымъ и надежнымъ образомъ производима, и лѣса были употребляемы здоровые и не гнилые, и обо всемъ долженъ вести свой особливый отъ капитана надъ портомъ и корабельныхъ мастеровъ ласбухъ, и о числѣ матерьяловъ, употребляемыхъ на сіи корабли, прямо рапортовать въ Коллегію еженедѣльно, какъ и объ успѣхѣ работы, равно и о томъ, нѣтъ-ли остановки за матерьялами и не прогуливаютъ-ли для того люди. А посему имѣя таковое наблюденіе капитаны и не могутъ уже жаловаться на то, что корабли ихъ худо исправлены, и вышедъ изъ порта тотчасъ подавать дефекты о ихъ негодности, ибо сами равно за сіе отвѣчать будутъ и чрезъ то служба терпѣть не будетъ.

Четвертое. На новостроющіеся корабли такъ же тотчасъ опредѣлять капитановъ съ командами, дабы за строеніемъ, равно предписаннымъ третьимъ пунктомъ смотрѣли и отвѣчали.

---

[1]) Винтель-зеиль, винъзейль. Вѣтровой парусъ, то есть сдѣланный изъ парусины рукавъ съ крыльями, становящійся противу вѣтра и опускаемый узкимъ концомъ въ люки корабля для пропущанія на интрюмъ или кубрикъ свѣжаго воздуха. *Кушелевъ*, 156; *Вахтинъ*. 47.

Пятое. Запасы корабельные и другихъ судовъ, такъ какъ и настоящій онаго такелажъ храниться должны по сортамъ при портѣ въ магазинахъ, а не на корабляхъ, для чего каждый разъ по прибытіи изъ кампаніи, снявъ оные, отдавать въ магазины, а буде запасамъ во время кампаніи были каковые расходы, то оные по книгамъ учредивъ коммиссіи свидѣтельствовать, причемъ быть члену Интендантской Экспедиціи, сколько же именно чего найдется въ употребленіи и затѣмъ поступить въ магазины, равно и о годности доносить Коллегіи. Но поелику извѣстно, что чрезъ вкравшіяся доселѣ злоупотребленія, многіе изъ капитановъ, забывъ долгъ службы и присяги, казенныя вещи, какъ-то: канаты, паруса, снасти и прочее продаютъ на иностранныя купеческія суда, то дабы сколько можно сіе пресѣчь, крайне нужно наблюдать, чтобы неположенные расходы на корабляхъ во время кампаніи не иначе дѣланы были, какъ съ общаго согласія всѣхъ офицеровъ, которымъ въ книгахъ содержателей подъ каждою статьею таковаго употребленія и подписывать; и буде по возвращеніи къ портамъ расходы сего рода найдутся несообразными съ законами, въ таковомъ случаѣ за все оное взыскивать безъ изъятія съ подписавшихся.

Шестое. Содержателей экипажскихъ и провіантскихъ магазиновъ, равно коммисаровъ лѣсныхъ и другихъ, свидѣтельствовать чрезъ каждые четыре мѣсяца, учреждая для того особыя коммиссіи; при всякомъ же таковомъ свидѣтельствѣ матерьялы и вещи сличать съ образцами, такъ какъ и годность провіанта и провизіи смотрѣть, наблюдая притомъ и то, чтобы остатокъ оныхъ съ книгами былъ вѣренъ, и что окажется, доносить Коллегіи обстоятельно, ибо извѣстно и тутъ неменьшее злоупотребленіе, что, записывая въ расходъ излишнее предъ употребляемыми въ натурѣ, нѣкоторые матерьялы и вещи остаются въ магазинахъ, а послѣ содержатели оныхъ или украдкою продаютъ, вывозя ихъ подъ разными предлогами, или стакавшись съ поставщиками, при новой поставкѣ замѣняютъ будто вновь купленными; а симъ свидѣтельствомъ, когда

коммиссіи будутъ тщательно осматривать все и наличный остатокъ противу книгъ повѣрять, то хотя бы что у содержателей и было отъ употребленнаго въ остаткѣ, но уже оное бывъ осмотрѣно, поступитъ паки въ приходъ, чѣмъ самымъ зло сіе и пресѣчется.

Седьмое. По случаю излишняго употребленія на нѣкоторыхъ корабляхъ въ кампаніи дровъ и свѣчь, дабы пресѣчь вкравшееся злоупотребленіе, необходимо нужно сдѣлать объ ономъ положеніе и безъ излишества, по коему уже и отпуски чинить; но и за симъ по окончаніи кампаніи смотрѣть накрѣпко, чтобы на одномъ кораблѣ противу другаго безъ нужды какъ дровъ, такъ и свѣчъ не было больше, а когда сіе найдется, то за излишне употребленное взыскивать съ винновныхъ.

Восьмое. Отъ купцовъ никакихъ заборовъ матерьяломъ, вещами, лѣсомъ и прочему, не принявъ прежде при свидѣтельствѣ, какъ выше сказано, къ адмиралтейству или порту отнюдь не чинить, поелику такъ же вкрались и въ семъ случаѣ разныя злоупотребленія, ибо забираютъ лѣса негодные прямо изъ воды и плотовъ, записываютъ не то количество, которое забрано, а вдвое и втрое, и, дѣлясь съ поставщиками, казенный интересъ похищаютъ; буде же кто въ семъ приличится, поступать по всей строгости закона; а потому пріемы къ порту дѣлать при флагманахъ или капитанахъ, нарочно для свидѣтельства опредѣляемыхъ. И, наконецъ,

Девятое. Дабы все вышеозначенное соблюдаемо было навсегда въ точности и безъ малѣйшаго въ томъ послабленія, то для сего флагмановъ, остающихся при портахъ, раздѣлить на части, какъ-то: къ смотрѣнію за производствомъ работъ, сбереженіемъ стоящихъ въ портѣ военныхъ судовъ, за чистотою порта, пріемомъ въ магазины и къ адмиралтейству всякаго рода матерьяловъ, лѣсовъ и провіантовъ, равно за отпускомъ и употребленіемъ оныхъ; почему въ случаѣ какого-либо неисполненія и должны будутъ они отвѣтствовать каждый за ввѣренную ему часть, по надобностямъ же относиться главному въ портѣ командиру; а затѣмъ прочимъ, кои оставаться

будутъ безъ особенныхъ частей, соблюдая, чтобы оные были изъ старшихъ, присутствовать въ конторѣ обще съ главнымъ командиромъ и пещись взаимно о всемъ касательномъ до порта.

Вице-президентъ Кушелевъ.

Въ Санктпетербургѣ.
Февраля 13 дня.
1799.
Въ Адмиралтействъ-Коллегію.

640.

Протоколъ Адмиралтейской Коллегіи.

1799 года февраля 18-го дня въ протоколѣ Адмиралтейской Коллегіи записано:

Оная Коллегія по сему господина вице-президента и кавалера Григорья Григорьевича Кушелева представленію *приказали* учинить слѣдующее:

1-е) въ разсужденіи исправленія починками гаваней въ лѣтнее время, такъ какъ исправленіе оныхъ въ Кронштадтскомъ портѣ по высочайшему именному Его Императорскаго Величества указу поручено господину генералъ-лейтенанту, генералъ-интенданту и кавалеру Балле [1]), и въ Ревельскомъ— вице-адмиралу и кавалеру Спиридову, то послать къ нимъ указы, предписавъ, въ какое время удобнѣе и для казны выгоднѣе тѣ гавани исправлять, рапортовать въ Коллегію немедленно.

2-е) о разоруженіи по приходѣ изъ кампаніи кораблей и прочихъ военныхъ судовъ, о съемѣ пушекъ, объ отдачѣ въ магазины вещей и матерьяловъ, о выпутіи мачтъ и чугуннаго баласта, о дѣланіи надъ кораблями, кои на долгое время

---

[1]) Иванъ Петровичъ, 1741—1811, назначенъ на должность генералъ-интенданта 26-го марта 1796 года; въ 1797 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1801 г., 14 марта—въ адмиралы; въ 1805 г. назначенъ сенаторомъ.

остаются въ портѣ, легкихъ досчатыхъ крышекъ, а тѣхъ, которые должны иттить въ кампанію, о покрываніи парусными тентами, равномѣрно, по пятому пункту, о храненіи запасовъ корабельныхъ и другихъ судовъ и настоящаго такелажа по сортамъ при портѣ въ магазинахъ, а не на корабляхъ, о учрежденіи коммиссіи для свидѣтельства расходовъ, въ кампаніи бывшихъ, о бытіи при семъ члену Интендантской Экспедиціи, по шестому пункту, объ учрежденіи особыхъ коммиссій для свидѣтельства чрезъ каждые четыре мѣсяца содержателей экипажскихъ и провіантскихъ магазиновъ, равно коммиссаровъ лѣсныхъ и другихъ приходчиковъ, и, по седьмому пункту, о взысканіи за излишнее употребленіе на корабляхъ дровъ и свѣчъ съ виновныхъ, Интендантской Экспедиціи, выписавъ приличныя статьи изъ Адмиралтейскаго Регламента и изъ бывшихъ о томъ Коллежскихъ опредѣленій, по коимъ донынѣ въ таковыхъ случаяхъ поступаемо было, и сообразя все оное, учинивъ на каждый пунктъ свои положенія, объясня при томъ, изъ кого бы къ свидѣтельству содержателей при магазинахъ и прочихъ приходчиковъ составлять коммиссіи, а въ какихъ мѣстахъ для храненія мачтъ построить сараи, о томъ сдѣлать планъ и чего стоить будутъ оные, равно и содержаніе кораблей къ предохраненію отъ солнца и непогодъ подъ крышками и тентами, учинить смѣты и представить въ Коллегію къ ея разсужденію и постановленію въ самомъ скорѣйшемъ времени, а между тѣмъ о имѣніи въ корабляхъ чистоты, изъясненныхъ во второмъ пунктѣ представленія, и о содержаніи между палубъ и въ трюмѣ чистаго воздуха, оной Экспедиціи нынѣ же учинить конторамъ надъ портами Кронштадтской, Ревельской и Архангелогородской предписаній; а чтобы на корабляхъ, фрегатахъ и другихъ военныхъ судахъ, въ кампанію отправляемыхъ, по содержанію пятаго пункта представленія г. вице-президента, въ разсужденіи употребленія канатовъ, парусовъ, снастей и прочаго на неположенные расходы чинено было непремѣнное исполненіе, то-есть, чтобы таковаго рода расходы дѣланы были не иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ офи-

церовъ, и ежели оные расходы по свидѣтельству коммиссіи найдутся несообразны съ закономъ, въ такомъ случаѣ за все оное взыскивать безъ изъятія съ подписавшихся въ книгахъ, о томъ для учиненія капитанамъ предписанія, къ дивизіоннымъ командирамъ, къ главнокомандующему гребнымъ флотомъ, въ конторы главныхъ командировъ и во всѣ порты послать указы, а конторамъ надъ портами предписать отъ Интендантской Экспедиціи.

3-е) равнымъ образомъ согласно представленію его, г. вице-президента, при исправленіи починками или перетимбировками кораблей, дабы капитаны не могли жаловаться, что корабли ихъ худо исправлены и вышедъ изъ порта тотчасъ подавать дефекты о ихъ негодности—какъ капитану того корабля, который исправляемъ будетъ, такъ и всей онаго командѣ находиться на работѣ, и капитану корабля, равно какъ и капитану надъ портомъ отвѣтствовать за прочность, и о всемъ вести свой особливый отъ капитана надъ портомъ и корабельныхъ мастеровъ ласбухъ и о числѣ матерьяловъ употребляемыхъ рапортовать въ Коллегію еженедѣльно, какъ объ успѣхѣ работы, такъ и о томъ, нѣтъ-ли остановки за матерьялами и не прогуливаютъ-ли затѣмъ люди, объ ономъ въ конторы главныхъ командировъ и къ дивизіоннымъ командирамъ послать указы.

4-е) что принадлежитъ до вновь строющихся кораблей, то Коллегія предполагаетъ на оные капитановъ и команду опредѣлять по приступленію къ таковымъ построеніямъ, а понеже при здѣшнемъ адмиралтействѣ строятся три корабля: 130-ти-пушечный «Благодать» и два 66-ти-пушечные «Архистратигъ Михаилъ» и «Зачатіе св. Анны», кои высочайше повелѣно отстроить къ осени сего 1799 года, то о опредѣленіи къ строенію оныхъ кораблей капитановъ съ командами доложить Коллегіи отъ канцеляріи ея при росписаніи по кораблямъ капитановъ и офицеровъ, и при помѣщеніи тѣхъ кораблей по дивизіямъ.

5-е) отъ купцовъ никакихъ заборовъ матерьяламъ, вещамъ,

лѣсамъ и прочему, не принявъ прежде по узаконенному порядку въ надлежащія мѣста при свидѣтельствѣ кого слѣдуетъ, отнюдь не чинить, а ежели кто въ семъ приличенъ будетъ, то для поступленія съ таковыми по закону въ тожъ время докладывать Коллегіи, и для того пріемы въ портахъ, а особливо въ Кронштадтскомъ, дѣлать при флагманахъ или капитанахъ, и о опредѣленіи которыхъ изъ остающихся при портѣ дивизіоннымъ командирамъ въ указахъ написать, а портовымъ конторамъ о чиненіи по сему и по предъидущимъ третьему и четвертому пунктамъ положенія отъ Интендантской Экспедиціи предписать.

6-е) а дабы все сіе соблюдаемо было навсегда въ точности и безъ малѣйшаго послабленія, то для сего флагмановъ, остающихся при портахъ, раздѣлить на части, какъ-то: къ смотрѣнію за производствомъ работъ, сбереженіемъ стоящихъ въ портѣ военныхъ судовъ, за чистотою порта, пріемомъ въ магазины и къ адмиралтейству всякаго рода матерьяловъ, лѣсовъ и провіантовъ, равно за отпускомъ и употребленіемъ оныхъ; почему въ случаѣ какого-либо неисполненія имѣютъ оные отвѣтствовать каждый за ввѣренную ему часть, по надобностямъ же относиться къ главному въ портѣ командиру, а затѣмъ прочимъ, кои оставаться будутъ безъ особенныхъ частей, соблюдая, чтобы оные были изъ старшихъ, присутствовать въ конторѣ обще съ главнымъ командиромъ, и пещись взаимно о всемъ касательномъ до порта, объ ономъ предписать въ указахъ конторамъ главныхъ командировъ и дивизіоннымъ командирамъ, Экспедиціямъ же интендантской, коммиссаріатской и артиллерійской, каждой по своей части учинить надлежащее распоряженіе; а о всемъ вышеписанномъ въ контору главнаго командира Черноморскихъ флотовъ послать указъ.

Подписали марта 8-го дня 1799 года.

XXIV.

ПРОСЬБЫ

ЧАСТНЫХЪ ЛИЦЪ.

641.

Письмо Ризо Андреева Мордвинову.

Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Государь

Николай Семеновичъ!

Я, нижайшій, по усердію къ Имперіи Россійской въ первую турецкую войну служилъ въ 1-й арміи подъ высокимъ начальствомъ Его Сіятельства графа Петра Александровича Румянцева Задунайскаго капитаномъ съ двумя стами албанцевъ, набранными моимъ коштомъ, и по окончаніи той войны остался жить въ Херсонѣ. Въ нынѣ-жъ прошедшую съ турками войну по объявленіи высочайшаго Ея Императорскаго Величества о вызовѣ манифеста, паки изъ усердія моего къ службѣ, въ Херсонѣ явился я къ Вашему Высокопревосходительству, по припятіи въ которую отправленъ на собственномъ моемъ коштѣ въ Бѣлое море въ Архипелагъ подъ россійскимъ флагомъ корсарскимъ съ патентомъ отъ Вашего Высокопревосходительства.

Пріѣхавъ въ городъ Тріестъ обще съ господиномъ полковникомъ и кавалеромъ Ламбро Качіони купили мы на свое иждивеніе корабль «Минерву»; исправивъ оной, отправились мы въ Архипелагъ, и оттуда возвратились въ Тріестъ съ 11-ю непріятельскими военными судами. А въ 1790 году мая 6-го и 7-го числа на томъ же кораблѣ находясь съ нимъ, господиномъ Ламбро Качіони, съ прочими подъ его предводительствомъ 8-ю кораблями имѣли съ турецкимъ флотомъ между двухъ острововъ Кавадаро сраженіе, и по усиленіи ихъ корабль «Минерва» весьма былъ израненъ, также и я получилъ тогда

тягчайшую рану (о чемъ имѣю отъ него, господина Ламбро Качіони, на итальянскомъ языкѣ аттестатъ), и къ вящшему несчастію оный корабль погодою принесло къ Ковадору, который тамъ и тонуть началъ. Въ семъ случаѣ каждый искалъ своего спасенія, и я, видя гибель свою, съ отчаяніемъ едва попалъ на берегъ, гдѣ меня взяли турки. Отобравъ всѣ бывшія при мнѣ деньги и вещи, а паче о службѣ моей въ первую турецкую войну данные мнѣ аттестаты и прочія свидѣтельства, посадили меня на малое судно, съ двумя греками при одномъ туркѣ, въ намѣреніи чтобъ доставить насъ въ Царьградъ, гдѣ неминуемо должны были жертвовать смертію. Почему, согласившись, того турку убили и на ономъ же суднѣ прослѣдовалъ я въ островъ Циригo, а оттуда въ городъ Тріестъ.

Не находя въ Тріестѣ себѣ ни малой помощи, тожъ и начальника своего, отправился сюда въ Петербургъ, и едва могъ, по раззоренію моему и слабости здоровья, достигнуть онаго единственно, чтобъ снискать гибельному моему житію и ослабѣвшей силѣ помощь, ибо я во все время службы моей по нынѣ ни за что изъ казны ни мало не получалъ жалованья, а употреблялъ собственное свое иждивеніе. Наконецъ, всего онаго лишась, обращаюсь нынѣ въ чрезмѣрной бѣдности, безъ всякаго пропитанія и одѣянія, въ разсужденіи чего съ колѣнопреклоненіемъ всеуниженно и прошу:

Милостивѣйшій Государь! внемлите всеуниженному прошенію, не оставьте великодушно безпомощнаго иностранца въ глубочайшей бѣдности, который, изъ усердія къ Имперіи Россійской, жертвовалъ противъ непріятеля своею жизнью и своимъ имѣніемъ, снабдите о вышеписанномъ дачею мнѣ аттестата, по которому бы я, нижайшій, при сущей моей бѣдности исходатайствованіемъ пріобрѣсть могъ себѣ единственно пропитаніе и нужное содержаніе.

Вашего Высокопревосходительства
всенижайшій слуга
капитанъ Ризо Андреевъ.

642.

NOTE

présentée au prince Kourakin.

(Copie).

S'est accomplie la dixième année au mois de Juin dernier, que le soussigné Barthélemy Gallera, gentilhomme de la ville de Savone et sujet de Russie, fondé et encouragé par les oukases impériales, que M-r Lizakewitz, chargé d'affaires à Gènes lui avait communiqué, a fait ériger pour son compte un établissement de commerce de la première classe dans la ville de Théodosie, et il n'a rien ni épargné, ni négligé pour le faire prospérer.

En effet, sans se décourager de la guerre bientôt survenue, il y envoya vers la fin de la même année 1787 deux commis par la voie de terre et pour mieux s'éclaircir et conférer sur chaque objet il fit revenir à Gènes dans la suivante et peut après retourner en Russie son commissionnaire, et par lui instruit du besoin, il fournit aussitôt les fabriques impériales de coton filé et n'ayant rien obtenu sur la concession de terrains, pendant le séjour d'une année du même à Jassi, il eut la confiance, malgré les efforts de la Porte pour reconquérir la Tauride, de s'y faire acheter une terre dans le district de Théodosie, et tout de suite en défricher et ensemencer une partie. Mais un vol de sept mille cent Roubles, arrivé dans la nuit du 16 à 17 Mai 1791, moyennant un trou dans la maison d'habitation de ses gens en Théodosie, une des villes désignées pour le commerce des étrangers, les ayant obligé de se retirer dans l'intérieur et de tout abandonner, il eût le très facheux désagrément de supporter encore en pure perte leur dépense et leurs gages pendant cinq années que dura la guerre, laquelle rendit aussi insolvables ses débiteurs. Les seuls objets de l'envoi de deux commis, du voyage et retour de son commissionnaire, de celui de Jassi, du vol et

de la culture se sont monté à Roubles seize mille et de plus treize cent de débiteurs.

Aussitôt que la paix rendit libre la navigation, il exposa pour le bien général ses lumières et ses vues, en détaillant dans un mémoire *Sur le commerce de Russie par la Mer Noir* [1]) du mois de Février 1792 tous les rapports par lesquels il pouvait s'étendre et s'augmenter et il le consigna à M-r Lizakewitz pour le remettre à cette cour impériale.

A la même époque Sa Majesté Impériale, à laquelle il avait prêté serment de fidélité entre les mains de M-r Lizakewitz dès le mois de Janvier 1791, eût la clémence d'ordonner l'arpentage de la dite terre achetée et de celles contigues de la Couronne, et de lui en donner en propriété 4.258 desiatines y compris le village tatare d'Argamak-Eli par oukase du mois de Mai ou de Juin 1792. Ni des celles-ci, ni de la sienne on ne lui a pas encore donné la légale possession, quoiqu'elles se trouvent ici dans le Livre Topographique de la Tauride sous le № 36 des terres consignées du district de Théodosie.

Le soussigné fut le premier à arborer le pavillon russe marchand dans le port de Gènes et par son brick «Le Théodosien» il envoya dans l'été de la dite année 1792 à Théodosie des maçons et des matériaux de tout genre, en y destinant deux personnes de confiance pour vérifier aussi ses vues de commerce et d'agriculture. Malheureusement tout alla fort mal et M-r le comte Zoubow en écrivit le 8 Octobre 1793 à M-r Lizakewitz pour conseiller de sa part le soussigné de soigner de plus près ses intérêts de Théodosie, qui véritablement à cette époque la lui avaient enlevée une somme assez importante, car son entreprise lui coutait déjà plus de 32 mille roubles. Il se décida donc de confier aux autres ses affaires de Gènes et de se transférer en Tauride, où il aborda avec deux commis en Novembre 1794, et après avoir reconnu combien elle était susceptible de bonnes affaires, il arriva dans cette capitale avec son unique fils le 7 du mois de Mars 1795.

---

[1]) См. выше, № 557.

S'étant présenté au dit M-r le comte Zoubow, auquel il avait dans le courant de la précédante année fait parvenir la copie du mémoire de Février 1792, comme aussi son *Aperçu sur les quarantaines* [1]) du mois d'Octobre 1793, il lui remit son mémoire *Sur l'amélioration de la Tauride*, en offrant aussi ses connaissances et sa personne. Et pour ce qui c'était de ses égards particuliers, il le déposa aux pieds du trône impérial.

Quelques jours après une conférence, dans laquelle le soussigné lui exposa son empressement de commencer ses opérations à la belle saison et son envie de conférer sur les améliorations de son mémoire pour mettre lui-même en exécution celles qu'on aurait jugé les plus solides et les plus profitables, M-r Gribowsky lui fit part que M-r le comte désirait que le soussigné désignât les objets qui pouvaient mieux lui convenir, afin de lui être utile. Ayant donc jugé trop convenable de confier ses idées au dit secrétaire, de les examiner ensemble et d'en être d'accord, il présenta à M-r le comte le 30 Mars un mémoire raisonné qui indiquait les objets suivants:

trente mille puds de fer assorti,
quelques centaines de paysans,
quelque vallée sur la côte méridionale de la Tauride,
un kan et demi, ou édifice en Théodosie,
une sortie suffisante et annuelle de blé,
des moyens pour le cabotage et la pêche;

en détaillant que par ces concessions, qui ne lui faisaient recouvrer qu'en partie ses pertes et qui n'étaient pas trop à charge à la couronne, combien celle du fer aurait tourné au profit de la même par une exploitation bien plus grande de celle, qui avait lieu, en faisant connaître les qualités et les ouvrages les plus propres à vaincre la concurrence étrangère; que pour les blés il était indispensable d'avoir une sortie pour diriger d'avance les opérations, et l'emploi de ses bâtiments lui ayant déjà fait observer, que la culture de terrains, la navigation et la pêche réglées par des lumières foncières et sur

[1]) См. выше, № 610.

le besoin respectif des différentes places de consommation auraient formé et affermi un commerce d'exportation tout-à-fait nouveau, fort considérable et d'un avantage décidé.

Tout le mois d'Avril s'écoula sans obtenir ni une conférence, dont-il renouvela directement ses instances plus d'une fois et il en obtint les promesses réitérées, ni la moindre nouvelle satisfaisante, et du conseil de M-r Gribowsky le soussigné exposa à M-r le comte dans sa lettre du 4 Mai, que ses pertes s'augmentant tous les jours par l'entretien et les gages d'une cinquantaine de personnes à sa charge, il le priait instamment de ne lui rendre plus long un séjour, qui déjà trop onéreux, dérangeait tout-à-fait ses projets. Le 11 du dit mois M-r Gribowsky eut ordre de lui communiquer les sentiments de M-r le comte, et ils furent décisivement négatifs sur le fer et les paysans; que pour quelque terrain sur la côte il y était disposé; que des édifices il n'y en avait plus à donner; qu'il n'aimait pas à accorder la sortie des blés, que pourtant lui, secrétaire, se flattait de le reduire pour celle d'à présent, et quant au cabotage et à la pêche on aurait donné une lettre pour M-r le vice-amiral de la Mer Noire.

Ayant, tout cela non obstant, continué ses visites et ses courses à Czarsko-Selo et encore présenté ser *Réflexions sur le commerce de Russie avec l'Espagne* il obtint:

mille desiatines de terrain dans le district de Théodosie	Par oukase impérial du 30 Mai 1795.
deux cent sur la côte méridionale	
deux jardins à Kos ou à Koutlach	
la moitié d'un kan en Théodosie	

la sortie de 20 mille chetverts de blé du gouvernement d'Ekaterinoslaw et, à l'occasion de l'en remercier, M-r le comte lui annonca, qu'au moyen de sa lettre pour M-r Korvat et de celle pour M-r Mordwinow, qu'il lui fit remettre, le soussigné avait de quoi s'accommoder, c'est à dire du côté des blés et de celui des objets maritimes.

Le résultat cependant de quatre mois de séjour ne lui fut dans le fait qu'infructueux et à charge, car pour attendre 41 jours à Ekaterinoslaw M-r le gouverneur et les pièces pour la sortie, retardé encore jusqu'à Octobre à rentrer en Tauride, que c'était depuis quelques mois déjà trop tard pour les blés, il lui fallut payer les équipages de ses deux bâtiments, et ainsi pour la seconde année l'avoir entretenu en pure perte. Obligé de finir avec ses anciens commis, il dût le faire par des vrais sacrifices et il eût encore à souffrir la charge inutile des autres.

Séjour infructueux parce que

les mille desiatines dans la plaine } de terrain en friche et dé-
deux cent sur la côte } pourvu de tout
deux jardins à Kos, le seul objet qu'il choisit et qui a été du
rapport de 30 vedros de vin ou de roubles 45 à 50
la moitié d'un kan dans une ville abandonnée
ne pouvaient tous ces objets se monter à plus de 1.500 à 2 mille Roubles, et il fallait bien de l'argent pour les mettre en valeur.

Séjour à charge, parce que le voyage tout entier, les gages et les dépenses ultérieures de ses anciens commis et celles des nouveaux, les sacrifices et les pertes essayées avec les premiers, l'entretient de deux bâtiments pendant le 1794 et le 1795 font, au simple coup d'œil, assez voir combien leur fardeau était lourd et accablant.

Par une telle issue son voyage, et voyage de si long cours, n'ayant abouti qu'à des nouvelles dépenses et à grossir davantage ses dommages et ses pertes, le soussigné en fut extrêmement affligé en considérant combien il aurait épargné, s'il eût au contraire préféré de tout abandonné et de continuer tranquil chez soi, et que vis-à-vis de tout ce que pendant huit année il avait opéré par ses propres moyens en volontaire zélé et généreux, on l'avait oublié dans les occasions favorables qui auraient pu le dédommager.

En tout abandonnant pour la fin du 1793 il aurait épargné entièrement tous les objets ci-dessus détaillés, qui se montent

bien au delà de 44 mille roubles, sans compter tant d'autres pertes et dommages. Mais par un nouveau surcroit de malheur, il faut ajouter que la sortie de blé et les moyens pour le cabotage et la pêche, deux faveurs, qui semblaient les plus profitables et les plus assurées, lui ont encore coûté 10 mille Roubles, et plus le detour inutile d'une course d'Ekaterinoslaw à Nicolaew.

M-r Gribowsky avait 10 mille chetverts dans la sortie de 20 mille accordée au soussigné, qui devait attendre à Ekaterinoslaw un agent de M-r le comte pour en solliciter les pièces, et qui y arriva quelques jours avant que M-r le gouverneur. A peine furent elles obtenues, que tous les deux se pressèrent à acheter la sortie des 10 mille chetverts à 1 rouble chaque, en s'offrant le second de la faire lui-même revendre avec avantage. Persuadé intimement le soussigné que celle des 20 mille était la seule accordée et qu'elle devait l'être avec un tel associé, privé comme il était tout-à-fait de nouvelles, tandis que les deux autres en assuraient la demande, il se décida, pour mieux se prêter aux influences des astres du jour, à en conclure le marché pour dix mille roubles.

S'étant donc tout de suite porté exprès sur les lieux du côté du Dnieper et du Don, il reconnut, à son plus grand étonnement, que bien d'autres avaient obtenu la sortie, qu'on avait déjà fait grand nombre d'envois de blé à Constantinople, et que de la sortie ils en avaient de reste. Par conséquent il ne lui fut pas possible, ni alors, ni pendant l'année passée, de tirer le moindre parti de cette grâce, qui par la libre exportation des grains est devenue infructueuse, et qui existe encore intacte dans la douane de Taganrok. Cependant ni M-r le comte, ni M-r Gribowsky pouvaient ignorer les sorties que les autres avaient obtenu directement ou des gens en place de leur parti, et c'étaient trop à leur connaissance celles qu'ils avaient eux-mêmes annexées au transport du sel de la couronne de Koslow à Odesse et à l'approvisionnement de la puzzolane pour la même place.

Pour ce qui est de l'autre des objets maritimes, il fut bien surpris en apprenant de M-r Mordvinow, après lui avoir remis la lettre de M-r le comte, et dont il voulut bien lui en donner une copie, qu'il n'y avait le mot sur le cabotage, et que pour la pêche le soussigné devait présenter à M-r le vice-amiral ses plans, en conférer ensemble, et en donner celui-ci son avis et remettre le tout à M-r le comte.

Oublié dans les occasions favorables. De loin dans la commission des emprunts que la couronne avait fait à Gènes, pour aquelle il s'était offert à des conditions plus économiques et qu'il était le seul Génois avec un établissement en Russie, oublié par M-r le comte même, qui prévenu et de sa part et de M-r Lizakewitz de son départ et d'être déjà en route, avait accordait dans l'été de la même année 1794 la sortie de 15 mille chetverts de blé à un certain Nicolitch, que c'était la seconde fois qu'il était venu dans la Mer Noire avec un petit bâtiment, l'ayant ainsi préféré au soussigné, qui en avait deux bien plus grands et qui supportait depuis si long temps la charge d'un établissemene.

Maïs c'est au delà de toute attente que M-r le comte l'ait oublié de ci-près pendant même son séjour à Pétersbourg et ses visites journalières, à l'occasion de l'approvisionnement de 400 mille puds de puzzolane pour Odesse. S'il l'eut consulté, il se serait offert lui-même à des conditions honnêtes, et jamais à un prix dix fois plus fort que l'ordinaire, et dont le transport de la Méditerranée venait affranchi par la sortie de bled aux bâtiments qu'on y destinait. Cela d'autant plus mortifiant que le soussigné avait été le premier à envoyer de la puzzolane en Tauride et qu'il en avait indiqué à M-r le comte l'usage, comme aussi la construction solide et économique des môles.

Malgré l'empressement qu'il y avait ici à la même époque de faire au plutôt transporter le sel de Koslow à Odesse M-r le comte oublia encore d'employer les deux bâtiments du soussigné, qui, moyennant deux voyages de sel et deux de blé à Constantinople, très-certaine dans la belle saison, lui auraien profité 10 mille Roubles. Pourtant tout bien considéré, on voulut l'oublier et il convenait de se faire, parce que le secret des

affaires de la puzzolane et du sel en conservait toute la valeur, et au contraire la manifestation rendait inutile la grâce de la sortie de blé en faveur du soussigné, et faisait échouer le projet d'avoir encore de ce nouveau venu 10 mille Roubles au delà de tout ce qu'il avait déjà sacrifié. Fallait-il donc êtreinvité à venir de si loin pour cueillir des fruits de cette nature, après un travail si rude de huit années, et au bout d'un si long voyage être récompensé de la sorte de son zèle et de sa constance!

Non obstant tout cela, le soussigné rempli de confiance dans la clémence et la justice qu'il devait attendre de la part du trône impérial, ne se découragea nullement et tournant ses vues du côté de ses terrains il vérifia qu'ils lui pouvaient assurer une ressource assez essentielle, pourvu qu'on exécutât la culture de la manière la plus coûteuse, mais la seule capable dans la seconde année d'être avancée vers sa perfection et de former encore, en l'agrandissant, une branche solide de commerce. Ce fut donc à cet objet qui demandait des fonds proportionnés qu'il se transféra avec son fils à la fin de Novembre par la voie de Vienne à Trièste, où il avait laissé sa femme, et ils s'y arrêtèrent pour être plus à la portée de revenir au printemps. Par contre-coup ses intérêts de Gènes ayant souffert par son absence et la guerre en Italie ayant porté un accrochement général, il s'est trouvé plongé dans la plus grande inaction et même frustré de la somme de sept mille livres sterling d'une assurance à Londres, faute d'une pièce qui tarde encore et qui en doit liquider le recouvrement.

Cette même inaction cependant ne l'aurait point de tout empêché d'exécuter son plan de revenir en Tauride au printemps de l'année passée, si au lieu de les avoir perdu il eut conservé les 55 mille Roubles que lui a coûté son voyage et les suites fâcheuses qu'il a détaillé. Au moyen de cette somme sans se gêner des circonstances, il aurait eu de quoi entamer la culture de la moitié au moins de ses terrains du 1793. En préparant d'avance les habitations, il aurait acheté des familles de paysans dans les villages de l'intérieur de l'Empire où on se plaint du peu de terrain, comme aussi procuré tous les ani-

maux et tous les outils nécessaires, les semailles et leur nourriture jusqu'à la première récolte et dans la belle saison effectué le transport. Par cela il aurait déjà fait cette année une moisson, dont le produit aurait valu pour augmenter la coulture, et à présent il se trouverait assez bien établi.

Pendant ces entrefaits la renommée des actions éclatantes et multipliées de munificence, de grandeur et de bonté, dont Sa Majesté Impériale a illustré son nouveau règne, comme aussi de sagesse par le choix de ministres si zélés et si éclairés, bien connu aussi dans l'étranger, l'a encouragé à tout trancher et à se porter au plutôt aux pieds de son très-auguste Souverain. C'est donc après un tel résultat et dans sa situation que le soussigné se fait un devoir de s'adresser à Votre Altesse et qu'il ose la prier très respectueusement d'avoir la bonté de regarder avec intérêt un succès si défavorable de ses intentions et de ses efforts le plus zélés et le plus effectifs depuis dix années, et de vouloir bien lui accorder sa haute protection à l'objet de lui faire obtenir du cœur paternel et magnanime de Sa Majesté Impériale un encouragement proportionné, moyennant lequel il puisse être à même de faire fleurir son établissement, sur lequel les yeux des négociants Génois sont fixés depuis longtemps; et il dépendra certainement d'après son exemple que des autres s'établissent aussi en Tauride dès qu'ils verront la prospérité de son entreprise.

Dans l'envie d'opérer des choses solides et de contribuer au bien général et à l'amélioration de la Tauride, il n'en saurait faire un meilleur usage que par y mettre en culture ses terrains d'après son plan et par s'y occuper encore du commerce et de la pêche, pour laquelle c'est sa troisième année qu'il a à sa charge un homme habile, qu'il a fait venir exprès de la Dalmatie.

L'objet des reproductions annuelles exécuté avec intelligence est l'opération la plus utile en elle-même, la plus instructive pour faire le bien et la plus intéressante pour améliorer la balance générale. En préparant les qualités et les assortissements qu'il faut pour les différentes destinations, on va s'assurer du

bon succès, on peut s'étendre considérablement, et presque tout le montant de la liquidation dans l'étranger doit rentrer en argent effectif, notamment dans la Mer Noire, dont la consommation d'articles étrangers est assez limitée. La Russie en a elle-même les ressources; avec des moyens, de l'application et des connaissances on peut y pousser assez loin le commerce des autres productions et des manufactures de l'Empire. Quant à l'utilité de la pêche elle forme l'objet le plus chéri et le plus encouragé auprès des nations éclairées.

Comme les vues de soussigné portent directement sur des avantages solides, que d'agir lui-même peut les réaliser au plutôt, que d'ailleurs il est trop intéressant pour sa réputation et pour l'opinion favorable de la Tauride de réussir avec succès, ayant été le premier de la nation génoise à donner l'exemple et resté le seul, il veut se flatter que Votre Altesse trouvera assez justifié et équitable un encouragement, par lequel, charmé de sa constance, il puisse oublier le passé, par son emploi porter un avantage réel et permanent au pays et par le résultat enfin désabuser et attirer des spéculateurs en Tauride.

Etranger, et sans appui, il ne peut mieux se fonder que par avoir une entière confiance en Votre Altesse, qui a donné tant de preuves, qu'elle fait et aime de faire le bien, et il la supplie très-humblement de prendre entièrement son affaire sous sa protection. Elle est la seule qui puisse faire accomplir ses vœux; son efficace n'est qu'un acte de justice rendu par l'Empereur au zèle, aux lumières, au mérite et aux qualités personnelles, qui, de l'aveu aussi universel, distinguent si éminemment le procureur général de l'Empire. Il en sera très redevable toute sa vie, étant avec tout le respect

de Votre Altesse

le très-humble et très-obéissant serviteur

Barthélemy Gallera.

16 Novembre 1797.
St.-Pétersbourg.

643.

ЗАПИСКА

по прошенію Дебуарелли.

(Копія).

По именному Его Императорскаго Величества высочайщему повелѣнію, объявленному Коллегіи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего 1798 года чрезъ вице-адмирала Кушелева, указано: Поданную отъ архитектора Дебуарелли просьбу о удовольствованіи его жалованьемъ, заслуженнымъ въ Одесскомъ портѣ, и другими претензіями, на казнѣ имъ почитаемыми, Адмиралтейской Коллегіи непродолжительно разсмотрѣть и что учинено будетъ — представить запискою на высочайшее усмотрѣніе. А въ просьбѣ его, Дебуарелли, написано:

Со времени опредѣленія его въ должность архитектора въ городѣ Одессѣ прошлаго 1795 года іюня съ 15 числа, положено ему производить по контракту жалованья по 1.200 руб. въ годъ и казенную квартиру, съ тѣмъ, ежели онъ болѣе тамъ не надобенъ будетъ, то отправить его обратно на казенномъ囗 коштѣ въ Санктпетербургъ, полагая на 800 верстъ по 300 руб. По упраздненіи же Экспедиціи строенія одесскаго порта, отъ должности ему отказано и заслуженнаго по то время жалованья не выдано, равно за квартиру по 25-ти рублей въ мѣсяцъ и принадлежащихъ за наемъ въ казну собственнаго его дома для житья кузнецамъ — 150 рублей, также выданныхъ имъ сторожамъ, при кузницѣ находившимся, 93 рублей, просилъ о удовольствованіи его всѣмъ онымъ.

Адмиралтействъ-Коллегія, во исполненіе высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, опредѣлила Счетной Экспедиціи по имѣющимся во оной о суммахъ, употребленныхъ на строеніе одесскаго порта, книгамъ и документамъ, по содержанію просьбы его, Дебуарелли, учиня обстоятельную выправку, представить Коллегіи. Вслѣдствіе чего оная Экспеди-

ція доноситъ, что контракта, съ нимъ, Дебуареллiемъ, заключеннаго, при дѣлахъ не имѣется. А по предложенiю отъ вице-адмирала генералъ-кригсъ-коммисара де-Рибаса Экспедицiи строенiя города и порта одесскаго, данному августа 31 числа 1795 года, предписано производить ему, Дебуарелли, жалованья со вступленiя его въ должность, iюня съ 16 числа того 1795 года, по 1.200 руб. въ годъ; со онаго времени по день отказа ему отъ должности, марта по 21-е число 1797 года, слѣдовало въ выдачу произвесть 2.131 руб. 46½ коп., а выдано ему въ Одессѣ отъ помянутой экспедицiи и въ Николаевѣ отъ конторы главнаго командира черноморскихъ флотовъ всего 1.703 руб. 46½ коп., затѣмъ не значатся выдачи недоданнаго 1796 года за генварьскую треть 18 руб., да за майскую полнаго 400 руб., всего 418 руб.; а не было ли изъ другихъ какихъ-либо суммъ выдачи, о томъ по имѣющимся здѣсь дѣламъ не видно. Присовокупляя къ сему, что контора главнаго командира черноморскихъ флотовъ, на поданное во оную отъ него, Дебуарелли, о всемъ вышеописанномъ прошенiе, съ отношенiя одесской канцелярiи, увѣдомляетъ, что, по упраздненiи бывшей въ Одессѣ экспедицiи, за отсылкою всѣхъ производимыхъ по оной дѣлъ въ Петербургъ, въ долговыхъ вѣдомостяхъ оставленныхъ, ему, Дебуарелли, кромѣ слѣдовавшаго въ выдачу за сентябрскую 1796 года треть жалованья 400 руб., коимъ онъ отъ той конторы, также и на проѣздъ до Петербурга прогонными деньгами, удовольствованъ, ни за что больше къ полученiю не значится.

А помянутый вице-адмиралъ генералъ-кригсъ-коммиссаръ де-Рибасъ, по предписанiю котораго (какъ выше значитъ) онъ, Дебуарелли, въ Одессѣ былъ опредѣленъ, Коллегiи доноситъ, что какъ недоданное ему за генварскую, такъ и не полученное за майскую 1796 года трети жалованье, всего 418 руб., выдать слѣдуетъ; о прочихъ же, почитаемыхъ имъ за казною, претензiяхъ, никакого съ нимъ условiя заключено не было.

Адмиралтейская Коллегiя, о всемъ ономъ всеподданнѣйше

доноси Его Императорскому Величеству, представляетъ на высочайшее благоусмотрѣніе.

Вице-президентъ Г. Кутузовъ.

Іюня 12-го дня
1798 года.

Архитектора Дебуарелли, бывшаго въ должности сей въ Одессѣ, заслуженнымъ имъ жалованъемъ по день отказа ему отъ должности сей, высочайше повелѣно удовольствовать; въ прочихъ же его претензіяхъ, яко не слѣдующихъ ему, отказать. Павловскъ, Іюня 14 дня 1798 года.

Вице-адмиралъ Г. Кушелевъ [1]).

---

[1]) *Архивъ* Мор. Мин., высоч. повел., книга 66, л. 69.

XXV.

ЧЕРНОМОРСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

644.

Пѣснь

въ воспоминаніе 10-го дня іюля 1783 года, въ который вся область Крымская, безъ брани покоренная, принесла торжественную присягу въ своемъ вѣрноподданничествѣ

Ея Императорскому Величеству

Екатеринѣ Великой.

Сѣдящая на тронѣ славы,
Примѣръ и красота царей,
Какъ Богъ дающая уставы,
Зерцало истины Твоей,
Владычица народовъ славныхъ,
Которымъ нѣтъ на свѣтѣ равныхъ
Въ любви и вѣрности къ Тебѣ!
Какіе Ты въ сей день священной
Пріяла плески отъ вселенной,
Какой вѣнецъ сплела Себѣ!
На Югѣ обращаясь духомъ,
Я вижу весь пространный свѣтъ
Внимающъ напряженнымъ слухомъ
Торжественный въ Крыму обѣтъ.
Я вижу тамъ народъ толпами
Идущій скорыми стопами
На мѣсто скопища Татаръ,
Гдѣ созидалися раздоры,

Совѣты разны, заговоры
И Крыму цѣлому ударъ.
Въ подножіи горы высокой,
Что Бѣлой жители зовутъ,
Лежитъ простертый долъ глубокой
И здѣсь ихъ совершался судъ.
На семъ-то мѣстѣ крымцы нынѣ,
Ставъ подданны Екатеринѣ,
Возвысивъ гласы къ небесамъ,
Ей клятву въ вѣрности вѣщаютъ
И страшно мѣсто превращаютъ
Въ священнѣйшій обѣтовъ храмъ.
«Нѣтъ, сѣнь мнѣ Твоего эгида
«Отъ всѣхъ защитой служитъ бѣдъ».
Скончала рѣчь свою Таврида
И слезы радостно ліетъ.
Стамбулъ въ молчаніи глубокомъ
Все внемлетъ и завистнымъ окомъ
Взираетъ на ея покой...
Но то уже не возвратимо,
Что съ помощью небесъ хранимо
Екатерининой рукой.

645.

Епистола

Его Высокопреподобію
Софроніевой и Григоріевой пустыни
господину отцу
архимандриту

Θеодосію Маслову [1]).

От монашествующихъ одной изъ вышеписанныхъ
пустынь.
1793.

Небесныхъ благостей ниспадшихъ видя росы
Благодари Творца всѣмъ сердцемъ Θеодосій:
Что спасъ среди онъ бурь въ житейскомъ морѣ семъ
Два корабля твои невредные ничѣмъ.
Ужь вихри въ нѣдрахъ волнъ жестокіе возстали
И потопить суда съ пловцами угрожали,
Уже смущался ты о ихъ спасеньи самъ,
Но теплую мольбу простерши къ небесамъ:
Невидимый покровъ тебѣ явился вскорѣ
И свирѣпѣюща затихла буря въ морѣ.

Златый на тверди лучь сквозь тучи проглянулъ
И отъ отчаянныхъ ты мыслей воспрянулъ.
Къ престолу истины отъ Юга путь направилъ
И чрезъ ходатая мольбу свою представилъ

---

[1]) Опредѣленъ настоятелемъ Софроніевой Молчанской, Рождества Богородицы, пустыни въ 1779 году; въ 1787 году возведенъ въ архимандрита; умеръ 9-го декабря 1892 г. (*Строевъ*, 618).

Благочестивѣйшей Монархини къ лицу.
Та, въ правосудіи подобяся Творцу,
Прошеніе твое немедля разсмотрѣла
И утвердить твое спокойство повелѣла.
На основаніи Ея священныхъ правъ
Во мзду заслугъ твоихъ довольство жизни давъ
Тебѣ и братіи отъ Влаховъ [1]) изведенной
И гласомъ устъ Ея въ мѣстахъ сихъ водворенной.

Благоволя о всемъ чего ты ни просилъ
И чѣмъ тебя Ея вождь страшныхъ силъ снабдилъ,
Котораго рукой Таврида покоренна
И вѣчно коего здѣсь память незабвенна.
Такъ и Григорьевску ты пустынь основалъ
И упражненной жизнь Софроніевой далъ.
Ты подвигъ совершилъ и трудный, и великій—
Безмолвныхъ иноковъ тя славословятъ лики,
Споспѣшникомъ тебя чтя общаго добра.
Гряди въ обители свои къ брегамъ Днѣпра.

Какъ солнечныхъ лучей ждетъ радостно природа,
Съ весельемъ тако мы ждемъ твоего прихода.
Приди и разгони насъ нощи крывшей мракъ.
Намъ сладокъ твой глаголъ, пріятенъ кроткій зракъ.
Спѣши къ намъ съ милостьми прещедрыя Царицы
И посѣти твоей здѣсь виноградъ десницы.
Цвѣтущи ждутъ тебя сады, поля, луга
Ингулски, Пселскіе и Сеймски берега.
Красуются твоимъ воздѣланны раченьемъ
И усладятъ твой слухъ различнымъ птицы пѣньемъ.

---

[1]) Θеодосій Масловъ былъ до 1779 года игуменомъ Тисманскаго монастыря въ Валахіи.

Гордяся вышиной Григорьевска гора.
Стоя на берегу шумящаго Днѣпра,
Великолѣпіе святыхъ являетъ зданій
И съ воздѣяніемъ ликъ черноморцевъ длании
Съ благоговѣніемъ взошедъ въ священный храмъ
Вседневно мысленный возносятъ ѳиміамъ,
Моля съ усердіемъ Создателя вселенной
Да вѣкъ твой, вѣкъ для насъ толико драгоцѣнной,
Продлитъ во счастіи до позднѣйшихъ временъ,
Съ тобою и намъ, вѣдь, здѣсь будетъ вѣкъ блаженъ.

Ты наши и тѣла и души насыщаешь
И къ сей и къ будущей насъ жизни устрояешь:
Водимые твоей, наставниче, рукой
Имѣемъ здѣсь и тамъ пріобрѣтемъ покой.

646.

Ода

на день коронаціи
Ея Величества
Екатерины II,
императрицы и самодержицы всероссійской.
1793.

Его Высокопревосходительству
господину вице-адмиралу
Черноморскаго Адмиралтейскаго Правленія
предсѣдательствующему
орденовъ св. Александра и св. Анны кавалеру

Николаю Семеновичу

Мордвинову.

Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Государь!

Если бы въ таинствахъ прозорливыя человѣческія природы хранилося драгоцѣнное сіе сокровище, чтобы благоговѣющія сердца единымъ взоромъ изобличать и грядущее оныхъ расположеніе предузнавать, коль бы пространное поле открылося зиждителямъ нашего благоденствія для точнаго начертанія спасительныхъ умоположеній своихъ, и отъ какихъ бы сомнѣній успѣхъ и довѣренность ихъ разрѣшились!

Не имѣлъ бы тогда и я причины занятыя Ваши мысли безчисленными и важнѣйшими дѣлами обременять таковымъ жертвоприношеніемъ, которому, по существу своему, хотя и

надлежало быть пріятнымъ, но моя неопытность и необдуманная рѣшимость въ оглашеніи онаго, а особливо предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, лишаютъ его желаемой цѣли.

Удостойте, Милостивый Государь, слабый трудъ сей милостиваго принятія, не яко даръ высокоуміе знаменующій, но единую токмо приверженность души благовѣствующій,

Вашему Высокопревосходительству
Милостивому Государю
покорнѣйшаго слуги
Ивана Зарницына.

Восторгъ пророческій плѣняетъ
Сомнѣнья Россовъ полный духъ,
Блаженства умъ не постигаетъ,
Надежды нашъ исполненъ духъ.
Господь злату даетъ годину—
Вѣнчаетъ днесь Екатерину
Россійскихъ странъ возвысить рогъ
Ея святѣйшими устами
Завѣтъ, любовь поставить съ нами
Безсмертной славы ввесть въ чертогъ.

* * *

Уныли вкругъ тебя, Россія,
Вблизи лежащія мѣста,
Щедроты Бога зря такія
Замолкли дерзкія уста,
Что предковъ славою гордились
И силой съ древностью хвалились,
Мечтали прежде о себѣ:
Когда весь свѣтъ на нихъ возстанетъ,
Тогда ихъ слава не увянетъ,
Не токмо уступить тебѣ.

* * *

Сдружались многія державы
Взмутить безцѣнный твой покой,
Но ихъ къ прибытку низкой славы
Ины умолкли предъ тобой.
Недавно съ туркомъ, готъ измѣрилъ,
Что слѣпо славѣ Карловъ вѣрилъ,
Хотѣлъ то дѣломъ испытать.
Одинъ на силу клалъ надежду,
Другой считалъ тя за невѣжду,
Рѣшились двое вдругъ возстать.

* * *

Подвиглись грозныя махины,
Взмутился Западъ и Востокъ,
Текутъ полки Луны и Львины,
Кровавый льется всюду токъ,
Обстали всѣ твои предѣлы,
Срываютъ цвѣтъ хвалы незрѣлый,
Алкаютъ вовсе истребить.
Дивясь ихъ жадности вселенна,
Какъ ты, Россія, днесь стѣсненна,
Не знаетъ какъ о семъ судить.

* * *

Нисходитъ гласъ Екатерины
Съ престола къ вѣрнымъ Ей сынамъ:
«Се, чада, грозной день судьбины—
«Воздайте должное врагамъ».
Сердца всѣхъ местью закипѣли,
Орлы взвилися, полетѣли.
Съ обѣихъ странъ открылся бой.
На равный строй выходятъ строемъ,
Герой сражается съ героемъ,
Летаетъ слава въ тьмѣ съ трубой.

* * *

Не долго врагъ крѣпится въ строѣ
Стенетъ: Куда дѣваться мнѣ?
Оставивъ мѣсто славы въ боѣ,
На волю счастливой странѣ,
Въ свои злодѣй предѣлы мчится,
Въ полкахъ орлиныхъ гласъ твердится:
«Златой породимъ вѣкъ на свѣтъ,
«Круты рога Лунѣ притупимъ,
«На Львины челюсти наступимъ,
«Орлу быстрѣй дадимъ полетъ».

* * *

О, творческихъ щедротъ пучина!
Въ правдивомъ гнѣвѣ Россъ гласитъ:
«Живъ Богъ, жива Екатерина—
«Никто мя въ свѣтѣ не страшитъ».
Мы гордость съ завистью низложимъ.
Предѣлъ владычествамъ положимъ,
Принудимъ вѣчно миръ лобзать,
Гордиться славою забудутъ,
Алкать другихъ хвалы не будутъ
И чести нагло присвоять.

* * *

Забудьте вы прошедше время
Когда такихъ Екатеринъ
Господь умножитъ царско племя,
Подвигнетъ свѣтомъ Россъ одинъ.
Петромъ воскреснула держава,
Екатериной ужъ и слава
По всей вселенной разнеслась.
Не вѣтхость дней хвалы сплетаетъ,
Божественъ разумъ обрѣтаетъ.
Россія къ солнцу вознеслась.

* * *

Скажите намъ земны владыки,
Имѣлъ ли кто столь бодрый духъ?

*

Чьи-бъ были толь труды велики,
Простерть въ полсвѣта цѣлыхъ слухъ?
Невмѣстно силамъ человѣка,
Никто не видывалъ отъ вѣка,
Что Россовъ мать для чадъ творитъ:
Полсвѣтомъ цѣлымъ обладаетъ,
Полсвѣта цѣлыхъ оживляетъ,
Въ полсвѣтѣ цѣломъ слышенъ кликъ:

* * *

«Ужъ слишкомъ тридцать лѣтъ минуло,
«Какъ мы возстали ото сна.
«Ничто насъ больше не тронуло,
«Какъ кротка славныхъ дѣлъ весна.
«Превысивъ полъ свой и породу,
«За благо подданныхъ, свободу
«Презрѣнъ Монархиней покой.
«На сушѣ крѣпкіе оплоты,
«На морѣ страшны свѣту флоты
«Воздвигнуты Ея рукой.

* * *

«Внутри пространныя державы
«Тьмы музамъ зиждетъ алтарей,
«Во храмъ безсмертный вводитъ славы
«Судьбой Ей ввѣренныхъ людей.
«Мы все то зримъ въ Ея чертогѣ
«Чего надѣемся и въ Богѣ
«За благость нашу получить.
«Ея унылымъ долгъ отраду,
«Просящимъ помощи награду
«Съ престола всѣмъ произносить».

* * *

Такіе намъ Господь предѣлы,
Монархиня! послалъ въ Твой вѣкъ.

Потребны лѣта на то цѣлы,
Чтобъ кто концы ихъ всѣхъ обтекъ.
Пять тысячъ верстъ Твоей державы
Прейти надлежитъ для забавы,
Не только краю достигать.
Въ законахъ мудрыя Богини,
Въ побѣдахъ славной Героини,
Чего вамъ Россы пожелать?

*
* *

Преславныхъ свѣта дѣлъ хранитель,
Позволь мнѣ списки всѣ прочесть?
Бывалъ ли въ мірѣ побѣдитель,
Каковъ Екатерина есть?
Словами грады покоряетъ,
Совѣтомъ земли повергаетъ
Къ своимъ священнѣйшимъ стопамъ.
О, вѣтвь отъ корени драгого!
Тебѣ Россія должна много,
Блаженство наше, страхъ врагамъ.

*
* *

Главу Твою уже вѣнчаетъ
Безсмертный лавръ со небеси,
Чье сердце въ радости не таетъ
Среди толь славна чудеси?
Услышавъ Богъ Твою молитву
Безстрашной намъ содѣлалъ битву.
Ктожъ можетъ стать противу насъ?
Мы съ сердцемъ вѣрою зажженнымъ
Молитвой съ лукомъ напряженнымъ
Возстать на свѣтъ готовы въ часъ.

*
* *

Реки намъ только одно слово,
Какъ сильный рой поспѣшныхъ пчелъ,

Заступимъ мѣсто славы ново,
Ктобъ стать на насъ не похотѣлъ.
Къ Тебѣ умъ съ сердцемъ пригвожденны,
Твоей рукою мы спасенны,
Изъ тьмы возникнулъ славы свѣтъ.
Въ Твоемъ спасительномъ законѣ
Не хочетъ ратай быть на тронѣ,
Гласитъ: «блаженства кромѣ нѣтъ».

* * *

Приклонимъ Россы ухо наше
Къ Ея божественнымъ устамъ,
Да славный вѣкъ нашъ пройдетъ краше
Къ досадѣ пущей всѣмъ врагамъ;
Что въ толь опасно, кратко время
Россія свергнувъ тяжко бремя
Не ищетъ больше ничего.
Концы ее дрожатъ Европы,
Трепещутъ Турки, Еѳіопы;
Но миръ любезнѣй намъ всего.

* * *

Блаженна жребіемъ Россія
Воспой Всевышнему хвалу,
Кой быстры далъ крылѣ такія
Двуглавну твоему Орлу.
Конечно, онъ Екатерину
Всѣхъ болѣе любя едину
Послалъ къ тебѣ ихъ съ горныхъ мѣстъ,
Чтобъ свѣтъ дѣламъ твоимъ чудился,
И сколь могущъ познать учился
Того, кто всѣхъ превыше звѣздъ.

647.

На поднесеніе

Ея Императорскому Величеству
Черноморскихъ Штатовъ.

Владычица морей великихъ,
Густыхъ дубравъ, высокихъ горъ,
Земель обильныхъ и пространныхъ,
Народовъ просвѣщенныхъ, дикихъ,
Тебѣ усердіемъ преданныхъ,
Простри благій къ Евксину взоръ!

Оковъ онъ свободясь азійскихъ,
Съ веселымъ шумомъ въ берегахъ,
Ревнуя счастью водъ Балтійскихъ,
Возникнулъ на сѣдыхъ валахъ.
Воззрѣлъ на флотъ, брега и грады,
Которыхъ прежде трепеталъ,
Воззрѣлъ, и вольности отрады
Исполненъ въ волны восплескалъ.
Въ нихъ блескъ Луны восколебался,
Подобно какъ отъ Россіянъ
Во время боя содрогался
Ея родъ чтущихъ Агарянъ.
Чудовищей разнообразныхъ
Толпы ныряли вкругъ его—
Они со дна сокровищъ разныхъ
Тащили горы предъ него.
Одинъ всѣ силы напрягая,
Приросши къ дну каменья рветъ,

Надеждою себя лаская,
Что ихъ еще не видѣлъ свѣтъ;
Другій, рѣзвяся и играя,
Прекраснѣйшій кораллъ несетъ
И къ головѣ припоровляя,
Сиренъ измѣну знать даетъ;
Иный величины чрезмѣрной
Гранитъ поднявши на себя,
Со скоростью неимовѣрной
Спѣшитъ, въ извитый рогъ трубя;
Толпа сиренъ прекрасныхъ ищутъ
Круппѣйшихъ зеренъ у бреговъ;
Тритоны въ слѣдъ за ними рыщутъ,
Неся имъ разныхъ жемчуговъ.
Богиня приметъ, улыбнется
И понесется съ даромъ въ верхъ,
Тритонъ довольнымъ остается,
Въ улыбкѣ заключа успѣхъ.
Природы щедрой всѣ избытки,
Драгихъ каменьевъ, хрусталей,
Сребра и злата тяжки слитки
Влекутъ, столпясь изъ бездны сей.
Какъ будто мнятъ извлечь блестящу
Сокровищами глубину,
И, съ завистью на нихъ смотрящу,
Тмитъ ими гордую Луну.

Не тмитъ Луны надменной взоры
И ими удивить весь свѣтъ,
Драгихъ сокровищъ многи горы
Евксинъ къ стопамъ Твоимъ влечетъ:
Уже Европа удивленна
Твоею мудростью въ дѣлахъ,
Уже Тобою потемнѣнна
Луна трепещетъ въ сихъ валахъ;

Но изъ гранитовъ златостальныхъ,
Струистыхъ мраморныхъ высотъ
Вознесть храмъ до предѣловъ дальнихъ
Тебѣ, владычицѣ сихъ водъ.
Изъ злата слить помостъ широкій
И свѣтлымъ хрусталемъ обнесть;
Вкругъ сребренны столпы высоки
Коралломъ съ жемчугомъ оплесть;
Покровъ изъ раковинъ блестящихъ
Извить дугами по столпамъ;
Рубиновъ, яхонтовъ горящихъ
Насыпать по его краямъ;
И всѣ сокровища безцѣнны,
Досель невидѣнны никѣмъ,
Изъ безднъ глубокихъ извлеченны,
На храмѣ истощити семъ;
Въ немъ вмѣсто алтарей горящихъ
Сердца горятъ Твоихъ сыновъ,
Тебѣ въ даръ жертвы приносящихъ
Свободу, вѣрность и любовь.

«Се храмъ воздвигнутъ, онъ вѣщаетъ,
«Сердца сыновни въ немъ горятъ!
«Почто лучей онъ не вмѣщаетъ,
«Кого они боготворятъ?
«Или скрижалей не имѣетъ,
«Ея написанныхъ рукой,
«Отъ коея Россія спѣетъ
«Блаженство, слава и покой?»

Онъ рекъ и воды побѣлѣли
Въ восколебавшихся волнахъ;
Чудовищей тьмы возревѣли,
Далеко крывшись въ глубинахъ;

Нереиды не слезы ясны
Струили въ скорби по щекамъ,
Глаза ихъ сыпали прекрасны
Жемчужны зерны по брегамъ;
Весь воздухъ стономъ наполнялся,
Гранитный потрясался храмъ;
Въ немъ жертвенный огонь стѣснялся,
Стремя свой пламень къ небесамъ.
Брега, лѣса и горы выли,
Эвксина стонъ правдивый внявъ
И вѣтры всюду разносили
Вину его смятенья въ явь.

Но вдругъ отъ Сѣвера до Юга
Весь озарился горизонтъ;
Извился свѣтлый лучь въ полкруга
И палъ въ Эвксинскій шумный понтъ.
Въ немъ сладкія слова струились
Любови, правды и щедротъ,
И слаще меду всюду лились
Для услажденья горькихъ водъ.
Онъ сими упоясь струями
Надежды вѣрной на Тебя,
Предъ милосердія лучами
Дерзаетъ повергать себя;
Склонивъ хребетъ свой черный долу,
Простря къ Тебѣ покорный взглядъ,
Днесь вержетъ къ Твоему престолу
Носимыхъ имъ Твоихъ силъ штатъ.

Излей источники щедроты
На достояніе Твое,
Содѣлай счастливыми флоты,
Давъ каждому изъ нихъ свое!

Плѣненный благостью Твоею
И отъ Тебя пріявъ уставъ,
Гордиться долею моею
Могу предъ бѣлымъ Балтомъ въявь:
Онъ сильной побѣжденъ рукою,
Но я ее не трепеталъ;
Одной лишь покоренъ Тобою
Эвксинъ Россіи вѣчно сталъ.

Й. Ъ.

648.

Ода

на открытіе штатовъ
въ
Тавридѣ.
1794 г.

Его Высокопревосходительству
господину вице-адмиралу
Черноморскаго Адмиралтейскаго Правленія
предсѣдательствующему.
надъ флотами Чернаго и Азовскаго морей
главнокомандующему
и орденовъ св. Александра Невскаго, св. равноапостольнаго князя
Владиміра 1-й степени и св. Анны
кавалеру

Николаю Семеновичу

Мордвинову

усерднѣйшее приношеніе.

Воспой орфейскою трубою
Таврида въ чувствіи отрадъ!
Се путь пространный предъ тобою
Отверзся въ вѣчный славы градъ!
Во плоти чудный ангелъ Крыма
Завидну участь древня Рима
Спѣшитъ пренесть въ твои концы;
Спѣшитъ правдивый судъ поставить,

Безвѣстну въ мірѣ тя прославить,
Спокойства днесь вія вѣнцы.

* * *

Престань сомнѣньемъ колебаться,
Магметской тьмой покрытый родъ,
Не ложны то пророки зрятся,
Но истинно небесный сводъ
Тебѣ Всевышній преклоняетъ,
Къ безсмертной славѣ призываетъ
Забывъ упорства всѣ твои,
Устами днесь Екатерины
Речетъ: Миръ вамъ, погибши сыны!
Зоветъ въ объятія свои.

* * *

Вотще крымляне вы желали
При слабомъ блескѣ свѣтъ открыть,
Лунѣ моленья возсылали,
Котора можетъ васъ лишить
Въ единый мигъ сего довольства.
Не токмо вамъ снискать спокойства—
Сама она, сама бѣдна:
Коль солнца лучъ не освѣщаетъ,
Она любимцевъ покидаетъ
И быть не хочетъ имъ видна.

* * *

Вы мудрымъ славили Султана,
Онъ выше смертныхъ былъ почтенъ;
Но сколько власть его попрана
Отъ храбрыхъ Сѣвера сыновъ!..
Онъ богъ, онъ мудръ, онъ храбръ въ столицѣ:
Но трусъ и смертный на границѣ—
Чего жъ вы чаяли желать?
Васъ щедро небо вразумило,

И мысли вамъ сіи внушилю,
Чтобъ волѣ русской Крымъ предать.

* * *

Но что за ужасъ умъ священный
Объемля въ сердцѣ огнь родитъ?
Се кроткій, тихій и смиренный
Господень гласъ въ Крыму гремитъ:
«Мои совѣты сокровенны,
«Отъ васъ, о смертны, утаенны,
«Я прежде вѣкъ сего хотѣлъ,
«Чтобъ Крымъ подъ Росскою державой
«Ея украшенъ громкой славой
«Примѣромъ былъ достойныхъ дѣлъ».

* * *

Египта горды пирамиды
Скрывайте свой превышній видъ—
Концы блаженныя Тавриды
Вамъ вѣчный стали нынѣ стыдъ:
Рука васъ бренна созидала,
Тавриду божеска свершала,
Не въ честь героевъ и мужей,
Но мудрость въ ней свою прославить,
Столпы могущества поставить
Не на земли—среди морей

* * *

Придите къ намъ страны далеки
И зрите божески дѣла,
Не брани Россовъ мать жестоки
Въ счастливый нынѣ Крымъ ввела.
Но миръ съ спокойствомъ водворяетъ
И музамъ храмы съоружаетъ,
О копхъ онъ и не слыхалъ:
Въ законахъ ложнаго пророка

Не могъ доднесь узнать порока,
Что въ свѣтѣ свѣта не видалъ.

* * *

Но чьябъ душа не ужаснулась
Европы всей внимая стонъ?
И чьябъ рука не содрогнулась
Въ тотъ самый часъ пиша законъ?
То твердый духъ Екатерины
Для блага вашего, эвксины,
Въ сей день на опытѣ явилъ:
Къ Ней ангелъ съ горныхъ странъ слетая
Желанья Вышняго вѣщая
Спокойство ваше утвердилъ.

* * *

Гласи, о Крымъ! свое блаженство
Тобой гнушавшимся главамъ,
Повѣдай имъ свое равенство,
Что тѣмъ же слѣдуешь правамъ.
Въ тебѣ военной славы къ звукамъ,
Въ тебѣ къ художествамъ, наукамъ
Заперта дверь отворена:
Въ тебѣ та слава совершилась,
Которой въ древности хвалилась
Блаженна Греческа страна...

* * *

Коль выдумкѣ въ Телемахидѣ
Чудиться долженъ всякъ изъ насъ,
Любви сыновнія въ Тавридѣ
Живѣй примѣры во сто разъ:
Не въ царство мертвыхъ въ ней нисходитъ,
На степень отческій восходитъ
Дѣлами крымскій Телемакъ:
Не къ брегу страшна Ахеронта,

Но къ пользѣ водъ Эвксинска Понта
Свой быстрый обращаетъ зракъ.

* * *

Отца услуги Понтъ Балтійскій
Во вѣкъ не можетъ позабыть,
Сыновній жъ образъ житель Крымскій
Желаетъ вѣкъ въ душѣ носить.
О, родъ для общества усердныхъ,
Чета Мордвиновыхъ почтенныхъ!
Чтожъ можемъ мы тебѣ воздать?
По Белту гласъ хвалы несется,
Въ Крыму стократно раздается
Твоихъ сыновъ велика мать!..

* * *

Возможныхъ смертна силъ Колоссомъ
Хвалился въ древности Родосъ;
Но сей-ли могъ сравняться съ Россомъ,
Что выше царствъ главу вознесъ?
Онъ славы тѣнь была едина,
Какою насъ Екатерина
Вѣнчаетъ въ свой преславный вѣкъ:
Державы многи ужъ слилися,
Вѣнцы на Сѣверъ пренеслися
Превышей всѣхъ изъ человѣкъ.

* * *

Наступитъ то златое время,
Въ которо всѣ отвергнутъ страхъ.
Весь свѣтъ одно составитъ племя,
Умолкнетъ страшно слово врагъ.
На Нордѣ Августы родились,
И судъ и милость воцарились,
Подъ Нордомъ славы громъ гремитъ,
Отъ Норда свѣтъ во свѣтъ изыдетъ

И Нордъ надъ свѣтомъ власть воспрiметъ
И падшихъ славу оживитъ.

* * *

Пускай вечернiй край мутится,
Пускай въ крови потонетъ Югъ,
Россiйско солнце не затмится;
Счастливыхъ дней начертанъ кругъ
Превыше тучь земна раздора
Среди безплотныхъ силъ собора
Богини мудрыя рукой:
Свершая путь въ орбитѣ славы
Въ зенитъ ужъ нашей Фебъ державы
Вступаетъ спѣшною ногой.

* * *

Примѣры смертныхъ совершенства
Коперникъ, Кеплеръ и Невтонъ!
Какой изъ нашего блаженства
Системѣ дали вы законъ?
Не инной, какъ противный чину
И солнцу стать планетъ въ средину
Такихъ бы правилъ не нашли:
Не мы, оно вкругъ насъ катится,
Такъ можетъ-ли когда затмиться?
Мы злостный путь давно прошли.

* * *

Чтожъ вы вины смертельныхъ громовъ!
Доколь вамъ въ ярости кипѣть?
Иль вамъ безвѣстна казнь Содомовъ?
Въ единый можетъ мигъ сотрѣть
И васъ невидима десница.
Блаженна Сѣвера царица
Отъ сердца днесь желаетъ вамъ,
Чтобъ брань съ концовъ земныхъ низвергли

Къ мольбамъ Всевышняго прибѣгли,
Да вкупѣ внидемъ славы въ храмъ.

* * *

О Боже, Богъ боговъ и міра!
Предвѣчной мудростью своей
Устрой да росская порфира
Избыткомъ блещетъ славныхъ дней.
Приникни съ высоты святыя
На дни крымлянъ твоихъ златыя,
Вдохни святую благодать
Тобой прославленну Эвксину
Божественну Екатерину
Въ душѣ яснѣй начертавать.

649.

Стихи

на спускъ корабля [1]),
построеннаго въ 1794 году,
спущеннаго 4 ноября
въ Херсонѣ.

Военна зодчества всесовершенно зданье
Ты, Катасанова искусства вѣрный знакъ;
Сойди на влагу днесь, простри на Понтъ свой зракъ,
И Россамъ средь зыбей будь твердо упованье.

Любители наукъ преславна Альбіона!
Придите созерцать сей громоносный домъ,
Художества красу, сразмѣрность видя въ томъ,
Признайте знаніе его архитектона.

Когда сей Громометъ вздымался возрастая,
Казалось видѣть въ немъ Перуна грозна храмъ;
Онъ будетъ средь морей владыкою водамъ,
И въ трепетъ приведетъ противныхъ ужасая.

Спустись на Борисѳенъ гора сооруженна,
И не страшася бурь простри къ Эвксину слѣдъ:
Побѣдоносный флотъ тебя съ восторгомъ ждетъ,
И будетъ мощь его тобою подкрѣпленна.

С. П. Лобысевичъ.

---

[1]) „Св. Петръ", первый изъ четырехъ кораблей, построенныхъ въ Херсонѣ А. С. Катасановымъ, и возбудившій неудовольствіе вице-адмирала Ушакова (см. выше, № 620).

650.

Ода

на
взятіе Варшавы
побѣдоноснымъ воинствомъ
Великія Екатерины,
сочиненная Петромъ Лобысевичемъ
въ Херсонѣ.
20 ноября 1794 года.

Летитъ въ вѣнцѣ лавровомъ Слава
И звонкою гремитъ трубой:
«Попранъ мятежъ! Уже Варшава
«Лежитъ подъ Росскою пятой.
«Екатерина повелѣла!
«На дерзкихъ буря возгремѣла,
«Смутился полнъ сомнѣнья ковъ.
«Румянцевъ рекъ! Ступилъ Суворовъ!
«И туча вредныхъ заговоровъ
«Низверглась въ преисподній ровъ».

Европа бѣдствами стѣснена,
Исполнена смертельныхъ ранъ,
Мечемъ неистовства пронзенна,
Среди своихъ цвѣтущихъ странъ;
Тріумфовъ Росскихъ слыша звоны,
Эфирный видитъ сводъ преклонный,
Къ своимъ несчастливымъ судьбамъ;
Слезящи вѣжды отирая,
Дрожащи длани простирая,
Мольбы возноситъ къ небесамъ.

Какъ ратай средь полей томимый,
Въ часы губительныхъ жаровъ,
Зря плодъ трудовъ своихъ палимый,
Лишенъ Церериныхъ даровъ;
Внезапно тучи омраченны
Метаютъ громы разъяренны!
Но онъ съ весельемъ слышитъ ихъ:
Надеждой мысли услаждая,
Дожди изъ бури грозной чая,
Обилій ждетъ изъ нѣдръ земныхъ.

Такъ Россій громъ, когда раздался,
Европѣ въ сердце радость влилъ,
Въ лицѣ ея восторгъ являлся,
Въ ней страхъ надеждѣ уступилъ.
Тогда стенанья прерывая,
Уста смущенны отверзая,
Въ отраду участи своей
Гласитъ: «Дерзай Екатерина!
«Ты мнѣ защитница едина!
«Спаси мя мышцею Твоей!

«Внемли какъ гласъ отъ странъ вечерних
«Смертельно поражаетъ духъ:
«То стонъ народовъ угнетенныхъ,
«То воплей ихъ доходитъ слухъ!
«Коварство лестью упояя,
«Права священны попирая,
«На Сейнѣ умышляетъ власть,
«Неслыханны злодѣйства творитъ,
«Странамъ сосѣднимъ страхъ наводитъ —
«Пошли свой мечь сверши ихъ часть!

«Тебѣ, царица несравненна!
«Довлѣютъ славныя дѣла.

«Тебя судьбина непремѣнна
«Къ безсмертію преднарекла.
«Пророцы, да посрамится буйство,
«Погибнетъ вредно суемудрство,
«Престанетъ грудь мою терзать,
«Воскреснетъ истина священна,
«Приспѣетъ тишина любезна
«И снидетъ свыше благодать».

Какъ солнца всходъ предвозвѣщая
Денница лучезарна въ свѣтъ,
Врата златыя отверзая,
Покровъ румяный свой простреть;
Вдругъ нощь, сіяньемъ пораженна,
Спѣшитъ на западъ устрашенна,
Скрывая мраки въ океанъ:
Подобно злобное коварство,
Бѣжитъ Эреба въ темно царство
Отъ свѣта полунощныхъ странъ.

Се славы верхъ твоей Россія!
Се часъ величія приспѣлъ,
Се зримъ отъ высоты святыя
Судебъ начертанный предѣлъ!..
Гдѣ прежде мудрость обитала,
Тамъ ложь державу воспріяла,
И губитъ лестію своей.
Кто-жъ право истины заступитъ?
Кто жало гидры злой притупитъ?
Кто совершитъ погибель ей?

Московскій всадникъ облеченный!
Крылами сѣверна орла,
Къ защитѣ правды ополченный
Паритъ на истребленье зла.

Отъ брони молніей сверкая!
Громовы стрѣлы въ долъ бросая!
Разитъ творя перунный трескъ!
Едва онъ мечь блестящій двинулъ,
Въ тотъ часъ злодѣйствіе низринулъ,
И истинѣ далъ свѣтлый блескъ.

Напрасно кровожадны длани,
Вражда, дерзаешь возносить,
Напрасно возжигая брани,
Ты льстишься Россовъ славу тлить!
Минерва ими управляя,
О благѣ общемъ помышляя,
Эгидомъ сонмъ твой потребитъ,
Сраженный онымъ Марсъ смутится,
Беллона съ поля удалится
И Миръ на землю ускоритъ.

Страшитесь Галлы дерзновенны!
Васъ гибельный постигнетъ часъ,
Умы растлѣньемъ омраченны!
Внемлите истины сей гласъ:
Богъ буйство смертныхъ презираетъ,
Терпя въ путь правый обращаетъ
Доколь не растворится гнѣвъ...
Отъ Вислы Россы къ Рейну грянутъ!
Трофеи ваши вдругъ увянутъ
И вамъ разверзетъ Адъ свой зѣвъ.

Когда во гнѣвѣ Богъ правдивомъ
Изъ громовъ слово изречетъ,
Истлѣетъ злыхъ гордыня съ дымомъ
Небесный огнь ее сожжетъ...

Пошлетъ Екатерина флоты!
Твердыни ваши и оплоты
Отъ бѣдства васъ не сохранятъ:
Погибнетъ бунта мудрость злая,
И Россы, вѣрностью пылая,
Мятежъ въ Европѣ истребятъ.

651.

Ода

Его Высокопревосходительству черноморскаго флота господину вице-адмиралу и кавалеру

Николаю Семеновичу

Мордвинову

августа въ 30-й день 1796 года поднесенная.

Не громъ кроваваго я бою,
Не страшныхъ жерлъ свирѣпый ревъ
Мою гласити лиру строю,
Но шумной брани звукъ презрѣвъ,
Ко звону тиху, какъ Зефиру,
Мою склоняю кротку лиру.
О Муза! гласъ мой возвыси—
Пою величіе души!

Пою чѣмъ смертныхъ родъ красится,
Что больше славитъ въ свѣтѣ семъ,
На чемъ героевъ память длится
И истинная слава въ чемъ,
Чью память время не снѣдаетъ,
Потомство съ нѣжностью лобзаетъ.
Снискуютъ вѣчны чѣмъ вѣнцы,
О комъ гремятъ не льстя пѣвцы.

Когда въ круженьи вихрей буря
Свирѣпо въ воздухѣ реветъ,
Темнитъ веселый видъ лазури,
Ломаетъ кедры, скалы рветъ,
Багрововидна туча рдится,
Кипящій пламень въ низъ стремится
И тяжкій низвергаясь градъ
Наноситъ земнороднымъ гладъ.

Земля во ужасѣ трясется,
Падутъ со трескомъ древеса,
Природа вся тогда мятется
И мнится стонутъ небеса!
Орелъ надъ юными птенцами
Трепещетъ мощными крылами
И самъ неустрашимый левъ
Бѣжитъ въ пещеру, сжавъ свой зѣвъ.

Умолкнетъ-ли битва природы
И тучи въ бездну убѣгутъ,
Свирѣпства зѣльной непогоды
Ужасный ревъ свой перервутъ—
То миръ вселенной возвратится,
Спокойство паки воцарится
И солнца возсіяетъ свѣтъ,
Природа снова оживетъ.

Подобно бури смертныхъ брани,
Что въ лютости изрыгнувъ Адъ,
Обагривъ кроткія ихъ длани,
Отцовъ лишаетъ нѣжныхъ чадъ;
Тогда волчцы бременятъ ниву
И подавляетъ тернъ оливы.
Тутъ ратай повергаетъ плугъ,
Отъ стадъ своихъ бѣжитъ пастухъ.

Но миръ-ли паки возвратится,
Кичливый усмиренъ сосѣдъ,
Обилье прежне возвратится
И бѣдствія изгладитъ слѣдъ:
Народныхъ золъ туманъ разсѣетъ,
Пріятна тишина возвѣетъ
И, холмы прогоняя тучъ,
Веселія прольется лучъ.

За толь прославленъ отъ потомковъ
Въ дѣлахъ Филипповъ храбрый сынъ,
Что царствъ попранныхъ изъ обломковъ
Воздвигнутъ былъ инакій чинъ?
За толь, что въ кроволитьи строгомъ,
Почтенъ отъ смертныхъ полубогомъ?
За толь, что гибельный сей громъ
Низвергъ побѣдоносцевъ домъ?

Вселенной рушитель покоя,
Содѣтель бѣдственныя мглы,
Достоинъ-ли вѣнцевъ героя?
Достоинъ-ли такой хвалы?
Но что зло благомъ умягчая
И язвы скорбны исцѣляя,
Онъ слабымъ силы возраждалъ,
Науки щедростью питалъ.

Божественно жъ благодѣянье
За дщерь небесъ онъ почиталъ,
Щедротой облегчалъ стенанье,
Съ печальны слезы проливалъ.
И съ симъ то слава его вѣчна,
Не вспыха искра скоротечна,
Что съ дымомъ гибнетъ въ одинъ мигъ —
То честь мучителей одних.

Но сколь сей быстрый побѣдитель
Въ дѣлахъ не зрится быть великъ;
Не можетъ бѣдствій злыхъ зиждитель
Во свѣтлый стать героевъ ликъ.
Сѣдѣвшій на россійскомъ тронѣ,
Свѣтлѣе въ бранной оборонѣ,
Храня отечества покой—
Таковъ былъ невскій нашъ герой!

Влекомъ былъ къ поддапнымъ любовью
И благочестіемъ горя,
Трудами жертвовалъ и кровью,
Свое спокойствіе презря.
То силы поражалъ вечерни,
То нравовъ истреблялъ онъ терни,
И чтобъ Россій отогнать бѣды
Разсудкомъ усмирялъ орды.

Коль брань враждебна воспалится
И буря злобы возстаетъ,
Какъ громъ противу устремится,
Какъ вихрь кичливость разорветъ.
Простеръ-ли падшій врагъ длань къ миру,
Подобно тихому зефиру,
Умолкнетъ и даетъ союзъ—
Такой герой достоинъ музъ.

И такъ не мечь и брани злыя
Достойны вѣчныя хвалы,
Но съ мужествомъ дѣла благія,
По долгу славятъ на земли:
Они героевъ прославляютъ,
Они согбенныхъ облегчаютъ,
Они прискорбныхъ веселятъ,
Они питаютъ и живятъ.

Великая Екатерина,
Какъ истинна Россіи мать,
Блаженства нашего причина
И всѣхъ незыблемыхъ отрадъ,
Уставъ сей вящше наблюдаетъ:
Она кичѣнье низвергаетъ
И благость матерню ліетъ,
И купно лютость злобы жжетъ.

Печась о внутреннемъ устройствѣ,
И благо общее храня,
Въ божественномъ Ея геройствѣ
Премудрость мечь, любовь броня.
Коль вздыметъ бровь сосѣдъ кичливый,
Ея разсудокъ прозорливый
Разрушитъ бѣдственный совѣтъ,
Ему же обратя во вредъ.

Какъ искръ кипящихъ перунами
Мятется нечестивыхъ родъ,
Трясетъ громъ гордыхъ горъ хребтами,
Пособствуя землѣ дать плодъ.
Такъ громъ Россійской Героини,
Премудрыя Екатерины,
На зависть вергнутый съ судомъ
Россію оснабдилъ плодомъ.

Но судъ хотя Она возводитъ
Противу черныхъ злобы тучъ,
Однако въ благости нисходитъ,
Какъ солнечный сквозь облакъ лучъ:
Врага согбеннаго прощаетъ,
Десницей мирной возставляетъ;
Щадя народовъ лити кровь,
Пріемлетъ въ прежній сонмъ друговъ.

Межъ тѣмъ подъ звукомъ сильной брани,
Блаженство общее растетъ:
Хотя дымъ вѣютъ бурны длани—
Въ Руси сіяетъ полный свѣтъ.
Ея въ избраньи прозорливость,
Ея въ наградахъ справедливость
Мужей, что окружаютъ тронъ
И для враждебныхъ оборонъ.

Отмѣнны знаками почтила,
И ревностны вѣнчавъ дѣла,
Высоки саны украсила
И въ сонмы рыцарски ввела.
Ты сонма Невскихъ исполиновъ,
О благодѣтельный *Мордвиновъ!*
Коль свѣтло правотой цвѣтешь,
Толь рвительно Ей въ слѣдъ течешь.

И въ благости Ей подражая,
Питаешь къ отчеству любовь;
Ты зависть мрачну презирая,
Гордливо не возводишь бровь,
Но какъ бы кедръ горы высокой,
Безстрашно смотритъ въ долъ глубокой,
И трескъ громовъ, и вѣтровъ вой
Онъ видитъ ниже, подъ собой.

Главою скромно помаваетъ
На вѣтви сонмы птицъ зоветъ;
Покоитъ всѣхъ, пріосѣняетъ
И щедро плодъ свой въ снѣдь даетъ.
Поднявъ чело свое высоко,
Срѣтаетъ первый неба око,
И какъ бы нѣкій исполинъ,
Владыкой видится стремнинъ.

Или орелъ подъ облаками,
Крылѣ широко распростря,
Паритъ спокойно надъ горами,
И смѣло смотрится въ моря.
Хоть Этны въ злобѣ зѣвъ скрежещетъ,
И зипувъ пастью пламень мещетъ,
Хоть вспыхнуть связи новыхъ горъ—
Его не помрачится взоръ.

Подобно ты возвышаясь духомъ
Являешь сердца лѣпоту:
Стоишь, недвижимъ шумнымъ слухомъ,
И презираешь клевету.
Что ѣдка злоба изрыгаетъ,
То все во прахѣ попираетъ
Твоя великая душа,
Шипѣнье зависти глуша.

Твой щитъ—Россійское свѣтило,
Твой мечь—достойныя дѣла;
Тебя симъ небо украсило,
Доброта чести въ храмъ ввела.
Ты рыцарь сонма днесь избранныхъ,
Гряди, гряди въ сонмъ первозванныхъ,
Который въ храмъ тебя свой ждетъ,
Въ который истина зоветъ.

Да бури клеветы уймутся,
Гряди и въ ономъ твердо стань!
Да зубы зависти сотрутся,
На злость великодушьемъ грянь!
Ожесточеніе растаетъ,
И добродѣтель возблистаетъ,
Невинность вздвигнетъ знамена
На всѣ грядущи времена.

652.

Ода

на случай плачевной вѣсти о кончинѣ
вѣчной славы достойныя императрицы

Екатерины Алексѣевны Великой

и на всерадостное и благословенное восшествіе на престолъ
императора

Павла Петровича Перваго.

Сочинена въ Николаевѣ, Черноморскаго кадетскаго корпуса
капитаномъ Петромъ Лобысевичемъ.
1796 года.

Покрыла мгла Олимпъ Россійскій,
Облегъ туманъ его чело;
Священные верьхи Идійски
Внезапнымъ вихремъ потрясло.
Рифей колеблемый трепещетъ,
Скала Кавказская скрежещетъ,
Долъ двигнулся отъ труса горъ,
Ѳебъ скрылся съ Океана бездны,
И, заревомъ обливъ сводъ звѣздный,
Смущаетъ земнородныхъ взоръ.

* * *

Предзнаки ужаса внимая,
Безстрашный Россъ вострепеталъ!
Петрополь, скорби желчь вкушая,
Въ уныніи изнемогалъ.

Белтъ двигнулъ волны огорченны,
Взревѣлъ брегъ влагой угнетенный,
Струя Невы рыданій стонъ
Разноситъ по зыбямъ унылымъ.
Тимпаны голосомъ тоскливымъ
Плачевный отражаютъ звонъ.

* * *

И се изъ пропасти Эреба
На землю мрачна нощь взошла,
Огни багряновидна неба
Завѣсой черной повлекла.
Едва сквозь тьму свѣтила блещутъ
И тусклый лучъ ко долу мещутъ,
Мерцаетъ блѣдная Луна.
Млечный путь сталъ путемъ печали,
Стихіи въ прѣ изнемогали.
Повсюду смерть—и тишина.

* * *

Гроза внезапная природу
Въ ея твердыняхъ сотрясла,
Но злѣйшу Росскому народу
Судьбыня рану въ грудь дала.
Не брань, не мятежей свирѣпства
Расторгли узы благоденства:
Богъ съ нами, тишина и миръ...
Но нѣтъ, увы! Екатерины...
Свершились вѣчности судьбины—
Душа ея паритъ въ Ефиръ!

* * *

Уста отверзтые коснѣютъ
Болѣзненный глаголъ вѣщать,
Охладши члены цепенѣютъ,
Вздохъ вздоху путь спѣшитъ препять...

Но вѣсть плачевна разнеслася,
Слеза горяча пролилася,
Рыданіе пронзаетъ слухъ;
Не кроетъ сонъ вѣждъ тяготою,
Объятыхъ скорбью, темкотою;
Унылъ сыновъ Россіи духъ.

* * *

Сѣнь смертна въ Нордѣ—и денницы
Явился образъ свѣтлъ, румянъ;
Ея сіяющи зѣницы
Женутъ унынье Россіянъ.
А ткани ризъ ея червляты,
Надежды сыплютъ ароматы,
Въ усладу сѣвернымъ странамъ.
Она дверь Встока отверзая,
Царя свѣтилъ входъ возвѣщая,
День красный обѣщаетъ намъ.

* * *

И вдругъ съ лучами Свѣтовида,
Съ небесъ отрады пролились;
Блеститъ питавша Бога Ида,
Въ Олимпѣ громы раздались.
Рифей безтрепетный сіяетъ,
Кавказъ умильный взоръ кидаетъ,
И Белтъ весельемъ восплеснулъ.
Нева въ струи ея сладчайши
Восторгъ вмѣщаетъ величайшій;
Петрополь радостно взглянулъ.

* * *

Грянь муза въ громогласну лиру
Блаженство Россовъ воспѣвай,
Бряцай, провозглашая міру,
Что обновленъ въ Россіи рай,

Что по часѣ ся печали
Дни радостны опять настали:
Какъ вышняго царя любовь,
Намъ грозды блага созрѣваетъ,
Какъ Павелъ Первый украшаетъ
Днесь велелѣпный тронъ Петровъ!

* * *

Лишь огненныя стрѣлы Ѳеба
Разгнали мрака смертну тѣнь,
Лишь озарились своды неба—
Насталъ блаженства свѣтлый день!
Тотчасъ низшла съ небесъ надежда,
Осякла слезоточна вѣжда,
Согрѣлась охладѣвша кровь.
Печаль отрадѣ уступаетъ,
Усердіе въ душахъ пылаетъ,
Пылаетъ вѣрность и любовь!

* * *

Тогда державствовать рожденный,
Взойти на хвальную степень,
Въ порфиру Павелъ облеченный,
Течетъ Сіона Росска въ сѣнь:
Доблественную спѣя славу,
Пріемлетъ отческу державу,
Въ свою скипетроносну длань.
Восторгновенная Россія,
Благословя судьбы благія,
Сердца ему приноситъ въ дань!

* * *

Сердца чадъ Росскихъ!—о, Природа!
Найдутсяль въ лонѣ нѣдръ твоихъ,
Въ соборѣ дивъ различна рода,
Дары краснѣй безцѣнныхъ сихъ?

Краснѣй они сокровищъ міра,
Честнѣе злата и порфира
Усердье подданныхъ къ царямъ!
Но и того еще свѣтлѣя,
Когда Монархъ, во славѣ спѣя,
Благоговѣетъ къ небесамъ.

* * *

Того богатства красотою
Процвѣлъ издревле Россійі тронъ;
Монархи наши добротою
Превознеслись храня законъ.
Отъ корня добраго прозябшій,
Судьбы владычества досягшій,
И Павелъ къ истиннѣ разженъ;
Разженъ чистѣйшей вѣрой къ Богу,
Блюдетъ онъ добродѣтель строгу,
Отъ нѣжныхъ юности временъ.

* * *

Сего отцемъ намъ Царь Небесный
Въ завѣтѣ вѣчномъ предъизбралъ.
Сего! да осушитъ токъ слезный,
По тратѣ Матери намъ далъ.
Сей обновитъ тѣ тверды правы,
Что человѣчества уставы
Взрастили древле на земли.
Сей истребитъ порочность злую,
И славу ту намъ дастъ прямую,
Котора не причастна тли.

* * *

Петръ Первый Росскому народу
Открыть къ той славѣ путь успѣлъ,
Петръ Третій даровалъ свободу,
Екатериной Россъ процвѣлъ.

Днесь Павелъ небесемъ хранимый,
Минервой отъ пеленъ водимый,
На всходахъ предковъ просіялъ...
Ликуй Россія восхищенна!
Услышь, услышь, мой гласъ вселенна!
Великій Петръ въ потомкѣ всталъ!

* * *

Восталъ! Да истреблять коварство,
Да изженетъ отъ трона лесть,
Да расширитъ въ странѣ богатство,
Любовь къ отечеству и честь:
Да узритъ съ высоты престола,
Въ обширностяхъ пространна дола
Прямыхъ отечества сыновъ,
Мужей отличныхъ правотою,
Геройствомъ, нравовъ чистотою,
Да пріиметъ въ царственный покровъ.

* * *

И се изящныя доброты,
Рѣка обильная течетъ,
Въ завѣтъ душевныя щедроты,
Со трона Павелъ къ намъ зоветъ:
«Царя превѣчнаго уставы,
«Отечества священны правы,
«Даютъ мнѣ надъ Россіей власть.
«Пріемлю ту съ благоговѣньемъ,
«Мнѣ будетъ первымъ услажденьемъ,
«Усовершить подвластныхъ часть.

* * *

«Итти по симъ стезямъ священнымъ
«Мой духъ желаніемъ горитъ,
«Награду въ вѣрности усерднымъ
«Отеческій долгъ дать велитъ.

«Но буйность поразить упорну,
«Пороки, роскошь ядотворну,
«Повелѣваетъ царскій санъ.
«Теките сиры, угнетенны,
«Мнѣ ваши слезы драгоцѣнны,
«Я вамъ въ защиту небомъ данъ.

* * *

«На брани воспалить кровавы,
«Пріемлю я державный мечъ,
«Но соблюсти народа правы
«И зло при корени посѣчь.
«Уставы правды лобызаю,
«Горѣ молитвы возсылаю
«Да внемлетъ славы царь мой гласъ.
«Да осѣнитъ мя свыше свѣтомъ,
«Мой домъ любовію, совѣтомъ,
«И благомъ да покрыетъ васъ!..»

* * *

Возвысь чело, хребетъ Рифейскій,
И гордо окрестъ возгляни;
Взыграйте воды Енисейски,
Шумяща Волга восплесни;
Края обширны протекая,
Стремитесь въ бездны возвѣщая
Россіи ново торжество;
Что вышній къ вѣрнымъ по любови,
Петра Великаго отъ крови
На тронъ послалъ намъ божество!

* * *

Се Богъ благословилъ начало
Прехвальныхъ Павловыхъ временъ,
Се ново счастіе настало
Для славныхъ Россовыхъ племенъ.

Минерва въ градахъ водворится,
Церера въ полѣ воцарится,
Ѳемида сядетъ при судахъ.
Преобразятся степи въ нивы
И мирны возростутъ оливы
При тихихъ Бугскихъ берегахъ.

*
* *

Но если, врагъ нашъ горделивый,
Дерзнешь вознесть сотертый рогъ—
Познай, что Павелъ терпѣливый
Сколь милостивъ, толико строгъ!
Самъ повелитель надъ водами
Эвксинъ воспѣнитъ кораблями,
Орлы въ кругъ лунный воспарятъ,
Что Александры, Константины,
Рожденны Павломъ исполины,
Аѳины падпіи обновятъ.

*
* *

О Боже силъ всесовершенный!
Пошли небесный намъ Зефиръ,
Да въ дни сіи благословенны
Афетъ познаетъ сладкій миръ
И цѣну истинна геройства.
Пошли дни радости, спокойства,
Услышь моленій Росса гласъ:
Да Павелъ Первый и Марія
Ведутъ дни жизни ихъ златые,
Владѣя Россомъ вѣчный часъ.

653.

Надгробная Струговщикову.

Пресѣкла смерть его полезныя дѣла,
Но славы дѣлъ его похитить не могла.
Струговщикова дѣлъ [1]) Россія не забудетъ
Доколѣ поражать враговъ въ Эвксинѣ будетъ,
И имъ въ устроенныхъ къ ихъ гибели громахъ
Твердить его труды на сушѣ и водахъ.

Й. б.

---

[1]) Въ 1792 году секундъ-маіоръ Асонъ Струговщиковъ былъ пожалованъ крестомъ св. Владиміра „за сооруженіе въ Херсонѣ на собственномъ своемъ иждивеніи литейнаго завода, устроеннаго съ отличнымъ искусствомъ и послужившаго въ военное время къ великой пользѣ черноморскихъ флотовъ“ (см. выше, №№ 231 и 409).

654.

Къ кораблю, источенному червями [1]).

Ума и тщанья плодъ, великая громада,
Изображенiе водой носима града,
Или подобiе средь яростныхъ валовъ
Природою всегда гонимыхъ острововъ!
Гдѣ быстрыя твои и гордыя вѣтрила?
Гдѣ ребра твердыя? Какая страшна сила
Могла всей крѣпости на вѣкъ тебя лишить
И тщанье хитрости въ ничто преобратить?
Или громами Марсъ ужасный
Могъ раны дать тебѣ опасны?
Или Сатурнъ тлетворною косою
Къ тебѣ касался сто вѣковъ?
Или всемощной острогою
Владѣтель яростныхъ валовъ
Тебя лѣтъ много поражалъ,
Когда ты бременемъ его отягощалъ?

Не злость стихiй, не Марсъ свирѣпый,
Не яростный Нептунъ разрушилъ тверды склепы—
Червь малый! Здѣсь смирись надменный человѣкъ:
Для зданья былъ сего потребенъ цѣлый вѣкъ,
Весь трудъ твой, хитрость вся,—и слабое созданье,
Презрѣнное тобой, столь скоро рушитъ зданье.

---

1) См. выше, № 217.

Червь малый въ скважинахъ тончайшихъ излился
И ядъ его во всю громаду разлился,
Разрушилъ внутренность. Погибъ весь трудъ и тщанье,
Лишь наше гордое не гибнетъ съ нимъ мечтанье.

Конецъ второго тома.

СПИСОКЪ ИЗДАНІЙ,

упоминаемыхъ во второмъ томѣ.

Архивъ Г. С.—Архивъ Государственнаго Совѣта. 8 т. Спб., 1869.

Берхъ, В. Жизнеописаніе первыхъ россійскихъ адмираловъ или опытъ исторіи россійскаго флота. 4 т. Спб., 1831.

Büsching, A. Magazin für die neue Historie und Geographie. 22 Bde. Hamburg, 1767.

Вахтинъ, В. Объяснительный морской словарь. Спб., 1894.

Веселаго, Ѳ. Исторія русскаго флота. Спб., 1893.

Елагинъ, С. Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова. Спб., 1868.

Кушелевъ, Г. Военный Мореплаватель или собраніе разныхъ на войнѣ употребляемыхъ судовъ съ показаніемъ какимъ образомъ военные флоты долженствуютъ быть устрояемы для сраженія, также для атаки непріятельскихъ или защищенія своихъ портовъ. Съ французскаго языка перевелъ Григорій Кушелевъ. Спб., 1788.

Матеріалы—Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Изданіе военно-ученаго комитета Главнаго Штаба. 8 т. Спб., 1891.

Матеріалы мор.—Матеріалы для исторіи русскаго флота, Ѳ. Веселаго. 15 т. Спб., 1865.

Mémoires—Mémoires de l'impératrice Catherine II, écrits par elle-même. Londres, 1859.

Мордвинова, Н. Воспоминанія объ адмиралѣ графѣ Н. С. Мордвиновѣ и о семействѣ его. Спб., 1873.

Руммель, В. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. 2 т. Спб., 1886.

Сборникъ—Сборникъ русскаго историческаго общества. 108 т. Спб., 1867.

Словарь—Новый полный географическій словарь исторіи Россійской въ царствованіе императрицы Екатерины Великія. 8 т. Спб., 1788.

Словарь Академіи—Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Академіею Наукъ. 4 т. Спб., 1867.

Списокъ—Общій морской списокъ. Ѳ. Веселаго. 6 т. Спб., 1885.

Строевъ, П. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви. Спб., 1877.

Усовъ, С. Воспоминаніе о графѣ Н. С. Мордвиновѣ. Спб., 1845.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.